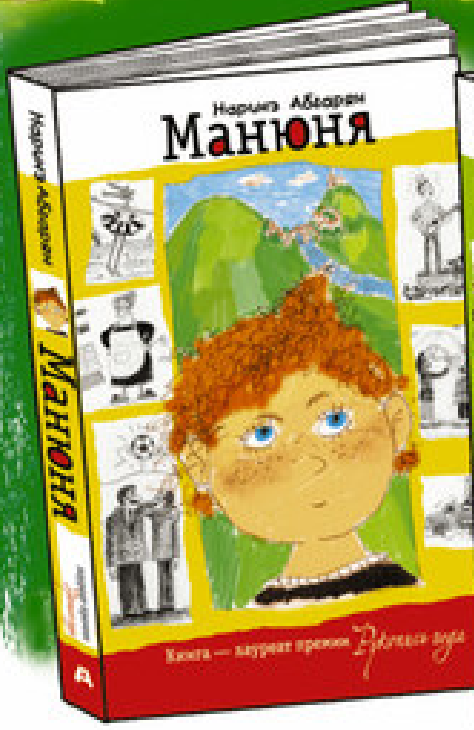

Наринэ
Абгарян

ВСЯ
ТРИЛОГИЯ
В ОДНОМ
ТОМЕ!

Всё о Манюне

Annotation

У меня была заветная мечта – увидеть себя маленькой.

Например, пятилетней. Щекастой, карапузой, с выгоревшими на южном солнце волосами цвета соломы. Я любила разговаривать с гусеницами. Задавала им вопросы и терпеливо ждала ответов. Гусеницы сворачивались калачиком или уползали прочь. Молчали.

Мне хотелось увидеть себя десятилетней. Смешной, угловатой, робкой. С длинными тонкими косичками по плечам. Папа купил проигрыватель, и мы дни напролет слушали сказки. Ставили виниловую пластинку на подставку, нажимали на специальную кнопку; затаив дыхание, аккуратным движением опускали мембрану. И слушали, слушали, слушали.

Мне так хотелось увидеть себя маленькой, что я однажды взяла и написала книгу о моем детстве. О моей семье и наших друзьях. О родных и близких. О городе, где я родилась. О людях, которые там живут.

«Манюня» – то светлое, что я храню в своем сердце. То прекрасное, которым я с радостью поделилась с вами.

У меня была заветная мечта – увидеть себя маленькой.

Получается, что моя мечта сбылась.

Теперь я точно знаю – мечты сбываются.

Обязательно сбываются.

Нужно просто очень этого хотеть.

-
- [Наринэ Абгарян](#)
 -
 -
 - [Книга первая. Манюня](#)
 -
 - [Вместо вступления](#)
 - [Глава 1. Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль](#)
 - [Глава 2. Манюня, или Тумбаны бабы Розы](#)
 - [Глава 3. Манюня, или Все хорошо, прекрасная маркиза](#)

- [Глава 4. Манюня, или Баба Роза демонстрирует чудеса гуманизма](#)
- [Глава 5. Манюня, или Как мы сначала искали панамы, а потом Ба спасала сына](#)
- [Глава 6. Манюня – снайпер, или Мамам-папам девочек посвящается](#)
 - [Пролог](#)
 - [Завязка](#)
 - [Кульминация](#)
 - [Развязка](#)
 - [Эпилог](#)
- [Глава 7. Манюня и ромалэ, или Ба сказала «господибожетымой»](#)
- [Глава 8. Манюня, или Что делает большая любовь с маленькими девочками](#)
- [Глава 9. Манюня влюбилась, день второй, или Щедрые дары волхвов](#)
- [Глава 10. Манюня влюбилась, день последний, или Здравствуй, грусть](#)
- [Глава 11. Манюня разочаровывается в любви, или Одинокая песнь электрика](#)
- [Глава 12. Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена](#)
- [Глава 13. Манюня фонтанирует идеями, или Как Ба устроила нам незабываемую премьеру «господибожетымой»](#)
- [Глава 14. Манюня, или Как с большой для себя пользой съездить в Тбилиси](#)
- [Глава 15. Манюня и двойные стандарты красоты, или Как можно разжалобить Ба](#)
- [Глава 16. Манюня едет в Ереван, или Как можно оставить без штанов лучшего отоларинголога республики](#)
- [Глава 17. Манюня и индийское кино](#)
- [Глава 18. Ба вышла на тропу войны, или Что означает выражение «Николаи боз»](#)

- [Глава 19. Манюня ест курицу, или Как можно заставить чертыхаться Бога](#)
- [Глава 20. Манюня учится быть настоящей женщиной, или Как дядя Миша с папой вино из погреба доставали](#)
- [Глава 21. Манюня и тушеные овощи, или Как мсье Карапет нас к красоте приучал](#)
- [Глава 22. Манюня чистит помидоры, или Как папа дядю Игоря от депрессии лечил](#)
- [Глава 23. Манюня читает польский журнал мод, или Откуда у дяди Миши растут руки](#)
- [Глава 24. Манюня узнает, откуда берутся дети, или Как Ба чуть не сделала сиротиночкой Ритку из тридцать пятой](#)
- [Глава 25. Манюня собирается в Адлер, или Как нужно правильно замесить тесто, чтобы потом вызывать сантехника](#)
- [Глава 26. Манюня едет в Адлер, часть вторая из трех, или Салют над курортным городом](#)
- [Глава 27. Манюня едет в Адлер, часть третья из трех, или Как Ба кокетничала с внуком Гольданской](#)
- [Книга вторая. Манюня пишет фантастичЫскЫй роман](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1. Манюня – отчаянная девочка, или Как Ба сыну подарок на день рождения искала](#)
 - [Глава 2. Манюня любопытствует, что такое «д. н. э.», или Дядимишина большая любовь](#)
 - [Глава 3. Манюня идет на премьеру «Отелло», или Как мы однажды чуть не попали в телевизор](#)
 - [Глава 4. Манюня – композитор, или Сказ о том, как Мария Михайловна с Наринэ Юрьевной поцапаться изволили](#)
 - [Глава 5. Манюня лепит из меня снеговика, или Ба снова сказала «господибожетымой»](#)
 - [Глава 6. Манюня пишет письмо Деду Морозу, или Как Каринка целый день была примерной девочкой](#)

- [Глава 7. Манюня записывается в кружок танцев «Солнышко», или Праздничный концерт на сцене ДК](#)
- [Глава 8. Манюня празднует Восьмое марта, или Как сделать женский праздник незабываемым](#)
- [Глава 9. Манюня узнает все о наших корнях, или Как Каринка с розеткой экспериментировала](#)
- [Глава 10. Манюня пишет фантастический роман, или Папа – Ян Амос Коменский](#)
- [Глава 11. Манюня наводит марафет, или Диалоги Кафки](#)
- [Глава 12. Манюня подглядывает за Ингиной тетей, или Как мы собирались в пионерлагерь «Колагир»](#)
- [Глава 13. Манюня приезжает в пионерлагерь «Колагир», или Сюзанна, товарищ Маргарита и другие](#)
- [Глава 14. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или О бедном вожатом замолвите слово](#)
- [Глава 15. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Не вынесла душа поэтов](#)
- [Глава 16. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Новые реалии тети Лины](#)
- [Глава 17. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Родительский день – счастья полные штаны](#)
- [Глава 18. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или «Зарница»](#)
- [Глава 19. Манюня наконец вернулась домой, или Кушайте свежие фрукты и овощи, друзья мои!](#)
- [Глава 20. Манюня перебирает гречку, или Как Ба разочаровалась в своем кумире](#)
- [Глава 21. Манюня, или История одной записки](#)
- [Глава 22. Манюня, или Проводы «Электроники»](#)
- [Глава 23. Манюня и пурдикулез, или Житие кривого Бэреле](#)
- [Глава 24. Манюня собирает авелук](#)
- [Книга третья. Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1. Манюня – магистр наук, или Как банальный прострел может спасти от наказания](#)

- [Глава 2. Манюня выступает на отчетном концерте, или Оригинальный способ лечения боязни высоты](#)
- [Глава 3. Манюня, народные ремесла и прочие хлопотные дела](#)
- [Глава 4. Манюня, ЧП районного масштаба и другие лихорадочные приготовления к юбилею Ба](#)
- [Глава 5. Манюня, или Банный день и прочие треволнения](#)
- [Глава 6. Ба справляет юбилей, или Визит Фаи, которая Жмайлик](#)
- [Глава 7. Манюня празднует Первомай](#)
- [Глава 8. Манюня мастерит кормушку](#)
- [Глава 9. Манюня, коктейль «глиасе», помпоны и прочие девчачьи дела](#)
- [Глава 10. Манюня готовится к встрече с московской незнакомкой, или Погоны нашей Каринки](#)
- [Глава 11. Манюня спешит на выручку, или Подарок для тети Киры](#)
- [Глава 12. Манюня, или Как дядя Миша романтичные маршруты по болотам прокладывал](#)
- [Глава 13. Манюня едет на пикник, или Дед Амбо, бабушка Сара и прочая взрывоопасная родословная](#)
- [Глава 14. Манюня выходит на променады по крышам, или Крысотерапия бабушки Забел](#)
- [Глава 15. Манюня едет в Кировабад](#)
- [Глава 16. Прощай, Кировабад, прощай](#)
- [Глава 17. Манюня празднует Новый год, или Счастье Человечка Домового](#)
- [Послесловие от автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

Наринэ Абгарян

Всё о Манюне

В книге и на обложке использованы иллюстрации Елены Станиковой

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

© Наринэ Абгарян, 2012

© Елена Станикова, иллюстрации, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Маме и папе – с чувством бесконечной любви и благодарности

Книга первая. Манюня

Вместо вступления

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шebutной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов река бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Словно холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел... [1] «Анииии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Анииии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»

Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую наружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится белая безымянная речка? А потом, не обращая внимания на табличку с грозной надписью: «Охраняется государством», – лазить по крепости в поисках потаенных проходов и несметных богатств?

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цлику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоевателей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка.

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набеги кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, выросший потом вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского – крепость.

Народ в этом городке весьма и весьма специфический. Более упрямых или даже остервенело упертых людей никто в мире не

видывал. Из-за своего упрямства жители городка заслуженно носят прозвище «упертых ишаков». Если вы думаете, что это их как-то задевает, то очень ошибаетесь. На улицах часто можно услышать диалог следующего содержания:

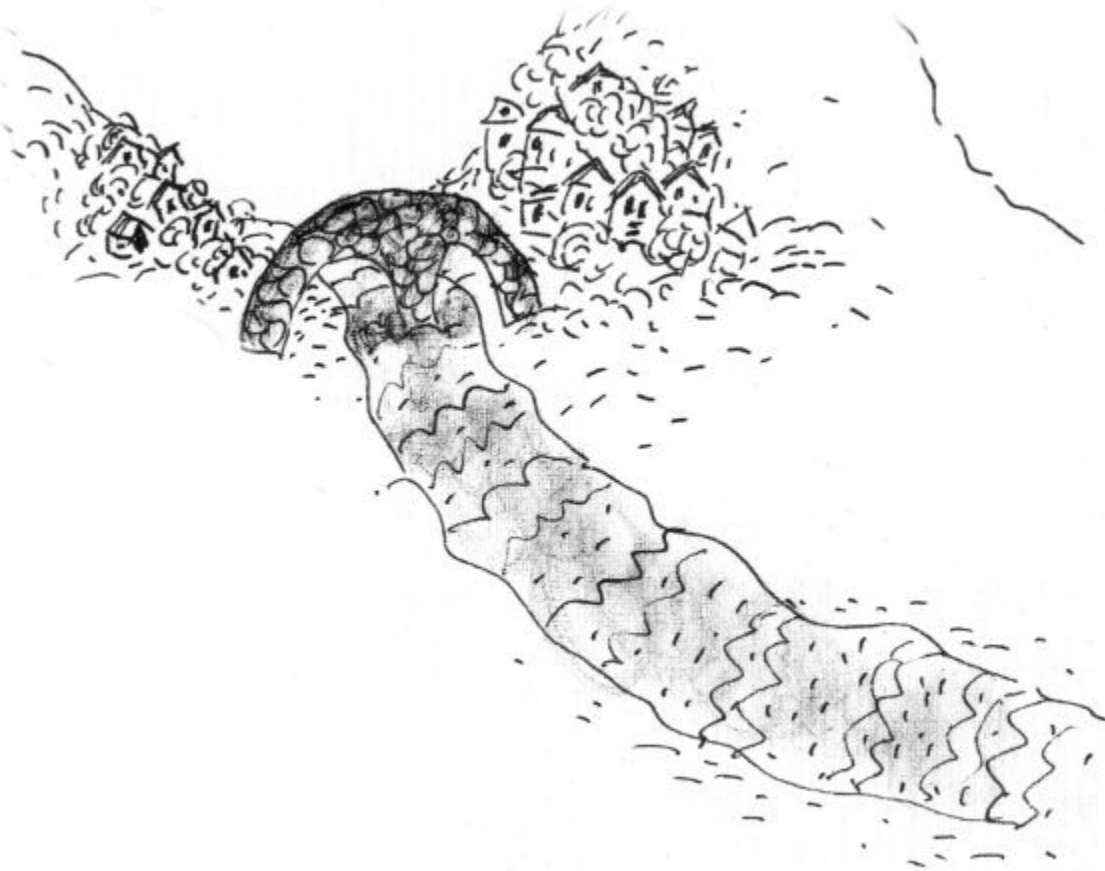
– Ну чего ты добиваешься, я же бердский ишак! Меня убедить очень сложно.

– Ну и что? Я тоже, между прочим, самый настоящий бердский ишак. И это еще вопрос, кто кому сейчас уступит!

А чтобы не быть голословной, приведу пример знаменитого упрямства бердцев.

Летом в Армении празднуют Вардавар – очень радостный и светлый, уходящий корнями в далекое языческое доисторье, праздник. В этот день все от мала до велика поливают друг друга водой. С утра и до позднего вечера, из какой угодно тары. Единственное, что от вас требуется, – хорошенечко намылиться, открыть входную дверь своей квартиры и встать в проеме. Можете не сомневаться: за порогом вас поджидает толпа промокших до нитки людей, которые с диким криком и хохотом выльют на вас тонну воды. Вот таким нехитрым способом можно помыться. Шучу.

На самом деле, если вас на улице незнакомые люди окатили водой, обижаться ни в коем разе нельзя – считается, что вода в этот день обладает целительной силой.

Так вот. Апостольская Церковь попыталась как-то систематизировать народные праздники и, пустившись во все тяжкие, утвердила за Вардаваром строго фиксированный день. Совершенно не принимая в расчет упертость жителей нашего городка.

А стоило бы. Потому что теперь мы имеем следующую ситуацию: по всей республике Вардавар празднуют по указке Церкви, а в Берде – по старинке, в последнее воскресенье июля. И я вас уверяю, издай Католикос специальный указ именно для жителей нашего городка, ничего путного из этого не вышло бы. Пусть Его Святейшество даже не пытается, так ему и передайте. С нашими людьми можно договориться только тогда, когда они этого хотят.

То есть никогда.

Теперь, собственно, о главных героях нашего повествования.

Жили-были в городке Берд две семьи – Абгарян и Шац.

Семья Абгарян могла похвастаться замечательным и несгибаемым как скала папой Юрой, самоотверженной и прекрасной мамой Надей и

четырьмя разнокалиберными и разновозрастными дочерьми – Наринэ, Каринэ, Гаянэ и Сона. Потом в этой счастливой семье родился долгожданный сын Айк, но случилось это спустя несколько лет после описываемых событий. Поэтому в повествовании фигурируют только четыре девочки. Папа Юра работал врачом, мама преподавала в школе русский язык и литературу.

Семья Шац могла похвастаться Ба.

Конечно, кроме Ба, семья Шац включала в себя еще двух человек: дядю Мишу – сына Ба, и Манюню, Дядимишину дочку и, соответственно, внучку Ба. Но похвастаться семья, в первую очередь, могла Ба. И лишь потом – всеми остальными не менее прекрасными членами. Дядя Миша работал инженером, Ба – мамой, бабушкой и домохозяйкой. Долгое время герои нашего повествования практически не общались, потому что даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды случилась история, которая сблизила их раз и навсегда.

Это был 1979 год. На носу 34-я годовщина Победы. Намечалось очередное мероприятие в городском доме культуры с чествованием ветеранов войны. На хор бердской музыкальной школы была возложена ответственная миссия – исполнить «Бухенвальдский набат» Соболева и Мурадели.

Хор отчаянно репетировал, срывая голос до хрипоты. Замечательный хормейстер Серго Михайлович бесконечно страдал, подгоняя басы, которые с досадным постоянством на полтакта зависали во вступлении. Серго Михайлович заламывал руки и причитал, что с таким исполнением «Бухенвальдского набата» они

опозорятся на весь город и в наказание хор расформируют к чертям собачьим. Хористы почему-то расстраивались.

Настал день икс.

И знаете, что я вам скажу? Все бы обошлось, если бы не длинная двухступенчатая скамья, на которую во время коротенького антракта лихорадочно водрузили второй и третий ряды хористов. Все складывалось образцово – песня полилась ровно и прочувствованно, басы вступили неожиданно вовремя, Серго Михайлович, дирижируя, метался по сцене такими зигзагами, словно его преследовала злая оса. Хористы равномерно покрывались мурашками от торжественности момента. Зал, по первости заинтригованный хаотичными передвижениями хормейстера, проникся патетическим набатом и притих.

Ничто, ничто не предвещало беды.

Но вдруг. На словах. «Интернациональные колонны с нами говорят». Хор услышал. У себя. За спиной. Странный треск. Первый ряд хористов обернуться не посмел, но по вытянувшемуся лицу хормейстера понял, что сзади происходит что-то ужасное.

Первый ряд дрогнул, но пения стоически не прервал, и на фразе: «Слышите громовые раскаты? Это не гроза не ураган», – скамейка под вторым и третьим рядами с грохотом развалилась, и ребята посыпались вниз.

Потом ветераны удивлялись, как это они, будучи людьми достаточно преклонного возраста, гремя орденами и медалями, перемахнули одним прыжком через высокий борт сцены и стали разгребать кучу-малу из детей.

Хористы были в отчаянии – все понимали, что выступление провалено. Было обидно и тошно, и дети, отряхивая одежду, молча уходили за сцену. Одна из девочек, тощая и высокая Наринэ, сцепив зубы, тщетно пыталась выползти из-под полненькой и почему-то мокрой Марии, которая тихой мышкой лежала на ней.

– Ты хоть подвинься, – прошипела она.

– Не могу, – прорыдала Мария, – я описалась!

Здесь мы делаем глубокий вдох и крепко задумываемся. Ибо для того, чтобы между двумя девочками зародилась лютая дружба на всю оставшуюся жизнь, иногда просто нужно, чтобы одна описала другую.

Вот таким весьма оригинальным образом и подружились Наринэ с Манюней. А потом подружились их семьи.

«Манюня» – это повествование о советском отдаленном от всяких столиц городке и его жителях. О том, как, невзирая на чудовищный дефицит и всевозможные ограничения, люди умудрялись жить и радоваться жизни.

«Манюня» – это книга для взрослых детей. Для тех, кто и в тринадцать, и в шестьдесят верит в хорошее и смотрит в будущее с улыбкой.

«Манюня» – мое признание в бесконечной любви родным, близким и городу, где мне посчастливилось родиться и вырасти.

Приятного вам чтения, друзья мои.

И да, кому интересно: наш хор таки не расформировали. Нам вручили грамоту за профессиональное исполнение «Бухенвальдского набата» и премировали поездкой на молочный комбинат.

Лучше бы расформировали, честное слово.

Глава 1. Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если Ба не выводить из себя – она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вызвериться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским

лепетом по сравнению с тем, что умела устроить Ба! Легче было наместе в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозинового разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня – по классу скрипки, я – фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в

иную, если позволите такое выражение – остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случилось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр – он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой – знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

– Понимаешь, – потупилась она виновато, – у меня Ба.

– Кто? – переспросила я.

– Ну Ба, баба Роза.

– И что? – Мне было непонятно, к чему Маня клонит. – У меня тоже бабушки – Тата и Настя.

– Так у тебя бабушки, а у меня Ба, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

– Да какая же я тебе незнакомая? – развела я руками. – Мы уже целую вечность дружим, аж, – я посчитала в уме, – восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

– Давай так, – предложила она, – я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

– Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

– Понимаешь, – Маня смотрела на меня виновато, – Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи: «Наринэ, я тебя приглышаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Если можеш, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорицалась лучиками желтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэтому небо зеленое, но это ничево. Конец». Я прослезилась.

* * *

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скудной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть. Вот приблизительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье – нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

– Поставишь пятно – выпорю, – ласково предупредила мама, – твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый – ярко-голубой, с одиноким красавцем-ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и невероятной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

– Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому как ненормальная, –

мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. – Платье береги!!! – Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

– Хорошооооо!

* * *

Маня в нетерпении переминалась возле калитки своего дома. Издали заприметив меня, она побежала навстречу.

– Какая ты сегодня красивая, – выдохнула она.

– Для твоей бабушки старалась, – пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

– Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба, – она погладила меня по плечу, – ты только во всем соглашайся с ней и не ковыряйся в носу.

– Хорошо, – каркнула я – в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» – лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

– Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки, – пояснила Манюня, – а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Ор стоит! – Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнул входную дверь и шепнула:

– Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом – пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким.

Мы шли по длинному, узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком,

вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку – потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

– Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

– Не пойду, – горячо зашептала я, – возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

– Ты чего? – Маня вцепилась мне в руку. – Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

– Нет, – я отступила к входной двери, схватилась за ручку, – я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама заждалась!

– Нарка, ты соображаешь, что творишь? – Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. – Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

– Не знаю, что хочешь, то и говори, – перевес сил был явно в мою пользу, еще минута – и я бы вырвалась из дома.

– Что это вы тут затеяли? – Внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздила нас к полу.

– Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, – Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, – стесняется тебя, вот ненормальная!

– А ну-ка, марш обе на кухню! – скомандовал трубный глас.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абажуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

– Сейчас будем знакомиться, – голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих больших очков. У нее оказались светлые карие глаза и седые вьющиеся волосы, которые она стянула в

пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке – кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

– Скажи, Нарка – ПРЕЛЕСТЬ? – спросила.

– Вы все прелестные, только когда спите, – отрезала Ба и обратилась ко мне: – Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

– Здрассьти, – пискнула я.

– Здравствуй, коль не шутишь, – Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

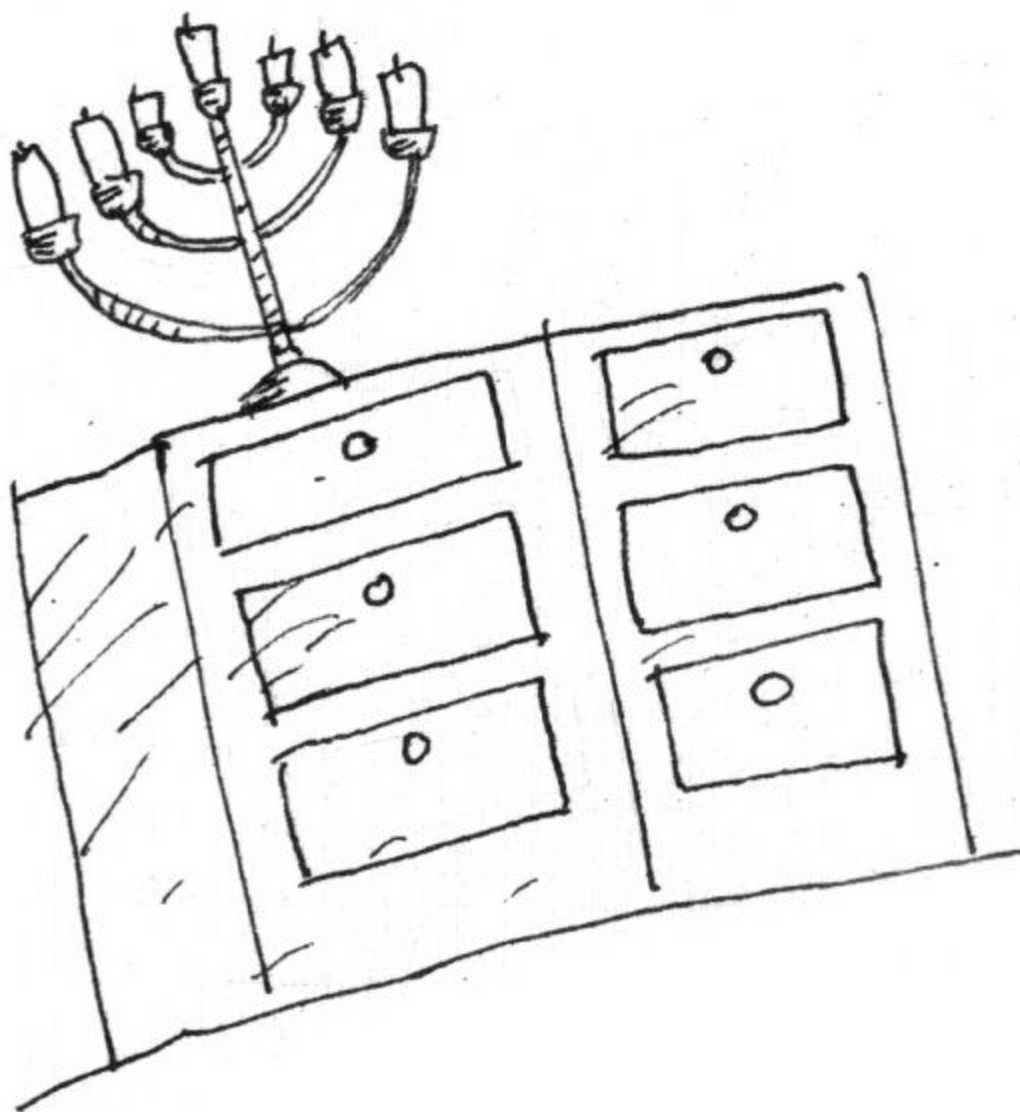
Я чуть не лишилась чувств – Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Ба, ну я же тебе говорила, – встряла Маня.

– Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, – одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

– Наринэ, – пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: – Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напоминал агонизирующий хрип.

– Долго репетировала речь? – спросила она меня сквозь свой апокалипсический смех.

– Долго! – призналась я виновато.

– А что это у тебя в руках?

– Пакет, это подарок вам!

– Ты мне в подарок пакет принесла? – прищурилась Ба. – Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

– Там еще конфеты и наш семейный альбом, – я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

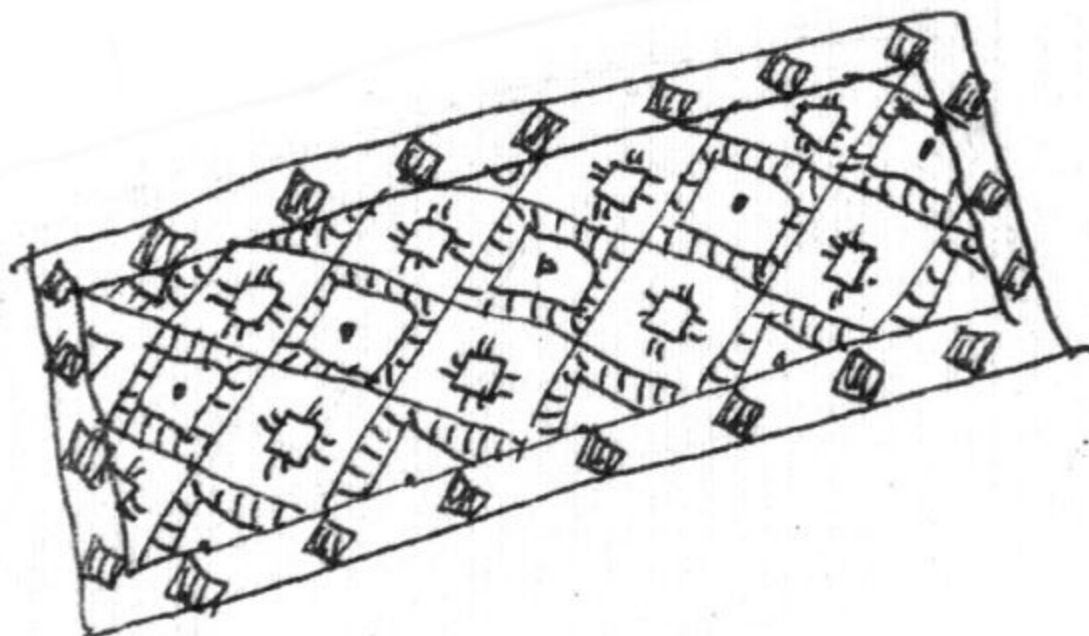
– Спасибо, – Ба заглянула в пакет, – ооооо, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

– Ты чего такая худющая? – Она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение. – Ну-ка повертись!

Я повертелась.

– Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боится – люди скажут, что меня дома голодом морят, – пожаловалась я.

Ба расхохоталась, да так, что стало ясно – палач, сидевший в ее животе, взялся за новую жертву. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама учила нас держать спину

правильно, – задрала плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила – теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:

– Грудь моряка, жопа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

– Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье – мама потом по головке не погладит, верно?

Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошлась по кухне – фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

– Сойдет, – благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание – иначе ненароком выдохнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусочек и подержать его во рту – печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня: а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

– Как ее по отчеству? – спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заметались по лицу, я густо покраснела.

– Не знаю, – пискнула.

– Ты не знаешь, как твоего деда зовут? – глянула поверх очков на меня Ба.

– Аааааааа! – Я моментально вспомнила, что означает злополучное слово. – Андреевна она, Надежда Андреевна.

– Чудо в перьях! – хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпучили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом – мама, наверное, на том конце провода выронила от неожиданности трубку.

– Ну, до свиданья, Надя, – закончила Ба разговор, – в гости придем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

– А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ, – сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Горе луковое», – сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

Глава 2. Манюня, или Тумбаны бабы Розы

– У меня, кажется, завелись вошки, – задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

– Откуда ты это взяла? – На всякий случай я отодвинулась от Мани на безопасное расстояние.

– Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах, – Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец, – какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

– Что же нам делать? – Манюня была обескуражена. – Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

– А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! – предложила я.

– Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? – спросила Маня.

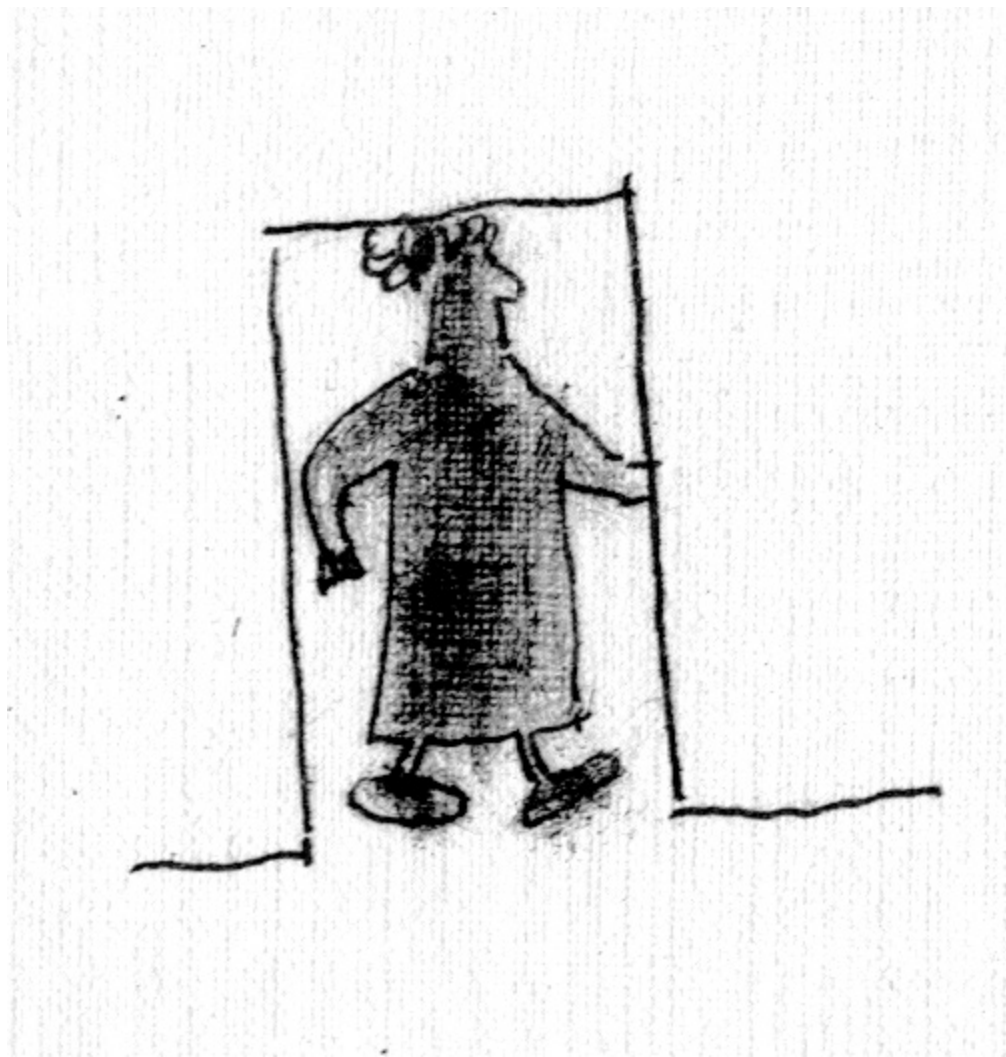
– Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки заблестели глаза, видно было, что идея ей пришлась по душе.

– Давай, – согласилась она, – только, чур, ни слова Ба, а то она запретит нам залезать в ванну.

– Клянусь всем, что у меня есть, – я не знала в годы моей глубокой молодости клятвы страшнее!

– Да? – засомневалась Маня. – А что с тобой будет, если ты не сдержишь своего слова? Тебя за это посадят в тюрьму и отберут все, что у тебя есть?

Я растерялась. Интересно, какая участь ожидает людей, нарушивших клятву? Воображение рисовало усеянные червями склизкие стены тюрьмы и мучительную, но заслуженную смерть в пытках. Мы какое-то время озадаченно помолчали. Манька убрала шашки обратно на полку.

– Не будем клясться, – решительно сказала она, – давай так: кто проболтается бабушке, тот говнюк!

– Давай, – с облегчением согласилась я. Перспектива быть говнюком пугала куда меньше, чем мучительная смерть в тюрьме.

Мы тихонечко выползли из комнаты подруги. Маня жила в доме весьма своеобразной планировки – чтобы попасть в ванную, нужно было спуститься на первый этаж и через большой холл, мимо кухни и

гостиной, пройти по длинному коридору со скрипучим деревянным полом к совмещенному санузлу.

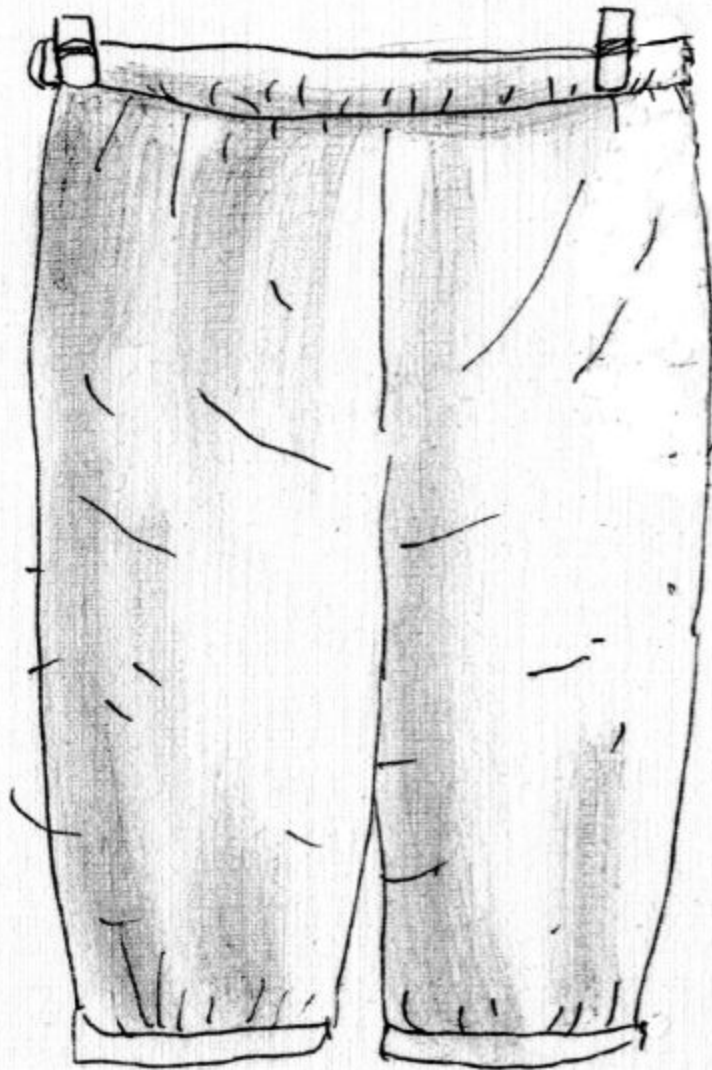
Манина бабушка Роза стряпала на кухне. Мы бесшумно, по стеночке, крались мимо. Пахло мясом, овощами и жареными грецкими орехами.

– Во шуршит! – прошептала мне Маня.

– Чего шуршит? – не поняла я.

– Ну, папа ей сегодня сказал: мам, ты там пошурши на кухне, вечером к нам Павел зайдет. Вишь, как шуршит, – над Маниным лбом кривеньким ирокезом развевалась непокорная челка, – она обещала еще пахлаву к вечеру нашуршать, чувствуешь, как орехами пахнет?

Я принялась. Пахло так вкусно, что рот у меня мигом наполнился слюной. В животе громко заурчало, но я усилием воли придушила предательский звук в зародыше.

Мы тихонечко пробрались по коридору к ванной комнате и тщательно заперли дверь на засов. «Как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф», – захихикала Манька. Первое, что в ванной бросалось в глаза, – это внушительного размера, на широкой резинке, панталоны, именуемые в народе тумбанами. Они висели напротив газовой колонки и на вид были совершенно устрашающие.

– Бабушкины? – спросила я.

– Ну не мои же, – фыркнула Манюня.

Для того чтобы наполнить ванну теплой водой, нужно было включить газовую колонку.

Правда, здесь была одна загвоздка – прикасаться к спичкам нам строго-настрого запрещалось. Мы понимали всю преступность нашего замысла, поэтому старались действовать как можно быстрее и бесшумнее.

– Давай я чиркну спичкой и поднесу ее к газовому рожку, а ты открутишь вентиль, – предложила я.

– Давай, – согласилась Манька и тут же открутила вентиль.

– Я же сказала: подожди, пока я поднесу зажженную спичку, – упрекнула я ее.

– Ты чиркай быстрее, вместо того чтобы ушами хлопать, – рассердилась Манюня и вырвала из моих рук спичечный коробок. – Дай я сама, а то ничего не умеешь сделать по-человечески.

Она переломала штук пять спичек, пока наконец ей не удалось зажечь очередную и поднести ее к колонке. В тот же миг раздался небольшой, но достаточно сильный взрыв, из колонки вырвался длинный сноп огня, обшарил стену напротив, погулял какое-то время по потолку и, не найдя ничего более достойного внимания, вцепился в тумбаны бабы Розы. Видимо, панталоны успели хорошо просохнуть или были из стопроцентной синтетики, потому что задымились вмиг.

– Аааааа, – заорали мы и стали колотиться в дверь ванной.

– Бааааа, – кричала Манюня, – это не мы, оно само взорвалось!

– Бабаааа Розааааа, – орала я, – ваши тумбаныыыыы горяяяяяят!!!

Ба уже стояла по ту сторону двери.

– Ты откроешь мне дверь, Мария, или позвонить папе? – выкрикнула она с плохо скрываемым беспокойством в голосе.

Волшебное словосочетание «позвонить папе» возымело на нас моментальное отрезвляющее действие, мы сразу вспомнили, как отпирается дверь. Ба ворвалась в ванную ураганом. Было достаточно дымно, но она моментально сориентировалась – закрутила вентиль, смахнула полуистлевшие тумбаны в раковину и пустила воду.

Мы попытались скрыться под шумок.

– Кудааааааааа?! – крикнула Ба и схватила нас за шиворот. – Набедокурили и давай улепетывать? Кому было говорено не прикасаться к спичкам? Кому? – Она переводила взгляд с меня на Маню и обратно. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы с

Манькой взвизгнули и попробовали вырваться, но куда там! Ба держала нас так, словно наши шивороты прибили гвоздями к ее рукам.

– Ба, – стала канючить Манюня, – мы хотели вывести вошек!

– Вошек?! – Баба Роза собрала наши шивороты в одну руку и пошарила другой за спиной. – Я сейчас покажу вам, как надо вошек выводить! – Она огрела нас чем-то вонючим и мокрым. – Вы сейчас у меня попляшете со своими вошками!

Я сообразила, что это останки Бабырозиных тумбанов. Они отяжелели от воды и достаточно больно били по нашим спинам, поэтому мы сутулились и повизгивали. Ба вытолкала нас в коридор.

– Стойте здесь и не двигайтесь, двинетесь – будет хуже, – прошипела она и принялась наводить порядок в ванной. – Только что все вымыла, – причитала она, – и вот, на тебе, отвернулась на миг, а они уже устроили разгром! Вы люди или кто, – выкрикнула она, повернувшись к нам, – я таки спрашиваю вас – вы люди или кто???

Седые волосы Ба выбились из пучка и торчали в разные стороны, надо лбом развевался непокорный, как у Маньки, ирокез. Она глядела на нас потемневшими глазами и гневно ходила лицом.

– Таки я вас еще раз спрашиваю, вы люди или кто?! – не дождавшись ответа, выкрикнула она еще раз.

Мы жалобно взвизгнули.

– Баааа, ну чего ты спрашиваешь, ты что, не видишь, что мы девочки? – проскулила Манюня.

– Де-воч-ки, – передразнила баба Роза, – а ну-ка, марш сюда, надо умыться!

Она поволокла нас к раковине, пустила ледяную воду и плеснула ею нам в лицо.

– Аааааа, – взмолилась Манюня, – ты хоть теплую воду включииии!

– Я вам дам теплую воду! – Баба Роза усердно намылила по очереди наши лица вонючим хозяйственным мылом. – Я вам дам со спичками играть! – Она смыла пену тонной ледяной воды, от которой душа тоненько тренькнула и ушла в пятки. – Я вам дам не слушаться взрослых! – Она остервенело протерла наши лица вусмерть крахмаленным вафельным полотенцем. Я глянула в зеркало – оттуда на нас смотрели две взъерошенные краснощекие девчонки с мученическим выражением на лицах.

Ба переполняло справедливое негодование.

– Откуда?! Откуда вы взяли, что у вас вошки? – принялась она выпытывать у нас.

– У нас таинственное шевеление в волосах, – хором выдали мы наш страшный секрет, – мы решили набрать полную ванну теплой воды и нырнуть в нее с головой на час, чтобы вошки задохнулись!

Ба изменилась в лице.

– Какой кошмар, – запричитала она, – то есть вошки бы утопли, а вы – нет?!!!

Мы с Манюней ошеломленно переглянулись. Что и мы под водой можем задохнуться, нам в голову не пришло.

Баба Роза поволокла нас на кухню.

– Сейчас вы у меня покушаете тушеных овощей, – безапелляционно заявила она, – и не надо кривить рот. Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола! Понятно? А потом, когда просохнут волосы, я посмотрю, что это за таинственное шевеление в ваших пустых головах!

Она наложила каждой по большой тарелке тушеных овощей и нависла над нами грозовой тучей.

– А мясо? – пискнула Маня.

– А мясом я нормальных людей кормлю, – отрезала Ба.

Мы вяло жевали ненавистные овощи. Овощи не глотались. Мы морщились и тихонечко выплевывали их обратно в тарелку. Манька демонстративно вздыхала и громко ковырялась вилкой. Ба делала вид, что ничего не слышит.

– Ба, – Маня намотала на палец прядь своих каштановых волос и подняла глаза к потолку, – а если бы мы поклялись, а потом не сдержали своего слова, что бы тогда с нами случилось?

– У вас бы вытекли кишки, – в сердцах бросила через плечо баба Роза. Она стояла к нам спиной и месила тесто, лопатки яростно ходили под ее цветастым платьем, – у вас бы вытекли кишки и всю жизнь мотались между ногами!

Мы притихли.

– Хорошо, что мы просто говнюки, – шепнула я Мане с облегчением.

– Ага, – выдохнула она, – если бы у нас между ногами всю жизнь мотались кишки, было бы хуже!

Глава 3. Манюня, или Все хорошо, прекрасная маркиза

– Будем брить наголо. – Баба Роза глядела, как каменный истукан с острова Пасхи.

С Ба было трудно спорить. Ба была непреклонна, как гранитная скала. Когда оказалось, что мы с Маней благополучно обовшивели, она мигом забрала меня к себе, чтобы я не наградила вошками сестер.

– Не волнуйтесь, – успокоила она моих приунывших родителей, – я выведу это безобразие вмиг.

– Говорят, что можно керосином? – робко спросила мама. – Нужно нанести его на сухие волосы и продержат какое-то время.

Баба Роза сделала властный жест пальцами, словно собрала мамины губы в щепоть:

– Не волнуйся, Надя, все будет в лучшем виде!

Ночь мы провели в Манькиной комнате, спали рядышком на ее кровати.

– А давай мои вошки этой ночью придут к тебе в гости. – Манька собрала свои вьющиеся каштановые волосы в хвост и уложила его сверху на мою голову. – Это будет братание моих вошек с твоими, – радостно добавила она.

Я так и уснула под ворохом ее волос, и снилось мне, что толпа Манькиных вошек перебирается мне на голову большим семейством Ноя с картины Айвазовского «Сошествие Ноя с горы Арарат». При этом у Ноя было лицо Ба, он грозил посохом и приговаривал: «Безобразница, ты не дала нам перебраться на волосы твоих сестер!»

На следующее утро Ба накормила нас завтраком и выгнала во двор.

– Вы погуляйте немного, я сейчас вымою посуду и займусь вашими волосами, – сказала она.

Мы с Маней плелись по двору и попеременно горестно вздыхали – уж очень не хотелось в свои практически десять взрослых лет лишаться длинных волос.

– А папа тебе недавно ободок купил, с золотистой божьей коровкой, – напомнила я Мане. Манька пнула со злости камушек, который лежал в траве, он отскочил и ударился о высокий деревянный забор.

– Ну хоть какое-то количество волос она оставит на наших головах? – с надеждой в голосе спросила Маня.

– Ничего не оставлю, – раздался за нашими спинами голос Ба, – эка невидаль, ходите лысыми, зато потом у вас отрастут пышные и кучерявые, как у дяди Мойши, волосы.

Мы с Манькой ужаснулись. Дядю Мойшу мы видели только на старых стертых фотографиях в альбоме Ба, это был невероятно худой

остроскулый молодой человек с выдающимся носом и беспощадной пышности шевелюрой, вьющейся мелким бесом.

– Не хотим мы, как у дяди Мойши, – хором запричитали мы.

– Ладно, – легко согласилась Ба, – не хотите, как у дяди Мойши, будет шевелюра, как у Дженис Джоплин.

– А кто это такая?

– Наркоманка и дебоширка, – отрезала Ба.

Мы притихли.

Ба повела нас к длинной деревянной скамье под старым тутовым деревом. Она смахнула упавшие с дерева зрелые ягоды и сделала мне приглашающий жест рукой – садись. Я покорно села. Ба встала у меня за спиной и начала состригать под корень мои длинные волосы.

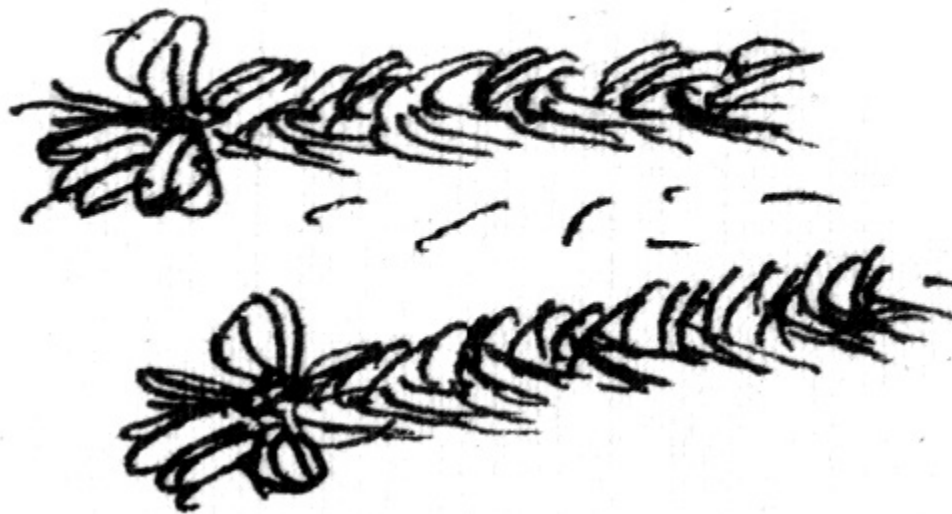
Манюня крутилась рядом и ахала с каждой падающей прядью. Она подняла одну и приложила к своей голове.

– Ба, а если бы у меня были такие светлые волосы, что бы ты тогда сказала? – спросила она.

– Я бы сказала, что ты не моя внучка, – протянула Ба в задумчивости, а потом спохватилась: – Мария, что за глупости ты несешь, какая разница, какого цвета у тебя волосы? И убери эту прядь с головы, тебе своих вошек мало?

Манька приложила волосы к плечам.

– А если бы я была вот такая волосатая?

Смотри, Ба, какая, и с моих плеч свисали бы длинные пряди? – Маньке категорически нужно было выговориться, потому что с каждым щелком ножниц приближался ее черед быть обкорнанной.

– Если ты меня будешь отвлекать, то я отстригу Нарке пол-уха! – пригрозила Ба.

– Не надо, – пискнула я.

– И ты помолчи, – прикрикнула Ба, – обовшивели обе! Уму не постижимо, где вы могли нахвататься вшей?!

Мы с Манькой воровато переглянулись. Ну, положим, нашему уму оно было очень даже постижимо.

На задворках Маниного квартала в старом каменном доме жила многодетная семья старьевщика дяди Славика. Дядя Славик был худющим, жилистым и крайне неказистым мужичонкой. Весил он от силы сорок кило и внешним своим видом напоминал зеленого головастого кузнечика. Когда дядя Славик смотрел собеседнику прямо в глаза, тому становилось неуютно от его редко мигающих широко расставленных глаз. Собеседник машинально начинал таращиться в надежде поймать в фокус Дядиславикины зрачки.

Дядя Славик дважды в неделю объезжал дворы нашего городка. Скрип колес его тележки, груженной всяким хламом, загодя оповещал о его появлении, так что, когда старьевщик, сопровождаемый своими тремя чумазыми детишками, въезжал во двор, хозяйки уже поджидали его внизу. Дядя Славик точил ножи и ножницы, скупал всякое старье, а если ему удавалось что-нибудь еще и продать, то счастьем его не было предела. Остальной хлам у него оптом скупал цыганский табор, который периодически раскидывал свои шатры на окраине нашего городка.

Мы с Маней, несмотря на строгий запрет родителей, часто убегали к дому старьевщика и возились с его детьми. Мы воображали себя учительницами и муштровали несчастных малышей как могли. Жена дяди Славика не вмешивалась в наши игры, наоборот, одобряла.

– Все равно на детей нет управы, – говорила она, – так хотя бы вы их угомоните.

Так как признаваться Ба в том, что мы нахватались вошек у детей старьевщика, было смерти подобно, мы молчали в тряпочку.

Когда Ба закончила со мной, Манька тоненько взвизгнула:

– Аааааа, неужели и я буду такой страшной?

– Ну почему страшной? – Ба сгребла Маньку и властно пригвоздила к деревянной скамье. – Можно подумать, вся твоя красота в волосах, – и она выстригла крупный локон с Манькиной макушки.

Я побежала в дом, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Зрелище, которое открылось глазам, ввергло меня в ужас – я была коротко и неровно подстрижена, а по бокам головы двумя задорными листьями лопуха восстали мои уши! Я горько разрыдалась – никогда, никогда в жизни у меня не было таких ушей!

– Наринээээ?! – долетел до меня голос Ба. – Хорошо любоваться своей тифозной физиономией, беги сюда, полюбуйся лучше на Маню!

Я поплелась во двор. Из-за могучей спины бабы Розы показалось заплаканное личико Манюни. Я громко сглотнула – Манька выглядела бесподобно, даже хлеще, чем я: у меня хотя бы оба кончика уха торчали равноудаленно от черепа, у Маньки они были вразнобой – одно ухо аккуратно было прижато к голове, а второе воинственно топорщилось вбок!

– Ну вот, – удовлетворенно окинула нас взглядом Ба, – чисто крокодил Гена и Чебурашка!

Потом под наш дружный рев она ловко взбила в миске мыльную пену и нанесла ее нам на головы. Через десять минут под летним жарким солнцем сияло два сиротливых бильярдных шара. Ба повела нас в ванную и смыла остатки пены.

– Во, – протянула Манька, когда мы посмотрели на себя в зеркало, – хорошо, что сейчас каникулы. А представь нас в таком виде на сцене, в составе хора?

Мы покатались со смеху. Это было бы то еще зрелище!!!

– А... а... а... – не унималась Манька, – представь, что мы в таком виде исполняем на сцене какую-нибудь сонату ми минор для скрипки и фортепиано???

Мы сползли от хохота по стеночке на пол.

– Ой. ай. – только и могли выговорить, потому что от каждого взгляда на наши гладковыбритые головы нас разбирал новый приступ смеха. По щекам ручьями текли слезы, и мы только и делали, что стонали и хватались за животики.

– Весело вам, да? – раздался над нами голос Ба. – Пойдем, сейчас будет еще веселее!

Мы протерли глаза и снизу вверх посмотрели на нее. Ба возвышалась над нами монументом «Родина-Мать». Только в руках, вместо меча, она держала какую-то миску.

– А это что? – поинтересовались мы.

– Это маска, – важно объяснила Ба, – специальная маска, чтобы волос пошел густой и кучерявый.

– А из чего состоит эта маска? – Мы, заинтригованные, поднялись с пола и попытались сунуться носом в миску, но тщетно – Ба подняла ее выше, и мы не смогли дотянуться.

– Много будете знать, быстро состаритесь! – сказала, как отрезала.

Мы молча потопали за ней во двор.

– Сейчас я нанесу смесь вам на головы, а вы потом должны где-то час просидеть под солнцем, чтобы она хорошо впиталась, понятно?

– Понятно, – хором отозвались мы. В принципе, нам уже было безразлично, что еще может сотворить с нами Ба.

Забегая вперед, я таки скажу, что не зарекайся, пока не наступил климакс, как любила приговаривать Ба. Услышав в первый раз это выражение, мы дружно решили, что климакс – это плохая погода, и каждый раз, когда Ба так говорила, выглядывали в окна в надежде увидеть природный катаклизм.

Ба усадила нас на скамеечку и принялась споро наносить помазком маску на наши лысые головы.

– Не вертись! – прикрикнула она на Маньку, когда та попыталась посмотреть на меня. – Сиди смирно, а то заляпаешь платье!

В томительном ожидании прошло минут пять.

– Ну вот, – удовлетворенно выговорила наконец Ба, – теперь можете расслабиться.

Мы глянули друг на друга и взвизгнули от неожиданности – головы наши были покрыты какой-то темно-синей густой жижей. Я попыталась дотронуться до нее, но Ба шлепнула меня по руке:

– Нельзя трогать, кому было говорено?! Ровно час! – грозно пророкотала она и ушла в дом.

Это был тот редкий случай, когда мы побоялись послушаться Ба. И, хотя головы наши отчаянно чесались, мы обе сидели не шелохнувшись. Минут через двадцать маска обсохла, пошла трещинами и стала осыпаться. Мы воровато подняли отвалившиеся

ошметки и протерли в пальцах— густые, неоднородные, с какими-то волокнистыми вкраплениями, они моментально окрасили руки в синий цвет.

Нашу исследовательскую деятельность прервал звук открывающейся калитки. Мы юркнули за тутовое дерево.

— Мам? — раздался голос дяди Миши, Маниного папы. Мы с облегчением вздохнули и выползли из-за толстого ствола.

Дядя Миша увидел нас и замедлил шаг. По причине близорукости он сначала прищурился, потом, не поверив своим глазам, оттянул пальцем уголок века сначала одного, потом обоих глаз. Мы подошли поближе.

Зрелище, открывшееся Дядимитттиному взору, судя по всему, было настолько неожиданным, что он какое-то время в остолбенении изучал нас. Мы, видя выражение его лица, снова тоненько заскулили.

— Здрассьти, дядьмиш, — сквозь слезы прошептала я.

— Мать вашу за ногу, — к дяде Мише наконец вернулся дар речи, — дети, кто это так с вами?

— Это Ба! — Манюня уже ревела в три ручья и от обиды заглатывала целиком слоги. — Она ска... что мы... буууудем... черявые... черявые... как... как. как. как.

— Как Жооопли, — внесла свою лепту во вселенский плач я.

— Как ктооооо? — У дяди Миши глаза полезли на лоб. — Какой такой Жопли?!

— Наркоманкааа и дебоширкаааааа Жоооплиии, — нас с Маней уже невозможно было остановить. Мы разом ощутили весь ужас нашего положения — лыдые! на все лето! не погулять! в булочную за слоеными трубочками не сбегать! в речке не искупаться! и самое ужасное — сверстники засмеют!

Дядя Миша попятился к дому.

— Мааааааааам?! — позвал он. — Что ты с ними сотворила? Был уговор обработать волосы керосином и продержат девочек вдали от огня какое-то время!

Ба вышла на веранду.

— Стану я вас слушаться! — проворчала она. — Потом еще спасибо мне скажете, когда у них отрастут пышные кудрявые волосы!

— Зачем кудрявые! У Маньки они и так были кудрявые! — Дядя Миша наклонился и принялся к нашим головам. — А чем это ты их

намазюкала?

– Это маска! Рецепт Фаи, которая Жмайлик! Надо в равных пропорциях смешать порошок синьки, бараньи катышки и развести это дело в яичных желтках, – стала перечислять Ба.

– Бараньи чего? – подскочили мы с Манькой.

– Катышки, катышки, – покатился со смеху дядя Миша, – сиречь какашки!

Мы с Манькой потеряли дар речи.

– Ба! Как ты могла?! – наконец взревели мы и кинулись в ванную, смывать маску с наших голов. Какашки легко и быстро смылись, но головы наши теперь отсвечивали нежным голубоватым колером.

Когда мы выползли на веранду, дядя Миша присвистнул.

– Мам, ну кто тебя просил? Ладно Маня, а что мы Наркиным родителям скажем?

– А ничего не надо говорить, – отрезала Ба, – они умные люди и, в отличие от тебя, оценят мои старания. Сходи лучше позвони Наде и скажи, что Нарку уже можно забирать.

– Ну уж нет! – Дядя Миша привлек нас к себе и поцеловал по очереди в сиво-голубые макушки. – Сама эту кашу заварила, сама ее и расхлебывай!

– Можно подумать! – фыркнула Ба и пошла в дом. – Позвонить ему трудно!

Мы, затаив дыхание, стали напряженно прислушиваться к разговору Ба.

– Алё? Алё-о? Надя? Здравствуй, дорогая, как у вас дела? У нас тоже все в порядке. Можете Нарку забирать... Почему сама не может прийти? Почему не может, очень даже может. Только панамы нужна. Па-на-ма... Как зачем? Чтобы голову не припекло. А что волосы? Волосы – дело наживное, вчера были волосы, а сегодня уже нет, хе-хе!.. Ну что ты сразу охаешь, побрила наголо, ага. Керосин? Буду я керосин на них изводить! Все сделала в лучшем виде, маску нанесла, по рецепту Фаи, которая Жмайлик. Я ей, главное, говорю: не надо нам никаких масок, Фая, а она – сделай да сделай, заставила прям, над душой стояла. Ну и что, что она в Новороссийске, а я здесь?.. По телефону и заставила!.. Да не волнуйся ты, маска как маска, желток да синька, ну и по мелочи. По мелочи, говорю. Ну, бараньи катышки, делов-то. Что ты охаешь, можно подумать, я крысиного яду положила.

Нет, все смыли, все в порядке, только голова синюшная. Си-нюш-на-я, говорю, как у утопленника. Зачем ты сразу пугаешься, живая она, живая, это от синьки она синюшная, день-другой, и все сойдет. А волосы быстро отрастут, это ж не зубы!.. Ага. Ага. Ну, до свидания, дорогая, ждем!

– Мам! – крикнул дядя Миша, когда Ба положила трубку. – Ты уверена, что не слышала на том конце провода звука падающего тела?

– Зиселе! – Голос Ба не предвещал ничего хорошего. – Ты таки напрашиваешься на свою порцию маски от тети Фаи!!!

Дядя Миша крякнул:

– Мам, ты бы лучше дала чего поесть, а то мне через полчаса возвращаться на работу. – Он весело подмигнул нам. – Ну что, жертвы компоста, пойдем поедим, надеюсь, обед уж точно обойдется без бараньих катышков?

Глава 4. Манюня, или Баба Роза демонстрирует чудеса гуманизма

На обед были жареная курица с рисом, зеленый салат и кисленький, освежающий компот из алычи.

Мы с Манюней прямо-таки пожирали птицу, тщетно пытаюсь сохранить скорбное выражение на лицах. В идеале, конечно, нужно было демонстративно окочуриться на глазах у Ба, чтобы она потом

долго оплакивала нас, теребя в руках наши вшивые волосы. Но не существовало на планете Земля силы, которая могла заставить нас оторваться от хорошо прожаренной, хрустящей, ароматной курочки в исполнении Ба.

Дядя Миша посмеивался, искоса наблюдая за нами.

– Мам, ну посмотри на них, вылитые два мутанта-головастика! – не выдержал он.

Мы наострили ушки. Ба раздраженно отодвинула от себя тарелку.

– Поели все? А теперь марш из-за стола, к шести должны приехать ЛЮДИ, Нарку забирать, я хочу успеть испечь яблочный пирог.

– Ты хочешь шарлоткой искупить вину за нанесенный Нарке ущерб? – засмеялся дядя Миша. – Да за одни только бараньи катышки тебе придется расплачиваться бутылкой сливовой наливки!

Мы с Манькой тревожно переглянулись – дядя Миша явно искал приключений себе на голову. Ба смерила его тяжелым испепеляющим взглядом исподлобья.

– Молчу-молчу, – заторопился дядя Миша, – все, Фелен-Пелен, – повернулся он к нам, – я на работу, а вы ведите себя тише воды ниже травы, а то видите, к каким разрушительным последствиям приводят ваши эксперименты в вошководческой отрасли!

– Ты так уйдешь или тебя вперед ногами вынести? – ласково поинтересовалась Ба.

– Да я уже практически ушел. – Дядя Миша чмокнул ее и выскользнул из кухни.

Ба накрыла ладонью щеку, в которую ее поцеловал дядя Миша, и простояла так с минуту, рассеянно улыбаясь одними губами. Мы с Маней каким-то звериным чутьем догадались, что ее сейчас нельзя отвлекать, поэтому сидели за столом не шевелясь и во все глаза наблюдали за ней.

Ба очнулась, посмотрела на нас изучающим взглядом, рассмеялась:

– А ведь правда выглядите как два мутанта-головастика.

Мы сочли ее смех за контрибуцию и вылезли из-за стола.

– Ба, а что такое мутант? – спросила Манька.

– Вырастешь – узнаешь, – ответила Ба, – но если станешь сейчас канючить, что да как, то не получишь сладкого, – она протянула нам ПО ДВЕ шоколадные конфеты.

Мы не поверили глазам своим – шоколадные конфеты от Ба были прямым свидетельством тому, что вселенная наконец-таки повернулась к нам лицом, а не тем местом, которым она стояла с самого утра. Ведь Ба категорически была настроена против шоколада, она считала его источником всех человеческих бед, начиная от энуреза и заканчивая синдромом Дауна. Поэтому, когда она добровольно протянула нам по две (!) шоколадных конфеты, мы, не мешкая, сорвали их с ее ладоней и выбежали прочь из кухни.

– А поблагодарить? – Голос Ба настиг нас на пороге и больно толкнул в спину.

– Спасиииибо, Ба, – хором закричали мы.

На веранде Манька развернула обе конфеты и разом запихнула в рот.

– Это она из-за чувства вины перед нами, – прочавкала она, – ешь свой шоколад быстрее, пока Ба не передумала.

Теперь представьте себе эту дивную картину: под высоким раскидистым деревом тута на деревянной скамеечке сидят две обритые наголо неравномерно лопухие девочки и отсвечивают голубоватыми черепами. За каждой щекой у них по кусочку сладкого счастья, они в блаженстве закатывают глаза, причмокивают и местами преступно исходят слюной... «Жалкое, душераздирающее зрелище!!!»

Когда конфеты были съедены, мы пошли прогуляться на задний двор. Походили бесцельно под фруктовыми деревьями, постояли над аккуратненькими грядочками кинзы, выдрали по листику, пожевали в задумчивости.

Вдруг заметили какое-то шевеление под грушевым деревом. Пригляделись с замиранием сердца. В траве лежал маленький птенчик

– жалкий, голенький, криворотый.

– Ой! – ужаснулись мы. – Он, наверное, из гнезда выпал.

Посмотрели вверх, но за густыми листьями ничего не разглядели.

Манька осторожно подняла птенца. Он беспомощно пищал и барахтался в ее ладонях.

Мы побежали в дом показывать нашу находку. Ба возилась с тестом для пирога на кухне, пахло корицей и жареным миндалем.

– Ба! – крикнули мы. Она обернулась на наши голоса и вздрогнула от неожиданности.

– Вы меня напугали!

– Ага! – торжествующе выкрикнула Маня. – Теперь ты признаешь, что мы из-за тебя стали страшные как смерть, правда глаза колет, да?

– Я тебе покажу сейчас, как может правда глаза колоть, – взъерепенилась Ба, – что это у тебя в руках?

– Посмотри, что мы нашли, – Манюня сунула ей под нос птенца.

Ба недоверчиво оглядела нашу находку.

– Зря вы его взяли, он уже практическидохлый, – проворчала она.

– Ну Ба! – возмутилась Манюня. – Ничего он недохлый, смотри, – она ткнула пальцем в птенца, тот поморщился всем тельцем и задергал лапками. – Видишь? – победно сказала Манька. – Мы его спасли, а теперь будем кормить-поить-выхаживать! Ба, что мы можем ему дать?

Ба ни минуты не раздумывала.

– Можете откопать дождевых червей, хорошенько их разжевать и скормить этойдохлятине, – язвительно проговорила она.

– Фуууууу, Ба! – смешно наморщила носик Манька. – Представить даже противно. Вот если бы ты нам помогла.

– Ты мне предлагаешь самой разжевать червей? – Ба ненадолго оторвалась от теста.

– А ты можешь? – Манька нетерпеливо запрыгала на одной ноге. Несчастнй птенец трясся в ее руке безвольным комочком.

– Мария, – Ба глянула на Маньку поверх очков, – ты соображаешь, что говоришь?

Манька вылупила глаза. Потом надула щеки.

– А если напоить его молоком? – пискнула я.

Ба вздернула от удивления брови.

– Где это слыхано, чтобы птица кормила молоком? Ты хоть у одной птицы видела грудь?

– Видела! – Я решила пойти ва-банк. – У птицы гарпии, например, большая женская грудь. Я сама видела. В книге про античных богов.

Ба вспотела лицом.

– Так сходи к своей знакомой птице гарпии и попроси ее покормить этого дохлика большой женской грудью, понятно? – рявкнула она.

Мы молча переглянулись. Манька еще раз ткнула птенца. Он слабо зашевелился. Она положила его на краешек стола и погладила по голенькой спинке.

– Горе мое луковое, – прошептала умиленно. – Ба, мы можем его хлебными крошками накормить! – вдруг осенило Маньку. – И напоить водой из пипетки можем! Ты только дай нам крошек, Ба! И покажи, где пипетка, которой ты мне в ухо закапывала эту ужасную черную жидкость, помнишь? А еще мы, например, можем его искупать. Набрать в мисочку теплой воды, побултыхать его там и уложить спать, накрыв платочком.

Ба простонала. Но Манюня ничего не слышала, Манюню несло.

– А если у него вдруг случится заворот кишок, мы пипеткой поставим ему клизму, – у Маньки покраснелись от волнения щеки, – ты ведь нам поможешь, Ба? Хотя не надо помогать, мы сами разберемся.

По окаменевшей спине Ба можно было догадаться, что сейчас случится непоправимое, но Манька этого не замечала, она была увлечена своими мыслями.

– Вот если бы ты еще умела мух ловить, – мечтательно протянула она, – или хотя бы мошек, а, Ба?

Ба со словами: «Да что же это такое!» – стремительно повернулась и с легким хрустом свернула птенцу шею.

– Вот теперь можете его хоронить со всеми почестями, – выдохнула она, не обращая внимания на наши вытянувшиеся лица. – Я даже готова вам на эту церемонию уступить железную баночку из-под индийского чая! Потому что лучше я его прямо сейчас убью, чем вы потом замучаете до смерти своими экспериментами!

Мы, потрясенные, в гробовом молчании забрали трупик птенца и пошли хоронить его на задний двор. Выкопали маленькую ямку под грушей, положили туда тельце и присыпали землей. Постояли какое-то время понуро над могилкой.

– Надо будет откопать его завтра и посмотреть, улетела у него душа или еще ТЕПЛИТСЯ В ГРУДИ, – задумчиво протянула Манька.

– Ты чего? – возмутилась я. – Какое там теплится, он ведь умер!

– Ну ты же слышала, как Ба рассказывала про гойские выкрутасы Иисуса с воскрешением? – Манька сорвала с ветки листик и намотала его на палец. – Может, это птичий Христос?

Мы в задумчивости уставились на могилку. Потом, как по команде, подобрали два деревянных прутика, сложили крест-накрест, обмотали травами, чтобы крестик не распался, и воткнули в одинокий холмик.

Автор приносит извинения своим замечательным читателям за богохульство. Автор сама является христианкой, правда, достаточно раздолбайского разлива, ну да ладно.

В оправдание Ба автор текста может сказать, что с богом у нее были весьма непростые, продиктованные тяжелым детством и юностью, отношения. Ба принадлежала к одной из основных авраамистических религий и считала себя вправе с одинаковым остервенением костерить святых всех религий подряд.

Все претензии просьба предъявлять исключительно автору, ибо Ба автор в обиду не даст.

Когда вечером приехали мои родители, на кухонном столе исходил умопомрачительным ароматом яблочный пирог. Ба полила его, еще горячий, растопленным медом, посыпала корицей и миндальной крошкой. Обжарила в большой чугунной сковороде кофейные зерна до масляного блеска, принесла из погреба свою знаменитую сливовую наливку в запотевшей бутылке темного стекла. Мы с Манькой добросовестно смололи кофе в ручной кофемолке.

Ба вышла встречать маму с папой на веранду.

– Сидите на кухне, – шикнула она, грозно выпучив на нас глаза. – Ой, Наденька, Юрочка (чмок-чмок), как доехали? Ну и что, что пять минут езды, мало ли что может с вами случиться, колесо можно проколоть, бензобак может протечь, мазут может пролиться или какая еще беда приключиться. Вон у соседа нашего, Гора, сын чуть в машине не сгорел, говорили – замыкание (сочувственные ахи и охи). Я пирог яблочный испекла (громкое восторженное бормотание родителей), ага, ага, скоро и Миша приедет. Девочки сегодня себя чудесно вели, хоронили птенчика (тревожное бормотание). Да ничего страшного, они его подобрали, хотели клизму пипеткой сделать, пришлось несчастному свернуть шею, чтобы они его не замучили до смерти

(растерянное покашливание). Вы только не пугайтесь, синюшность голов еще не прошла (тревожное покашливание), но это дело одного-двух дней, потом все придет в норму (растерянное мычание). Ну, что мы стоим на пороге, давайте пройдем на кухню!

Я не буду сейчас вам рассказывать в подробностях, какой мощи пароксизм истерического хохота согнул моих родителей при виде наших голубых черепов. Как потом папа вертел наши головы в руках и, любовно пересчитывая все характерные шишечки, сыпал страшными словами брахикефалия, долихокrania и краниология, и этим вогнал нас в окончательный и бесповоротный ступор.

Как мама рыдала на плече у Ба, а Ба утешала ее и говорила, что волосы не зубы, ну ты же понимаешь, Надя, а мама с каким-то сладострастным облегчением вытерла соплю подолом платья Ба и сказала: «Тетя Роза, я все понимаю, только детей все равно жалко!!!»

Как папа с дядей Мишей стояли на веранде, с дымящимися чашечками кофе в руках, выкуривали сигарету за сигаретой и вели бесконечный диалог на тему, что пора бросать курить, Миша, конечно, пора, а то сколько можно, Юра!

День удался, в общем, на славу. Я заснула счастливая, в своей кровати, жестоко осмеянная сестрами, но с греющей душу мыслью, что где-то там, в пяти минутах езды от нас, в двухэтажном каменном доме спит Манюня и отсвечивает в темноту такой же, как у меня, гладковыбритой, голубоватого колера, головой.

Глава 5. Манюня, или Как мы сначала искали панамы, а потом Ба спасала сына

Выходить за порог с непокрытой безволосой головой мы наотрез отказывались, поэтому мама бросилась на поиски панамок. Что ни говори, детство наше протекало в дивные времена, поэтому в единственном универмаге нашего городка в отделе головных уборов можно было жарким июньским днем приобрести только мохеровые

свалявшиеся шапки необъятных размеров да фетровую мужскую шляпу в количестве одна штука.

– Может, мы вам просто косыночки повяжем? – предложила мама. – Узелком под подбородком, будете Алenuшками.

Косыночки повязывать мы наотрез отказались.

– Не по пять лет нам, – пробурчали.

Ба кинула клич по соседям, уезжающим в Ереван, с просьбой привезти нам панамки. Соседи звонили и рапортовали:

– Роза, в «Детском мире» выкинули чепчики для грудничков, есть вроде большие размеры, я пыталась натянуть на колено, они нормально натягиваются, ну ты же знаешь мои колени, Роза!

– Роза, в ГУМе потрясающей красоты пляжные шляпы с большими полями, сиреневые в белую ромашку, но по семь рублей и на взрослую женщину!

– Роза, в ЦУМе видели соломенные шляпы, что-то типа сомбреро, но они декоративные и за бешеные деньги!

– Роза, в магазине «Пчеловод» продаются каски с лицевой металлической сеткой, я пригляделся – можно плоскогубцами понакусывать и снять это забрало. Получится панамка, правда, на периметр головы 58 сантиметров. Какой у девочек размер черепушек?

– Если бы у девочек были головы периметром в 58 сантиметров, мы бы их как гнет в кадке с квашеной капустой использовали, – ругалась Ба в трубку. – Хоть к телефону не подходи! – жаловалась она на следующий день маме. – Сбрендили они, что ли? Или жара на них так подействовала? Я им про Фому, а они мне про Ерему!!!

– Ничего-ничего! Сами справимся, да, девочки? – обернулась к нам мама.

– Угум, – прозвучало ей в ответ.

Мы с Маней любовались своим отражением в стеклянной дверце кухонного навесного шкафчика. И если я могла делать это спокойно, не поднимаясь на цыпочки, то маленькая и пухленькая Маня до своего отражения не «дотягивалась». Она забавно подпрыгивала и, поймав свою мордашку в стеклянной дверце, моментально строила рожицу.

– Налей-ка мне еще чайку, Надя, а то от одного взгляда на них у меня в горле пересыхает, – пробурчала Ба.

Если Ба пила чай, то только крутым кипятком и вприкуску. Мама покупала в магазине специальный сахар, который сильно отличался от хрупко-прозрачного рафинированного, – твердый, неровными большими кусками, он плохо растворялся в чае и оставлял белый густой пенный налет на поверхности. Мы кололи его специальными щипчиками и хранили для Ба.

Когда Ба приходила к нам в гости, она первым делом просила чаю. Мама вынимала сахарницу и торжественно водворяла ее на чайный столик. Ба одобрительно кивала головой, принимала царственной рукой большую чашку исходившего паром напитка и,

перекатывая во рту кусочек сахара, запивала его большими глотками, громко клокоча где-то в зобу.

– Я могу попробовать связать панамки крючком, – предложила мама, передавая Ба очередную чашку с чаем, – у меня есть подходящая тонкая пряжа. Потом мы их густо накрахмалим и придадим нужную нам форму.

– Не хотим мы вязаные крючком панамы! – взвыли мы. – Во-первых, ждать долго, пока ты их свяжешь, пройдет целая вечность, а во-вторых, они будут в дырочку, а через эти дырочки все увидят наши лысины!!!

– А у меня нет столько денег, чтобы с Маней по гостям на такси разъезжать! – рассердилась Ба. – Видите ли, стыдно им. Можно подумать, когда выйдете шляться по городу, люди подумают, что под панамами вы прячете не два пустых барабана, а ваши роскошные кудри!

Мы обиженно засопели, но взрослые уже не обращали на нас никакого внимания. После недолгого совещания они решили сшить нам панамки. Вытащили швейную машинку, порылись в бельевом шкафу и нашли две голубые наволочки в желтый горох.

– Самое оно, – обрадовалась мама.

Через два часа кропотливой работы наши швей-мотористки явили миру свой инновационный взгляд на летние головные уборы в виде двух кособоких конструкций с неровными, чересчур широкими полями и бестолково торчащей высокой тульей.

Ба нацепила панамы нам на головы.

– Вполне себе ковбойские шляпы, – проговорила она с еле сдерживаемой улыбкой, – теперь никто не посмеет приставать к вам на улице, потому что у вас очень боевой вид!

Мы помчались любоваться собой. Повертели перед зеркалом, встали и так и этак.

– А что, вполне, – Манька нахлобучила панаму на самый лоб и, подтянув поля, свела их под подбородком. Получилось что-то наподобие чепчика. Она выпучила глаза, выдвинула вперед нижнюю челюсть и прошамкала: – Деточка, дай рублик на жизнь!

Я покатила со смеху. Задрала поля своей панамы вверх, скосила глаза к переносице и растянула пальцами уголки рта.

– Ыыыыыыыыы! – Мы повернулись друг к другу и замычали: – Ыыыыыы!

– Полюбуйтесь на этих дегенераток! – Голос Ба разнесся по квартире звуком иерихонской трубы. – Надя, а ты переживаешь, что им не понравятся панамы. Да они уже в своем обычном репертуаре!

* * *

Спустя неделю наметился совместный выезд в горы, с ночевкой в нашем дачном домике. Но дядя Миша внезапно слег с высокой температурой, и Ба осталась ухаживать за ним.

Папа забрал Манюню за день до нашего отъезда. Мы из кухонного окна наблюдали, как они парковались возле нашего подъезда. Пока добежали до входной двери, Манька уже вовсю трезвонила в звонок. Как только я отперла, она ртутным шариком вкатилась в квартиру и моментально заполнила ее своим птичьим щебетом. Следом за ней вошел папа и с трудом втащил в квартиру большой баул.

– Это что такое? – удивилась мама.

– Роза нам припасов на дорогу дала, – протер пот с чела папа.

Мама открыла сумку и стала по одному вытаскивать аккуратные свертки. С каждым новым свертком на ее лице все отчетливей выступало отчаяние.

Ба положила нам в дорогу луковый пирог, пирожки с капустой, дюжину отварных куриных яиц, банку айвового варенья, банку малосольных огурчиков, банку аджики, овощей килограммов пять и столько же фруктов, а также большую эмалированную кастрюлю с замаринованным на шашлык мясом. В кармане сумки мама нашла нож, спички, полпачки мелкой соли, рулон драгоценной туалетной бумаги, таблетки тетрациклина и цитрамона, йод, зеленку, вату и широкий марлевый нестерильный бинт в количестве одна штука.

– Судно забыла положить, – захохотал папа.

– Зачем ты это взял? – Мама уставилась на отца. – Мы что, не смогли бы Маньку прокормить?

– Вот позвони и скажи ей это сама, – рассердился папа, – можно подумать, Роза приняла бы мой отказ!

– А что сразу звонить? – испугалась мама. – Надо было оставить сумку за порогом и быстренько уехать!

– Да Роза проконвоировала нас до машины, а потом еще махала вслед рукой! На каком отрезке пути я мог оставить сумку? Знаешь, что мне Миша шепнул? Заберите, мол, ее с собой, а то она убьет меня своей заботой! – Папа быстренько съел пирожок с капустой и потянулся за вторым. Мама резво шлепнула его по руке. – Ты бы слышала, что мне Роза на прощание сказала! – Папа потянулся за луковым пирогом и получил второй шлепок по руке. – Если не получится до вечера сбить ему температуру, придется ставить клизму! Клизму! И это Мише, который в прошлом году перед операцией не ел два дня, только чтобы ему не промывали кишечник!

Мама прыснула.

– Это да, Миша лучше утонет в колодце, чем даст поставить себе клизму!

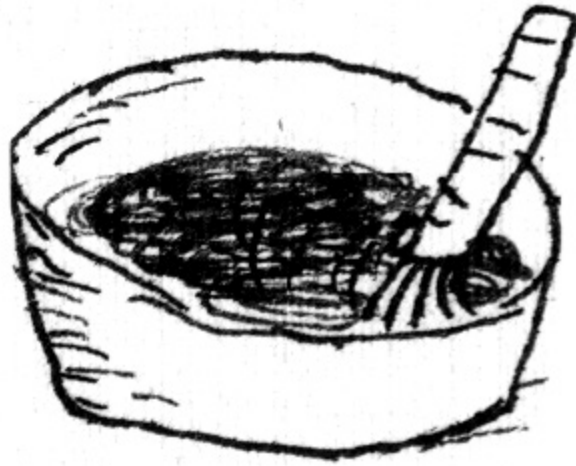
* * *

Через три дня мы вернулись с дачи и первым делом завезли Маню к ней домой. Во дворе под раскидистым тутовым деревом на деревянной скамье сидел дядя Миша.

В жаркий двадцатипятиградусный летний день он выглядел как солдат отступающей наполеоновской армии – на голове дяди Миши красовалась Манина вязаная зимняя шапка с помпоном, растянутые на коленях треники были заправлены в толстые шерстяные носки, а грудь крест-накрест была повязана цветастым платком Ба.

– Папочка! – Манька бросилась обнимать отца. – А зачем ты мою шапку надел, она же девчачья!

Дядя Миша стянул с Манькиной головы панаму и поцеловал в макушку.

– А ты уже обросла на целый миллиметр, – улыбнулся он.

– Ну что, Рендл Патрик Макмерфи, таки тебе промыли кишечник? – засмеялся папа, протягивая дяде Мише руку.

– Э, Юра, давно я тебя в шахматы не обыгрывал, вот и наглеешь, – неуверенно огрызнулся дядя Миша.

– А что так? – Папа сел рядом и нащупал пульс дяди Миши. – Пульс как у трупа. Где Роза?

– Роза на консилиуме у соседей, – фыркнул дядя Миша, – каждый час бегают к ним советоваться.

– Это у каких соседей, у Шапуни, у которых дочь педиатр?

– Нет, у Газаровых, у которых сын ветеринар. – Дядя Миша посмотрела на отца долгим выразительным взглядом. – Газаров-младший недавно на ферме села Паравакар проводил мероприятия по профилактике субинволюции матки у коров. Теперь, видимо, очередь до меня дошла!

– Чего? – Папа зашелся в громком хохоте. – Чего... говоришь... он там. проводил?

Мы не поняли ни слова из того, что сказал дядя Миша, но тоже рассмеялись – уж очень забавно он смотрелся в красной Маниной шапке.

– Уже вернулись? – раздался за нашими спинами радостный голос Ба. Мы обернулись. Ба боком заползала в калитку, в руках она бережно несла какой-то большой пакет.

– Мамеле, – отчаяние, выступившее на лице дяди Миши, легко могло растопить лед в сердце железобетонной конструкции, – что тебе еще всучил этот маньяк Газаров? Доильный аппарат «Буренка»?

– Ой-ой-ой, можно подумать! – Ба положила пакет на скамейку и по очереди расцеловалась с нами. – Доильный аппарат, скажешь тоже. Это всего-навсего плед из овечьей шерсти. Надо будет перемешать гусиный жир с луковым соком и втереть тебе в грудь и шею. Потом дать пропотеть под этим пледом. И хворь как рукой снимет.

Дядя Миша угрюмо уставился на пакет. Ба заботливо натянула ему шапку по самые брови и подмигнула нам.

– Доильный аппарат треба, сына? Мигом организуем! Любой каприз за ваши деньги!

Глава 6. Манюня – снайпер, или Мамам-папам девочек посвящается

Пролог

У папы появилось двуствольное ружье ИЖ-27, настоящее, с которым можно ходить на кабана. Автор дуб дубом в охотничьих делах, так что знающим людям не возбраняется покрутить пальцем у виска, но, насколько помнится автору, с ИЖ-27 все-таки ходили на кабана. Или на какого-нибудь другого среднерогатого скота. Кажется.

Ружье отцу подарил благодарный третий секретарь нашего райкома за исключительной красоты искусственную челюсть червонного золота.

Папа честно пытался отговорить этого безумного человека от затеи вырвать себе здоровые зубы и украсить рот переливающимся золотом, но тот стоял на своем.

– Ты понимаешь, доктор, – объяснял он отцу, – я недавно из Москвы вернулся, был на очередном пленуме ЦК, там большая часть делегатов союзных республик щеголяли с золотыми зубами!!! А я чем хуже, у меня что, золота мало???

Видимо, золота у третьего секретаря райкома было действительно немало, потому что папа сделал золотые коронки не только ему, но еще и его жене, теще, матери и дяде. В благодарность за проделанную работу сановный пациент преподнес папе ИЖ-27.

Папа трясся над ружьем как скупой рыцарь над своими сундуками. Вел с ним долгие душещипательные беседы.

– Когда-нибудь, – говорил он своему новому другу, – у меня родится сын, и мы с ним вдвоем пойдем на кабана!

Но пока сыном и не пахло, поэтому отец выезжал на охоту с друзьями. Возвращался он домой, как ни странно, в целости и сохранности, навеселе, с ружьем наперевес и пустой охотничьей сумкой за плечом. За всю свою охотничью карьеру отец убил одну мелкогабаритную ворону, и то потому, что она зловеще каркала над нашими горе-охотниками, когда те пытались культурно отдохнуть после трехчасового безрезультатного прочесывания леса.

– Она каркала и каркала, ну я и выстрелил наугад, чтобы попугать ее, – рассказывал потом отец, – а ворона возьми и свались нам на голову!

При возвращении с охоты папа первым делом тщательно прятал ружье. Заходил он домой на цыпочках, в надежде, что дети его не услышат, но куда там! Мы сразу выбегали ему навстречу и вешались гроздьями ему на шею. «Хватит, хватит», – нарочито хмурился папа. Ружье предательски выглядывало из-за его плеча.

Конспиративно ссутулившись, отец пятился в сторону своей спальни, нашаривал дверную ручку, при этом смотрел на нас грозно выпучившись, заползал задом в комнату и тщательно запирали дверь. Папа пребывал в счастливой уверенности, что никто, кроме него, не знает, где он прячет ружье.

Хех, папа плохо знал своих дочерей!

Как только за ним закрывалась дверь, мы сбивались в стайку и, затаив дыхание, подслушивали. Далее раздавался один и тот же, наработанный годами, звукоряд.

Бум!

– Это он поставил стул под антресоли, – волновались ряды преданных слушателей.

Хрясь!

– Ага, встал на стул и ударился головой о выступ.

Шур-шур-шур!

– Заворачивает ружье в газеты и прячет за одеяла, – удовлетворенно констатировали мы.

Бах! Бах! – захлопнул дверцы антресолей.

Плюх, – прыгнул со стула (умильный вздох).

К моменту, когда папа, переодетый, выходил из спальни, наш след уже давно простывал.

Когда родители куда-то уезжали, мы часто забавлялись тем, что доставали папино ружье и по очереди перезаряжали его. При этом одна из девочек всегда стояла на стреме, чтобы сообщить о внезапном появлении родителей.

Завязка

Напротив нашего дома, через улицу Ленина, на счастливом расстоянии в триста метров (почему счастливом, поймете по ходу действия), окна в окна с нашей квартирой проживал мой классный руководитель и по совместительству физрук Мартын Сергеич. Мартын Сергеич был известным на весь город стукачом. Люди за спиной пренебрежительно называли его кагэбэшной шестеркой. В течение рабочей недели Мартын Сергеич вел наблюдение за учителями и старшеклассниками и делал заметки в блокноте, а потом бежал куда надо с подробным докладом. «Аж пыль столбом стояла, когда он мчался в КОНТОРУ», – презрительно кривила мама губы, рассказывая отцу об очередном кроссе Мартына Сергеича.

Я ненавидела его всей своей неокрепшей одиннадцатилетней душой. Мартын Сергеич имел обыкновение на уроке физкультуры поглаживать девочек по спине и нашептывать на ухо разные замечания типа: «Тебе, Алиханян, неплохо уже лифчик купить, а то грудь выросла и трясется при беге» или «Тебе, Шаапуни, надо бы шортики свободного кроя, а то эти практически обтягивают ягодицы».

Манюня, хотя и училась в другой школе, из дружеской солидарности ненавидела физрука не меньше, чем я. Когда она оставалась у нас с ночевкой, вечером неизменно подходила к окну, щурилась и презрительно цедила сквозь зубы:

– У этого козла в окнах уже горит свет!

Когда жена Мартына Сергеича вывешивала стирку на просушку, мы зорко выискивали белье МС и злорадно его высмеивали.

– Смотрите, – покатывались мы со смеху, – Мартын-то, оказывается, носит огромные семейники, они уж точно не обтягивают ему ягодицы!!!

Кульминация

Как-то в праздники мама с папой и младшими сестрами поехали в гости к папиному коллеге. Дома остались я, Манюня и моя сестра Каринка, та еще штучка. С Каринкой можно было спокойно идти в бой, она любого дворового мальчика могла искалечить шипящим

куском карбида или довести до слез издевками. К Каринке мы испытывали смешанное чувство любви, гордости и страха.

Остаться дома одним было для нас невероятным счастьем. Какое-то время мы забавлялись тем, что ковырялись в маминой шкатулке с бижутерией. Потом перемерили все ее наряды и туфли, перемазались ее косметикой и надушились всеми духами. Для пущего аромата Манька сбрызнула нас освежителем воздуха «Лесная ягода». Амбре, которое мы источали, могло скопытить вполне боеспособную роту пехотинцев.

Когда зубодробительный марафет был наведен, мы решили сообразить светский раут на троих. Сварили кофе, притащили сигареты, долго искали индийские курительные палочки, но мама их куда-то упрятала. Ничтоже сумняшеся подпалили сухие колоски камыша в маминой икебане.

Сели пить кофе. С первой же затяжки мы закашлялись, с первого же глотка нас чуть не вывернуло. Раут не оправдал наших ожиданий. Мы вылили кофе, спустили недокурные сигареты в унитаз, проветрили кухню.

Вышли на балкон явить миру нашу неземную красоту.

Но покрасоваться нам не удалось. Напротив, на своем балконе, сидел Мартын Сергеич и читал газету. У нас сразу испортилось настроение.

– Давайте мы сконцентрируем всю ненависть в наших глазах и высверлим в его голове дырку, – предложила Манюня.

Мы принялись сверлить Мартына Сергеича взглядом, полным ненависти, но долгожданная дырка никак не высверливалась. Физрук потянулся, сладко зевнул и почесал себя в живот. Мы разочарованно вздохнули.

Тогда Каринка внесла новое рацпредложение: а давайте, говорит, мы в него выстрелим из папиного ружья!

– А давайте, – всколыхнулись мы с Манькой и бросились наперегонки за ружьем. Вытащили с антресолей и притащили на балкон. Каринка уже заняла огневую позицию на полу за решеткой. Мы подползли к ней на брюхе и передали ружье.

– Зарядили? – грозно прошипела Каринка.

– Издеваешься! – возмутились мы.

Каринка заграбастала под себя ружье, долго прицеливалась и наконец выстрелила.

Раздался негромкий хлопок, мы выглянули из-за балконной решетки.

Мартын Сергеич сидел не шелохнувшись.

– Дай мне! – Манюня вырвала ружье из рук Каринки. – У меня глаз меткий, я его вмиг свалю!

Манька с минуту елозила пузом по полу, выбирая единственно правильную огневую позицию. Боевой чубчик ирокезом топорщился над ее лбом. Затаив дыхание, она долго прицеливалась, потом зачем-то зажмурилась, отвернулась и выстрелила.

Мы прождали несколько секунд и воровато выглянули из-за перил.

Балкон напротив был пуст!!!

– Я его убила, – выпучилась Манюня, – я его убила!

Мы по очереди отползли задом в дом и закрыли балконную дверь. Щелкнули затвором, ружье выплюнуло горячие гильзы. Мы выкинули их в мусорное ведро. Потом изорвали в клочья новый номер «Литературной газеты» и прикрыли гильзы.

Боевой запал не иссякал. Содеянное смертоубийство сплотило нас в грозный триумвират. Мы походили какое-то время по квартире с ружьем наперевес.

Мне было обидно, что Манюня с Каринкой стреляли, а я – нет.

– Это нечестно, я тоже хочу выстрелить, – надулась я.

Девочки переглянулись. Требование мое показалось им справедливым.

– Сейчас найдем тебе цель. – Каринка зарядила ружье и сунула его мне в руки. – Сейчаааааас найдеооооооом.

Мы долго кружили по квартире. Сначала приценивались к хрустальной люстре, потом – к маминой любимой китайской вазе. Вовремя сообразили, что мама с нами сделает, если мы разнесем вазу или люстру, и отказались от мысли стрелять во что-то ценное. Итого наш выбор пал на мусорное ведро. Сестра поставила его посреди кухни, и я, зажмурившись, выстрелила внутрь.

Потом мы убрали ведро под мойку и аккуратно спрятали папино ружье.

– Наверное, жена Мартына Сергеича уже выплакала себе все глаза от горя, – сказала Манька, когда мы захлопнули дверцы антресолей и спрыгнули со стула на пол.

– Наверное, – нам внезапно стало жалко длинную, жилистую и некрасивую жену Мартына Сергеича. Она преподавала в старших классах историю и имела кличку Скелетина.

– А давайте мы позвоним им, – предложила я, – заодно, когда поднимут трубку, послушаем, что там творится.

Я вытащила телефонную книгу. Найти номер физрука не составило большого труда. Манька важно поднесла к уху трубку, набрала номер, послушала гудки, потом почему-то резко закашлялась и покраснела.

– Алле, здрассьти, а можно Анну? Не туда попала? Извините, – она шмякнула трубку на аппарат и обескуражено уставилась на нас.

– Ну что? – хором спросили мы с сестрой.

– Он сам подошел к трубке! Ни черта мы его не убили! Хорошо, что я не растерялась и спросила про Анну!

Нашему разочарованию не было предела. Пули, видимо, не преодолели расстояние в триста метров и шмякнулись где-то на полпути между нашими балконами.

Мы в глубоком унынии поплелись в ванную, смывать с лица боевую раскраску. Остальной день провели в нехарактерной для нас тишине, играли сначала в шашки, потом – в подкидного дурака.

Развязка

Когда родители вернулись из гостей, они застали в квартире идилическую картину: три девочки, высунув языки, вырезали из журнала «Веселые картинки» платяца и шапочки для бумажной девочки Тани.

Мама погладила нас по голове, назвала умницами. Потом принюхалась, закашлялась.

– Не душитесь всякой дрянью, – сказала. Мы заулыбались ей в ответ. Вечер обещал быть прекрасным и тихим.

– Это что такое? – Мамин голос раздался над нами как гром среди ясного неба. Мы обернулись. Она стояла на пороге детской и в удивлении изучала ровную маленькую дырку на дне мусорного ведра. Мама посмотрела на нас долгим колючим взглядом и протянула гильзы. – Что это такое, я вас спрашиваю, и откуда в мусоре стреляные гильзы?

Мы виновато переглянулись.

– Это не мы, – пискнула Каринка.

– А кто?! – Мамин голос не предвещал ничего хорошего.

– Ладно, это мы, – вздохнула я, – сначала мы хотели убить Мартына Сергеича, стреляли в него два раза с нашего балкона, но ты не волнуйся, он живой и невредимый, мы уже позвонили к нему домой, он сам подошел к трубке. А потом я еще выстрелила в мусорное ведро.

Мама какое-то время переводила взгляд с нас на гильзы и обратно. Наконец по выражению ее лица стало ясно, что до нее дошел весь ужас содеянного нами. И до нас, кстати, он тоже дошел. Мы взвизгнули и бросились врассыпную.

Наказывала мама нас весьма своеобразно – в процессе нашего бега. Она хватала улепетывающего ребенка за шиворот или предплечье, отрывала с пола, награждала на весу шлепком и отправляла дальше по траектории его бега. Если она огревала нас достаточно больно, то остальную часть спасительной дороги мы преодолевали с перекошенными от боли лицами, а если нет – тут главное было убедительно сыграть эту перекошенность на лице, чтобы у мамы не возникло желания повторить свой фирменный шлепок.

Когда бежать стало некуда, мы попытались юркнуть мимо мамы в коридор. Первой на штурм ринулась Каринка, но мама схватила ее за шиворот, дернула вверх, пребольно ударила несколько раз по попе и отправила дальше. Каринка взвизгнула и, не останавливаясь, шмыгнула за угол. Через секунду из-за угла показалось ее сморщенное от боли лицо.

Пока мама отвлеклась на сестру, я попыталась проскользнуть мимо. К одиннадцати годам я успела вымахать в такую каланчу, что меня сложно было оторвать за шиворот от пола. Улепетывала я как комар-долгоножка, ловко переставляя длинными тонкими ногами. Поэтому мне достаточно легко удалось нырнуть под мамину руку и прорваться в спасительный коридор. Но я недооценила силу ее гнева.

Увидев, что жертва уходит безнаказанной, мама запустила в нее первым, что попало. А под руку ей попало пластмассовое мусорное ведро. Выпущенное маминной меткой рукой, оно нарисовало косую бумеранговую дугу и, настигнув меня уже за углом, красиво вписалось в мое левое ухо. Мир, благодаря брызнувшему из моих глаз искрам, засиял доселе невиданными красками. Ухо моментально запульсировало и увеличилось в размерах раза в три. Я взвыла.

Но убежать далеко мы позволить себе не могли, потому что в плену у мамы остался драгоценный трофей – Манюня. Поэтому мы с Каринкой выглядывали, потирая ушибленные места, из-за угла и горестно подвывали друг другу.

У Маньки надо лбом росла непокорная прядь волос, которую, чтобы кое-как пригладить и уложить в прическу, надо было обильно намочить водой и пришпилить заколкой. В минуты крайнего волнения эта прядь развевалась над Маней грозным ирокезом. Вот и сейчас боевой чубчик восстал над моей подругой, как большое соцветие зонтичного растения. Манька поскуливала и затравленно озиралась на нас.

И тут мама явила миру все коварство одной отдельно взятой взъерепенной женщины. Она не тронула Маню и пальцем. Она выговорила ровным, холодным голосом:

– А с тобой, Мария, разговаривать будет Ба!

Лучше бы мама мелко нашинковала Маню и скормила собакам! Лучше бы она выстрелила в нее из папиного ружья! Потому что разговаривать Ба не умела, Ба умела пройтись по телу так, что потом на реабилитационный период уходило дня два.

– Тетьнадь, – залилась горячими слезами Манюня, – не надо ничего рассказывать Ба, ты ударь меня по голове ведром, а лучше несколько раз ударь! Пожалуйстаааааааа!

Мы зарыдали в голос, мама обернулась на нас, потом посмотрела на Маню и разом упала лицом.

– Вы хоть понимаете, девочки, чем это могло закончиться? Вы хоть понимаете???

Эпилог

В тот же вечер папа отвез ружье своему неженатому коллеге, и они потом долго рыскали по его квартире в поисках укромного уголка.

Поздно ночью к нам заехал дядя Миша, и мама со слезами на глазах рассказала ему, что мы вытворили. Дядя Миша сначала молча выслушал маму, потом так же молча прошел в детскую спальню, поднял сонную Маньку с постели и отвесил ей могучий подзатыльник. Затем уложил ее обратно в постель и подоткнул со всех сторон одеяло.

– А потом знаете, что он сказал вашим родителям? – докладывала нам на следующее утро Манька. – Он им сказал – это правильно, что вы ничего не стали рассказывать Ба. Иначе мало никому бы не показалось. В том числе и вам. И мне.

Манька вздохнула и пригладила рукой складочки на юбке.

– Ба бы нас всех тогда побила, – взволнованно проговорила она и потрогала мое зудящее ухо: – Ого, еще горяченькое!

Глава 7. Манюня и ромалэ, или Ба сказала «господибожетымой»

Середина лета – жаркая для хозяек пора. Отходят черешня, абрикосы, малина, ежевика. Нужно успеть сварить варенье и приготовить джем. Нужно закатать в банки лучик летнего солнца.

Ба варила абрикосовый джем. На абрикосовый джем Ба слетались все пчелы с окрестных пасек, бабочки кружили за окном, радуга раскидывалась над домом Ба и связывала противоположные концы горизонта разноцветной подарочной лентой.

Природа регулировала температуру так, чтобы было не очень жарко, но и не слишком прохладно, а чтобы самое оно – градуса двадцать два, и легкий ветер колыхал ажурные занавески и деликатно

постукивал ставнями открытых окон. Ибо даже природа старалась угодить Ба, когда она варила абрикосовый джем.

Потому что Ба в такие дни становилась совершенно несговорчивой и даже агрессивной. Конечно, в случае с Ба представить еще большую степень несговорчивости крайне сложно, но при большом желании можно.

Ба ваяла и творила, как Антонио Гауди на стройке собора Святого Семейства – без чертежей и набросков. И ни в коем разе нельзя было ее отвлекать, потому что она постоянно совершенствовала рецепт, добавляя ингредиенты на глаз, по шепотке, по ломтику, по крупинке...

Уходила в сад и возвращалась с очередным букетом разнотравий: «В этот раз добавим еще листик можжевельника», – в задумчивости бубнила она себе под нос. Мы беспрекословно выполняли все ее поручения и, дабы не мешать ей, старались максимально слиться с обоями на кухне.

На нас с Манькой возлагалась обязанность подрумянить на большой сковороде фундук, выскрести ваниль из стручков, притомить в духовке апельсиновые и лимонные корочки, извлечь из абрикосовых косточек сладкие ядрышки и очистить от кожуры... Также мы вырезали из пекарской бумаги кружочки размером с горлышко банки. Эти кружочки Ба потом замачивала в коньяке и накрывала ими джем непосредственно перед закруткой.

За любой вопрос мы рисковали получить по лбу деревянной лопаточкой, которой Ба размешивала джем. Поэтому мы перешептывались, тихонечко пинались под столом или перемигивались. Ходили в туалет гуськом, по стеночке. Если Ба случайно натыкалась на нас, когда мы ползли, затаив дыхание, к выходу, она издавала глухой рокот грозовой тучи: «Ааааа, шлимазлы!!!» На шлимазлов мы никак не реагировали, потому что шлимазл являл собой чуть раздраженную, но, в принципе, вполне благодушную констатацию факта нашего существования. Но если Ба вдруг называла нас шлемиэлями, то у нас душа мигом уходила в пятки. Потому что этот таинственный шлемиэль она всегда сопровождала могучим подзатыльником!

Весь наш городок был в курсе, что Ба категорически нельзя отвлекать, когда она ТВОРИТ абрикосовый джем. Казалось, даже глупые ласточки старались изменить маршрут своего стремительного полета в столь ответственный для мироздания день.

И только цыганам было невдомек. Впрочем, что с них взять. Ведь появлялись они у нас наездами, раз в несколько месяцев, и совершенно не обязаны были быть в курсе всех нюансов местечкового масштаба.

Появлению цыган предшествовал тревожный слух. «Цыгане идут, цыгане идут!» – новость клубилась, опережая табор, сизым дымом заползала в каждую квартиру, перетекала со двора на двор и расплзалась по кварталам. Смятенная тишина накрывала город кусачей мохеровой шалью. Люди свято верили, что цыгане воруют коней и детей, и, за неимением коней, прятали по домам своих отпрысков.

Табор раскидывал шатры неподалеку от городка, на берегу речки, и разводил в ночи высокие костры.

Показывались цыгане в городе на второй день своего приезда. Шли по улице цветастой говорливой толпой, о чем-то громко и весело

переругивались, брэнчали гитарами. Потом распадались на маленькие группки. Женщины ходили по домам и предлагали погадать.

Я помню, как однажды к нам в дверь позвонила цыганка. Она курила сигарету и поминутно громко смеялась хриплым смехом. И называла маму «красавицадайпогадаю». Мама слабо улыбалась и отказывалась.

– Может, какое шмотье есть дома, которое вы не носите? – спросила цыганка.

– Сейчас посмотрю, – заторопилась мама и ушла за одеждой.

Я стояла в дверном проеме и во все глаза наблюдала за незваной гостьей. Она следила за мной насмешливым взглядом, потом бросила окуроч на пол, притушила его стоптанным носком туфли, поправила на голове платоч.

– А знаешь, девочка, – сказала, – в твоей жизни все будет так, как ты захочешь, только тебе должно этого сильно захотеться.

– Знаю, – моментально соврала я.

Цыганка рассмеялась хриплым раскатистым смехом.

– Ну-ну, – сказала.

* * *

Колхозный рынок располагался в пятнадцати минутах ходьбы от дома Ба и в любое время года радовал глаз южным изобилием. Торговали там исключительно азербайджанцы, и долгое время прожившая в Баку Ба умела с ними договориться. Но сегодня подвела знакомая азербайджанка Зейнаб, которая из года в год привозила спелые медовые абрикосы на джем. Зейнаб бессовестным образом отсутствовала, и Ба, не увидев ее за привычным прилавком, сильно расстроилась.

– Где Зейнаб? – спросила она у продавщицы с соседнего прилавка.

– Слегла с ангиной, – ответила та, – ее сегодня не будет.

– А у кого мне, спрашивается, покупать абрикосы? – рассердилась Ба. – Можно подумать, она при смерти. Могла и с ангиной выйти на рынок!

– Возьмите у Мамеда, – предложила продавщица и показала рукой, куда надо идти.

– Я сама решу, у кого брать, – отрезала Ба и демонстративно пошла в противоположную сторону.

Мы молча последовали за ней. У каждой из нас в руках была плетеная корзинка, куда надо было потом сложить абрикосы.

Ба обходила прилавки и придирчиво перебирала фрукты.

– Абрикосы сахарные, – уверяли ее быстроглазые торговцы, – попробуй, не понравятся – не бери. Они тебе на варенье или на джем, сестра?

– Буду я вам отчитываться, – обрубала на корню светскую беседу Ба, – лучше скажите мне, почему свой урюк продаете?

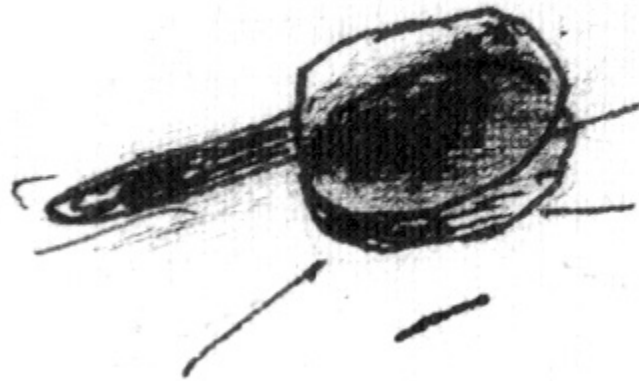
– Зачем урюк? – обижаются продавцы. – Смотри, какие сочные абрикосы, прямо с ветки. Мы с четырех утра на ногах, сначала собирали, потом на продажу привезли!

– Меня ваша биография не интересует, – отрезала Ба, – мне интересно знать, почему вы хотите мне всучить это убожество, от одного взгляда на которое волосы дыбом шевелятся!

– Два рубля, – обиженно протягивали продавцы.

– Вот сходите и купите венок себе на могилу за два рубля, – припечатывала Ба. – Где это видано, чтобы в июле за абрикосы такие бешеные деньги просили!!!

Переругавшись со всеми продавцами, она сделала круг и наконец дошла до прилавка, на который ей указала соседка Зейнаб. Мы увидели груды отменных золотисто-медовых, прозрачных, подернутых утренней росой абрикосов. За прилавком стоял маленький сгорбленный мужичок в огромной кепке. Она была ему настолько велика, что, если бы не уши, прикрыла бы лицо забралом. Мужичок ежеминутно разглаживал на лбу околыш кепки и заправлял его за уши. Увидев Ба, он радушно улыбнулся, из-под пышных его усов выглянули два ряда булатных зубов.

Ба повернулась к соседке Зейнаб.

– Этот косоротый сморчок и есть твой Мамед? – крикнула она ей. Мы с Манькой чуть в землю не провалились со стыда.

– Зачем косоротый, – заволновался мужичок, – ничего не косоротый, Роза, можно подумать, ты меня первый день знаешь!

– А с того дня, как ты мне кислую малину продал, я тебя и знать не знаю, – сердито отрезала Ба, – почему твоя курага?

– Зачем курага? – Мамед обиженно поджал губы. – Посмотри, какой отборный продукт!

– Ты мне зубы своим замшелым продуктом не заговаривай, – встопорчилась Ба, – я у тебя цену спросила!

– Тебе, Роза, за рубль восемьдесят отдам!

– Рубль, или мы с тобой расходимся как в море корабли, – Ба достала из сумки кошелек и потрясла им перед носом Мамеда.

– Роза, – заплакал мужичок, – какой рубль, о чем ты говоришь, все по два продают! Рубль семьдесят, и считай, что я тебе сделал царский подарок!

Ба убрала кошелек в сумку.

– Рубль пятьдесят, – забеспокоился Мамед. – Роза, ты меня режешь без ножа!

– Пошли, девочки, – сказала Ба и величественно поплыла к выходу.

– Рубль сорок! – Мамед побежал за нами, крикнул кому-то на ходу: – Присмотри за прилавком.

Ба плыла сквозь толпу, как атомный ледокол «Ленин». Мы семенили за ней, боясь отстать и потеряться. Манька вцепилась в подол платья Ба, а другой рукой пошарила за спиной и поймала меня за локоть.

– Рубль двадцать, и это только потому, что я тебя сильно уважаю, – голос Мамеда потонул в гаме толпы.

Ба неожиданно резко остановилась, мы врезались ей в спину. Но она этого даже не заметила. Она обернулась, на лице ее сияла победная улыбка.

– Рубль десять, и я, так и быть, возьму у тебя семь килограммов твоей алычи!

* * *

По возвращении домой работа закипела со страшной силой. Ба промыла в проточной воде абрикосы, усадила нас за стол извлекать косточки. Притащила из погреба большой медный таз – неизменный атрибут для приготовления всех ее восхитительных варений и джемов.

Села перебирать с нами фрукты. Особенно спелые абрикосы разделяла на две половинки и отправляла нам в рот – ешьте, ешьте, потом будете пукать на весь двор!

Когда медный таз был наполнен абрикосами – настал момент священнодействия. Ба величественно ходила кругами и добавляла то крупинку сахара, то капельку воды. Мы тихонечко возились за столом с ванильными стручками. В кухне стояла торжественная, благоговейная тишина.

– Красавица! – как гром среди ясного неба раздался голос за нашими спинами.

Мы обернулись. В окно кухни заглядывала цыганка – она вся переливалась под лучами летнего солнца: легкий платок, кофта, несметное количество бус на шее слепили глаз золотом и бешеным разноцветьем зеленого, красного, синего и желтого.

– Красавица, – сказала цыганка, обращаясь к Ба, – дай погадаю!

Голос цыганки произвел в кухне эффект разорвавшейся бомбы. Ба окаменела спиной, сказала «господибожетымой» и резко повернулась к окну. Мы сторбились за столом. Манька нашарила мою руку и произнесла одними губами: «Она сказала "господибожетымой"!»

Страх Маньки был легко объясним – Ба обращалась к Богу в случаях крайнего, неконтролируемого, темного в своей силе бешенства. Только два раза в жизни мы с Манькой удостоились от Ба этого «господибожетымой», и наказание, которое последовало за ним, по своему разрушительному эффекту могло сравниться только с последствиями засухи в маленькой африканской стране. Поэтому, когда Ба говорила заветное слово, мы инстинктивно горбились и уменьшались в размерах.

Но цыганка пребывала в безмятежном неведении. Она облокотилась о подоконник и улыбнулась Ба широкой, чуть бесстыжей улыбкой.

– Все расскажу, ничего не утаю, – протянула она мелодичным голосом.

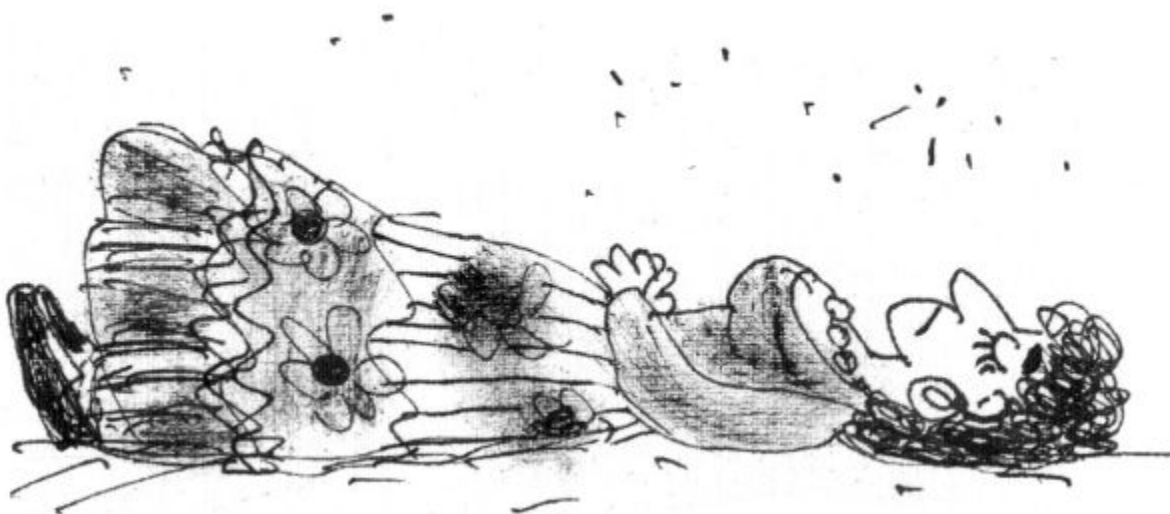
– Уходите, – сдавленно прошептали мы, но было уже поздно.

Ба шумно выдохнула. Так тормозит локомотив, когда боится промахнуться мимо перрона – громким, пугающим пффффффф.

– Пффффффф, – выдохнула Ба, – а как это ты, милочка, к моему дому прошла?

– В калитку, она была не заперта, – улыбнулась цыганка.

– Убери локти с моего подоконника, – медленно проговорила Ба.

Цыганка не удивилась. Ей было не привыкать к раздраженному или настороженному к себе отношению, она много чего в своей жизни повидала и могла кого хочешь за пояс заткнуть. По крайней мере по выражению ее лица было заметно, что так просто она сдаваться не намерена.

– А хочу и облакачиваюсь, – с вызовом сказала цыганка, – что ты мне сделаешь?

– Отойди от моего подоконника, – подняла голос Ба, – и выйди вон со двора, еще не хватало, чтобы ты у меня что-то украла!

Было еще не поздно уйти по-хорошему. Но цыганка не представляла, с кем имеет дело. И поэтому она допустила роковую ошибку.

– А захочу и украду, – отозвалась она, – нам сам Бог велел воровать. Да будет тебе известно, что наш предок украл гвоздь, которым хотели распять Христа! И в благодарность за это Бог разрешил нам воровать!

Ба выпучила глаза.

– То есть благодаря вам этому вероотступнику вогнали в обе ступни один гвоздь? – спросила Ба.

– Какому вероотступнику? – не поняла цыганка.

Ба пошарила за спиной и нащупала ручку чугунной сковороды. Мы тоненько взвизгнули – не надо! Но Ба даже не глянула в нашу сторону.

– В последний раз тебе говорю, отойди от окна, – пророкотала она.

– А не отойду, – цыганка подтянулась на руках и сделала вид, что хочет перебраться через подоконник в кухню.

В тот же миг Ба запустила в нее сковородой. Сковорода перелетела через кухню и с глухим стуком врезалась цыганке в лоб. Та покачнулась, всхлипнула и рухнула во двор. Мы прислушались – за окном царила мертвая тишина.

Ба спокойно повернулась к тазу с абрикосами. Осторожно перемешала джем деревянной лопаточкой. Мы с Манькой переглянулись в ужасе, нашарили ногами тапки, потянулись к двери.

– Наринэ?! – сказала, не оборачиваясь, Ба. – Набери своему отцу и скажи, что Роза убила человека. Пусть приезжает.

* * *

– Пять швов! Сотрясение мозга! Мам, ты соображаешь, что творишь? – Дядя Миша никак не мог успокоиться.

Был светлый летний вечер, пчелы с окрестных пасек кружили за окном ошалелым роем, соблазненные сладким ароматом абрикосового джема. Ба невозмутимо накрывала на стол. Нарезала крупными ломтями холодное мясо, выставила домашний овечий сыр, полила отварную картошку пахучим растительным маслом, посолила крупной солью, щедро посыпала зеленью.

– Мам, я с тобой разговариваю! – кипятился дядя Миша. – Ты хоть понимаешь, чего нам с Юрой стоило замять это дело, чтобы швы в больнице наложили без лишних вопросов?

Ба достала миску с камац-мацуном [2] и с громким стуком поставила на стол.

– Она мне сказала, что цыганам можно воровать, потому что их предок украл гвоздь, который должны были вогнать во вторую ступню Христа, – сказала она.

– Мам, ну мало ли что она сказала, не убивать же за это человека!

Ба вытащила из холодильника малосольные огурчики.

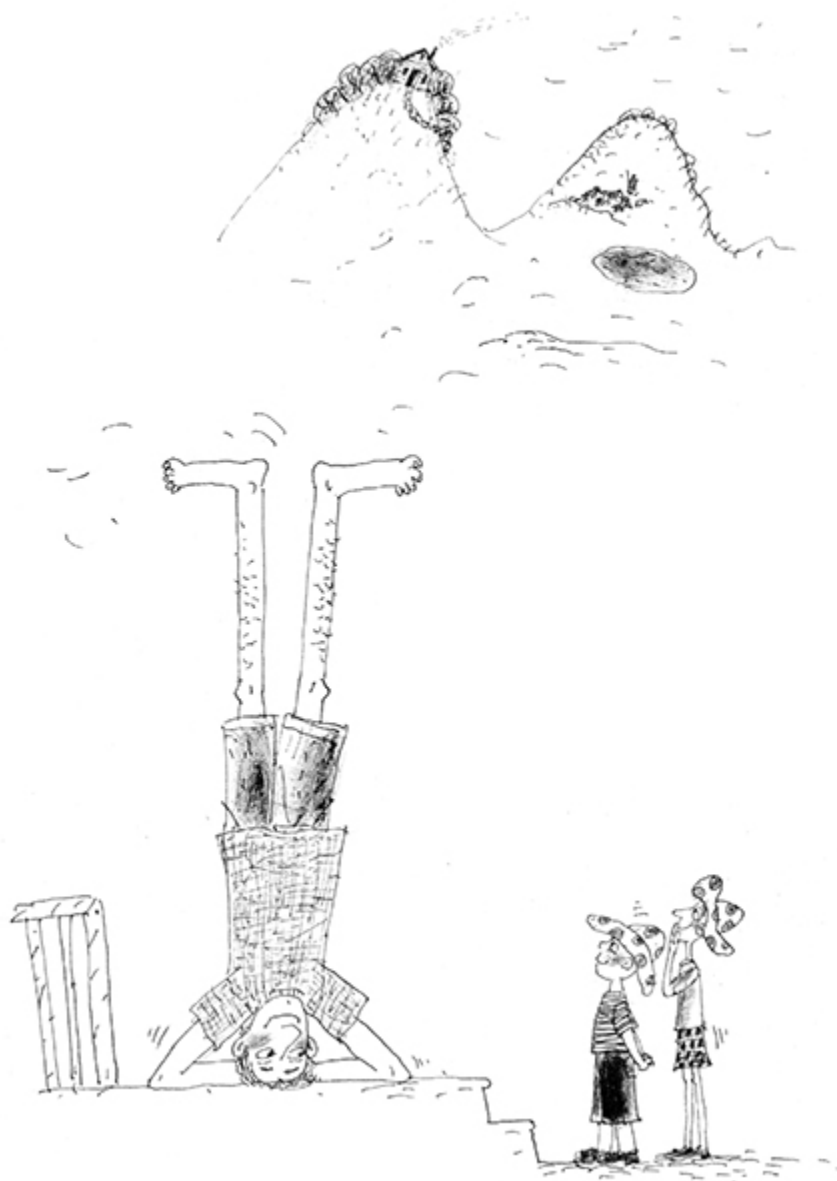
– Гвоздь они украли, – хмыкнула она, – дали бы умереть этому несчастному вероотступнику хотя бы как положено, чтобы в каждой ступне по гвоздю!

Дядя Миша лишился дара речи. Мы с Манькой стояли на пороге кухни и, затаив дыхание, прислушивались к разговору.

Ба разорвала руками хрустящий матнакаш [3] и сложила в хлебницу.

– Можно подумать, он того цыганского предка об этом просил! – важно сказала она и повернулась к нам: – Сударыни, вы пойдете кушать или и вам для разнообразия по шву наложить?

Глава 8. Манюня, или Что делает большая любовь с маленькими девочками

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Горы... Вы знаете, горы... Как вам объяснить, что для меня горы...

Горы, они не унижают тебя своим величием и не отворачиваются от тебя, вот ты, а вот горы, и между вами – никого.

Где-то там, внизу, облака – люди – ржавое авто, эгегей, я частичка космоса, я Божья улыбка, я емь восторг, посмотрите, люди, в волосах моих запутались звезды, а на ладонях спят рыбы.

Горы. Я их всегда ощущаю на кончиках своих пальцев, особенно остро – когда температуру.

Помню, нам с Манюней было по десять лет, мы стояли на вершине, держались за руки, и было нам очень страшно. Я сделала шаг к краю, и Манюня тоже сделала шаг, и сердце мое подпрыгнуло высоко к горлу и заклокотало – заполоскалось – затрепетало пойманной птицей.

– Иииииииииииии, – выдохнула Маня, – иииииииииииии.

А я и выговорить ничего не могла, я превратилась в один протяжный вдох, и высота манила вниз, можете себе такое представить, высота манит не вверх, а вниз, хочется разбежаться и полететь, но не до солнца, а до камней долететь.

И я обернулась.

– Па? – неуверенно спросила.

– Вы только не пугайтесь, – сказал папа, – вы просто запоминайте, вам теперь нести это в себе всю оставшуюся жизнь.

* * *

И помню другой день, и снова горы, мы стояли на берегу чистейшего горного ручья.

– Девочки, посмотрите сюда, – сказала моя бабушка Тата.

Она подняла с земли кусок подернутого ледяной коркой летнего высокогорного снега – от таких подтаявших ледников набирал свою силу журчащий ручей – и разломала его пополам.

И мы ахнули – все рассыпчатые внутренности снега кишели червями.

– Как такое может быть? – спросили мы.

– Прах еси и в прах возвратишься, – сказала Тата, – это касается и нас, и всего, что вы видите кругом, – снега, камней, солнца.

– И Бога? – осторожно спросили мы.

– И, конечно, Бога, – ответила моя мудрая Тата, – бессмертие – это такая непростительная трусость... Особенно непростительная ЕМУ.

А ТЕПЕРЬ ИСТОРИЯ

Роковая встреча Мани с ее любовью случилась на нашей даче.

Каждое лето моя семья выезжала в горы, где на макушке поросшего лесом холма, в маленьком дачном поселке, у нас имелся свой домик. Деревянный такой, добротнo сколоченный теремок с верандой, двумя спальнями и большой кухней, совмещенной с гостиной. Выражаясь современным языком, мы являлись счастливыми обладателями загородного коттеджа, правда, с весьма скромной внутренней обстановкой. Двухъярусные детские кровати, например, нам сколотил знакомый плотник, при этом сколотил их так, что подниматься на верхний ярус можно было только по стремянке, ибо лесенка получилась настолько кривобокой, что ребенок, решившийся вскарабкаться по ней, рисковал свалиться и свернуть себе шею.

Аскетическое убранство дома с лихвой восполнял вид, открывающийся за окном. Когда ранним летним утром мы выходили на порог, природа, отодвинув занавес плотного утреннего тумана, являла нашему взору свою неповторимую, омытую прохладной росой красоту, дурманила острым ароматом высокогорных трав, шумела кронами вековых деревьев да манила в лес далеким криком одинокой кукушки.

Это было невероятное счастье – ощущать себя частичкой такой красоты.

Воздух в горах был вкусный и нестерпимо прозрачный, он не давил и не утомлял, он мягко обволакивал и успокаивал. Становилось звонко и легко от беззаботности своего существования, да, становилось звонко и легко.

Просыпались мы с раннего утра от негромкого стука в окошко. Это наш знакомый пастух дядя Сурен принес домашних молочных продуктов.

Дядя Сурен был обветренный, грандиозный в своем сложении пятидесятилетний мужчина – огромный, широкоплечий, могучий, весь пропахший дымом от костра. Казалось, природа слепила его из цельного куска горной породы, он был красив той редкой и скупой красотой, внешней, но более – внутренней, которая свойственна жителям высокогорья. Росту в нем было не менее двух метров, по молодости он был быстр и неуклюж, но со временем приучил себя

двигаться медленно и не столь резко, иначе, шутили люди, во-первых, за ним не попевали коровы, а во-вторых, они пугались его размашистого крупного шага и не давали молока.

Дядя Сурен ежедневно гнал мимо нашего домика стадо по виду совершенно армянских, мосластых, тонконогих, широкозадых и, если вы позволите мне такое выражение, – носатых коров.

– Доктор Надя, – звал он маму (в его исполнении мамино имя звучало как Натъйа), – я вам принес сепарированной сметаны.

Доктор у меня папа, мама – преподаватель, но дядя Сурен совершенно не брал в расчет такие нюансы. Среди простого люда авторитет отца и его профессии был настолько высок, что простирался над остальными членами нашей семьи и облагораживал всех!

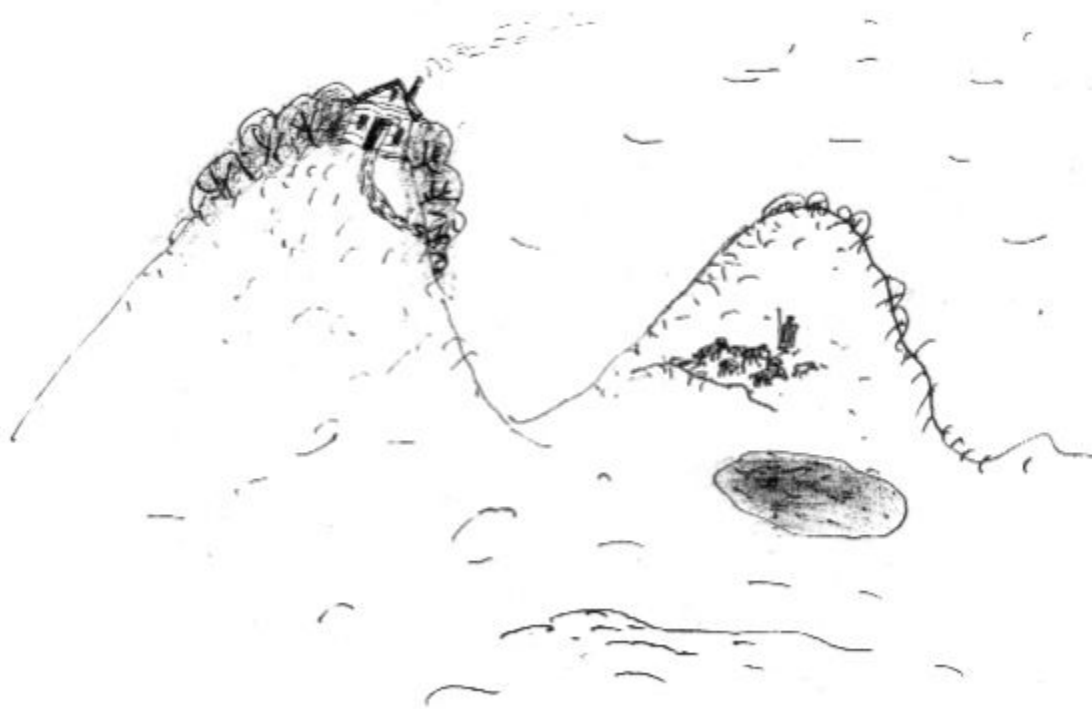
Мама выходила на крыльцо и забирала у дяди Сурена неожиданно кокетливый для его грозного экстерьера расписной эмалированный кувшинчик в мелкие лилии.

– Сурен, – говорила мама, – может, вы хотя бы сегодня зайдете попить с нами кофейку?

– Что вы, что вы, – пугался пастух, – меня стадо ждет!

Стадо коров действительно терпеливо переминалось на почтительном от нашего домика расстоянии, две огромные, ужасающего вида кавказские овчарки, вывалив из пасти длинные языки, остервенело махали маме хвостами.

Я, наспех одетая, стояла на стреме за дверью. Главное было не упустить момент. Дядя Сурен ежедневно приносил нам продукты: домашнее масло – желтое, чуть подернутое каплями солоноватой пахты, мацони, сепарированную сметану, брынзу или густое, еще теплое парное молоко. Продукты эти приносились якобы на продажу. Но после одной-двух дежурных фраз он вручал маме свой расписной кувшинчик и норовил ретироваться раньше, чем мы успевали расплатиться с ним.

Ритуал был трогательный и отработанный годами до мелочей: дядя Сурен стучался в окно, мама открывала дверь и приглашала его на кофе, он отказывался и моментально пунцовел – мама была чудо как хороша в светлом сарафанчике, с роскошными русыми волосами по плечам. По первости она, заинтригованная такой его реакцией, решила, что наш замечательный знакомый просто стесняется зайти в дом, и стала выносить ему чашечку кофе на крыльцо. Дядя Сурен брал крохотную чашку в свои огромные руки и держал ее бережно в течение всего коротенького разговора, не осмеливаясь отпить и глоточка. Далее он возвращал маме чашку, оставлял у нас свой кокетливый молочник до вечера – не тащить же его с собой на пастбище, и спешно начинал пятиться в направлении своего стада. Вместе с ним приходили в движение его коровы и огромные овчарки. Если кто видел, как выходят армяне из григорианских храмов – пятясь, не оборачиваясь спиной к образам, то он может себе представить всю прелесть действия, разворачивавшегося перед маминым взором.

И в этот миг приходил черед моего выхода на авансцену – я выпрыгивала из-за двери, сжимая в руках деньги, и догоняла огромного дядю Сурена, коров и двух ужасающих на вид овчарок.

Дядя Сурен прикрывал огромными ладонями свои карманы и всячески сопротивлялся: «Это моя Мариам для вас передала, – отбивался он, – не надо ничего, мы от чистого сердца, у вас вон сколько детей, это доктору, это девочкам...»

Если мне удавалось закинуть ему деньги в карман и отскочить до того, как он мне запихнет их обратно за шиворот, то я убегала без оглядки к дому, одним прыжком перемахивала через три ступеньки крыльца и захлопывала за собой дверь. Сердце колотилось так громко, что казалось – его стук эхом разносится по соседним холмам.

– Удалось? – спрашивала мама.

– Аха, – выдыхала я.

– Ну слава богу, – говорила мама, – ты посмотри, какую он нам сметану принес!

Сметана была восхитительной – желтая, жидкая, в толстой пенке взбитых сливок на горлышке кувшина. Так что, милые мои друзья, когда торговцы на рынках нахваляются вам свою густую, первой свежести сметану, то они лукавят, конечно. Свежая сепарированная сметана жидкая, чуть гуще 33 %-ных сливок, и твердеет она только на второй-третий день хранения на холоде.

Я стояла у окна и следила, как стадо коров уходит вдаль. Холм утопал в утреннем тумане, и было такое ощущение, словно коровы подцепили своими высокими рогами нижний край туманного полотна и гордо несут его над собой...

Мама нарезала большими дольками мясистые помидоры, болгарский перец и огурцы, поливала сверху сметаной, посыпала крупной солью да зеленью, мы ели летний салат, заворачивали в «лавашные влажные шкурки» домашний козий сыр. Друзья мои, кому, кому еще сказать спасибо за эти божественные вкусы-запахи-воспоминания? Кого я еще забыла поблагодарить?

Помню, как в один такой день к нам из леса вышел большой бурый медведь. И, видимо, в тот самый миг ангел свел домиком над нами свои ладони, потому что медведь постоял какое-то время, понаблюдав за нами, окаменевшими от ужаса, затем повернулся и неспешным шагом ушел в лес.

А вечером возвращался дядя Сурен, стадо медленно брело рядом – усталое, с набухшим выменем, густо мычало и топталось поодаль,

пока пастух забирал у нас свою тару. Он приносил нам на большом листе лопуха горсть лесных ягод, орешков или грибов, которые мы потом запекали на решетке. Рассказать, как? Нужно было отделить аккуратно шляпку гриба от ножки, положить в каждую шляпку кусочек домашнего масла, чуть посолить и запечь на углях. Грибы подергивались дымным запахом костра, масло скворчало и впитывалось в мякоть, ммм, такая получалась вкуснотища!!!

* * *

Как-то утром мама долго не выпускала нас с Маней из дома, а все придирчиво разглядывала с ног до головы да поправляла наши платица. Мы переминались в нетерпении – за порогом нас ожидали неотложные дела.

Вчера на склоне холма мы обнаружили большое семейство ядовитых грибов, именуемых в народе «волчий пук». Грибные шляпки имели сферическую форму, и если кто-то их задевал – мигом взрывались, распространяя вокруг немилосердную вонь. Мы с Маней передавили все грибы и долго плевались, приносясь к отвратительному смраду, исходившему от них. Сегодня надо было проверить, что стало с истоптанными грибами, и продолжают ли они распространять вчерашнюю убийственную вонь.

Наконец мы вырвались из маминых рук и нахлобучили на головы наши кособокие панамы. При виде панам мама наморщилась, как от зубной боли.

– Может, все-таки косыночки вам повязать? – предложила, впрочем, без особой надежды в голосе, она.

– Нет! – закричали мы с Манькой. – Какие косыночки, ты нам еще слюнявчики повяжи!

– Понимаете, девочки, – мама замялась, – к тете Свете приехала ее сестра Ася с мужем и сыном. Не хотелось бы, чтобы вы выглядели перед ними пугалами. Остальные девочки все при полном параде, с аккуратными хвостиками или косичками, а вы носитесь в этих уродливых панамах, только народ распугиваете.

– Сами же их нам сшили, – обиделись мы, – сначала говорили, что у нас воинственный вид, а теперь, значит, мы два пугала, да?

– Ну, как хотите, – вздохнула мама, – вы только ведите себя прилично и не шумите сильно, а то у тети Аси муж из Москвы, и он, глядя на вас, может подумать, что здесь одни дикари живут.

– А чего это он должен так подумать? – рассердились мы.

– Так он же москвич, вырос в столице. Поди у них в городе все девочки ходят в ажурных платьях и делают книксен, – хитро улыбнулась мама.

Маня надулась.

– Можно подумать, – пробубнила она, – книксен они делают! Эка невидаль. Пойдем посмотрим на этого москвича, заодно и покажем ему, как мы умеем делать книксен!

И мы пошли к дому тети Светы высматривать таинственного москвича. Тетисветын дом находился недалеко от нашего, на южном склоне холма.

– Ты хоть знаешь, что такое книксен? – Манька воинственно шмыгнула носом, поискала в кармане платок и, не найдя его, вытерла сопли тыльной стороной ладони.

– Не знаю, – мне было жутко обидно, что я, в отличие от московских девочек, чего-то не умела.

Мы какое-то время шли молча. Загадочное слово «книксен» взбудоражило наши умы, проникло в какие-то потаенные уголки сознания и требовало немедленной сатисфакции – нам хотелось прямо здесь и сейчас совершить какую-нибудь гадость. Я обернулась, посмотрела кругом – ни души.

– Москвички – в жопе спичкиииииииии! – проорала мстительно.

– А-ха-ха, – демонически рассмеялась Маня, – а-ха-ха!!!

– Не надо было грибы-вонючки давить. Можно было закидать ими двор тети Светы, – мы гаденько захихикали, – и, пока московский крендель ушами бы хлопал – наш след давно бы уже простыл.

Мы обошли холм южной стороной и приблизились к Тетисветыному дому.

– А вообще, как он выглядит, этот москвич? – задумчиво протянула Маня.

– Красивый, наверное. Обязательно в футболке с олимпийским мишкой на груди, – стала разбалтывать я свои сокровенные фантазии, – играет на гитаре и ест мороженое эскимо столько, сколько ему влезет, как старик Хоттабыч!

– Ну, – Маньке в целом понравился образ, который я нарисовала, – пожалуй, я была бы не против, если бы он еще трамваи водил.

– Трамваииии, – закатила я глаза, – дааааа, это было бы вообще здорово!!!

Манька посуровела.

– Но в целом он гадкий и сморкается в скатерть, а еще у него из носа торчат пучки волос, – заявила она.

– И уши у него волосатые! – вставила свои пять копеек я.

Наконец мы дошли до дома тети Светы, толкнули калитку и вошли во двор. Сделали несколько шагов по вымощенной речной галькой тропинке и встали как вкопанные.

На веранде Тетисветыного дома, аккурат за глухими перилами, на фоне деревянной стены торчали две длинные бледные ноги.

Они бесконечно тянулись вверх и весьма предсказуемо венчались большими плоскими ступнями. Ноги были в меру волосатые и воинственно топорщились острыми коленями.

– Это что такое? – вылупилась Манюня. – Это как называется, он вошел в дом, а ноги отстегнул и оставил на пороге вверх ступнями проветриваться?

– Да ну тебя, – захихикала я, – просто туловище за ограждением, вот мы его и не видим, он на голове стоит!

– А чего он на голове стоит, у них в Москве так принято гостей встречать? – съехидничала Манюня. – Пойдем поздороваемся с этим ненормальным, что ли.

В тот же миг ноги исчезли за перилами. Мы замерли.

– Сейчас покажется, – шепнула Манька. Но из-за ограждения никто не появлялся. Мы прислушались – ни звука. – Умер, – шепнула Маня, – а может, просто уснул. Пойдем, чего мы тут стоим, надо же ему книксен сломать!

Мы осторожно прошли вдоль веранды, поднялись по ступенькам и заглянули туда, где с минуту назад торчали ноги.

– Бу! – неожиданно выскочил нам навстречу высокий молодой человек.

Мы взвизгнули и пустились наутек. Но молодому человеку в комплекте с длинными ногами выдали не менее длинные руки, поэтому он быстренько схватил нас за плечи.

– Ну я же пошутил, девочки, что вы так испугались, – улыбнулся он. – Давайте знакомиться, меня зовут Олег, а вас как величают?

Мы зачарованно смотрели на него снизу вверх и молчали, словно воды в рот набрали. Олег выглядел как главный герой из фильма «Пираты XX века» – такие же голубые глаза, широкий лоб и ямочка на подбородке. А еще у него на шее болтался ажурный крестик.

– Ааааа, я понял, вы, наверное, немые, да, девочки? – хитро прищурился Олег.

– Да, – подала голос Маня, – мы немые, а зато у вас ноги бледные и волосатые!

– А у вас изумительные головные уборы, они вам очень к лицу, – загоготал столичный гость.

– Это не головные уборы, – рассердилась Маня, – это чтобы нам лысины прикрывать. – И, к моему ужасу, сдернула с головы панаму.

– О! – Наш новый знакомый растерялся, но быстро нашелся: – Ну и что, вы и без волос писанные красавицы.

Маня засопела, скрутила жгутом панаму, потом сунула ее мне:

– Забери себе, – прошипела уголком рта.

Я молча взяла панаму и разгладила ее в руках.

– А еще нам сделали маску из бараньих какашек и синьки, и какое-то время мы ходили с голубыми головами. – В Маньку словно бес вселился.

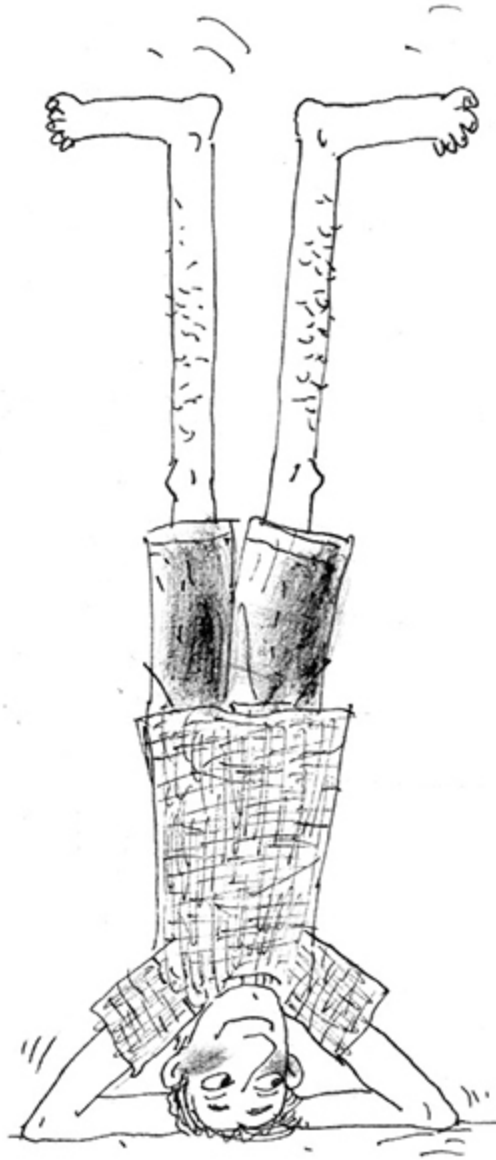
У гостя из столицы вытянулось лицо. Нужно было срочно спасти положение, пока он окончательно не решил, что столкнулся с дикарями.

– Всего два дня! – кинулась я восстанавливать нашу пошатнувшуюся репутацию. – Всего два дня мы ходили с синими головами, а потом маме с Ба пришлось шить панамы, потому что кругом дефицит и достать в магазине ничего нельзя! Поэтому мы сейчас выглядим как два пугала.

Манька пребольно пихнула меня локтем в бок.

– Дура! – прошипела она.

– Сама такая! – пихнула я ее в ответ.

Олег зашелся в хохоте. Мы с каменными лицами переждали беспардонное зубоскальство московского гостя. Он отдышался, протер ладонями брызнувшие из глаз слезы – на безымянном пальце его правой руки блеснуло желтой полоской обручальное кольцо.

– Девочки, а вы мне определенно нравитесь, – выговорил он наконец, – и акцент у вас такой забавный!

– А у вас акцент препротивный, – пошла в наступление Маня. – И кольцо вы носите не на той руке!

– Как это не на той? – Олег растопырил пальцы, а потом помахал ими у нас перед носом. – Наоборот, на той, православные носят

обручальные кольца на правой руке.

– А мы, получается, левославные, – решила блеснуть эрудицией я.

– В смысле – левославные? – удивился Олег.

– Ну, в смысле, что носим обручальные кольца на левой руке, – отрапортовала я.

Мне этот Олег сразу понравился, и я, что греха таить, старалась тоже ему понравиться. В моей душе зашевелился укол ненависти к этой противной Асе, которой достался такой замечательный молодой человек.

– А это правда, что вы из Москвы? – поинтересовалась я.

– Правда, я родился и вырос в Москве. Потом женился на тете Асе. А потом у нас родился сын Артем. Ему пять, и он очень хороший мальчик, я надеюсь, что вы с ним подружитесь.

– Очень надо, – огрызнулась Маня.

Я помертвела. Мне было очень стыдно за свою подругу. Манька из улыбчивой и вежливой девочки превратилась в маленького злого бесенка, смотрела исподлобья, стояла руки в боки и воинственно топорщилась круглым пузом.

Но отчитывать подругу при чужом человеке было бы последним делом, поэтому я, как ни в чем не бывало, продолжила светский разговор:

– А где ваша жена?

– Они со Светой и детьми пошли прогуляться по поселку, а я решил пока заняться йогой, – пояснил Олег. – Скоро вернутся, вы сможете познакомиться с нею.

– Ладно, я пошла, некогда мне тут с вами разговаривать, – процедила сквозь зубы Манька.

Она сделала лицо кирпичом, спустилась по ступенькам во двор, вырвала голыми руками торчащий из-под лестницы стебель матерой крапивы и, размахивая им по сторонам, пошла к калитке. Я покорно поплелась за ней, предварительно сдернув со своей головы панаму, – позориться, так вместе. Вырвать стебель крапивы смалодушничала.

– Девочки, вы так и не сказали, как вас зовут! – крикнул нам вдогонку Олег. – И скажите на милость, зачем вам крапива?

– Зита и Гита, – не оборачиваясь, зло ответила Маня, – нас зовут Зита и Гита, а крапива нам нужна для занятий йогой. – Она пропустила меня вперед и демонстративно громко стукнула калиткой.

Мы прошли вдоль забора Тетисветыного дома и свернули за угол. И только здесь Маня выкинула крапиву в кусты.

– Кусачая, зараза, – процедила она сквозь зубы.

– Чешется? Может, смочить ладонь водой? – спросила я.

– До дома дотерплю, – Маня впервые глянула на меня и тут же отвела глаза. Выражение ее лица было такое, что у меня сразу пропала всякая охота задавать ей лишние вопросы.

– А давай наперегонки! – предложила я.

– Побежалиииииии! – заорала Манька.

Когда мы ворвались в дом, мама пыталась накормить мою младшую сестру Сонечку картофельным пюре. Маленькая Сонечка чуть ли не с рождения демонстрировала поразительную разборчивость в еде. Все, кроме докторской колбасы и перьев зеленого лука, она категорически исключила из своего рациона. Вот и сейчас она с облегчением выплюнула пюре себе на слюнявчик и потянулась ручками к нам.

– Зями меня на юкки, – пролепетала жалобно.

Манька состроила ей козу, погладила по головке. Хмыкнула. Из ее ноздри выдулся большой пузырь. Маня с шумом втянула его обратно.

– Тетьнадь, я, кажется, влюбилась, – ошарашила она маму.

– Так, – мама вытащила из кармана платок и заставила Маньку высморкаться, – и в кого это ты влюбилась?

– В мужа тети Аси. – Маня посмотрела на маму долгим немигающим взглядом, потом тяжело вздохнула: – Вот! Вы только не говорите ничего Ба, а то она сделает все возможное, чтобы помешать мне выйти за него замуж!

Мама выронила платок. Оставшаяся без внимания Сонечка дотянулась до тарелочки с пюре и с наслаждением погрузила туда свои пухленькие ручки.

Это была «взрослая» и, увы, самая беспощадная в своей безответности любовь моей Мани. Все оставшиеся дни пребывания Тетисветыных гостей она посвятила целенаправленному сживанию объекта своего почитания со света.

На третий день, под покровом ночи, московские гости отбыли восвояси. Вполне возможно, что Олег, истерзанный разрушительными ухаживаниями Мани, уезжал на всякий случай переодетый, как

Керенский, в костюме сестры милосердия. Это так папа предположил, комментируя поспешный их отъезд.

– Во всяком случае, – продолжил он в задумчивости, – кто-нибудь из них должен был сдаться – или Маня, или Олег. Просто у Олега оказался хороший инстинкт самосохранения, – рассмеялся папа и натянул Мане на глаза панаму. – Ну что, маленький агрессор, носи карты, сейчас будем резаться в подкидного дурака!

Глава 9. Манюня влюбилась, день второй, или Щедрые дары волхвов

Шел второй день пребывания московских гостей на Тетисветыной даче. Весь вчерашний вечер Манюня провела в душевных терзаниях – ей было очень неудобно за свое грубое поведение перед Олегом.

– Какая муха меня укусила? – причитала она.

– Небось какая-нибудь зловредная муха, – подливала я масла в огонь.

– Это ты так обзываешься или утешаешь меня? – разозлилась Маня.

– А нечего было человеку грубить! – пошла в наступление я.

После небольшого кровопролитного совещания мы все-таки пришли к совместному решению, что Манюне надо обязательно просить прощения у Олега.

Потом мы какое-то время рыскали вокруг Тетисветыного дома, все придумывали, в какой бы форме ей извиниться, чтобы и глубину своего раскаяния показать, и не сильно ударить в грязь лицом.

– Нужно извиняться так, чтобы никто другой, кроме него, тебя не слышал, – инструктировала я. – Ты просто подкрадешься к нему и шепнешь: простите меня, пожалуйста, я так больше не буду.

– Этого мало, мне нужно попросить прощения и еще кое-чего ему сказать, – упорствовала Маня.

– Что ты ему хочешь еще сказать?

– Я пока сама не знаю.

– Тогда, может, ты брякнешь первое, что придет тебе в голову? Можешь просто сказать: «Какой сегодня день хороший извините меня пожалуйста я так больше не буду!»

– Давай мы еще чуток погуляем, прорепетировать надо! – Манька умоляюще посмотрела на меня.

Ладно, гуляем дальше.

Наматываем круги, репетируем вслух извинения, мозолим глаза соседу дяде Грише, который уже с явным подозрением выглядывает из-за своего забора, беспокоясь, чего эти мы так упорно метим территорию по периметру Тетисветыного дома.

Каждый раз, равняясь с ним, мы важно здороваемся:

– Здравствуйте, дядя Гриша!

– Девочки, неужели вам больше негде гулять? – После нашего третьего невозмутимого приветствия у дяди Гриши сдают нервы.

– Негде! – Маня исподлобья смотрит на дядю Гришу. – Негде, а главное – незачем!

Дядя Гриша качает головой и отходит в сторону – не каждый взрослый в состоянии хладнокровно здороваться с двумя ненормальными девочками три раза подряд в течение десяти минут.

В момент, когда количество витков вокруг Тетисветыного дома реально угрожает перевалить за сотню, Маня решительно останавливается напротив калитки.

– Пора! – командует уголкем рта и затягивает голову в плечи. Берет штурмом забор и боевым зигзагом, заматавая следы, с короткими перебежками от одного смородинового куста к другому, продвигается к дому. Я, затаив дыхание, бесшумно слеую за ней.

Мы быстрые и ловкие, как сто тысяч гепардов, мы смертельно опасные, как занесенная над позвоночником косули лапа разъяренной львицы! Дай нам сейчас роту зловердных душманов – и они на своей шкуре испытают процесс радиоактивного бета-распада. Ни одна камера не зафиксирует наши слаженные передвижения – настолько убедительно мы слились с окружающим ландшафтом!!!

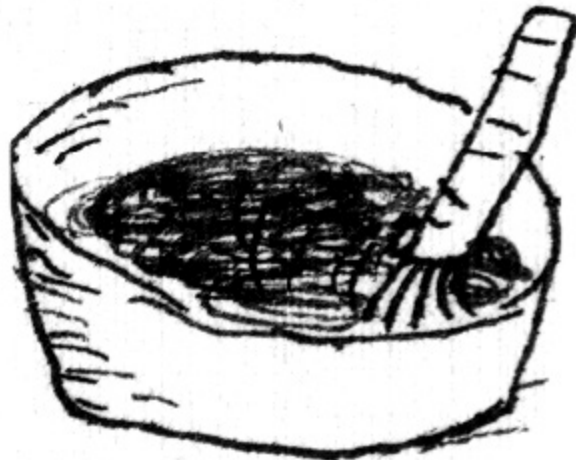
– Девочки, – как гром среди ясного неба раздается вдруг голос тети Светы, – что это вы там делаете? Зачем топчете мою петрушку? Ну-ка, вылезайте к веранде!

Секретная операция провалена. Мы пристыженно покидаем место нашей дислокации.

Тетя Света выглядывает из окна, у тети Светы такое недоумевающее выражение лица, словно невидимыми нитями поддели ее веки и сильно потянули вверх и вниз. Еще чуть-чуть – и ее глаза вылезут из орбит.

– Наринэ, Мария, вам не стыдно? Что это вы там затеяли?

Мы виновато топчемся на месте и молчим словно воды в рот набрали. Нам действительно очень стыдно. Тетя Света – самый лучший педиатр нашего района, она знает нас буквально с первого дня рождения и все наши болячки помнит наизусть. Можно сказать, мы выросли на ее глазах и при самом непосредственном ее участии. Поэтому ничего другого, кроме как позорно торчать живописной окаменелой кучкой посреди двора, нам не остается.

Вдруг открывается дверь, и на веранду выскользывает девушка потрясающей, неземной красоты. Она невысокая и хрупкая, у нее большие миндалевидные глаза, изогнутые в полуулыбке губы, золотистая кожа и роскошный хвост каштановых волос. На ней темно-синие фантастические джинсы и кофта в обтяжку. Она вся какая-то светящаяся, нездешняя и прекрасная. Вот, значит, какая эта Ася!

У меня больно сжимается сердце – никогда, никогда не променяет Олег такую красавицу на мою Манюню.

Ася разглядывает нас так, словно мы два вылезших на поверхность земли дождевых червя.

– Кто эти девочки, Света? – спрашивает она.

– Это Надина дочка со своей подругой, они почему-то прятались за смородиной и вытоптали мне все грядки с зеленью!

Ася изгибает бровь. Откуда-то из памяти всплывает слово «лунолика» и подпрыгивает невидимым мячиком на кончике моего языка. «Лунолика», – украдкой шепчу я, принаравливаясь к непривычному звучанию слова.

Тем временем лунолика облокачивается на перила веранды.

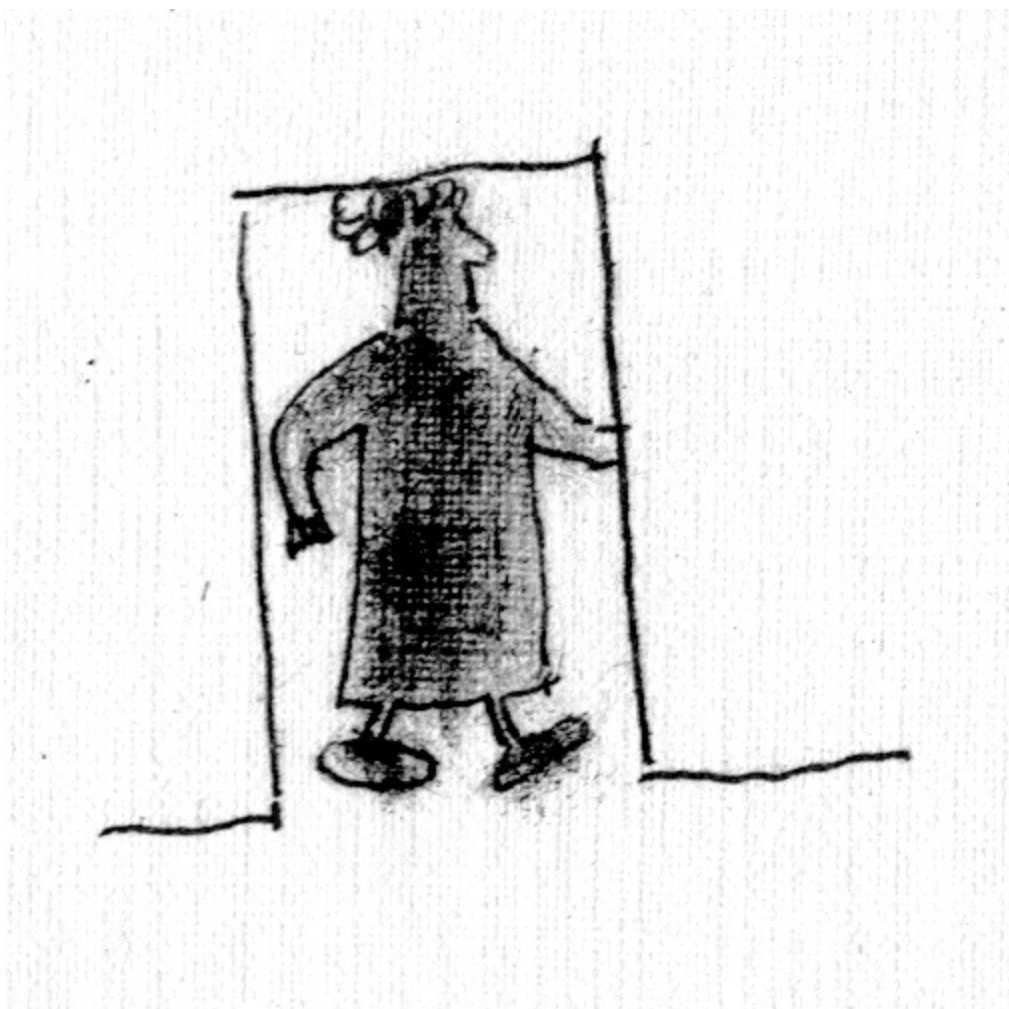
– Странные какие-то вы девочки, зашли без спросу, вытоптали грядки, вас сюда кто-то звал? – фыркает она.

– Да я их сто лет знаю, – заступается за нас тетя Света, но ее прерывает скрип открывающейся калитки. Тетя Света улыбается и теплеет лицом.

– Мама, тетя Света, мы видели в небе большого орла, – раздается за нашими спинами радостный детский голос. Мы оборачиваемся. К дому бежит маленький кудрявый мальчик в голубенькой футболке и клетчатых шортах. Следом за ним идет Олег. Заметив нас, он останавливается и моментально расплывается в широкой улыбке.

– Аааааа, Зита и Гита, это снова вы? Пришли за новым букетом крапивы для занятий йогой?

– Какие еще Зита и Гита? – обратно начинает сильно недоумевать тетя Света. У нее привычным маршрутом вылезают на лоб глаза и всячески грозятся отделиться от хозяйки и пуститься в свободное плавание.

Олег молчит и улыбается. Он прекрасен, как неженатый тронный принц в одном отдельно взятом сказочном королевстве.

– Пойдем, – Маня не выдерживает сияния, исходящего от Олега, и дергает меня за локоть.

Она делает несколько стремительных шагов, потом вдруг останавливается как вкопанная. Я больно налетаю на нее. Манька отодвигает меня рукой и оборачивается к веранде. Застывшим Маниным лицом вполне себе можно колоть орехи или вбивать аршинные гвозди в бетонную стену. Если быстренько снять с ее лица гипсовый слепок и всяко-разно его раскрасить, то не исключено, что можно будет потом его выставить в нашем краеведческом музее как ритуальную маску ацтекского бога войны Вицлипуцли.

С минуту моя подруга сверлит немигающим тяжелым взглядом дыру где-то в районе префронтальной зоны правой лобной доли Аси. Шумно выдыхает:

– Никогда!

Оборачивается далее маской Вицлипуцли к Олегу, выплевывает по слогам:

– Ни-ког-да!

Улыбка замерзает на лице Олега. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но Маня предостерегающе поднимает ладонь. Олег замирает. Маня обходит его брезгливой дугой и прет танком к калитке. Я еле поспеваю за ней.

– Наринэ, вы куда? – Тете Свете все неймется, тете Свете уже безразлична судьба ее оттопыренных глаз. – Девочки, что с вами?

Возле калитки Манюня оборачивается и выкрикивает, торжествуя:

– Никогда! И ни за что!!!

Занавес.

* * *

Так прошел первый день любовного настроения моей Мани. Поздно вечером, когда мы уже лежали в постели, тетя Света с Олегом и Асей заглянули на огонек к моим родителям. До нас долетали обрывки разговора и взрывы хохота, потом наступила внезапная

тишина, кто-то забренчал на гитаре и запел низким, чуть хрипловатым голосом «Арбатского романса старинное шитье». Манечка мигом села в постели, на фоне ночного окна смешно вырисовалась торчащими вразнобой ушками ее круглая голова, она обернулась ко мне и трогательно выдохнула:

– Это ОН!

Уснули мы с глубоким чувством выполненного долга.

* * *

Второй день начался Маниными ритуальными занятиями на скрипке. Занятия периодически прерывались громкими «не хочу», «надоело» и «почему я должна, а Нарка нет?».

Почему Нарка нет – потому что Нарке в кои веки повезло, и ее взяли в класс фортепиано, а не флейты, например. А кто дурак перевозить фортепиано на лето из квартиры на дачу?

Пока Маня мучила скрипку, я возилась со своей младшей сестрой Сонечкой – отбывала наказание за Манюнины страдания. Мама решила, что так будет справедливее. Поэтому мы с Сонечкой, контуженные Маниной игрой, тихо перекладывали кубики и лепили пластилиновых уродцев.

Сразу после занятий, пока я убирала игрушки, Манька выскользнула за порог. Через какое-то время она заглянула обратно: «Пойдем», – шепнула конспиративно мне.

– Куда? – напряглась мама. – Снова к тете Свете? Она рассказала нам про все ваши проделки, как вы грубили Олегу и вытоптали грядки с петрушкой. Разве можно так себя вести, девочки?

– Мы больше не будем, Тетьнадь, – забегала глазами по лицу Манька и кивнула мне: – Пойдем что покажу!

Я выскочила за порог. Манька поволокла меня за угол и протянула таинственный сверток.

– Вот! – сказала она торжествующе.

– Это что такое? – Я с подозрением сначала пощупала, а потом принялась к странному свертку – доверия своим видом он у меня не вызывал.

– Это подарок, – Манька с трудом скрывала свое ликование, – для него! Здорово я придумала?

– В смысле: для него? Для кого это – для него?

– Нарка, какая же ты недалекая! Для Олега. Ну, чего ждешь, разворачивай скорее!

Я осторожно развернула мятый «Советский спорт». Под ним обнаружился свернутый пухлым конвертом лист лопуха. Внутри лопуха лежал камень размером с большую картофелину сорта «Удача».

– Это что такое?

Манька бережно завернула картофель обратно в лопух.

– Мы же помогли твоей маме заворачивать в виноградные листья фарш на толму, помнишь?

Я помнила, конечно. Сначала мы напросились помогать маме, а потом подглядели в кухонное окно, как она выковыривает из кастрюли наши «шедевральные творения» и по новой заворачивает фарш в виноградные листья.

– Вот, – Манька посмотрела на меня торжествующе, – я уже практически хозяйка, и Олег должен об этом знать!

– И что он должен с этим камнем делать? Есть его? – Я никак не могла взять в толк, зачем Мане этот сверток.

– Глупышка. – Манька смерила меня снисходительным взглядом. – Зачем его есть? Хотя, – призадумалась она, – мало ли что едят люди, которые стоят на голове, может, они камнями питаются, я же не знаю. Вот выйду за него замуж, расскажу тебе, что да как. А сверток этот просто подарок – он полюбуется на мою искусств... искусст... искусствую стряпню и сразу влюбится в меня.

Был замечательный летний полдень. Солнце стояло уже высоко, но, как часто бывает в высокогорье, – совершенно не припекало. Воздух был звонким и чистым и невесомым, словно перышко. С каждым вдохом он наполнял легкие газированными пузырьками счастья – хотелось взлететь и бесконечно парить над землей.

Все и вся вокруг радостно тянулось навстречу погожему солнечному дню. Все и вся! Кроме Мани. Мане было не до банальных розовых соплей.

Маня вышла на тропу войны.

Когда мы уходили со двора, мама высунулась в окно:

– Куда это вы собрались, девочки? Скоро обедать.

– Мы быстренько!

Идти до Тетисветыного дома было всего ничего, минут семь размеренным шагом. Труднее всего было найти способ передать подарок Олегу так, чтобы этого не видела его жена. Потому что мы не горели желанием снова расстраиваться из-за ее красоты.

– Ничего, что-нибудь на месте придумаем, – подбадривала меня всю дорогу Манечка. Но скоро мы уже были на месте, а совместный мозговой штурм не давал результатов.

– Давай кинем подарок им во двор, – предложила я.

– Ага, а потом его найдет эта фифа Ася и решит, что он предназначался ей! Еще чего!

Маня была абсолютно права – нельзя допускать, чтобы символ ее бесспорного кулинарного таланта достался врагу. Кидать нужно было метко, и желательно именно в Олега. Осталось дожидаться, чтобы он вышел во двор и какое-то время побыл недвижимой мишенью. Тогда мы успели бы прицелиться и метко запулить в него драгоценным свертком.

В томительном ожидании прошла вечность. Мы, затаив дыхание, ждали, когда же выйдет Олег. Из дома раздавались негромкие голоса, слышался перезвон посуды.

– Обедают, – протянула я, в животе предательски заурчало.

– Ага, – Манька громко сглотнула, – страсть как кушать хочется!

Мы прождали вторую вечность. Вторая вечность тянулась еще дольше, чем первая. Живот от голодного урчания ходил ходуном.

– Давай сосчитаем до ста, если к тому времени Олег не выйдет во двор, то мы сбегаете домой, поедим, а потом вернемся дожидаться его по новой, – не выдержала я.

– Давай, – согласилась Маня, – только, чур, не мухлевать!

Через минуту мы чуть не подрались – Маня говорила, что я считаю очень быстро и специально заглываю окончания слов, и это нечестно, а я отвечала, что она чересчур медленно считает и растягивает слоги.

– Дура, – ругалась Маня, – что же ты так частишь? Не двцтьдв, а два-а-адцать два!

– Сама ты дура, – громкое урчание в животе заглушало мой злой шепот, – какая разница, как я называю цифры, главное, что я не сбиваюсь со счета!

Еще немного, и мы бы, наверное, покалечили друг друга муляжом толмы, но вдруг с той стороны забора раздался тоненький голосок:

– А я тоже умею считать!

Мы притихли и глянули в щель между досками забора. За нами с Тетисветыного двора следил большой голубой глаз. Потом глаз исчез, а в щель просунулся толстенный пальчик:

– Это раз!

Пальчик исчез, и через секунду в щель высунулись два пальца:

– Это два!

– Подожди! – Мы с Маней переглянулись. – Тебя как зовут?

– Меня зовут Арден, и мне скоро будет пять лет, – с готовностью отрапортовал голубой глаз.

– Как-как тебя зовут?

– Арден!

Мы крепко задумались.

– Может, аккордеон? – нерешительно предположила Маня.

– Ты скажи еще гобой, – рассердилась я. – Мальчик, выговори четко свое имя.

– Ар-ден, – в свою очередь рассердился глаз, – меня зовут Ар-ден.

Потом глаз исчез, и из щели между досками вылезла пухлая ладошка с растопыренными пальцами:

– А это пять, мне скоро будет столько лет, – миролюбиво продолжил он.

Меня осенило:

– Мань, а давай мы Ард... ему вручим подарок и скажем, чтобы он отнес его Олегу. Просто скажем, что это подарок для его папы.

– Это выход, – обрадовалась Маня и позвала мальчика: – Эй, мальчик, Арден!

– Меня зовут не Арден, а Арден! – обиделся мальчик.

– Ну я же и говорю: Арден, – изумилась Маня.

– Это неважно! – торопилась я. – Мальчик, а давай мы тебе передадим подарок для твоего папы?

– Давайте, – обрадовался мальчик.

– Только ты ему не говори, что подарок тебе две девочки передали, ладно?

– Ладно!

– Точно не скажешь?

– Точно. Давайте подарок!

Маня протянула руку поверх забора и вручила Ардену драгоценный сверток. Тот взял его: «Ого, тяжеленький», – выговорил и побежал к дому.

– Папаааааааааа! – заорал он что есть мочи. – Тут две девочки тебе подарок передалиииииии!!!

– Какие девочки, что это у тебя в руках, Артемка? – раздался голос Олега.

– Бежим, – выпучилась Манька и рывком стартовала с места. Дорогу до нашего дома мы преодолели за считанные секунды, и, окажись каким-то чудом на финишной прямой рефери с секундомером, он бы зафиксировал новый мировой рекорд по бегу на короткие дистанции!

– Артем! – с трудом отдышалась я, заскочив одним прыжком на веранду нашего дома. – Его зовут Артем!

– Предатель он, а не Артем, – хваталась за бок Маня, – теперь Олег догадался, что это мы ему подарок передали!

– Ну так это же хорошо! – осенило меня. – Он ведь должен знать, кто так здорово умеет заворачивать толму.

– Ты думаешь? – Маня посмотрела на меня с благодарностью. – Нарка, ты прямо ГЕНИЙ, как я сама раньше не догадалась!

После обеда мы вышли прогуляться. Позавчерашний обильный и теплый дождь не прошел даром, и склоны нашего холма покрыл ковер из огромных алых высокогорных маков. Мы нарвали большой букет и с чувством исполненного долга вручили его маме.

– Ах, какая прелесть, – всплеснула она руками, – какая красота!

Мама была в длинном светлом сарафане, по плечам ее рассыпались пышные русые локоны, она держала в руках большой букет алых маков и улыбалась нам.

Мы невольно залюбовались ею.

– Тетьнадь, – выдохнула Маня, – я ведь, когда вырасту, буду на вас похожа, да?

– Ты будешь лучше, – мама погладила ее по щечке, – ты будешь настоящей красавицей!

– Да? – Маня вспотела от радости.

– Конечно! – засмеялась мама и пошла ставить цветы в вазу.

– А он-то знает, что я буду красавицей? – задумчиво протянула моя подруга.

Я пожалала плечами. Откуда мне было знать, о чем думает Олег!

– Пойдем, что ли? – предложила я. – Посмотрим, что там у них во дворе происходит.

– Пойдем, – Маня благодарно глянула на меня. – Хорошо, что ты сама это сказала, а то мне уже неудобно было предлагать.

– Почему было неудобно? – удивилась я.

– Потому что я гордая, – вздохнула Маня.

Уже в трехстах метрах от Тетисветыного дома мы заметили красный флажок, торчащий из щели между досками забора. Топтались какое-то время на расстоянии, потом подошли взглянуть поближе. Это был совершенно обычный первомайский флажок на тоненьком деревянном древке. Мы в задумчивости постояли какое-то время над ним, потом ткнули пальцем. Флажок выпал наружу, и мы увидели завернутую в тугой рулончик бумажку, прикрепленную к его древку. Конечно же, первым делом подрались за право прочесть записку. Победила Маня, которая с душераздирающим криком: «Я его первая полюбила!» – вырвала у меня флажок. Она с замиранием сердца развернула бумажку.

«Зита и Гита! – гласила записка крупным размашистым почерком. – Подойдите к калитке и заберите то, что лежит под большим камнем слева. И не безобразничайте, все равно никто этого не оценит, потому что все ушли жарить шашлыки на природе».

Мы подошли к калитке, быстро вычислили камень и поддели его древком флажка – в стане врага нужно быть очень осторожным и не прикасаться к чему попало руками. Под камнем лежал маленький пакетик. Мы с замиранием сердца развернули его. В пакетике оказались четыре конфеты «Мишка на севере»!

– Видишь, какой он хороший, – с трудом вымолвила Маня, набив рот вкуснющим шоколадом.

– Угум! Ему явно понравился твой подарок!

– А давай мы еще чего ему подарим! – загорелась Маня.

– Давай, – обрадовалась я. Если за муляж толмы полагались по две шоколадные конфеты на одну девочку, то при продуманном подходе к делу нам могли отсыпать целый мешок шоколадных конфет!

И мы стали прикидывать, чем еще можно удивить Олега.

За короткий промежуток времени мы приволокли к заветному камню букет маков, десяток червивых желудей, горсть малины, большую, насквозь просохшую коровью лепешку, дырявое пластмассовое пятилитровое ведро, пустую пачку из-под вонючих сигарет «Арин-Берд». После недолгих раздумий к живописной куче подарков мы присовокупили какую-то ржавую железяку, назначение которой так и не смогли установить, дырявый резиновый мяч, большой полукруг чаги, выданный с мясом со ствола бука, килограмм разнокалиберных камушков и целое семейство ядреных, вытянувшихся на радостях от дождя в полный рост мухоморов.

Возвращались мы домой в твердой уверенности, что при виде таких щедрых даров сердце Олега дрогнет, и участь Аси будет горькой!

Так закончился второй день любовного настроения моей Манюни.

Впереди был самый трудный и местами действительно печальный, последний день.

Глава 10. Манюня влюбилась, день последний, или Здравствуй, грусть

Третий день любовного настроения Манюни ознаменовался грандиозным выговором с самого раннего утра. Выговаривали, естественно, мне с Манюней.

– Девочки, я вас совсем не узнаю, – кипятилась мама, – как вы могли натаскать такое количество мусора к калитке тети Светы?! Людям больше нечем заниматься, как за вами мусор разгрести? А главное – зачем вы это вообще сделали?

– Это не мы, – соврала я.

– Надо бы тебе суровой ниткой рот зашить, чтобы ты больше не лгала, Наринэ! Соседи видели, как вы чуть ли не весь мусор с

окрестных свалок волокли к Тетисветыному забору! Вы мне хотя бы можете объяснить причину своего неадекватного поведения?

– Это не неадык... неадвыкват... что вы за слово сказали, Тетьнадь? – Манька мяла в руках свою панаму и виновато заглядывала маме в глаза.

– Неадекватное, то есть странное поведение. А как по-другому я могу назвать то, что вы сделали?

– Это не странное поведение, это я все придумала, – Манечка шагнула вперед и заслонила меня плечом. – Это я во всем виновата, Тетьнадь, вы меня ругайте, а не Нарку.

манка -
невыдумка
к

Мама действительно очень сердилась. Но когда Манечка заслонила собой меня – она не сдержалась и улыбнулась. Мы мигом заискивающе заулыбались ей в ответ. Мама спохватилась и вновь нахмурилась. Мы виновато сторбились.

– Понимаете, Тетьнадь, – Манька нахлобучила на голову свою кособокую панаму и сильно потянула за поля – панама надвинулась на самые брови, подмяв под себя ушки, – я же вам говорила, что мне понравился Олег. Вот я и подумала, что пара-другая простеньких подарков может заставить его влюбиться в меня.

Мама всплеснула руками.

– Мария, ты хоть понимаешь, что говоришь? Он взрослый человек, ему уже двадцать восемь лет, у него жена и пятилетний сын...

– Арден, – вставила я.

– Кто?

– Ну, он называет себя Арденом. Не умеет правильно свое имя выговорить.

– Да хоть тазик! – рассердилась мама. – Только разве речь об этом?

Речь о том, что нельзя влюбляться в чужих мужей, это раз. И два – вы маленькие девочки, а маленьким девочкам в вашем возрасте положено читать книжки и играть в куклы, а не забивать голову всякой ерундой да хулиганить!

Манечка обиженно засопела.

– Да мы уже все книжки перечитали, которые привезли с собой, а в куклы пусть Сонечка играет, мы уже не маленькие, нам по одиннадцать лет. Это раз. А два – Тетьнадь, ну ведь эта Ася – такая выыыыдра, неужели вы этого не видите?!

– Мария, обзывать нехорошо, и тебе об этом не раз говорила Ба. – При упоминании Ба мы обе стали ниже ростом, зато мама гордо расправила крылья – ее слова получили дополнительную весомость. – Это раз. И два: коль уж ты такая большая девочка и не хочешь играть в куклы, тогда ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос: если бы влюбленный мальчик подарил тебе дырявое ведро, что бы ты сделала?

– Я бы надела ведро ему на голову!

– А с чего ты тогда взяла, что ваши «подарки» могли понравиться Олегу? А по моим сведениям, в этой куче мусора дырявое ведро было самым безобидным экземпляром!

Мы пристыженно молчали.

– Любимому человеку нужно дарить самое дорогое, что у тебя есть, понимаешь? – продолжала поучать мама. – Что это за любовь такая, когда ты объекту своего воздыхания преподносишь сухую коровью лепешку!

– Но она была очень большая и плоская, – хором стали оправдываться мы, – и вся насквозь кишела жучками. Такие коровьи лепешки он вряд ли мог видеть в Москве!

– Ну да, конечно, – хмыкнула мама, – он ее заберет с собой в столицу и будет всем встречным-поперечным хвастаться: посмотрите, какими большими лепешками какают армянские коровы! Все, девочки, разговор окончен, вы сегодня под домашним арестом, марш в детскую! У вас до завтрашнего утра будет достаточно времени, чтобы обдумать свое безобразное поведение.

Мы безропотно поплелись в спальню. По собственному опыту знали – спорить с мамой себе дороже, и, если упрямиться, можно больно-пребольно получить по попе.

– Угораздило тебя влюбиться в этого Олега, – сокрушалась я, – теперь придется из-за него проторчать взаперти до завтрашнего утра.

– Сердцу не прикажешь, – тяжело вздохнула Маня, – так папа говорит, когда ругается с Ба из-за мамы. Я все думала, что он имеет в виду, а теперь поняла. Влюбиться можно хоть в кого угодно, потому что сердце само выбирает, кого любить. Идешь ты куда-то, в булочную например, а дорогу медленно переползает червяк. Тебе так и хочется на него наступить, а сердце rrrrrраз – и влюбляется. И все, до свидания, спокойная жизнь!

Мне стало страшно. Мало ли в кого вздумает влюбиться мое сумасбродное сердце? А если и впрямь в какое-нибудь животное? Вон у старьевщика дяди Славика есть осел, орет круглые сутки. Соседи ругаются, что он им спать не дает, а дяде Славику жалко от него избавляться. «Это потому он орет, что тоскливо ему от старости», – оправдывается он перед соседями. А мало ли зачем этому ослу тоскливо? Может, ему любви не хватает, может, он меня дожидается? Пойду я мимо дома старьевщика, а мое жалостливое сердце увидит осла и сразу влюбится. И что тогда делать? Выходить за него замуж, что ли?

Я решительно помотала головой, чтобы отогнать тревожные мысли. Манечка, пригорюнившись, стояла у стола и перекладывала книги из одной стопки в другую.

– Понимаешь, я бы хотела, чтобы он жил с нами. Дружил с папой, научил его правильно стоять на голове. Он бы спал в дальней комнате, а я по вечерам играла бы ему на скрипке.

– А Ба? – испугалась я.

Маня посуровела лицом.

– Дааааа, с Ба договориться не получится. Она Олега мигом выставит за дверь, – Манюня чуть помолчала, а потом добавила мечтательно: – Вот если бы у него была шапка-невидимка!!!

Перед моим внутренним взором развернулась дивная картина: дядя Миша стоит на голове, Маня играет на скрипке, Олег сидит в шапке-невидимке, а за его спиной стоит Ба и целится в него из папиного охотничьего ружья. Я прыснула.

– Нет, боюсь, при Ба все волшебные предметы будут терять свои свойства!

Манька покатила со смеху.

– Это даааа, – простонала она сквозь смех, – у Ба даже волшебные предметы не забалуют.

Потом мы какое-то время развлекались тем, что выглядывали в окно. С улицы доносились радостные голоса играющей в прятки детворы.

– Акали-бакали-чаварда-какали, – выкрикивала грузинскую считалочку моя сестра Каринка. Потом водящий стал громко считать, и мимо окна пулей пролетел маленький Артемка – он уже подружился со всеми детьми и с удовольствием носился с ними по всему дачному поселку. Мы проводили его долгим тоскливым взглядом – очень сложно сидеть дома взаперти, когда на улице светит солнышко и раздаются радостные голоса детворы!

– Придумала! Я знаю, что надо делать! – Подпрыгнула вдруг Маня. – Твоя мама сказала, что дарить нужно самое дорогое, что у человека есть, правильно? А самое дорогое, что у меня есть, – это мой амулет, – Маня хлопнула себя по груди, – вот его я Олегу и подарю.

– Ты с ума сошла? – испугалась я. – Ты хоть сообщаешь, что Ба с тобой сделает, если узнает, что ты отдала свой амулет кому-то другому?

Я не зря беспокоилась. Амулет был единственной памятью Ба о ее родителях. Он представлял собой кулон в виде маленькой червонной ладошки с небольшим топазовым глазом по центру. Ба рассказывала, что он называется хамса. И что, когда родилась Манюня, Ба сняла цепочку с ладошкой со своей шеи и повесила в изголовье Маниной кровати. А когда моя подруга подросла, она стала носить амулет на шее. Он был старинным и очень дорогим. «В восемь папиных зарплат», – грозно предупредила Ба.

Мне даже представить было страшно, что сделает она с Манюней, если та подарит амулет чужому человеку.

– Ты совсем спятила, – пыталась я воззвать к совести своей подруги. – Ты вообще подумай своей головой, что творишь!

– Ничего я не буду думать, – затопала Маня ногами. – Подарю, и все. Я так решила!

Она сняла с шеи цепочку с кулоном, распахнула окно и полезла на подоконник.

– Мань, если мама обнаружит, что ты ее ослушалась, – она прибьет и тебя, и меня.

– Да я быстро! Бегом туда и обратно, управлюсь за несколько минут. Она и не заметит. А ты пока шуми в комнате, чтобы Тетьнадя подумала, что мы здесь играем.

– Нет уж, одну я тебя не отпущу! – Я полезла следом за Манечкой – не оставлять же невменяемую из-за большой любви подругу один на один с ее бедой!

Мы легко спрыгнули с подоконника и прислушались – кругом царил тишина. Детвора умчалась в другой конец улицы – оттуда раздавался дружный хохот, прерываемый грозным улюлюканьем Артемки: «Я вождь, вы все должны меня бояться!!!»

Дорога была свободна. Мы прокрались вдоль забора и юркнули в калитку.

– Одна нога там – другая тут, – скомандовала я. Добежали до Тетисветыного дома мы в считанные минуты. Шумно ворвались во двор – не до конспирации было. И сразу же наткнулись на Олега и Асю – они стояли возле веранды и о чем-то оживленно разговаривали.

При виде нас Ася поморщилась, словно у нее резко разболелся зуб. Зато Олег расплылся в широкой улыбке.

– Бааарышни, здравствуйте, – шагнул он нам навстречу.

– Здравствуйте, – шмыгнула носом Маня, – мы тут по делу, то есть я. У нас совсем мало времени.

Она шагнула к Олегу и протянула ему амулет:

– Вот, – шепнула, – это вам, самое дорогое, что у меня есть.

И улыбнулась.

Вы можете мне не поверить, но в тот миг Манюня была самой красивой девочкой на свете. Она стояла с гордо выпрямленной спинкой и казалась уже совсем большой, и только легкая дрожь в сложенных лодочкой ладошках выдавала ее волнение.

Олег растерялся.

– Зачем ты это делаешь, девочка? – только и смог выговорить он.

И тут случилось непредвиденное – Ася наклонилась, якобы чтоб присмотреться к амулету, и неожиданно шлепнула Маню по ладошкам. Манечка испуганно дернула руками, и амулет улетел куда-то в кусты.

– Ася, что ты делаешь? – Олег схватил жену за локоть.

И тогда мы услышали слово, которое обожгло нас до самого до нашего сердца и вывернуло наизнанку наши души. Мы были совершенно не готовы к этому, мы и думать не могли, что ТАК могут назвать Манюню.

– Малолетняя потаскушка! – зло выплюнула Ася.

А дальше случилось ужасное.

Маню вывернуло. Посреди Тетисветыного двора, прямо возле кустов смородины.

Была у Манечки особенность, о которой знал только очень узкий круг близких, – в минуты крайнего напряжения Маню выворачивало наизнанку. Резко, до последней капли содержимого желудка. Притом случалось это тогда, когда Маню кто-то незаслуженно оскорблял или унижал. Мой папа говорил, что Манюня настоящая белая акула – учуяв в себе чужеродный крючок, моментально выплевывает все свои внутренности – предпочитает умереть, чем проглотить обиду.

Меня словно контузило. В ушах стоял пронзительный звон, и ничего, кроме этого звона, я не слышала. Я видела, как Маню выворачивало, как она, чтобы не упасть, согнулась пополам и уперлась руками в колени, как ходило ходуном ее тело. Помню, что сняла с головы свою панаму и протерла ею Манины губы. Помню, как Маня доверчиво подставила мне свое личико.

Помню, как Олег что-то сказал Асе, она в ответ шевелила побледневшими губами, но, как я ни силилась, ничего не могла разобрать из того, что она говорила. Он взял ее за плечи, а она резко вырвалась и пошла мимо Мани к забору. И почему-то, когда поравнялась с ней, резко подняла руку, то ли попугать ее хотела, то ли ударить. И Маня вцепилась в эту руку и повисла на ней всем своим телом. А потом несколько раз лягнула Асю по ноге.

– Зеленый, – сказала я, насчитав четыре удара – я часто путала цвета и цифры, и четверка соответствовала зеленому. И когда я произнесла вслух слово «зеленый», звон в ушах стал нестерпимо болезненным и внезапно оборвался на самой высокой ноте. И в тот же миг ко мне вернулись шорохи и звуки.

Я кинулась на ватных ногах к Мане, но Олег опередил меня. Он подхватил ее на руки и оттащил в сторону. «Иди в дом!» – крикнул жене. «Пошел в жопу», – бесстрастно ответила Ася и вышла со двора.

Олег отпустил Маню и побежал за женой.

Манечка проводила его пустым взглядом, подошла ко мне, взяла за руку.

– Пойдем, – сказала.

– Амулет, – напомнила я.

Мы быстро нашли ладошку – она лежала в траве и переливалась под солнцем голубым топазовым зрачком. Манечка бережно подняла

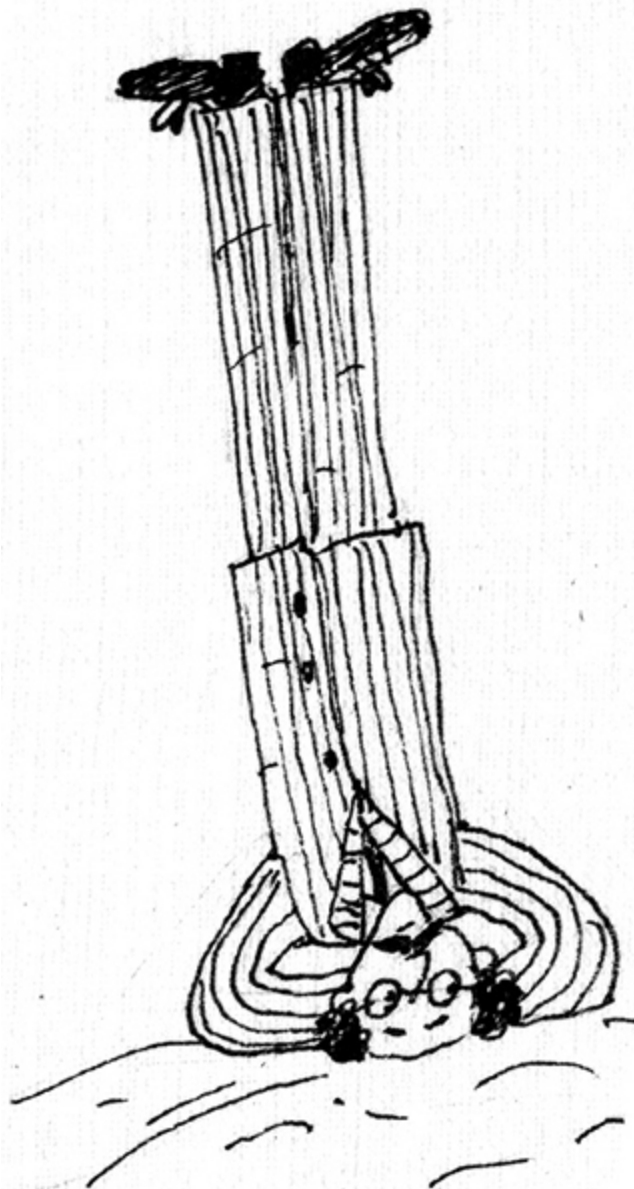
цепочку и надела себе на шею.

И мы пошли со двора. Не оборачиваясь.

Маленьким девочкам иногда бывает очень больно на душе. Эта боль не идет ни в какое сравнение с болью физической. Эту боль не сопоставить ни с подзатыльником от дяди Миши, ни со шлепком по попе от мамы, ни с грозным окриком моего отца, ни с разрушительным наказанием разъяренной Ба. Эту внезапную боль, словно темную страшную жижу, нужно нести в себе тихо-тихо и под ноги обязательно смотреть, чтобы не оступиться.

Потому что откуда-то ты знаешь – боль эту расплескивать нельзя. И ты бредешь слепым котеночком сквозь темноту, потом останавливаешься, прислушаешься к себе – болит? Болит, отзывается душа. И ты тихонечко идешь дальше.

Вот так мы и вернулись домой и ткнулись в колени маме.

И рассказали ей навзрыд все – как убежали в окно, как Маня решила подарить Олегу самое дорогое, что у нее есть, как потом ее выворачивало под смородиновым кустом и как я сказала громко: «Зеленый», – и звуки вернулись ко мне так же внезапно, как ушли.

А мама сначала молча нас выслушала, потом повела умываться, а потом достала с полки единственную баночку со сгущенным молоком, которую она берегла как зеницу ока для слоеного торта «Наполеон», открыла ее и выдала нам по большой столовой ложке. «Ешьте», – сказала. «Все?» – удивились мы. «Все!» – сказала мама. Но мы съели каждый по ложке и отодвинули баночку. «Так нечестно», – сказали.

А потом пришли тетя Света с Артемкой, принесли большую миску сладкой прозрачной смородины. И мы пили чай с яблочным пирогом и долго смеялись, потому что оказалось, что Артемка не умеет есть сидя – он ходил все время вокруг стола с ложкой во рту. «В меня так больше влезает», – приговаривал.

А поздно вечером они уехали, хотя планировали остаться до конца недели. И папа весь следующий день подтрунивал над Манькой и называл ее то Шамаханской царицей, то маленьким агрессором, потому что папа всю жизнь такой – он считает, что любая обида лечится только смехом.

И Манюнечка громко хохотала и благодарно заглядывала ему в глаза.

Вот, пожалуй, и вся история про Манину самую большую детскую любовь.

И давайте больше не будем о грустном, ладно?

Глава 11. Манюня разочаровывается в любви, или Одинокая песнь электрика

Вы только не подумайте, будто Олег был единственной Маниной детской любовью!

Потому что за долгие одиннадцать лет своей жизни Манюня влюблялась пять раз.

Первой Маниной любовью стал мальчик, который перевелся в их группу из другого садика. Мальчика звали Гариком, у него были круглые желтые глаза и рыжие кудри. Ритуальный полуденный сон Гарик упорно игнорировал. Он тихонечко лежал в своей кровати, выдергивал из пододеяльника нитки и долго, вдумчиво их жевал.

«Какой глупенький», – решила Манька и тотчас в него влюбилась. В знак своей любви она выдернула нитку из пододеяльника, скатала ее в комочек и принялась жевать. Нитка на вкус оказалась совсем пресной. «Фу», – поморщилась Манька.

– Она же совсем невкусная! – шепнула она Гарику.

– А мне вкусно, – ответил Гарик и выдернул новую нитку.

«Я его отучу от этой плохой привычки», – решила Манька.

К сожалению, Гарик через неделю вернулся в свой прежний садик, потому что новый ему категорически не понравился. А может, в старом нитки были вкуснее. Маня погоревала-погоревала, но потом ей это надоело, и она решила найти себе другой предмет для воздыханий. Она перебрала в уме все возможные кандидатуры и остановила свой выбор на воспитательнице Эльвире Сергеевне. Почему-то.

У Эльвиры Сергеевны была длинная пушистая коса и родинка на изгибе локтя.

– Хочу себе такую же, – потребовала Манька.

– Через десять лет у тебя на руке появится точно такая родинка, – пообещала Эльвира Сергеевна. «Теперь я буду любить ее вечно», – решила Манюня и принялась выказывать Эльвире Сергеевне знаки внимания, как-то: ходила за ней хвостиком и периодически, как заправский рыцарь, преподносила своей даме сердца золотые украшения, которые тайком таскала из шкатулки Ба. Эльвира Сергеевна честно возвращала все украшения и просила не наказывать Маньку.

В первый раз Ба великодушно простила внучку. Во второй раз она пригрозила оставить ее навсегда и на веки вечные без конфет. В третий раз терпение Ба лопнуло, и она таки наказала Маню – оглушила подзатыльником и поставила в угол. Пока Манюня, уткнувшись лицом в стену, восстанавливала рефлексы, Ба немилосердно шинковала капусту и рассказывала истории про детей, которые родились честными, но потом стали воришками.

– И за это государство посадило детей в темную и холодную тюрьму, – заключила она.

– Их хотя бы кормили там? – обернулась к ней Манюня.

– Манной кашей, с утра и до вечера каждый день! – рявкнула Ба.

– Буэ, – поежилась моя подруга.

Потом Манька пошла в первый класс и влюбилась в мальчика из параллельного «Г». Звали мальчика Араратом, и отчаянно грассирующая Манька из кожи вон лезла, чтобы правильно произнести его имя. Впрочем, тщетно. Два «р» подряд были непосильной для Манюни задачей – она начинала булькать и тормозить уже на первом слоге. Правда, сдаваться не собиралась.

– Агхагхат, – приперла как-то к стенке своего возлюбленного Манюня, – а как тебя по отчеству зовут?

– Размикович, – побледнел Арарат.

– Издеваешься надо мной, что ли? – рассердилась Манька и ударила его по голове портфелем.

Так как за последние два дня это был третий удар портфелем по Араратовой голове, то учительнице ничего не оставалось, как вызвать в школу Ба.

Ба молча выслушала все претензии, вернулась домой, выкрутила Маньке ухо до победного хруста и повела к Арарату – извиняться. Не выпуская Манькиного уха из руки. Такого унижения Манюня Арарату не простила и мигом его разлюбила.

«Никогда больше не стану влюбляться в мальчиков!» – твердо решила она. Мужская половина начальных классов Бердской средней школы № 3 вздохнула с облегчением.

Когда Маня училась в третьем классе, по телевизору показали фильм «Приключения Электроника». И моя подруга не придумала ничего лучше, чем влюбиться в Николая Караченцова, который играл гангстера Урри.

– У него такая красивая щель между передними зубами, – закатывала глаза Манюня. Караченцов был практически недостижим для Маниного портфеля, так что Ба особенно не возражала против ее нового увлечения. Манька вырезала из журнала «Советский экран» портреты Караченцова и обвешивала ими стены своей комнаты. Ба ворчала, но терпела, потому что лучше портрет Караченцова в спальне, чем покалеченный одноклассник в школе.

Любовь сошла на нет внезапно – Караченцов, без всяких на то причин, приснился Мане в ночном кошмаре. Он преследовал ее по пятам, скалился и трясся в таком леденящем душу хохоте, что Маня от

испуга описалась в постели. В свои десять, практически предпенсионных, лет!

Естественно, она не смогла простить Караченцову такого предательства.

А потом Манюня поехала с нами на дачу и влюбилась в Олега. И чуть не довела его своими ухаживаниями до нервного тика. Ну, эту трагическую историю вы уже знаете. Когда и эта любовь закончилась разочарованием, моя подруга поставила жирный крест на мужчинах.

– Никогда, – поклялась она, – никогда я больше не полюблю мужчин. Нарка, ты свидетель!

– Ну и правильно, – одобрила решение подруги я, – зачем они вообще тебе дались?

Я знала, что говорила. К тому моменту у меня за плечами была своя личная драма, и я, как никто другой, понимала Маню.

Моей первой и пока единственной любовью стал старший брат моей одноклассницы Дианы. Брата звали Аликом, и он отлично играл в футбол.

– Он в кого-то влюблен? – как бы между прочим поинтересовалась я у Дианы.

– Да вроде нет.

«Будет моим», – решила я. И стала терпеливо ждать, когда Алик в меня влюбится. Ждала аж целых три дня, но ситуация не менялась – Алик с утра до ночи гонял в мяч и не обращал на меня никакого внимания. Тогда я решила взять инициативу в свои руки и сочинила поэму о своей любви к нему. Потом выдрала из маминогo блокнота голубенький листок и старательно переписала туда свое творение.

ПАЭМА

Алик, ты можит спросишь
Кто автор этих строк!!!
Но это ананим, и ты о ней не узнаешь
Ни-каг-да!
И ни-че-во!
Кроме тово, что я тебя люблю

И жыть биз тебя нима гу.

Наринэ Абгарян, 2 «А» класс Бердской ср. шк. № 2

Запечатала поэму в конверт и вручила его Диане с просьбой передать Алику. Ответ не заставил себя долго ждать. На следующий день, пряча от меня глаза, Дианка со словами: «Нашла в кого влюбляться!» – вернула мне конверт. Я вытащила помятый

голубенький листок. Это оказалась моя записка. На обратной стороне Алик написал очень лаконичную ответную поэму.

ДУРА

Я повертела в руках записку и убрала ее в кармашек школьного фартука. Кое-как досидела до конца уроков, вернулась домой и, не переодеваясь, прямо в школьной форме, со значком октябрёнка на груди, легла умирать.

Умирала я долго, целых двадцать минут, и практически уже была одной ногой на том свете, когда с работы вернулась мама. Она заглянула в спальню и увидела мой хладный полутруп.

– А что это ты в одежде легла в постель? – спросила она и пощупала мой лоб.

– Умирать легла, – буркнула я и, вытащив из кармана записку, отдала ей.

Мама прочла поэму. Закрыла лицо ладонями. И затряслась всем телом.

«Плачет», – удовлетворенно подумала я.

Потом мама отняла от лица ладони, и я увидела, что глаза у нее хоть и мокрые, но веселые.

– Мам, ты чего, смеялась? – обиделась я.

– Ну что ты, – ответила мама, – давай я тебе кое-что расскажу, ладно?

Она села на краешек кровати, взяла меня за руку и стала терпеливо объяснять, что мне пока рано влюбляться, что всё у меня впереди, и таких Аликов у меня в жизни будет еще много.

– Сколько много? – живо поинтересовалась я.

– О-го-го сколько, – ответила мама и поцеловала меня в лоб, – вставай.

– Нет! – Я твердо решила умереть.

– Ладно, как хочешь, – дернула мама плечом, – только я купила бисквит, твой любимый, с арахисом, и козинаки взяла.

– Сколько взяла? – приоткрыла я один глаз.

– Чего?

– Того и другого.

– Три килограмма бисквита и два килограмма козинаков.

– Ладно, – вздохнула я, – пойду поем, а потом вернусь обратно умирать.

Умереть мне в тот день так и не удалось, потому что сначала я ела бисквит, потом мы с Каринкой смотрели «Ну, погоди!», потом подрались, и мама выставила нас на балкон, чтобы мы подумали над своим поведением. Потом мы подрались на балконе, и мама затащила нас в квартиру и развела по разным комнатам, чтобы мы еще раз подумали над своим поведением.

Мы сразу же соскучились друг по другу и до передачи «Спокойной ночи, малыши» перестукивались через стенку и орали друг другу песни в розетку. А после передачи легли спать, и тут мне уже точно было не до умирания, потому что надо было успеть заснуть до того, как сестра начнет храпеть.

На том и закончилась моя первая любовь.

Потом я познакомилась с Манькой и мне стало как-то недосуг влюбляться. Сразу появилось много интересных дел. Мы с утра до ночи бегали по дворам, наедались до отвала алычи, купались в речке, воровали незрелый виноград, штурмом брали кинозалы для просмотра очередного шедевра индийского синемаатографа и доводили до белого каления Ба. О мальчиках не могло быть и речи, мальчишки отошли на второй план и ничего, кроме жалостливого недоумения, у нас не вызывали.

Да и как можно было отвлекаться на любовь, когда жизнь в нашем городке била ключом, и одно удивительное событие сменяло другое?

Взять хотя бы историю, которая приключилась с нашим соседом по лестничной площадке дядей Арамом.

Дядя Арам был учителем черчения, но почему-то работал электриком. И, как водится в кругу уважающих себя электриков, полез в грозу чинить столб высоковольтных линий. За пять минут, в течение которых он находился наверху, в столб два раза ударила молния. Один раз – в его основание. «Молния не бьет два раза в одно место», – вспомнил народную мудрость дядя Арам и невозмутимо продолжил ковыряться в проводах. Но, видимо, в тот злополучный день вожжа попала молнии под хвост, потому что она, тщательно прицелившись, таки попала в дядю Арама. Аккурат в загревок, как потом сказала Ба.

Бедного электрика отшвырнуло чуть ли не в другой конец планеты, но сослуживцы быстро его нашли. Дядя Арам, почерневший от чудовищного заряда электричества, аккуратно лежал на земле, местами дымился и пах пережаренными котлетами.

И что самое удивительное – дышал.

В тот же день из Еревана прилетел вертолет, чтобы срочно перевезти его в лучшую клинику республики.

Дочка дяди Арама, Анжела, в одночасье стала девочкой номер один нашего двора.

– Ну как там папа, Анжелка? – выспрашивали мы.

– Дышит, – важно отвечала Анжела.

– А что еще делает?

– Говорят – пахнет шашлыком.

– Ого, – уважительно тарацились мы, – а еще?

– Больше ничего пока не делает. И это, – замялась Анжела, – у него на теле все волосы выгорели – брови, ресницы. Даже на груди ничего не осталось.

– И на ногах?

– И на ногах, – вздохнула Анжела и вдруг расплакалась, – он лежит в отдельной палате, и к нему никого не пускают!

Нам стало жалко Анжелку. Мы обступили ее со всех сторон и стали гладить по волосам. Так как нас было много, а голова у Анжелки была одна, то мы чуть не передрались за право погладить ее.

На следующий день повторялась та же ситуация. Мы снова выспрашивали, как дела у дяди Арама, потом Анжела плакала, и мы ее гладили по волосам.

А однажды Анжела вышла на улицу крепко задумчивая, привычно подставила нам свою голову и шепотом сообщила:

– Папа очнулся!

– И чего? – вылупились мы.

– И стал говорить, что он больше не будет электриком работать.

– Это как это? – не поверили мы своим ушам.

– Сказал, что с него достаточно одной молнии. И что он не хочет больше Бога гневить.

– Аааааа, ооооооо, – застонали мы.

Слухи в нашем городе распространялись с какой-то молниеносной скоростью. Не успела Анжелка рассказать нам

последние новости о своем отце, как на другом конце города люди уже уверяли друг друга, что у электрика Арама открылся третий глаз, что он этим глазом исцеляет любую хворь, видит будущее и ведет прямые переговоры с Богом на разные актуальные для мироздания темы.

Когда дядя Арам выписался из клиники и рейсовым автобусом вернулся домой, то встречать его на автовокзал пришла большая толпа.

– Арам, а правда, что молния бьет очень больно? – выкрикивали люди.

Дядя Арам боязливо выглядывал из-за спины водителя «Икаруса» и искал глазами в толпе жену.

– Арам, я здесь, – всхлипнула тоненько Рипсима.

– Пропустите человека к жене! – рявкнул водитель автобуса и ринулся прокладывать грудью дорогу.

– Арам! – причитала Рипсима.

– Рипсима! – жаловался дядя Арам.

Толпа терпеливо ждала, пока дядя Арам обнимет свою жену.

– Ну поцелуй ее, чего стесняешься? – подбадривали люди дядю Арама. – Мужик ты или не мужик?

Когда дядя Арам смущенно клюнул в щеку свою Рипсима, толпа решила, что все церемонии соблюдены, и снова обступила дядю Арама.

– Мне бы домой, – шепнул дядя Арам.

– На нашем глазу ^[4], – заверили люди, подхватили его под руки и повели домой, не переставая сыпать вопросами. Спрашивали, есть ли на самом деле Бог, и если да, то что делать с партийными билетами, лечит ли теперь Арам педикулез и существует ли разум на других планетах.

Дядя Арам морщился, как от зубной боли, и молчал.

– Я здесь, Арам, – гладила его по руке Рипсима.

Когда поздно ночью толпа, наконец, разошлась по домам, дядя Арам обнял одной рукой свою Рипсима, другой прижал к себе Анжелку и сказал:

– Надо отсюда переезжать.

– Куда? – заплакала Рипсима.

– Поедем во Владикавказ, к твоей сестре. А то я этого не вынесу.

Целый месяц, пока шла подготовка к переезду, в нашем подъезде дежурила очередь из впечатлительных женщин, угрюмых мужчин и словоохотливых старух.

Дядя Арам прятался по родственникам и не ночевал дома.

– Скажите Араму, – обрывали телефоны родственников люди, – тут приехал человек из города Капана. У него жена на третьем месяце беременности. Пусть Арам подскажет, кто родится: мальчик или девочка?

– Не знаю, – мотал головой дядя Арам.

– Он говорит, что с пятидесятипроцентной уверенностью будет мальчик, – передавали в трубку родственники.

– Мальчик родится! – раздавался на том конце провода вопль радости. – Спасибо, Арам, они его назовут в твою честь!

– Я этого не вынесу, – качал головой дядя Арам.

– Не волнуйся, я с тобой, – шептала ему верная Рипсима.

Анжела ходила по двору насквозь заплаканная.

– Не хочу уезжать, – говорила она.

– Мы тебе будем писать, – гладили мы ее по голове.

Потом они переехали. В день отъезда дядя Арам пробился через толпу провожающих к нам домой, пожал папе руку.

– Юра, отправь летом Надю в санаторий, она скоро будет желудком маяться, – сказал он папе на прощание, – и не переживай, будет у тебя сын. На твоё сорокалетие.

– Да ну тебя, – махнул рукой отец, – о сыне я уже не мечтаю.

– Ну-ну, – улыбнулся дядя Арам, – а Надю обязательно отправляй на лечение, ладно?

– Ладно, – обещал папа.

– И, это, я тебя умоляю, не называй сына в мою честь! – засмеялся напоследок дядя Арам.

Глава 12. Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена

Белый верх, темный низ, форма парадная! – Метался по коридорам музыкальной школы обезумевший от волнения хормейстер Серго Михайлович. – Девочкам обязательно повязать пышные белые банты, колготки тоже белые. Туфли черные!

Волнение Серго Михайловича легко объяснялось – завтра должно было состояться выступление учеников музыкальной школы города Берда в доме культуры села Мовсес. Выступление было приурочено к торжественной дате – пятидесятилетию формирования колхоза «Заветы Ильича», самого передового в нашем районе. Публика предполагалась соответствующая – исключительно труженики серпа и молотилки, а также члены их семей.

– Приедет делегация из соседнего Красносельского района, – Серго Михайлович заикался от волнения – Красносельский район Армении, издавна населенный ссыльными молоканами, славился на всю республику рекордными урожаями свеклы и кормовой репы. – А также предполагается присутствие ответственных товарищей из Еревана и Тбилиси и... – Серго Михайлович перешел на благоговейный шепот и махнул рукой куда-то в сторону иранской границы, – Ставропольского края РСФСР!

Если бы Серго Михайловичу сообщили, что послушать выступление учеников нашей школы прилетают жители далекой галактики Альфа Центавра, то волнения, поверьте, было бы меньше. Одно дело представители инопланетных, чуждых нашей партии и правительству идеологий, другое дело – пятидесятилетие самого передового на весь район колхоза «Заветы Ильича»!

– Завтра с утра никто не пойдет в школу, мы обзвоним ваших директоров и представим им список учеников, которые по уважительной причине будут отсутствовать на занятиях! – Наш дружный радостный рев заглушил на минуту голос Серго Михайловича, но хормейстер был стреляным воробьем – одним взмахом невидимой дирижерской палочки он заставил крик захлебнуться в наших глотках. – С девяти утра и до часу дня мы репетируем в школе, потом все расходятся пообедать и переодеться! В три часа собираемся возле входа, там нас будет ждать автобус. Начало праздничного концерта – ровно в шесть! Опаздывать нельзя!

Еще бы опаздывать нельзя! На восемь часов вечера, в честь прибытия высоких гостей из соседних районов и республик, намечался торжественный банкет, который по доисторической, неукоснительно и по пунктам выполняемой кавказской традиции предполагал убийственное чревоугодие, сдобренное огромными количествами доморощенного алкоголя. Банкет потом плавно перетекал в завтрак, и очумевшие гости внезапно обнаруживали себя за поеданием порции горячего, пахнущего ядреным чесноком хаша со стопочкой холодной, звенящей на воздухе домашней водки. Далее бездыханные тела гостей загружали в автобусы или служебные автомобили и раскидывали по пунктам назначения.

На следующий день, ровно в пятнадцать ноль-ноль, мы с Маней, простирнутые и отутюженные до крахмального скрипа, вошли во двор

нашей музыкальной школы.

Первое, что бросилось нам в глаза, был заляпанный по самые брови грузовик «ГАЗ-63» в деревометаллическом и чуть ли не нэповском исполнении. Он раскорячился напротив входа в школу и всем своим видом гордо свидетельствовал о самом непосредственном своем участии в защите Киевской Руси от печенежских набегов.

Рядом с грузовиком волновалась стайка наших ребят в одинаковых белых сорочках и темных брюках. Чуть поодаль трепетали девочки с белыми пышными бантами в волосах.

У капота грузовика, при полном параде, в бархатном пиджаке и кружевном жабо, безутешно рыдал хормейстер Серго Михайлович. По левую руку от него клокотала в праведном гневе аккомпаниатор Инесса Павловна. Нам с Маней сразу стало ясно – происходит что-то из ряда вон выходящее.

Рядом с грузовиком виновато переминался с ноги на ногу кургузый худющий мужичок и периодически встревал во вселенский плач Серго Михайловича:

– А я-то при чем, мне сказали – загрузить и довезти до пункта назначения, я и приехал... Ты пойми, автобус сломался, чинить его будут, скорее всего, целую вечность, другого свободного автобуса нет. Я шофер опытный, кого только не перевозил – и племенных бычков, и беременных коров, и свиней, а однажды мне доверили чистокровного коня ахалтекинской породы, ты хоть знаешь, сколько они стоят?

Серго Михайлович оторвался от капота и смерил водителя уничтожающим взглядом.

– Объясните мне, при чем здесь племенные бычки или беременные коровы?! – крикнул он. – Это дети, вы понимаете? Де-ти!!! Как я могу позволить перевозить их на таком... – хормейстер запнулся, – драндулете?

– Зачем обзываешься? – заволновался бывший перевозчик чистокровного коня ахалтекинской породы. – Это же ласточка, а не машина. Ее как списали за физический износ с военного полигона – так она и служит нам верой и правдой двадцать лет. Ни разу не подвела!

– Вас как зовут? – В голосе Серго Михайловича зазвучала такая надежда, словно, назови сейчас водитель грузовика свое имя, и чудо-агрегат из тыквы превратится в изящную карету.

– Анушаван меня зовут, – галантно представился мужичок, – можно Анушаван Наполеонович!

– Как-как? – У Серго Михайловича задергалось веко. – Как, вы говорите, вас зовут?

Водитель грузовичка нервно покосился на глаз Серго Михайловича, потом спешно отвел взгляд в сторону кружевного жабо.

– Наполеонович я, – пробубнил он, – можешь меня просто Анушаваном звать. Главное – ты не сомневайся, я шофер опытный, довезу вас с песней!

– С какой песней?! – Серго Михайлович в поисках поддержки повернулся дергающимся веком к Инессе Павловне. – Это будет не песня, это будет реквием! Там все заляпано по самую крышу! И как я могу позволить, чтобы на таком грузовике перевозили этих музыкальных детей? – Перст Серго Михайловича вперился в нас – мы в знак солидарности мигом слились в единый, празднично одетый многоглазый организм. – Две скрипки! – выкрикивал Серго Михайлович свои аргументы. – Альт, два канона, гитара! Два доола, один дудук! Две флейты! Пюпитры! Нотные книги! Тридцать восемь детей из интеллигентных семей!

Инесса Павловна заламывала свои прекрасные тонкие руки в многочисленных серебряных браслетах – нет, не затем она выросла в кружевном тбилисском Авлабаре, чтобы разъезжать на грузовике для перевозки скота.

– Серго Михайлович, – высунулась из окна секретарша музыкальной школы, – я дозвонилась, мне сказали, что ни одной свободной машины нет, придется ехать на грузовике. Если вы прямо сейчас не двинетесь, то к шести часам точно не успеете.

Выхода не было. Мы сложили в кузов музыкальные инструменты в футлярах, нотные книги, пюпитры. Пол там и сям был завален засохшей травой и листьями от кукурузных початков, лохмотьями мешковины, плохо прочищенными следами коровьих лепешек и другим полезным в сельском хозяйстве добром. Борта кузова ходили ходуном и всячески топорщились шляпками больших гвоздей – видно было, что не одно поколение неунывающих водителей пыталось собственноручно привести в порядок полусгнившее деревянное нутро машины.

– Ребята, крепко держимся за борт грузовика, но не облокачиваемся, одежда белая, испачкаете! – выкрикивал хормейстер, подсаживая каждого ребенка в кузов. Сам залез последним и проследил, чтобы Анушаван Наполеонович тщательно закрепил задний борт грузовика.

Инессе Павловне галантно уступили место рядом с водителем.

– Вуй ме, – покрылась мурашками Инесса Павловна при виде внутренностей кабинки, когда водитель услужливо распахнул перед ней дверцу, – вуй ме, это явно не Авлабар!

Анушаван Наполеонович заметно волновался от аппетитных округлостей нашей аккомпаниаторши, нежный перезвон ее многочисленных серебряных браслетов вызывал в нем непознанный доселе эротический угар.

– Домчу как ласточку, – шаркнул он ножкой в раздолбанном башмаке.

Мы в ужасе жались по периметру борта грузовика. Сесть было некуда. В довершение ко всему оказалось, что металлические части кузова проржавели насквозь, а каждый уважающий себя ребенок из замученной дефицитом советской семьи четко помнил – ржавчину с одежды не извести ничем. Если только атомным взрывом. Вместе с одеждой. Поэтому, хоть все и вцепились в борта грузовика, но старались держаться от них на расстоянии вытянутых рук.

– Анушаван Наполеонович! – крикнул Серго Михайлович. – У нас ровно два часа до начала концерта! Нам нужно успеть доехать, привести себя в порядок да подготовиться к выступлению.

– Мамой клянус! – заверил Анушаван Наполеонович.

Он сел в кабину и боковым зрением выхватил аппетитные коленки Инессы Павловны, смущенно выглядывающие из-под узкой обтягивающей юбки. Мужское начало ян ударило Анушавану Наполеоновичу в голову и в остальные части тела. Из далеких уголков подсознания всплыли звуки доисторической охоты, когда влюбленный мужчина ходил с голыми руками на всякую крупногабаритную тварь, дабы преподнести любимой женщине на ужин кусок диетической мамонятины или какой другой первобытной курятины.

– Ласточкой домчу! – зарычал Анушаван Наполеонович и завел мотор. Раздался оглушительный взрыв, грузовик, выпукав какое-то количество топливных низкооктановых миазмов, рванул с места.

Трепетный «вуй ме» Инессы Павловны затонул в нашем дружном «аааааааааааааааа!».

Если по городу машина проехала еще более или менее прилично, и нам лишь приходилось со стыдом отворачиваться от испуганных взглядов прохожих, то на серпантине проселочной дороги она показала все свои таланты. Грузовик трясло так, словно неведомая центробежная сила рвала его на мелкие части. На поворотах его заносило сильно вбок, и вся наша ватага отскакивала теннисным мячиком от одного борта кузова к другому. Никто уже не думал о ржавых пятнах на одежде – главное было не упасть и вовремя увернуться от очередной ветки раскинувшегося прямо над проезжей частью дороги дерева.

– АнушаваАаАаАаАаАаАаАн! – заклацал зубами Серго Михайлович – праздничное ширококалиберное кружевное жабо застилало ему лицо и забивало рот. – АнушаваАаАаАаАаАаАаАн, осторожнеееееее на поворотАаАаАаАаАх!!!

Механическое чудище заскрежетало, встало на короткий миг на дыбы и ринулось рассыпаться на куски с удвоенной силой. Из его недр вырывался вопль: «Мамой клянусь», – это Анушаван Наполеонович, решив, что Серго Михайлович подгоняет его, прибавил газу.

Когда грузовик, дребезжа всеми металлическими частями своей израненной души, въехал во двор дома культуры села Мовсес, пред взором встречающих развернулась дивная картина – из кузова, как из рога изобилия, посыпалась кучка больных синдромом Паркинсона чумазных детей во главе с полубезумным мужчиной в кургузом пинжачке и заляпанном кружевном жабо. Из кабинки выпала женщина с застывшей гримасой бесконечного ужаса на лице.

От нее исходил дивный аромат парфюмерной симфонии, включающей в себя бодрящие аккорды машинного масла, бензина, провонявших ботинок и папирос «Беломорканал».

– Я же говорил, что домчу с песней! – Водитель грузовика с трудом сдерживал ликование.

– Спасибо, Анушаван Наполеонович, – выплюнул наконец кружевное жабо Серго Михайлович, – что бы мы без вас делали!

К сожалению, поездка на колхозном грузовике оказалась не единственным сюрпризом, уготованным нам баловницей-судьбой.

Накануне в дом культуры села Мовсес был делегирован штатный настройщик музыкальной школы Эдуард Миронович. По приезде он позвонил Серго Михайловичу и мрачно сообщил, что рояль дома

культуры находится в таком состоянии, что его можно прямо сейчас распиливать на небольшой костер.

– Сделай что-нибудь! – клокотал хормейстер в трубку так, что слышно было на всю округу. – Эдуард Миронович, вся надежда на тебя!!!

Эдуард Миронович буркнул, что он не Бог, но постарается что-нибудь придумать, и отключился.

Мы ехали в твердой уверенности, что рояль хотя бы частично настроен.

По приезду оказалось, что председатель колхоза «Заветы Ильича» со словами: «Ты сначала поешь, а уж потом поработай», – и, руководствуясь исключительно доисторическими кавказскими традициями гостеприимства, пригласил Эдуарда Мироновича к себе на обед.

Обед плавно перетек в ужин, и настройщик, потеряв всякий над собой контроль, решил сыграть с судьбой в русскую рулетку и испытать на себе все прелести клинической смерти. Засим он без меры накушался домашней семидесятиградусной нефильтрованной тутовой водки. Поэтому он сейчас, хоть и реагировал на внешние раздражители, моргал и даже периодически выдыхал, но двинуться с места был категорически не в состоянии.

Серго Михайлович какое-то время простоял, словно громом пораженный, а потом махнул рукой – у него даже на банальное возмущение не осталось сил, свои эмоции без остатка он уже выплеснул в кузове грузовика «ГАЗ-63» по всему протяжению тридцатикилометрового маршрута Берд – Мовсес.

Концерт мне запомнился двумя эпизодами.

Эпизод первый

Манюня стоит на сцене и увлеченно терзает скрипку. Я наблюдаю за ней из-за пыльного занавеса. Моя подруга выглядит так, словно ее, не отстирывая, долгое время сушили в автоклаве. Местами ее банты и даже сорочка сохранили еще свою девственную белизну. А в целом она была сильно мятая и заляпанная, и на коленках и щиколотках у нее гармошкой сложились колготки.

Эпизод второй

Помню, как я сижу за ненастроенным роялем и тщетно пытаюсь вытянуть из него звуки, отдаленно напоминающие пьесу Бетховена «К Элизе». Играю по памяти, потому что знаю произведение наизусть, и, разбуди меня в три часа ночи, я без запинки, с закрытыми глазами, продолжу его с любого места.

Неожиданно я спотыкаюсь о какой-то аккорд – и холодею, потому что понимаю, что концовка пьесы вылетела из головы. Наступает звенящая тишина, в зале раздается недоуменное шушуканье, и, чтобы как-то его заглушить, я начинаю наигрывать пьесу с самого начала. «Уж в этот-то раз концовка точно всплывет в памяти», – лихорадочно соображаю я. Но в опасной близости от рокового аккорда я с ужасом понимаю, что часть «К Элизе» забыта напрочь. Времени на раздумья нет, и я, ничтоже сумняшеся, стартую в третий раз!

Из-за кулис до меня долетает сдавленный шепот Инессы Павловны:

– Нариночка, деточка, закругляйся!

Да я бы сама с радостью, только бы знать, как это сделать!!!

Если бы не наш отважный хормейстер, то я, наверное, играла бы, не останавливаясь, до следующего юбилея колхоза «Заветы Ильича». Но на восьмом витке, когда Бетховен уже вдоволь нагневался в своей могиле, из-за занавеса выскочил Серго Михайлович, решительным шагом направился ко мне, отодрал мои лапки от клавиатуры и сдал на руки Инессе Павловне. «Вуй ме, – причитала Инесса Павловна, – ребенка окончательно растрясло в кузове!!!»

Есть у меня маленькая надежда, что гости из союзных республик, ошеломленные разрушительным, уходящим корнями в далекое доисторье кавказским гостеприимством, обнаружив себя через какое-то время под капельницами в родных пенатах, ничего, кроме оглушительного застолья, не запомнили. И мое позорное выступление осталось в памяти только у выпускников нашей школы.

Правда, теперь и вы об этом знаете. Только вы ведь никому не проболтаетесь, верно?

Глава 13. Манюня фонтанирует идеями, или Как Ба устроила нам незабываемую премьеру «господибожетымой»

Ба принципиально не доверяла отечественной легкой промышленности и особенно – ее текстильной отрасли. Ба раздражали монументальные псевдоатласные лифчики, возвышающиеся над прилавками живописными горными хребтами и навсегда убивающие у подрастающего поколения представление о женской сексуальности, коричневые безобразные хлопчатобумажные чулки, байковые халаты и торчащие колом пальто из зубдробительного драпа. Ба любила пройтись мимо вешалок с растянутыми свитерами и демонстративно

возмутиться на весь магазин: «Товарищи, что творится, куда ни глянь – одна говновязка!!!»

Дядя Миша считал, что в Ба погибла великая актриса, и иногда смешно передразнивал ее, когда мы возвращались домой после очередного похода в наш убогий городской универмаг. Но порой Ба выкидывала такие фортели, что даже флегматичный дядя Миша выходил из себя.

– Объясни мне, пожалуйста, – ругался он, – зачем тебе надо было становиться в первую балетную позицию и вещать на весь магазин о том, что на таких чулках должны повеситься члены политбюро? Ты забыла, в какой стране живешь? Из-за твоих выходов приходится жить с постоянно подобранным сфинктером ануса, потому что чуть расслабился – и ты уже не мужик!

Ба упирала руки в боки и хмыкала так, что от резонанса дребезжали стекла в окнах по всему дому.

– Сына, все никак не успокоишься после целебной клизмы с раствором ромашки, которую таки я тебе поставила?

– Роза Иосифовна! – Если дядя Миша называл Ба по имени-отчеству, это означало, что его раздражение достигло верхней точки кипения. – Вот не надо сейчас ля-ля про то, чего не было, особенно при детях!

– Ой-ой! – Ба вытаскивала из кармана огромный мужской носовой платок и демонстративно протирала им лицо. – Сына, можно подумать, не этими руками я подмывала твою каку каждый раз, как ты пачкал свои пеленки! И я таки напому тебе, что пачкал ты их с такой прытью, словно вся тьма египетская сгустилась в твоих кишках!

Мы с Маней старались в такие минуты испаряться из комнаты. Во-первых, банально срабатывал инстинкт самосохранения, а во-вторых, нас тревожило словосочетание «сфинктер ануса». Мы потом долго гадали, что это такое страшное может быть, из-за чего дядя Миша может в одночасье перестать быть мужчиной.

– Письку ему, что ли, отрежут? – сокрушались мы. – Как же он тогда писать-то будет?

Поход в универмаг оборачивался скандалом не только для дяди Миши. На фирменный скандал от Ба могли напороться все сотрудники универмага, начиная с продавцов и заканчивая директором, если,

конечно, он по какой-то нелепой случайности в этот тревожный для его трудового стажа день находился на работе.

Ба требовала к себе особенного отношения. И чтобы добиться этого, разыгрывала в универмаге целый спектакль. Сначала она методично обходила полки с товаром, тыкала пальцем в тот или иной шедевр отечественной легкой промышленности и демонстративно громко хохотала. Параллельно зорким взором она выискивала среди покупателей сочувствующих товарищей. Сочувствующие товарищи, в предвкушении зрелищ, сбивались в благодарную публику и подобострастно трепетали.

Далее Ба заканчивала с маневрами и приступала к военным действиям. Первым делом, заручившись одобрительным гулом преданной публики, она принималась третировать несчастных продавщиц.

– Небось сами из-под полы торгуете болгарскими полотенцами с вышивкой, а на прилавках шаром покати! – наскокивала на них она. Продавщицы трепетали, разводили руками и кивали в сторону кабинета товароведа – вон где, мол, скрывается основной источник ваших бед. Ба, получив таким образом добро на дальнейшие действия, устремлялась к кабинету товароведа.

Товаровед тире бухгалтер универмага представлял из себя весьма жалкое зрелище – это был истерзанный и бесконечно несчастный лупоглазый мужичок, жертва сварливой, как Ба, тещи.

Поэтому он, ничего не предпринимая, беззвучно вздыхал в ожидании своей горькой участи за огромными завалами папок по бухгалтерской отчетности. Нарастающие децибелы голоса Розы Иосифовны, эти неумолимые всадники Апокалипсиса, давно уже докатились до его кабинета и предрекали неминуемое явление самого Апокалипсиса в обличье Ба.

Когда Ба вторгалась в кабинет, товаровед, истерично дергая кадыком, выползал из своего укрытия. В качестве отступных он тряс перед собой, словно белым флагом, связкой ключей от склада. Ба, еще раз оглушительно хмыкнув для окончательного подавления его воли, пропускала его вперед и конвоировала к заветным, недоступным среднестатистическому советскому гражданину, помещениям.

Через какое-то время она торжественно выплывала к нам и победно несла в руках что-то заграничное, красивое и бесспорно качественное. Следом выползал несчастный товаровед. У товароведа выражение тела было такое, будто он несет за пазухой голодного ядовитого тайпана. Для вашего сведения – сила яда тайпана такова, что одним укусом он может убить сто взрослых людей!!! Если взять во внимание еще и Ба, торжественно шествующую рядом с товароведом, то смело можно утверждать, что двести человек в радиусе одного прыжка были на волоске от долгой и мучительной агонии!

Таким отчаянным методом Ба в эпоху жесточайшего советского дефицита добывала более или менее сносную одежду для всей своей семьи. Иногда, кстати, кое-что перепало и моим родным. Был случай, когда Ба выдержала бой с самим директором универмага и ушла от него с тремя парами югославских кожаных сапог. Потом в них щеголяли моя мама и папина сестра Зоя, а третья пара улетела в Новороссийск, к дочке приснопамятной Фаи, которая Жмайлик.

Хуже обстояли дела с постельными принадлежностями и бельем. И так как неоднократные хождения по складам укрепили Ба в мысли, что перьев со всех голубоватых членистоногих советских кур хватает только на перины для партийной верхушки, то ничего другого, как самой шить одеяла и матрасы, ей не оставалось.

Для шитья одеял и матрасов закупалась овечья шерсть. Самым легким в этом деле была покупка шерсти. Далее начинались семь кругов ада.

Эту кошмарную, невероятно грязную шерсть сначала нужно было очистить от мусора и репейных шишек. Далее ее тщательно промывали в пяти водах. Потом во дворе, на самом солнцепеке, стелились большие клеенки, и на эти клеенки выкладывалась мокрая шерсть. При этом ее в течение дня нужно было обязательно ворошить и переворачивать, чтобы она просохла со всех сторон. Потом шерсть выбивали длинным тонким прутом виноградной лозы. Долго и нудно, до волдырей в руках и радикулита в пояснице. Далее каждый (!) клочок шерсти нужно было распушить в руках, чтобы он стал невесомым и легким, как облачко.

Под одеяло покупалась специальная ткань, из нее шился наперник, его набивали шерстью, простегивали, а потом к одной стороне одеяла пришивался шелковый отрез, чтобы он красиво выглядывал из конвертика пододеяльника.

Адская работа. Поэтому, когда Ба бралась за нее, Маня перебиралась на день-второй к нам, чтобы не попадаться ей под горячую руку. Мама сидела с маленькой Сонечкой и не могла помочь Ба, зато она по мере возможности освобождала ее от других домашних забот. Поэтому в этот тяжелый период дядя Миша обедал и ужинал у нас.

– Спасибо, Надя, – говорил он маме, протягивая тарелку за добавкой, – если бы не ты, она бы давно уже простегала меня и Маню вместе с одеялами вдоль и поперек!

Мама делала бровки домиком, собирала губы в бантик, чтобы не рассмеяться, и предостерегающе кивала в нашу сторону. Дядя Миша отмахивался:

– Дети сами все знают!

В один из таких дней Ба позвонила маме:

– Я уже управилась с большей частью работы, пора набивать наперники шерстью, нужно, чтобы девочки подержали одеяло, пока я буду его простегивать. Отправь ко мне Наринку с Маней. И спасибо тебе, дорогая, за все, ты меня очень выручила.

– Ну что вы, тетя Роза! – Мама зарделась как школьница. – Не за что благодарить. – Девочки, – окликнула она нас, – Ба нужна ваша

помощь!

– Хорошо, – мигом отозвались мы.

Кто бы посмел отказать Ба в помощи? Никто! Жить хотелось всем. Поэтому расстояние между нашими домами мы взяли резвым галопом за рекордно короткий срок.

Ба мы застали возле калитки. Она наспех чмокнула нас в щечки.

– Я в магазин за суровой ниткой, – бросила она на ходу, – ведите себя тихо, скоро буду.

Мы помахали для приличия ей вслед рукой и толкнули калитку. И окаменели от восторга. В центре двора на больших клеенках пенились воздушные клоки чистой белой шерсти. За три дня Ба успела ее промыть, просушить, взбить деревянным прутом и распушить облаком.

– Ух ты!!! – выдохнули мы. – Красота-то какааая!

Шерсть была белоснежная и, казалось, искрилась на солнце.

– Ура, – запрыгала Манечка, – кругом лето, а у нас зима, вон посреди двора лежит целая куча снега!

Мы подошли поближе. Потрогали аккуратно шерсть – она приятно поскрипывала в руках и вкусно пахла стиральным порошком.

– А давай разуемся и походим по ней! – У Маньки загорелись глаза.

– Мань, – замялась я, – Ба нас за это по головке не погладит.

– Да ладно тебе, у нас же ноги чистые, мы осторожно! – Манька быстро скинула сандалики и ступила в шерсть. – Ой! – вскрикнула она. – Здорово-то как и немного щекотно.

Я последовала ее примеру. Ходить по шерсти оказалось сплошным удовольствием, она была пушистая и очень мягкая и доставала аж до Маниных коленок, а мне доходила до середины икр.

– Можно ласточкой в самую гущу нырнуть! – крикнула Маня и бросилась вниз головой.

Раздался глухой стук.

– Ой, мамочки, – Манина перекошенная мордочка вынырнула из шерсти, на лбу моментально раздулась шишка. Она потрогала ее. – Ты,

это, поаккуратнее тут с нырянием, а то под клеенками голый двор, я вот на что-то твердое напоролась.

– Больно? – Я нагнулась присмотреться к шишке.

– Больно! – вскочила на ноги Манечка. – Только я потом буду расстраиваться, а то сейчас времени у нас в обрез!

Времени действительно было в обрез, поэтому мы спешили порезвиться вдоволь.

Сначала мы развлекались тем, что перекатывались по шерсти туда и обратно. Потом мы стали кидаться ею, словно снежками, друг в друга. Снежки по причине рыхлости отказывалась долетать до цели, поэтому приходилось кидаться друг в друга с разбега. Тормозить мы вовремя не успевали и вылетали на голую землю, увлекая за собой часть шерсти.

Потом Маня попала «снежком» мне в рот, и меня чуть не вывернуло, пока я извлекала изо рта волосики. С воплем: «Дура, что творишь!» – я кинулась на нее, и мы долго мутузили друг друга посреди клочьев шерсти.

Потом мы устали и решили помириться. Лежали рядышком и смотрели в небо.

– А я могу плюнуть так, что мой плевок поднимется в небо, а потом упадет тебе в лицо, спорим? – сказала я.

– До неба не доплюнешь, – лениво отозвалась Маня, – но попробовать можно.

И мы минут пять плевались вверх, с прицелом попасть друг в друга. Исплевали себя вдоль и поперек.

А потом Маня сделала роковое предложение.

– Нарка, – сказала эта вечная зачинательница самых опасных наших проделок, – а помнишь, как папа весной доводил до ума погреб?

Я помнила, конечно. Дядя Миша тогда завез цемента и песку и половину весны ковырялся в погребе. Ба ругалась, что он все не так делает, а дядя Миша огрызался, что она ничего не понимает в строительстве и ее место у плиты. Потом дядя Миша, по его словам, за что-то там не так дернул, и стена погреба пошла большой продольной трещиной.

Итого пришлось моему отцу договариваться с работягами со стройки, и они за два дня привели погреб в полный порядок. После

– Откройте! – заколотила в дверь Ба.

Мы тихонечко поскуливали, потирая ушибленные места.

– Или вы откроете дверь, или останетесь здесь навсегда! – протрубила Ба.

Мы молчали в тряпочку, сердца наши бились так громко, что слышно было, казалось, на всю округу.

– Замурую заживо! – Трубный глас Ба проник во все щели погребца и скрючил наши души.

Мы не совсем поняла смысл угрозы, но дружно заревели – было ясно, что ничем хорошим это «замурую заживо» не закончится.

– Кому сказано, открывайте, – задергала дверной ручкой Ба, – открывайте, а то хуже будет!

Мы заплакали еще громче.

– Ладно, – выдохнула огнем Ба, – лейте дальше ваши крокодильи слезы, но выйти отсюда вы не выйдете!

Нам было слышно, как она что-то волокла к двери, осыпая нас проклятиями и приговаривая про «мамэс милх». Потом наступила тишина. Стало ясно, что Ба чем-то загородила дверь и ушла.

Погреб был темным и холодным. Единственное маленькое окошко, которое выглядывало на улицу, было зарешечено. Когда глаза привыкли к темноте и мы начали различать предметы, нам стало еще страшнее, потому что казалось, что со всех углов на нас пялятся жуткие чудища.

И мы разревелись уже на законных основаниях.

Сначала мы плакали потому, что нам было больно, холодно и страшно. «Вот, оказывается, что такое "замуровать заживо"», – сквозь рев делились мы друг с другом свежеприобретенными знаниями. Потом нам захотелось в туалет по-маленькому, и мы ревели от обиды, потому что пришлось писать в углу, на беленький песочек, оставшийся после ремонта. При этом страшнее всего было сидеть голой попой на корточках – а вдруг из-за спины вынырнет длинная когтистая лапа и потащит нас в потусторонье? Поэтому, когда я сидела на корточках, Манька держала меня за руку, а когда она села писать, то я вцепилась ей в руку.

Потом мы оплакивали нашу тяжелую судьбу в зарешеченное окошко в надежде на то, что кто-нибудь пройдет мимо и вызволит нас из заточения. И если я дотягивалась ростом до окна, то Манька

безнадежно маячила внизу. Чтобы она тоже могла явить миру перекошенное от горя и страха лицо, пришлось притащить кадку с рассолом для сыра. Манюня взобралась на кадку, и мы дружно заголосили в окно.

Потом мы отчаялись дожидаться помощи извне и стали взывать к совести Ба.

– Бааа, – плакали мы, – вытащи нас отсюда, пожалуйста, мы замерзли, и у нас болят от холода ступниии. Мы уже достаточно замуравались и больше не будееееем!!!

Сначала вопли наши оставались безответными, а потом, спустя миллион веков, за дверью завозились.

– Баааа, это ты? – заголосили мы жалобно.

– Ыхть, – раздалось за дверью, – ыхть!

Потом еще раз:

– Ыхть! Ыхть! Ыхть!

Мы испугались еще больше.

– Ааааааа, – заорали мы, – Баааааааааааа, помоги нам!

– Если вы сейчас же не заткнетесь, то я оставлю вас здесь навсегда, – пропыхтела зло Ба. Мы притихли. Ба еще какое-то время возилась за дверью, потом громко сказала «господибожетымой».

– Что? Снова «господибожетымой»? – зашлись мы в истерике. – Баааа, мы ничего такого не делали, только пописали на песочек в углу и всеоооооо, зачем же снова «господибожетымой» говорить?!!!

– Будете орать, вообще не выйдете оттуда, – выдохнула огнем Ба, и мы моментально притихли. – Потерпите чуть-чуть, скоро я вас выпущу.

Потом она куда-то ушла. На этот раз для разнообразия мы решили украсить томительное ожидание дружным иканием – на плач уже не осталось ни сил, ни слез.

Потом пришел сосед дядя Гор. Закаленный многолетним соседством с Ба, он не стал удивляться или задавать глупых вопросов, просто с нечеловеческим кряхтением отволок в сторону ржавый мотор от старого Дядимишиного драндулета, которым Ба, в адреналиновом угаре, загородила дверь в погреб.

– Так ведь и до геморроя недалеко, – бросил он на прощание.

А потом Ба открыла дверь в погреб, и наш Рагнарек возобновился.

Сначала она поволокла нас в ванную, где минут двадцать отогревала наши продрогшие чресла в крутом кипятке. Потом, когда в ванной отчетливо запахло консоме из детятины, она вытащила новую натуральную мочалку (акцентирую ваше внимание на слове «новая», потому что, если кто мылся натуральными мочалками, тот до сих пор недоумевает, почему ООН в своей Конвенции против пыток не наложила вето на мытье детей новыми натуральными мочалками). Итак, НОВОЙ натуральной мочалкой Ба отшлифовала наши тела так, что мы легко могли сойти, учитывая разницу в росте, за деревянную скалку и деревянный же, например, пестик. Притом, чем громче мы выли, тем усерднее Ба нас растирала.

А далее мы на своем опыте доказали, что пирамиды все-таки строили люди, а не инопланетяне. Потому что вдвоем, подгоняемые грозными окриками Ба, сначала помыли всю шерсть в пяти водах, потом сушили ее на солнцепеке, не забывая ворошить и переворачивать, потом мы ее выбивали деревянной палкой, нудно и долго, до волдырей на ладонях и боли в пояснице, а далее каждый клочок шерсти распушили нежным облачком.

И если кто из вас скажет, что Ба все-таки переборщила с «господибо-жетымоем», то я с вами не соглашусь.

Ибо кару мы понесли вполне заслуженную, ага.

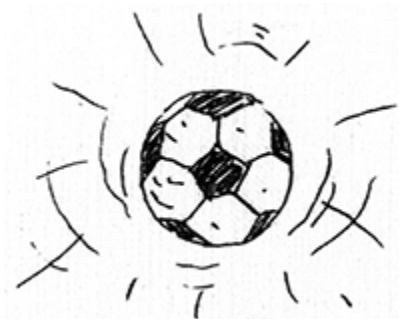
Глава 14. Манюня, или Как с большой для себя пользой съездить в Тбилиси

Дядя Миша, Манин папа, работал на релейном заводе инженером. Главный инженер – должность, безусловно, почетная. У дяди Миши в анамнезе были красный диплом политехнического института, кандидатская степень и кой-какие научные разработки. За все эти заслуги, а также за пятнадцатилетний непрерывный стаж работы на релейном заводе родина платила ему ежемесячно где-то около ста пятидесяти рублей. На эти деньги дядя Миша умудрялся не только обеспечивать всю семью, но и позволял себе маленькие мужские радости – если, конечно, эти радости проходили строгий таможенный контроль Ба.

А еще дядя Миша был однолюбом. Редкое для мужчины качество, ставящее жирный крест на его судьбе. Еще со школьной скамьи он любил девочку Галю Ицхакову. И вопреки воле Ба женился на ней. Естественно, свекровь невзлюбила невестку. В бедной Гале все было не так – и происхождение (рабоче-крестьянское), и вероисповедание

(пф, выкрест), и вкусы (ты видел булатные зубы ее матери – это же ни в какие ворота не лезет), и образование (медсестра, даже на врача не удосужилась выучиться).

Ради справедливости нужно отметить, что Ба в принципе не могла ужиться с женщиной, которая покушалась на любовь ее сына. Тетя Галя боролась за свое семейное счастье долго и отчаянно, но потерпела фиаско – Ба была мастером изнурительной партизанской войны.

Мане было пять лет, когда ее родители развелись. Ба сделала все возможное, чтобы внучка осталась с ней. Я не знаю, на какие ухищрения она пошла, может, пригрозила судье пытками или взяла в заложники всю его семью, но суд принял сторону дяди Миши, и Ба получила Манечку в безвозмездное пожизненное пользование. Тетя Галя потом снова вышла замуж, уехала в другой город и родила своему мужу троих детей. Маня периодически приезжала к ней в гости, и к чести Ба нужно отметить, что та никогда не препятствовала общению Мани с ее мамой.

Ба вообще была достаточно замкнутым человеком и мало кого «допускала к телу».

Моя семья стала редким исключением. Уж не знаю, чем мы ее взяли, может, количеством детей (четыре девочки!) или тем, что мама оказалась землячкой Ба, а может, тем, что папа не раз вытаскивал дядю Мишу из передряг, в которые тот регулярно попадал, но Ба раз и навсегда впустила нас в свое сердце и не выпускала оттуда уже никогда. Мы высоко ценили любовь Ба и бережно несли ее перед собой праздничным караваном.

Если у Ба случались какие-нибудь крупные размолвки с дядей Мишей, то плакаться она приходила к маме.

– Ты представляешь, Надя, – возмущалась она, громко отпивая горячий чай из большой чашки, – мне кажется, что у него кто-то есть!

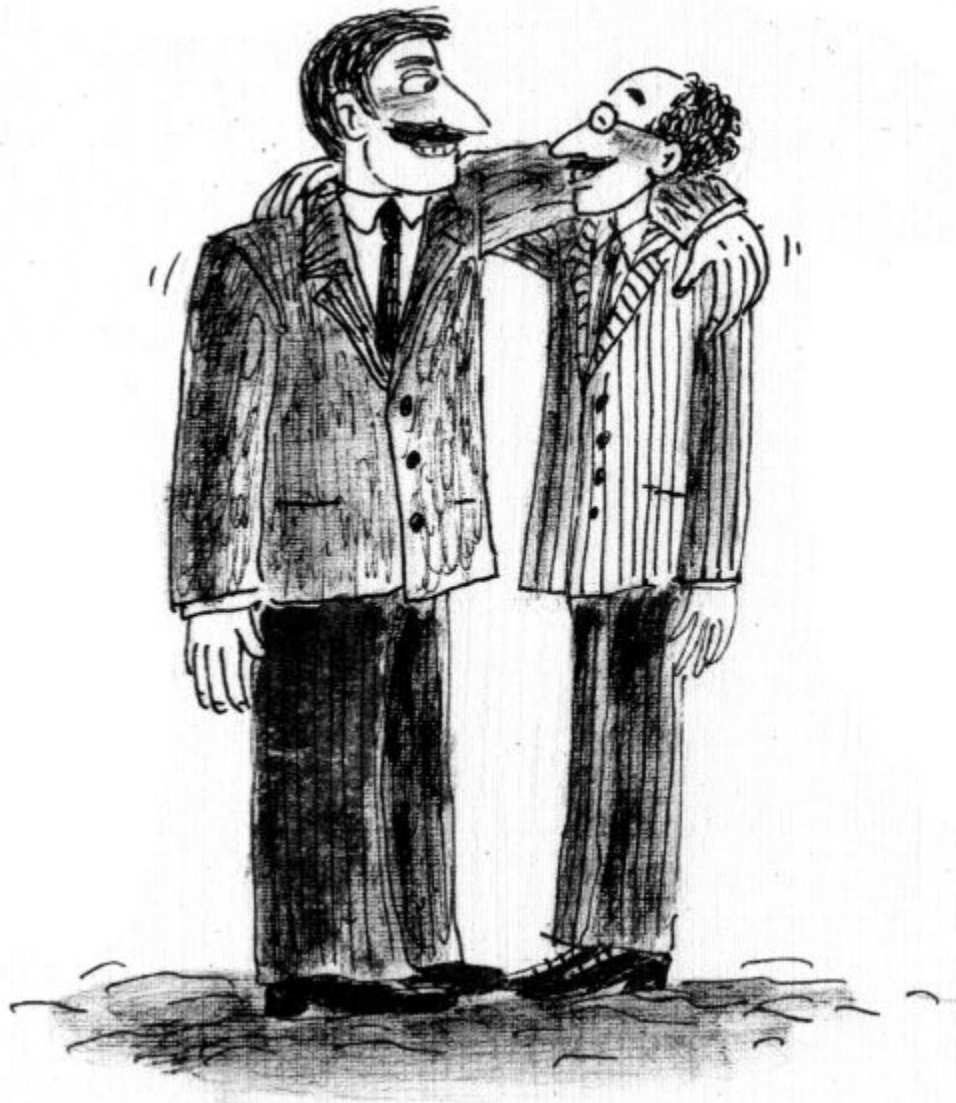
– Тетя Роза, – маме хватило наглости возразить Ба, – Миша молодой мужчина, ему всего тридцать восемь, должен же он где-то оставлять свою... хм... энергию! – Последние слова она проговорила почти шепотом и, казалось, стала ниже ростом – Ба смотрела на маму тяжелым немигающим взглядом.

– Можно подумать, это аргумент! Я вот тридцать лет живу без мужика, и ничего! – рассердилась она.

По лицу мамы было видно, что она хотела бы возразить Ба, но сработал инстинкт самосохранения, и она промолчала.

Мы с Маней периодически, затаив дыхание, подслушивали диалоги Ба с мамой. Мане было жизненно важно, чтобы дядя Миша ни в кого не влюблялся, – она лелеяла тайную надежду, что родители когда-нибудь обязательно помирятся и снова поженятся. Видимо, об этом мечтал и дядя Миша, потому что так никогда и не решился на второй брак. Безусловно, как у любого здорового мужчины, у него были какие-то связи на стороне, но явок и паролей он никогда не сдавал, может, еще и потому, что узнай об этом Ба – и одной несчастной на этом свете стало бы меньше.

Самой большой легальной привязанностью дяди Миши, разумеется, после Манюни и Ба, был его автомобиль.

Автомобиль – весьма гуманное определение для того агрегата, на котором рассекал дядя Миша.

– Адам Казимирович Козлевич на своем «Лорен-Дитрихе» нервно закусывает локтями, – комментировал папа, когда дядя Миша торжественно въезжал в наш двор на своем драндулете.

Манюнин папа являлся счастливым обладателем автомобиля повышенной проходимости, условно обозначаемого «ГАЗ-69». Почему условно обозначаемого – да потому, что дяде Мише от прежнего

владельца машина досталась в весьма «модифицированном» виде – чего стоил один только кузов, собственноручно сваренный из железяк непонятого происхождения и предназначения!

Но дядя Миша не унывал. Он ласково назвал своего механического друга Васей, в честь главного конструктора Вассермана, под чутким руководством которого создавался сей вездеходный монстр, и два раза в год обязательно разбирал его на винтики и карданные валы. Далее он любовно протирал каждую деталь бензином, мазутом или чем полагается протирать детали «ГАЗ-69» 1956 года выпуска, а потом, что особенно удивительно, собирал машину обратно. Примечательно, что после каждой сборки Васи оставалась целая куча металлолома, которую дядя Миша аккуратно складывал на отдельную полку в погребе.

– Когда-нибудь найдем и этим деталям применение, а мой Вася и так поедит, – горделиво приговаривал он.

Если снаружи Вася смахивал на курятник на колесах и этим только интриговал неподготовленных зевак, то скудностью убранства кабины он ошеломлял людей уже по самые, ну не знаю, надпочечники, что ли.

В базовой комплектации производителем предполагались две трехместные продольные лавки для пассажиров. Но прежний владелец и сюда внес свои коррективы – за сиденьями водителя и переднего пассажира, вдоль боковых стен, были прибиты две деревянные, плохо отшлифованные доски. Усидеть на них по ходу движения было очень сложно, потому что держаться было не за что. Приходилось крепко упираться ногами в пол, а руками – в крышу автомобиля.

Если организовывался выезд на природу, то мама, Ба и младшие мои сестры садились в папину «копейку», которая на фоне Дядимишиного драндулета смотрелась как минимум «Кадиллаком», а я, Манька и моя сестра Каринка загружались в Васю.

Между деревянными продольными лавками Васи было достаточно большое пространство, куда складывали скарб для пикника – шампуры, замаринованное мясо, овощи-фрукты, пледы, мячи, ракетки для бадминтона, нарды, термос с чаем, теплую одежду. Нашей обязанностью было по ходу движения Васи придерживать это добро, чтобы оно не разлеталось по машине.

Не знаю, предполагала ли базовая комплектация «ГАЗ-69» амортизаторы, но на Васе их точно не было. Машину на дороге трясло так, словно ее вручили какому-то малютке-великану вместо погремушки.

– Кастрюююлю держи! – орала Маня Каринке, придерживая ногой пакет с картофелем, одной рукой упираясь в железную крышу монстра, а другой ловя откатившийся зеленобокий арбуз. Кастрюля с замаринованным мясом выделявала по полу опасные пируэты и всячески грозила опрокинуться и оставить нас без шашлыка.

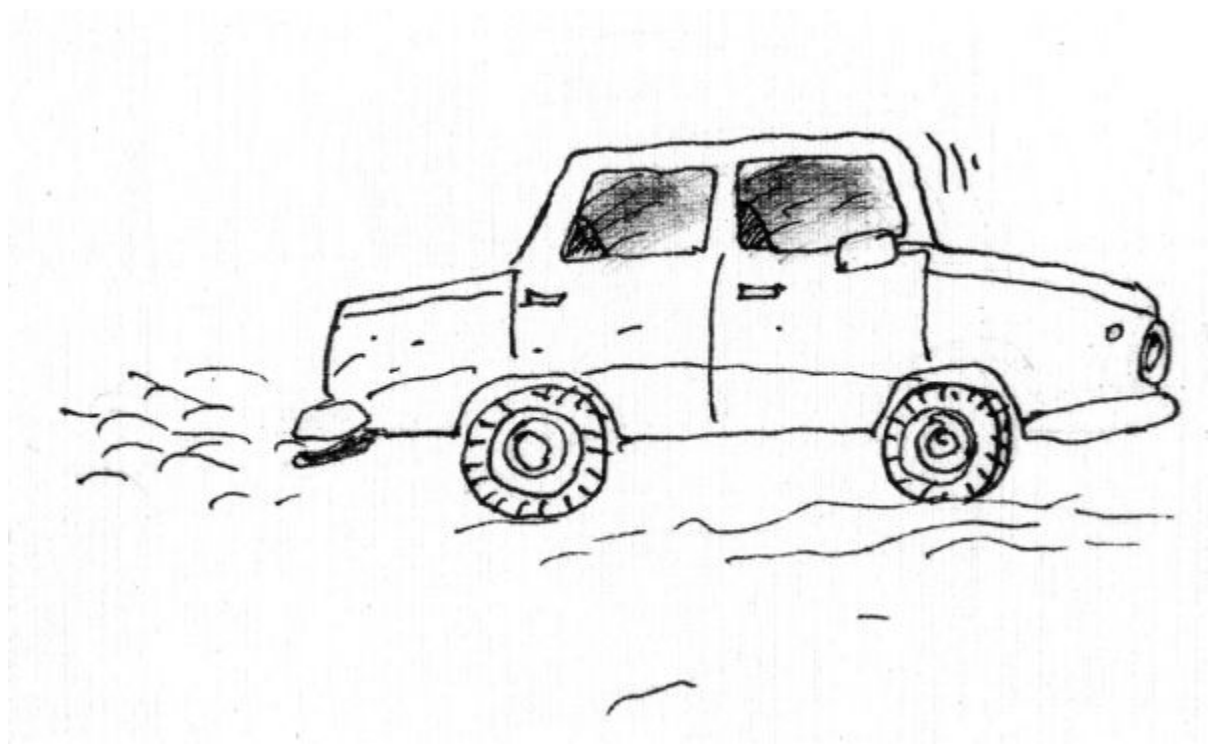
– Да мне бы шампуры поймать, – кряхтела Каринка, пестуя в руках огромный термос Ба, а ногой пытаясь придержать связку острых шампуров.

Мне с невероятным трудом удалось подцепить кастрюлю локтем – руки были заняты магнитофоном «Электроника-322», а ногами я придерживала пакет с фруктами.

«Ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех», – надрывалась в магнитофоне Пугачева.

– Васидис! – вел уважительные переговоры с Васей дядя Миша. – Давай, родненький, идем на подъем.

– Вннннн-внннннннннннннн, – преданно кряхтел железный монстр.

Дядя Миша, словно летчик-испытатель, увлеченно шурувал огромным количеством непонятных рычагов, торчащих по правую сторону от его сиденья.

– Кха-кха, вnnnn, кха-кха, – надрывался Васидис и таки взбирался на очередной бугор тяп-ляп проложенной горной дороги.

Иногда, когда Вася находился в разобранном виде (в неглиже, хмыкала Ба), а дяде Мише срочно надо было куда-то ехать, он просил у папы его «копейку».

Практика открыла за дядей Мишей удивительную способность – если он пытался съездить куда-то на папиной машине, то обязательно попадал в передрыгу.

Когда дядя Миша взял папину «копейку» в первый раз, то на скорости сорок километров в час он въехал в стадо коров и выехал из него с обезумевшим от такого беспардонного обращения быком на переднем капоте. Бык отделался легким испугом, а капот погнулся так, что пришлось возвращаться, чтобы отремонтировать машину. При этом всю долгую дорогу до сервиса дядя Миша проделал со скоростью 10 км в час, потому что, когда он пытался хотя бы на километр прибавить в скорости, погнутый дугой капот распахивался и, загораживая ему весь обзор, клацал, словно голодными челюстями.

Когда дядя Миша во второй раз дорвался до папиной машины, он умудрился попасть в открытом поле под град величиной с хорошее куриное яйцо. Когда он въехал к нам во двор, папа чуть не скончался от зрелища, открывшегося перед его глазами, – весь кузов «копейки» был погнут в элегантный крупный горошек.

В третий раз, когда мой оптимистичный папа не отказал своему другу в просьбе, дядя Миша умудрился провалиться в огромную яму в таком безлюдном месте, что ему пришлось пройти пешком 15 км до ближайшего населенного пункта, чтобы позвонить отцу.

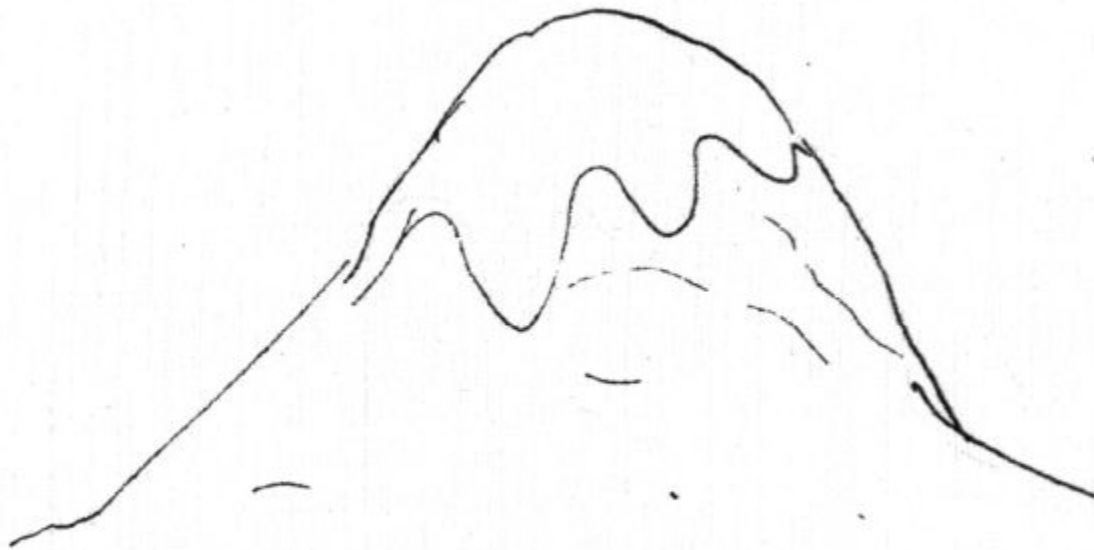
– Юра! – заикался он в трубку. – Я провалился в такую яму, что мама не горюй! Кажется, передняя ось погнулась, я плохо видел, потому что грязищи кругом – тьма-тьмущая. Может, это даже не лужа, а болото, я плохо присматривался. Нужен трактор, слышишь меня, трактор, иначе машину не отбуксировать!

Папа запил радостную весть ведром валерьянки и поехал искать в субботний вечер трезвого тракториста.

– Все! – поклялся он торжественно на следующее утро, когда, заляпанные грязью по самые брови, они с дядей Мишей вернулись домой. – Это была последняя капля. Ни-ког-да! Ни-ког-да я тебе больше не доверю машину. Клянусь памятью своего прадеда, понял?

– Я сам не возьму в толк, что за напасть такая, – виновато разводил руками дядя Миша. – Вася, что ли, ревнует?

А потом случилось вот что.

Грянул 44-й чемпионат СССР по футболу, встречались команды высшей лиги «Динамо-Тбилиси» и «Арарат-Ереван». Матч должен был состояться в Тбилиси, и папа с дядей Мишей намылились поболеть за вечно уступающий соседям в счете «Арарат». Если я ничего не путаю, это был вопрос жизни или смерти – проигрыш нашей команды означал автоматический ее вылет из высшей лиги.

Мама с Ба были категорически против этой поездки.

– Что вы переживаете? – кипятился папа. – Машина совершенно новенькая, ехать всего пятьсот километров, и потом, я же не один поеду, со мной будет Миша, он, если что, подстрахует меня.

– Зисале, так об чем и речь, – всплеснула руками Ба, – если бы ты ехал один, я и слова тебе поперек не сказала бы. А тут с Мишей решил! Обязательно что-нибудь случится, вот увидишь.

– А что сразу Миша? – встрял дядя Миша. – Мамэле, я даже к рулю не прикоснусь, водить будет только Юра! Клянусь!

Поздним вечером 24 июня раздался междугородный звонок. Мама кинулась к телефону.

– Алло, – крикнула она в трубку, – алло!

– Отвечайте Тбилиси, – раздался бесстрастный голос оператора телефонной станции.

– Алло, алло, Надя? – сквозь шорох и треск прорвался голос папы.

– Это я! Что случилось? – выкрикнула мама.

– Продули три – ноль, – загробным голосом поделился папа.

– Уф, – вздохнула с облегчением мама, – а я-то подумала, случилось что.

– Это как посмотреть, – продолжил папа после минутного молчания.

– Что стряслось? – У мамы сошла краска с лица.

– Машину угнали, – промычал папа, – Миша пошел доставать из бардачка сигареты. Ну, он открыл дверь, полез в бардачок, а тут его чем-то огрели, оттащили в сторону и угнали машину.

Мама села прямо на пол.

– Миша живой? – спросила сдавленным голосом.

– Конечно, живой, – рассердился папа. – Жив-здоров, даже сотрясение мозга не получил, – в голосе отца проскользнули нотки сожаления.

– И что теперь делать?

– Нужно тысячу рублей выслать нам!

– Сколько? Зачем? Откуда? – испугалась мама.

– Займи и вышли, – зачастил папа, – тут круговая мафия, я позвонил Юрику в Москву (Юрик, папин двоюродный брат, был одним из лучших сыщиков МУРа), он нажал на нужные рычаги, на нас вышли люди и потребовали тысячу рублей за то, чтобы вернуть машину. Юрик сказал, что надо откупаться, иначе машину мы вообще никогда не увидим.

Через три дня наши горе-болельщики возвращались домой. Настроение было паршивое. Дядя Миша после долгих раздумий решил выступить с рацпредложением:

– Юра, может, нужно освятить машину?

– В смысле – освятить? – От неожиданности папа сбросил скорость.

– Ну... это... как оно у вас называется... ну когда приглашается священник, вроде с кадилом.

Папа моментально вызверился.

– Чтобы ни один мудило с кадиллом на пушечный выстрел к моей машине не подходил, понял?

– Понял! – Дядя Миша примирительно замахал руками. – Что ж тут непонятного, все понял!

Здесь надо сделать маленькое отступление и объяснить агрессивную реакцию моего отца. У папы были свои счета с Богом. Они друг друга, скажем так, недопонимали. Или играли в сломанный телефон, но папа никак не мог смириться с правилами игры. Дело в том, что папа всю жизнь мечтал о сыне.

– Вот родится у меня сын, – строил он планы, – достойный продолжатель рода, будет он мне другом, опорой и поддержкой!

Но Боженка почему-то не считался с желаниями отца и одну за другой посылал ему дочерей.

Когда родилась я, папа даже обрадовался.

– Вот! – сказал он. – План на девочек выполнен, следующим точно будет мальчик!

– Юра, – мама сунула ему в руки меня, – посмотри, как она на тебя похожа!

– Что, и нос будет как у меня? – испугался отец.

– Нет, что ты, – соврала мама.

– Слава богу, – обрадовался отец, – тогда назовем ее Наринэ!

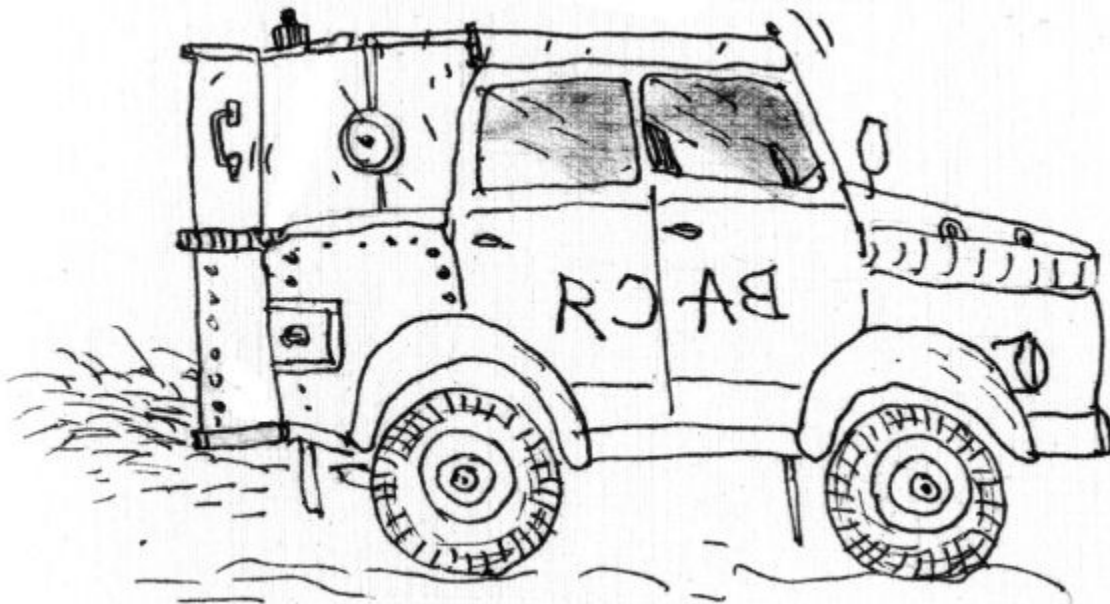
– **Наринэ, – зашелестели эхом духи наших предков, – огненная.**

– **Не это имя нужно было ей давать, – вмешался дух прапрабабушки Сирануйш, – надо было назвать ее...**

– **Шшшш, – зашикали на нее духи, – не вмешивайся...**

Потом родилась вторая девочка. Папа ходил мрачнее тучи.

– Юра! – Мама откинула уголок конверта новорожденной. – Посмотри, какая чудная девочка, очень на мою маму похожа.

Папа взял девочку на руки, погладил по щечке.

– И впрямь похожа, – вздохнул, – назовем ее Каринэ.

– Каринэ, – от шепота духов наших предков затрепетали шторы в больничной палате, – ликующая.

– Другое нужно имя, – снова вмешался дух прапрабабушки Сирануйш, – есть персидское красивое имя...

– Шшшш, – зашикали на нее духи моих армянских и русских предков, – какие такие персидские имена?

Потом родилась третья девочка. Папа места себе не находил, непрерывно курил, ругался куда-то вверх.

– Я у тебя чего-то невозможного прошу? – брызгал он слюной в небо.

– Юра, – мама сунула ему в руки девочку, – посмотри, какая она красивая, копия твоего отца.

Папа взял девочку на руки, долго вглядывался в лицо.

– И в самом деле на отца похожа, – умилился он, – назовем ее Гаянэ.

– Гаянэ, – заволновались духи наших предков, – земная.

– Имя – это сакральный код, – вмешался снова дух прапрабабушки Сирануйш, – оно должно символизировать.

– Что? – обернулись к ней духи.

– Твой посыл Вселенной, – зашептала Сирануйш, – девочку нужно назвать Сона. Сона в переводе с фарси означает «красивая». Но есть еще второе значение этого слова – «достаточно».

– Подождите, но Сона – это армянское имя, – встряла прапрабабушка Тамара.

– Пф, – фыркнула прабабушка Анна, – есть хоть что-нибудь в мире, что не армяне придумали?

– Да ты что, Анна, – хохотнул прадед Иван, – вначале были армяне, и только потом – свет!

– Да где ты был, когда мы уже христианами были. – полезла в бой Тамара.

– Вооорс утеееееееееек!^[5] – раздался грозный рык прапрадеда Пашо.

Все притихли.

– Развели тут курятник! Заткнулись все! Говори, Сирануйш!

– Спасибо, Пашо, лучше бы ты при жизни так меня слушался, – хмыкнула Сирануйш.

– Воооорс! – прогрохотал Пашо.

Сирануйш вздохнула.

– Если назвать девочку Сона, что в переводе с фарси означает «достаточно», то следом обязательно родится мальчик!

– Сона, – заволновались духи предков, – девочку нужно назвать Сона!

– Хорошо, пусть будет Гаянэ, – улыбнулась мама папе.

А потом мама забеременела в четвертый раз.

– Бог любит троицу, – потирал руки папа, – три дочки у меня уже есть, теперь точно будет мальчик!

Однажды он ворвался в дом с большим топором наперевес. Мама обхватила руками живот и забилась в угол. Папа был явно не в себе, он отчаянно жестикулировал, нервно ходил лицом и всячески напоминал умалишенного.

– Вот! – тряс он томагавком над головой. – Смотри, что я нашел в лесу! Топор! Оружие! Это знак!!! Теперь точно будет мальчик!

Когда родилась четвертая девочка, папа месяц с лишним ходил с немым вопросом на лице. Родные всерьез беспокоились о его

душевном равновесии, поили отваром пустырника и зверобоя, кормили валерьянкой.

– Юра, – мама подвела его к кроватке, – посмотри, как она на моего отца похожа!

– А что, она не могла быть мальчиком, похожим на твоего отца? – гаркнул отец.

– Она родилась с седой прядью в волосах, – заплакала мама.

– Да? – смягчился папа. – Видимо, знала, что я буду расстраиваться. Назовем ее...

– **Сона, – наклонилась к его уху прабабка Сирануйш, – назови ее Сона, сынок.**

– Мне кажется, ее нужно назвать Сона, – сказала мама, – почему-то это имя пришло мне сейчас на ум.

– **Ну наконец-то, – вздохнули духи наших предков.**

– **Ну наконец-то, – засмеялась Сирануйш.**

Папа не умел слышать шепота духов предков. И не замечал знаков судьбы в виде белой пряди волос в кудрях своей младшей дочери. Папа всю жизнь страстно мечтал о сыне. И затаил большую обиду на Бога.

Дядя Миша уже крепко дружил с папой, когда родилась Сонечка. Дядя Миша наравне с отцом пил зверобой и закусывал его валерьянкой.

Вот почему, когда он предложил отцу освятить машину, тот моментально вышел из себя. Вот почему дядя Миша не стал спорить со своим другом, и всю оставшуюся дорогу они проехали в гордом молчании.

Когда папа довез его до дома, дядя Миша повернулся к нему:

– Я продам своего Васю и покрою твой долг, – сказал он.

– Если хоть копейку мне принесешь, я с тобой никогда больше здороваться не буду, – забарабанил пальцами по рулю папа.

Помолчали.

– Хоть бы вничью сыграли эти идиоты, – вздохнул дядя Миша.

– Это еще вопрос, кто тут идиоты, – ответил отец, – потратиться на билеты, гостиницу, проездить туда-обратно тысячу километров и выкупить свою машину может только очень умный человек.

– Понимаешь, Надя, – рассказывала потом Ба, – это надо было видеть, сидят в машине и хохочут в голос. С завываниями, охами-ахами, заламывая руки. Аж слезы по лицу ручьем текут. Только и слышно сквозь смех – идиоты, идиоты. Я даже выходить к ним не стала, ждала, пока отсмеются. Идиоты, что с них взять!

Глава 15. Манюня и двойные стандарты красоты, или Как можно разжалобить Ба

Ба считала мух опасным источником грязи и ненавидела их что есть мочи.

Мухи хорохорились и делали вид, что этого не замечают. Мухи не соображали, кому они бросают вызов, поэтому по дурусти своей всячески лезли на рожон: залетали в форточки, назначали свидания у мензурок с вареньем и ходили парами по чисто протертой мебели. Ба мигом пресекала наглые притязания мух на ее личное пространство. Для этих целей у нее имелся целый арсенал разнообразных мухобоек – от простых пластиковых, которые разваливались буквально через месяц немилосердного обращения, до более основательных, с металлической длинной ручкой и тяжелой резиновой сеткой.

Последние были из разряда долгоиграющих, и такой мухобойкой взъерепененная Ба могла легко скопытить не то что муху, а половозрелого африканского буйвола.

Я не могу, конечно, этого утверждать, но очень даже может быть, что наученные горьким опытом мухи всячески старались умаслить Ба. Может, в своем мушином царстве они в спешном порядке проводили реформы, как-то: господствующим строем объявляли матриархат, выпускали из тюрем всех женщин-политзаключенных, в рекордные сроки воздвигали храмы с идолами, стоящими по пояс в земле и отдаленно напоминающими Ба, а также переименовывали столицу из Мухосранска в Розиосифск.

Может, даже специально назначенная комиссия ежеквартально выбирала из числа молоденьких мушек прекрасную деву для жертвоприношения немилосердному Молоху. Возможно, бедняжку натирали ароматическими маслами, обкуривали благовониями, вешали на грудь полярное изображение Ба и запускали в дом.

Я не могу знать, на какие еще ухищрения шли мухи, чтобы пробудить в Ба хоть капельку сострадания. Ясно было одно – Ба не знала, что такое милосердие к мухам. Ба прихлопывала одной левой трепетную мушиную Андромеду и шла дальше по своим делам.

Когда Ба торжественно говорила: «Завтра у меня уборка», – то у всех жителей северо-восточных районов Армении портилось настроение. Потому что Ба не умела убираться так, как убиралась среднестатистическая советская хозяйка – пропылесосил, протер полы, поелозил тряпкой по выступающим частям мебели. Ну и постирал-погладил.

Еженедельная уборка а-ля Ба предполагала ритуальный утренний геноцид мух, а далее по накатанной – протирку пыли влажной тряпкой со всех предметов и поверхностей, включая антресоли и шкафы. Мытье межкомнатных дверей и окон с подоконниками (слава богу, что только изнутри – окон в доме было миллион штук). Уборка включала в себя также остервенелую двойную протирку полов с обязательным перетаскиванием мебели, чтобы не дай бог ни одна пылинка не завалилась в каком-нибудь уголке. Далее производилось тщательное мытье всех раковин-унитазов и кафельных поверхностей до зеркального блеска. Непременным ритуалом была стирка, обязательно с синькой и крахмалом, и глажка.

А апофеозом этого мучительного дня становилось тщательное мытье Мани в семи водах до победного скрипа. Дядя Миша, как опытный диссидент, отстоял-таки единоличное право на свою гигиену и мылся сам.

В один из таких трудных дней я позвонила Маньке, чтобы позвать ее к нам переждать стихийное бедствие под названием «Ба убирается».

– Ты можешь зайти за мной? – шепотом попросила Маня.

– Зачем? Сама не дойдешь?

– Я тебя как друга прошу, – рассердилась Манька, – тебе трудно до нашего двора дойти? Поговорить надо, а у тебя не дадут.

Через пять минут я уже была у нее. Встретила она меня с таким лицом, что мне сразу стало ясно – случилось что-то непоправимое. Маня молча приложила палец к губам и повела меня в гостиную.

– Где Ба? – шепотом спросила я.

– На втором этаже, протирает окна.

– Так что случилось?

– Я случайно сломала плафон бра.

– Чешского? – Я похолодела.

– Да!

У меня захватило дыхание. Историю о том, как Ба простояла сутки в ленинградской очереди за люстрой и бра, мы знали наизусть. Героизм Ба заключался не в том, что она раздобыла в невероятной давке светильники потрясающей красоты. А в том, что когда она с коробками вернулась в гостиницу и обнаружила трещину на одном из плафонов, то по горячим следам вернулась в магазин, боем взяла прилавок и заставила продавщицу поменять сломанный плафон на целый! Я думаю, в магазине «Свет» ее запомнили на веки вечные.

Мне стало дурно.

– Как это ты умудрилась? – спросила я, разглядывая длинную продольную трещину на плафоне.

– Случайно, – заплакала Манюня, – погналась за мухой, она села на плафон, ну я и не подумавши хрястнула со всей силы!

На Маню было жалко смотреть – губы тряслись, боевой чубчик на голове поник и позорно повис надо лбом.

Я повернула плафон трещиной к стене.

– Пойдем отсюда, слезами горю не поможешь.

Мы выскользнули за дверь и поплелись к нашему дому со скоростью похоронной процессии. Настроение у обеих было препаршивое.

– Убьет ведь! – тяжело вздыхала Манюня.

– Убьет! – горько соглашалась я.

Во дворе нашего дома мы столкнулись с моей сестрой Каринкой. Ну, то есть как столкнулись, сначала из-за угла здания вылетела свора дворовых собак, потом группа испуганных мальчишек, а следом с гиком выскочила Каринка. Каринка дико щерилась и грозно трясла длинной грязной метлой. Волосы у нее были всклокочены донельзя, на лице, во всю левую щеку, красовался длинный чапаевский ус, подол платья был изорван практически до трусов.

– Откуда метла? – невозмутимо поинтересовалась я. Мою невозмутимость, которой бы позавидовал сам Сфинкс, легко можно было объяснить: все в облике моей сестры – и угольный ус, и всклокоченные вихры, и разодранное практически в клочья платье – было вполне обыденным явлением.

– Украла в подсобке у дворника, – шмыгнула Каринка. Она провела указательным пальцем под носом, и рядом с одним усом у нее на лице появился второй.

– Покажи руки, – скомандовала я.

Каринка растопырила пальцы – руки ее были вымазаны чем-то черным.

– Это что такое?

– Уголь, я сначала кидалась в этих балбесов углем, а потом обмакнула в грязь метлу и погнала их как гусей.

Моя сестра была сущим наказанием для всего подрастающего мужского населения нашего квартала.

Мальчишки боялись ее как огня – она могла с легкостью поколотить любого из них. Если у какого-нибудь несознательного мальчика почему-то отказывал инстинкт самосохранения и он обижал девочку, то эта девочка прямиком шла жаловаться моей сестре. А далее часы этого мальчика были сочтены – сестра находила его, и все заканчивалось тем, что вечером к нам в дверь скреблась очередная мама, держа за руку очередного покалеченного сына.

– Кто бы мне объяснил, за что я страдаю! – восклицала мама, отвечивая сестре очередной фирменный подзатыльник.

Мы с Манькой очень гордились Каринкой. Пока Каринка оставалась моей сестрой, ни один мальчик не смел подойти к нам ближе, чем на пушечный выстрел. А так как уходить к другим родителям в обозримом будущем сестра не намеревалась, то мы чувствовали себя как у Бога за пазухой.

– Что щас расскажу, что щас расскажу, – забегала глазами по лицу Каринка.

– Что?

– Знаете, чего мне Маринка из тридцать восьмой квартиры рассказала? Что если кто-то сильно скосит глаза к переносице, а в этот момент его чем-то тяжелым ударят по голове, то он останется косым на всю жизнь. Вот!

– Врешь небось!

Каринка выставила вперед свои грязные руки, чтобы мы видели, что она не скрещивает пальцы.

– Клянусь! – поклялась торжественно. – Я и Маринку заставила поклясться и внимательно следила – она пальцы на руках не скрещивала. И даже ноги не скрестила. И даже пальцы на ногах! Я все видела!

Мы переглянулись.

– Это надо же, что в мире творится, – ошарашенно протянула Манюня.

– Давайте я с вами пойду домой, авось проскочу, и мама не заметит, что я платье порвала, – заканючила Каринка.

Мы согласились, хотя знали совершенно точно – мимо маминого взора порванное платье невозможно было пронести. Мы встали перед входной дверью так, чтобы заслонить сестру спинами, и нажали на звонок. И сразу поняли о провале операции, потому что мама открыла нам с таким выражением лица, что мы молча расступились – сестру бы уже все равно ничего не спасло!

Мама затащила Каринку в квартиру, подцепила ее, кажется, за лопатку и, как жертвенную овцу, поволокла в ванную комнату. Молча!

Мы с Маней затравленно прислушивались к голосам, раздававшимся из ванной комнаты.

– Сколько можно, – ругалась мама, – ну сколько можно!

– Ааааа, – орала Каринка, – я нечаянно порвала платье, мам, я не специально, это я когда через окно в подсобку пролезалаааааа!

– Раздевайся! – проорала мама так, что штукатурка посыпалась с потолка. – Снимай все!

Потом послышался плеск воды.

– Топит она ее, что ли? – вылупилась Маня.

Экзекуция Каринки напомнила нам о сломанном плафоне и, естественно, не добавила оптимизма – мы понимали, что и Маню поджидает такая же участь.

Минут через десять отворилась дверь ванной, и оттуда выползла чисто отстиранная сестра. Она куталась в банный халат, мокрые волосы были немилосердно прилизаны к голове, глаза припухли от слез. Кроме пламенно алеющего и увеличенного в размерах раза в два уха, других повреждений мы не заметили. Следом из ванной вышла мама.

– Марш все в детскую, и чтобы ни слуху ни духу вашего не было, понятно? – рявкнула она.

Мы припустили в комнату стаей испуганных сайгаков, а когда пробежали мимо мамы – инстинктивно втянули головы в плечи.

В комнате мы сочувственно разглядывали ухо Каринки.

– Больно было?

– Не очень, – шмыгнула сестра, – большее было, когда она мне мокрые волосы расчесывала.

– А если у тебя ухо навсегда останется красным? – испугалась я.

– Не останется, – махнула рукой сестра, – если твое ухо от удара ведром пришло в норму, то почему мое должно остаться таким?

Я потрогала свое ухо. Все правильно, не прошло и месяца после знаменитого удара пластмассовым ведром по моему многострадальному уху, а оно вполне уже обрело прежние свои очертания.

Вообще наступили тяжелые времена. Нас уже сильно беспокоила наша внешность. И если Каринке было наплевать, что у флейтистки Ангелины уже выросла небольшая грудь, а у нас хоть шаром покати, то мы с Маней по этому поводу сильно переживали. Нам было по одиннадцать, и мы отчаянно хотели быть красавицами.

Меня волновал мой высокий рост, я уже вымахала аж до 165 см и могла похвастаться 38-м размером ноги. К тому же, для пущего

счастья, у меня посреди лица вырос достаточно крупный нос с горбинкой.

– Мам, – пожаловалась я как-то маме, – ну почему у всех наших детей носы как носы, а у меня не пойми что?

– Ну что ты, дочка, – мама погладила меня по голове, – у тебя аристократический нос, с горбинкой, твой профиль называют римским! Такие носы были у античных богов и богинь!

– Да? – обрадовалась я.

– Ну конечно!

Манька скосила глаза к переносице.

– Я тоже хочу горбинку, – обиделась она, – чтобы как у античных богов!

– Зачем тебе горбинка? – засмеялась мама. – Ты и так красавица!

Маня надулась. В том, что она красавица, Манюня ничуть не сомневалась. Только лишняя горбинка на носу ни одной красавице не помешает!

Поэтому если меня беспокоила моя горбинка, то Манечку беспокоило как раз ее отсутствие. Так и жили, тайно завидуя друг другу.

Мы тихонечко ковырялись у себя в комнате, рисовали цветными карандашами. Потом вытащили альбом творческого наследия эпохи Возрождения и стали его пролистывать. Особенно пристально, пока мама гремела посудой на кухне, рассматривали мужское достоинство Давида.

– Ерунда какая-то, – фыркнула Каринка.

– Ага, – согласилась я, – что ни говори, дурачки у них все устроено!

Маня задумчиво рассматривала профиль Давида.

– Я придумала, как мне можно сделать горбинку, – протянула она.

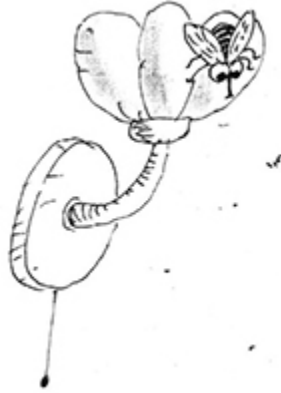
– Ты снова за свое?

– А что, – Маня набычилась, – я, может, об этом всю свою жизнь мечтаю! И точно знаю, как надо себе сделать горбинку на носу.

– Как? – Мы с Каринкой с трудом оторвались от причиндалов Давида.

– Нужно сильно удариться переносицей обо что-то твердое. Нос припухнет, и образуется горбинка.

Мы испугались.

Маня отняла руки с лица. Нос у нее на месте удара посинел, по лицу струились слезы.

– Нужно лед приложить. – Метнулась мама к холодильнику. – Как это ты умудрилась так сильно удариться носом? А если ты его сломала? Будет горбинка...

Мама осеклась. Выглянула из кухни, зловеще выпучилась.

– Вы это специально, что ли?

– Специально, – завывала Маня, – я тоже хочу нос как у Нарки!

– Мало с нас одного шнобеля? – рассердилась мама. Она приложила к Маниному носу пакет с замороженным мясом, потом всплеснула руками, кинулась за чистым кухонным полотенцем и, завернув в него пакет, снова приложила его к переносице Мани. – Второго нам только не хватало!

– А чего сразу шнобель, – разревелась я, – говорила, что римский профиль!!!

– Римский, римский, – спохватилась мама, – конечно, римский, но ты высокая, тебе такой профиль идет, а Маня маленькая, ну зачем ей горбинка на носу?

– Больно, – выла Маня, – Тетьнадь, не давите так сильно!

– Убить вас всех мало, – прошипела мама, – на минуту отвлеклась – и вот на тебе. Маня, ты хоть подумала, как Ба на это отреагирует?

– Да мне уже без разницы, что она скажет, – заревела Маня, – она меня все равно сегодня убьет!

– Это почему же?

– Я плафон бра сломала. Мухобойкой.

– Ой, – испугалась мама, – бра, которые Ба привезла из Ленинграда?

– Угум. – Маня скосила глаза на сверток с мороженым мясом. – Тетьнадь, может, достаточно мне нос морозить, а то мне совсем холодно, так ведь и заболеть можно!

– Да-да, деточка, – мама убрала пакет, – бог с ним, с носом, а вот плафон!!! Не двигайся, сейчас смажем ушиб мазью.

Она метнулась к домашней аптечке.

– Ну, – протянула мама задумчиво, нанося Мане на переносицу мазь, – если ты с таким ушибом на носу придешь домой, может, Ба и не станет тебя сильно ругать!

– Да?

– Вполне возможно, – задумчиво протянула мама, – вполне возможно.

Мы поплелись обратно в детскую. На Маню жалко было смотреть – нос у нее покраснел и сильно распух, а на переносице отливал баклажанной синевой. Манька осторожно шмыгала и о чем-то усиленно думала.

– Вот, – наконец торжественно изрекла она.

– Чего вот?

– Я про то, что можно ударом в голову заработать косоглазие. Одно дело явиться домой с ушибом на носу, а другое – с ушибом на носу и с косоглазием. Тут уж у Ба точно пропадет желание меня наказывать!

Мы с Каринкой переглянулись. Было ясно – удар по носу не прошел для Манечки даром.

– Мань, – как можно спокойнее сказала я, – ты чего добиваешься, тебе в больницу захотелось?

– Нарка, не мешай мне думать! – рассердилась Маня. – И вообще я тебя сегодня не узнаю, ты постоянно мне перечишь.

– Так ты ведешь себя сегодня странно!

– Посмотрела бы я на тебя, если бы ты плафон сломала!

Крыть было нечем. Если бы я сломала плафон, я бы просто тихо легла умирать в уголочке.

Пока мы с Маней препирались, Каринка притащила толстый том советской энциклопедии.

– Вот чем можно тебя ударить, – пропыхтела она.

Мы взвесили книгу в руках. Книга была действительно тяжелой, удержать одной рукой ее было невозможно.

Далее под руководством Мани Каринка притащила стул, взобралась на него и подняла над головой энциклопедию. Маня скосила глаза к переносице. Когда ее глазные яблоки практически исчезли из виду, она подала рукой знак Каринке – давай! И Каринка со всей дури заехала книгой Мане по голове.

Маня постояла какое-то время в оцепенении, потом молча сползла на пол.

– Мы ее убили? – испугалась Каринка и спрыгнула со стула.

– Ыыыыыыыы, – промычала Маня, одно веко у нее дергалось, но в целом она смотрелась вполне нормально и совершенно не косила.

– Не получилось, – разочарованно протянула Каришка, – надо еще раз попробовать.

– Вы обе с ума сошли, – заплакала я, – я больше не играю с вами!

– Дура, ты чего орешь? – взъерепенилась Маня.

– Сами вы дуры, – меня уже невозможно было остановить, – хоть поубивайте тут друг друга, а я в этом не хочу принимать никакого участия! Я маме расскажу всеоооо!

– Предательница, не смей! – завопила Манька, но было уже поздно, мама сама прибежала на шум.

– Теперь чего? – испугалась она.

– Маааа, – разревелась я, – Манька хочет стать косой, чтобы Ба ее не побилаааа!

– В смысле – хочет стать косой?

– Ну, Маринка из тридцать восьмой сказала, что если скосить глаза и сильно ударить по голове...

– Вы чего? – не дала мне договорить мама. – Ставили эксперимент на Мане?

– Дааааа, – зашлась я в плаче.

– Предательницаааа, – заплакала Манька, – не хочу больше дружить с тобооооой!

– Вот дуры! – скривилась Каринка.

Ну потом все шло по накатанной. Мама снова подцепила Каринку за лопатку и поволокла ее наказывать.

– Не надо меня по новой наказывать, – орала сестра, – все равно я сегодня чуть не выбила глаз Рубику из сорок восьмой квартиры, вечером придет его мама, вот тогда меня и накажешь!

– Сколько можно, – причитала мама, – сколько можно!

Естественно, досталось и мне.

Потом мама прочла нам лекции о членовредительстве и о косоглазии. Напугала до смерти.

А вечером мы с мамой пошли провожать Маню до ее дома. Повели ее буквально под белы ручки. Маня постоянно норовила вырваться и убежать в неизвестном направлении.

– Я все улажу, не бойся, – увещевала ее мама, но, судя по ее бледному лицу и блуждающему взгляду, сама побаивалась реакции Ба.

В Манин двор мы заползали как на минное поле.

– Посидите пока здесь, – прошептала мама нам и вошла в дом.

Все видели мультик «Рикки-Тикки-Тави»? Помните, как Рикки-Тикки-Тави бился в гнезде с Нагайной? Вот приблизительно так все и выглядело. Мы с Маней сидели на скамеечке под тутовым деревом и дрожали как листья на ветру, а в доме происходили какие-то тектонические процессы, извергались вулканы и образовывались новые материки.

Потом на веранду выползла мама. Волосы ее были маленько всклокочены, под глазами пролегли темные круги.

– Все! – вытерла она пот со лба. – Ба уже не сердится.

И она взяла Маню за руку и повела ее в дом.

Я осталась сидеть на скамейке. Мне вдруг стало очень жалко маму. У нее впереди был трудный вечер – скоро с работы должна была вернуться мама Рубика тетя Грета. И маме сначала надо было оправдываться перед тетей Гретой за фингал Рубика, а потом, приговаривая «сколько можно», выкручивать Каринке уши.

Я тяжело вздохнула, вытащила из кармана пакетик с сухим карбидом, который мы украли со стройки, и выкинула его от греха подальше в кусты. Этим карбидом мы намеревались прижечь пару-тройку строптивых мальчиков, которые постоянно лезли на рожон. Посидела с минуту, подумала. Расчесала до крови укус комара на руке. Вздохнула и пошла искать в кустах место, куда упал пакет.

И как бы невзначай это место запомнила. На всякий случай.

А тем временем искалеченный моей сестрой Рубик экономил электричество, освещая квартиру ярким светом, исходящим от гигантского фиолетового фингала вполлица.

Был совершенно обычный летний вечер, один из многих, которые, благодаря нашим стараниям, родители потом долго вспоминали с содроганием.

Глава 16. Манюня едет в Ереван, или Как можно оставить без штанов лучшего отоларинголога республики

Все началось с того, что я завела себе привычку болеть. Я температурила, жаловалась на боль в ушах и заложенность в носу, дышать могла только ртом. Районный отоларинголог долго ковырялся в моей несчастной носоглотке.

– Ничего не вижу, – разводил он руками, – по идее, должны быть аденоиды, но я их просто не вижу!

В итоге он посоветовал везти меня в Ереван, в Республиканскую детскую клиническую больницу. «Там оборудование лучше», – сказал он моим родителям.

– Через месяц поедем, – отмахнулся папа, – сейчас у меня много работы, никак не успеваю.

Ну, я не растерялась и в отместку заболела так, что мама, замученная моим нытьем, поставила отцу ультиматум – или ты отвозишь ребенка в Ереван прямо сейчас, или я тебе больше не жена!

Угроза возымела действие. Папа взял на работе двухдневный отпуск, и мы засобирались на прием к Самвелу Петросовичу, лучшему детскому отоларингологу республики, а по совместительству – папиному хорошему другу.

Когда дядя Миша узнал о планируемой поездке, то очень обрадовался. Дело в том, что дяде Мише надо было отвезти в столицу какую-то разработку, которая создавалась под его чутким руководством на релейном заводе. Эту разработку, точнее этот агрегат с нетерпением ждали в Ереванском НИИ математических машин.

– Вот повезло, – потирал руки дядя Миша, – теперь не надо будет шесть часов кряду трястись в рейсовом автобусе!

Вы спросите, как же так, ведь дядя Миша являлся счастливым обладателем роскошного внедорожника «ГАЗ-69» по кличке Вася, почему же он не мог съездить в Ереван на своей машине? И вы будете совершенно правы в своем недоумении. Но карты судьбы легли так, что в тандеме дядя Миша – Вася верховодил почему-то Вася. Поэтому только он решал, куда дядя Миша может ехать на своем автомобиле, а куда – на общественном транспорте. Вообще, Васидис оказался неумным собственником и ревновал своего хозяина не только к чужим автомобилям, но и, кажется, к другим районам Армении и, как только выезжал за пределы нашего горного хребта, тут же норовил сломаться. За короткий промежуток времени Вася из вредности умудрился побывать в автомастерских всех населенных пунктов, которые находились вне периметров нашего района.

А однажды он демонстративно сломался в километре от въезда в наше горное ущелье и завелся только тогда, когда вымазанный мазутом и грязью дядя Миша проорал ему под капот: «Если ты сейчас же не заведешься, я больше никогда не сяду за твой руль!»

– Кха, – испугался Васидис, – кха-кха!

– Захрмар! ^[6] – выругался дядя Миша. – Чтоб у тебя аккумулятор сел! Чтобы твой двигатель захлебнулся и сдох в страшных мучениях! Чтобы рабочий объем твоих цилиндров оскудел до одного литра!

Чтобы всю оставшуюся жизнь ты ездил только на первой скорости и исключительно задним ходом!

– Внннн, – обиделся Васидис и, не дожидаясь своего хозяина, рванул домой. По крайней мере дядя Миша утверждал, что еле успел запрыгнуть в кабину и пальцем не прикоснулся к рулю все пятьдесят километров обратной дороги.

Так что если дяде Мише предстояла поездка в какой-нибудь другой район Армении, то он благоразумно уезжал или на попутках, или рейсовым автобусом. А Вася преспокойно балбесничал на заднем дворе Дядимишиного дома.

– Ну и наглая у тебя рожа! – ругалась каждый раз Ба, когда шла мимо Васидиса в погреб.

В ответ Васидис пренебрежительно молчал. Женщин он считал рудиментарным явлением антропогенеза и брезгливо игнорировал факт их существования.

Когда Ба узнала, что меня везут на прием к именитому отоларингологу, то очень обрадовалась.

– Возьмите и Маню с собой, – попросила она моего папу, – пусть заодно этот хваленый отоларинголог и ее посмотрит.

– Ура! – закричали мы с Манькой. – Мы едем в Ереван!

– Нужно собрать вам в дорогу припасов, – озабоченно пробубнила Ба.

– Мам, я тебя умоляю, – заволновался дядя Миша, – не более чем три бутерброда на человека, соберешь снова провизию на целый полк – не возьму!

– Курочку запекую, – с нажимом сказала Ба, – а будешь выступать, еще и борща с собой в термосе дам! Ясно?

Дядя Миша приговоренно махнул рукой – делай что хочешь.

Выехать мы должны были ранним утром в четверг. А в среду вечером случилась катастрофа.

Папа решил чуть-чуть подкоротить волосы на затылке.

– У тебя все в порядке с прической, – отговаривала его мама.

– Всего сантиметр, – папа протянул ей огромные портновские ножницы, – совсем чуть-чуть, а то я оброс, выгляжу как баба! Не ехать же мне в таком виде в Ереван. Тебе что, трудно?

– Ладно, – вздохнула мама и повела отца в ванную комнату, – давай посмотрим, что тут можно сделать. Дети, – обернулась она к нам, – нука выйдите отсюда, и так нечем дышать.

Мы выскользнули за дверь, но не стали далеко уходить, а, затаив дыхание, принялись подслушивать.

– Сантиметр, не больше, – увещевал папа.

– Не вертись, – шипела мама, – ну зачем ты головой дернул? Сейчас придется снова подравнивать!

– Это не я верчусь, это ты не умеешь стричь!

– Не нравится – стриги сам!

– Жена! Это сантиметр? Ты хочешь сказать, что это сантиметр?!

– Ну, может, два, – огрызалась мама. – Можно подумать, сантиметр что-то решает. Не оборачивайся к зеркалу, потом посмотришь!

– Может, я еще в парикмахерскую успею? – Папа сделал попытку вырваться.

– Куда? Смотри, который час! Парикмахерская давно закрыта. Лучше помолчи, не отвлекай меня!

Папа замолчал. Минут пять слышно было только щелканье ножниц.

– Ну вот, – наконец сказала мама, – вроде как получилось, можешь посмотретья в зеркало.

– Сейчас, – сказал папа. Воцарилась минутная тишина, а потом раздался леденящий душу вопль. Так мог орать только пронзенный охотничьим копьем вепрь. Так могла оплакивать погибшего в первобытных болотах мамонтенка его безутешная мать.

– Аааааа, – вопил папа, – женщина, что ты наделала!

Мы отпрянули от двери очень вовремя, потому что в следующий миг папа выскочил из ванной комнаты и промчался мимо нас на предельной для человеческих возможностей скорости. Но мы не растерялись, побежали следом и застали отца в позе жертвы цирюльника перед большим зеркалом в спальне. И смогли, наконец, оценить по достоинству мамин бесспорный парикмахерский талант – ничтоже сумняшеся, она постригла отца под горшок. То есть как под горшок: спереди у папы прическа не изменилась – те же зачесанные набок пряди и актуальные по тем временам бакенбарды, а вот сзади вместо обещанного сантиметра мама убрала целых пять.

– Агррррххххххх! – бесновался перед зеркалом папа. – Женщина, что ты со мной сделала?! Как мне завтра в таком виде ехать в Ереван?

– Можно в крайнем случае побрить тебя наголо! – Мама благоразумно заперлась в ванной и выкрикивала предложения из-за двери.

– Какое наголо, ты издеваешься надо мной? – делал попытки биться головой об стенку папа.

– Можно надеть водолазку и натянуть ее высоко на затылок, – не унималась мама, – или замотать шею шарфом. Имеешь право, может, у тебя горло болит!

– Двадцать градусов на улице, какая водолазка, какой шарф? – проорал папа и отпрянул от ужаса, снова поймав свое отражение в зеркале. – Боже мой, на кого я стал похож!

– На Емельяна Пугачева! – вспомнила я картинку, увиденную в какой-то книге. – Хотя нет, вроде у Пугачева волосы сзади были длинные. Но зато борода торчала колом, – поспешно добавила я, видя выражение лица отца.

– Агрррррххххххх, – рычал папа, – агрррррх!

Мы с сестрами малодушно отступили в нашу спальню и заперлись там, оставив маму на растерзание отцу.

Следующим утром, пока мы ехали забирать дядю Мишу и Маню, мама позвонила Ба и предупредила ее, что у папы неудачная прическа и лучше делать вид, что ничего не случилось.

– Ну что ты говоришь, Надя, и бровью не поведем, – заверила ее Ба.

Поэтому, когда мы подъехали к дому, все семейство в полной боевой готовности выстроилось вдоль забора – во главе отряда стояла Ба, рядом топтался дядя Миша с пайком на роту солдат. Отряд замыкала празднично одетая и немилосердно причесанная Маня. Семейство фальшиво улыбалось навстречу нашей машине и всячески делало вид, что не в курсе произошедшего.

– Твоя мать уже все им рассказала, – буркнул папа.

Когда он вылез из машины, чтобы помочь дяде Мише убрать вещи в багажник, у наших друзей вытянулись лица.

– Обкорнала-таки, – дипломатично заметил дядя Миша.

– Увы, мой бедный Йорик! Я знал его, Горацио... – расхохоталась Ба.

- Юрик-Йорик, – заплакал дядя Миша.
- Еще одно слово, и я уеду без тебя, понял? – выверился на своего друга папа.
- Молчу-молчу, – дядя Миша утер слезы, – поехали.

Все семьдесят километров до города Красносельска мы с Маней пели. Раз двадцать прокрутили весь репертуар нашего хора – начиная с «Бухенвальдского набата» и заканчивая комитасовским «Крунком». Дядя Миша все семьдесят километров прохрапел в такт нашему пению. И только по окаменевшему затылку моего отца было видно, что пение наше ему осточертело.

Наконец он не выдержал:

- Девочки, вы помолчать хоть чуть-чуть можете?
- Нет, пап, – отрапортовала я, – если мы перестанем петь, нас мигом укачает.

– Я губную гармошку взяла, могу вам что-нибудь наиграть, – предложила Маня.

– Нет, только не это! – испугался папа. – Вот если бы вы просто немного помолчали, а то голова уже от вас гудит.

– Пусть поют, – проснулся дядя Миша и снова затрясся от смеха. – Я уже забыл, какая у тебя прическа!

– Ты думаешь, из Красносельска рейсовые автобусы не ходят в Ереван? – Папа выпучился на него. – Высажу!

– А что я, я ничего, я молчу.

Папа погладил себя по обкорнанному затылку и тяжело вздохнул.

– Обрастать небось месяц!

– Ты чего? Какой месяц! Как минимум три! У тебя же сзади не прическа, а фактически челка, притом очень короткая, – дядя Миша смеялся уже в голос. – И я таки тебе скажу, что анфас ты выглядишь даже выигрышнее, чем в профиль, бедный мой Йорик.

Мы с Маней покатались со смеху. Дядя Миша скорчился от хохота на переднем сиденье. Папа посмотрел на него, посмотрел на нас и тяжело вздохнул, папе было не до смеха. Дело в том, что у главного врача больницы, где работал папа, умерла теща. И в пятницу намечались похороны. И папе надо было успеть сегодня вернуться из Еревана домой, а завтра явиться на похороны.

Вот с такой прической на голове!

Через несколько минут мы въехали в город Красносельск. Красносельский район Армении издавна был населен молоканами, сосланными сюда еще Екатериной II за отказ от православия. За прошедшие два века мало что изменилось в укладе их жизни – те же побеленные избы с резными ставнями, огромные хозяйства, патриархальный уклад жизни, неприятие спиртного и табака, отсутствие телевизионных антенн на крышах домов. Часто на улицах города можно было встретить людей в национальной одежде. Каждый раз, проезжая Красносельск, ты словно попадаешь в русскую народную сказку.

– Остановись где-нибудь, покурим, – попросил дядя Миша.

– Заедем на автовокзал, – предложил папа, – там можно и кофейку попить, и покурить, а то неудобно здесь, на виду у всех. Они же не одобряют курение.

Он припарковался возле низенького здания автовокзала.

– Посидите в машине, мы скоро, ладно?

– Ладно! – согласились мы. – Только вы нам принесите чего-нибудь сладенького.

– Возьмем вам бутылку лимонада «Буратино», – обещал дядя Миша.

– Ура! – обрадовались мы с Маней.

И принялись терпеливо дожидаться их возвращения. А чтобы ждать было не скучно, мы высунулись в окно машины и стали любоваться городом. Взглянули направо – стоял ряд белых домов с голубыми ставнями, взглянули налево – стоял ряд белых домов с зелеными ставнями.

– Красотаааа! – протянула я.

– Ага, – согласилась Манька, – ой, смотри, Аленушка!

– Где? – Я вытянула шею и увидела девочку, которая шла в нашу сторону. Девочка была в длинном белом платье и кружевном платочке, поверх платья она повязала узорчатый тюлевый фартук с оборкой пониже, на ногах у нее были светленькие туфельки.

Мы с Маней, высунувшись из окна, во все глаза наблюдали за ней. Аленушка под напором наших взглядов сбавила ход, а потом и вовсе остановилась шагах в пяти от машины. Постояла в нерешительности, потом повернулась к нам спиной. Мы ахнули – у нее оказалась длинная, пышная, необычайно красивого медового оттенка коса.

– Ух ты! – выдохнули мы. – Вот это волосыыыы!

– Девочкааааа, – позвала я.

Девочка не шелохнулась.

– Боится нас, что ли, – воинственно шмыгнула носом Манька.

– Наверное, – шепнула я.

– Аленушкааааа, – тоненьким голосом позвала Маня, – Алюоооооо-нуш-кааааа!

Девочка дернула плечом, но не сдвинулась с места, только привычным движением поправила платочек на голове.

– Аленушкааааа, – позвали мы, – девочка, ты Аленушка или кто?

Девочка обернулась. Посмотрела на нас с любопытством. Промолчала.

– Может, она глухая? Или немая? – Манька высунулась в окно машины так далеко, что чуть не выпала, – я еле успела вцепиться в ремень брюк и удержала ее на весу.

– Осторожнее, – зашипела я.

Манька вползла обратно в машину. От прилизанной утренней прически не осталось и следа – волос у моей подруги немилосердно кучерявился, надо лбом развевался боевой чубчик.

– Ня! – вдруг сказала девочка. – Я ня Аленушка, я Варя!

– Варя? – Мы вылезли из машины и подошли к девочке. – А как тогда тебя ласково называют? Варешка, что ли?

– Сами вы варешки, – обиделась девочка, – а меня мамка Варечкой кличет.

Мы какое-то время молча изучали друг друга.

– «Ну погоди!» любишь? – Я решила продолжить светский разговор.

– А чтой это? – удивилась девочка.

– Ну, это мультик такой, неужели ни разу не видела? По телевизору часто показывают.

– Ня, – покачала головой девочка, – нам пресвитер ня велит смотреть телевизор. Говорит – это грех.

– Какой грех? – Мы чуть не задохнулись от возмущения. – Почему не велит телевизор смотреть? И кто этот... свитер?

– Ня свитер, а пресвитер, – рассердилась девочка, – вы что, совсем ничего ня знаете?

– Совсем ничего, – радостно закивали мы, – совершенно ничегошеньки. Мы тупые!

– То-то я гляжу! – не удивилась Варя. Она смотрела на нас своими большими васильковыми глазами и думала о чем-то своем. – Ладно, я пойду, – вымолвила милостиво.

– Иди, – согласились мы, – а чего ты в косыночке ходишь?

– Так положено, – сказала девочка, – так молококане ходят. Пойду брата искать, а то я яму шумела, а он ня отклякается. До свиданьица вам!

– До свиданья, – попрощались мы с Маней и поплелись к машине. Мы были заинтригованы и даже напуганы. Нам было непонятно, как можно не смотреть телевизор и ходить с косыночкой на голове.

– Бедненькая, – решили мы.

А потом вернулись папа и дядя Миша, принесли нам обещанный лимонад, и мы поехали дальше, в сторону озера Севан, и дядя Миша смешно рассказывал, как весь автовокзал оборачивался на папину прическу, а буфетчица не хотела брать деньги за кофе, все смотрела на отца и называла его «бядовой головушкой».

Часам к двенадцати мы уже были в Ереване. Сначала завезли Дядьмишин агрегат в НИИ математических машин, а потом поехали на прием к Самвелу Петросовичу.

– Ты зайди к нему первым, пусть он привыкнет к твоему виду, а мы с девочками в приемной посидим, – сказал отцу дядя Миша.

Мы терпеливо переждали в коридоре взрыв истерического хохота, которым Самвел Петросович встретил моего отца.

– Хочешь, я тебя отправлю к своему парикмахеру? Может, он чего-нибудь придумает? – всхлипывал он на все отделение.

– Не надо, – отнекивался отец, – я дома к своему парикмахеру схожу.

– Дааааа, – подмигнул нам дядя Миша, – нейдет ему, все домой тянет, можно подумать, домашний парикмахер уже не сделал свое черное дело!

А потом вышла прехорошенькая медсестра и пригласила нас с Маней в кабинет для осмотра.

– А вы пока посидите в коридоре, – улыбнулась она дяде Мише.

– Если только вы потом обещаете и меня посмотреть, – расцвел дядя Миша.

– Папа, – Маня укоризненно посмотрела на отца, – я все Ба расскажу.

– Иди отсюда, незнакомая девочка, я тебя знать не знаю, – отмахнулся от нее дядя Миша.

Мы с Маней зашли в кабинет и устроились на низенькой кушеточке возле окна. Я зацепила взглядом инструменты, аккуратно сложенные на специальных лотках, и мигом затряслась от страха.

– Не дам ему посмотреть свое горло, – громко сглотнула я.

– Нарка, не глупи, – скосилась на меня Маня, – зачем мы тогда сюда ехали?

– Не знаю, – заупрямилась я, – но этот Петросович ко мне не прикоснется, это точно!

И тут открылась дверь, и в кабинет вошел Самвел Петросович. Он оказался высоким, холеным и невероятно красивым мужчиной. Маня заулыбалась и пригладила ладошкой торчащий чубчик.

– Здравствуйте, красавицы, – проворковал Самвел Петросович.

– Здравствуйте, – расцвела Маня, – вы тоже красивый!

Я засопела и больно пихнула ее локтем в бок.

– Ты чего несешь?

– Отстань! – прошипела мне Манька.

– Ну-с, барышни, – пропел Самвел Петросович, – кто первый покажет мне свое горло?

– Я покажу, – вскочила Маня, – я врачей не боюсь. А Нарка пойдет второй, она почему-то докторов боится!

– Да? – Самвел Петросович удивленно посмотрел на меня поверх своих очков. – А отца своего Нарка тоже боится?

– И отца боится, – заложила меня Маня, – когда Дядьюра с работы домой возвращается, от него лекарствами пахнет, так вот Нарка к нему не подойдет, пока он в душ не сходит.

– Ты заткнешься или как? – рассердилась я.

Но Манька уже не могла мне ответить – Самвел Петросович светил ей в рот фонариком и что-то там высматривал. Поэтому она скосила в мою сторону глаз и погрозила кулаком.

Потом настал мой черед показывать свое горло врачу.

– Иди сюда, Наринэ, – Самвел Петросович похлопал по креслу рукой, – ничего не бойся, я тебе обещаю, больно не будет.

Я поймала свое отражение в круглом зеркале прибора, который был у него на голове, и решила, что так просто я ему не дамся.

– Фигушки! – рыкнула я. – Ничего я вам не покажу.

Все, что случилось далее, я до сих пор вспоминаю с огромным стыдом. Помню, как я валялась на полу, вцепившись в ножки металлического шкафа с медикаментами, и орала как ненормальная, а испуганная медсестра тщетно пыталась отодрать меня от шкафа. Помню, как отец с дядей Мишей прибежали на мой крик, отодрали-таки меня и поволокли к креслу. Но я как-то вывернулась, снова упала на пол и вцепилась в штаны Самвелу Петросовичу. Помню характерный звук, который издает рвущаяся материя – это папа с дядей Мишей отколупывали меня от штанов Самвела Петросовича, а я никак не желала отколупываться. Я орала: «Фигушки вам!» – куда-то ему в пах и изливалась горячими слезами. Самвел Петросович придерживал штаны за ремень и увещевал меня:

– Нариночка, я тебя не буду смотреть, ты только отцепись с моих брюк, а то мне не в чем будет домой идти!

Но мне уже нечего было терять, ибо меня накрыло такой волной паники, что я прекратила что-либо сообщать.

Мне важно было как-нибудь обезвредить Самвела Петросовича, этого коварного змея-искусителя, чтобы он не смел прикоснуться ко мне хотя бы пальцем.

Вот.

Итого мы уехали из Еревана несолоно хлебавши. Всю дорогу домой я сидела тихой мышкой на заднем сиденье автомобиля и

душераздирающе вздыхала. Маня периодически гладила меня по руке.

– Нарка, какая же ты все-таки трусиха, – приговаривала она с умилением.

– Аха, – соглашалась я.

– Захрмар! – грохотал отец. – Проехали четыреста километров, чтобы ты меня так перед другом опозорила?

– Пап, я не специально, – тонко заскулила я.

– Что за ребенок такой, – кипятился папа, – что за позорище такое!!!

Я угрюмо молчала.

А на следующий день папа пошел на похороны. И превратил это траурное мероприятие в несусветное представление. Потому что людям очень сложно было сохранять серьезное выражение на лицах при одном взгляде на отцовскую прическу. Они, прикрыв лица платками, пробивались к нему и сочувственно спрашивали: «Кто это тебя так?»

– Жена, – говорил отец.

– Она еще жива? – тщечно пытались выдать хохот за рыдания люди.

– Жива, – понуро отвечал отец.

– Непорядок, – утирали выступившие слезы сострадающие. За короткий промежуток времени папа собрал вокруг себя толпу зевак. Покойница осталась дожидаться погребения в гордом одиночестве.

– Ну, как прошли похороны? – спросила мама отца, когда тот вернулся домой.

– Я имел бешеный успех, – буркнул он.

И не соврал. Так что конец 70-х и начало 80-х ассоциируется у наших горожан исключительно с прической моего отца. И люди до сих пор, вспоминая то время, говорят примерно так: Маришка родилась (корова отелилась, Размик поступил в институт) в том году (за два года до, спустя год), когда доктор Абгарян специально постригся под шута, чтобы насолить главврачу городской больницы на похоронах его тещи.

– И таки это ему удалось! – с хохотом говорят люди.

Глава 17. Манюня и индийское кино

У каждого из нас в детстве были свои кумиры. Я назову вам два кодовых слова – Дхармендра и Санджив Кумар. И если эти имена вам ничего не говорят, то значит, друзья мои, не тех кумиров вы себе выбирали в свое допрыщавое, но вполне уже зрелое детство. За кого вы мечтали выйти замуж в десять-одиннадцать лет? Только не говорите, что за Алена Делона, кто вам поверит, хе-хе. И Африка Саймона сюда не приплетайте, пожалуйста. Потому что все это не то.

Кумиры 80-х – это Дхармендра и Санджив Кумар. Или вы со мной соглашаетесь, или мы прямо на этом абзаце расплевываемся и расходимся как в море корабли. Ибо я сегодня тиран и деспот и не приемлю возражений.

Имею право в кои веки.

А коли я сегодня тиран и деспот, то буду играть эту роль до конца и, так и быть, единственный раз в жизни соглашусь с Лениным, который справедливо заметил, что важнейшим из всех искусств для нас является кино. Умел иногда сказать, сукин сын. Вот куда ему надо было идти – в синематограф. А не царское имущество разбазаривать да не свои территории на откуп бесславному варварам отдавать. Но это я так, по-тирански, о своем, наболевшем.

А теперь о кино. Точнее – об индийском кино. И о том, на какие жертвы шел житель среднестатистического советского провинциального городка, чтобы насладиться игрой своих кумиров.

В понедельник Манька опоздала на урок по сольфеджио. Она влетела в класс с таким всполошенным выражением на лице, что всем сразу стало ясно – в город прилетели инопланетяне. Как минимум. Потому что Манькины глаза существенно опережали остальное Манькино лицо. Я могла поклясться чем угодно, что в обычной жизни она не практикует такую пучеглазость.

Когда моя подруга вбежала в класс (впереди маячили глаза, над глазами развевался боевой чубчик, а в арьергарде мотались остальные ненужные в данном контексте Манькины части), то ребята сразу напряглись. Всем стало ясно, что явился ГОНЕЦ. И что ГОНЕЦ несет какую-то сногшибательную ВЕСТЬ.

– Сергомихалыч, я больше не буду, можно сесть? – запрыгала от нетерпения моя подруга. – Что щас скажу, что щас скажу, – громко зашептала она в нашу сторону.

Мы встрепенулись и на всякий случай дружно покрылись мурашками.

Серго Михайлович смерил Маню долгим, немигающим взглядом голодного варана. У Серго Михайловича глаза смотрели чуть вразнобой, к тому же одно его веко было длиннее другого на приличный сантиметр. Поэтому наш славный хормейстер глядел всегда чуть искоса, сильно откинув назад голову, – это помогало ему не только сфокусировать взгляд, но и заодно зрительно сглаживало разницу в длине век.

– Шац! – вздохнул Серго Михайлович. – Теперь чего?

– А что сразу «теперь чего», – нахохлилась Манюня. – Можно подумать, я всегда опаздываю. На прошлый урок, между прочим, я не опоздала, вы помните?

– Помню, – хмыкнул Серго Михайлович, – и знаешь, почему я это так хорошо запомнил? Потому что это был единственный раз, когда ты не опоздала!

– Га-га-га! – дружно заржал класс. Громче всех смеялась Манька.

– Садись, горе луковое, – вздохнул Серго Михайлович, – ты хоть расскажешь нам, почему опоздала?

– Это! – вылупилась Манька. – Я когда шла в музыкалку, то увидела, как переклеивают афишу возле кинотеатра. Вот я и задержалась, хотела посмотреть, какой фильм будет идти завтра. И знаете, какой? «Зита и Гита!»

– Вах, мама джан! – присел Серго Михайлович. – Опять? Сколько можно?

– Ураааааа! – заорал класс. – «Зита и Гита», урааааа!!!!

– Снова пропадет занятие по хоровому пению, – рвал волосы на голове несчастный Серго Михайлович. – Дети, тем, кого завтра не будет на занятии, влеплю двойки, понятно?

Но кто его слушал! Если бы Серго Михайлович пригрозил даже атомной бомбардировкой, то и это бы никого не остановило. Потому что индийское кино любили все! А привозили его к нам в город очень редко и показывали всего пять дней.

Я не знаю, как обстояли дела с кинопрокатом в других советских маленьких городах, но в нашем десяти тысячном городе был всего один кинотеатр с залом на триста мест. Сеансов было два – четырехчасовой и семичасовой. До сих пор не могу понять, что мешало администрации кинотеатра организовать дополнительные сеансы. Может, конечно, количество сеансов регулировало специальное постановление пленума

ЦК КПСС, где черным по белому говорилось, что после десяти вечера советский гражданин должен активно медитировать на Маркса и Энгельса, а не прохлаждаться по кинотеатрам. Я этого не могу знать, но факт остается фактом – сеансов было всего два, а фильм привозили только на пять дней. Если учесть, что новость о репертуаре кинотеатра распространялась по близлежащим селам со скоростью световой волны, то можно себе представить, что творилось в те дни, когда в нашем городе показывали индийское кино.

Билеты можно было купить только за полчаса до начала сеанса, потому что билетерша тетя Гармония (Гармония, Гармония, я не оговорила) по совместительству работала в библиотеке и отпрашивалась в кинотеатр только за тридцать минут до начала сеанса. Она быстренько распродавала билеты на один сеанс, возвращалась в свою библиотеку, а потом приходила в полседьмого к началу второго сеанса.

Разношерстную толпу фанатов индийского кино невозможно ни в сказке сказать ни пером описать. Кого там только не было – и трепетные школьницы, и хулиганистые мальчишки, и домохозяйки, надевшие на себя по случаю «выхода в свет» все самое лучшее, и склочные старушки, которые приходили в кино в том числе и с намерением просканировать очередь и набраться новых тем для посиделок вокруг чашечки кофе с бесконечными: «А ты видела, в какой короткой юбке явилась в кинотеатр младшая Сарафьян? Еще чуть-чуть, и все бы увидели ее коленки!» Некоторые люди прибегали на просмотр чуть ли не с колхозных полей, буквально с орудиями труда наперевес. Поэтому очередь из провинциальных синефилов там и сям щерилась лопатами, серпами, вилами и другим сельскохозяйственным и рабочим инвентарем.

Когда появлялась кассирша тетя Гармония, то по очереди прокатывался вздох облегчения: «Гармонья, Гармонья идет!» – ликовали люди. Гармония шла через толпу как на эшафот – ей надо было выдержать получасовой натиск у кассового окошка с криком и руганью, с мелким шантажом типа: «Гармонья, ты же помнишь, как мы с тобой в прошлом году стояли в очереди на прием к одному и тому же гинекологу, продай мне билеты первой» или «Гармонья, моя мама училась в одном классе с первой тещей твоего двоюродного брата, ты должна меня помнить»!!! Люди норовили пролезть в кассовое окошко с головой, чтобы поздороваться с «глубокоуважаемой Гармоньей» и поинтересоваться конспиративным шепотом, почему она до сих пор засиделась в девках.

Для того чтобы попасть в кинозал, нужно было пройти несколько ритуальных кругов ада. Сначала провинциального синефила хорошо истаптывали у окошка кассы, далее проходились по нему вдоль и поперек в очереди к подслеповатому контролеру, который, словно гомеровский циклоп Полифем, неспешно проверял каждый билет и пропускал людей в здание кинотеатра чуть ли не на ощупь. А финальный штурм подстерегал стойкого киномана уже у входа в зал. Дело в том, что билет, который зритель приобретал в нечеловеческой давке, представлял собой жалкий огрызок бумаги без указания ряда и места. До какого кресла добежал, там и есть твое место. Поэтому нужно было не просто добраться до первого свободного кресла, но и что есть мочи вцепиться в него всеми выступающими частями тела. Потому что были случаи, когда несчастных киноманов отдирали с

кресел и отшвыривали в другой конец зала их более нахальные соплеменники.

Билетов всегда продавалось больше, чем было мест в зале. Поэтому нерасторопные граждане, которым не повезло со свободными местами, весь сеанс проводили на ступеньках между рядами или жались вдоль стенок.

Ну вот, теперь вы приблизительно представляете, на какие жертвы приходилось идти провинциальному ценителю индийского кино, чтобы попасть на просмотр любимого фильма.

* * *

После занятий мы с Манькой помчались в художественную школу, которая находилась напротив нашей музыкальной. Нужно было предупредить мою сестру Каринку, что завтра мы идем в кино. Каринка была незаменимым атрибутом для успешного посещения кинотеатра. Она умела атомным ледоколом проложить нам дорогу сначала к кассе, а потом в зал, она первая добегала до кресел и в виртуозном прыжке занимала своей тушкой аккуратно три места, и попробовал бы кто потом отодрать ее от сидений!

Художественная школа находилась на первом этаже двухэтажного невысокого каменного здания. Мы с Маней по очереди заглядывали во все окна, пока не увидели мою сестру. Каринка сидела за мольбертом и вымучивала очередной косорылый кувшин на фоне аляповатого коврика. Лицо сестры там и сям было вымазано краской, бантик съехал набок и из последних сил цеплялся за торчащий клочок волос.

Между мольбертами ходил преподаватель и периодически делал замечание то одному, то другому начинающему художнику. Мы с Маней дождались, пока он повернется к нам спиной, встали в полный рост и помахали сестре рукой. Каринка обернулась к нам и увидела наши выпученные глаза.

– Что? – спросила она одними губами.

– «Зи-та и Ги-та», завтра, в кинотеатре! – проорали мы и нырнули в кусты. Шум, который поднялся в аудитории, свидетельствовал о том, что все двадцать учеников второго класса художественной школы услышали нас. Урок был сорван.

– Ааааа! – кричали ребята. – «Зита и Гита»! Завтра! В кинотеатре!
– Кто посмел?! – бросился к окну преподаватель, но прозвенел спасительный звонок, и дети, опрокидывая мольберты, ринулись из аудитории на улицу.

Впереди всех бежала моя сестра.

– Урааааа! – орала она.

– Урраааа! – закричали мы ей в ответ.

Первым делом мы сбегали к кинотеатру удостовериться, что Манька ничего не перепутала. Полюбовались на большую и красочную афишу, где были изображены все главные герои фильма.

– Мне больше всех нравится Дхармендра, такой лапочка! – сказала я.

– А мне Санджив Кумар, – протянула Манька, – он еще более лапочковее, чем твой Дхармендра.

– Дуры, – фыркнула Каринка, – нашли в кого влюбляться! Рупеш Кумар хоть и играет злодея, но самый красивый из всех!

Далее мы чуточку покалечили друг друга, потому что не могли решить, кто все-таки из актеров фильма самый красивый. А потом стали прикидывать, сколько у кого денег.

– У меня есть рубль, – сказала Маня, – девяносто копеек уйдет на три билета, и десять копеек останется на кулек семечек!

– У меня с собой двадцать копеек и дома еще сорок, – прикинула сестра, – и у Нарки рубль десять, она их прячет за Сервантесом в шкафу.

– Откуда ты знаешь? – задохнулась я. – Это я на черный день коплю.

– Пф, – фыркнула сестра, – просто не надо по восемь раз на дню пересчитывать свои деньги!

– Ах, значит, вот как пропали мои пятьдесят копеек! – догадалась я и кинулась с кулаками на сестру. – Это ты их украла, воровка! Я сейчас тебе покажу, как чужие деньги без спросу брать!

Я сделала попытку вцепиться сестре в волосы, но Каринка легко вывернулась, моментально выдрала с моей головы клочок волос и сунула его мне под нос.

– Скажи спасибо, что я не все взяла, – уронила она пренебрежительно.

Я махнула рукой – не время выяснять отношения, подраться успеем в любой другой день, а сегодня нужно посчитать деньги и понять, на что мы можем развернуться.

Итого получилось, что если сложить всю наличность, то можно два раза сходить в кино, а на сдачу купить каждой – йо-хо-хо! – по слоеной трубочке со сливочным кремом и по кульку жареных семечек.

– Может, лучше коржиков возьмем? Тогда каждому по два достанется, – внесла рацпредложение Каринка.

Мы с Манькой поморщились:

– Коржики мы ежедневно в школе едим! А трубочки с кремом редко когда! И вообще, они же с кремом!

– Это дааа, – протянула Каринка, – ну ладно, берем трубочки. Я завтра по дороге домой зайду в булочную и куплю три штуки.

– Понадкусываешь наши – убьем, – сунули мы ей под нос свои кулаки.

На следующий день, сразу после занятий в школе, Манюня прибежала к нам. Времени было в обрез – нужно было привести себя в порядок, не идти же на встречу с кумирами в чем попало! Мы вскипятили термобигуди и завили мне волосы, почему-то локонами наружу. Получилась прическа как у папы Карло, но было уже поздно что-либо переделывать.

– Шикиблеск! – не дала мне расстроиться Маня. – Выглядишь как Констанция Бонасье.

Далее мы надели свои самые красивые платья, сбрызнулись мамиными французскими духами. Повертелись перед зеркалом. Красота! От нашего дома до кинотеатра при резвом галопе можно было домчаться за пятнадцать минут. Мы покрыли это расстояние минут за семь. Летели, как на крыльях любви.

Возле кинотеатра толпилась такая очередь, что нам сразу стало ясно – просто так к окошку кассы не пробиться.

Я тут же попыталась пуститься во вселенский плач, но Каринка предостерегающе подняла руку.

– погоди, – сказала, – оставим это на потом. Стойте здесь, никуда не уходите.

И пошла вдоль очереди к окошку кассы. Очередь нервно вздрогнула, ощерилась локтями и коленками и всячески собралась дать достойный отпор чужеродному телу. Но Каринке было все нипочем,

она шла вдоль очереди, словно и не в кино пришла, а так, на народ поглазеть.

– Побьют ее, – зашептала Манька.

– Побьют, – пригорюнилась я.

И тут Каринка сделала попытку нырнуть в очередь с головой. Очередь не дрогнула, поглотила ее, изжевала и выплюнула обратно. Каринка невозмутимо пригладила всклокоченные волосы, прошла чуть вперед и проделала по новой тот же маневр. За что была снова отшвырнута назад. На этот раз из очереди вынырнула монументальная в своих размерах пучеглазая тетка с огромной халой на голове и, сверкая на солнце булатными коронками, разразилась грозной речью.

– Бессовестная девочка, – вещала тетка, – совсем стыд и совесть потеряла, иди в конец очереди!

– Но тогда мы не попадем на сеанс, а в семь часов вечера нам уже поздно идти в кино, – развела руками сестра, – тетенька, можно вы мне тоже билеты возьмете?

Тетенька открыла рот, чтобы ответить Каринке, но вдруг всплеснула руками и выпучилась. Очередь повернулась в сторону, куда выпучилась тетенька, и заволновалась – к кинотеатру, ведя за собой на веревке тощую козу, шла древняя, страшная как смертный грех и практически бородатая старушка. Волос на лице у старушки был кучеряв и воинственно топорщился во все четыре стороны.

Очередь вздрогнула и сложилась в единый монолит. Старушка, не обращая внимания на фурор, который произвела своим видом и эскортом в виде козы, поправила на голове платок и пригладила скрюченными пальцами волосы на подбородке.

– Это сюда надо вставать, чтобы в кино попасть? – продребезжала она.

Очередь попыталась возмутиться, но монументальная тетка опередила всех. Она тряхнула халой, победно игогокнула и пошла штурмом на старушку.

– Мать! – сверкнула булатными зубами тетка. – Ты куда пришла? В кино или в хлев? И что это за чучело тебя сопровождает?

– Я-то в кино пришла, а откуда ты пришла, я не знаю, может, и из хлева! – не испугалась старушка. – Сама ты чучело, понятно тебе? А это моя коза Маньяк, еще слово поперек скажешь – и я ее на тебя

натравлю. Учти, она бодливая, да, Маньяк? – обернулась старушка к козе.

– Ме-е-е-е! – с готовностью отозвалась Маньяк.

Здесь нужно сделать маленькое отступление и объяснить уважаемым читателям, что Маньяк – это древнее армянское женское имя, и никакого отношения к серийным убийцам оно не имеет. Правда, сейчас редко кто рискует дать своей дочери такое имя, просто боясь представить себе выражение лица собеседника, которому он гордо рассказывает, что девочку свою нарек Маньяк. А сына, например, Сасун. Тоже, между прочим, древнее армянское имя, но сами понимаете, мои дорогие русскоговорящие друзья, какие нехорошие ассоциации может вызывать такое имя. Вот так в эпоху глобализации и уходят в прошлое исконно народные имена.

Что-то сегодня меня потянуло на ликбез, заткнет меня кто-нибудь или как?

Итак, обстановка возле кинотеатра накалялась, старушка с Маньяк оборонялись, очередь во главе с грозной теткой наступала.

Люди шумно втолковывали старушке, что с животными в кино приходиться запрещено. Коза при виде большой гомонящей толпы всполошилась, стала отбрыкиваться и вонюче метить территорию вокруг. Народ взбеленился и попытался вытолкнуть козу и ее хозяйку из очереди.

Каринка, воспользовавшись всеобщим замешательством, юркнула к окошку кассы и вцепилась в оконную решетку. Мы вздохнули с облегчением – проблема с билетами была решена.

Тем временем тучи над старушкой с козой (хорошо, что не с косой) стремительно сгущались.

– Мать! – орал народ. – Привяжи козу хотя бы к столбу, а то она тут уже все изгадила! И вообще, как ты на фильм пойдешь, тебя же с животным в зал не пустят!

Старушка принялась всех уверять, что коза у нее смиренная и тихо может переждать в уголке зала весь сеанс, а если уж кого она и обкакала, то это исключительно от испуга, а не из-за вредности, как подумали некоторые.

– Войдите в положение, – ругалась старушка, – если я привяжу Маньяк к столбу, то ее мигом украдут! А мне страсть как хочется попасть на фильм! Я ведь здесь проездом, привезла козу к ветеринару, вечером уезжаю, и когда еще сподоблюсь приехать – неизвестно.

Народ демонстрировал поразительное бездушие, категорически отказывался входить в положение старушки и всячески отпихивался от нее локтями и коленями. Коза метко и вонюче отстреливалась, но перевес сил был на стороне очереди, поэтому старушка, проклиная всех до седьмого колена, ушла несолоно хлебавши на автостанцию ругаться с водителем, чтобы он пустил козу на рейсовый автобус.

– Чтобы вы остались бездетными на всю вашу оставшуюся жизнь, – долетали до нас ее крики, – чтобы вы ослепли и оглохли, чтобы у вас в роду рождались одни только дебилы, а вы даже среди них были самыми тупыми!

Потом пришла Гармония, и народ повалил к окну за билетами.

– Займите очередь у входа, – успела нам крикнуть сестра до того, как ее поглотило цунами любителей индийского кино.

Мы с Манькой бросились к входу и встали прямо напротив стеклянных дверей. Минут через пять прискакала Каринка. Вид у нее был такой, словно она поучаствовала в гладиаторских боях, – юбка болталась задом наперед, гольфы были изрядно испачканы и сложились гармошками на щиколотках. Каринка победно трясла над головой билетами.

Первый круг испытания с честью был пройден.

Во время второго штурма очередь подхватила нас и размазала по стеклянным входным дверям. Слоеные трубочки со сливочным кремом превратились в безобразное месиво.

– Осторожно, тут же дети! – орал обезумевший подслеповатый контролер, но кто его слушал? Итого когда мы уже оказались в зале, то выглядели мы так, словно нами тщательно протирали пыль, – от укладки не осталось и следа, одежда была изрядно помята и испачкана, аромат французских духов «Клима» был перебит стойким запахом толпы, а Манино платье на спине разошлось по шву сантиметров на пять. Уцелели только кульки с семечками.

Аншлаг был полный. Яблоку в зале негде было упасть. Публика, затаив дыхание, следила за событиями, разворачивающимися на экране и, как это обычно водится у провинциального неискушенного

зрителя, параллельно активно обсуждала фильм. По ходу действия там и сям раздавались выкрики типа: «Вот баба дура, не может понять, что это не ее падчерица», «Куда прешь, идиот, она же сейчас свалится с каната» или «Га-га-га, так ему и надо».

В момент, когда одна из сестер решила покончить жизнь самоубийством и бросилась в реку, женская часть аудитории взвизгнула и попыталась упасть в обморок. Во время драк мужская часть аудитории оживлялась, громко свистела и активно обсуждала приемы.

– Размик, ты бы одной левой всех положил, да? – выкрикивал кто-то.

– Да через минуту их бы всех просто похоронили! – лениво откликнулся Размик.

В общем, просмотр удался на славу. Когда мы вышли из кинозала, то увидели клубящуюся возле кассы очередь на второй сеанс. Стоящие в хвосте напирали, те, которые находились поближе к кассовому окошку, отпихивались локтями и хватали ртом воздух.

– Какие они счастливые, – вздохнула Манька, – им еще предстоит попасть на сеанс, а мы уже уходим!

И мы тут же начали решать, когда еще пойдём на фильм.

– Давайте в четверг, – предложила я, – в выходные попасть в кинотеатр практически невозможно.

– Угум, – согласились девочки.

Мы не догадывались, что Серго Михайлович обзвонил родителей учеников, которые сегодня не явились на занятие по хору, и потребовал объяснений. Знай мы это, то штурмом взяли бы кинокассу и попали и на второй сеанс. Чтобы надышаться перед смертью.

Но мы, конечно же, ничего этого не знали. Мы шли домой, радостно предвкушали новый поход в кино и ничего не замечали вокруг. Нас даже не насторожили облака пыли, которые поднимались в небо в районе Манькиного дома. А зря. Надо было припасть ухом к земле и прислушаться. И тогда мы бы догадались, что пыль, которая клубится в небе и уже практически застилает закатное красное солнце, поднимается из-под туфель разъяренной Ба.

Ба мчалась нам навстречу истинным воплощением Судного дня. Она была в бешенстве от того, что мы посмели впервые в жизни, не поставив в известность родителей, да что там родителей – не поставив

в известность Ба, прогулять занятия в музыкальной школе, чтобы сходить в кино.

– Поймаю, мало не покажется, – шипела Ба, – на одну ногу наступлю, за другую потяну – и разорву пополам.

Мы же, счастливые в своем неведении, шли навстречу неминуемой гибели, прокручивали в голове кадры из любимого фильма и шептали про себя, как волшебную мантру, имена наших кумиров. Дхармендра и Санджив Кумар. Дхармендра и Санджив Кумар.

Жить нам оставалось несколько минут...

Глава 18. Ба вышла на тропу войны, или Что означает выражение «Николаи боз»

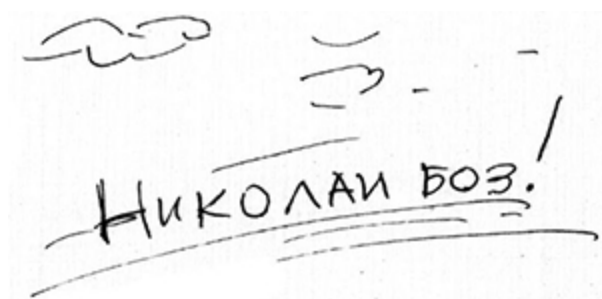

Ба вела непримиримую и изнурительную войну со своей соседкой тетей Валей. Соседка тетя Валя была крайне сварливой и невероятно глазливой (как утверждали старожилы Манькиного квартала), злобной женщиной. У тети Вали были три великовозрастные, засидевшиеся в девках дочери. И не сказать, что они были страшненькими, поэтому никто из молодых людей не обращал на них внимания. Наоборот, Тетивалины дочери были очень даже хорошенькие, и особенно младшая Кристина – тоненькая, изящная шатенка с потрясающей красоты золотистыми глазами и изогнутыми в робкой полуулыбке губами.

Вся причина неудавшейся личной жизни девушек скрывалась в самой тете Вале – своим сварливым и несносным характером она разогнала всех потенциальных кавалеров своих дочерей. А те отчаянные влюбленные юноши, которых не испугала кандидатура тети Вали как будущей тещи, были отвергнуты ею под разными предлогами – нищ, глуп, ненадежен, посмотри, на кого похож! Дочки, навсегда задавленные авторитетом матери, выросли совершенно кроткими бессловесными созданиями, говорили только шепотом и не смели поднять на собеседника глаза.

Муж тети Вали много лет назад уехал на заработки в Казахстан и больше в семью не возвращался. На целине он нашел себе замечательную, тихую, а главное – уступчивую, русскую женщину, влюбился и впервые в жизни почувствовал себя человеком. Засим он отписался жене коротенькой телеграммой: «Не жди меня тчк я не дурак зпт чтобы возвращаться тчк твой Петрос».

И эта таинственная подпись «твой Петрос» навсегда выбила тетю Валу из колеи. Она так и прожила всю оставшуюся жизнь в ненависти к мужу и к женщине, которая их разлучила, но в глубине души не переставала тешить тайную надежду, что «твой Петрос» когда-нибудь образумится и вернется в семью. И в ожидании возвращения блудного Петроса она превратила в сущий ад жизнь своих дочерей, соседей, да и вообще всего живого в радиусе нескольких километров вокруг своего дома.

НИКОЛАИ БОЗ!

Злобность тети Вали передалась даже всей ее живности. Кот тети Вали с особой изощренностью и наслаждением тиранил в округе все существа, которые в холке уступали ему хотя бы на миллиметр. Кавказская овчарка Найда лаяла круглосуточно таким захлебывающимся и ожесточенным лаем, словно кто-то из-за угла постоянно кидал в нее камнями. Гуси тети Вали были очень

драчливыми и страшно кусачими. Поэтому если мы с Маней выходили за калитку и видели стаю Тетивалиных гусей, то тут же убегали обратно во двор. У нас была уже в анамнезе бесславная попытка вступить с ними в бой. В итоге мы отделались парой синяков от гусиных щипков и никогда более не лезли на рожон.

Тетя Валя со страшной силой ненавидела людей. Люди отвечали ей взаимностью, но, помня о ее глазливости, старались не демонстрировать своей неприязни. Единственный человек, который не опасался тети Вали и вел с нею бесконечную войну Алой и Белой Розы, была, естественно, наша Роза Иосифовна.

По первости Ба ходила к сварливой соседке «поговорить за жизнь» и не оставляла надежды как-нибудь облегчить судьбу ее забитых дочерей. Но тетя Валя мигом раскусила маневр Ба и в грубой форме попросила не вмешиваться в ее личную жизнь. Я не знаю, в каких именно выражениях тетя Валя «попросила Ба», но к моменту моего знакомства с Маней открытый конфликт между соседками перевалил за добрый десяток лет.

Война была совершенно беспощадной и велась с переменным успехом для обеих сторон. Да, я должна с горечью признать, что Ба иногда могла стушеваться перед натиском тети Вали. Но в защиту Ба я могу сказать, что, во-первых, такие досадные поражения случались крайне редко, а во-вторых, подстегнутая ими, Ба в следующий раз реваншировала с таким отрывом, что тетя Валя отступала, зализывая разрывные и колото-резаные раны, и потом какое-то время при виде своей заклятой соседки переходила на другую сторону улицы.

– Пф! – пренебрежительно фиксировала факты позорного отступления соперницы Ба.

Самое страшное рубилово между Ба и тетей Валей случилось в очереди за кухонными полотенцами.

Дело было так. У Ба вышли белые нитки, и она заскочила за ними в галантерею. И случайно застала счастливый момент, когда на прилавок выкинули кухонные полотенца. Сразу образовалась большая очередь, которую, как назло, замыкала тетя Валя. А у Ба с собой было очень мало денег. И она почему-то решила, что в экстренных ситуациях можно рассчитывать на закон джунглей, когда к водопою допускаются все животные, независимо от их кубатуры, хищности или травоядности.

– Валя, ты не скажешь, что я за тобой? – обратилась Ба к своей заклятой соседке. – Я домой за деньгами сбегаю.

Вот как бы вы поступили в такой ситуации? Даже несмотря на то, что буквально дня три назад перелаивались через забор так, что если бы не вовремя подоспевший дядя Миша, то все бы закончилось большой кровью? Я почему-то думаю, что вы бы ссудили Ба какое-то количество денег или постерегли ее место в очереди.

Но тетя Валя не искала легких путей.

– Нет, – отрезала она, – зачем тебе полотенца, если ты посуду оконными шторами протираешь? Аж за километр видно, какие они у тебя засаленные!

Это был мерзкий удар под дых. Очередь вздрогнула и затрепетала. Все понимали, что двинутая на чистоте Ба не спустит тете Вале такой гнусной клеветы. И Ба, конечно, не разочаровала публику. Она моментально вспыхнула и, ничтоже сумняшеся, вцепилась тете Вале в волосы.

К счастью, в подсобном помещении магазина оказались два крепких грузчика. Они не побоялись встать таким водоразделом между взбешенной Ба и тетей Вале, чем и спасли магазин, посетителей и продавцов от незавидной участи быть распыленными в молекулы. Не знаю, как повел себя в этой ситуации директор магазина, но я бы на его месте выписала отчаянным молодым людям премии и отправила в какой-нибудь санаторий поправлять пошатнувшееся здоровье.

Любая, даже самая бесчеловечная война когда-нибудь обязательно заканчивается. Подписываются мирные соглашения, выплачивается контрибуция победившей стороне, восстанавливаются разрушенные города и села...

Я хочу рассказать вам о внезапной развязке этой кровопролитной истории. О том, как в одночасье Ба и тетя Валя превратились в добрых соседок.

А для целостности повествования здесь обязательно нужно ввести еще одного персонажа – мою бабулю, мамину маму Анастасию Ивановну Медникову-Агаджанову, ибо долгожданное перемирие между заклятыми соседками случилось при непосредственном ее участии.

Бабуля жила в Кировабаде. И иногда, когда позволяло здоровье, она приезжала погостить к нам.

Каждый ее приезд превращался в невероятные душевные и даже физические страдания не только для моего отца, но и для самой бабули.

Во-первых, причина этих тревожных крылась в одной давней ИСТОРИИ, которую, как водится, все делали вид, что забыли, но на самом деле помнили до мельчайших подробностей.

Дело было так. На заре своего брака мама с папой за неимением своей отдельной квартиры жили с папиными родителями.

И как-то бабуля приехала на несколько дней погостить у дочери и зятя. Ее приняли с распростертыми объятиями, но так как других свободных комнат в доме не было, то бабуле постелили в спальне моих родителей. Мама с папой уступили ей свою кровать, а сами легли на диван. Вот. А папе ночью приспичило попить водички. Он прошлепал в кухню, вернулся, забрался спросонья в кровать, под одеяло к своей жене и привычно сгреб ее в объятия.

– Ой! Ай! – заверещала моя бабуля пожарной сиреной. – Юра! Это не я! Это не Надя! Это не туда!

Папа пережил такое чудовищное потрясение, что какое-то время после этого чуть ли не светил маме в лицо фонариком, перед тем как ночью забраться к ней под одеяло.

Если до этого случая бабуля с папой просто робели друг перед другом, то после папиного посягательства на бабулину честь их отношения превратились в сплошную обоюдную муку. Любовь, которая витала между зятем и тещей, приобрела воистину вселенский по своему размаху, но катастрофичный по форме изъясления характер.

Когда папа приезжал с работы на обед, бабуля, дабы не мешать зятю трапезничать, выскальзывала на балкон и сидела там до тех пор, пока папа не уезжал обратно на работу.

– Мой зять золото, – периодически выкрикивала она в балконную дверь.

Папа тоже не унимался. Во-первых, он все не мог отойти от той злополучной ИСТОРИИ, а во-вторых, находился в постоянном духовном поиске – никак не мог для себя решить, как называть свою тещу.

Обращаться к ней по имени он считал фамильярностью, по имени-отчеству – проявлением холодности, а называть ее мамой не позволял махровый мужской гонор.

В результате бесконечных раздумий он нашел свой метод общения с тещей. Он обращался к ней опосредованно, через жену или дочерей.

– Твоя мама уже поела? – спрашивал он жену в присутствии тещи.

– Ой, Юрик-жан, – отважно брала штурмом армянский «джан» моя русская бабуля, – я уже поела, ты не волнуйся.

– Хорошо, – соглашался папа с ней.

– Ты своей бабушке чаю налила? – грозно сверлил он меня взглядом.

– Ой, Юрик-жан, спасибо, я уже попила чаю, – рапортовала бабуля и поспешно добавляла, предупреждая новый мозговой штурм

папы: – Чаю больше не хочу. И кофе тоже не хочу.

– Хорошо, – соглашался папа.

– Мой зять золото, – всплескивала руками бабуля.

– Ммммые, – любовно мычал в ответ папа.

Если не сильно придирается, то это папино «мммые» можно было спокойно трактовать как производное от «мамы». В результате все оставались довольны – и бабуля, которая считала, что папа обращается к ней как к родному человеку, и папа, который не пятнал свою репутацию настоящего мужчины тем, что называл тещу мамой.

– Твоя мама точно поела? – грозно наскакивал он на жену, садясь за стол пообедать.

– Поела-поела, – успокаивала его мама, – все уже поели, только ты остался.

– Мой зять золото, – доносились с балкона позывные.

– Ммммые! – покрывался в ответ благоговейной испариной папа.

Чтобы хотя бы иногда прерывать эту бесконечную и изнурительную в своем накале поэму любви, бабулечка к отцовскому перерыву уходила посидеть у Ба. Идти до Маниного дома было недалеко, поэтому ближе к часу дня бабуля напудривала носик из картонной, расписанной лилиями, пудреницы, душилась капелькой своих неизменных цветочных духов: «Надо же запах валерьянки перебить», – приговаривала, повязывала белую кружевную косыночку, накидывала тонкое летнее светлое пальто и шла к Ба чаевничать. Я всегда с превеликим удовольствием сопровождала бабулю. Во-первых, это был лишний повод встретиться с Маней, а во-вторых, мы очень любили, раскрыв рты, слушать истории, которые рассказывали за чаем Ба с моей бабулей.

Первое знакомство моей бабулечки с Ба осталось притчей во языцах.

– Анастасия Ивановна, – шаркнула ножкой моя бабуля, – ветеран Отечественной войны, медсестра. Вдова.

– Роза Иосифовна, – вытянулась Ба, – ветеран неудавшейся личной жизни, потомственная домохозяйка с миллионерами-предками в анамнезе. Тоже вдова.

Дядя Миша называл их кумушками.

– Кумушки, – смеялся он, – как вы умудряетесь понимать друг друга?

Говорите в унисон и совершенно на разные темы!

– Дорости до наших мощей, а там обзывайся, – огрызнулась Ба.

И вот как-то у отца выдался очень непростой день – с утра он провел две сложнейшие операции. Дабы не заставлять его напрягаться еще и в обеденный перерыв, бабулечка решила навестить Ба.

– Позвони Мане и спроси, удобно ли зайти на чай, – попросила меня бабуля.

Я кинулась набирать номер.

– Алло, с вами говорит авт... ахт... ахтаватвечик! – отрапортовала в трубку Маня. – Оставьте, пожалуйста, что хотели сказать после гудка, бип!

Я хмыкнула. Манино странное поведение легко объяснялось – мы недавно посмотрели по телевизору какой-то фильм и буквально влюбились в таинственный телефонный аппарат, по которому заграничный злобный миллионер получал сообщения. И периодически забавлялись тем, что отвечали на телефонные звонки механическим голосом автоответчика.

– Мань, это я, зря стараешься, – фыркнула я.

– Фу ты, – рассердилась Маня, – не могла сразу предупредить, что ли?

– Мы с бабулей скоро к вам придем, спроси у Ба, ей удобно?

– Сейчас, – Манька бросила трубку и шумно побежала куда-то вверх по лестнице, – Ба-а-а-ааа, Нарка звонит, говорит, что они с Настыванной хотят прийти на чай, моооожно?

– Можно, конечно, – отозвалась Ба.

Маня шумно ссыпалась вниз по лестнице:

– Можно, – выдохнула она в трубку, – а что вы нам принесете?

– Мария! – протрубила сверху Ба. – Уши откручу!

– Мама испекла торт «Мишку», – зачастила я, – обязательно возьмем с собой к чаю.

– Ура, – выдохнула Маня, – я выйду к вам навстречу!

Мы не успели одеться, а Маня уже трезвонила в нашу дверь.

– Сколько можно вас ждать! – крикнула она с порога. – Там Ба уже чай заваривает, а вас все нет!

– Идем-идем, – всплеснула руками бабулечка, – уже выходим.

– Торт не забудьте, – забеспокоилась Манюня.

Мама со смехом вручила пакет Маньке.

– Донесешь? – спросила.

– Тетьнадь, он с орехами?

– С орехами, конечно, – успокоила ее мама.

– Ура, – запрыгала Манька, – мой любимый. Спасибо, Тетьнадь, – она потянулась, чмокнула маму в щечку и нырнула носом в пакет. – Ух ты, а пахнет-то как!

Через минуту мы вышли из дома и торжественной процессией двинулись в сторону Манькиного квартала. И сильно всполошились, потому что буквально сразу до нас долетел несусветный гам – лаяли собаки, кричали петухи, гоготали гуси. Мы прибавили шагу. Еще через минуту нам стало ясно – Ба с тетей Валею сцепились в плановой схватке. И по очереди визгливо солируют на фоне гусяного гогота и собачьего лая.

– На себя посмотри! – орала что есть мочи тетя Валя. – Строишь из себя святошу, а сама чуть ли не каждый шаг сына контролируешь!

– Да кто ты такая, чтобы мне замечания делать?! – захлебывалась в ответ Ба. – Свихнулась вконец, дочерей из дома не выпускаешь! У самой личная жизнь не заладилась, так ты решила на этих несчастных отыграться?

Мы вошли в калитку и застали знакомую картину – Ба в позе Наполеона Бонапарта возвышалась посреди двора и ругалась в сторону Тетивалиного дома. Большие домашние тапочки с помпонами сильно диссонировали с общим воинствующим видом Ба, но кто на такие мелочи обращал внимание!

Тетивалины выпученные глаза грозно торчали в ответ по ту сторону деревянного забора. Потому что если Ба была достаточно высокой и видела тетю Валю как на ладони, то маленькой тете Вале приходилось унизительно вытягивать шею и вставать на цыпочки, чтобы смотреть своему ярому оппоненту в глаза.

– Здравствуй, Настя, погляди, что эта ненормальная вытворяет, – обернулась к нам Ба, – совсем с ума сошла, на порядочных людей кидается!

– Девочки, ну что вы как маленькие, – попыталась образумить двух непримиримых врагов моя бабуля, – какой стыд, все соседи слышат, как вы тут переругиваетесь!

– Анастасия Ивановна, – подала голос с той стороны забора тетя Валя, – вы интеллигентная женщина, у вас зять врач...

– Мой зять золото, – встрепенулась бабуля.

– Да-да, золото, – не стала спорить тетя Валя, – скажите мне, пожалуйста, как вы можете дружить с этой лицемерной женщиной, которая постоянно лезет учить меня, как я должна своих дочек воспитывать, а сама сделала все возможное, чтобы сына с невесткой поссорить?

– Ах ты. – задохнулась Ба. – Ах ты. да как ты смеешь?.. Да что ты знаешь?..

– Дура! – проорала с той стороны забора тетя Валя.

– Николаи боз! – не осталась в долгу Ба.

– Гхмптху, – подавилась криком тетя Валя.

Позволю себе маленькое отступление. «Николаи боз» в дословном переводе – «шлюха Николая», достаточно распространенное ругательство в северо-восточных районах Армении. Под Николаем подразумевается последний российский император Николай II. Никакого отношения к Николаю шлюха, конечно же, не имеет. Николаи боз – это женщина, которая занимается своим незавидным ремеслом с давних пор, чуть ли не со времен Николая II. Скажем так, шлюха с большим стажем. Очень часто в народе можно услышать

выражения типа: «Это очень старая история, чуть ли не со времен Николая» или «Они еще с Николаевских времен живут у нас». Почему люди связывают давность событий с последним императором России (не будем сейчас об отречении), я не знаю. Могу предположить, что пietet к царю-батюшке в народе был настолько велик, что не выветрился даже после долгих лет советского правления.

А теперь вернемся к нашим, так сказать, баранам.

– Николаи боз! – выкрикнула Ба.

Мы с Манькой от неожиданности присели. Мы и представить не могли, что Ба может позволить себе такое страшное ругательство.

– Ой-ой, – моя бабулечка перекрестила Ба, – Роза, что ты такое говоришь?!

– Э-их, – увернулась от бабулиной христианской щепоти Ба, – Настя, оставь эти православные штучки для выкрестов! Нечего трясти надо мной своей праведной дланью!

– Сама ты Николаи боз, поняла, старая карга? – наконец обрела дар речи тетя Валя.

– Я вас умоляю, – встала между ними моя бабуля, – я вас очень прошу, не умеете общаться – просто игнорируйте друг друга.

Ба открыла рот, чтобы ответить бабуле, но не стала ничего говорить, потому что увидела, как в нашу сторону бежит младшая

Тетивалина дочка Кристина. Она подошла к матери и тихонечко шепнула ей что-то на ухо.

Тетя Валя всплеснула руками, замычала и вдруг горько и зло расплакалась.

И побежала к дому.

– Что случилось, Кристина? – подошла к забору Ба.

– Ох, тетя Роза, – заплакала Кристина, – теперь мы опозоримся на весь город!

– Подожди, – остановила ее Ба и обернулась к нам: – Дети, идите в дом, мы тоже скоро будем.

Мы беспрекословно повиновались. На пороге обернулись и увидели, как Ба с моей бабулечкой влетают во двор Тетивалиного дома.

– Неужели убивать пошла? – испугалась Маня.

– Пойдем позвоним твоему папе, – всполошилась я.

Мы побежали к телефону.

– Алле, – проорала Маня в трубку, когда дядя Миша ответил на том конце провода, – пап, приезжай скорее домой, а то Ба пошла убивать тетю Валю!

– Там моя бабуля, – добавила я масла в огонь, – вы поспешите, Дядьмиш, она ведь уже старенькая, долго удерживать Ба не сможет!

– Может, еще 02 набрать? – выхватила у меня трубку Маня.

– Не надо 02 набирать, – гаркнул дядя Миша, – сидите дома и ничего больше не предпринимайте ради бога! Я скоро буду.

И бросил трубку. В ожидании скорого Дядимишиного приезда мы с Маней замерли скорбной скульптурной композицией на веранде дома.

Через какое-то время с громким воем к Тетивалиному двору подъехала машина скорой помощи.

– Убила! – всполошились мы и побежали к забору.

– Бааааааааааааа, – плакала Маня.

– Бабууууууууууууууууля, – орала я, – кто кого убиииииииил?

– Вы с ума сошли? – Вышла на порог Тетивалиного дома бабуля. Рукава ее почему-то были закатаны, и вдобавок она обвязалась большим полотенцем, как фартуком. – Идите в дом, сколько можно вам одно и то же повторять?

– Ба живая? – крикнула, размазывая сопли по лицу, Маня.

– Нагуляла, – качали головами люди, – главное, когда успела? С работы домой и обратно на работу, коллектив сплошь женский, никуда больше не ходит, глаза всегда в пол! Вот, оказывается, какие черти водятся в тихом омуте!

Мариам родила мальчика, как две капли похожего на деда.

Его, естественно, назвали Петросом.

Тетю Валю словно подменили – она получила в собственное безвозмездное пользование хоть и маленького, но Петроса и навсегда распрощалась со своим сварливым характером.

Она помирилась с Ба и периодически хвасталась ей достижениями внука.

– Мы сегодня круто покакали, – кричала она через забор.

Ба вздрагивала.

– Валя, ты бы потише, люди тебя не так поймут, – увещевала она.

– Ай, Роза, – отмахивалась тетя Валя, – у нас такое счастье, а ты про людей!

В течение следующего года две младшие дочери тети Вали одна за другой вышли замуж. И только Мариам осталась одинокой. И так и не открыла никому, кто был отцом Петроса.

– Значит, от женатого мужика залетела, – вздыхали люди.

Но это уже не имело никакого значения. В доме тети Вали наконец-то воцарился мир. Иногда, оказывается, чтобы закончилась война, достаточно просто родить маленького Петроса.

Глава 19. Манюня ест курицу, или Как можно заставить чертыхаться Бога

Было темно и очень холодно. Кругом стоял высокий, непролазный лес. Я шла по узкой тропиночке, ледяный страх проникал в душу и сковывал движения, в спину завывал колючий ветер – у-у-у, у-у-у!!!

– Наринэээ, – кто-то звал меня вдалеке, захлебываясь криком, – Наринэээ!!!!

И я шла на этот голос, спотыкаясь о каждую кочку, отшатывалась от голых веток, норовящих зацепить меня за плечо, и шептала: «Только не оборачивайся, только не оборачивайся!»

– НАРИНЭ! – крик раздался где-то совсем близко. Я подняла глаза и в ужасе отпрянула – прямо надо мной развевался большой кочан капусты с торчащей кривой кочерыжкой.

Мне стало плохо. «Вот как выглядит леший», – моментально догадалась я.

– Только не ешьте меня, – проямлила еле слышно из последних сил.

– Нарка, ты совсем с ума сошла? – Манькиным голосом рассердился леший. – Мало того что постоянно стонешь и пинаешься, так еще просишь, чтобы я тебя не ела?

Я моментально проснулась и села в постели. Кочан капусты оказался Манькиной головой, а кочерыжка – боевым чубчиком. Меня охватило чувство безграничного счастья – это был всего-навсего кошмарный сон!

– Манька, это ты, – с облегчением зашептала я, – ты не представляешь, какой мне приснился ужас!

– Представляю, – проворчала Манька, – ты пиналась как ненормальная. А главное – стонешь и приговариваешь загробным голосом: «Только не оборачивайся, только не оборачивайся!»! Напугала меня до смерти!

– Хи-хи-хи, – тоненько засмеялась я, – а я, главное, иду по лесу...

– Вы заткнетесь или как? – раздался грозный окрик моей сестры Каринки. – Совсем с катушек съехали, на дворе ночь, а они тут разговоры затеяли!

Мы притихли. Сестра заворочалась в постели, посмотрела на часы:

– Три часа ночи! – прошипела она. – Если еще хоть раз пикнете, то потом сильно пожалеете, понятно?

– Ты сама храпишь, как наш Вася, когда взбирается на подъем, – пошла в бой Манька.

– Я тебя предупредила, и ты меня услышала! – отрезала Каринка и повернулась на другой бок.

В детской воцарилась тишина. Только слышно было, как тикают часы.

Моя семья жила в большой четырехкомнатной кооперативной квартире. Кроме гостиной и кухни, в квартире имелись две спальни – родительская и детская. Самую маленькую, пятнадцатиметровую,

комнату моя сметливая мама превратила в кабинет, где располагалась наша домашняя библиотека. Там вдоль стен стояли стеллажи с книгами, под торшером с пузатеньким бежевым абажуром вальяжно раскинулось мамино любимое широкое кресло с клетчатым пледом на подлокотнике, а напротив немым укором моей совести возвышалось горячо ненавистное пианино «Weinbach».

Когда делали ремонт в детской, мама настояла на том, чтобы стены покрасили в нежно-салатовый цвет. «Тогда обстановка будет умиротворяющей», – сказала она. Не знаю, умиротворяет ли детей нежно-салатовый колер, но если учесть, что порой от смертоубийства нас отделял всего один шаг, то даже страшно представить, что мы могли учинить друг с другом, если бы стены покрасили в бордовый или какой другой возбуждающий центральную нервную систему цвет.

Мы спали на двух кроватях, стоящих впритык друг к другу. Сонечка была еще очень маленькой, и ее кроватка находилась в спальне родителей. А остальные три девочки – я, Каринэ и Гаянэ – ночевали в детской. Мы с Каринкой спали по бокам, «великодушно» уступив шестилетней Гаянэ стык между кроватями.

– Мне тут неудобно, – жаловалась она, – давайте на этом стыке по очереди спать.

– Ты чего? – округляли мы с Каринкой глаза. – А если во сне ты случайно повернешься и упадешь с высоты?

Наивная Гаянэ с благодарностью смотрела на нас своими большими золотистыми глазами.

– Надо же, – приговаривала она, – как вы обо мне беспокоитесь!

Мы с Каринкой переглядывались поверх ее головы и пожимали плечами – святая простота!

Если Манька оставалась ночевать у нас, то мы ложились валетом: Каринка с Гаянэ на одной кровати, а я с Манькой – на другой.

Здоровый и относительно безопасный сон детей в нашей семье зависел от неукоснительного выполнения одного очень важного условия – нужно было умудриться заснуть до того, как захрапела Каринка. Потому что если сестра завела свою бензопилу, то о сне можно было прямо сразу забыть. Каринка храпела так, что стены ходили ходуном, а напольные массивные часы норовили упасть и разлететься на тысячу осколков. Каринка храпела так, что пограничники с двух сторон армянскотурецкой границы брали друг друга на мушку и стояли так всю ночь в ожидании провокаций с другой стороны. Каринка храпела так, что телескопы обсерваторий планет, вращающихся вокруг ближайшей к нам звезды Проксима Центавра, автоматически поворачивались в сторону Земли, пытаясь вычислить источник такого могучего космического шума.

Но это еще было не все. Несмотря на свой чудовищный храп, моя сестра спала невероятно чутким сном и могла проснуться от малейшего шороха.

Вот представьте себе картину – Каринка спит. То есть как спит – храпит с закрытыми глазами. От ее могучего храпа извергаются вулканы, образуются новые материки, луна, не выдержав такой пытки, собирает свои манатки и уходит за линию горизонта лечить мигрень.

А Каринка храпит и в ус не дует.

И вдруг над Каринкой пролетает малюсенький комарик.

– Убила бы в момент, – шепнула я ей в ответ, и мы тихонечко захихикали.

– Хрррр! – угрожающе возвысила над нами голос Каринка.

Мы снова замолчали.

Манька завозилась, обняла меня и положила голову мне на плечо.

– Давай поиграем в мечту, – предложила она.

– Давай! – согласилась я.

«Поиграть в мечту» было нашей излюбленной забавой. Суть игры заключалась в том, что мы по очереди называли вещи, о которых мечтали, но которые, по разным причинам, были нам недоступны.

Подозреваю, что так развлекались все измученные дефицитом советские дети!

– Жвачка с малиновым вкусом. Розовая. Пачку. Нет, лучше коробку, – шепнула Манька.

– Которая выдувается большим пузырем? – уточнила я.

– Естественно, – обиделась Маня, – выдувается и громко лопается! Теперь ты давай.

– Платье как у Золушки из фильма «Три орешка для Золушки», – зашептала я.

– С диадемой и туфельками? – уточнила Манька.

– Естественно, – обиделась я, – не в сандалиях же такое платье носить.

– И с красной шапкой с помпоном, которую мне Ба связала, – тихонечко захихикала Маня.

Я прыснула.

– Так, ладно, продолжим. Я хочуууууууу, ммм, цветик-семицветик, вот! – шепнула Манька.

– Тогда сразу проси волшебную палочку, – подняла голову с подушки я, – а то цветик-семицветик – это всего-навсего семь желаний.

– Хррррррррррррррррррррррррррррррррр! – заворочалась в постели моя сестра.

Мы замолчали.

– Лааадно, это не считается, давай я лучше другое загадаю, – протянула через минуту Манька, – помнишь, в отделе игрушек мы видели немецкую куклу с сеточкой на волосах и с сумочкой через плечо? Вот такую хочу.

– Которая стоит двадцать пять рублей?! – ужаснулась я.

– Да, – вздохнула Манька, – которая стоит двадцать пять рублей и восемьдесят копеек.

Мы пригорюнились. Одно дело мечтать о несбыточных вещах, таких как коробка жвачки с малиновым вкусом или волшебная палочка, а другое дело – о совершенно реальной немецкой кукле с сеточкой на волосах и с сумочкой через плечо в отделе игрушек. Которую, если не видит продавец, можно взять с полки и даже немного подержать в руках. Можно даже, затаив дыхание, погладить пальчиком шелковистую сеточку на волосах и полюбоваться розовой блестящей пряжкой на сумочке через плечо. Но двадцать пять рублей восемьдесят копеек – это очень большие деньги, и наши родители не могут позволить себе купить такую дорогую игрушку!

– Вот бы мне такую куклу, – пригорюнилась я.

– И мнееее, – вздохнула Манюня.

Мы притихли. Полежали еще какое-то время с закрытыми глазами. Сон все не шел. Еще бы – сестра выводила какие-то совершенно новые, изуверские рулады. Казалось, что если она еще чуть поднажмет, то наше пятиэтажное здание сложится как карточный домик.

– Нарка, я проголодалась, – шепнула мне на ухо Манька.

– Там в холодильнике жареная курица, – прервала свой храп Каринка.

Была у моей сестры еще одна особенность, которую никак иначе как чудом назвать было нельзя. Если кто-нибудь из нашей семьи не то что говорил, а даже думал о еде, моя сестра тут же оказывалась рядом.

– Пора бы перекусить, да? – спрашивала она опешившего члена семьи и, взяв его за руку, тащила к холодильнику. – Пойдем

посмотрим, что можно пожевать.

Мы с Манькой подняли головы с подушки и уважительно посмотрели на сестру.

– Ну ты даешь! – только и смогли выговорить мы.

– Так мы идем есть курицу или как? – села Каринка в кровати.

– Идем, конечно, – заволновались мы.

– Только по кусочку, – грозным шепотом предупредила Манька, – помните, что Тетьнадя сказала?

– Помним-помним, не волнуйся, – зашипели мы ей в ответ.

– Не зря я так долго стояла в очереди, – радовалась вечером мама. – Мне достались две венгерские курочки! Это же не наши советские синюшные цыплята. Из этих двух курочек можно много чего приготовить, о-го-го как много! Можно их запечь со сметаной и грибами, можно отварить рис до полуготовности, добавить туда орехи и специи, а потом начинить этой смесью курочку, и... – Мама осеклась, окинула взглядом своих многочисленных дочерей и прибившуюся к их стайке Маньку, посмотрела на мужа, воззрившегося на курочек голодными глазами, поймала свое отражение в зеркале, произвела в уме кой-какие нехитрые расчеты и тяжело вздохнула.

– Ладно, – сказала она, – сейчас мы этих курочек пожарим, одну съедим сразу, а из второй я завтра сделаю чахохбили.

– Ура! – дружно закричали мы.

Итого на ужин каждый получил по куску хрустящей жареной курочки с гарниром из воздушного картофельного пюре и дефицитного зеленого горошка. Остатки курицы под вождедеющими взглядами плотоядных членов семьи были убраны мамой в холодильник.

– Чтобы и завтра вы могли поесть курочки, – воззвала к нашему гражданскому долгу она.

– Лаадно, – вздохнули мы и встали из-за стола.

И вот теперь эта несчастная жареная курица манила нас как магнитом. Мы тихонечко поднялись, чтобы не будить мирно посапывающую Гаянэ, нашарили в темноте тапки и вышли из спальни. Впереди гончим псом шла Каринка. Мы с Маней доверчиво следовали за ней – никто не сомневался в способности сестры найти холодильник в темной квартире с закрытыми глазами.

– Осторожно, тут дверь, – шикала на нас периодически сестра, – здесь стул, не зацепите, а тут угловой диванчик!

– Свет в кухне включать? – спросила я.

– Включим маленький, – предложила Манька, – а то большой свет разбудит твоих родителей.

Мы вытащили из холодильника сковороду с жареной курицей и поставили ее на стол.

– Давайте возьмем по самому маленькому кусочку, – предложила я, – тогда никто не заметит, что мы ели курицу.

– Может, крылышки? – предложила сестра.

– Ага, крылышки! – встала руки в боки Манька. – Во-первых, крылышек два, а нас трое, а во-вторых, где это ты видела курицу без крыльев?

– А может, это вообще не курица! Может, это утка, а мама этого не заметила? – решила блеснуть интеллектом я.

– А что, утки бывают бескрылыми? – покрутила пальцем у виска сестра. – Ты бы лучше молчала, Нарка, тоже мне, ума палата.

Итого мы вытащили из сковороды кусочки куриной грудки и буквально сожрали их, преступно сутулясь и урча от удовольствия.

– Мало, – облизала пальцы Каринка, – может, еще по кусочку?

– По последнему! – угрожающе выпучилась я.

Мы выудили еще по кусочку курицы. Манюня закрыла сковороду крышкой и убрала ее в холодильник от греха подальше.

– Чтобы не дразнила аппетит, – сказала она и села за стол, – что же мы едим стоя, как лошади в стойле, давайте присядем.

Мы с Каринкой присоединились к ней.

– У-у, какая вкуснятина, – урчала Каринка, – всю жизнь бы ела только жареную курицу.

– И жареную картошку, – сказала я.

– Вот, это уже другое дело, – похвалила меня сестра, – чуток поела, и уже мозги стали на место. А то все курица не утка, курица не утка, – передразнила она меня.

– Сама дура, – огрызнулась беззлобно я.

– От дуры слышу, – захрустела куриной косточкой сестра.

– Шшшш, тише вы! – встрепелась Манька, но было уже поздно.

Дверь кухни распахнулась, и на пороге нарисовался сонный папа. Папа выглядел просто бесподобно – волосы были всклокочены, большие семейные трусы нежного василькового колера воинственно топорщились вокруг тощих бедер, ляжка майки съехала с плеча и кокетливо оголила часть волосатой груди. При виде нас он кинул вниз, в область своего многострадального таза, молниеносный взгляд, дабы удостовериться, что семейники на нем сидят как надо, и поправил ляжку на плече. Потом открыл дверцу шкафчика с кухонной посудой, спрятался за ней и через минуту вынырнул в мамином фартуке в кокетливый розовый волан по подолу. Мы проследили за всеми его маневрами в гробовой тишине, с курицей в зубах.

– Что вы тут делаете? – Папа на всякий случай еще и втянул живот.

– Ой, Дядьюра, у вас такие же семейники, как у моего папы, – умилилась Маня.

– Так мы вместе их и покупали, – ответил отец, – а вот вы все-таки что тут делаете?

– Проголодались, – проблеяли мы дружно в ответ, – курицу едим.

– Курицу? – испугался папа. – А что маме завтра скажем? – Он прошел мимо нас, вытащил из холодильника сковороду и поставил на стол.

– Мы по маленькому кусочку взяли!

– По маааленькомуууу, – протянул папа и достал хлеб из хлебницы, – кто-то будет остатки пюре?

– Будет! – обрадовались мы.

Если бы какой-нибудь отчаянный акробат на ходулях в четыре часа утра прошел мимо окон нашей квартиры на третьем этаже, то застал бы дивную картину: за большим круглым столом, во главе с мужчиной в васильковых семейных трусах и фартуке в розовый волан, сидела группа преступных девочек девяти тире одиннадцати лет и, трусливо озираясь на кухонную дверь, доедала остатки курицы прямо со сковороды.

– А что мы маме скажем? – периодически взывал кто-нибудь, вонзая зубы в очередной хрустящий кусок курицы.

– Что-нибудь завтра придумаем, – хором успокаивали остальные.

Мы, конечно же, отложили порцию маме и спящей без задних ног Гаянэ. Сковороду натерли до блеска кусочками хлеба, кастрюлю с остатками пюре вылизали вдоль и поперек и даже чуть-чуть снаружи.

– Шикарный у нас получился поздний ужин, – тихонечко хихикали мы.

– Да уж, – хмыкнул папа, – поздний ужин плавно перетек в ранний завтрак.

Итого, когда мы ложились в постель, горизонт уже подернулся ранним летним рассветом, а в кварталах с частными домами победно перекликались драчливые петухи.

– Пять минут я еще продержаться смогу, – честно предупредила нас Каринка, – но потом я засну, и тогда уже пеняйте на себя.

– Мы быстренько, – обещали мы с Манькой и закрыли глаза.

В спальне воцарилась тишина.

– Вспомнила, чем отличаются семейники вашего папы от семейников моего, – сквозь сон прошептала Манька.

– Чем? – промычали мы.

– А тем, что у вашего папы трусы в горошек, а у моего – в мелкую звездочку, – сладко зевнула Манька, уткнулась носом мне в плечо и мирно засопела.

– Зато фартук сидел на папе просто бесподобно, – решила постоять за своего отца я.

– Хрррррррррррррррр, – отозвалась Каринка. Но никто уже ее не слышал– все благополучно провалились в глубокий сон.

Глава 20. Манюня учится быть настоящей женщиной, или Как дядя Миша с папой вино из погреба доставали

Дядя Миша, как истинный сын своей матери, периодически выкидывал фортели, пытаясь отстоять себе кусочек независимости. Ба, как истинная Ба, одной левой гасила все попытки сына вырваться из-под ее тотального контроля. «В этом доме я господин», – любила повторять она.

В целом борьба дяди Миши с Ба напоминала противостояние между центром и мятежной провинцией. Провинция периодически поднимала плохо организованные и зачастую бестолковые восстания, а центр с особым удовольствием топил эти восстания в крови.

Любая Конвенция по правам человека прекращала действовать прямо на пороге дома Ба. Ибо только Ба устанавливала те рамки, в пределах которых члены ее семьи строили свою счастливую жизнь.

– Ба была тираном? – спросите вы.

– Конечно, нет, – смалодушничаю я.

Но Дядимишина неумная душа не прекращала алкать свободы. И он, отстаивая свое право на личную жизнь, мстительно заводил связи «на стороне», а в особо критические для своей непокорной натуры дни имел наглость не приходить домой ночевать. Скандал, который неминуемо закатывала Ба, мощью энергетического выброса легко мог заменить распад уранового ядра.

– Вот этими руками, – кричала Ба, – вот этими руками, сына, я тебя родила! Вот этими многострадальными руками я ежеминутно подмывала твою попу, а какал и писал ты, скажу я тебе, как проклятый! Да и ел как прорва! Вот этими руками с утра и до ночи, не разгибая спины, я стирала твои пеленки-распашонки. Под каким девизом прошла вся моя жизнь, спрашиваю я тебя? Под девизом «накорми-обстирай-выучи сына»! А чем ты мне за это платишь? Черной неблагодарностью, вот чем!

В один из таких злосчастных дней мы с Маней как раз играли у нее во дворе. Буквально накануне нам подарили большой набор игрушечной посуды, и сейчас мы были заняты тем, что готовили из подручных средств обед на большое кукольное семейство. Маня увлеченно шинковала огромный лист лопуха, а я крошила в труху полено.

– Ты пойми, – объяснила мне Манька, – чем мельче покрошить полено, тем больше труха будет напоминать муку.

– А что мы потом с этой трух... мукой будем делать?

– Ты измельчай, а мы там придумаем, что с нею делать, – воинственно шмыгнула Манька и вдруг предостерегающе подняла вверх указательный палец: – Ш-ш-ш-ш.

Я наострила уши. «Внннн, кха-кха», – донеслось издали знакомое кряхтение Васи. Мы с Маней горестно вздохнули – дядя Миша возвращался с очередного места восстания на свою верную погибель.

– Авось сегодня пронесет? – пискнула я, впрочем, без особой надежды.

– Не пронесет! Знаешь, какое с утра было выражение лица у Ба?

– Какое?

– А вот какое, – Маня насупила брови, собрала губы в куриную жопку, прищурила один глаз и встала руки в боки.

Я прыснула – уж очень смешно моя подруга передразнила Ба.

Когда Вася въехал на задний двор, мы почему-то спрятались за большим тутовым деревом. Видеть, как дядя Миша понуро идет к дому, было выше наших сил. Вылезли мы из-за ствола дерева только тогда, когда хлопнула входная дверь.

Скоро скандал в доме стал набирать обороты. Сначала до нас долетали отдельные фразы, а потом Ба подключила тяжелую артиллерию.

– А потом ты небось пришел и поцеловал Маню, фу! – кричала она.

– Мам, я тебя умоляю! При чем здесь это?

– При том! – захлебывалась Ба. – Сначала этими губами ты не пойми кого целовал, а потом полез к своему ребенку! Тьфу на тебя!

– Ну что ты такое говоришь!

– Говорю как есть, – топала ногами Ба, – и не родился еще на планете Земля человек, который бы мог убедить меня в обратном!

– Да легче удавиться, чем переубедить тебя! – крикнул дядя Миша и выскочил на веранду.

Мы с Маней дружно обернулись в его сторону. На дядю Мишу жалко было смотреть – выражение лица растерянное, между бровями пролегла глубокая морщинка.

Он поймал наши с Маней сочувствующие взгляды и натужно улыбнулся.

– Здравьсти, Дядьмиш, – пискнула я.

– Здравьсти, пап, – отложила лист лопуха Манька. – Ну что, получил свое?

Дядя Миша открыл рот, чтобы выговорить Маньке, но потом передумал и махнул рукой.

– Пойду, поковыряюсь в Васе, – сказал.

Преданный Вася терпеливо дожидался своего хозяина на заднем дворе. И уже издали, при виде его понурого силуэта, заботливо взбил подушку на сиденье водителя.

– Одни беды от этих баб, – вздыхал про себя Вася, скрипя шарнирами и карданными валами, – зачем они хозяину? Да и что с них взять – волос длинный, ум короткий.

– Женщины, что с них взять, – буркнул себе под нос дядя Миша, открывая капот Васи.

– А ведь мысли мои читает, – заликовал Вася и на радостях выпустил маленький фонтанчик машинного масла.

– Тебя не завели, а ты уже фортели выкидываешь, Васидис? – удивился дядя Миша.

– Ого, снова в объятиях своего сердечного друга? Ты поплачься ему в капот, он ведь обязательно тебя поймет! А главное – слова поперек не скажет, – Ба никак не унималась, она высунулась в окно своей спальни и жаждала продолжения банкета.

– И поплачу, – огрызнулся дядя Миша, – все вы, бабы, одинаковые.

– Да ну, – хмыкнула Ба, – ты еще скажи, что дуры.

– И скажу! – с вызовом повернулся к ней дядя Миша.

– Про волос длинный, ум короткий не забудь добавить, – не унималась Ба.

– Это уж само собой!

Ба высунулась в окно по пояс, старательно сложила пальцы обеих рук в дули и победно потрясла ими над собой:

– Во! Видел?

Дядя Миша какое-то время молча смотрел на свою всклокоченную мать, потом тяжело вздохнул и повернулся к Васе.

«Лучше промолчать», – подумал он про себя.

– Дура! – удовлетворенно констатировал Вася.

Ба демонстративно громко захлопнула окно.

«Весь в своего отца, – думала она, глядя с любовью на понурое темечко сына, – даже стоит как он – косолапит и чуть сутулится. Сделаю ему на обед его любимые котлеты. Картошечки пожарю, с лучком и грибочками. А то осунулся весь, кровиночка моя, одни кости торчат».

Она с шумом распахнула окно.

– В следующий раз можешь вообще не возвращаться, понял? – крикнула торжествующе.

Дядя Миша вздрогнул спиной, но не обернулся. И оттаял лицом, только когда из кухни потянуло божественным ароматом сочных котлет.

– О, Вася, – сказал он своему четырехколесному другу, – будут сегодня нам любимые котлеты, а к вечеру – изжога.

Вася понимающе молчал. Вася с младых ногтей знал, что такое изжога. И запор. И несварение желудка. И язва. Потому что постоянные болячки были планидой всех отпрысков советского автопрома.

Поэтому при слове «изжога» Вася суеверно поплевал через левую дверцу и тяжело вздохнул.

Так сошлись звезды, что именно в этот день, когда дядя Миша поругался с Ба, папа умудрился поскандалить с мамой. Вообще-то ссоры между моими родителями случались крайне редко, но уж если они случались, то по силе своей не уступали среднестатистической буре на планете Нептун. А в воронке такой бури, чтобы вам было известно, может легко уместиться вся наша планета. Будучи оба людьми взрывного темперамента, мои родители из любого пустяка могли раздуть такой пожар, что потом место их скандала напоминало выжженное поле. И только два горных орла кружили высоко над эпицентром этой вселенской катастрофы.

– Видишь хоть кого живоооогооооо? – кричал один орел с этого конца горизонта.

– Нееееет! – отзывался второй с другого конца горизонта.

– Женщина, – грохотал папа, когда крыть ему оказывалось практически нечем, – если говорит мужчина, ты должна молчать!

– А кто это тебе такое сказал? – возмущалась мама. – Оставь свои домостроевские замашки для других. Меня этим не проймешь!

– Кировабадци! – орал папа в ответ. Когда папа называл маму «кировабадци», то всем становилось ясно – у папы закончились аргументы.

Кировабад – это город, где жила семья моей мамы. В народе шла молва, что девушки из Кировабада славятся капризным, неуступчивым характером. Что они сильно избалованы и не видят ничего дальше своего носа. И что каши с ними не сварить.

Поэтому, когда у папы заканчивались аргументы, он прибегал к жалкой попытке заткнуть маму.

– Кировабадцы! – грохотал он.

– Упрямый бердский осел, – крыла в ответ мама. Тот же народ нарек жителей нашего города ослами за жуткую неуступчивость.

Ради справедливости надо отметить, что если мама – кировабадцы в том смысле, который вкладывал в это слово папа, то тогда он сам единолично является основоположником, архитектором, строителем и почетным жителем города Кировабад. Это чтобы вам было ясно, какой у моего отца был и, слава богу, есть характер.

Когда у отца закончились все аргументы, а дым над пепелищем стоял такой, что дневного света было не видеть, он вытащил из домашнего бара бутылку коньяка и засобирался к дяде Мише запивать горе алкоголем.

– Не жди меня! – крикнул он маме с порога.

– Хлеба купи на обратном пути, – не осталась в долгу мама.

– Никогда! – крикнула папа и хлопнул дверью.

– И кофе! – крикнула мстительно мама.

– Агрхххх, – раздалось за дверью, и мама удовлетворенно хмыкнула – последнее слово осталось за ней.

Мы с Маней как раз колдовали над вторым блюдом из мелко наструганного сорняка, когда папа ворвался во двор. Достаточно было одного взгляда на выпученные папины глаза, чтобы мне сразу стало ясно – они с мамой схлестнулись.

– Пап, вы что, поссорились? – спросила я.

– С чего ты это взяла? – дыхнул на меня огнем папа.

– Ну, это видно по сумасшедшему выражению твоего лица, – дипломатично ответила я.

– Не придумывай глупостей, Наринэ, – отрезал папа.

Потом он какое-то время под заинтригованные наши взгляды рыскал вдоль веранды дома туда и обратно и что-то бубнил себе под нос.

– Дядьюра, вы забыли, где входная дверь? – спросила Маня.

– Ничего я не забыл, – сказал папа и поднялся вверх по ступенькам, – я просто думал!

Как только он вошел в дом, мы с Манькой прокрались под окно кухни и застали самое начало разговора двух обиженных мужчин.

– Да всю плешь мне проела, – ругался папа.

– Бабы, что с них взять! – вторил ему дядя Миша.

– Да какая баба! Это же бензопила «Дружба»!

– Юра, посмотри на меня! Ты же знаешь, какая у меня мать, а я живу с нею с самого рождения, и ничего!

– Так то мать, а то жена, – отмахнулся папа, – что у тебя есть к коньяку?

– Котлеты и картошечка с грибами. Роза Иосифовна приготовила мне поесть и демонстративно ушла к соседке.

– Нет, кушать не хочу, сыт по горло, – отказался отец.

Дядя Миша зашуршал по полкам.

– Пряники есть, лимон, еще какие-то на вид засохшие какашки в пакете (шуршание усилилось), что бы это такое могло быть?

– Один хрен, неси что есть, – вздохнул папа.

Нам с Маней стало скучно слушать их разговор, и мы вернулись к готовке.

– Сейчас они буду рассказывать друг другу, какие женщины ужасные существа, – фыркнула я.

– Ну да, – захихикала Манька.

Через какое-то время нам захотелось попить. Когда мы вошли в кухню, то застали моего отца с дядей Мишей в весьма живописной позе – дядя Миша нагнулся буквой Г, а папа лежал у него на спине, уткнувшись носом ему в затылок.

– Вот, – кряхтел дядя Миша, – если еще в этой позе тебя хорошенечко тряхнуть, то можно полностью вылечить болячку.

– И самому свалиться с ответным радикулитом, да? – хмыкнул отец.

– А что это вы делаете? – поинтересовались мы.

Папы мигом выпрямились и сильно сконфузились.

– Кхм. Радикулит Юре лечим, – сказал дядя Миша, – а вы чего пришли?

– Попить пришли.

– Кстати, Маня, где ключ от нижнего погреба?

– От какого нижнего?

– Ну, от маленького, где стоит бочонок с вином.

– Так Ба с ним не расстается. Сбегать к ней? – предложила Манька.

– Нет, – испугался папа, – не надо, мы сами как-нибудь.

– Ничего, у меня где-то была еще подарочная большая бутылка коньяка, – протянул дядя Миша.

Мы с Маней попили воды и вернулись во двор. Готовить нам надоело, поэтому мы принялись копать клад под тутовым деревом. И успели уже вырыть между корнями приличную яму, когда на веранду вышли наши изнуренные женской половиной человечества отцы. По целому букету характерных первичных и вторичных признаков было ясно, что они уже не совсем, мягко говоря, трезвы. В каждой руке они держали по одной полулитровой банке.

– До-оченьки наши, – загремели они банками, – а что это вы т-тут делаете?

– Клад ищем, – отрапортовали мы.

– К-какие они у нас ум-мные, – умилились наши отцы.

– А что это вы напились? – пошли мы в атаку.

Папы одинаково нахмурились.

– Кто нап-пился? М-мы? Ничего подобного!

– Пойдем, друг, нас там д-дела ждут! – похлопал банкой по папиному плечу дядя Миша.

– Где? – встрепенулись мы.

– Там, – неопределенно махнул в сторону заднего двора папа.

– А зачем вам банки? – насторожились мы.

– Просто так. А вы копайте, если будете усерднее копать, то часа через два обязательно выкопаете клад, – сказали нам наши отцы и пошли в сторону заднего двора. По одинаково невинному выражению их спин сразу было ясно – задумали они что-то такое, что точно не понравится Ба.

Как только они скрылись за углом дома, мы тут же кинулись следом. И застали их возле маленького погреба. В маленьком погребе Ба хранила скоропортящиеся продукты, потому что он был практически подземным, и круглый год там стоял ледяной холод. Узкое окошко погреба было зарешечено частой металлической решеткой, дверь запиралась на замок с защелкой.

Наши бравые мужчины какое-то время молча изучали решетку на окне.

– Давай я, – сказала дядя Миша, – я тебя физически сильнее.

– Давай, – хмыкнул папа и отобрал у дяди Миши две его банки, – заодно посмотрим, кто тут сильнее.

– Пааап, а что это вы собираетесь делать? – подбежали мы к ним.

– Дети, не мешайте, – отодвинул нас банками мой отец, – и вообще, зарубите себе на носу – когда мужчина действует, женщина должна молчать. И трепетать. Ясно?

– Друг, не будем о грустном, – сказал дядя Миша и вцепился руками в оконную решетку.

– Раздватри! – вдохнул он и на выдохе попытался выдернуть оконную решетку. Та обиженно заскрипела, но не поддалась.

– Смотри, как хорошо ее приварили, э? – обернулся к отцу дядя Миша.

– Ты мне зубы не заговаривай, ты решетку отрывай, – не дрогнул отец.

– Раздватри! – вдохнул дядя Миша и по новой вцепился в решетку.

– Как ты думаешь, зачем они отрывают решетку? – шепнула я Маньке.

– Ничего не говори, а то погонят нас, и мы не увидим, что они тут творят, – зашептала она мне в ответ.

Тем временем дяде Мише удалось раскачать решетку, но она все равно отказывалась отрываться.

– Раздватри! – угрожал ей дядя Миша.

– Иииии! – отмахивалась от него решетка.

– Дай я, – сказал папа, засучил рукава и пошел штурмом на неуступчивую решетку.

Он вцепился в нее руками, уперся ногой в стену и с нечеловеческим «ЫХТЬ» выдрал-таки решетку. С кусочком стены.

– Брат, – только и смог вымолвить дядя Миша.

– Не за тем я в институте учился зубы мудрости выдирать, чтобы перед оконной решеткой пасовать, – хмыкнул папа.

– Полезешь ты, – сказала дядя Миша, – у тебя зад тощий!

– Зато голова большая, – не согласился папа.

– Давай сравним твою голову с моим задом, – внес рацпредложение дядя Миша.

– Не надо! – испугался папа. – Я так полезу.

Дядя Миша, не выпуская из рук банок, встал под окошком погреба и подставил спину отцу. Тот взобрался ему на спину и пролез в раздербаненное окно погреба.

Мы с Маней, затаив дыхание, следили за телодвижениями наших пап. Нам очень хотелось понять логику вещей, которые сейчас творили два самых главных мужчины нашей жизни.

Какое-то время папины ноги торчали из окна, потом он с глухим стуком свалился внутрь погреба. Мы испугались.

Но через секунду в окно высунулись папины целые и невредимые руки.

– Банки! – скомандовал он голосом, которым командует на операции – «скальпель»!

Дядя Миша передал ему банки по одной. Папа наполнил их вином из бочонка и передал обратно дяде Мише.

– Вот у нас и есть вино, – возликовал дядя Миша, – а главное, не надо ни к кому на поклон за ключом идти, это во-первых, а во-вторых, пусть знают, кто в доме хозяин!

– Миша, – позвал из погреба отец.

– А то пилят и пилят! – распалялся дядя Миша, не обращая внимания на отца. – Сколько можно пилить?

Женщины, хохохо!!! Волос длинный, ум короткий!

– МИША!

– Да, мой брат!

– А как я отсюда выберусь? – промычал отец. – Встать не на что.

Можно на бочонок, но я его не приволоку, он тяжелый. Пытаюсь подтянуться на руках, но с трудом дается. Опереться хотя бы на что!

Дядя Миша сразу протрезвел.

– Сейчас принесу табуретку, – ринулся он к дому.

– Складную? – крикнул ему вслед отец.

– Нет! Складных у нас нет!

– Так не пролезет, – взвыл отец.

Далее мы с Маней в гробовом молчании наблюдали, как дядя Миша лихорадочно придумывает способы, чтобы вытащить отца из погреба.

– Пошарь руками кругом, авось что массивное оторвешь, раз отрывать у тебя так хорошо получается!

– Нету!

– Пойду искать веревку!

– Зачем???

– Кину тебе в окно, обвяжешься ею, а я тебя вытащу!

– Брат! (Вопль отчаяния.)

– Хорошо, не буду!

– Дядьмиш! – подала все-таки голос я.

– Подожди, Наринэ, не мешай, – отмахнулся дядя Миша.

– Сейчас приволоку сюда Манин письменный стол! – хлопнул себя по лбу дядя Миша.

– Зачем? – протрубил из погреба отец.

– Взберусь на стол, пролезу по пояс в окно, ты схватишься за меня, и я тебя вытащу.

– Тогда притащи просто стул!

– Он в окно не пролезет!

– Зачем в окно! Встанешь на стул и пролезешь по пояс в окно.

Какая разница, на чем стоять?

– Брат, ты умнее, чем я думал! – просиял утренним солнышком дядя Миша. – Сейчас принесу!

– Пап! – не выдержала Маня.

– Подожди, Маня, не мешай, – рассердился дядя Миша.

Мы с Маней переглянулись и продолжили дальше играть в настоящих женщин.

Всего каких-то полчаса, и сильная половина человечества в лице наших доблестных отцов явила миру всю мощь своего аналитического, а местами и пытливого ума. Ради того, чтобы вытащить из погреба два литра домашнего вина, была снесена одна оконная решетка, порушена часть стены и ободрана обивка на практически новом стуле. У отца все руки были в ссадинах, а у дяди Миши на спине по шву треснула сорочка.

Зато от победного сияния их лиц таяли арктические ледники, а перелетные птицы поворачивали вспять свои стаи.

– Видели? – гаркнули они нам.

– Аха! – радостно улыбнулись мы.

– Во-во! – хмыкнули они и пошли домой продолжать прерванный банкет.

Когда наши папы скрылись за углом, мы с Манькой подняли с земли маленький деревянный пруттик, поддели им язычок замка и с легкостью открыли дверь погреба. Постояли какое-то время перед открытой дверью. Зашли в погреб, захлопнули дверь. Повернули специальную пимпочку, замок щелкнул, и дверь открылась.

Мы вышли и уставились на Васю.

Вася понуро стоял под открытым небом и прятал от нас свои глаза.

Это был день, когда зерно сомнения во всесии мужчин дало первый крохотный росток в наших неокрепших душах.

«Бедненькие», – подумали мы и пошли дальше копать клад. Деньги при таком раскладе ведь кому-то надо было зарабатывать.

Глава 21. Манюня и тушеные овощи, или Как мсье Карапет нас к красоте приучал

– Ба, а можно мы пойдём к мсье Карапету?

Ба только что накормила нас тушеными овощами и маялась совестью. Потому что она как никто другой знала – не существует на свете более ненавистного для нас блюда, чем тушеные овощи.

Ба нарезала кубиками картофель, болгарский перец и баклажаны, кружочками – помидоры и репчатый лук и тушила все это добро под крышкой на маленьком огне. Называлось блюдо «аджапсандали на

скорую руку». Подавалось оно обильно посыпанным свежей зеленью и красным сладким перцем, с кусочком подтаявшего сливочного масла.

– Или вы покушаете овощей, или не встанете из-за стола, ясно? – подбадривала Ба, со стуком ставя перед нами тарелки с псевдоаджапсандали. Мы принюхивались и закатывали глаза.

– Бааааа, ну сколько можно готовить этот ужасный обееед!

– Сколько нужно, столько и можно, понятно? – отрезала Ба и садилась напротив. – А теперь вы быстренько покушаете, а потом еще протрете до блеска тарелки.

– Ааааааа, – торговались мы, – поедим немного и всеоооо! Пять ложек! Ладно, семь!

– Чтобы тарелки сияли чистотой, – не поддавалась Ба, – иначе если оставите их грязными, то что случится?

– Наши мужья будут некрасивыыыыыимиии, – выли мы.

– Ага, – поддакивала Ба, – и каждый раз, просыпаясь с утра и глядя на безобразное, волосатое и клыкастое лицо своего мужа, что вы будете думать?

– Что он такой некрасивый потому, что мы в свое время не доедали тушеныыыые овощиии!

– Вот! – победно хмыкала Ба.

Она умудрилась внушить нам, что если оставлять за собой на тарелке еду, то будущий муж лицом будет напоминать объедки. И мы в это свято верили!

Самосовершенствование – процесс необратимый. А в условиях, приближенных к боевым, – еще и неизбежный. Поэтому мы с Маней находились в постоянном поиске каких-нибудь обходных путей, чтобы облегчить наше горькое существование. Бесконечно эволюционировали, если можно так выразиться.

Сначала мы просто ныли и прикидывались больными. Но Ба не дрогнула перед нашими мелкими инсинуациями и пригрозила добавкой. Тогда мы попытались, не вдаваясь в подробности, заглатывать овощи целиком. Но Маня подавилась кусочком картофеля и, если бы не вовремя подоспевшая Ба, то она таки добилась бы своего. Но Ба не дала Мане спокойно протянуть ноги, она могучим ударом в спину вернула ее к жизни, усадила обратно за стол и пододвинула тарелку.

– Прожевай тщательнее, – велела.

Наконец я придумала новый метод безболезненного поедания тушеных овощей.

– У тебя на нёбе есть такая точка, которую если мысленно отключить, то можно не чувствовать вкуса, – втолковывала я Мане.

– Покажи, где? – полезла она мне в рот.

– Ну вот смотри, где-то там есть такая точка, которую если отключить...

– А где твои гланды? – перебила меня Маня.

– Тебе гланды или точку? – рассердилась я.

– Точку! И гланды!

– Гланды удалили, когда мне было три года. А точку. Ну вот же она, – ткнула я пальцем куда-то себе глубоко в глотку, и меня чуть не вывернуло: – Буэ!

– Буэ, – с готовность откликнулась Манька.

– Этттто еще что такое! – зашла в кухню Ба. – На минуту отвлеклась, а вы уже устроили марафон, чей муж будет уродливее?

– Ба, а у Нарки гланды удалили в три года, – заюлила Маня.

– Не поешь овощей, и тебе удалим, ясно? И не забудь протереть до блеска свою тарелку!

– А я не собираюсь жениться! – заныла Маня. – Поэтому мне можно не есть овощи.

Ба глянула на внучку поверх очков.

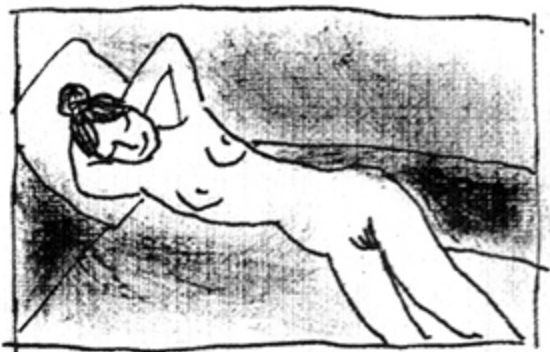
– Мария, если даже ты когда-нибудь решишь все-таки жениться, а не выходить замуж, то и это не спасет тебя от участи поесть сейчас тушеных овощей!

– Покажи еще раз, где там у тебя точка? – снова полезла мне в рот Маня.

– Если вы в течение пяти минут не съедите аджапсандали, то я вам обещаю, что кругом у вас будут одни только болезненные точки! – рывкнула Ба.

Мы молча взяли за ложки.

Как вам объяснить, чем отдают тушеные овощи? Возьмите школьный фартук, разрежьте его на полоски, заправьте мелом и скрипичным ключом. Добавьте двойки по алгебре и геометрии. Томите сутки в молоке с пенкой. Вот так уныло пахнут и выглядят тушеные овощи.

Но любому испытанию приходит конец. Минут пятнадцать мучений, нытья и закатывания глаз – и дело сделано, ненавистное блюдо плещется у нас в желудках.

– Ба, посмотри, какой у меня будет муж, – сунула Маня под нос Ба протертую до блеска тарелку, – скажи красавчик?

– Красавчик-красавчик, – хмыкнула Ба, – все извилины ему стерла!

– Какие извилины? – опешила Маня.

– Да шучу я, – отмахнулась Ба, – посмотрим теперь, какой у Нарки будет муж!

У Нарки муж получался не таким красивым, как у Мани. Нарка с раннего детства не дружила с тушеным луком, поэтому ее муж

грозились ходить всю жизнь с полукольцами лука на лице.

– Эх ты, – постучала костяшками пальцев по моей голове Ба, – ладно, так и быть, выручу тебя.

Она взяла кусочек хлебной корочки, протерла им тарелку и запихнула остатки тушеного лука в мой распахнутый от удивления рот.

– Ммыыые, – замычала я.

Ба ловко зажала пальцами мои ноздри. Мне ничего не оставалось, как наспех прожевать и проглотить остатки обеда.

– Потом мне спасибо скажешь, – буркнула Ба и убрала тарелки со стола.

– Ба, а можно мы пойдём к мсье Карапету? – выползли мы из-за стола.

Ба маялась совестью, и поэтому минут пять была особенно уязвимой.

– Можно, – со скрипом согласилась она, – только ненадолго, на полчасака всего, ясно?

– Ясно! – припустили к выходу мы. Нужно было успеть выскочить из дома до того, как Ба перестанет маяться совестью.

Мсье Карапет жил в большом, утопающем во фруктовых деревьях доме из белого камня. Второй этаж своего дома он превратил в просторную мастерскую, где писал удивительные по красоте картины. Мы с Маней любили, затаив дыхание, наблюдать за тем, как он работает. Мсье Карапет не возражал против нашего присутствия, наоборот, вел с нами долгие беседы «за жизнь» и поил горячим шоколадом из чашек тонкой ручной работы.

– А можно нам простые чашки? – попросила Маня в первый раз, когда мсье Карапет поставил перед нами поднос с горячим шоколадом и печеньем «Курабье».

– Почему? – удивился мсье Карапет.

– Мы обе косорукие и можем легко разбить такую красоту, – потупилась Манька. По тому, как уныло завалился набок Манин боевой чубчик, можно было догадаться, как сильно она волнуется.

– На то они и чашки, чтобы их бить, – улыбнулся мсье Карапет и этим завоевал наши девичьи сердца безоговорочно и навсегда.

Мсье Карапет был сыном чудом спасшихся от резни эрзрумских армян, которых корабль под французским флагом вывез в Нант. Среди нехитрого скарба, который в спешке успели забрать из своего

огромного имени родители мсье Карапета, был тяжелый, старинный пояс деда.

Первая волна эмиграции – потерянное племя. Родители мсье Карапета разделили горькую участь многих беженцев – они брались за любую работу, чтобы выбраться из беспросветной нищеты. Спустя десять лет, вместе с семьей русских переселенцев, они открыли кондитерскую «Toutoundjmn et Mогозь». Со временем кондитерская стала приносить неплохой доход.

Мсье Карапет родился и вырос во Франции, выучился на художника в парижской Национальной высшей школе изящных искусств, женился на француженке мадемуазель Жюли. В день свадьбы тикин Ануш, мама мсье Карапета, подарила своей невестке потемневший от времени старинный пояс.

– Это единственная память о дедe Карапета, храни его как зеницу ока, дочка, – сказала она.

Молоденькая Жюли повертела в руках кожаный, инкрустированный металлическими григорианскими крестами пояс, подивилась странному, обтрепанному подарку и задвинула его в дальний угол антресолей.

– Надо будет потом выкинуть это старье, – дернула она плечом. И благополучно забыла о подарке.

Мсье Карапет и мадам Жюли прожили душа в душу восемь счастливых лет. Она родила ему девочку Ани и мальчика Тарона. Как-то раз, во время уборки, мадам Жюли полезла в дальний угол антресолей и нашла свернувшийся змейкой старинный пояс.

Она вытащила его за металлическую пряжку, повертела в руках. «Тяжелый какой», – удивилась. Взяла маникюрные ножницы и поддела шов на кожаном брюхе пояса. Прогнившие нитки разошлись, и на пол посыпались золотые соверены с оттиском профиля английского короля Георга V и царские червонцы с профилем Николая II.

– Как они похожи, – изумилась мадам Жюли, сравнивая царственные профили на монетах.

– Каро! – поспешила она к мужу. – Каро!!!

Мадам Жюли была беременна третьим ребенком и шла очень осторожно – ступала боком и придерживала большой живот рукой. Но, видимо, радость от находки была столь велика, что в какой-то момент она прибавила шагу, запуталась в длинном подоле юбки и рухнула с

высокой лестницы вниз. Там ее и нашел муж – она лежала на спине, раскинув в стороны руки, с внезапно окаменевшим, ставшим колом животом, с распахнутыми глазами, а вокруг нее искрились россыпью золотые монеты.

Обезумевший от горя мсье Карапет бросил все свое имущество, оставил кондитерскую сыновьям Мороз, взял детей в охапку и с первой волной репатриации вернулся в Армению.

Он стремился туда, где, по рассказам родителей, находилась земля обетованная, он возвращался, чтобы пережить немилосердное, разом убившее в нем волю к жизни, горе.

– Карапет, – говорила тикин Ануш, ласково проводя по его щеке своей огрубевшей от постоянной тяжелой работы рукой, – ты не умеешь рисовать Арарат, потому что ты его никогда не видел...

– Карапет, – говорил ему отец, – когда-нибудь мы обязательно съездим домой, и ты поешь настоящих абрикосов.

– Вот я и дома, – мысленно обратился к давно умершим родителям мсье Карапет, спускаясь по трапу самолета в ереванском аэропорту, – я вернулся.

Он возвращался домой, а оказался в Советской Армении.

Сначала его долго подвергали идейной обработке сотрудники какого-то важного учреждения. «Кагебешники», – решил про себя мсье Карапет и брезгливо скривил губы. Потом, когда с бумажной волокитой было покончено, он наконец-то получил возможность поехать по городам теперь уже своей страны. Зрелище, открывшееся глазам мсье Карапета, ввергло его в ужас. Это была совершенно другая, отличная от рассказов его родителей, страна. Здесь школьники ходили в красных галстуках, на всех площадях возвышались статуи вождя революции, а в магазинах не хватало самых необходимых продуктов.

Он продал нумизматам несколько английских соверенов, которые вывез из Франции в поясе своего деда, и купил дом в затерянном высоко в холмах городке Берд.

– Чем дальше от центра, тем меньше кагэбэшников, – справедливо решил он.

Мсье Карапет дружил с моим дедом, таким же, как он, беженцем из Западной Армении. Только если родителей мсье Карапета корабль под французским флагом вывез в Европу, то моего деда спасли отступающие русские солдаты. Они вытащили его из-под груды зарубленных трупов – испуганного, вымазанного в чужой крови пятилетнего мальчика.

– Один из солдат завернул меня в свой тулуп, разжал зубы и влил туда немного вина, – рассказывал дед, – и приговаривал: «Голубчик, голубчик». А я ни слова на русском не понимал, только помнил, как мама говорила: русские – они хорошие, они обязательно нас спасут. И я вцепился руками ему в шею, этому русскому солдату, «рус, рус», – говорю я ему, а он мне в ответ – «голубчик, голубчик», и я почему-то решил, что его так зовут, и всю дорогу я его упорно называл Голубчиком. А в Эчмиадзине он меня сдал в наспех организованный при церкви сиротский приют, оставил мне все свои припасы, перекрестил и пошел дальше. И я никогда больше его не видел.

Уже потом, будучи при достаточно большой должности, дед пытался разыскать своего спасителя, но так и не смог его найти.

Мы с Маней очень любили ходить в гости к мсье Карапету. Он давно уже жил один. Ани и Тарон выросли, уехали в Ереван, получили высшее образование и осели жить в столице. Они звали отца к себе, но тот отказывался уезжать из Берда.

– Здесь так мало этого чудовищного советского вранья! – кричал он в телефонную трубку. Операторы междугородной связи каждый раз, наверное, падали в обморок, когда слышали антисоветчину, которую выкрикивал мсье Карапет. – Живите среди этих товарищей кагэбэшников и не трогайте меня!

– Папа, – всхлипывала Ани, – ты там совершенно один, и мы не можем к тебе часто приезжать...

– Я не один, дочка. Со мной мои картины, – успокаивал ее мсье Карапет.

* * *

Идти до дома мсье Карапета было минут пять неспешным шагом.

– После этих отвратительных тушеных овощей так и хочется какао, – мечтательно протянула Маня.

– Не какао, а горячего шоколада, – поправила ее я, – ты же помнишь, как правильно нужно называть этот напиток?

– Помню! Это я при тебе говорю какао, а при мсье Карапете буду называть его горячим шоколадом, – заверила меня Маня.

Скоро мы уже были на месте. Я хотела толкнуть калитку, но Маня схватила меня за руку.

– Подожди!

– Чего тебе?

– А парижская осанка?

– Ах да! – хлопнула я себя по лбу. – Парижская осанка!

Мы плотненько прижались спиной и пятками к забору, задрали к ушам плечи, завели их назад и плавно опустили. Постояли какое-то время, привыкая к «парижской осанке», и наконец отколупались от забора.

– Ну, как я выгляжу? – скопилась я на Маню.

– Шикиблеск! – шепнула уголком рта моя подруга. Она вышагивала так, словно аршин проглотила, и выглядела как истинная француженка.

Мы толкнула калитку и вошли во двор.

Шли рядышком, гордо задрав головы и отключив назад попы. Шеи были вытянуты сильно вверх, ключицы воинственно торчали вперед,

ноги мотались где-то далеко внизу и даже чуточку, кажется, позади. Обе от напряжения косолапили и дышали с большим напрягом.

– Я так долго не выдержу, – пожаловалась я Мане.

– Главное – до стульев добраться, а там можно и расслабиться, – подбодрила она меня.

Когда мсье Карапет открыл нам дверь, мы уже практически были на последнем издыхании.

– Здравствуйте, мадемуазели, – расплылся в улыбке мсье Карапет.

– Здравствуйте, – каркнули мы и шаркнули ножкой.

Мсье Карапет любезно посторонился, пропуская нас в дом. Мы прошли мимо него и напрямик направились на кухню.

– Хотите посмотреть мои картины? – поинтересовался нам вслед мсье Карапет.

– Нет! – выдохнули мы. – Нам бы чуточку за столом посидеть.

– Ну и ладно, – рассмеялся мсье Карапет, – тогда сделаю вам горячего шоколада.

– Хорошо, – милостиво согласились мы, сели за стол и наконец расслабили мучительную французскую осанку, – фух!

– Как у вас дела? Какие новости? – галантно поинтересовался мсье Карапет.

– Мы поели сегодня тушеных овощей!

– Какой ужас, – всплеснул руками мсье Карапет, – вы же их ели на той неделе!

– Так и мы о том же говорили Ба, но она не стала нас слушать! Нет чтобы картошечки пожарить, – пригорюнились мы.

Мсье Карапет сочувственно покачал головой. Потом он открыл холодильник и долго вглядывался в его содержимое, пытаясь вспомнить, что ему там надо было взять.

– Что-то в горле пересохло, – не вытерпела Маня.

– Ах да, молоко! – воскликнул мсье Карапет и вытащил из холодильника бежевый молочник. Он налил в эмалированный ковшик молока и поставил его на маленький огонь. Когда молоко разогрелось, он добавил туда плитку горького шоколада и две чайные ложки какао. Выставил на поднос вазочку с вафлями и сахарницу. Мы, затаив дыхание, следили за его движениями.

– Наринэ, вчера вечером я имел долгий разговор с твоим дедом, – нарушил молчание мсье Карапет.

Мы с Манькой переглянулись. Мой дед был партийным работником, идейным и кристально честным коммунистом, и всю жизнь верой и правдой служил стране, благодаря которой он, круглый сирота, беженец из Западной Армении, получил образование и смог устроиться в жизни.

– Если бы не русские, то нас бы уже давно не было, – любил повторять он.

– Ты не видел настоящей жизни, – мгновенно вскипал мсье Карапет, – и настоящих русских ты не видел!

– А ты видел! – вспыхивал в ответ мой дед.

– А я видел! Весь Париж был наводнен настоящими русскими! – бушевал мсье Карапет. – Настоящие русские уехали из этой страны после позорной революции, а здесь остались одни конформисты!

– И эти конформисты выиграла Вторую мировую войну! – восклицал дед. – Полетели в космос и придумали самолеты вертикального взлета!

Мы с Маней нередко присутствовали при этих перепалках и знали все аргументы противоборствующих сторон наизусть. Слово «конформисты» нас сильно пугало, и мы каждый раз втягивали головы в плечи, когда дед с мсье Карапетом начинали обзывать людей конформистами. Спросить, что это означает, нам не хватало смелости. «Убийцы, наверное», – предполагали мы.

Вот и сейчас, когда мсье Карапет сказал нам, что вчера имел разговор с моим дедом, мы сильно напряглись.

– Снова поссорились, – шепнула мне Манька.

– Ага, – пригорюнилась я.

– Мы поговорили о Стендале, – продолжал мсье Карапет.

«Красное и черное», – мелькнуло в наших головах.

– О Гюго.

– Поругались, великий он писатель или шарлатан.

– О Бунине.

– Восторгались.

– О Маяковском.

Маня вцепилась мне в руку.

– Сейчас скажет про Маркса, – шепнула она одними губами.

– «Капитал» обсудили.

Все! Можно было собирать свои манатки и уходить. Ясно было одно – вчера мой дед с мсье Карапетом рассорились в пух и прах. Потому что мы отлично знали, что после «Капитала» они переходили на Ленина, и тут начиналось самое страшное.

– Самозванец и убийца! – грохотал мсье Карапет.

– Великий мыслитель и запутавшийся человек! – не соглашался мой дед.

– Разбазарил наши земли!

– Восточную Армению спас!

– Расстрелял царскую семью!

– Он хотя бы имел смелость признавать свои ошибки!

И т. д. и т. п.

Нужно было срочно отвлекать мсье Карапета от опасных воспоминаний, а то, того и гляди, он передумает поить нас горячим шоколадом.

– А вы потом покажете нам картину, которую сейчас рисуете? – заблеяла я.

– Покажу, конечно, – легко отвлекся мсье Карапет и поставил перед нами поднос с дымящимися чашечками.

Мы с Маней взяли по вафле и обмакнули в горячий шоколад. Мсье Карапет поморщился.

– Некрасиво макать вафли в шоколад, – сказал он.

– А сухари? – живо поинтересовалась Маня.

– И сухари некрасиво. Вообще некрасиво что-либо макать в напитки.

– А моя прабабушка в своем чае нагревает помидоры, – пошла ва-банк я.

Мсье Карапет чуть не поперхнулся.

– Как это помидоры?

– Ну, я сама видела. Она сделала себе чаю, потом взяла помидор, сказала, что он холодный, и бросила его в чашку с чаем. А когда я спросила, зачем она это сделала, она сказала, что помидор все равно чистый, и чаю ничего не будет. Она вообще старенькая и много чего делает такого, от чего потом волосы на голове шевелятся!

Мсье Карапет закрыл глаза и сделал такое выражение лица, словно у него резко разболелся зуб.

Пока он сидел с закрытыми глазами, Манька быстро допила свой шоколад, протерла коричневые усы ладонью и облизала ее. Я задыхнулась от восторга – надо же, какая у меня подруга догадливая, вот как можно получить еще больше горячего шоколада! Но последовать ее примеру я не смогла, потому что мсье Карапет оправился от шока и открыл глаза. Пришлось допить шоколад по всем правилам этикета, и даже последний протяжный «фьююють», которым я осушила чашку, не утешил меня – шоколадные усы пришлось вытереть салфеткой.

Потом мы встали из-за стола и поблагодарили мсье Карапета за угощение.

Он повел нас в свою мастерскую и показал картину, которую писал. Это был портрет очень красивой женщины. Она сидела в кресле, на коленях ее свернулся калачиком рыжий кот, она улыбалась одними уголками губ и смотрела куда-то нам за спину. Взгляд ее был таким живым и пронизательным, что мы обернулись посмотреть, чего она такого интересного увидела за нашими спинами.

– Шикиблеск! – выдохнула Манюня.

– Ага, – с трудом кивнула я. Мы снова вытянулись во «французскую осанку» и дико страдали от этого.

– Спасибо, – улыбнулся мсье Карапет и вытащил с полки большой альбом, – сегодня мы будем знакомиться с Модильяни.

В каждый наш визит мсье Карапет рассказывал нам о художниках, показывал их работы и объяснял технику рисования. Мы мало чего понимали в том, что он нам объяснял, и уроки эти воспринимали как данность, считая их неизменным приложением к горячему шоколаду.

– Вот покупаешь в магазине мясо, а тебе еще сверху костей накидают, – объясняла я Маньке, – такая же история и с мсье Карапетом. Попили горячего шоколада – пожалуйста послушать про Пик... Пикассу!

– Не Пикассу, а Пикасса, – поправляла меня Манька, – страшный человек, все на кубики раздробил.

– А эта странная тетка? Как ее там, «Любительница асбеста»?

– Не говори! Какой нормальный человек станет есть асбест? – разводила руками Манька.

Модильяни нас поразил до глубины души. Сначала мсье Карапет напугал нас словом «экспрессионизм».

– Икс... чего? – шепнула мне Манька.

– Пырсонизм какой-то.

– С ума сойти!

Потом мсье Карапет показал нам голых женщин. Они лежали на кушетках и выставили на всеобщее обозрение пышные груди и треугольнички волос на срамных местах.

– Нью, – втолковывал нам мсье Карапет, – Модильяни – первый певец обнаженного женского тела.

Мы с Маней усиленно отводили глаза.

– Вот что такое ню! – сконфуженно протянула я.

– Тьфу, срамотища, – рассердилась Манька.

А потом мсье Карапет показал нам портреты жены художника. Она нам очень понравилась – у нее были светлые, чуть раскосые глаза, рыжие волосы и длинная-предлинная шея.

– Он сильно любил ее, поэтому оставил так много ее портретов, – сказал нам мсье Карапет.

Внезапная догадка пронзила наши сердца. Мы подняли головы от альбома и окинули взглядом мастерскую. Почти со всех полотен мсье Карапета на нас смотрела одна и та же женщина. У нее были каштановые вьющиеся волосы, она улыбалась одними уголками губ и смотрела чуть рассеянно нам за спину.

– Вы тоже очень любили свою жену, да? – спросила Маня.

Мсье Карапет обернулся к своим картинам, вздохнул.

– Я до сих пор ее люблю, – глухо вымолвил он. Он тяжело встал и подошел к окну, и мы вдруг сразу осознали, какой он старенький и одинокий.

– Ты его расстроила, – шепнула я Маньке.

– Я не хотела!

Манька встала, пригладила ладошкой боевой чубчик, подошла к мсье Карапету и, как в дверь, постучалась ему в спину согнутым пальцем.

– Вы извините меня, я не хотела вас расстраивать, – сказала она.

– Ну что ты, детка, – обернулся к ней мсье Карапет, – ты меня ничуть не расстроила.

– А я бы на вашем месте все-таки расстроилась, – глянула на него укоризненно снизу вверх Манька, – и долго потом бы горько плакала.

Я вскочила с места.

– Нам пора! – Нужно было уводить Маню до того, как она доведет до слез мсье Карапета.

– Приходите еще, – улыбнулся нам мсье Карапет.

– Обязательно придем, – заверила его Манька, – у вас такой вкусный горячий шоколад!

– Хахахааааа, – затрясся в смехе мсье Карапет, – вот она, детская непосредственность!

– И картины у вас замечательные, – поспешно добавила я.

Мы сбежали вниз по лестнице и вышли на улицу.

– Мань, ну ты даешь! Зачем ты ему про горячий шоколад сказала? Теперь он подумает, что мы только за этим к нему и приходим!

– А за чем еще? – спросила Манька.

Мы крепко задумались.

– За икспырсонизмом, что ли? – неуверенно спросила я.

Манька вздохнула. Заправила мои волосы за уши и, склонив голову набок, долго разглядывала меня.

– Ты чем-то даже похожа на жену Мудульяно, – протянула она задумчиво.

– Чем?

– Глаза такие же. Светлые и смотрят в разные стороны, – заключила Манька.

– Спасибо, – растрогалась я.

Что может быть желаннее хорошего комплимента от любимой подруги? Практически ничего. Если только еще одна чашечка горячего шоколада!

Глава 22. Манюня чистит помидоры, или Как папа дядю Игоря от депрессии лечил

С началом осени в нашем городке наступали беспокойные времена – в бакалее заканчивался сахар, огромные очереди к овощным прилавкам ввергали в ступор редкого иноземного туриста, чудом забредшего в наши края. Берд напоминал большой муравейник: люди озабоченно куда-то спешили, а к вечеру тащили домой большие коробки и мешки, набитые до отказа продуктами.

Объяснялось это светопреставление очень просто – измученный дефицитом советский люд делал запасы на зиму. Мужчины

договаривались со знакомыми председателями колхозов и везли с полей добытые трофеи – мешки с картофелем, капустой, морковью и другим полезным подножным кормом. Женщины закатывали на зиму банки с баклажанной икрой, лечо и аджикой, варили разнообразные повидла, джемы и компоты. Из соседнего Красносельского района выдвигались молоканские гонцы – принимать заказы на соленья. Недельки через три они привозили шинкованную, припорошенную алыми ягодами брусники капусту, моченые яблоки, острые маринованные перчики и всякую другую вкуснотень.

Рослые, немногословные молокане, все как один в домотканых рубахах, в заправленных в высокие голенища сапог брюках, споро продавали привезенные соленья, принимали новые заказы и уже к вечеру уезжали обратно в Красносельск.

Осень свирепствовала изо всех сил – фруктовые сады и огороды плодоносили с таким остервенением, что у людей ум за разум заходил в постоянных раздумьях, на что бы еще пустить щедрые дары природы.

В темных, холодных погребах, в специальных дубовых бочонках бродило золотистое домашнее вино. Молодое и игристое, оно имело одну коварную особенность – не обладало ярко выраженным спиртовым вкусом. Неискушенный дегустатор мог опрометчиво выпить бокалов пять такого вина, сохраняя при этом полную ясность ума. Но потом резко наступало опьянение – ножки отказывались идти по дорожке, а язык заплетался так, что даже мычание давалось с невероятным трудом.

Во дворах, под открытым небом, в специальных аппаратах гналась знаменитая на всю республику семидесятиградусная кизиловая водка.

Специальный аппарат – это, конечно, громко сказано. Ничего общего со знакомым нам из карикатур самогонным аппаратом сей ветхозаветный монстр не имел. Это был большой металлический конструктор, состоящий из нескольких, казалось, совершенно несовместимых частей. Собирался он, как это ни удивительно, достаточно легко, размерами напоминал сошедший со шпал локомотив, круглые сутки доходил на маленьком открытом огне и по капле сцеживал прозрачную, зубодробительную водку. Почему зубодробительную – потому что редкому иноземному гостю удавалось

обойтись без реанимационных мероприятий после того, как он выпивал бутылочку такой кизилочки.

Так как водку гнали в строго определенный период времени, а город наш находился в низине и со всех сторон был окружен невысокими холмами, то дух над домами стоял такой, что птицы пьянели на лету, а солнце отказывалось уходить за линию горизонта.

После «водочной страды» наступала пора вялить ветчину. Для домашней ветчины у знакомого мясника покупалась специальная, подернутая тонкими прожилками жира свинина. Чаще всего на эти цели пускался окорок. Мясо обрабатывали специями, обильно солили, начиняли чесноком и оставляли под гнетом на день-второй. А потом его вялили в специальных печках на ветках можжевельника, и аромат над городком витал такой, что у жителей с утра до ночи текли слюнки.

В принципе, по одному только запаху, витающему над Бердом, можно было легко определить сезон года. Весна пахла пасхальным столом – молодой зеленью, отварной рыбой и крашеными яйцами, лето – клубничным, абрикосовым и ореховым вареньем, а осень... ммм... осень пахла счастливым сном Гаргантюа. Потому что после ветчинного аромата наступал коричне-ванильный – хозяйки фаршировали сухофрукты смесью из разных сортов жареных орехов, посыпали корицей и ванилью и убрали куда-нибудь подальше от детских глаз. Иначе такие сладости грозились не дожить до новогодних праздничных столов. На больших подносах исходили умопомрачительным ароматом карамелизированные в сахарном сиропе груши и персики. В прохладных, хорошо проветриваемых помещениях «доходили до кондиции» длинные сосульки чурчхелы.

Приезжали гонцы из Грузии – привозили прославленные грузинские специи и соусы. Специи покупались впрок и хранились в стеклянных банках. Ароматными соусами до отказа забивались холодильники. Потому что, скажите на милость, как можно есть запеченную до хрустящей корочки утку, если она подается без норшараба? Или севанский ишхан, если его не полили кисленьким ткемали? И может ли считаться «правильной» новогодняя толма, если ее фарш не облагородили щепотью-другой хмели-сунели?

Ну что же, пора переходить к нашей истории. А то я что-то совсем разговорилась, вспоминая нашу осень...

Однажды, в такую благословенную закаточно-заготовочную пору, отец получил письмо от своего бывшего однокурсника и замечательного друга дяди Игоря.

– Что еще могло случиться? – напрягся он.

Дело в том, что дядя Игорь развелся с женой и крайне тяжело переживал разрыв. Периодически, когда боль становилась совсем невыносимой, он писал моему отцу длинные душещипательные письма. Отец потом полдня ходил мрачнее тучи и придумывал другу бодрый ответ. Вот и сегодня, получив письмо от дяди Игоря, он посуровел лицом, взял сигареты, налил себе кофе и ушел на балкон читать.

«Жизнь для меня потеряла смысл, – писал дядя Игорь, – и я не знаю, когда смогу еще раз полюбить».

– Хех, – крикнул отец.

«Завел интрижку с медсестрой из хирургии. Не помогло».

– Однако!

«Подобрал во дворе трехцветного кота. Назвали Лжедмитрием, коротко – Лужей. Жрет, как прорва, гадит исключительно мне в носки. Не поддается дрессировке».

– Эхма, – почесал в затылке папа.

«Попал в аварию, погнул крыло "Запорожца"».

– Уффф...

«А теперь еще новая напасть – мало того что Оля ушла, так еще не дает с дочерью общаться».

– Твою мать! – отец как ошпаренный выскочил из дому.

– Что случилось? – крикнула ему вдогонку мама.

– Все беды от вас! – проорал в замочную скважину отец.

– Ты куда? – высунулась в кухонное окно мама.

Папа ничего не ответил. Он мчался с таким остервенелым выражением на лице, словно где-то за углом немилосердно строчил вражеский пулемет, и ему срочно надо было заткнуть его дуло своей грудью.

Мама обескураженно обернулась к нам.

– Что случилось?

– Мы здесь ни при чем, – на всякий случай открестились мы.

Тем временем папа, сверкая очами, диктовал на почте молнию.

«Приезжай зпт мы тебя вылечим тчк ждем вскл знк».

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Сообщи размеры брюк зпт возьму тебе кримпленовые тчк что нужно девочкам впрс знк».

– Нарке пальто, у Каринки сапоги зимние прохудились, – кинулась перечислять обрадованная мама, – пусть Игорь еще детского питания привезет, а то «Малыш» в магазинах только гречневый, а Сонечка его не любит.

– Агрррх, – дыхнул огнем папа и умчался на работу.

Мама кинулась к телефону.

– Тетя Роза, Игорь должен приехать, вам из Москвы ничего не надо?

– Как не надо, Надя, носи ручку, сейчас список составим. Мы же не бесплатно, мы же все деньги вернем!

Итого к тому моменту, когда папа пришел с работы на обеденный перерыв, список разросся до угрожающих размеров.

Чего только там не было! И шерстяной костюм для дяди Миши, и мохеровая пряжа 20 мотков, и новый смычок для Маниной скрипки, и комплекты постельного белья (пять шт. односпальные, две шт. двухспальные), и специальные компрессионные противоварикозные гольфы для Ба (лучше сразу несколько пар).

– Юра, а как ты думаешь, удастся Игорю достать разъемную форму для выпечки? – ходила со списком в руках за папой мама. – И можно попросить у него какие-нибудь красивые елочные украшения?

Папа молча забрал у нее список и спрятал в карман.

– Хорошо, – подозрительно миролюбиво буркнул он.

После работы зашел на почту и отбарабанил другу телеграмму:

«Ничего не надо зпт приезжай зпт ждем нетерпением тчк».

В ожидании убитого горем гостя мама развернула кипучую деятельность.

– Не стану же я при Игоре возиться с заготовками да сутки напролет стерилизовать банки, – резонно заметила она, – нужно успеть все сделать до его приезда.

И дома начался ад. На нас с Каринкой была возложена куча обязанностей, которые мы беспрекословно должны были выполнять. Например, по первому маминому зову мы притаскивали из подвала стеклянные банки, в которые потом закатывался очередной кулинарный шедевр.

– Мне нужны четыре двухлитровые и три трехлитровые банки, – втолковывала нам мама.

– Мам, двухлитровых такие, а трехлитровых такие? – показывали мы руками приблизительную высоту банок.

– Да, и не перепутайте!

Легко сказать – не перепутайте. Пока доберешься до подвала – в голове уже все благополучно перепуталось. Итого мы с сестрой, пошарив по всем полкам, приволакивали домой совсем другие банки.

– Я вам какие банки сказала принести? – ругалась мама.

– Такие и такие, – показывали мы руками.

– А вы что принесли?

Мы, грохоча банками, плелись обратно в подвал.

В наши обязанности также входило мытье в семи водах овощей и фруктов. А далее все за нас решал фатум. Если в этот день мироздание поворачивалось к нам передом, то мама с благословенными словами: «Дальше я сама справлюсь», – отпускала нас поиграть во двор, а если нет, то сажала за работу.

Помогали мы ей с большой неохотой.

– Маааам, – ныли мы, – нормальные дети играют во дворе, а ты нас заставляешь заниматься такой ерундой!

Но мама оставалась глухой к нашему нытью.

– Нужно успеть до приезда Игоря! – как заклинание, повторяла она.

Каждые пятнадцать минут в нашей квартире раздавался телефонный звонок.

– Але-о, – вздыхала в трубке Манька, – ну что вы там делаете?

– Чистим печеные баклажаны, а ты?

– Ба ошпарила помидоры и заставляет сдирааааать с них шкуру!

– Много?

– Очень много. Стомиллон кило, наверное.

– А выйти поиграть успеешь?

– Мария! – рвал в клочья наши барабанные перепонки грозовой рокот Ба. – Выпорю, если сейчас же не возьмешься за дело.

– Я пошла, – шептала в трубку Манька, – потом еще позвоню! Самым большим испытанием для нас была не возня на кухне, а покупка овощей. Так как Сонечка была очень маленькой и мама боялась оставлять ее одну, то очередь в магазине выстаивали мы.

Поход в овощной был для нас сущим наказанием, и мы всячески пытались игнорировать эту нашу обязанность. Впрочем, безуспешно. Потому что мама придумала свой коварный метод, как заставить нас безропотно идти в магазин. Сначала она отпускала нас поиграть во двор. Усыпляла таким образом нашу бдительность. Через какое-то время наступал час расплаты.

– Дети! – подзывала нас сладкоголосой птицей мама. – Подойдите к балкону.

– Мам, мы в магазин не пойдем.

– Подойдите, сказано вам! – В мамином голосе проскальзывал металл. Делать было нечего, мы плелись к балкону. Опыт совместно прожитых с мамой лет свидетельствовал – лучше ей не перечить. Потому что рука у мамы тяжеленная, да и скорость у нее, как у заправского эфиопского бегуна. От такой далеко не убежишь! – В овощной привезли баклажаны. Вот вам три рубля, возьмите мешок. – Она вероломно кидала нам под ноги деньги и спешно ретировалась в квартиру.

– Аааааааа, – бесновались мы, – мааааааааа, какие баклажаны, какой мешок! Никуда мы не поидеooooм!

Стук захлопнувшейся балконной двери возвещал нам, что разговор окончен. Мы подбирали деньги и под гогот наших друзей со двора плелись в овощной.

– За что нам наказание такое?! – ругалась Каринка. – Все дети как дети, по дворам бегают, а нам целый час в очереди торчать, а потом еще домой баклажаны волочь! А если кто-нибудь нас с авоськами увидит?

– Ааааа, оооо, – выла я.

Час-полтора пребывания в очереди не шли ни в какое сравнение с тем позором, который приходилось переживать, когда мы волокли покупки домой. Потому что по закону подлости навстречу обязательно попадался какой-нибудь нежелательный одноклассник, который при виде сетчатых авосек с торчащими оттуда баклажанными хвостиками или кочанами капусты кривил рот, плелся следом и хихикал всю дорогу нам в спину.

– Поймаю – убью, – шипела ему Каринка.

– Ты сначала поймай, – корчил рожицы зловерный мальчик, – зачем вам столько капусты, кроликов завели?

– Тебя спросить забыли, – топала ногами Каринка, – уйди, говорят тебе, пришибу!

– Гыгыгы, шикарно смотрите, – не унимался молодой любитель острых ощущений.

Каринка бросала авоськи посреди дороги и кидалась на обидчика с кулаками. Я терпеливо ждала, пока она скрутит и покалечит его.

Потом она возвращалась, и мы плелись дальше. Так как тяжести мама нам запрещала таскать, то мы оставляли овощи за прилавком у продавщицы и переносили их в несколько приемов. Опасность встретить зловерного одноклассника в этом случае возрастала в разы!

Вот и в этот день судьба не пощадила нас – позвонила Ба и сказала, что в овощном продают красный болгарский перец.

– Сделаю аджику, – обрадовалась мама и полезла за кошельком.

– Нееет, – заныли мы.

– Да! – сказала мама, всучила нам деньги, снабдила трудовыми авоськами и вытолкнула за дверь. – Манюня уже там, Ба и ее отправила в магазин.

Возле овощного змеилась длинная крикливая очередь.

– Девочкииии, я тут, – помахала нам Манька.

Мы с невероятным трудом протиснулись к ней.

– Привет, – шмыгнула носом Манюня, – здорово, да? Смотрите, что с моими руками.

Она выставила ладошки и показала скукоженные подушечки пальцев.

– Видали?

– Ого! – выдохнули мы. – Такого даже после долгого лежания в горячей ванне не бывает.

– Это я так помидоры чистила, – похвасталась она, – целое ведро начистила!

Я хотела показать ей свои руки, но Каринка дернула меня за капюшон куртки:

– Смотрите, смотрите!

– Чего? – вытянули мы шеи.

Вдоль очереди шла Маринка из тридцать восьмой квартиры. Маринка как Маринка, мы ее не первый день знали и даже дружили с нею. Девочка она была хорошая, компанейская, не раз делилась с нами своими жвачками – давала каждой пожевать чуть-чуть. Мы даже как-то с нею придумали пустить на эти цели парафиновую свечу. Отпилили по кусочку и стали вдумчиво ее жевать. Свеча обладала отвратительным привкусом, но быстро размякла во рту и отдаленно напоминала жеваную-пережеваную жвачку. Ба потом за это содрала с нас три шкуры, и мы больше не решались ставить над собой такие эксперименты. Но общее преступное прошлое сблизило нас еще больше.

Маринка шла вдоль очереди, не обращая ни на кого внимания, и держала в вытянутой руке какую-то восхитительно прекрасную штуковину. Мы еще не знали, что это за штуковина, но моментально захотели себе такую же.

– Марии-ин, – позвали мы, – а что это у тебя?

– КОНФЕТА НА ПАЛОЧКЕ СО ВКУСОМ КЛУБНИКИ, – сказала Маринка.

– Чивой? – не поверили мы своим ушам.

– Грю: кон-фе-та! Со вкусом клубники! На палочке! – Маринка развернула прозрачную, хрусткую обертку, лизнула конфету и завернула ее обратно.

Мы потеряли дар речи. Стояли какое-то время в ошеломлении, дружно испепеляя розовое клубничное чудо алчным взором.

– Вкусная? – пришла в себя Каринка.

– Угум, – Маринка демонстративно еще раз лизнула конфету, – мне ее тетя привезла. Конфета-то импортная, чешская!

– Из Чехии? – решила блеснуть эрудицией Манька.

– Ну да, из Чехол... Чехосол... из Чехии, ага.

– И сделали ее чеши, да? – не унималась моя подруга.

– Ну конечно чеши, кто же еще, – пожала плечами Маринка.

Никогда в жизни мы не видели столь прекрасной конфеты – она была кругленькая, большая, блестящая, на тоненькой желтой палочке.

– Марии-ин, – заблеяли мы, – дай попробовать!

– А что мне за это будет? – не растерялась Маринка.

– Могу отдать свой блокнотик с ромашкой на обложке, – предложила я.

– Пф, он почти весь исписан!

– Ободок с божьей коровкой, – предложила Манька.

– Неее, у меня от ободков голова болит.

– Я знаю! – осенило меня. – Скоро к нам в гости приедет дядя Игорь, он обязательно привезет вкусных московских конфет. Я тебе дам целых три штуки!

– Пять, – не дрогнула Маринка.

– Шесть, и каждая из нас лизнет конфету по два раза!

– Идет!

Она развернула конфету и отдала ее мне. Я осторожно лизнула ее и передала сестре. Маринка строго следила, чтобы никто не лизнул ее конфету лишний раз.

– Мммм, – замычали мы, – вкусно-то как!

Потом мы убедили Маринку постоять с нами за компанию в очереди. Она убрала от греха подальше в карман конфету и стала развлекать нас рассказами о своем старшем брате.

– Когда он делает уроки, то постоянно ковыряется в носу и ест свои козявки!

– Фууууу!

– И спит всегда в носках, даже в летнюю жару их не снимает. Придет домой в грязных носках и ляжет спать.

– Фууууу!

– А еще он как-то мылся в ванной и забыл закрыть дверь на защелку. А я туда вошла!

– И чего? Ты видела его писюн?

– Нет, он повернулся ко мне спиной. Но я видела его попу! Она у него в прыщах! И спина тоже!!!

– Фууууу! Бедненькая!!! Какой ужас!

В знак благодарности за сочувствие Маринка позволила нам лизнуть конфету еще по разочку.

Потом мы купили перцы и разошлись по домам. По дороге нам повстречались два моих одноклассника. Одного Каринка поколотила, а второго не смогла догнать – он занимался легкой атлетикой и бегал даже лучше, чем наша мама.

А через две недели приехал дядя Игорь. И привез нам в подарок «Брауншвейгской» колбасы, печенья «Юбилейное» и шоколадных конфет «Красная шапочка». Мы честно отдали Маринке обещанные шоколадки, и она пошла домой дразнить брата своим богатством. А брат скрутил ее, отнял все конфеты и съел. И Маринка пришла к нам вся зареванная и предложила поменять палочку и обертку от чешской конфеты еще на одну шоколадку. Мы потом содрали с обертки золотистую этикетку и чуть не покалечили друг друга, потому что каждая хотела забрать ее себе. Победила, конечно же, Каринка и полгода потом важно ходила с этикеткой «Сделано в Чехословакии» на школьном ранце.

А дядю Игоря папа вылечил. Ну как вылечил – позвонил дяде Мише и сказал:

– Игорь приехал.

Вот.

Дядя Миша тут же примчался. С трехлитровой бутылкой кизиловки наперевес. Мужчины быстренько нарезали себе бутербродов и засобирались на рыбалку под девизом: «Чтобы ни одной бабы в радиусе километра не было». Дяде Игорю хотели взять «Пшеничной», но он обиделся, мол, что вы домашнюю водку пьете, а мне государственную подсовываете.

– Игорь, что армянину хорошо, то русскому смерть, – честно предупредил его папа.

– Ничего не знаю, – уперся дядя Игорь.

– Ты понюхай сначала, а потом проси, – откупорил бутылку дядя Миша.

– Бррр, – ткнулся носом в бутылку дядя Игорь, но не сдался.

– Игорь! – сделал последнюю попытку вразумить друга папа.

– Юра? – не согласился дядя Игорь.

– Ну как хочешь.

Потом папа с дядей Мишей загрузили в Васю удочки, припасы и убитого горем московского гостя и поехали на озеро запивать рыбалку водкой.

Вернулись поздно ночью. Долго спорили на пороге, имеет ли значение, как вносить дядю Игоря домой – вперед ногами или вперед головой. Итого втащили его боком, уложили на кровать и всю ночь выхаживали. К утру они его реанимировали, но еще дня два дядя Игорь был очень слабеньким и питался исключительно гречневым «Малышом» и куриным бульоном.

Мама кормила его с ложечки и сильно жалела.

– Игорь, ну зачем ты послушался этих ненормальных и выпил кизиловки? – качала головой она.

– Я ж не знал, – заикался дядя Игорь, – я и предположить не мог, ЧТО это такое! Это же ужас какой-то! Второй день от собственной отрыжки обратно пьянею!

Он улетел через неделю.

– Вернусь в Москву, возьму еще одну недельку за свой счет, съезжу в санаторий поправлять печень, – пообещал на прощание.

– Приезжай к нам еще, – обнял друга папа.

– Спасибо, – растрогался дядя Игорь, – обязательно приеду. Дайте только мне время от этой поездки отойти.

Через месяц папа получил письмо.

«Приучил Лужу какать в унитаэ», – хвастался дядя Игорь.

– Ну! – крякнул отец.

«Продал "Запорожец". Чуть поднакоплю – куплю "копейку"».

– Вот это разговор, – одобрил папа.

«Завел интрижку с медсестрой из массажного кабинета. Вылечил радикулит».

– Хех! – потер поясницу отец.

«Дочка в выходные ночевала у меня. Пожарила картошки, спалила проводку. Ты знаешь, Юра, я счастлив!»

У папы на глаза навернулись слезы.

«Вылечил-таки», – с гордостью подумал он.

Потом профилактически нахмурился и обернулся к маме:

– Жена, или ты каждый вечер делаешь мне массаж спины, или пеняй на себя.

– Тебе даже массаж извилин не поможет, – не осталась в долгу мама.

Глава 23. Манюня читает польский журнал мод, или Откуда у дяди Миши растут руки

Все началось с того, что Манюня сломала отцовскую электробритву. Бритва была импортная, очень красивая и называлась «Браун». Дядя Миша давно о такой мечтал и, махнув рукой на экономию, купил у фарцовщика Тевоса за большие деньги.

– Ничего не «Браун», – фыркнула Манька, заглянув в футляр, – какая-то непонятная штуковина. Железная. С проводом. Тоже мне «Браун». Папа, а что такое «Браун»?

– Это название фирмы, – объяснил дядя Миша, – такие бритвы долго служат. Всю жизнь. И главное – они совершенно безопасные.

– То есть ты уже по утрам не будешь ходить с кусочками туалетной бумаги на лице? – обрадовалась Манюня.

– Не буду.

– Сына, это не аргумент. У тебя руки растут из того места, где у других, хм, заканчивается кишечник. Тебе «Брауном» пораниться – раз плюнуть, – фыркнула Ба.

Дядя Миша молча захлопнул футляр электробритвы и унес к себе в комнату. Крыть ему было нечем. Потому что на днях он снова отличился – сорвал со стены навесной кухонный шкафчик и буквально обрушился с ним на пол. А всего-то надо было затянуть шурупы на разболтавшейся дверце.

Ба потом извлекала своего горемычного сына из-под всевозможных обломков и ругала страшными словами. А дядя Миша отплеывался осколками чешского сервиза и бурчал, что табуретка убежала из-под ног, и ему пришлось повиснуть на шкафчике, чтобы не упасть.

Теперь на месте порушенного шкафчика красовалась репродукция васнецовской «Аленушки», и Ба, всякий раз цепляя ее взглядом, начинала кипятиться.

– Нечего мне больше делать, как любоваться твоей унылой рожей! – отчитывала она Аленушку. – И это потому, что кое у кого руки не тем концом к телу приделаны!

Если честно, я перепутала хронологию. Все началось не с электробритвы «Браун» и даже не с порушенного шкафчика. А с того, что Маринке из тридцать восьмой квартиры подарили журнал мод. Польский. С красивыми белокуроыми девушками на каждой странице. Девушки демонстрировали изысканные наряды, улыбались накрашенными губами и казались сказочными принцессами. Маринка показывала нам журнал издали, не позволяя прикасаться к нему руками. «А то мало ли, – приговаривала, – может, у вас руки грязные и вы испачкаете страницы. Или помнете», – не дрогнула она, когда мы продемонстрировали ей чистые руки.

Мы ахали и охали, разглядывая с безопасного расстояния журнал, и мечтали превратиться в польских красавиц. И глядеть томно, чуть отставив в сторону ногу, так, чтобы коленка выглядывала в разрезе платья.

– Шикиблеск, – вздыхала Манька.

– Ага, – трепетали мы.

Только Каринка сказала, что мы дурочки и ничего не понимаем в женской красоте.

– Разве это красавицы? Вот Изольда Саакян – красавица, а в этих девицах ничего такого, кожа да кости!

Мы молча переглянулись. Изольда Саакян была чемпионкой нашего города по борьбе и легко побеждала всех соперников, которые попадались на ее спортивном пути. Причем во всех весовых категориях. И даже своего тренера Валерия Станиславовича она умудрилась на одном из занятий покалечить. Тренер потом месяц лежал в гипсе, а после ездил в санаторий, поправлять здоровье. Изольда все это время ходила понурая и бубнила, что это она нечаянно, просто «Валерий Станиславич сам полез на рожон».

Поэтому спорить о красоте Изольды мы благоразумно не стали – никому из нас не хотелось целый месяц лежать в гипсе.

– Она тоже очень красивая, – дипломатично заявила Маринка и принялась пересказывать содержание одной статьи из польского журнала. Статью Маринке перевела ее тетя, которая была очень умной и владела семью иностранными языками.

– Ни одна уважающая себя девушка не потерпит на себе лишних волос, так здесь написано, – рассказывала Маринка.

– А чего они делают? Бреются, что ли?

– Вот этого я не знаю, но сама видела, как мама бреет ноги. Папиной бритвой. А папа потом орал, что это негиг... негегек... ни... гигично, а мама говорила, что она свои ноги моет чаще, чем папа лицо. Так что это еще вопрос, кому что ни. гигично.

– А что такое ни. гигично?

– Не знаю. Может, зараза какая-то? – вздохнула Маринка и почесала ногу. – Может, и я уже болею?

Мы испуганно переглянулись, но отодвигаться от нее не стали. Потому что если бы мы отодвинулись еще дальше, то журнал пришлось бы в бинокль рассматривать.

– Ну, моя мама тоже бреет ноги, и тети тоже, – пожала я плечом. – Но над верхней губой у тети Жанны, например, растет пушок. Вот тут, – я потыкала пальцем у себя под носом, – и чего, его тоже надо брить?

– Не показывай на себе, а то сама станешь усатой, – хлопнула меня по руке Манька.

– Конечно, надо брить, – Маринка убрала журнал в мятый целлофановый пакет, – подумайте сами – это ведь очень стыдно, когда ты девушка, а у тебя кругом волосы торчат!

– А моя Ба не бреет ноги, – вздохнула Манька, – волос на ногах у нее совсем мало, но иногда попадаются такие длинные! Даже у папы на груди нет таких длинных волос! Я как-то пыталась выдрать один, но Ба дала мне по шее и сказала, чтобы я так больше не делала. Это потому, что ей было очень больно.

– Скажешь тоже, – фыркнула Маринка, – во-первых, твоя Ба не девушка. Так? Так. А во-вторых, ноги-то внизу, и их особо не видно. Вот у моей бабушки такие усы, что папа ее за глаза Чапаевым называет. Так и говорит маме – звонил Чапаев. Или Васильевич. А мама говорит, что тогда его мама вообще Карламакс.

– Кто-кто?

– Карламакс. Старик с бородой, мне брат его портрет показывал. Волосатый – жуть!

И мы торжественно поклялись на польском журнале никогда не становиться такими волосатыми, как Карламакс.

Вот.

А потом уже дядя Миша своротил шкафчик на кухне. И Ба долго не могла его простить и ежечасно перечисляла свои потери:

– Сервиз кофейный, чешский. Который я из Новороссийска привезла. Фая Жмайлик сутки простояла в очереди, чтобы раздобыть два таких сервиза! А ты его за одну секунду угрохал, дундук ты непролазный! Опять же керамические статуэтки из серии «Народы Советского Союза». Разбил узбечку с косичками, киргизского чабана с овцой и молдаванку с кувшином на плече! А главное, – здесь Ба переходила на ультразвук, – молочник белый загубил! А это была единственная память о твоей бабушке!!!

Дядя Миша виновато шевелил бровями и проводил свой досуг под капотом Васи. Домой он заходил только по крайней необходимости – поест там или поспать. Опять же воровато смотрел спортивный выпуск программы «Время», опустив звук до минимума и придвинувшись впритык к экрану. И прятал от греха подальше свой «Браун» в самых непредсказуемых местах. Например, в коробке из-под

Маниных зимних сапог. Чтобы Ба в порыве гнева не выкинула его в окно. Зато теперь он брился с невероятным наслаждением и очень хвалил свою электробритву. Делал губами О или У, выдвигал то в одну, то в другую сторону челюсть и водил по лицу жужжащим станком. Манька стояла рядом, любовалась отцом и машинально повторяла его гримасы.

А потом Манька отравилась. То есть совсем. До рвоты и температуры. Травиться, правда, она не собиралась, просто переела маринованной свеклы. И от непривычной еды у нее взбунтовался желудок.

Произошло это вот как.

Недавно у соседки Ба, тети Вали, родился внук Петрос, и тетю Валью словно подменили. Если раньше она постоянно со всеми конфликтовала и слыла очень злобной и глазливой женщиной, то теперь она превратилась в добрую бабушку. Она души не чаяла во внуке, с удовольствием возилась с ним и на радостях помирилась со всеми своими заклятыми врагами. В том числе и с врагом номер один – Ба. Если раньше и недели не проходило без взаимных оскорблений и склок, то сейчас между ними воцарился мир.

– Роза, посмотри сюда, я тебя умоляю! Кажется, в наших кашках завелась слизь. Ах-ах, мы заболели! – трубила тетя Валя со своего двора.

Ба каждый раз вздрагивала от ее крика.

– Валя, ты чего орешь? – грохотала она. – Люди ведь не так тебя поймут! Показывай свои кашки. Какая это слизь? Нормальные кашки и пахнут нормально. Нечего нагнетать.

Так как наши дамы разговаривать тихо категорически не умели, то жители близлежащих кварталов всегда были в курсе, как сегодня покакал маленький, но бравый Петрос.

Вообще Петрос оказался очень серьезным и обстоятельным молодым человеком – он за считанные недели обзавелся круглыми толстыми щеками и не позволял себе лишних сантиментов. Плакал крайне редко, а если что-то его не устраивало, то обиженно кряхтел.

– Мужиком растет, – радовалась тетя Валя.

Мы с Манькой часто прибегали полюбоваться малышом. Он был невероятно хорошенький и очень смешной, когда его туго пеленали. Потому что тогда из пеленок воинственно торчали его большие щеки.

Вот и в тот злополучный день, увидев, что тетя Валя важно вышагивает с коляской по двору, мы пошли здороваться.

– Сладенький, – заглянули мы в коляску, – ты помнишь нас или нет?

Петрос крепко задумался щеками и свел глаза к переносице.

– Тетя Валя, он совсем косой, а вы говорили, что это пройдет, – расстроилась я.

– Пройдет, не переживай, – успокоила меня тетя Валя, – у маленьких детей не сразу получается смотреть в одну точку. Иногда глазки разбегаются в разные стороны.

– Может, это от неправильной еды? – не унималась я. – Чем вы его кормите?

– Грудью.

– Своей? – вылупились мы с Манькой.

– Нет, конечно, – рассмеялась тетя Валя и удивленно развела руками, – ну что вы за дети такие? Что ни день, так новый рекорд!

– Ба нас дегенератками называет, – радостно запрыгали мы вокруг коляски, – с нами точно не соскучишься, да-да!

– Не мельтешите так, ребенка напугаете, – остановила нас тетя Валя.

Мы снова заглянули в коляску. Петрос лежал на спине, важно причмокивал губами и пытался разобрать по местам съехавшиеся в кучу глаза.

– А он уже покакал сегодня? – продолжили мы светский разговор.

– Конечно, – у тети Вали от гордости за внука заблестели глаза, – ест и какает, ест и какает, весь в мать!

– Мам, ну что ты такое говоришь, – вышла из дома тетя Мариам, – что девочки обо мне подумают?

– Здрасьти, тетя Мариам, мы уже не маленькие и понимаем, что какаете вы от силы один раз в день. Ну, если, конечно, у вас не понос. – Манька сунула нос в миску, которую мама Петроса держала в руках. – А зачем вам пустая миска?

– Пойдем со мной в погреб, поможете свеклу достать, – обрадовалась возможности сменить тему разговора тетя Мариам. Она вручила мне миску, и Манька тут же надулась.

– Я тоже хочу помогать!

– Вот тебе крышка от миски, – протянула я ей крышку.

– Ура, Нарка, ты не жадная и вообще моя самая любимая подруга, – чмокнула Манька меня в щечку. Я так обрадовалась, что вручила ей еще и миску, о чем сразу же, если честно, пожалела. Так и шла к погребу в растрепанных чувствах. С одной стороны, мне было приятно, что я лучшая подруга Маньки, но с другой – было обидно, что ей все, а мне ничего.

Тетивалин погреб оказался большим и темным и выглядел, как пещера Али-Бабы. Освещался он старой масляной лампой, а по углам стояли пузатые глиняные карасы. Я не удержалась и потянулась потереть лампу – вдруг оттуда вылетит джинн!

– Осторожно, стекло горячее, – предупредила тетя Мариам.

Манька важно обошла погреб вдоль и поперек, а потом с видом знатока постучала согнутым пальцем по одному из карасов:

– Вы тут золото и драгоценности храните?

– Ага, – хмыкнула тетя Мариам, – сейчас я как раз немного золота отсыплю.

И она стала доставать из самого маленького караса что-то темное, пахнущее специями и чесноком.

– Ой какой запах! А что это такое?

– Это маринованная свекла. Мы ее приготовили по старинному молочанскому рецепту. Любите свеклу?

– Любим, – соврали мы.

– Это очень хорошо, – тетя Мариам наклонила карас, – Манюня, подставь миску, зальем туда немного рассола, чтобы свекла не засохла.

– Шикиблеск, – приняхалась Манька к ядреному запаху маринада, – теперь я даже не знаю, что лучше пахнет – маринованная свекла или детское мыло с ароматом клубники.

Потом мы пошли в дом. Я вышагивала впереди, важно несла миску и думала, что никогда не надо быть жадной. «Вот, не зря в сказках говорят – делай добро, бросай в воду, – шепнула я Маньке, – сначала я тебе дала понести миску, а теперь ты – мне».

– Это потому, что я сказочная, – не растерялась она.

Тетя Мариам накрыла на стол и стала угощать нас маринованной свеклой.

Мне свекла не понравилась, и я поела хлеба с сыром, а Манька была в восторге. Она ела и ела и не могла остановиться.

– Манечка, ты бы положила себе отварной картошки, – забеспокоилась тетя Мариам, – нельзя так много маринованного есть!

Но Манька и ухом не повела.

– Ах как вкусно, – хрустела она свеклой, – ничего вкуснее я не ела!

В считанные минуты моя подруга опустошила всю миску, съела даже дольки чеснока и зелень, которыми обильно приправили маринад. На радостях хотела еще лавровый лист сжевать, но тетя Мариам решительно отобрала его. Зато Манька не растерялась и выхлебала весь рассол. Вместе с горошинами черного перца.

И тете Мариам ничего не оставалось, как идти снова в погреб за очередной порцией свеклы. Манюня, наверное, и эту порцию бы съела, но тут Ба окликнула нас, и мы побежали домой.

А спустя какое-то время Маньке стало плохо. Так плохо, что у нее поднялась температура. Ба рвала и метала. Она позвонила тете Вале –

узнать, чего такого ела Манька, и бедная тетя Мариам прибежала к нам вся в слезах.

– Я ей говорила, что не надо так много маринованного есть, а она меня не послушалась!

Ба мигом поставила Маньке клизму, сначала с кипяченой водой, потом с настоем ромашки. Манька бегала в туалет и винила во всем меня:

– Если бы ты тоже поела свеклы, то мне бы меньше досталось! И я бы тогда фиг отравилась!

Потом Ба сделала слабенький раствор марганцовки и заставила Маньку его выпить.

– Буэ, – ругалась Манька, – привкус противный.

– Зато марганцовка свекольного цвета, – хмыкнула Ба.

Она и меня заставила выпить стакан раствора.

– А мне зачем? – отбивалась я.

– На всякий случай!

После угощения марганцовкой я побоялась, что Ба мне тоже на всякий случай поставит клизму, и засобиралась домой. Но Манька желала страдать в моем присутствии.

– Прочти мне «Убийство на улице Морг», – зловредничала Манюня. Она знала, что я очень боюсь этой новеллы и стараюсь обходить ее стороной.

– Давай я тебе лучше спою!

– Не хочу. Хочу «Убийство на улице Морг». Доставай с полки книгу, я сейчас вернусь, только в туалет сбегаю, – велела она. Я вздохнула и потянулась за новеллами Эдгара По. «Вот чем думал человек, когда сочинял такие ужасные истории? – недоумевала я. – Небось спал и постоянно видел, как орангутанг забирается через трубу и откручивает ему голову». Мне стало так страшно от собственных мыслей, что я побежала в туалет узнавать, как у моей подруги дела.

Манюня сидела на унитазе и рыдала в три ручья.

– Ты чего? – испугалась я.

– Нар-каааа, смотри, у меня на руках волосики появились!

– Где?

– Вот тут и вот тут, – протянула мне руки Манька, – видишь?

Я пригляделась. Действительно, Манины ручки покрылись редким золотистым пушком.

– Ой-ой-ой, – причитала моя подруга, – вот я волосатая!!!

– Да ничего ты не волосатая, смотри, у меня на руках такой же пушок, видишь? – сунула я ей под нос свою руку.

Но Маньку так просто не остановить. Если Манька начала плакать, то она выплачет себе все глаза. Вот и сейчас она гудела так, что слезы лились водопадом.

– Не веруюю тебе, ты вреооооошь!

– Клянусь! Вот тебе крест, – неумело потыкала себя вокруг живота я.

Манька для порядка поплакала еще чуть-чуть, потом утерла слезы и вцепилась в мою руку.

– Ну да, и у тебя есть волосики, – вздохнула она, – надо что-то придумать, так нельзя.

– А чего придумать?

– Сейчас побреем руки.

– Чем? – испугалась я.

– Старой папиной бритвой.

Она натянула трусы, пустила воду и со скорбным видом намылила руки. На попе у Манечки розовел след от ободка унитаза. Я потыкала в него пальцем.

– Чего это ты? – обернулась она.

– У тебя на попе след остался. Не болит?

– Неа, – повертелась вокруг своей попы Манька, – чешется. Жалко, у меня сзади нет глаз, а то я бы тоже увидела, чивой там у меня.

– Девочки, а что это вы тут делаете? – заглянула в ванную Ба.

– Манька на унитазе сидела, а я рядом стояла, – отрапортовала я.

Ба пощупала Манин лоб.

– Ты плакала, Мария?

– Нет, мне просто мыло в глаза попало, когда я умывалась, – мигом нашлась Манька.

Я вздохнула с облегчением. Если Манька снова виртуозно врет, значит, она уже поправилась.

– Ладно, марш в спальню, не бегай по дому в нижнем белье. А я попозже принесу тебе пустого чаю с сушками. Ничего больше ты сегодня есть не будешь!

– Можно я пойду домой? – спросила я. Пустого чаю с сушками мне категорически не хотелось.

– Не уходи, ну пожалуйста, – захныкала Манька, – Ба, скажи ей, я больнаааая, а она хочет меня бросить! Чтобы я одна страдаааалааааа! Вот предательницаааа!!!

– Нарка, у нас на ужин блинчики с мясом. Останешься? – хитро прищурилась Ба.

– А как же чай с сушками?

– Чай с сушками Мане, ей ничего есть нельзя. А тебе я блинчиков нажарю. Ну как?

– Ура! – запрыгала я.

– Вот и хорошо, – хмыкнула Ба. Она отконвоировала нас в спальню, уложила Маню в постель, подоткнула со всех сторон одеяло, а мне вручила томик братьев Гримм.

– Прочти ей эту сказку, – ткнула наугад в содержание.

– Хорошо.

– И смотрите у меня, – рыкнула грозно.

– А мы чего, а мы ничего, – заблеяла я.

Как только Ба ушла на кухню жарить блины, мы с подружкой снова выползли из спальни. Прокрались по стеночке в ванную, бесшумно заперлись на задвижку и вытащили стаканчик со старыми бритвенными принадлежностями, который за ненадобностью убрали на дальнюю полку. Намочили помазок, потыкали им в мыло и намылили руки. Потом аккуратно побрили друг друга. И ни разу не поранились.

– И чего это папа так плохо брился? – удивлялась Маня. – То тут лицо порежет, то там. А мы раз – и справились.

– Усы брить будем?

– Конечно, будем. И усы, и бороду. Лучше брить сейчас, чтобы потом не быть как этот, как его, ну дядька с бородой!

– Ленин?

– Ну да. Только Маринка его как-то по-другому называла. Закрой глаза, чтобы мыло случайно не попало, – строго сказала Манька и принялась наносить пену мне на лицо.

– А лоб брить будешь? – промычала я, стараясь не разжимать губ.

– Конечно, буду, ты только не дергайся.

– Брови не трогай.

– Сама знаю!

И она за считанные секунды побрила мне лицо.

– Умывайся, теперь ты меня будешь брить.

Итого минут за двадцать мы привели себя в подходящий для будущих польских красавиц вид и вздохнули с облегчением.

Бриться нам очень понравилось. Это было совсем не больно и даже весело. Поэтому мы на радостях решили еще Манькиного плюшевого зайца побрить. Хотелось знать, как вообще выглядят голые зайцы.

Но зайчик, в отличие от нас, не поддавался бритве. Как мы ни старались его побрить, шерсть держалась на нем как приклеенная.

Тогда Манька сбегала за Дядимишиным «Брауном».

– Это импортная штука, она мигом его побреет, – заверила меня она, – ты только зайца крепко держи, чтобы он не вырывался.

Она включила электробритву и приступила к бритью. «Брауну» явно не нравилась заячья шерсть. Он недовольно гудел и почему-то сильно вибрировал. Маня держала его крепко, двумя руками, и водила по игрушке вдоль и поперек. В какой-то момент неприятно запахло гарью, электробритва несколько раз чихнула и заглохла.

– Сломалась, что ли? – опешила Манька. Она повертела в руках бритву, понажимала на кнопки. «Браун» предательски молчал. У Мани вытянулось лицо. – Да не может этого быть, папа говорил, что «Браун» служит всю жизнь!

– Может, у него жизнь очень короткая? – предположила я.

Мы молча спрятали обезображенного зайчика под кровать, а бритву убрали в чехол. Настроение было хуже некуда, жить категорически не хотелось.

– Папа убьет нас, – вздыхала Манька, – Нарк, может, тебе действительно сейчас домой уйти? Ну, чтобы и тебе не досталось?

Я крепко задумалась. Получать по шее совсем не хотелось. Но и Маньку оставлять в одиночестве было бы предательством. «И потом, – думала я, размазывая по свежевыбритому лицу слезы и сопли, – как бы меня ни наказывали, но блинчиками с мясом все равно накормят!»

– Остаюсь, – вздохнула я.

– Спасибо, Нарка, ты настоящий друг, – обняла меня Манька.

И мы, в ожидании неминуемой порки, притаились в комнате.

Милые мои, вы надеетесь, что все обошлось? Ни в коем разе! Конечно же, нам влетело. Но не от дяди Миши, а от Ба. Потому что еще до приезда сына она зашла в ванную и по свежим следам вычислила преступников.

Сначала она приперла нас к стенке, и нам пришлось все ей рассказать – и про польских красавиц, и про бородатого дядьку, который Ленин, но зовут его совсем иначе, и про то, что у Маринки обе бабушки усатые, а ты, Ба, не усатая, только у тебя на ногах иногда попадаются длинные волосы, но их не видно, особенно когда совсем уже ночь!!!

Ба нас выпорола шнуром от сломанного «Брауна», а потом рассказывала маме по телефону, что, Надя, эти дегенератки снова отличились... чего?.. а что Каринка натворила?.. а откуда у нее рогатка?.. сама, говоришь, смастерила?.. а у Рубика глаза на месте?.. ну и радоваться надо, шишка на лбу, эка невидаль. швы наложили?.. а чем она в него пульнула?.. большим куском шифера?.. так это не рогатка получается, а катапульта!

Потом Ба положила трубку, выпила весь запас валерьянки и пришла нас пугать. Вот, говорила она, теперь у вас на руках и на лице вырастут длинные волосы, и быть вам как чудище из мультфильма «Аленький цветочек», помните, какое оно волосатое? Так вам и надо! Мы с Манькой безутешно рыдали, и было так тошно, что я даже от блинчиков с мясом отказалась.

И Ба тогда сжалилась над нами и сказала, что в старом бритвенном приборе просто не было лезвий, и мы водили по рукам и лицу просто так.

– Вот олухи царя небесного, – ругалась она.

А когда с работы вернулся дядя Миша, Ба ему сразу рассказала, что «Браун» приказал долго жить, и дядя Миша сначала плакал над истерзанным станком, а потом назвал нас наказанием на веки вечные.

На релейном заводе электробритву, как могли, починили. Но теперь она брила так себе и нещадно царапалась.

А нам с Манюней было очень стыдно за свое поведение, и мы поклялись никогда больше плохо себя не вести. Никогда-никогда. И даже не нарушали своей клятвы. Целых три дня.

Просто очень сложно вести себя примерно, когда у тебя такая сестра, как Каринка.

Глава 24. Манюня узнает, откуда берутся дети, или Как Ба чуть не сделала сиротиночкой Ритку из тридцать пятой

Каждая маленькая девочка мечтает о «принцессинном платье».

Почему у вас такие удивленные лица? Вы не знаете, что такое «принцессино платье»? Значит, вы никогда не были маленькой девочкой! И не мечтали о пышных платьях, в которых щеголяли принцессы.

К таким платьям обязательно прилагались тонкие украшения и изящные туфельки на невысоком каблучке. И вся эта красота немилосердно переливалась на солнце множеством серебристых, ну или золотистых искр. И шлейф у платья был длинный-предлинный, пенно-кружевной, и несли его какие-нибудь ангельской внешности дети.

А теперь представьте себе такую картину. Идете вы, например, в музыкалку, на занятие по фортепиано, размахиваете убого-картонной папкой, перевязанной скучными серыми ленточками. На папке – грубым тиснением – скрипичный ключ. Внутри – этюды Черни, сонаты Гайдна и ненавистные гаммы. Зато на вас – переливающееся утренней зарей платье. До пят. И длинный-предлинный шлейф. Такой длинный, что вы уже завернули за угол на Абовяна, а он тянется за вами вдоль Маркса, через мост, вверх по щербатым ступенькам городского дома культуры, и наискосок, по большому двору, через дыру в заборе – на улицу Ленина, где вы живете. И шествуют по улице Ленина два ангельской внешности малыша, несут этот длинный, переливающийся шлейф, а он им указывает дорогу. Скажите, красота?

А дома вас дожидаются книжки, все в нарядных обложках, как в серии «Библиотека мировой литературы для детей», – голубенькие, желтые, красные и салатово-зеленые. Произведений в них намного больше, чем написали авторы. По сто романов Марка Твена, Жюль Верна, Эно Рауда, Астрид Линдгрэн... Много-много прекрасных, нечитанных книг.

Конечно, не все маленькие девочки мечтали о таком количестве книг, и не все они жили на улице Ленина. Но я даже не сомневаюсь, что ни одна из этих девочек не отказалась бы от платья с длинным шлейфом и изящных туфель на небольшом каблучке.

Этот комплект мечты у нас назывался «принцессино платье». Разбуди любую из моих сестер глубокой ночью, и на вопрос: «Чего тебе хочется больше всего на свете?» – она бы ответила: «Принцессино платье».

Все, кроме Каринки. Каринка, в отличие от остальных девочек, мечтала о мотоцикле, чтобы он громко делал «дрыннн-дрыннн-дрыннн», и о ружье как у Гойко Митича из фильма «Чингачгук – Большой Змей».

Мы, конечно, подозревали, что Каринка вообще неправильная девочка, но боялись об этом говорить вслух.

– Нарин, а Каринка самашедшая, да? – воровато озираясь по сторонам, спрашивала Гаянэ.

– Ш-ш-ш, – пугалась я, – что ты такое говоришь, Гагасичка?

– Ну, или ненормальная, – не сдавалась сестра.

Если остальные девочки после передачи «В гостях у сказки» принимались рисовать принцесс, чтобы отправить на совсем непонятный адрес: гмосква Шаболовка 37, тете Вале («Мам, а что такое Шаболовка?» – «Название улицы». – «Это понятно, что название улицы, но слово «Шаболовка» что означает? И что такое гмосква?»), то Каринка находила для себя занятие поинтереснее. Она внимательно изучала анатомический атлас человека, а потом ходила за нами по пятам, пребольно тыкала под ребра и говорила – вот тут у вас находится печень, ясно?

– Врачом будет, – радовалась мама.

– Или убийцей, – хмыкал папа.

– Юра, как можно такое о своей дочери говорить? – стучала мама по дереву.

– О дочери нельзя. А вот насчет Каринки я не совсем уверен. Может, и можно.

Поэтому если на дни рождения остальным девочкам перепали платья и куклы, то Каринке дарили брючные костюмы из пуленепробиваемой ткани или игрушечные танки и грузовики. Сестра в два счета разбирала игрушки на мелкие винтики и, довольная собой, уходила на улицу – терроризировать мальчиков.

– Замуж ее надо во Владивосток выдавать, – качала головой Ба, – а то в наших широтах ни одна свекровь не согласится на такую невестку.

Однажды, ранним августовским утром, в нашей квартире раздался звонок. Я в это время чистила зубы, поэтому побежала к телефону с зубной щеткой во рту. Нужно было как можно скорее снять трубку, чтобы звонок не разбудил маленькую Сонечку.

– Ойе!

– Чего это ойе? – опешила Манька.

– Поои! – Я кинулась в ванную, прополоскала рот и вернулась обратно. – Это я зубы чистила.

– А что такое «поои»? – не унималась Манька.

– Подожди, неужели непонятно?

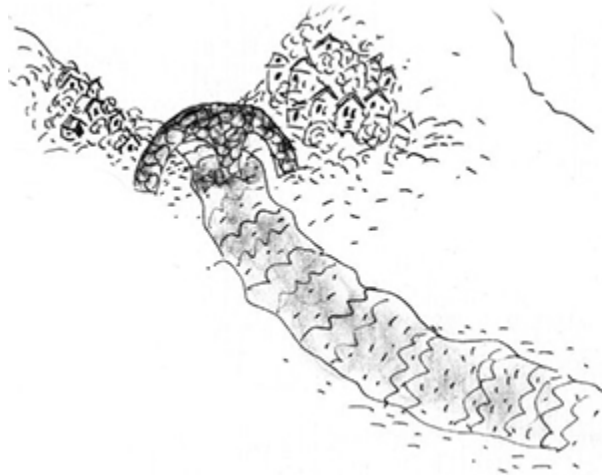
– Мария, ты поздоровалась? – прогрохотала Ба. Я инстинктивно втянула голову в плечи. То, что Ба находилась в двух кварталах от меня, ничего не означало. Громовые раскаты ее голоса ввергали в ступор любого ребенка в любом конце земного шара.

– Ой, Нарка, извини, – прошептала Манька и, прочистив горло, важно выговорила: – Здравствуйте!
– Здравствуйте, незнакомая Маня.
– Хихихииии, – захихикала Манька, – скажешь тоже – незнакомая.
– Чего звонишь в такую рань?
– Нарка. У меня новость. Дочь Шаапунни выходит замуж. Ну ты помнишь, да?

Я, конечно, помнила. Дочь Шаапунни, Агнесса, была самой красивой девушкой нашего городка. Когда она шла по улице, то все оборачивались ей вслед.

Еще бы, если у тебя густые смоляные волосы и серые глаза, то редкий мужчина может пройти мимо не обернувшись. Агнесса недавно выучилась на педиатра и вернулась домой уже помолвленной девушкой.

Свадьбы в нашем городе традиционно игрались осенью, но жених Агнессы учился в Москве, и к началу сентября ему нужно было возвращаться в столицу. Поэтому торжество назначили на август. Иначе Агнессу без свидетельства из загса не поселят в общежитии с мужем.

– Нарк, а знаешь чего? – продолжила Манька. – Сегодня у Агнессы последняя примерка свадебного платья. Придет портниха и на ней будет подгонять этот, как его, ну... опять забыла... скелет, во!

– Какой скелет? – испугалась я.

– Корсет! – прогрохотала Ба. – Корсет, горе мое!

– То есть корсет, – быстренько исправилась Манька.

– А-а, – кивнула я, – ух ты, как здорово.

– Ну?

– Чего ну?

– А чего не спрашиваешь, что такое корсет?

– Да я лучше у мамы спрошу, а то Ба сейчас снова будет ругаться, – струсила я.

– Ничего она не будет ругаться, она уже вчера меня отругала за то, что я этого не знаю. Ну и с утра еще добавила. Так что запомнила я на всю жизнь. Корсет – это такая штука, которая будет крепко обтягивать талию и грудь Агнессы. Правильно я говорю, Ба? – заюлила хвостом Манька.

– Правильно!

– И чего? – поторопила я Манюню, потому что папа, грозно выпучившись, тыкал пальцем в свои часы, а потом в телефон. Ясно

было, что ему куда-то надо срочно звонить.

– А того! Агнесса сказала, что я могу прийти на примерку. А я за тебя и Каринку попросила. Так что мы втроем идем на примерку Агнессиного платья!!!

– Когда? – подскочила я.

– К одиннадцати утра.

– Ура! – запрыгала я. – Манька, ты настоящий друг!

– А то я не знаю, – важно сказала Манька и отключилась.

– Ну наконец-то, – вырвал у меня трубку папа, – вроде еще маленькая, а уже так долго разговариваешь по телефону!

Я побежала на кухню, делиться радостной новостью с мамой и сестрой.

– Это замечательно, только сначала нужно позавтракать, – сказала мама.

– Мам, я не буду смотреть на голую Агнессу, я отвернусь, когда она будет переодеваться, – зачастила я, быстро-быстро намазывая на хлеб масло.

– Ну и дура, – покрутила пальцем у виска Каринка, – когда ты еще Агнессу голой увидишь?

Но мама сказала, что если Каринка будет смотреть на голую Агнессу, то она непустит ее на примерку.

– Ладно, не буду, – надулась сестра.

Перед выходом мама вручила нам коробку шоколадных конфет.

– Это Агнессе. Ведите себя хорошо, ладно? И сразу после примерки уходите, а то в доме полным ходом идет подготовка к свадьбе, людям не до вас.

– Хорошо, – кивнули мы.

Во дворе мы встретились с Маринкой из тридцать восьмой квартиры. Маринка стояла над большой дождевой лужей и изучала в ней свое отражение.

– Если вот так вот покачаться, – повела она пузом вперед и назад, – то можно увидеть, какого цвета на мне трусы.

Но тут она заметила коробку конфет у меня в руках.

– Это Агнессе, – предостерегла я ее от дальнейших активных действий.

– А зачем?

– Она пригласила нас на примерку своего свадебного платья!

– Да ну! – У Маринки заблестели глаза. – А можно и мне с вами?

– Неудобно как-то. Тебя же не приглашали, – замялись мы.

– Ну возьмите меня с собой, – заканючила Маринка, – это нечестно, вы трое пойдете, а я не пойду. Я ведь вам никогда в просьбе не отказываю. И конфету чешскую давала полизать, и гудрон с вами жевала.

– Ш-ш-ш-ш, – зашипели мы, – чего ты про гудрон орешь?

– Я шепотом ору!

Про историю с гудроном мы старались не распространяться. Потому что было за что. Недели три назад на нашей улице меняли трубы. И рабочие, которые потом укладывали асфальт, привезли с собой какую-то большую, размером с бочонок, цилиндрической формы черную штукюину.

– А что это такое? – Наматывали мы круги вокруг рабочих.

– Это специальная черная смола, она как резина, ну или как жвачка. Ее используют при дорожных работах, – снисходительно объясняли они нам.

При слове «жвачка» у нас загорелись глаза. Как только все ушли на обеденный перерыв, мы прокрались за ограждение и оторвали большой кусок гудрона. И потом до поздней ночи жевали его. Гудрон пах бензином и оставлял во рту неприятный привкус.

– Если закрыть глаза, то можно представить, что это жвачка, – приговаривала Манька.

– Главное, чтобы мы потом не отравились, – беспокоилась я.

– А я знаю, чего с нами будет, – вдруг сказала Каринка.

– Чего?

– Мы станем неграми. Смола-то черная. Вот проснемся с утра и будем черные с ног до головы. И волосы буду кучерявые. Как у Африка Саймона с пластинки. Ну, который поет «афанафанфана шаралала».

Я не буду рассказывать вам в подробностях, как мы пережили ту ужасную ночь. Каждая из нас по восемь раз вскакивала с постели и при лунном свете проверяла цвет своей кожи. Пугало даже не то, что мы станем черными, а то, что придется рассказывать родителям про гудрон. К счастью, с утра мы проснулись такими же, какими были вчера. «Повезло», – решили и от греха подальше никогда больше не жевали гудрон.

Мы с Каринкой переглянулись. Маринка, в общем-то, была права. Она мировая девочка и ни разу не подводила нас.

– Ладно, пойдем, – кивнули мы.

– А я вам по дороге расскажу про своего брата, – радостно запрыгала вокруг нас Маринка.

– Чего он еще отчебучил? – подскочили мы. Тринадцатилетний брат Маринки был «тот еще фрукт» и периодически выкидывал непонятные нашему девчачьему уму фортели.

– Он стащил у мамы запретную книгу и прочел ее от корки до корки, – округлила глаза Маринка.

– Какую такую запретную книгу?

– Какую-то бакачу. Там что-то страшное и не для детского чтения, – объяснила Маринка, – а Сурик эту книгу украдкой читал. И прятал у себя под матрасом. А мама полезла менять белье и нашла бакачу. И папа выдрал Сурику уши и сказал, что он балбес и об этом ему еще рано читать. А Сурик сказал: можно подумать, что там такого, а папа назвал его олухом царя небесного. А потом еще маму отругал за то, что она книги такие покупает. Вот.

– Надо же, – покачали мы головами, – какой непослушный мальчик!

– И еще мне Рита из тридцать пятой рассказала секрет, и я который день страдаю, – пригорюнилась Маринка.

– Секреты выдавать нельзя, – расстроились мы.

– Да я знаю, вот и страдаю.

Так мы дошли до дома Шаапуня. Манька ждала нас у ворот.

– А чего это вас так много? – испугалась она.

– Маринку мы по дороге встретили.
– Наверное, не пустят на примерку, – вздохнула Манька.
– Если не пустят, то я уйду, – заплакала Маринка, – я и так несколько дней страдаю, могу и из-за этого пострадать.
– А чего это ты страдаешь? – удивилась Манюня.
– Ей Рита из тридцать пятой доверила страшный секрет, – рассказали мы.
– Ой-ой, чужие секреты выдавать нельзя, – покачала головой Манька.
– Нельзя-нельзя, – вторили мы ей.
– Вот я и страдаю, – пуще прежнего разрыдалась Маринка.
Мы в растерянности топтались рядом. Каждую из нас подмывало спросить, что же такого страшного доверила ей Рита, но мы помнили, что секреты выдавать нельзя. Поэтому молча страдали вместе с Маринкой.
– Ладно, пойдем с нами, – вздохнула Манька, вытащила из кармана платок и протянула Маринке, – утри слезы.
– Спасибо тебе большое, – вздохнула Маринка, трубно высморкалась в платок, а потом протерла им лицо.

Агнесса, конечно, не возражала против присутствия Маринки.
Она была очень радостная, постоянно смеялась и светилась счастьем. Приведи мы с собой еще с десятков девочек, Агнесса бы, наверное, и слова не сказала.
– А почему ты заплаканная? – спросила она Маринку.
– Страдает, – объяснили мы хором.

– Сейчас мы ее утешим, – сказала Агнесса и повела нас к себе в комнату. Там она усадила нас на диван и открыла коробку конфет, которую мы с собой принесли.

– Угощайтесь, сейчас вам еще лимонаду принесу.

– Вот повезло, – переглянулись мы и взяли каждая по конфете. Маринка взяла две, но мы на нее грозно цыкнули, и она виновато положила одну обратно.

– Это я от переживаний, – пробубнила она.

Потом пришла портниха, принесла платье Агнессы, и мы, затаив дыхание, ждали, пока она его достанет из большого пакета.

– Красота-то какааая, – выдохнули мы, когда портниха развернула свадебный наряд. Это было платье нашей мечты. Белое, легкое, с вышитым бисером корсетом, прозрачными рукавами-бабочками и пышной, словно пенной, юбкой. Когда Агнесса его надела, мы разинули рты. Такой красивой мы ее еще никогда не видели.

– Доченька моя, – заплакала мама Агнессы, тетя Нина, – какая ты у меня красивая!

– И такая счастливая, – завертелась в платье Агнесса. Она встала на цыпочки и стала кружиться вокруг себя. Мы любовались ее изящными ножками и впервые в жизни стали смутно понимать, сколько силы таится в хрупкой женской красоте.

– А-а-а-а-а-аааа, – вдруг разрыдалась Маринка, – не хочуууууу!!!!!!

– Чего не хочешь? – всполошились все. – Ну что такое с тобой происходит?

Агнесса перестала вертеться, пощупала лоб Маринки и уложила ее на диван.

– Может, ребенку успокоительное дать? – повернулась она к матери.

– Не надо мне успокоительного, – вскочила Маринка, – пойдем отсюда, девочки.

Мы попрощались и вышли на улицу.

– Переволновалась, бедненькая, – долетел до нас шепот портнихи.

До Маниного дома было рукой подать, и мы направились напрямик туда. Маринка села на скамейку под тутовым деревом,

обняла ноги руками, спрятала лицо в колени и через плач, заикаясь, зашептала:

– Девочки, сил моих нет больше молчать. Сейчас вам расскажу. Знаете, что будет с Агнессой, когда она замуж выйдет?

– Что будет? – наклонились мы к ней.

– Она ляжет в постель со своим мужем, и он... и он... и он...

– Чего и он?

– И он. по-пи-са-ет на нееооооо!!!!!! – забилась в истерике Маринка.

– Чегооооо????????? – вылупились мы.

– Ну, мне это Ритка по секрету сказала. Говорит – знаешь, откуда дети берутся? Я говорю – знаю, из живота мамы. А она говорит – знаешь, как они туда попадают? Я говорю – нет. А она говорит – для этого нужно, чтобы муж обнял жену и пописал на нее.

– Фуууууууууууу, – закричали мы, – ужас какой, ужас какой! Фуууууууууу!!!!

– Да врет эта твоя Ритка, – рассердилась Каринка, – врет она все, она же вруша!

– Я тоже так думала, поэтому пришла домой и спросила брата. А брат сначала посмеялся, а потом говорит – ну, в принципе, все правильно-ноо-ооНШШН А он же запретную книгу бакачи читал, он всеоооо знаееееет!

Мы с Манькой подумали и тоже заголосили.

– Дуры, – прокомментировала ситуацию Каринка.

– Что это за всемирный съезд плакальщиц? – раздался из кухонного окна голос Ба.

Мы обернулись. Маринка, как была вся зареванная, с задранными на скамеечку ногами и размазанными по лицу соплями, так и замерла. Потому что все дети нашего городка очень боялись Ба.

– Ну, у Мани, конечно, бабушка ваще грозная, – качали они головами, и при виде куда-то спешащей Ба быстренько переходили на другую сторону улицы. У всех в памяти еще жива была история, которая приключилась с мальчиком Рудиком. Рудик имел несчастье куда-то ехать на самокате, разогнался, отвлекся и врезался в Ба. Прямо в ту ее ногу, на которой были больные вены. Вот. А потом родители Рудика собирали по городу запчасти самоката, который разъяренная Ба мигом разобрала на щепки. Собрать самокат обратно они не смогли, но

и к Ба идти с разборками побоялись. И остался Рудик без самоката на веки вечные.

Поэтому, когда Ба выглянула в кухонное окно, Маринка тут же попыталась превратиться в каменную статую. Любую другую бабушку, наверное, можно было провести таким приемом, но только не Ба. Ба высунулась в окно по самый пояс и сверлила нас своим фирменным взглядом из-под насупленных бровей. Мы вспотели. Рассказывать ей о том, что мы узнали у Маринки, было смерти подобно. С другой стороны, мы не были уверены, что она ничего не слышала. А врать Ба мы тоже не могли, потому что больше всего нам попадало именно тогда, когда она ловила нас на лжи. Поэтому мы молчали, как воды в рот набрали, и только изредка осторожно выдыхали.

– Я долго буду ждать? – прогрохотала Ба.

– Это, – решила Манька, – Ба, а ты знаешь Маринку?

– Ближе к делу, а то у меня там ореховое варенье на плите стоит, – отрезала Ба, – и если оно подгорит, то вам тогда точно несдобровать!

Маринка издала что-то вроде мемеканья и попыталась упасть в обморок.

И тогда Каринка решила. Она была самой храброй девочкой в нашем коллективе и в безвыходных ситуациях ответственность всегда брала на себя.

Вот и сейчас сестра отважно шагнула вперед и прочистила горло:

– Ба, тут такое дело. Ритка из тридцать пятой сказала Маринке из тридцать восьмой, а ее брат сказал, что это так!

Мы скорбно закивали головами.

Казалось, Ба задумалась всеми своими выступающими из окна частями тела. Если кому-то когда-нибудь удавалось сбить ее с толку, то это был именно тот случай. Потом она хмыкнула и сказала:

– Стойте там, я сейчас отставлю варенье.

И исчезла в окне.

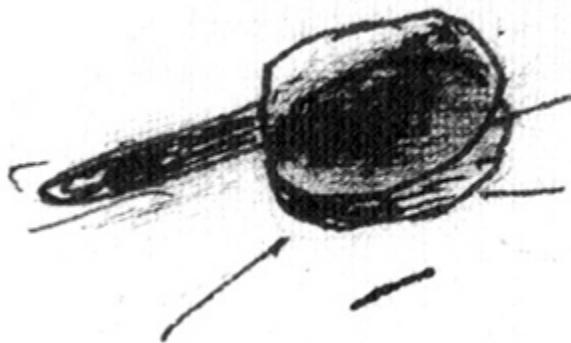
Маринка громко икнула.

– Пойдем отсюда.

– Ты с ума сошла, – зашипели мы, – сиди на месте, а то потом хуже будет.

Через минуту Ба вышла во двор. Мы расступились полумесяцем, Маринка сделала попытку подняться, но ноги подкосились, и она, нащупав попой скамейку, снова села.

- Еще раз и с самого начала, – потребовала Ба.
- Так я же уже все сказала, – развела руками Каринка.
- Значит, не все, раз я тут, – не дрогнула Ба.

И нам пришлось, набрав в легкие побольше воздуха, рассказать все про Ритку, бакачу, Маринку, ее брата и откуда берутся дети. Когда мы сказали про пописать, Ба сначала рассмеялась, потом рассердилась, потом собрала наши уши в кулак и повела через город на квартиру к Ритке – разбираться с ее родителями. Люди уважительно расступались перед нашей скорбной процессией. Мы безропотно следовали за Ба на полусогнутых, потому что понимали: шаг вправо или влево – и ты уже на веки вечные останешься без уха. Или без скальпа.

Потом Ба позвонила в дверь тридцать пятой квартиры, и когда к нам вышла Риткина мама, то по ее лицу было видно, что ей очень хочется прямо сразу стать невидимкой. Но Ба не дала ей это сделать. Сначала она продемонстрировала Риткиной маме наши деформированные зудящие уши, потом сказала: «Ждите меня здесь», – вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Потом на ругань Ба из соседнего подъезда прибежала моя мама и, увидев нас на пороге Риткиной квартиры, стала колотиться в дверь всем телом, чтобы как-то повлиять на дальнейшую судьбу без пяти минут сиротиночки Риты.

– Тетя Роза, – звала она в дверной глазок, – вы только откройте мне, я рядышком постою, ничего делать не буду и даже слова поперек не скажу.

А потом недели три Ритка не разговаривала с Маринкой и называла ее предательницей. А Маринка обижалась и говорила, что

некоторые секреты нужно держать при себе, тем более если в них ни капли правды.

А через два дня мы гуляли на свадьбе Агнессы, бежали как ошпаренные перед свадебным кортежем, тормозили его красной шелковой лентой и требовали выкуп. И громче всех орали, когда Агнесса с ее мужем разбила вдребезги на пороге дома тарелки. На счастье.

Мы с Каринкой красовались в новеньких туфельках, которые нам привез из командировки папа. Туфельки были белые, с серебристой застежкой, на небольшом каблучке, и такие красивые, что даже Каринка отступила от своих принципов и одобрила такой «принцессин» аксессуар.

Папа и Манюне привез такие туфли. Но Манька их на свадьбу не надела. Просто она проспала в них всю предыдущую ночь. На радостях. Естественно, Манины ножки отекли, и туфельки категорически отказывались натягиваться на ступни.

Сначала Манька расстроилась, но потом нашла выход. Она надела свои истоптанные красные босоножки, а новые туфли положила в целлофановый пакет и взяла с собой на свадьбу. И не расставалась с ними ни на минуту. Бежала с пакетом впереди свадебного кортежа, сидела с ним в обнимку за столом. Если кто-то из гостей хвалил нашу обувь, Манька тут же доставала из пакета свою пару и пыталась надеть ее у опешившего гостя на глазах.

– Видите? – говорила она. – Не налезают. А почему? А потому что я в них всю ночь проспала!

Глава 25. Манюня собирается в Адлер, или Как нужно правильно замесить тесто, чтобы потом вызывать сантехника

Мама сидела на нашей кровати и с каменным лицом наблюдала, как мы складываем свою одежду. Невозмутимость мамы, скажу я вам, обманчивый маневр. Чем безразличнее мама, тем глубже надо втягивать голову в плечи. Потому что, чем больше она напоминает безучастную железобетонную конструкцию, тем выше шанс получить от нее нагоняй.

Раз в неделю мама открывала дверцы детского шкафа, выгребала оттуда наспех закинутую одежду, сваливала на кровать и заставляла нас приводить ее в порядок. Нужно было сложить кофты в аккуратные

стопочки, а юбочки и брюки повесить на вешалки. Мы ненавидели этот еженедельный ритуал лютой ненавистью, но были не в силах его изменить. Попробуй изменить ход событий, когда у тебя такая мама, как наша. Легче покориться судьбе и убраться в шкафу, чем напроситься на ее фирменный подзатыльник!

– Кто, кто придумал эту уборку?! – ругалась Каринка. – Вырасту, никогда не буду убираться и детей своих не стану заставлять.

– Ну-ну! – хмыкнула мама.

– Мам, а можно мы завтра закончим, а то сегодня к двенадцати нам нужно к Маньке?

– Нет. Складывайте быстрее, и вы все успеете. А зачем вам к Мане?

– Ну сегодня же воскресенье!

– Ах да, – хлопнула себя по лбу мама, – сегодня ведь воскресенье. Как я могла об этом забыть!!!

По воскресеньям Ба пекла пирожки. Из нехитрого теста – литр мацуна, немного соды и соли, мука, три яйца. Начинка делалась трех видов – картофельная, мясная и яичная. Ба раскатывала из теста тонкие большие круги, щедро накладывала начинку и защипывала пирожки мелкой косичкой по брюху.

Потом она жарила их в растительном масле. Получались поджаристые, ароматные и очень вкусные пирожки.

Ради этих пирожков мы готовы были на любые, даже самые большие жертвы. Иногда, как сегодня, приходилось откладывать заботы чрезвычайной важности.

Дело в том, что недалеко от нашего дома велись строительные работы – возводилось новое здание аптеки. И рабочие нашли в земле кувшин с серебряными монетами XVIII века. Весть о новом Клондайке мигом разлетелась по нашему городку и прилегающим деревням, и теперь детвора со всей округи в выходные, когда стройка стояла, ковырялась в земле в надежде отыскать клад.

Мы, естественно, не отставали от других.

– Найду клад, куплю мотоцикл и уеду в Америку, – потирала руки Каринка.

– Зачем тебе мотоцикл? – любопытствовал папа.

– Чтобы все мне завидовали!

– А в Америку зачем?

– Чтобы империалистов убивать! – рапортовала сестра.

– Хэх, – радовался папа, – хорошо, что ты девочкой родилась. Родись ты мальчиком, я бы разорился алименты твоим многочисленным женам выплачивать да передачи тебе в тюрьму носить!

Когда все аккуратно было разложено по полочкам шкафа, мы вздохнули с облегчением.

– Все, – обернулись к маме.

– Вот и замечательно, – сказала мама и встала с кровати, – вам осталось протереть пыль с мебели и помыть пол.

– Аааааа, – взвыли мы, – это нечестно! Что скажет Ба?

– Ба ничего не скажет, потому что сейчас ровно одиннадцать часов. За десять минут можно легко управиться с уборкой. Так что Каринка моет пол, а Нарка протирает пыль.

– Ну что за несправедливость такая! – запричитали мы. – То в шкафу уберись, то полы помой...

– Зато у меня для вас хорошая новость, – сжалилась над нами мама.

– Какая новость?

– Через две недели мы едем в Адлер.

– Ура, – запрыгали мы, – мы поедem в Адлер! Ура-ура! Мам, а что такое Адлер?

Мама рассмеялась.

– Вот как можно радоваться тому, чего вы не знаете?

– Мы на всякий случай. И потом «поедем» – это же хорошее слово!

– Конечно, хорошее. Адлер – город на Черном море. Мы поедем на море. А точнее, полетим. На самолете.

– Ура! – заорали мы. – Самолет! Море!!! Адлер!

– Ба! Дядя Миша! Манюня, – в тон нам продолжила мама.

Мы чуть не задохнулись от радости.

– Они тоже с нами поедут?

– Да!

– Ураааа!!!!

Это большая разница, какие мысли крутятся у тебя в голове, когда ты занимаешься уборкой. Потому что если, например, тебе надо сейчас полы протереть, а на обед сегодня тушеные овощи или, не дай бог, луковый суп – то это, конечно, большое и даже неподъемное горе. И совсем другое дело, когда ты знаешь, что через две недели тебе улетать! На самолете! В Адлер!!!

Подстегнутые радостной новостью, уборку мы закончили в рекордно короткий срок. Когда комната сияла чистотой, побежали докладывать маме, что все у нас уже прибрано. Мама ковырялась в домашней аптечке и составляла список медикаментов, которые надо будет взять с собой в дорогу.

– Активированный уголь, – задумчиво перечисляла она, – тетрациклин, йод, зеленка.

– Мам, мы уже все.

– Молодцы. Присыпка, бинты, бутадионовая мазь...

Мы тихо выскользнули за порог. Отвлекать маму, когда она составляет список в дорогу, очень опасное дело. Потому что она потом всю поездку будет вспоминать, чего забыла взять, и говорить, что виноваты те, кто отвлекали ее пустыми разговорами. И мы с папой будем украдкой переглядываться и бубнить себе под нос «этонемы».

Через десять минут мы уже влетели во двор к Манюне. Обычно она дожидалась нас на скамеечке под тутовым деревом, но сегодня ее там не было.

– Маня-а, – заорали мы, – Маня-а-а!

– Чего? – высунулась в окно своей спальни Манюня.

– Спускайся вниз, – потребовали мы.
– Нивйдйанакз.
– Чивой?
– Говорю – нивйдйанакз, чего непонятного? – рассердилась наша подруга.

Мы с Каринкой переглянулись.

– Заболела, что ли? – предположила я.
– Мань, ты заболела? – крикнула Каринка.
– Не выйдет она, потому что наказана, – вышла на веранду Ба.
– Здравсти, – шаркнули мы ножкой, – а почему она наказана?
– Руки ей надо оборвать, чтобы не лезла куда не просят! Потому и наказана, что всюду сует свой любопытный нос.

– Ыааааааааааа, – зарыдала сверху Манька.

– Захрмар! Ты будешь еще крокодильи слезы лить!!! Никогда больше не выйдешь из своей комнаты, понятно?

– Ыаааааааааааа!!!!!!!!!!!!!!!

– А как же Адлер? И самолет? – расстроились мы.

– Какой Адлер? – прервала свой вселенский плач Манька.

– Никакого Адлера для нее не будет! – протрубила Ба. – Все уедем, а она останется дома. Одна!!!

– Ыааааааааааа, – Манюнины горячие слезы полились сверху тропическим ливнем.

Каринка вдруг забеспокоилась.

– Ну а пирожки сегодня будут?

– Ыаааааааааааа, – тропический ливень перешел во всемирный потоп.

– Не будут! – прогрохотала Ба.

– То есть как это не будут? – У Каринки от обиды задрожал подбородок. – Сегодня же воскресенье!

– А вот благодаря этому наказанию, – ткнула пальцем вверх Ба, – и не будут.

– Ыаааааааааааа! – миготом отозвалась Манька.

Представьте себе разочарование Каринки – ни тебе клада, ни пирожков!

– Почему? – взвыла она.

– Потому что кое-кто, пока я ходила в магазин, решил улучшить тесто и добавил туда воды. А потом, чтобы я этого не заметила, вбухал туда муки. А мука оказалась картофельным крахмалом. А потом кое-кто!.. – Грозный взгляд вверх, проникновенное «ыааааааа» в ответ. – ...Решил спрятать следы своего преступления, потащил тесто выливать в унитаз!!!!

– Ик, – отозвались мы с Каринкой.

– Заляпал коридор, заполнил унитаз тестом и спустил воду!

– Ик-ик!!!!

– А так как тесто было очень густое, и вода его не смыла, кое-кто полез половником в унитаз, выгребать тесто.

.....немое
молчание.....

– И затолкал его так далеко, что вытащить невозможно!

.....потрясенное
мычание.....

– И теперь ходить нам под кусты, пока не придет сантехник и не разберется, что там моя внучка, это сплошное недоразумение, эта тьма египетская сотворила.

.....всеобщее потрясение, «ыааааааа»
сверху.....

– Ну, Манька, – глянула уважительно вверх Каринка, – ты даже меня переплюнула!!!!

– Я не хотела, – утерла сопли шторой Манюня, – я подумала, что теста малооооо...

– Захрмар! – прогрохотала вверх Ба. – Вот и сиди безвылазно в своей комнате до скончания веков! Теста ей мало показалось!

– Ба, а что, теперь она вообще не выйдет из комнаты? – расстроилась я.

– Никогда!

– А можно тогда к ней подняться? Ну, посидеть с нею чуток? Утешить?

Ба погладила меня по голове.

– Можно, конечно. Но недолго. Потому что она сильно наказана.

Мы с Каринкой проскользнули в дом и поднялись на второй этаж.

Манюня уже маячила в дверном проеме.

– Ну ты даешь! – зацокали мы языками.

– Я нечаянно, – вздохнула Манюня и посторонилась, чтобы пропустить нас к себе.

Мы зашли в комнату. Уселись рядом на кушетке. Пригорюнились.

– А половником зачем полезла? – не вытерпела я.

– Хотела быстрее тесто вычерпнуть.

– А чего не вычерпнула?

– Да половник там за что-то зацепился. Я стала его тянуть, чтобы вытащить, а он не вытаскивался. Тогда я попыталась втолкнуть его внутрь, чтобы он ушел в трубу.

– И чего?

– Втолкнула. И ручку погнула. Хотела сбегать за молотком, чтобы постучать по ручке, но вернулась Ба, и я не успела. Вот.

Я погладила Маньку по щечке.

– Не переживай, придет сантехник и все починит.

– Скорее бы, – вздохнула она, – а то меня на море не возьмут!

– Да не оставят они тебя! – махнула рукой Каринка. – Мало ли что ты можешь еще натворить, пока мы будем отдыхать на море? Ба побоится тебя одну оставлять.

– Да? – Манька с благодарностью посмотрела на Каринку. – Не врешь?

– Конечно, не вру. Если даже ничего не натворишь, то с голоду умрешь.

– Это да, это я могу, – согласилась Манька, – а еще я дом спалить могу. Или с горя, например, могу умереть.

– Ну, это и мы можем, – лавры Мани не давали нам покоя, – с горя любой дурак может умереть. А уж дом спалить вообще плевое дело!

– Спички зажег, и фьють!

– И в подвале стоит канистра с керосином. А керосин хорошо горит, – напомнила Каринка.

– Вот-вот, – закивали мы головой, – одна канистра керосина – и дома как не бывало.

Потом мы стали обсуждать, как будем отдыхать на море. Говорили шепотом, чтобы не напоминать о своем существовании Ба.

– Ура, – радовалась Манька, – будем загорать и строить замки из песка!

– А еще у нас есть красный надувной матрас! Мы на нем будем плавать по морю туда и обратно, от одного берега к другому, – захлопала в ладошки я.

– Да что там от одного берега к другому, если поднажать, то можно и вокруг света проплыть, пока взрослые на берегу прохлаждаются, – сказала Манька. – Мы вернемся – а они и не заметили нашего отсутствия.

– Аха, – радовались мы.

– А если акулы? – вдруг испугалась я.

– Одной левой! – лениво откликнулась Каринка.

– Только надо зонтики с собой прихватить, – спохватилась Манька.

– Зачем?

– Ну, я такое в одном мультике видела. Там девочка раскрыла зонтик, поставила его ветру, и лодочка поплыла быстрее.

– Это как это? – удивились мы.

– Сейчас покажу, – вскочила Манька, но тут же села обратно на кушетку. – Мне нельзя выходить!

– А чего тебе надо, скажи, мы принесем.

– Зонтик Ба. Он в ее комнате, прямо за дверью, висит на спинке стула.

Я пошла за зонтиком. Выглянула в коридор, прислушалась. Ба что-то немилосердно шинковала на кухне, так и слышно было – хрясь! хрясь! – и слушала радио.

– Передаем концерт по заявкам тружеников села, – объявил диктор.

– Мя-мя-мя, мя-мя, мя-мя, – передразнила его Ба.

Когда я тихонечко шла обратно, по радио передавали песню «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним».

– На оленях они помчатся! – бухтела Ба. – Утром ранним! Идиоты!

Я зашла к Мане и осторожно прикрыла дверь.

– Что там Ба делает? – спросила она.

– Песни поет.

– Ого, – удивилась Манька, – а чего это она песни поет? В жизни никогда почти не пела, а сейчас поет?

– Ну как поет, ругает певца.

– А, это другое дело, это она может, – кивнула Манька, забрала зонтик и осторожно его открыла, – тут главное тихонечко, потому что если Ба узнает, что мы взяли ее зонт, то нам мало не покажется!

Зонтик был большой, коричневый, в бежевые поперечные полосы.

– Ммм, словно шоколадный, так и хочется откусить кусочек, – закатила глаза Каринка.

Маня тем временем широко расставила ноги, наклонилась, оттопырила попу и вытянула вперед руки.

– Вот смотрите, если ветер мне будет дуть в спину, то он надует зонт, словно парус, и лодка, то есть матрас поплывет быстрее. Всего какие-то десять минут, и мы уже в Америке.

При упоминании Америки Каринка резко заволновалась. Она обошла Маньку со всех сторон, потрогала ее руки, потыкала пальцем в материю зонта, возвела очи к потолку и зашевелила бесшумно губами, производя в уме какие-то подсчеты.

– Не получится, – вынесла она вердикт.

– Почему не получится? – обиделась Манька.

– Зонтик порвется.

– Это почему же зонтик порвется?

– Материя тонкая, шторма не выдержит, – с видом знатока изрекла Каринка, – на матрас надо будет кроме нас еще и мотоцикл загрузить. Представляешь, какая тяжесть?

– Какой мотоцикл?

– Неважно какой, – отмахнулась Каринка, – но я в Америку без мотоцикла не поеду.

Манька закрыла зонтик, положила его на подоконник и скрестила руки на груди.

– Да с таким зонтом не страшен никакой ливень! С ним можно спрыгнуть с восьмого этажа, и ничего тебе не будет.

Ба махнула рукой и побежала звонить дяде Мише.

– Приезжай скорее, – кричала она в трубку, – нужно Маню отвезти в больницу и сделать ей рентген костей.

Потом она обернулась к нам:

– Дети, где ваш папа?

– На дежурстве.

– Это хорошо. – Ба стала набирать номер отцовского рабочего телефона. – Але, Юра? Нужен рентгенолог. Я понимаю, что воскресенье. Маня в окно выпрыгнула. Скоро будем.

Пока дядя Миша ехал, Ба постелила прямо на полу в прихожей большой плед и заставила Манюню лечь на него.

– Не двигайся, – велела.

– Да у меня ничего не болит! – ныла Маня.

– Горе луковое! – ругалась Ба.

Мы с Каринкой сидели рядом и скорбно обмахивали пострадавшую журналом «Здоровье».

Потом примчался дядя Миша, и мы поехали в больницу. У ворот нас встретил папа с целым десантом медработников. Маньку торжественно загрузили на каталку и повезли делать снимки.

– Прощайте, – махала нам рукой Манька, – может, когда-нибудь и увидимся!

– Я пойду с вами, – ринулась Ба.

– Роза, я тебя очень прошу, оставайся здесь, – прикрыл грудью медперсонал папа, – не переживай, все будет в порядке. Под мою ответственность!

– Дядьюра, может, вы мне заодно и зубы запломбируете? – предложила Манька.

– Обязательно, – затрусил за каталкой папа, – сначала запломбирую, потом вырву все до единого!

– Ух ты, – обрадовалась Манюня.

Пока Маньке делали рентген, а потом проявляли снимки, мы сидели во дворике и наблюдали за больными, которые прохаживались вдоль лавочек.

– Будете себя плохо вести, вам вырежут аппендикс, и вы тоже будете по стеночке передвигаться, – внушала нам Ба.

– Мы будем себя хорошо вести!

– Мам, ну чего ты детей пугаешь? – встрял дядя Миша.

– Не мешай мне их воспитывать! – рассердилась Ба.

Минут через двадцать появился папа.

– Ну что? – подбежали мы к нему.

– Все в порядке, ни трещинки, ни растяжки.

– Уф, какое счастье, – вздохнула с облегчением Ба, – а где же Маня?

– Она сидит в моем кабинете и требует, чтобы я ей зуб запломбировал. Или вырвал на худой конец, – засмеялся папа.

– Убью, – выдохнула Ба и ринулась к проходу в больницу.

– Дома! – крикнул дядя Миша и припустил за Ба.

Потом мы заехали к нам домой, и мама накормила нас хашламой.

– Ай, Надя, – щедро посолила свой обед Ба, – я когда-нибудь протяну ноги из-за ее выходок.

– Тетя Роза, все будет в порядке, – отобрала у нее солонку мама.

– Да? – Ба взяла перечницу и обильно поперчила обед. – Она меня до могилы доведет, я тебе говорю!

– Надя, убери перечницу со стола, – сказал папа.

– Да-да-да, – попробовала Ба обед, – можно и соль убрать, Надя, ты пересолила и переперчила хашламу, ее есть невозможно!

Потом все Манино семейство сходило к нам в туалет, потому что сантехник дядя Володя обещал быть только вечером.

А вечером пришел дядя Володя.

– Роза, только ради тебя я вышел в свой выходной! – сказал он вместо приветствия.

– А я слышала, что ты с утра у Антонянов был, – встала руки в боки Ба.

– Был, – не стал отпираться дядя Володя, – только Антоняну я никак не мог отказать, он же мой непосредственный начальник! Ну и тебе не смог отказать. Побоялся.

Потом дядя Володя зашел в туалет и сказал:

– Я... маму вашего хозяина... что это такое вы тут накакали?

– Это не накакали, это тесто, неужели не видно? – рассердилась Ба.

– Роза, тебе больше негде было тесто замесить, пусть бог тебе даст удачу?

– Валод! – выбесилась Ба. – Проблема не в тесте, там в трубе поварешка застряла!

– Хэх, – крикнул дядя Володя и полез унитаз, – столько лет работаю сантехником, ни разу еще поварешку из туалета не доставал.

– Переживи как-нибудь молча свою премьеру, – пробухтела Ба.

Когда дядя Володя вытащил, наконец, поварешку и засобирился домой, Ба взяла его за локоть:

– Владимир Оганесович, – проникновенно зашептала она, – я надеюсь, вся эта история останется между нами?

– Обижаешь, Роза Иосифовна, – громко сглотнул дядя Володя.

– Иди, – смилостивилась Ба.

И сантехник ушел в темноту, унося с собой сумбур своих мыслей.

«Интересно, что они хранят в холодильнике, если в туалет ходят с половником», – лихорадочно соображал он.

Мане, конечно, потом влетело. За все – и за тесто, и за поварешку, и за сломанный зонт, и за позор, который пришлось пережить Ба перед сантехником.

Ба выпросила в больнице рентгеновские снимки Мани и развесила их по стенам ее комнаты. Для устрашения.

– Бааааа, – ныла Манюня, – это что, мой череп? Не хочуууууШШШ.

– Это твой *пустой* череп! – ругалась Ба.

Все две недели до поездки в Адлер снимки провисели в Маниной комнате. Сначала Маня пугалась, потом свыклась с ними и стала водить нас на экскурсию к себе.

– Это мой пустой череп, – гордо тыкала она в снимок пальцем.

– А это чивой?

– А это таз.

– Совсем не похож, – удивлялись мы, – таз он такой, круглый, с ручками. Бывает эмалированный.

– Хм. Не знаю, – приглядывалась к снимку Манюня, – может, и эмалированный. Но точно не круглый. Скорее...

– Скорее чего?

– Слово забыла. Скорее. скорее.

– Ну! – поторопили мы ее.

– Веснушчатый, во! – наконец вспомнила слово Маня. – Точно, у меня веснушчатый таз.

– С чего ты это взяла?

– А ни с чего. Просто слово мне нравится, – ответила Маня и любовно погладила снимок.

Глава 26. Манюня едет в Адлер, часть вторая из трех, или Салют над курортным городом

Мама крепко пожалела, что проболталась нам про поездку на море.

– Кто меня за язык тянул, – причитала она каждый раз, когда мы приходили к ней с очередной идеей, что еще нам жизненно необходимо взять с собой в Адлер.

Каринка отказывалась лететь на море без нового зимнего пальто.

– Отдыхать без пальто я не собираюсь! – упиралась она.

Новое пальто Каринки было предметом всеобщей зависти. Особенно не давали нам покоя простеганная затейливым узором

атласная подкладка, серебристые круглые пуговицы и отороченный мехом капюшон. Пальто прислала мамина троюродная сестра тетя Варя. Она заметила его в универмаге, в груде зимней одежды, которую вот-вот собирались унести на склад.

– Кому-нибудь из Надиных девочек должно подойти, – рассудила тетя Варя и вцепилась в пальто мертвой хваткой. Но за секунду до нее в пальто вцепилась другая тетенька.

– Я первая заметила, – завизжала та на весь универмаг, – и не хватайте меня за руки, у меня маникюр!

– А у моей сестры четыре дочери, – перекричала ее тетя Варя и вырвала пальто. Вместе с маникюром тетеньки.

«Надюша, милая, – писала она в сопроводительном письме, – надеюсь, кому-нибудь из девочек обязательно подойдет этот воистину трофей».

Воистину трофей, к нашему горю, подошел Каринке. Она тут же его надела и ходила так по дому до позднего вечера. Никакие увещевания и уговоры его снять не возымели на Каринку ни малейшего действия.

– Мне не жарко, мне даже холодно, – приговаривала она.

Мы с Манькой ходили следом и тыкали пальцами в меховой капюшон.

– Мягонький! – захлебывались мы от восторга.

– Отстаньте, – ругалась Каринка, – вы мне пальто испортите!

– Просто потрогать, – ныли мы.

– Пять копеек стоит один раз потрогать, – рявкнула сестра.

– Ого, далеко пойдешь, – засмеялся папа.

– Ну, Америка же далеко, – не дрогнула Каринка.

Перед сном она с большим скандалом сняла с себя пальто, положила его в постель, накрыла одеялом и легла рядом так, чтобы заслонить его от нас спиной.

Стерегла долго, пока мы с Манькой не заснули.

– Фух, ну наконец-то, – с облегчением подумала Каринка и провалилась в сон. О шестилетней Гаянэ она почему-то не подумала. А подрастающее поколение, скажу я вам, ничем не уступало таким корифеям разрушительного дела, как мы, и только до поры до времени прикидывалось овечкой.

Гаянэ тихо лежала в постели и ждала, когда заснет Каринка. Как только стены нашей квартиры задрожали от храпа сестры, Гаянэ подтянула к себе пальто, надела его и застегнулась на все пуговицы. Пальто вкусно пахло нафталином, которым его щедро сдобрила тетя Варя, когда собирала в путь-дорогу из Норильска в Берд. Гаянэ натянула на голову капюшон, спрятала руки в карманы и полежала какое-то время в постели, любуясь, как под тусклым лунным светом переливаются серебристые пуговицы. Потом она тихонько сползла с кровати, взяла с полочки ножницы, аккуратно срезала одну пуговицу и проглотила ее. Посчитала пуговицы. Остались четыре штуки. Подумала, срезала еще одну. Попыталась засунуть ее сначала в ноздрю, потом в ухо. Но потерпела неудачу, потому что пуговица оказалась достаточно большой. Тогда Гаянэ, ничтоже сумняшеся, проглотила и ее.

«Остались три штуки, одна Наринке, одна Каринке и одна Маньке», – решила она и, довольная собой, легла спать.

Наступившее утро стало недоброе для всей нашей семьи. Ибо вопль, который издала Каринка, не обнаружив пальто, силой децибелов мог сравниться только с ревом взлетающей баллистической ракеты.

Она вытряхнула мирно посапывающую Гаянэ из пальто, влезла в него и... недосчиталась двух пуговиц.

Гаянэ не стала дожидаться мучительной смерти и припустила в родительскую спальню.

– Спасите меня, – кинулась она ласточкой между мамой и папой и зарылась под одеяло.

На дальнейшие расспросы, куда подевались пуговицы, Гаянэ молчала как партизан. И только к обеду призналась маме, что проглотила их.

– Я подумала, что это конфеты, – расплакалась она.

– А если бы ты подавилась? Пуговицы-то вон какие большие, – всплеснула руками мама.

Пришлось Гаянэ два дня ходить по-большому в детский горшок Сонечки.

– Есть чего? – спрашивали мы ее каждый раз, когда она выходила из туалета.

– Нет, – расстраивалась Гаянэ.

И только на третий день пуговицы, наконец, вылезли.

– Фу, какая гадость, – ругалась Каринка, пока мама пришивала их на место.

– Никакой гадости, – успокаивала ее мама, – я их хорошенечко помыла, так что не переживай.

С тех пор, наученная горьким опытом, Каринка отказывалась оставлять без присмотра свое пальто.

– Оно там будет в безопасности, – убеждала она маму.

– Наоборот, оно дома будет в безопасности, мало ли что может взбрести вам в голову на море?

– А если его украдут? – беспокоилась Каринка.

– Не украдут, не волнуйся.

– Ладно, – скрепя сердце согласилась сестра.

Потом Гаянэ решила, что без своего велосипеда никуда не поедет.

– Мам, – обрадовала она маму, – без лясипеда я никуда не поеду!!!

– С велосипедом тебя не пустят на борт самолета.

– Это почему не пустят, – вмешалась Каринка, – его вообще необязательно брать в салон, можно привязать велосипед к ноге самолета, и он долетит с нами до Адлера!

– Вот! – обрадовалась Гаянэ. – Без лясипеда не поеду!

– Где ты у самолета ногу видела? – полюбопытствовала я.

– Там же, где и у тебя, – огрызнулась она.

- Ума палата, – постучала я себя по лбу.
 - От умыпалаты слышу, – полезла в драку сестра.
 - Подеретесь – никуда не поедете, – предупредила мама.
- Мы нехотя разошлись по разным углам комнаты.
- Без лясипеда не поеду, – напомнила Гаянэ.
 - Кто, ну кто меня за язык тянул, – схватилась за голову мама.

Ереванский аэропорт встретил нас толкотней и изнуряющей духотой. Ба путешествовать категорически не любила, поэтому пребывала в недобром расположении духа. Сначала она поругалась со всеми в очереди на регистрацию (что вы по мне вдоль и поперек ходите, ищите другие маршруты для променада), потом она поругалась с уборщицей в зале ожидания (в туалете вонь и грязь, а ты тут тряпкой елозишь по полу). Потом мы толпились под палящим июньским солнцем возле трапа самолета, а нас все не пускали внутрь, и Ба поругалась сначала с бортпроводником (на одну ногу наступлю, за другую потяну и разорву пополам, щенок), потом поцапалась со стюардессой (глаза аж до висков подвела, а детей в самолет не пускаешь). Под ее натиском детей впустили в самолет, и мы стояли наверху, махали родителям рукой, а Гаянэ обливалась горячими слезами и говорила: «Щас мы улетим, а мама останется валяпальту».

Потом мы полетели на самолете, и стюардесса с подведенными глазами разносила на подносе мятные леденцы в желтой обертке с

голубеньким самолетом на боку. Всем она дала по одной конфетке, а нам, покосившись на Ба, – по три. Ба мигом растаяла лицом и даже позволила себе некое подобие одобрительной улыбки. А мы весь полет забавлялись тем, что ели конфеты, а потом нас рвало в целлофановые пакеты, которые в большом количестве принесла стюардесса.

– Ну зачем вы их едите, – ругалась Ба.

– Нас и так рвет, с конфетами хотя бы вкуснее, – стонали мы.

– Если смыть с тебя всю косметику, глядишь, под ней и обнаружится миловидное личико, – поблагодарила Ба на прощание стюардессу, когда покидала салон самолета.

– Простите? – не поняла стюардесса.

– Прощаю, – отрезала Ба.

Адлер нам очень понравился. Пока мы ехали из аэропорта, и Ба ругалась с водителем такси, что он плохо водит (тормоза-то помнишь где находятся или рукой показать?) и много денег берет за проезд (я смотрю, счетчик тикает очень резко, небось подкрутил там какую гаечку), мы вертели головами и любовались городом.

– Ух ты, как много людей, – вздыхала Манька, – в сотни раз больше, чем в Берде.

– В стотыщмиллионов раз, – важно говорила Каринка.

– В стотыщмиллиардов, – не уступала я.

– А мы лясипед не взяли, – вспомнила Гаянэ и горько расплакалась.

Дом, в котором мы сняли две комнаты, принадлежал грузинской родне моей преподавательницы по игре на фортепиано Инессы Павловны.

– Гоги – мой двоюродный брат. Очень честный и порядочный человек, а жена его вообще прелесть, – уверяла нас Инесса Павловна, – так что не волнуйтесь, вам у них будет очень комфортно.

Гоги оказался мужчиной гигантского роста и могучего телосложения. На лице у него красовались лихо подкрученные вверх пышные усы, от глаз к вискам разбежались тоненькие лучики морщин.

– Гамарджоба, – пожал он мужчинам руки, – как доехали?

– Лучше бы не ехали, так доехали, – любезно отозвалась Ба и прошла сквозь опешившего хозяина в дом. – Где тут наши комнаты?

– Теща? – скорбным шепотом спросил папу Гоги.

– Нет, – замотал головой папа и кивнул в сторону дяди Миши, – это его мама.

– Пойдем, покажу ваши комнаты. – Гоги отобрал у дяди Миши чемодан, взял его под локоток и повел в дом.

Все две недели он относился к дяде Мише как к тяжело больному человеку – всячески за ним ухаживал, подсовывал самые вкусные куски еды, норовил открыть перед ним дверь и называл за глаза «этот несчастный человек».

Комнат было две, одна большая, другая поменьше. В большой стояли три кровати, раскладной диван и большой шкаф, а в маленькой две кровати, трюмо и кушетка. После недолгого совещания взрослые решили, что Ба с мамой и Сонечкой будут спать в маленькой комнате, а остальные девочки с папами – в большой.

Мы разложили наши вещи в шкаф, а потом жена Гоги Натэла накормила нас запеченной рыбой и напоила домашним лимонадом.

– Ах, вкусно-то как, – причмокивали мы, отпивая из стаканов кислосладкий лимонад, – никогда в жизни ничего вкуснее не пили!

Натэла залиvisto смеялась, откинув голову, и подливала нам лимонад. Ее рыжие вьющиеся волосы отливали множеством золотых искорок под лучами заходящего солнца.

– Какая вы красивая, – залюбовалась Маня, – и веснушчатая!

– Это я летом такая веснушчатая, – сказала тетя Натэла, – а зимой превращаюсь в бледную моль.

– Небось врете, – не поверила Манька.

– Мария, – одернула ее Ба, – уши откручу! Разве можно так со взрослыми разговаривать?

– Я тебе потом свои зимние фотографии покажу, и ты увидишь, что я не вру, – пообещала Мане тетя Натэла.

Потом Гоги показывал нам баню, которую «уот этими уот руками сколотил», а мама осталась помогать Натэле убирать со стола.

– Очень хочу научиться делать правильный грузинский лобио, – сказала она.

Натэла тут же достала из шкафчика мешочек с фасолью и отсыпала часть в неглубокую миску.

– Завтра и приготовим.

– Замачивать не будем? – спросила мама.

Натэла открыла рот, но так и не успела ответить.

– Баб, – раздался сзади голос Гаянэ, – босбодри, что я зделала.
Женщины обернулись и потеряли дар речи.

– Вайме, – первой пришла в себя Натэла, – деточка, что это у тебя с лицом?

– Горе мое, – всплеснула руками мама, – ты снова что-то засунула себе в нос?

– Гонфеды, – отрапортовала Гаянэ, – дбе штуги.

– Покажи!

Гаянэ откинула голову, и Натэла чуть не грохнулась в обморок – в каждую свою ноздрю сестра засунула по здоровенной фасолине.

Так как фасолины она затолкала чуть ли не до самых до извилин, то вытаскивали их долго. Сначала мама надавливала на них сверху, чтобы они чуточку сместились вниз, а Гаянэ отбивалась и орала: «Дидада, мне и дак ходошо». Потом мама пыталась подцепить их ногтем и Гаянэ уже не отбивалась, потому что на ее крик примчалась Ба и пригрозила, что если она будет капризничать, то Ба саморучно извлечет фасолины. Гаечка смотрела на Ба громадными золотистыми глазами и тихонечко поскуливала:

– Тодько не Ба!

– Бедный ребенок, – сокрушалась Натэла и спешно убирала в квартире все, что может пролезть в ноздри Гаянэ.

– Дети, – спрашивала она, – а лото убирать?

– Убирать, – говорили мы, – и нарды тоже спрячьте, а то она однажды игральные кости себе в нос запихала, пришлось ехать к врачу.

– И нос вроде у ребенка совсем маленький, – удивлялась Натэла.

– Зато ноздри растягиваются будь здоров. Натренировала, – объясняли мы.

А потом на город надвинулась густая южная ночь, и небо обсыпало большими гроздьями ярких звезд.

– Надо же, в Адлере такие же звезды, как у нас, – удивлялись мы, – вон Большая Медведица, а вон Маленькая.

– Ну конечно, а вы думали, что мы в другой галактике живем? – смеялась Натэла.

Потом нас отправили спать, и мы долго не могли уснуть, возбужденные перелетом и новыми впечатлениями, и слышали сквозь полудрему, как папа с Гоги играют в нарды.

– Сейчас я тебе мастер-класс покажу, – сказал папа.

– Яйцо курицу учит, – хмыкнул Гоги.

– Вы тут посоревнуйтесь, а потом я разгромлю победителя, – подсел к ним дядя Миша.

– А я потом тебя разгромлю, – сказала Ба, и все расхохотались. Кроме Гоги. Гоги не знал, что Ба играет в нарды с детства, и редкому счастливчику удается ее обыграть.

– Натэла, – встрепенулся он, – принеси Мише мой синий жакет, а то вдруг ему холодно.

– Мне не холодно, – успокоил его дядя Миша.

– Ничего, пусть рядом полежит, – не дрогнул Гоги и кинул кости:

– Готовься к проигрышу, Юрик. Ду-ек.^[7]

– Шикарный старт, – захохотал папа.

Мы лежали с закрытыми глазами и прислушивались к звукам, которые лились в распахнутые окна спальни. Где-то совсем близко шумело море, ночь накрыла город темным звездным куполом, мама с Натэлой в два голоса пели «А напоследок я скажу»...

– Скажешь – не скажешь, все равно победа будет моей, – комментировал их пение Гоги.

– Хорошо-то как, – шепнула Манька.

– Угум, – промычали мы в полудреме.

Впереди были две недели замечательного, полного удивительных приключений отдыха.

* * *

Наутро, сразу после завтрака, мы отправились на пляж. Идти было недалеко, минут двадцать неспешным шагом. Огромное, густое, безбрежное Черное море разом обрушило на нас все свое великолепие.

– Ух ты, – задохнулись мы, – красота-то какая.

– Смотрите, народу как много, и все почти голые, – радовалась Каринка.

– Пахалеоод, самалеооот, деревоооо, пысоооок, много-много водыыы, – степным акыном перечисляла увиденное Гаянэ.

Мы расстелили пляжные полотенца, быстренько скинули наши платья и остались в купальниках. Каринка в красном, я в голубеньком, а Маня в желтеньком, раздельном. Мы с Каринкой по очереди заглянули ей в лифчик.

- У тебя там ничего нет, – разочарованно протянули мы.
- Это на вырост, – важно сказала Манька и поправила лифчик, – в следующий раз я приеду на море уже с титьками.
- Где ты таких слов набралась, – рассердилась Ба, – надо говорить не титьки, а грудь.
- Ну, значит, с грудями приеду.
- Горе луковое, – вздохнула Ба и стянула через голову платье в мелкий цветочек.
- Хихихи, – захихикали мы.
- На Ба был большой закрытый синий купальник в малиновые разводы. Грудь у Ба заканчивалась ровно там, где начинался живот, а живот плавно перетекал в бедра.
- Ба, я и не знала, что ты такая толстенная, – прыснула я.
- Наринэ! – рассердилась мама.
- Но я смеялась и не могла остановиться.
- Ничего смешного, – отрезала Ба и надела на голову соломенную шляпу.
- Ба, ты на Страшилу Мудрого похожа, – не вытерпела Маня.
- Ты с ума сошла, Мария? – разозлилась Ба.
- Ладно, на Гудвина, – не сдавалась моя подруга.

Дядя Миша хотел сделать дочери замечание, но глянул на Ба, прыснул и спрятал лицо в ладони.

– Манюня, – решила вмешаться мама, – нельзя так с бабушкой разговаривать!

– А чего я такого сказала? – обиделась Манька. – Была бы она худая и костлявая, я бы сказала, что она на Железного Дровосека похожа.

– Хыхыхыыы, – покотился со смеху дядя Миша.

– Пригрела на груди клубок змей, – сердито пробубнила Ба, вытащила из сумки тюбик крема «Балет» и толстым слоем намазала себе нос.

– Главное, не сгореть, чтобы шнобелем не семафорить, – сказала назидательно. – Нарка, иди, и тебе нос смажу, – подозвала она меня.

– Почему как только шнобель, так все сразу Нарку вспоминают, – обиделась я, – не надо мне вашего крема!

Потом наши папы в два счета надули плавательные круги.

– Надя, я сегодня научу тебя плавать, – обрадовал папа маму.

– Не надо, – испугалась мама, – мне и так хорошо, и вообще, на кого я маленькую Сонечку оставляю?

– Я за ней пригляжу, – сказала Ба, – ты можешь спокойно поплавать. Если что, я тебя позову.

– Тут шумно, я могу не услышать вас, – упиралась мама.

– Надя, если я захочу, то меня и в Варне услышат, так что не волнуйся, – успокоила ее Ба.

– Юра, ты же знаешь, я воды боюсь, – взмолилась мама.

– Будем страх лечить, – потянул ее за руку папа.

– Завтра, ладно? – попросила мама. – Дай мне сегодня просто к морю привыкнуть.

– Ладно, – смилостивился папа.

– Вы пойдите поплавайте, а я вещи постерегу, – выдохнула с облегчением она.

– А я буду красивые камушки собирать, – сказала Гаянэ.

– Смотри у меня, – выпучилась Ба, – если хоть один камушек в нос засунешь, то вытаскивать его буду я. Тебе ясно?

– Ясно, – сказала Гаянэ.

– Умная девочка, – похвалила ее Ба, – ну что, пойдём плавать?

– Пойдеоооом! – заорали мы.

И мы побежали к морю. Маня бежала впереди всех, двумя руками придерживая на талии надувной круг и смешно двигая лопатками.

Дядя Миша подхватил ее под мышки и с разбега кинул в море.

– Иииииииии, – завизжала Манька.

Потом папа таким же образом отправил в воду меня, а Каринку они с дядей Мишей раскачали за руки и ноги и швырнула дальше всех.

– Ааааааааа! – орала в восторге Каринка.

– Роза? – Обернулся к Ба папа.

– Нет уж, молодые люди, я как-нибудь сама, – сказала Ба и села прямо у кромки воды.

– Плавайте недалеко, чтобы я вас видела, – крикнула она.

Дядя Миша с папой пустились наперегонки и скоро оказались у буйков.

– Как два дельфина, – загордилась Манька.

– А мы как кто?

– А мы как три девицы у окна, – сказала Манька, – смотрите, как я умею делать – и она навалилась на круг, легла пузом на воду и задрала ноги. – Я похожа на русалку?

Мы с Каринкой повторили ее маневр.

– Теперь мы три русалки у окна, – обрадовалась я.

Потом Каринке стало скучно бултыхаться в воде, и она выдернула затычку сначала из моего, потом из Маниного круга.

В отместку мы выдернули затычку из ее круга и навалились на нее всем телом. Пока барахтались в воде, круги унесло волной. Хорошо, что рядом плавало много сердобольных дядечек и тетенок, они нам вернули круги и наказали больше не шалить.

– Куда ваши родители смотрят? – возмутилась тетенька в малиновой панаме.

– Они смотрят в другую сторону, потому что им стыдно, что мы их дети, – не растерялась Манька.

– Вот из-за таких безответственных взрослых и растет в мире количество преступников, – неосторожно сказала тетенька.

– Это кого ты преступниками обзываешь? – надвинулась на нее Ба. – Вроде на вид нормальная женщина, а туда же!

– Куда это туда? – растерялась тетенька.

– Да известно куда. Девочки, отплывайте подальше, мало ли чем можно от нее заразиться!

– П-позвольте, – пролепетала тетенька в малиновой панаме.

– Не позволю! – Ба сдвинула шляпу на затылок и стерла с носа толстый слой крема.

«Бить будут», – подумала тетенька и быстро-быстро отплыла в сторону.

– Николаи боз! – прогрохотала ей вслед Ба, сделала в воде два приседания и вышла обратно на берег.

– Ба-а, – взяла ее за руку Гаянэ, – водь, я габушгов нашда даздых.

– Деточка, ну ты сама напросилась, – выдохнула Ба и наградила Гаянэ своим фирменным подзатыльником.

– И камушки сами из носа посыпались, – рассказывала потом Гаянэ.

– Хэх, Гагасичка, – хмыкнул дядя Миша, – это еще что! У меня иногда целые звездные системы выскакивали из глаз от подзатыльников Ба. Хотя я никогда в жизни себе в нос ничего не засовывал.

– Бедненький, – пожалела его Гаянэ, – я, когда в следующий раз буду камушки себе в нос засовывать, и вам принесу.

Ба зашла в комнату в ту минуту, когда дядя Миша, заговорщицки подмигнув Гаянэ, говорил:

– И мы тогда вдвоем набьем наши носы и уши камушками до отказа, да?

Через секунду закатное небо озарил победный салют искр, вылетевший из Дядимишиных глаз, а следом все жители и гости славного города Адлера узнали все, что Ба думает о шлимазлах в целом, и о своем сыне в частности.

Глава 27. Манюня едет в Адлер, часть третья из трех, или Как Ба кокетничала с внуком Гольданской

На второй день отдыха, прямо с раннего утра, мама прикинулась больной.

– Что-то голова у меня ноет, – делала она скорбное выражение лица, – видимо, у моря продуло. Я посижу на пляже, но в воду сегодня не полезу.

– Хе-хе, – засмеялся папа, – жена, я тебя не первый день знаю, ты лучше сразу признавайся, что боишься учиться плавать.

– Ничего я не боюсь, – забежала глазами мама.

– Ну и нечего тогда придумывать. Чуть что – сразу голова болит.

– Вестимо дело, – рассмеялась Ба, – голова болит – самая известная женская отговорка.

– И прямой путь к раннему климаксу, – ввернул папа.

– Ну и ладно, – обрадовалась мама, – будем жить с тобой как брат с сестрой. Ого, рифма на радостях пошла!

– Это я пошутил, – забеспокоился отец, – это я так, к слову сказал.
– Поздно уже, – похлопала его по плечу Ба, – проложил себе необдуманно дорогу к раннему простатиту.
– Хахахахаааа, – покатила со смеху мама.
– Сейчас пойдем учиться плавать, и я посмотрю, кто тут хахаха, – рассердился папа.

Пока родители препирались, мы с Каринкой и Маней засыпали песком дядю Мишу.

– Вы только в лицо песком не кидайтесь, а так делайте со мной что хотите, – попросил он, – а я чуток покемарю. Если бы Каринка храпела хотя бы вполсилы, то мне, может, и удалось бы ночью поспать.

– Ребенок! – отвлекся от переговоров папа. – Пора уже заниматься твоей носоглоткой. И я замучился всю ночь с боку на бок ворочаться.

– Па, ну я же не специально, – развела руками Каринка, – ты же сам говорил про искривленную перепелку и что оперировать меня сейчас нельзя, потому что я маленькая!

– Во-первых, не перепелка, а перегородка, а во-вторых, я думаю, оперировать уже можно. И даже нужно!

– Вы сначала поймайте меня, а потом про операцию говорите, – хмыкнула Каринка и высыпала на Дядьмишины плавки целое ведерко песка. – Сей-час у-трам-буууем!!!

– Не надо! – вскочил дядя Миша. – Не надо мне там ничего утрамбовывать!

– Пап, – рассердилась Манька, – я тебе уже все ноги засыпала песочком, а ты вскочил, и весь песочек посыпался на землю!

– Извини, я нечаянно, – дядя Миша повернулся на живот, – засыпайте меня песком лучше сзади.

– Сза-ди так сза-дией, – прогундосила Каринка и высыпала на Дядимишины плавки новое ведерко песка.

– Деточка, – обернулся к ней дядя Миша, – неужели тебя во мне ничего, кроме плавков, не привлекает?

– Да я первым делом хочу срам прикрыть, – объяснила Каринка, – попу там или писюн...

– Спасите меня, – взмолился дядя Миша, – она мне ни днем ни ночью спать не дает!

– Дети, идите сюда, мы сейчас пойдем маму плавать учить, – позвал нас папа.

- Ура, – запрыгали мы, – пойдём учить маму плавать.
- Не хочу, – упиралась мама, – не умею и не хочу!!!
- Надо, – внушал папа.
- Юрик, ну что ты к ней пристал, – вмешалась Ба, – не хочет учиться плавать – не надо, я вот тоже не умею плавать, и ничего.
- И тебя научим, Роза, не переживай, – не дрогнул отец.

Папа был единственным человеком, который осмеливался возражать Ба. Такая беспрецедентная храбрость объяснялась его профессией. Когда ежедневно через твой кабинет проходит десяток женщин, каждая из которых готова скончаться в стоматологическом кресле, но не открывать своего рта, то это, конечно, сильно тренирует волю.

Например, одна обезумевшая от страха монументальная тетенька, увидев в папиных руках шприц с обезболивающим, вырвалась из кресла, схватила лоток со стерилизованными инструментами и, прикрываясь им, как щитом, выбежала на улицу. А вечером муж этой тетеньки вернул папе лоток, наполненный доверху... пирожками с мясом.

– Жена напекла, – виновато дергал он острым кадыком, – доктор, можно ей завтра прийти, а то зуб как болел, так и продолжает болеть?

– Можно, если она обещает больше не трогать инструменты, – смилостивился папа.

А другая тетенька, когда папа навис над ней со шприцем в руках, вцепилась ему в карман халата и вырвала его с мясом. Чем вогнала отца в ступор. И пока он из этого ступора выходил, тетеньки и след простыл.

– Через два дня пришлось лечить ей зуб вживую. Десна загноилась, и анестезия уже почти не действовала, понятно? – рассказывал нам папа и для пущей убедительности грозно шевелил бровями.

– Понятно, – пискнули мы и побежали чистить зубы. По двенадцать раз с каждой стороны вдоль и поперек.

Вот почему отец, натренированный ежедневным общением с непредсказуемыми тетеньками, не робел перед Ба. Да и Ба признавала в нем если не равного, то хотя бы полноправного собеседника и относилась к нему с большим уважением. Поэтому она не стала ругаться, а просто всплеснула руками:

- Ииии, шлимазл!
- Я тоже тебя люблю, Роза, – засмеялся отец.
- Раз ты меня любишь, купи мороженое.
- Ура, мороженое, – обрадовались мы.
- Уно моменто, – накинул на плечи рубашку папа.

Он вернулся через десять минут с ягодным мороженым в картонных стаканчиках.

- В такую жару лучше кисленькое есть, – объяснил.

Мы с большим удовольствием полакомились мороженым, а картонные стаканчики сложили в длинную стопочку. «На обратном пути выкинем», – сказала Ба и убрала стаканчики в сумку.

Настало время идти учить маму плавать.

– Надя, ты не волнуйся, за Сонечкой и Гаянэ я пригляжу, – успокоила ее Ба.

- Если что, зовите меня.

– Всенепременно!

– Пошли, – скомандовал папа и поволок маму к берегу. Мама слабо упиралась и причитала: «Да что же это такое».

Далее повествование делится на два акта. Они происходят одновременно в разных концах пляжа.

Акт I. Ба знакомится с внуком Гольданской

Как только мы скрылись из виду, Гаянэ подошла к Ба, сложила ладошки домиком и зашептала ей на ухо:

- Ба, посмотри, что я с дядей Мишей сделала!

Ба глянула на сына и не смогла удержаться от смеха – дядя Миша спал на животе, подвернув под щеку локоть. Вся его спина и ноги были засыпаны песком, а на голове красовалось голубенькое пластмассовое ведерко.

– Это чтобы он не сгорел на солнце, – похвасталась Гаянэ, – Ба, скажи, я умничка?

– Деточка, ты даже умнее, чем я, – погладила Гаянэ по голове Ба, – молодец, теперь можешь поиграть со своей сестрой.

Маленькая Сонечка ползала по красному надувному матрасу и остервенело с ним ругалась:

– Это ты мне вава дейй? Яцем ты мне вава дейй?

Никто не мог взять в толк, почему ребенок выясняет отношения с матрасом. Но, как только мы его надували, Сонечка начинала ползать по нему и бесконечно выясняла отношения с каждым его квадратным сантиметром.

– Пяхой! – отчитывала она его. – Сонуцке вава дейй. Яцем???

Матрас в ответ хранил недоуменное молчание.

Гаянэ порылась в пляжной сумке и достала разноцветные кубики:

– Сонечка, будешь в кубики играть?

– Буду, – пнула на прощание матрас Сонечка и пересела к Гаянэ.

Ба щедро намазала кремом нос, достала из сумки журнал «Здоровье» и, перед тем как приступить к чтению, окинула взглядом вверенное ей хозяйство. Дядя Миша мирно спал с голубеньким пластмассовым ведерком на голове, Сонечка с Гаянэ возились с кубиками.

Ба потянулась убрать ведро с головы сына, но потом передумала.

«От сглазу», – решила она, нацепила на нос очки и погрузилась в чтение.

– Простите, а можно расположиться рядом с вами? – прервал ее чтение какой-то мужчина.

Ба отложила журнал и недобрый взором уставилась на нарушителя спокойствия. Нарушитель спокойствия выглядел вполне благообразно – это был невысокий, полноватый мужчина в светлой панаме, льняной сорочке навыпуск и сандалиях на босу ногу.

– Да пожалуйста, – неожиданно для себя приветливо отозвалась Ба, – я смотрю, вы человек вполне порядочный и интеллигентный.

– Ой, спасибо, – обрадовался дядечка. Он вытащил из целлофанового пакета с надписью «С Новым годом» пляжное полотенце, постелил его почти впритык к полотенцу Ба и стал поспешно раздеваться. Казалось – он боялся, что Ба передумает и ему придется искать себе новое свободное место.

– Евгений Петрович Колокольников, – оставшись в очках и плавках, учтиво представился он.

– Роза Иосифовна Шац, – буркнула Ба.

– О! – заклокотал Колокольников. – Урожденная Шац?

– Если вы надеетесь, что я урожденная Иванова, а меня совершенно случайно назвали Розой Иосифовной, то я должна вас сильно разочаровать, – нахмурилась Ба.

– Нет-нет, ну что вы, – у Евгения Петровича от волнения запотели очки, – я просто хотел уточнить... то есть попросить... то есть чтобы знать... черт! не будете ли вы так любезны, Роза Иосифовна, посмотреть за моими вещами, пока я поплаваю? Я отлучусь совсем ненадолго.

– Буду любезна, – оттаяла Ба.

Евгений Петрович потоптался на месте, потом наклонился к Ба.

– Я в некотором роде тоже Шац, – сообщил он ей конспиративным шепотом.

– Да ну? – Ба поправила на переносице очки и внимательно оглядела Евгения Петровича с ног до головы. – А по вам не скажешь.

– Ну, – замялся Евгений Петрович, – у меня бабушка по материнской линии была. хмхм... Гольданская.

– Знала я одну Гольданскую, она у моей тети Мирры жениха увела, – хмыкнула Ба, – а потом Мирра столкнулась с ней в мясной лавке и чуть не порешила подвернувшемуся под руку ножом для разделки туши. Нож у нее в последнюю минуту отобрал помощник мясника, но тетушка все равно не растерялась и выдрала у разлучницы часть косы да исцарапала ей лицо так, что потом остались шрамы. У вашей бабушки на лице шрамов не было? – полюбопытствовала Ба.

– Нет, ну что вы, – испугался Евгений Петрович, – ни одного шрама.

– Ну и ладно, – смилостивилась Ба.

Евгений Петрович нерешительно сел на полотенце и повернулся к девочкам.

– Это ваши дочери? – кивнул он в сторону Сонечки и Гаянэ. И забегал сконфуженно глазками.

Ба сняла очки и прожгла его насквозь огненным взглядом.

– Это мои внучки, – отрезала она, – идите уже окунитесь в воду, Евгений Петрович, а то вы меня утомили своей учтивостью. И смотрите не утоните.

– Да-да-да, – затрепетал Евгений Петрович и потрусил к морю.

– Мам, – подал голос дядя Миша, как только Евгений Петрович скрылся в толпе отдыхающих, – да ты та еще вертихвостка, я смотрю.

- Давно проснулся?
- Вот как только этот «в некотором роде Шац» подошел к тебе, так и проснулся.
- А чего ведро с головы не снял? – съязвила Ба.
- Не хотелось мешать тебе глазки строить, – потянулся дядя Миша и сел, – а где остальные?
- Пошли учить Надю плавать. Давно уже их нет, видимо, хорошо у нее получается.
- Пойду, посмотрю как они там, – встал дядя Миша, – и это, пока меня нет, не смей больше ни с кем кокетничать.
- Тебя забыла спросить, – хмыкнула Ба.
- Сонечка, а где красный матрас? – наклонился поцеловать мою сестру дядя Миша.
- Пяхой матлась, – встрепенулась Сонечка, – вава дейй Сонуцке.
- Прааавильно, – засмеялся дядя Миша, – плохой матрас, прощать его ни в коем разе нельзя.
- Ба дождалась, пока сын скрылся из виду, полезла в мамину сумку, достала пудреницу и глянула на себя в зеркальце.
- Прелестно, – процедила сквозь зубы, – волос всклокочен, на носу толстый слой крема. И я еще ухитрюсь в таком виде кому-то нравится!
- Ба-а, – погладила ее по плечу Гаянэ, – Ба!
- Чего?
- Я хочу какать.
- То есть как это какать? – ужаснулась Ба. – А на кого я все эти вещи оставлю? Мы сейчас не можем отойти! Потерпи, пока мама с папой вернутся.
- Я потерпеть могу, а вот кашки не могут, – расплакалась Гаянэ.
- Горе мое, что же нам делать? – всполошилась Ба.

Акт II. Папа учит маму плавать, или Как надо правильно топить свою жену

Папа рьяно взялся за дело. Сначала он завел маму по грудь в воду и взял ее на руки.

– Ложись на воду... вот так... не задирай колени... ну что ты, как жираф, вытянула шею? Расслабься. Я сейчас тебя отпущу, а ты попробуй продержаться на поверхности.

– Хорошо, – сказала мама и моментально ушла под воду.

Папа вытащил ее на поверхность.

– Я утону, у меня ничего не получится, – еле отдышалась мама.

– Ну что ты так боишься, – рассердился папа, – я же рядом!

– Не знаю, – у мамы зуб на зуб от страха не попадал, – боюсь, и все.

Папа собственноручно затянул мамины длинные густые волосы в конский хвост, чтобы не мешали. Взял ее снова на руки.

– Юра, у нас четверо детей, – взмолилась мама.

– А то я об этом не помню, – отозвался папа, – мать четверых детей должна уметь плавать как рыба! Держись за руку. ладно, не хочешь за руку, держись за шею. отпускаю. не души меня. говорю – недшмня. кха-кха-кха.

«Плюх!» – и мама снова ушла под воду. Папа пошарил рукой и вытащил ее на поверхность.

– Аааа, – отдышалась мама, – никогда больше не поеду на море!

– Пап, – нам стало жалко маму, – не надо ее плавать учить, а если она утонет?

– Да не утонет она, – вскипел папа, – это нормально – человеку тридцать четыре года, а она плавать не умеет?!

– Но мы ее и без «плавать умеет» любим, – заверили мы его.

– Не хочу я плавать уметь, – жалобно расплакалась мама.

– Боишься?

– Боюсь.

– Ладно, черт с вами, – махнул рукой папа, – пойдем, прогуляемся хоть по пирсу, полюбуемся на тех, кто ныряет в воду.

– Спасибо тебе большое, – чмокнула его в щечку мама, – вот по пирсу прогуляюсь с удовольствием!

И мы пошли гулять по пирсу. На людей посмотреть и себя показать.

– Не забывай о французской осанке, – напомнила мне Маня.

Мы втянули животы и расправили плечи, отклячили попы и пошли, вихляя тощими бедрами.

– Во дают! – присвистнул какой-то мальчик.

– Ща как дам в глаз, – успокоила его Каринка.

Мы шли за родителями и любовались маминой фигурой.

– Мам, ты у нас такая красавица, – выдохнула я, – никто не скажет, что у тебя четыре дочки! Ты худенькая, и попа у тебя совсем не большая.

– Спасибо, – зарделась мама, – у меня просто гены хорошие.

– А у нас какие простогены?

– Не простогены, а гены. У вас тоже хорошие гены.

– Ура! У нас хорошие гены, – захлопали мы в ладоши.

– А у меня лучше всех! – прыгала вокруг нас Манька.

Потом мы принялись болеть за тех, кто ныряет в море. Долго любовались тоненькой девушкой в красном купальнике. Она какое-то время простояла на краешке пирса, потом в профессиональном прыжке прямой стрелой ушла в воду.

– Браво, – захлопали зрители.

Девушка вынырнула и помахала всем рукой.

– Надя, последняя попытка, давай я тебя сейчас с пирса столкну. Инстинкт – великое дело, ты мигом вынырнешь и больше не будешь бояться воды. А я следом прыгну, буду тебя подстраховывать, – сказал папа.

И, не дожидаясь ответа, столкнул маму в воду.

– Аааааа! – кричала мама, пока летела к воде.

– Аааааа! – орал мы ей сверху.

«Бултых», – спрыгнул за мамой в воду папа.

«Бултых-бултых-бултых», – спрыгнули за папой еще несколько человек.

Какое-то время на поверхности вообще никого не было, потом один из ныряющих вытащил маму.

– Развожусь, – выдохнула мама, как только отдышалась.

– Аааааа, – орал мы сверху, – а где же папа???

Папа не выныривал. Кто-то вытащил маму на берег, и она тут же начала бегать вдоль кромки воды, рвать на себе волосы и орать: «Спасите моего мужа». Про развод она больше не заикалась.

Через минуту подоспели спасатели. Еще несколько томительных секунд – и они вытащили на поверхность совершенно бледного отца.

– Он живой? – кричали мы сверху и обливались горячими слезами. Громче всех орала Манюня:

– Дядяюрочка, ну хоть что-нибудь скажи, хоть головоооой пошеве-лииии!!!!

– Он живой? – кричала мама с берега и норовила пуститься вплавь к мужу.

– Живой, – успокоили нас спасатели, – в обмороке, воды наглотался.

Потом оказалось, что, когда папа в спешке прыгнул в воду, он как-то неправильно нырнул и от резкого перепада давления потерял сознание. И пошел ко дну.

Дядя Миша подоспел, когда спасатели втащили папу на катер и делали ему искусственное дыхание.

Сначала папу рвало водой, а далее он пришел в себя и стал тут же отшучиваться, мол, все это специально придумал, чтобы крепкие мужики ему искусственное дыхание сделали.

– Все, – говорил он, – пошел я по кривой дорожке, обратного пути мне нет.

Потом папу торжественно доставили на берег, и они с мамой обнимались, и мама говорила: «Ну какой же ты у меня дурачок», – а папа говорил: «Жена, ты безнадежна, плаваешь как булыжник». А мы прыгали вокруг и орали: «Ура-ура, все живы-здоровы».

И снова акт I. Как покакать на пляже, когда нет никакой возможности отойти

– Баааа, – рыдала Гаянэ, – сейчас уже совсем терпеть не могууууу.

– Да что же это за наказание такое, – ругалась Ба, – деточка, давай подумаем о чем-нибудь отвлеченном, давай камушков наберем красивых.

– Нееееет, – плакала Гаянэ и норовила стянуть с себя трусики, – я прямо здесь покакаю!!!

Времени на раздумья не оставалось. Ба пошарила в сумке и достала стопочку картонных стаканчиков из-под мороженого. Огляделась. Недалеко возвышались три пальмы, а под ними даже росла какая-то чахлая трава.

– Вот тебе стаканчик, – сказала она, – беги туда в деревья и покакай прямо в него. Смотри не промахнись. А потом закопаешь его в

песок.

– А я так дырочку в попе не найду, – пуще прежнего зарыдала Гаянэ.

– Так. Сними трусы. Наклонись. Хо-ро-шооо.

Ба примерилась, поставила стаканчик к попе Гаянэ.

– Придерживай вот тут вот. Побежала!

И Гаянэ рванула с места, семафоря всем своей толстенкой попой. Бежала чуть нагнувшись, придерживая у «выхода» стаканчик руками.

– Лопаточку забыла, – крикнула ей вслед Ба.

– Потом вернусь за ней!

– Фух, – протерла пот со лба Ба, – ну что, Сонечка, тебе покакать не хочется?

– Неть, – Сонечка увлеченно терзала затычку красного матраса, – я уже сдеяла ка-ка.

– Остается еще мне тут покакать, и сегодняшнюю миссию можно считать выполненной! – выдохнула Ба.

– Простите? – наклонился к ней внук Гольданской.

– Фух, как вы вовремя, – обрадовалась Ба, – посмотрите за ребенком, а я сбегая туда в кусты.

– Здесь недалеко есть общественный туалет. Правда, ужасно загаженный, и очередь к нему большая, но все же это лучше, чем в кусты ходить, вам не кажется? – неосторожно спросил Евгений Петрович.

Ба смерила его таким взглядом, что вся морская влага мигом выпарилась с тела Евгения Петровича.

– Там у меня внучка какает! – прогрохотала она на весь пляж. – А вы себе шуточки идиотские позволяете!

– О, простите меня, Роза Исааковна...

– Иосифовна! И я думаю, что у вашей бабушки таки были шрамы на лице, – выдохнула огнем Ба, подняла с песка лопаточку и пошла к пальмам.

Либи́до Евгения Петровича было растоптано на веки вечные!

За время нашего отдыха в Адлере случилось еще много чего интересного. Как-то:

Сонечка умудрилась поймать и съесть пчелу. Пчела ужалила ее в нижнюю губу, и все потом прыгали вокруг Сонечки, чтобы она не

плакала и не расчесывала до крови губу. Когда Гоги брал ее на руки, она хваталась ручками за его уши и терлась зудящей губой о пышные усы.

«Уертихуостка», – смеялся Гоги.

Манюня нашла в саду черепаху и решила забрать ее с собой домой. Рассказать взрослым об этом мы побоялись и просто спрятали черепаху в Манин чемодан. На третий день Ба за чем-то полезла туда, и вопль, который она испустила, услышали на том берегу Черного моря. Далее, сыпля проклятиями, она кинулась нас разыскивать, но Гоги ее опередил, заперся с нами в чулан и шепотом говорил: «Ни разу в жизни не увидел, чтобы черепаха так быстро улепетиуала».

Каринка покалечила соседского мальчика, и его родители пришли разбираться с Гоги и Натэлой.

– Как можно пускать к себе таких неблагонадежных жильцов, – ругались они.

– Сергей Максимович, не о том беспокоишься, – говорила Натэла, – переживать надо за то, что твой двенадцатилетний сын четыре года занимается борьбой, а его восьмилетняя девочка в два приема уложила.

– Уот! – сокрушенно кивал головой Гоги.

А в вечер перед нашим отъездом Гоги затеял прощальный шашлык, и мы допоздна сидели в саду, за длинным деревянным столом, накрытым простенькой клеенчатой скатертью, заедали сочное мясо хрустящим хачапури и салатом из запеченных овощей, и мама под диктовку Натэлы записывала рецепт «правильного» пхали.

На десерт взрослые пили кофе, а дети ели крупную, приторно-сладкую черешню и запивали ее кисленьким компотом.

А на следующее утро папа с Гоги чуть не подрались, потому что Гоги не хотел брать деньги за последние несколько дней проживания и кричал: «Юрик, уи никак хотите меня сильно оскорбить?» Чтобы не доводить дело до смертоубийства, Ба молча забрала у папы деньги и сунула их Гоги за шиворот.

– Спасибо, генацвале, – гаркнула она, чем ввела Гоги в долгий благоговейный ступор.

Я навсегда запомнила тот июнь, и густое ночное небо над Адлером, и шумные его улочки, и дни, когда мы все были вместе и ни одному нормальному человеку не было дела до того, грузин ты, русский, еврей, украинец или армянин, и казалось, что так будет всегда и этой дружбе нет конца и края.

Я навсегда запомнила вкус той приторно-сладкой последней черешни и то, как Натэла смешно складывала губы трубочкой, назидательно приговаривая: «Надя, ты главное запомни – орехи лучше толочь в ступке, а не пропускать через мясорубку», – а Гоги, боязливо оглядываясь на Ба, объяснял дяде Мише: «Пожестче надо быть с женщинами, даже если эта женщина – твоя мать».

Я ни к чему не призываю.

Я прошу вас остановиться на минуту и вспомнить, как это прекрасно – просто дружить.

Вот так должно быть сейчас. И завтра. И послезавтра. Всегда. Спасибо.

Книга вторая. Манюня пишет фантастический роман

Действующие лица

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и несгибаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не сживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроевец. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегает. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляпольт», «лясипед» и «тттаматттедтттий».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную

колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Глава 1. Манюня – отчаянная девочка, или Как Ба сыну подарок на день рождения искала

Я не открою Америки, если скажу, что любая закаленная тотальным дефицитом советская женщина по навыку выживания могла оставить далеко позади батальон элитных десантников. Закинь ее куда-нибудь в непролазные джунгли, и это еще вопрос, кто бы там быстрее освоился: пока элитные десантники, поигрывая мускулами, пили бы воду из затхлого болота и ужинали ядом гремучей змеи, наша женщина связала бы из подручных средств шалаш, югославскую стенку, телевизор, швейную машинку и села бы строчить сменное обмундирование для всего батальона.

Это я к чему? Это я к тому, что седьмого июля у дяди Миши был день рождения.

Ба хотела купить сыну в подарок добротно сшитый классический костюм. Но в жестких условиях пятилетки человек предполагал, а дефицит располагал. Поэтому упорные поиски по областным универсамам и товарным базам, а также мелкий шантаж и угрозы в кабинетах товароведов и директоров торговых точек ни к чему не привели. Создавалось впечатление, что хорошая мужская одежда изжита, как классовый враг.

И даже фарцовщик Тевос не смог ничем помочь Ба. У него была партия замечательных финских костюмов, но Дядимишиного пятьдесят второго размера как назло не оказалось.

– Вчера купили, – разводил руками Тевос, – а новых костюмов в ближайшее время не ожидается, будут только к ноябрю.

– Чтобы ослепли глаза того, кто будет носить этот костюм! – сыпала проклятиями Ба. – Чтобы на голову ему свалился здоровенный кирпич, и всю оставшуюся жизнь ему снились одни только кошмары!

Но одними проклятиями сыт не будешь. Когда Ба поняла, что своими силами ей не справиться, она кинула клич и подняла на ноги всех наших родственников и знакомых.

И в городах и весях нашей необъятной Родины начались лихорадочные поиски костюма для дяди Миши.

Первой сдалась мамина троюродная сестра тетя Варя из Норильска. Спустя две недели упорных поисков она отчиталась коротенькой телеграммой: «Надя зпт хоть убей зпт ничего нет тчк».

Фая, которая Жмайлик, звонила через день из Новороссийска и фонтанировала идеями.

– Роза, костюм не нашла. Давай возьмем Мишеньке фарфоровый сервиз «Мадонна». Гэдээровский. Ты же знаешь, у меня знакомые в «Посуде».

– Фая! – ругалась Ба. – На кой Мише фарфоровый сервиз? Мне бы ему из одежды чего купить, а то ходит в одном и том же костюме круглый год!

– Хохлома! – не сдавалась Фая. – Гжель! Оренбургские пуховые платки!

Ба убирала трубку от уха и дальнейшие переговоры вела, надрываясь в нее, как в рупор. Наорется, а потом прикладывает трубку к уху, чтобы услышать ответ.

– Фая, ты совсем спятила? Ты мне еще балалайку предложи... или расписные ложки. Да уймись ты, не надо нам никаких ложек! Это иронизирую я! И-ро-ни-зи-ру-ю. Шучу, говорю!

Из Кировабада позвонил мамин брат дядя Миша:

– Надя, могу организовать осетрину. Ну что ты сразу пугаешься, престижный подарок, пудовая элитная рыбина. Правда, забирать ее в Баку, но если надо, я съезжу.

– Осетрину съел и забыл, – расстроилась мама, – нам бы что-нибудь из одежды, чтобы «долгоиграющее», понимаешь? Костюм хороший или куртку. Плащ тоже сойдет.

– Можно сфотографироваться с осетриной на «долгоиграющую» память, – хохотнул дядя Миша, – да шучу я, шучу. Ну извини, сестра, это все, что я могу предложить.

Ситуацию спасла жена нашего дяди Левы. У нее в Тбилиси жила большая родня. Одним звонком тетя Виолетта всполошила весь город от Варкетили до Авлабара [8] и нашла-таки людей, которые обещали организовать хорошую шерстяную пряжу.

– Ну и ладно, – вздохнула Ба, – свяжу Мише свитер. На безрыбье и рак рыба.

В день, когда должны были привезти пряжу, у нас на кухне яблоку негде было упасть. Мама остервенело месила тесто для пельменей, мы, выклянчив у нее по кусочку теста, лепили разные фигурки, а Ба сидела за кухонным столом, листала журнал «Работница» и чаевничала вприкуску. Отпивая кипяток из большой чашки, она смешно пугалась лицом, глотала громко, клопоча где-то в зобу, и со вкусом перекачивала во рту кусочек сахара.

– Кулдумп, – комментировала каждый ее глоток Гаянэ. Сестра сидела у Ба на коленях и завороченно наблюдала за ней.

– Если кто-нибудь проговорится Мише о свитере, то ему несдобровать, ясно? – профилактически напустила на нас страху Ба.

– Ясно, – заблеяли мы.

– У тебя в зивоте кто зивет? – не вытерпев, после очередного громкого глотка спросила у Ба Гаянэ.

– Никто.

– Ну ведь кто-то должен говорить «кулдумп», когда ты глотаешь? – Гаянэ смотрела на Ба большими влюбленными глазами. – Я

внимательно слушаю. Когда ты глотаешь, кто-то внутри говорит «кулдумп»! Ба, ты мне скажи, кто там зивет, я никому не скажу, а если скажу, пусть мне будет нисс... нисдобрывать.

Мы захихикали. Ба сложила ладони трубочкой и громко зашептала на ухо Гаянэ:

– Так и быть, скажу тебе. В животе у меня живет маленький гномик. Он следит за всеми непослушными детьми и докладывает мне, кто из них набедокурил. Поэтому я все знаю. Даже про тебя.

Гаянэ быстро-быстро слезла с колен Ба и выбежала из кухни.

– Ты куда? – крикнули мы ей вслед.

– Я чичас вернусь!

– Не нравится мне это «чичас вернусь», – сказала мама. – Пойду посмотрю, что она там натворила.

Но тут позвонили в дверь, и мама пошла ее отпирать. Это привезли обещанную пряжу. Ее оказалось неожиданно много, и обрадованная мама полезла за кошельком:

– Я тоже возьму и обязательно что-нибудь свяжу девочкам.

Мы перебирали большие шоколадно-коричневые, синие, черные, зеленые мотки и ахали от восторга.

– Ба, и мне свяжешь чивой? – допытывалась Маня.

– Конечно. Что тебе связать?

– Колготки!

Я хотела попросить маму, чтобы и мне связали колготки, но тут в комнату вошла довольная Гаянэ.

– Ба-а, твой гномик про меня уже ничего не скажет! – расплылась в довольной улыбке она.

– Какой гномик? – рассеянно отозвалась Ба.

– Который у тебя в зивоте сидит!

Все мигом всполошились и побежали смотреть, что такого сделала Гаянэ. Впереди на всех парах летела мама.

– Господи, – причитала она, – как я могла забыть? Что она там учинила?

Ворвавшись в детскую, мама остолбенела и сказала «о боже». Мы напирали сзади, вытягивали шеи, но ничего не могли увидеть.

– Чего там, Надя? – Ба отодвинула нас и, легонько подталкивая окаменевшую на пороге маму, вошла в спальню. Мы просочились следом и ойкнули.

Одна стена детской была там и сям аккуратненько изрисована в каляки-маляки. Красной краской.

– Не волнуйся, Надя, отмоем. – Ба присмотрелась к художествам Гаянэ. – Что это за краска? Жирная какая. Не отмоется. Ничего, обклеим обоями.

И тут мама заплакала. Потому что она сразу догадалась, чем Гаечка изрисовала стену. Такой красной могла быть только новенькая французская помада, которую ей на тридцатипятилетие подарили коллеги. Скинулись всем учительским коллективом и пришли на поклон к фарцовщику Тевосу. И выбрали красивую помаду от «Диор». Сдачи хватило на небольшой подарочный пакет и букет гвоздик. Нищие учителя, что с них взять. Целый коллектив смог наскрести деньги на одну помаду.

Это был очень дорогой маминому сердцу подарок. За полтора месяца она только дважды пользовалась помадой, притом в первый раз – в учительской, по просьбе коллег. Накрасила губы, и все ахали и охали, как ей идет этот цвет.

Ба обняла плачущую маму:

– Не плакай, Надя, я тебе свяжу точно такую же помаду, – засюсюкала она, и мама рассмеялась сквозь слезы. Решительно невозможно долго горевать, когда Ба тебя обнимает. Категорически невозможно!

– Ну зачем, ну зачем ты изрисовала стену?! – отчитывала потом Ба Гаечку. – Всю помаду извела!

– Я сначала поставила на стене точку, испугалась и убрала помаду в карман, – оправдывалась сестра, – а когда ты про гномика сказала, ну, про того, который у тебя в зивоте сидит и говорит «кулдумп», я побезала исправлять мой набедокурил. И нарисовала много картинок, чтобы вы не увидели точку!

Ба всплеснула руками:

– Зубодробительная логика!

Гаянэ зарделась:

– Ба, скажи, я умная? Скажи? Как мой папа.

– Молодец твой отец, на полу спал – не упал, – хмыкнула Ба.

– Нарк, ничего ты в женщинах не понимаешь, – спустя несколько дней отчитывала меня Манька. – Вот смотри, мы с тобой девочки? Девочки, грю? Чего молчишь, как будто воды в рот набрала? Девочки мы или кто?

Мы лежали на ковре в гостиной Маниного дома и листали книгу Памэлы Трэверс. За окном лил дождь, и грохотали поздние июньские грозы.

Манюня очень боялась молний и обязательно затыкала себе уши затычками, чтобы приглушить перекаты грозы. Вот и сейчас, лежа пузом на ковре, она остервенело листала книгу, переругивалась со мной, а из ушей у нее воинственно торчали большие куски ваты.

Мы недавно прочли, да что там прочли, проглотили книгу о волшебнице-няне и были по уши в нее влюблены.

– До чего же повезло Майклу и Джейн Бэнкс, – кручинилась я. – Вот бы нам такую прекрасную няню!

– Нам не повезло дважды. Раз – что мы не родились в Англии, – Манька согнула указательным пальцем правой руки мизинец левой, – и два – что мы не Бэнкс. – Она согнула безымянный палец и потрясла у меня перед носом рукой: – Видела?

– Видела, – вздохнула я. – А повезло бы нам родиться в Англии в семье Бэнкс – и была бы у нас молоденькая няня-волшебница... Она летала бы на зонтике и статуи оживляла.

– А с чего ты взяла, что она молоденькая? – удивилась Маня. – Да она совсем взрослая тетечка!

И мы начали спорить о возрасте Мэри Поппинс. Я утверждала, что она молоденькая, а Маня говорила, что чуть ли не пенсионерка.

Ба вполуха прислушивалась к нашей перебранке, но не вмешивалась – считала петли и боялась сбиться со счета.

– Так! Мы с тобой девочки? – повторила Манька свой вопрос.

– Девочки, конечно, – проямлила я.

– Вот! Мы девочки. А твоя двоюродная сестра Алена уже девушка. Потому что ей семнадцать, и она уже совсем взрослая. А преподавательница по игре на фортепиано Инесса Павловна уже почти дряхлая старушка, потому что ей сорок два года! Ты понимаешь это своей дурьей башкой?

Я не успела ответить, потому что Ба наградила Маньку увесистым подзатыльником.

– За что?! – возопила Манька.

– Во-первых, за «дурью башку»! Это еще вопрос, у кого из вас башка дурнее, по мне – так обе балбески. А во-вторых, скажи мне, пожалуйста, если женщина в сорок два уже дряхлая старушка, то я в свои шестьдесят тогда кто?

– Мисс Эндрю, – процедила Манька сквозь зубы.

– Ктооооо? – выпучилась Ба.

Я похолодела. Конечно, моя подруга была отчаянной девочкой и иногда в пылу спора могла обзываться. Но и отчаяние должно иметь какие-то разумные пределы.

Согласитесь, одно дело обзывать «дурьей башкой» подругу, и совсем другое – назвать Ба «мисс Эндрю»! Так ведь и до тяжелой контузии недалеко!

Поэтому, когда Ба выпучилась и выдохнула «Чтооооо?»), Манюня, смекнув, что перегнула палку, заюлила хвостом:

– Ты моя самая любимая бабушка на свете, Ба, я просто пошутила! Никакая ты не мисс Эндрю, ты настоящая Мэри Поппинс!

– Еще раз такое услышу, немилосердно пошучу в ответ. Откручу уши и повыдергиваю ноги к чертовой матери, понятно? – выдохнула огнем Ба.

Мы молча переглянулись. Не ответить на оскорбление хотя бы фирменным подзатыльником? Неслыханное дело! Ба сегодня была на

удивление миролюбива.

Тем временем гроза за окном утихла, кое-где облака рассеялись, и выглянуло июньское жаркое солнце.

– Мань, может, вытащишь из ушей вату? Гроза прошла, – предложила я.

– Не буду вытаскивать, я уже сроднилась с нею, – заупрямилась Манька и затолкала вату глубоко в уши. – Вот так-то лучше.

– Ладно, – мне пришлось смириться с воинственным настроем подружки, – пойдем посмотрим, что во дворе творится.

– Далеко не уходите, – предупредила Ба, – дождь может заново начаться.

– Мы просто прогуляемся вокруг дома, – крикнули мы с порога.

Во дворе вкусно пахло омытым воздухом и мокрой землей. При малейшем дуновении ветра с деревьев градом падали капли воды. Вся земля под тутовым деревом была обсыпана спелыми ягодами.

Мы с Манюней пробрались в сад и сорвали несколько незрелых плодов антоновки. Схрумкали яблочки, обливаясь слюной и отчаянно гримасничая – от кислинки сводило скулы.

Гулять по мокрому саду было скучно.

– Давай лучше пойдем к нам, – предложила я.

– Говори громче, я плохо слышу, – потребовала Манька.

– Давай лучше пойдем к нам домой! – проорала я. – Мама обещала на ужин блинов напечь!

– С чем?

– Ни с чем. Но есть можно с вареньем. Или со сметаной. Можно обсыпать сахарным песочком. Или полить медом.

– Пойдем, – шмыгнула Манька, – я возьму блин, посыплю его сахаром, полью вареньем, медом, солью и съем с брынзой!

– Буэ, – поморщилась я.

– Буэ, – согласилась Манька, – но попробовать-то можно?

Она вытащила из ушей ватные затычки и положила их на грядки с кинзой.

– Чтобы растениям ночью было на что преклонить головки, когда они будут спать, – объяснила она.

Мы уже выходили в калитку, когда вдруг к дому подкатил белый «жигуленок». Из машины вылез дядя Миша, открыл заднюю дверцу и вытащил оттуда какую-то коробку. Обычно дядя Миша возвращался с

работы ближе к семи вечера, и о его скором прибытии оповещало далекое кряхтение «ГАЗика» Васи. «Вннн-вннн, – надрывался Вася на подступах к Маниному кварталу, – кха-кха!» Услышав далекий «вннн-вннн», Ба подхватывалась и уносила в свою комнату вязание. И, пока дядя Миша парковал многострадальный «ГАЗик», на плите уже разогревался ужин, а Ба в спешном порядке накрывала на стол.

Но сегодня дядя Миша вернулся во внеурочное время и на чужом автомобиле!

Мы с Манькой припустили к дому.

– Ба! – заорали мы с порога. – Там папа вернулся!!!

– Какой папа? – всполошилась Ба.

– Манькин папа, – отрапортовала я, – то есть твой сын! Прячь свитер!

Ба с несвойственной для ее возраста удалью взлетела на второй этаж, засунула вязку под кровать, чуть ли не вприскокку скатилась вниз по лестнице и в одном прыжке преодолела расстояние до кухни.

– Чего это он так рано приехал? – выдохнула она. – Дайте мне успокоительное! Еще одни такие кульбиты, и некому будет довязывать свитер.

Когда дядя Миша вошел в дом, Ба, окутанная парами валерьянки, остервенело строгала хлеб, а мы с Манькой, расположившись на диване в гостиной, разглядывали картинки в первом попавшемся под руку журнале.

Обрадовавшись такой тишине, дядя Миша на цыпочках прокрался мимо нас и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Мы вытянули шеи. Ба высунулась из кухни и какое-то время с интересом наблюдала за сыном.

– Мойше! – прогрохотала она.

Дядя Миша подпрыгнул от неожиданности и чуть не выронил коробку.

– Ма, ты снова за свое? – рассердился он.

Мы с Манькой прыснули. Дело в том, что Ба иногда называла сына Мойшей. А Манькин папа очень болезненно реагировал на такое к себе обращение.

– А чего это ты крадешься на верхний этаж? – полюбопытствовала Ба. – И что это за коробка у тебя в руках?

– Это моя очередная разработка. Секретная, – грозно выпучился в нашу сторону дядя Миша, – поэтому очень прошу ее не трогать, пыль с нее не стирать, винтики не откручивать, водой не поливать! Послезавтра я ее отправляю в Ереван, в НИИ Математических наук. Всем понятно?

– Аха, – радостно закивали мы.

– А тебя, Роза Иосифовна, я очень прошу называть меня моим настоящим именем. По паспорту. Михаилом, понятно?

– Могу хоть Мухоедом, – фыркнула Ба.

Дядя Миша обиженно засопел, но не стал ничего говорить. Он оставил коробку в своей комнате и спустился вниз.

– Я пошел.

– А кушать не изволите, Мухоед Сергеевич? – поинтересовалась Ба.

– Меня там люди ждут, – буркнул дядя Миша и хлопнул дверью.

Ба уставилась на нас.

– Секретная разработка, – пробухтела она. – Пойдем посмотрим, что это за секретная разработка.

Мы взлетели на второй этаж. Ба, кряхтя, поднималась следом:

– Не трогайте, я сама!

Она открыла коробку и вытащила оттуда металлическую штуковину, чем-то смахивающую на гибрид ершика для чистки унитаза с мясорубкой. Ба повертела в руках секретную штуковину, принюхалась к ней.

– Ишь, чего придумал, – хмыкнула она с нескрываемой гордостью и убрала секретный агрегат обратно в коробку. – Видимо, это запчасть для какой-нибудь ракеты!

– Империалистическую гидру давить? – затрепетала Манька.

– Ага.

– Ооооооо, – закатили мы благоговейно глаза.

– Если бы не секретность этой штуковины, то можно было бы утопить ее в воде и посмотреть, что будет, – сокрушалась я через два дня, когда Дядимишина разработка таки благополучно отчалила в Ереван.

– Ага, – вздохнула Манька, – а еще можно было выкинуть ее в окно со второго этажа и посмотреть, отвалится ершик или нет. Только если эта штуковина для того, чтобы давить империалистическую гидру, то трогать мы ее не должны. Мы же не предатели Родины, правда?

– Нет, мы не предатели Родины, мы ее защитники... цы... защитницы, во! – засияла я.

– А я бы костер развела! – мечтательно протянула Каринка. – Если эта штуковина – запчасть для ракеты, то она мигом бы взорвалась и стерла наш город в пыль. Представляете, как здорово? Ни школ, ни библиотек, ни художки.

– Ни музыкалки, – вздохнула Манюня.

А седьмого июля мы справляли Дядимишин день рождения. Мама с Ба приготовили множество вкусных блюд – салаты из свежих и печеных овощей, форель в вине, буженину, плов с гранатом, борани [9] из цыплят. Папа собственноручно замариновал мясо для шашлыка. «Шашлык не терпит женских рук!» – приговаривал он, пересыпая мясо крупной солью, горными травами и кольцами лука.

Стол решили накрыть во дворе, потому что дома было очень душно. И мы суетились между кухней и тутовым деревом, перетаскивая приборы, бутылки с минералкой и лимонадом, а также стулья.

А потом пришли Дядимишины коллеги. Они смеялись, громко шутили и похлопывали его по плечу, но, как только из дома вышла Ба, все мигом присмирели. Кто-то из коллег вручил имениннику большой сверток, перевязанный крест-накрест бечевкой.

– А то ходишь черт знает в чем, – шепнул даритель.

Когда дядя Миша развернул подарок, Ба не поверила своим глазам – в свертке лежал тот самый финский костюм пятьдесят второго размера, который Ба не смогла купить у Тевоса.

– Так это вы его взяли, – растрогалась она.

Потом папа вручил своему другу путевку в санаторий, и Ба очень обрадовалась ей:

– Ну наконец-то Миша съездит на воды и поправит свое здоровье, а то замучил всех своей изжогой!

Знай она, что путевок на самом деле две, и вторая предназначается Дядимишиной очередной пассии, то неизвестно, чем бы закончился праздник. Но папа благоразумно оставил вторую путевку дома и вручил ее другу на следующий день.

А потом Ба торжественно преподнесла сыну свитер. Дядя Миша тут же его надел, покрасовался перед коллегами, а потом снял и накинул на спинку стула. И свитер благополучно провисел там до конца застолья. А на следующий день Ба обнаружила на его рукаве большую подпалину. За столом много курили, и, видимо, кто-то нечаянно задел свитер зажженной сигаретой. Но Ба расстраиваться не стала. Она распоролла рукав и связала его заново.

– Поделом мне, – приговаривала она, – не надо было сыпать проклятиями. Вот и поплатилась я за свой длинный язык.

Это был единственный раз, когда Ба признала, что у нее длинный язык.

Глава 2. Манюня любопытствует, что такое «д. н. э.», или Дядимишина большая любовь

Однажды дядя Миша влюбился.

Спешу вас успокоить, никто из героев повествования не пострадал. И это, несомненно, благодаря акту высочайшего гуманизма, проявленного Розой Иосифовной. А ведь могла покалечить, да. Или убить.

А так все обошлось. И даже папе практически не досталось. Ну что такое один-единственный подзатыльник? Правда, от неожиданности папа клацнул зубами и прикусил кончик языка, но это уже такие мелочи, о которых можно не упоминать.

Вот.

Но давайте по порядку. Я уже рассказывала вам, что у дяди Миши периодически разыгрывал мужской гонор. В такие разрушительные для иммунитета периоды он совершал необдуманные поступки, как-то: знакомился с красивыми женщинами, водил их в единственный приличный в нашем городке ресторан и, как следствие, не приходил домой ночевать.

Вы скажете, что это нормальное поведение для разведенного и, не побоюсь этого слова, – половозрелого мужчины. Может, и так. Но не в том случае, если у этого мужчины вместо среднестатистической мамы – Ба. Потому что если среднестатистическая мама скрепя сердце мирилась бы с таким безобразным поведением сына, то Ба, как только дядя Миша не приходил домой ночевать, моментом устраивала катаклизм воистину галактического масштаба.

После катаклизма дядя Миша вел себя тише воды ниже травы. Романы на стороне заводить он продолжал, но теперь старался заметать следы. Правда, по целому букету вторичных признаков мы легко вычисляли, что у него все-таки кто-то появился.

Во-первых – по прическе. У дяди Миши была какая-то беда с шевелюрой – густые крупно вьющиеся каштановые волосы каким-то невообразимым макаром росли сразу во все стороны и ложиться волной не желали.

– Это потому, что характер у тебя отвратительный, – говорила Ба. – Посмотри на свои волосы и на пальцы на ногах – они же у тебя враспыр! (На самом деле Ба называла Дядимишин характер говенным, просто я малодушно заменила это слово другим.)

– Чего это враспыр? – Дядя Миша виновато поджимал пальцы на ногах.

– А того, что если у человека пальцы на ногах не в кучку, а вразброс, то характер у него отвратительный! Та же история с волосами, ясно?

Дядя Миша косился на выбившиеся из пучка непокорные локоны матери и что-то бубнил себе под нос.

Так что если в свободное от романов время он ходил с развевающейся густой шевелюрой, то в период активных брачных игр первым делом коротко стригся.

Далее ему подозрительно часто начинал звонить начальник сборочного цеха Тигран Викторович. Дядя Миша прерывал его

обильную речь скупыми односложными фразами и воровато озирался на кухонную дверь.

– Да, Тигран Викторович, – бубнил он, – естественно, Тигран Викторович.

На кухне в это время неустанно бдела Ба. Она периодически подсылала Маню послушать, чей голос раздается в телефоне – мужской или женский? Но дядя Миша был стреляным воробьем, и, когда Маня как бы случайно проходила мимо, или лезла чмокнуть его в щечку, прикрывал трубку ладонью.

А еще дядя Миша покупал новые накидки для Васи.

– Будет мой Васидис нарядным, – приговаривал он, заботливо накрывая ими разодранные сиденья.

Ба следила за этой сценой тяжелым немигающим взглядом.

– Привинти еще хрустальную люстру к капоту, – клокотала она.

– Захочу и привинчу, – огрызался дядя Миша.

На самом деле Ба напрасно волновалась – романы ее сына заканчивались так же быстро, как и начинались. Приводить в дом женщину, жизнь которой свекровь обратит в сплошную пытку, дядя Миша не собирался. Дамы, естественно, с таким положением вещей мириться не хотели и начинали закатывать истерики. А дядя Миша страсть как не любил истерик. Поэтому очередной его роман в скором времени сходил на нет.

Так и жил дядя Миша – в коротких пробежках от одной юбки к другой. И подобная ситуация устраивала всех: Ба оставалась единовластной хозяйкой в доме и с утра до ночи пестовала сына и внуку, дядя Миша плавно перетекал из одного ни к чему не обязывающего романа в другой, а Манюня пребывала в твердой уверенности, что ее родители обязательно когда-нибудь помирятся. Ее даже не смущало, что тетя Галя вышла замуж и успела родить ей сводного братика.

– Всех к себе заберем, – твердо заявляла она.

– А как же Тетигалин муж? – любопытствовала я.

– Пусть и он с нами живет. Ба его усыновит, и у папы появится сводный брат. Подумай, как хорошо – у меня сводный брат, и у папы сводный брат. Красота!

А потом случилась история, которая на какое-то время разрушила размеренную жизнь семейства Шац. И об этой истории я сегодня намереваюсь вам рассказать.

Все началось с того, что в стоматологическое отделение папиной больницы определили молоденькую выпускницу Ереванского медицинского института.

– Женщина – челюстно-лицевой хирург, – скривился за обедом папа. – Эк, куда ее занесло, нет, чтобы в педиатрах или терапевтах отсиживаться!

Мама завелась с пол-оборота:

– Ты эти свои шовинистические речи где-нибудь в другом месте веди, ясно?

– Что ты понимаешь в профессии врача, женщина! – прогрохотал папа.

– Я понимаю, что уважение к женщинам у вас отсутствует напрочь. Вот что я понимаю. Почему бы вам тогда не пережениться друг на друге, раз вас женщины так не устраивают? – сверкнула глазом мама.

– Носовой волос! – огрызнулся папа.

– Бердский ишак!

– Кировабадци!^[10]

Пока мама с папой переругиваются, я вам быстренько объясню смысл выражения «носовой волос». Носовым волосом у нас называют чересчур придирчивых и вьедливых людей. Такой человек подобен торчащему из носа волосу – портит экстерьер, но и выдернуть больно. А теперь вернемся к моим родителям, пока они не поубивали друг друга.

– Ах так! – встала руки в боки мама. – Вот ночью и посмотрим, кто из нас носовой волос. Понятно?

– Ну что ты сразу начинаешь шантажировать? – забеспокоился папа. – Жена, я же пошутил! И вообще девочка очень перспективная, умненькая и красоты неопишущей.

– Это как это? – нехорошо прищурилась мама.

– Такая, знаешь, словно горная серна, глаза миндалевидные, сама тоненькая, а ножки...

Мама не дала папе договорить – она выдернула у него из-под носа тарелку с недоеденным рагу и, выкинув ее в мусорное ведро, вылетела из кухни.

– Пап, ну ты вообще не умеешь себя правильно вести, – вздохнула я и полезла доставать тарелку из ведра, – разве можно так с женщинами разговаривать?

– Только твоих нотаций мне не хватало, – выдохнул огнем папа, – яйцо курицу учит!

– Хихихиии, – покатались мы со смеху, – тогда получается, что ты – курица!

– А всем сейчас зубы посмотреть на предмет кому завтра пломбы ставить? – рассвирепел папа.

Мы тут же притихли. Гаянэ набила рот картошкой и усиленно начала жевать.

– Когда я нем, я глух и ем, – прошепелявила она.

Папа еще раз прожег нас грозоточивым взглядом и пошел мириться с мамой.

– Надя, я не договорил, я же не просто так эту девочку хвалю. О Мише подумал.

– Чего о Мише? – мигом отозвалась мама.

– В смысле – с Мишей ее познакомить! Хорошая девочка, красивая, умненькая, правда, ереванка, ну да ладно, можно подумать!

– А чем тебя ереванки не устраивают? – снова взвилась мама.

Уж не знаю, действительно ли папа думал о дяде Мише, когда расписывал все достоинства молоденькой практикантки, или сочинил это на ходу, чтобы оправдаться перед мамой, но факт остается фактом – он их познакомил.

Девушку звали Луиза Тер-Маркарьян, и она была самой красивой из всех Луиз, когда-либо виданных жителями нашего городка.

На следующий день мы с Каринкой в ожидании Манюни ковырялись во дворе. Ковырялись в прямом смысле слова – рабочие прорыли большой котлован, чтобы сделать какую-то пристройку к дому, а мы, пока никого не было, перелезли через ограждение и, вооружившись лопатами, рыли яму в обмякшей после дождя земле.

– Сейчас придут рабочие и зададут вам трепку! – страшал нас из своего окна Рубик. Он побаивался спускаться во двор, пока там находилась Каринка, поэтому комментировал наши действия с безопасного расстояния.

Мы не обращали внимания на его крики. Ковыряться в набухшей после обильного ночного дождя земле было сплошным удовольствием – лопаты с хрустом вонзались в жирную почву, под ногами кишмя кишели дождевые черви.

– Ты, главное, не закидывай меня грязью, а то перемажемся, и мама нам задаст, – предупредила я сестру.

– Сама знаю, – буркнула Каринка и отшвырнула в сторону большой ком земли. При этом она так рьяно замахнулась лопатой, что оступилась, шмякнулась на попу и съехала в котлован.

– Ахахааа, – раздался сверху зловредный смех Рубика.

– Я потом тебя поймаю и убью, ясно? – огрызнулась вверх Каринка. Рубик захлебнулся в смехе.

– Протяни мне лопату, я зацеплюсь за черенок и вылезу, – велела мне сестра.

– Зачем? – удивилась я. – Вон, на той стороне котлована рабочие соорудили ступеньки, можно по ним подняться.

Но Каринка не желала подниматься по ступенькам. Позор, пережитый на глазах Рубика, требовал реванша. Одно дело вылезти из котлована по лесенке, и совсем другое – зацепившись за лопату.

– Не хочу, – зашипела она, – ты просто протяни лопату, а я выберусь.

Я не посмела спорить с сестрой, протянула ей лопату, ну, и кончилось все тем, что и я съехала на попе в котлован. Теперь мы обе были перемазаны жирной грязью с ног до головы.

Безобразник Рубик мигом зашелся в истерике, аж совой зауhal:

– Ахахааа, вот вам мама всыпет! Так вам и надо!

– Тебе недолго осталось смеяться, ясно? – крикнула ему Каринка. – Я вылезу, а потом закопаю тебя в этом котловане.

– Ты сначала вылези! – орал сверху Рубик.

– Готовься к смерти, – предупредила его сестра и попыталась стряхнуть мокрую землю руками. Зря она это сделала, потому что грязь размазалась теперь уже по всей одежде.

– Мама убьет нас, – пригорюнилась я.

– Можно подумать, первый раз она нас убивает. Давно пора бы к этому привыкнуть! – дернула плечом Каринка и пошла к ступенькам. Я горестно плелась следом. В туфлях весело хлюпала грязь.

Только мы вылезли из котлована, как из-за угла появилась Манюня.

При виде нашей вымазанной грязью одежды у нее вытянулось лицо.

– Что же вы натворили, – запричитала она, – как же так?! А что тетя Надя скажет?

– Сама знаешь, что скажет, – пробурчали мы.

– Бедненькие вы мои, – расстроилась Манька, – здесь без трепки точно не обойтись. Давайте подождем, пока грязь высохнет, а там попробуем отколупать ее с одежды. В таком виде домой приходить опасно.

И мы стали ходить по периметру двора, потому что дружно решили, что в движении грязь высохнет быстрее. Потом к нам вышла Маринка из тридцать восьмой. При виде нас у Маринки сделались такие глаза, что мы с удвоенной скоростью припустили по двору.

Нарезать круги просто так было скучно.

– Давайте в магазин хотя бы сходим, – предложила Манька.

– Зачем? Денег у нас все равно нет.

– Ну и что? Просто поглазеим на витрины.

– А и верно, – обрадовались мы, – пойдём в новый продуктовый.

Новый продуктовый находился на первом этаже единственного девятиэтажного дома нашего городка. Все остальные дома были пятиэтажными и трехэтажными, и лишь этот вымахал аж в девять высоких этажей. К тому же только в этом доме ходили лифты! По первости весь город сбегался покататься на них. Но потом взбунтовались жители высотки, которым из-за большого наплыва посетителей приходилось тащиться на последние этажи с тяжелыми авоськами наперевес. Они организовали из боеспособных пенсионерок бригады быстрого реагирования, которые с криком и руганью отгоняли желающих покататься на дармовых аттракционах.

Кроме лифтов, девятиэтажка могла похвастаться большим продуктовым магазином. Туда мы и направились.

Перед продуктовым змеилась длинная очередь.

– Наверное, венгерских кур получили, – предположили мы. Такие бешеные очереди случались, если только завозили какие-нибудь импортные продукты. В остальные дни на прилавках плавилась огромные куски маргарина и халвы, слипшиеся комки щедро обсыпанных какао карамельных подушечек, а также спички, соль и большие куски хозяйственного черного мыла. У входа в магазин стояла большая металлическая бочка, из которой свисал длинный резиновый шланг. Люди приходили со своей тарой, и тем же методом, каким из бака машины, извините, отсасывают бензин, продавщица тетя Амалия разливала подсолнечное масло.

– Терпеть ненавижу, – ругалась она, отплевываясь ядрено пахнущим семечками маслом.

Сегодня очередь выглядела странно. Мы не сразу сообразили, в чем дело, пока не подошли к ней вплотную. Обычно люди скучивались возле прилавка гомонящей крикливой толпой. А сейчас очередь распалась на две относительно смирные части – одна грудилась у прилавка, а вторая находилась от первой на расстоянии метра. И на этом спасительном метре одиноким островком выделялась фигурка испуганной девушки. Она прижимала к боку кожаную небольшую сумочку, нервно одергивала короткую юбку и озиралась на людей. Люди с любопытством разглядывали ее.

– Это кто? – бесцеремонно интересовался каждый вновь подошедший.

– Кажись, новая практикантка стоматологии, – хором отвечали люди. – По крайней мере, пахнет от нее стоматологическим кабинетом. Девушка затравленно бегала по толпе глазами.

– Худая как щепка, какой из нее врач? К тому же горожанка, пф!

И очередь сокрушенно качала головой.

– У них в Ереване, видимо, материи мало, вот и шьют такие юбки.

Срам прикрыл – и нормально, – бурлили старухи.

– А каблук-то, каблук! С такого, если свалиться, можно шею свернуть!

Казалось, еще минута, и девушка пустится наутек. Но тут к прилавку вышла тетя Амалия:

– По три пачки сливочного масла на рыло, и больше не просите! Велено по три пачки отпускать.

Очередь мигом сплотилась в единый крикливый монолит. Девушка попыталась пробиться к прилавку.

– Амалыя, – крикнули сразу несколько человек, – Амалыя! Отпусти этой ереванской девочке масла первой, пусть знает, что добрые люди и в провинции живут!

– Спасибо, – растрогалась девушка и, быстро расплатившись за масло, засемила прочь.

– Не волнуйся, откормим, – крикнули ей вслед люди, – и материю для юбки длиннее найдем!

Девушка попыталась прибавить шагу, но высокие каблуки не давали ей этого сделать.

– Кстати, – заголосила очередь, – ты ведь у доктора Абгаряна практикуешься?

– Да, – обернулась девушка.

– Это его дочки.

– Которые? – Она с надеждой указала на Маньку и Маринку: – Эти?

– Нет, те, которые по уши в грязи.

Мы с Каринкой лучезарно улыбнулись. Девушка окинула нас затравленным взглядом и побежала прочь.

– Совсем дикая, – заключили люди, – городская, что с нее взять? Ничего, мы из нее быстро человека сделаем!

Так как грязь с наших платиц отколупываться не желала, мы покаянно вернулись домой. Ну и мама, естественно, сначала нас выпорола, потом выкупала до хрустального звона и одела во все чистое. Остаток дня, пристыженные, мы провели в благих трудах – убрались в своем письменном столе и чуть не покалечили друг друга за найденный в дальнем углу ящичка огрызок розовой резинки.

Потом с работы вернулся папа и за ужином рассказывал, что очередь на прием к новой практикантке тянется аж до регистратуры.

– Бедная девочка, – качал головой папа, – она который день ходит как в тумане.

– Почему? – удивилась мама.

– А где еще она увидит такое количество чабанов, спустившихся с гор специально для того, чтобы поглазеть на нее? Некоторые из них никогда не были у стоматолога и чуть ли не сами пломбировали зубы подручными средствами.

– Бедная девочка, – пригорюнилась и мама тоже. Она как никто другой понимала Луизу – сама прошла нелегкий путь городской девушки, попавшей в наш зубодробительный городок с его зубодробительными жителями.

А потом в больницу наконец-то выбрался дядя Миша, и судьбоносная, якобы случайная, встреча состоялась в папином кабинете. Дядя Миша был сражен наповал красотой Луизы и тут же потребовал, чтобы она вырвала ему зуб.

– Какой? – испугалась Луиза.

– Любой, – прорычал дядя Миша, – выберите любой и удаляйте без анестезии! Вам все можно!

На моей памяти это был единственный случай, когда дядя Миша потерял голову от любви. Вообще-то он считал себя однолюбом и всю жизнь с особой нежностью вспоминал тетю Галю.

– Вот кого я действительно любил. А может, даже и люблю, – рыдал он в плечо папе, когда они, после очередных обильных возлияний, вели долгие разговоры на нашем балконе. – И если бы мама с Галей ужилась, то я до сих пор жил бы с нею душа в душу.

А тут случилось неожиданное – дядя Миша влюбился в тоненькую девушку с лежащей на длинных ресницах густой челкой. К сожалению, отвечать ему взаимностью Луиза не собиралась. У нее был жених, и через два года кабальной работы в отдаленном районе она собиралась возвращаться в Ереван, чтобы не расставаться со своим любимым уже никогда.

– Значит, будем дружить, – усыпил бдительность Луизы дядя Миша, а сам подумал: «Отвоюем».

– Спасибо вам большое, – обрадовалась наивная Луиза, – это было бы очень кстати, потому что никого в этом... ммм... замечательном городе я не знаю, и здешних людей, если честно, побаиваюсь.

– Звери, а не люди, – сверкнул глазом дядя Миша.

Луиза благодарно затрепетала в ответ.

– Какие у вас кудри чудесные!

«Будет моей», – решил дядя Миша.

Первым делом он повел ее в кино, на «Пиратов XX века». Луиза чуть не скончалась при виде воинственной провинциальной толпы, штурмом берущей кинотеатр. Дядя Миша заслонил ее своим могучим плечом и, прокладывая через толпу спасительную тропу, довел ее в целости и сохранности до кресла.

«Какой храбрый», – подумала с благодарностью Луиза.

«Кажись, пиджак сзади разошелся по шву, – закручинился дядя Миша, – по крайней мере, трещал он будь здоров».

Потом дядя Миша пригласил Луизу в наш краеведческий музей. А чтобы усыпить бдительность Ба, взял с собой меня и Маньку, предварительно заставив поклясться, что о чужой тете мы не проговоримся.

Пока дядя Миша, активно жестикулируя, пугал Луизу своими энциклопедическими знаниями о шумерах и Древней Иудее, мы с Маней ходили вдоль стендов с глиняными черепками и читали по слогам:

– 78 год д. н. э. 101 год д. н. э. 50 год д. н. э.

– Пап, а где это дно, откуда все эти сломанные кувшины достали? – не вытерпела Маня.

– В смысле? – удивился дядя Миша.

– Ну, тут везде написано – такой-то год, а рядом – «дне», вот я и спрашиваю, о каком дне тут говорится?

– Ахахааа, – залилась колокольчиком Луиза.

«Выпорю, чтобы больше меня не позорила на людях», – решил дядя Миша.

Потом он пригласил девушку в местный ДК на спектакль «Король Лир». После спектакля пришлось какое-то время выгуливать Луизу по скверу, чтобы она могла прийти в себя от культурного шока. Как назло, на днях дядя Миша сильно простудился и поэтому хлюпал носом.

– Апчхи, – элегантно чихал он в очередной клетчатый платок и выкидывал его в урну.

«Аристократ!» – решила Луиза.

«Дегенерат, – подумал дядя Миша, – последний платок выкинул, куда мне теперь сморкаться, в полу пиджака?»

Луиза глядела из-под густой челки дивными миндалевидными глазами и трогательно поправляла на плече лямку простенького сарафанчика. Шлеп-шлеп – стучали по ее изящным пяточкам деревянные сабо.

– Мне их мама из Болгарии привезла, – рассказывала она. – Сабо легкие и очень удобные, на пробковой танкетке.

При слове «мама» дядя Миша заметно напрягся.

– Не будем о грустном, – промычал он и спохватился: – То есть я куплю вам сто таких танкеток!

Особенную стойкость Луиза проявила при первом знакомстве с Васей.

– Карета подана, – смущенно отрапортовал дядя Миша, с диким грохотом открывая пассажирскую дверцу. На передних сиденьях красовались новенькие пледы.

– Прекрасная карета, – засмеялась Луиза, – я прямо Золушкой себя ощущаю.

«Назовем сына Аарон, – решил дядя Миша, – и мать мигом отгадет».

Казалось – все уже на мази. Дядя Миша достиг совершенства в искусстве флористики, составляя удивительные букеты из полевых цветов, выданных с мясом чаг, домашних роз и еловых шишек. Луиза смущенно алела щеками и позволяла взять себя под локоток, когда он в очередной раз забирал ее с работы на своем драндулете. Васе новая пассажирка тоже очень нравилась – он вел себя как настоящий джентльмен, заводился от одного Дядимишиного взгляда и готов был без бензина за рекордно короткий срок покрыть расстояние от Земли до Луны.

Ба подозревала, что в жизни сына происходит что-то из ряда вон выходящее. Она приперла маму к стенке, и та рассказала ей, что у Миши в жизни появилась хорошая девушка, очень хорошая, тетя Роза, интеллигентная, врач, воспитанная, умненькая, правда, не еврейка, а совсем наоборот, армянка.

– Хрен редьки не слаще, – после минутного молчания изрекла Ба.

На семейном совете родители решили, что слова Ба, учитывая ее оголтелое отношение к своим корням, можно трактовать как высочайшую степень похвалы нашему народу.

– Хо-хо, – обрадовался папа, – так и до свадьбы недалеко!

А потом случилось непредвиденное – осенним днем в наш городок въехала черная «Волга» и забрала Луизу прямо с работы в Ереван. Оказалось, что ее жених, заподозрив неладное, похлопотал в каких-то инстанциях и сделал так, чтобы остальную стажировку его невеста проходила в столице. И Луиза безропотно уехала, бросив на прощанье папе:

– Передайте Мише мои наилучшие пожелания.

Сейчас я понимаю, что, скажи Луиза любые другие слова, и дядя Миша поехал бы за ней хоть на край света. Но эти безразличные «передайте Мише мои наилучшие пожелания» сделали свое черное дело – дядя Миша молча собрался и уехал в наш домик в горах. Горевать.

Горевал он зло и недолго, дня три, потом еще дня три отходил от тутовки мацуном [\[11\]](#).

Вот тогда папа и заработал подзатыльник. Со словами: «Тоже мне, сваха нашлась», – Ба выбила из его глаз Млечный Путь со всеми его звездными системами. Это был единственный раз, когда папа познакомил своего друга с девушкой. «Никогда больше такую кашку не покушаю» [\[12\]](#), – поклялся он.

Через какое-то время все вернулось на круги своя. Дядя Миша возобновил короткие пробежки от одной юбки к другой. Периодически, когда взбрыкивал его мужской гонор, он не приходил домой ночевать. Ба тогда по горячим следам устраивала ему мировой катаклизм.

А Маня продолжала мечтать, как ее мама, уже с двумя сыновьями и мужем, переедет в Берд.

– И заживем мы большой дружной семьей, – строила планы она.

И только о Луизе никто больше не вспоминал. То есть вспоминали, конечно, но не говорили о ней, чтобы не расстраивать дядю Мишу.

Глава 3. Манюня идет на премьеру «Отелло», или Как мы однажды чуть не попали в телевизор

Мама всю жизнь мечтала переехать в Ереван.

– Сколько можно жить в этом богом забытом городишке? – возмущалась она.

– Сколько нужно, столько и можно, – отрезал папа. – Если вся интеллигенция уедет из провинции, что с нею станет?

Каждый раз, когда папа так говорил, мы с Каринкой украдкой переглядывались.

– Пап, а «сколько нужно, столько и можно» – это сколько? – как-то спросила я.

– На веки вечные!

Хо-хо, на веки вечные! Это же вся жизнь и еще кусочек непостижимого для нас времени! Сто миллион, нет, сто миллиард титильон пистильон лет!

– Тебе в Москве работу предлагали, ты не поехал. Уперся – я и мои горы! – У мамы от возмущения срывался голос, а лоб предательски краснел. Мы по маминому лбу вычисляли степень ее раздражения. Чем сильнее расстраивалась мама, тем краснее становился ее лоб. – Ладно, в Москву уезжать не захотел, остался в Армении. Ну так давай переедем в Ереван. Я хочу ходить в театры! Я обожаю балет! Мне не хватает моего любимого Дома Камерной Музыки!

– Ходи в наш Дом культуры. Чем не театр? Там тоже спектакли ставят. Вон, судя по афишам, скоро премьера «Отелло».

– Ты знаешь, кто играет Дездемону? – Мамин лоб запылал огнем. – Люся!

– Сто кило живого веса для Дездемоны – это, пожалуй, перебор, – расхохотался папа.

Афиши не обманули, через неделю в ДК случилась премьера «Отелло», которая прошла, как и следовало ожидать, с оглушительным успехом. Заинтригованные жители нашего городка пришли поглазеть, как главный режиссер БДТ Мелик Каспарьян будет убивать свою законную супругу, мать троих детей Лусинэ Петросян. БДТ, между прочим, это не то, что вы подумали. БДТ – это Бердский Драматический Театр.

На самом деле такого театра в природе не существовало, но с папиной подачи все наши знакомые с хохотом называли театральную труппу нашего Дома культуры БДТ.

Билетами на премьеру нас обеспечил дед, папин папа. Театр выделил работникам райкома и членам их семей самые почетные места в партере.

– Надя, – позвонил дед, – мне тут четыре билета принесли на «Отелло», пойдете?

– Мы не пойдем, но дети сходят, хоть какая-то польза для общего развития. А меня на наш доморощенный спектакль не заманишь!

– Эх, дочка, ты не застала Папазяна в роли Отелло. А мне вот довелось насладиться его прекрасной игрой на сцене Сундукяновского театра...

И мама с дедом минут пять вздыхали, вспоминая спектакли прославленных столичных театров.

– Сегодня часам к шести я завезу вам билеты, – обещал дед.

Но заехал он намного раньше. А мама в это время щеголяла по дому в новом французском купальнике, приобретенном у фарцовщика Тевоса за бешеные пятьдесят рублей.

– Вашему папе скажу, что за двадцать взяла, а то он ругаться станет, – решила она. – Деньги в рассрочку заплачу, уже договорилась

с Тевосом. Зато в следующий раз, когда мы поедем на море, мне не стыдно будет показаться на пляже.

Купальник был отдельный, очень красивого бирюзового цвета и завязывался тесемками на талии. Мама уже битый час ходила в нем по дому и, каждый раз проходя мимо зеркала, цепляла свое отражение довольным взглядом.

– Французы говорят, что красивая женщина – это роскошные волосы, высокая грудь и длинные ноги. Значит, я – красивая женщина, – приговаривала она.

Мы неотступно следовали за мамой и дико ревновали ее к купальнику в частности и к французам в целом.

– Но ты все равно наша мама, а не чья-то другая мама, павильно? – не вытерпела Гаянэ.

– Ну конечно, – мама обняла нас и поцеловала в макушки, – вы мои самые любимые девочки!

И тут раздался звонок в дверь. Мама заметалась по комнате в поисках платья.

– Кого это черти принесли? – ворчала она.

Гаянэ побежала открывать дверь.

– Ма-ам, – крикнула она из прихожей, – это дедушку и дядю Леву черти принесли.

– О господи, – запричитала мама, кое-как влезла в платье и выскочила встречать свекра и деверя.

– Мы на минутку, – рассмеялся дед, – билеты привезли.

– Вы извините Гаянэ, – неловко оправдывалась мама, – сама не понимает, что говорит. Поесть хотите? У нас сегодня борщ.

– Нет, мы уже поели, но от кофе не откажемся, – хором ответили мужчины.

Через несколько минут мама внесла в гостиную поднос с дымящимися чашечками. Дядя Лева задвигал на журнальном столике вазу с фруктами и книги, чтобы освободить место. Мама осторожно наклонилась, чтобы поставить чашечки на стол... и тут случилось такое, о чем она потом долго не могла вспоминать без содрогания.

Когда мама наклонилась и оказалась в самом, так сказать, незащищенном положении, Гаянэ подскочила к ней, подцепила подол ее платья, задрала высоко вверх и крикнула:

– Деда, посмотри, какая у мамы зятница красивая! Как хранцуды любят!

– Хэх, – крякнул дед и густо покраснел. Мама выронила на столик поднос и резко обернулась.

– Гаянэ, ну как так можно! – возмутилась она.

– Мы ничего не видели, – зачастил дядя Лева. – Не переживай, Надя. И вообще нам уже пора, да, отец?

– Да-да, – засобирался дед, – мы ведь только билеты отдать заехали. Надя, – он упорно смотрел себе под ноги, – в конверте сто рублей, знаю, что денег у вас совсем мало. Купи детям что-нибудь из одежды. И я тебя очень прошу, не говори ничего Юре, а то он снова кинется мне их возвращать.

– Спасибо большое, – растрогалась мама.

И гости, пряча глаза и не откушав кофию, отбыли восвояси. Дядя Лева потом шутил, что дед никаких денег давать не собирился, но зрелище, открывшееся его взору, заставило его раскошелиться.

– Поклянись, что не врешь, – кипятился дед.

– Не буду я клясться, – отмахивался дядя Лева.

– Вот и нечего тогда небылицы рассказывать, – обижался дед.

– Как тебе не стыдно, – долго потом отчитывала свое отражение в зеркале Гаянэ, – мамину зятницу можно показывать только тетечкам, а дядечкам нилизя-а!

На «Отелло» нас повела Ба. Ни мама, ни папа, ни дядя Миша идти на премьеру не захотели.

– О чем будет спектакль? – пытали мы Ба за день до похода в театр.

– О том, как Отелло задушил свою жену Дездемону.

– За что?

– Не за что, а почему. Потому что был ревнивым самодуром.

– Ах-ах, – закатила глаза Манюня, – вон оно как бывает в семейной жизни! Чуть что – и тебя задушили!

Ба мелко затряслась от смеха. Манька, довольная тем, что заставила бабушку смеяться, крепко-накрепко обняла ее.

– Ух тыбы, – прогудела она, – у тебя в животе что-то перекачивается, я слышу.

– Это мои нервы перекачиваются, – хмыкнула Ба.

Пока моя подруга прислушивалась, как в животе у Ба перекачиваются нервы, я усиленно размышляла. Мне не давало покоя имя героини пьесы.

– А почему нельзя было назвать ее Ангелиной? Или Анжелой? – наконец спросила я.

Ба с минуту сверлила меня своим фирменным немигающим взглядом. Душа моя тренькнула и ушла в пятки.

– Кого? – наконец спросила она.

– Ну эту... Бездемону.

– Когоооо? – выпучилась Ба.

– Бездемону. Что это за имя такое «без демону»? Лучше сразу назвать человека Ангелиной, разве нет?

Ба всплеснула руками и расхохоталась. Нам с Манюней было непонятно, чего я такого смешного сказала, но на всякий случай мы подобострастно захихикали в ответ.

– Хи-хи-хiiii, – смеялась Манька, – ну ты, Нарк, даеooooшь. Скажешь тоже, Ангелина! Смешно, да, Ба?

Ба наконец отсмеялась, утерла выступившие слезы, поцеловала меня в щечку и пошла звонить маме.

– Надя, помяни мое слово, – грохотала она в трубку, – твоя дочь станет великим открывателем. Это надо же такое придумать, Бездемонаааа!

– Нарк, а что ты такого смешного сказала? – шепнула мне Манька.

– Сама не знаю, – развела я руками.

На премьере в зале было не протолкнуться. Стокилограммовая Люся театрально закатывала глаза и заламывала руки, а в особенно торжественные моменты хрустела суставами пальцев. Белокурый мелко завитый парик был ей явно мал и периодически съезжал набок. Тогда Люся, не прерывая монолога, уходила за кулисы, чтобы привести себя в порядок.

– Мужчины, ах, мужчины, чудаки! Скажи, Эмилия, ты допускаешь, что среди замужних женщин могут быть обманщицы такие? – вещала она, кряхтя, из-за сцены.

Отчаянно нагуталенный Отелло метался в опасной близости от рампы и в порыве дикой ревности грозно щерился то на Эмилию, то на Кассио, а то вообще на третьего секретаря райкома, сидевшего по правую руку от Ба.

– Кхм-кхм, – волновался третий секретарь райкома. Ба на каждый «кхм» раздраженно косилась на него и остервенело обмахивалась пластиковым веером.

В какой-то момент безостановочных метаний с уха Отелло слетела тяжелая серьга и покатила по сцене.

– Не нагибайтесь! – крикнул Яго и, подняв серьгу, собственноручно нацепил ее на ухо Отелло.

– Благодарю! – не растерялся Отелло.

– Каспарьяна, наверное, радикулит разбил. Вот Яго за него и нагибается, – зашептал кто-то сзади.

Вообще народ очень бурно реагировал на действие, развернувшееся на сцене. В волнующий момент убийства Дездемоны люди в зале повскакали с мест.

– Она не виновата! – крикнула одна особенно впечатлительная зрительница.

– Мужик лучше знать, – зашикали на нее мужчины.

Мы с Маней выплакали себе все глаза.

– Какая несправедливость! – перешептывались мы. – Почему он поверил Яго, а не Дездемоне!

Каринка весь спектакль сидела со скучающим видом и оживилась, только когда Отелло полез душить Дездемону.

– Слабак, – фыркнула она, – придушить нормально ее не смог, пришлось потом еще ножом закалывать!

И, пока Дездемона лежала на смертном одре с кинжалом под мышкой и, будучи бесповоротно мертвой, вздымалась грудью на весь зрительный зал, Каринка напряженно ждала, когда же с кровати закапает кровь. Так и не дождавшись крови, сестра фыркнула и окончательно разочаровалась в спектакле.

– Постановка дрянь, – при выходе из театра вынесла вердикт Ба, – но как Люся хрустела пальцами! Аж уши закладывало. Ей определенно нужно показаться врачу.

Выслушав наш отчет о спектакле, мама принялась с удвоенной силой уговаривать отца переехать в Ереван.

– Юра, я хочу для своих детей лучшего будущего. Театры, концерты, картинные галереи... – перечисляла она.

– Женщина, – прогрохотал папа, – у тебя есть два варианта: или живешь со мной в Берде, или со мной – в Берде. Выбирай.

– Неуступчивый бердский ишак! – рассердилась мама.

– Кировабадци! – не остался в долгу отец.

А потом в наш город приехали телевизионщики первого канала Армении. Снимать фильм о жизни провинциального городка и его жителей. Сначала они отсняли интервью с первым секретарем райкома, а потом попросили посоветовать им семью, о которой можно сделать небольшой сюжет.

– Нам такую семью, которую не стыдно было бы на всю республику показать, – предупредили они.

– Есть у нас на примете хорошая семья. Многодетная, интеллигентная, а главное – уважаемая. Одну минуточку, – первый секретарь райкома поднял трубку, – Драстамат Арутюныч, как ты думаешь, согласится твой Юрик сняться для телевидения? Ну что ты сразу пугаешься? Сына, говоришь, хорошо знаешь? Откажет, говоришь? Тебе откажет, а мне не откажет, я его с пеленок знаю. Ну и что, что ты тоже его с пеленок знаешь! Ты отец, а я как-никак дядя Арменак.

– Сегодня погуляем, туда-сюда, – положил трубку Арменак Николаич, – попробуете нашей кизилочки [\[13\]](#), шашлыков на свежем воздухе покушаете. А завтра, часам к пяти, поедете домой к Юрику.

– Нам бы лучше с раннего утра к ним заехать, – подал голос доселе молчавший молоденький оператор, – снимать долго.

– Тебя как зовут, сынок? – ласково обратился к нему Арменак Николаич.

– Альберт.

– А по батюшке?

– Альберт Сергеевич, кхм, – заволновался оператор.

– И родился ты в Ереване, да, сынок? И далее Араратской долины никуда не выезжал, да? И от мамкиной титьки недавно оторвался, да, Альберт Сергеевич?

Альберт Сергеевич вспотел, как мышь под метлой. Он испуганно заерзал на стуле, забегал глазками, сцепил руки в замок и инстинктивно прикрыл единственно важный, по мнению любого мужчины, орган. Арменак Николаич снисходительно проследил за манипуляциями бедного оператора и хмыкнул:

– Я на тебя, Альберт Сергеевич, с раннего утра посмотрю. После кизиловки.

* * *

В тот же день нам позвонила секретарша Арменака Николаича Кристина и предупредила о визите телевизионщиков.

Мама заволновалась. «Вот оно, – подумала она, – сегодня нас снимут на камеру, завтра покажут по телевизору, а послезавтра, глядишь, и в Ереван переедем».

Она окинула взглядом квартиру.

– Так. Помыть полы, протереть пыль, убрать с глаз долой корзинку с недовязанным свитером, заставить Наринэ доучить полонез Огиньского, заставить Каринэ дорисовать... что тут ребенок изобразил? – Мама повертела в руках рисунок. – Натюрморт с баклажаном и клубникой, надо же, какой интересный набор. Так, что еще надо успеть сделать? Испечь торт, украсить его ягодами. Ягоды!

Мама кинулась к телефону.

– Тетя Роза, к нам завтра телевизионщики придут. Снимать нашу семью. Нет, Юра еще не знает. И не узнает до последнего. Пусть люди приходят, а там я его перед фактом поставлю. Ну не выгонит же он их из дома! Тетя Роза, можно у вас немного замороженной малины попросить? Я хочу испечь торт, а украсить его совсем нечем. Хорошо, спасибо.

Через полчаса Ба была у нас. В одной руке она держала плетеную корзинку, а другой придерживала за шиворот Манюню. Манька отчаянно вырывалась и норовила припустить вперед на космической скорости.

– Тетьнадь, а можно я тоже буду вашей дочкой? – выдохнула она с порога.

– Можно, – рассмеялась мама.

– Ура! – запрыгала Манька. – Меня тоже покажут по телевизору!

– Ура! – обрадовались мы. – Нас всех по телевизору покажут!

К тому времени мы уже развили бурную деятельность, чтобы завтра блеснуть перед камерой всеми своими талантами.

– Жаль, – в спешном порядке дорисовывала натюрморт Каринка, – если бы знала, что нас снимать придут, нарисовала бы картину «Всадник без головы».

Нарка бы наигрывала какой-нибудь скучный ноктюрн, а я в это время медленно внесла бы в комнату картину. А там конь, а на коне человек. Без головы.

Вот бы мы их напугали! Они бы камеры побросали и убежали.

Манька села разучивать со мной полонез.

– Раз-и-два-и, раз-и-два-и, – подбадривала она меня и периодически хлопала по руке. – Ну сколько можно тебе напоминать, чтобы ты руку «яблочком» держала?

Ба выгрузила на кухонный стол банку сгущенки, сухофрукты, малину, лимоны, две пачки тыквенных семечек, банку красной икры, банку греческих маслин.

– Куда столько? – испугалась мама. – Тетя Роза, вы опять за свое?

– Икру детям, – предупредила Ба, – остальное – оглоедам с телевидения. И не делай мне мозг, Надя, лучше давай я тебе помогу.

И на кухне закипела работа. Мама с Ба споро взбили воздушное бисквитное тесто, пожарили и намололи кофе, приготовили крем.

Потом они заварили чай и сели немного отдохнуть.

– Все успеешь, не переживай, – громко отхлебнула кипяток из большой чашки Ба, – вот только как с Юрой быть?

Мама тяжело вздохнула.

Дело в том, что папа был совсем непубличным человеком.

– Только этого не хватало, чтобы я, словно тифлисский кинто ^[14], людей развлекал, – отмахивался он, когда ему предлагали принять участие в каком-нибудь мероприятии. – Я скромный человек, и все эти публичные дела не для меня!

– Предупреждать его не буду, – решила мама. – Когда люди завтра придут, я им кофе налью, тортом угощу, а там Юра с работы вернется, и ему ничего не останется, как безропотно сняться для фильма.

– Ну-ну, – хмыкнула Ба.

Мама допила чай, убрала чашку со стола, а потом заглянула в духовку. Вытащила корж и невольно залюбовалась им. Бисквит получился легким, воздушным и пах лимонной цедрой.

– Вот видите, тетя Роза, – повернулась к Ба мама, – главное – настраиваться на хорошее. Когда думаешь о хорошем, то все складывается как надо.

* * *

Назавтра, как было обещано, часам к пяти прибыли телевизионщики. Только почему-то они приехали не на своем «УАЗике», а на автомобиле Арменака Николаича. Водитель бережно выгрузил ереванских гостей вместе с телевизионным скарбом возле подъезда и сопровождал их под ручку до нашей входной двери.

– Я внизу, если что, зовите, – предупредил он маму.

Мы, разодетые в пух и прах, заинтригованно наблюдали за тремя бледными на вид мужчинами, которые, вежливо поздоровавшись в пространство, по стеночке проследовали в гостиную. Смотрели они так, словно боялись лишний раз моргнуть, а чтобы глянуть вбок, вертели не шеей, а поворачивались всем туловищем.

– У нас блинчики с мясом, я сейчас пожарю, – ринулась на кухню мама.

– Оооо, – простонали телевизионщики, – нам только кофе. Горький и крепкий.

– Не хотите блинчиков, тогда попробуете моего фирменного торта с бее и малиной.

– Оооо, – еще горше застонали телевизионщики, – мы вчера поели шашлыков и выпили кизиловки, а потом нас накормили хашламой. И снова поили кизилвкой. Насильно.

– А когда закончились все положенные по случаю тосты, стали пить за здравие каждой ветки раскинувшейся напротив яблони. Ни одну ветку не пропустили, – заплакал молоденький оператор.

И тут с работы вернулся папа. И сказал: «Здравствуйте, а что это за провода у нас в коридоре валяются?»

– Юра, – затрепетала мама, – это телевизионщики, они будут снимать сюжет о нашей семье.

– Телевизионщики – это хорошо, – хмыкнул папа и достал из холодильника большую бутылку тутовой водки. – Надя, накрывай на стол.

– О нет, – простонали гости из Еревана.

– Поздно, – откупорил папа бутылку, – сейчас покушаем, заодно обсудим, с чего это вы взяли, что я буду сниматься в вашем фильме.

Вот так мы и не попали в телевизор. Да и фильм о городке Берд не появился на экранах. Только в новостях показали маленький сюжет, где Арменак Николаич, шевеля густыми бровями и глядя куда-то мимо камеры, важно говорил:

– Приезжайте к нам, у нас очень гостеприимные и хлебосольные люди. И я гарантирую, что вы навсегда запомните наш благодатный край.

Судя по тому, что с телевидения никто больше не приезжал, поездку в наш благодатный край телевизионщики таки запомнили навсегда.

Глава 4. Манюня – композитор, или Сказ о том, как Мария Михайловна с Наринэ Юрьевной поцапаться изволили

Ноябрь в том году выдался солнечным и очень теплым. Двадцать градусов, даже по меркам южной осени – это много. Природа еще буйствовала разноцветьем листвы, а небеса уже по-зимнему унеслись ввысь и казались пронзительно звонкими. Огромные звезды, которые летом переливались прямо над головой, хочешь – протяни руку и зачерпни горсть, застыли в далекой небесной дали. Солнце

превратилось в большой багрово-красный шар. На закате, словно в нерешительности, оно ненадолго зависало над синими холмами полотном Сарьяна, а потом стремительно уходило за горизонт. Сутки напролет над городом пролетали стаи птиц. Они кричали дивными голосами, прощаясь с северной стороной.

Не за горами были холода.

Папа всегда был очень теплолюбивым созданием и отчаянно ненавидел зиму. Если 22 июня люди радовались самому длинному дню в году, то он ходил мрачнее тучи и бурчал:

– День пошел на убыль, скоро холода.

С наступлением осени он ежедневно оповещал наше семейство, на сколько минут сократился световой день.

– Солнце вошло в шесть часов пятнадцать минут, а зайдет в двадцать сорок семь, – замогильным голосом говорил он. – Минус семь минут!

Мы скорбно кивали в ответ. Наши постные мины утешали отца, но ненадолго. Через некоторое время он опять принимался жаловаться на неминуемое наступление холодов.

Вот и сейчас папа остервенело листал журнал по медицине и, периодически выглядывая в окно, вздыхал:

– Завтра уже зима!

Мы с Каринкой в спешном порядке доделывали уроки. Времени было в обрез – к пяти часам надо было успеть вскарабкаться на крышу гаража сорок второй квартиры, откуда двор просматривался как на ладони. Дело в том, что в четвертом подъезде сегодня играли свадьбу – тетя Эля женила своего единственного сына Григора. И нам очень хотелось увидеть, как свадебный кортеж въезжает во двор.

– Нарка, – минут десять назад предупредила меня по телефону Манюня, – остались две задачи по математике. Доделываю и бегу к

вам, без меня во двор не выходите.

– Не выйдем, ждем, – заверила я и помчалась в кабинет.

– Манька скоро будет, – зашептала я сестре.

– Пятью семь... пятью семь... двадцать восемь! – зачастила Каринка. – Нет, тридцать пять. Да что же это такое, – воскликнула она, – какой идиот придумал таблицу умножения?

– Тот же идиот, который зиму придумал, – не растерялся папа.

Мама сидела в кресле и, натянув на лампочку носочек Гаянэ, штопала пятку.

– Юра, посмотри, какой день погожий, при чем здесь зима? – не вытерпела она.

– Женщины, что с вас взять! Вы не умеете видеть в перспективе, радуетесь только сегодняшнему дню, а мы, истинные мужчины, вглядываемся в дали!

– На пути в эти дали зацепи мужскими очами балконные перила. Видишь, как они облезли? А ты ведь обещал покрасить их! – не растерялась мама.

двор вкатилась папина «копейка», потом оттуда вылезли наши мужчины, зачем-то минут десять с умным видом заглядывали под капот машины, а потом долго скреблись в чужой гараж. Папа шуровал в замке ключами, а дядя Миша покачивался рядом и бурчал: «Дай мне ключ, я сам отк... открою, безрукий ты человек, ик». Мы с замиранием сердца наблюдали за ними из-за занавесок.

– Да что же это такое, – кипятился отец, – замок слом-мался, что ли?

– Юра! – не вытерпев, мама высунулась в окно.

Папа с дядей Мишей одинаково выпятили грудь, подобрали попы и, напустив на себя независимый и по возможности трезвый вид, повернулись к дому передом, к гаражам задом. Долго пытались сфокусироваться на окне, из которого выглядывала мама. Наконец это им удалось. Папа пожевал губами и любезно отозвался:

– Чего тебе, женщ-щина?

– Посмотри направо!

– Зачем направо, настоящий муж-чина должен смотреть налево! – запетушился дядя Миша.

– А потому, настоящие мужчины, что наш гараж находится справа, а вы скребетесь в гараж двадцать девятой квартиры!

– Ничего мы не скребемся, мы покурить тут встали, – буркнул папа и достал из кармана пачку сигарет.

Они с дядей Мишей сначала демонстративно покурили и только потом открыли двери нашего гаража. Папа сел за руль, чтобы припарковать машину.

– Юра, – суетился перед капотом дядя Миша, – смотри мне в глаза, я тебе ук... указываю путь!

Мы в диком волнении наблюдали из-за штор, какие невероятные зигзаги выписывает отец, чтобы заехать в гараж. Дядя Миша метался между двумя лучами от горящих фар и указывал другу путь очами.

– Глаза в глаза! – выкрикивал он. – Юра, не отрывайся от моих глаз.

– Придавит на хрен, – не выдержала Каринка и тут же получила подзатыльник от мамы. – Мааааааа, а чего я такого сказала?!

– Не смей так об отце говорить!

– Я даже не знаю, кого касался этот «на хрен», папы или дяди Миши, – потеряла затылок Каринка.

– Вот за обоих и получила! И вообще не смей так говорить.

С восьмого раза, чуть ли не вышивая маршрут парковки крестиком («кха-кха», – обиженно кряхтел «жигуленок»), папа таки заехал в гараж, и они с дядей Мишей, обнявшись, нетвердой походкой пошли к подъезду. Мы побежали открывать им дверь.

– Дядя Миша, вы сегодня будете у нас ночевать, да? – спросила я.

– Уй, Нариночка, и ты здесь? – обрадовался дядя Миша.

– А где мне быть? Это же мой дом!

– Да-а? – казалось, дядя Миша сильно озадачен моим ответом.

– Конечно, останется. Он же не хочет, чтобы Ба его побила, – хмыкнула Каринка и тут же огребла второй подзатыльник, теперь уже от папы.

– Да что я такого сказала? – заорала она.

– Не смей так о взрослых говорить!

– Можно подумать, я соврала или сказала «на хрен»! – обиделась сестра.

Конечно же, Каринка не соврала. По негласному правилу, установленному между нашими домами, если дядя Миша позволял себе выпить лишнего, то ночевать приходил к нам. Негласное правило называлось «чтобы мать не выела мне мозг». К слову, это правило спасало не только Дядимишин, но и папин мозг, потому что нашей маме было неудобно ругать мужа при посторонних. И ей ничего не оставалось, как безропотно носить мужчинам кофе на балкон, где они курили и разглагольствовали на разные темы. Вот в прошлую субботу, обрадованный маминой покладистостью, папа и расщедрился на обещание:

– Жена, в следующие выходные я покрашу перила, а то они совсем облезли.

– Прально, – похвалил друга дядя Миша.

– Я потом напомню о твоем обещании, – хмыкнула мама.

– Не надо мне напоминать, я что, склеротик?

И теперь папа сверлил нас своими большими зелеными глазами и требовал справедливости.

– Семью восемь, – мигом закатила глаза Каринка, – семью восемь...

– Пусть ответит Наринэ, она моя старшая дочка и никогда меня не подведет, – с нажимом выговорил папа. Каринка тут же бросила

зубрить таблицу умножения и уставилась на меня.

Я вздохнула. Молчать более не представлялось возможным, перст судьбы указал на меня.

– Пап, – заблеяла я, – ты действительно обещал покрасить перила! – и, видя вытянувшееся лицо отца, поспешно добавила: – Но не все, а через одно!

– Ха-ха! – подскочила мама. – Видишь? Придется красить!

– Захрмар ^[15] вам, – прогрохотал папа, – для чего я всю жизнь на врача учился? Чтобы сейчас маляром работать? Но ничего, талантливый человек талантлив во всем! Несите ваши краски!

Мы хотели понаблюдать за тем, как папа красит перила, но тут примчалась Маня.

– На крыше сорок второго гаража яблоку негде упасть, – заявила она с порога.

– Придется в толпе локтями шуровать, – пригорюнились мы.

– Девочки, вы в толпе ничего не увидите, лучше выглядывайте в наши окна, сверху обзор лучше, – предложила мама.

Мы хотели возразить, что с нами будет Каринка, а там, где Каринка, места в первом ряду партера нам обеспечены, но тут послышались гудки, и мы побежали к окнам.

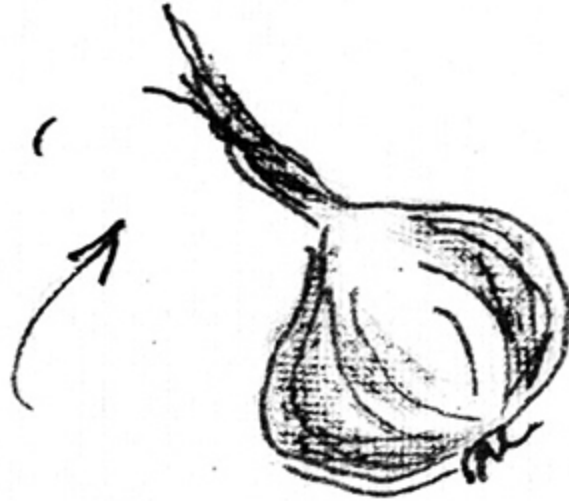
Во двор торжественно въезжал свадебный кортеж. Машин было пять, и в самой роскошной – новенькой белой «шестерке», привезли невесту. За «шестеркой» следовали две «копейки», один раздолбанный «Виллис», и замыкал процессию отчаянно тарахтящий «Запорожец». Все машины были украшены разноцветными лентами и воздушными шарами, а на капоте шестерки красовалась большая кукла в белом платье и развевающейся фате!!!

– Ух тыыыы! – выдохнули мы.

– Если бы мы спустились вниз, то я бы точно до этой куклы добралась, – расстроилась Каринка.

– Зачем она тебе? Ты же не играешь в куклы!

– Да мне просто интересно, каким образом они ее к капоту прикрепили.

Я хотела предположить, что куклу, возможно, просто приклеили, но тут грянула громкая музыка – забарабанили доолы, выдохнул аккордеон, заверещала зурна – это маленький оркестр музыкантов вышел из подъезда встречать новобрачных. Люди, обступившие нарядную «шестерку», заволновались и отодвинулись, потому что к машине приближалась новоиспеченная свекровь. Она несла на плече завернутый в рулон небольшой ковер.

– Тетя Эля, давай поможем, – кинулись к ней зеваки.

– Я сама, – пропыхтела тетя Эля.

Она доковыляла до машины, расстелила ковер возле ее задней дверцы, смахнула пот со лба и властным жестом остановила музыкантов. Зурна захлебнулась в крике, аккордеон захрипел и выдохнул мехами «ш-ш-ш-ш».

– Выхооооо-ди! – скомандовала тетя Эля.

«Бляааааа», – со скрипом распахнулась дверца «шестерки», и на ковер шагнула тоненькая невеста. «Куда уходит детство», – витиевато заиграла зурна, вплетая в мелодию известной эстрадной песни восточные нотки. Невеста была в кипенно-белом платье с каким-то немислимым количеством оборок и воланов и в широкополой белой шляпе, с полей которой свисала густая вуаль.

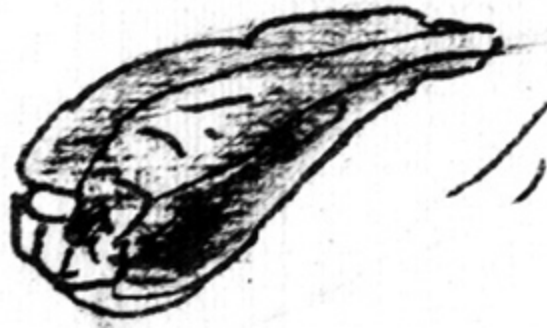
– Что творится, что творится! – покрылись мы мурашками. – Mam, поди сюда, посмотри, какая невеста красивая.

Мама подошла к окну и глянула вниз. По выражению лица было видно, что ей не очень нравится то, что происходит во дворе. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут тетя Эля снова властным жестом остановила музыкантов, выдрала со своего пальца кольцо, потрясла им в воздухе, и с криком: «Брыльянт в три карата на чистом золоте носи на здоровье дочка!» – вдавила его в палец невесты. Народ ахнул и заволновался, доол пробил туш.

– Бедная девочка, – покачала головой мама.

– Это почему? – обернули мы к ней свои любопытные мордочки.

– Да я просто так, не обращайтесь внимания.

Тем временем из машины выбрался жених. Оркестр почему-то затянул «Все могут короли». Выглядел Григор просто бесподобно, как герой индийского фильма. Он был в белом жутко скрипучем кримпленовом костюме. По плечам, поверх пиджака, крыльями подстреленной птицы простирался длинный ворот красной гипюровой рубашки, а из-под расклешенных брюк выглядывали красные носки («марьяж де колер» – вспомнила я выражение, услышанное от мсье Карапета). Туфли жениха были черные, лаковые, на большом каблуке.

– Вах, мама-джан, – выдохнула Манька, – вылитый Санджив Кумар!

Тетя Эля, видимо, тоже так подумала. Она припала к груди сына и залилась горькими слезами. Зурна ушла в минор и затянула «Оровел» Комитаса.

– Тетьнадь, она что, его в армию провожает? – удивленно обернулась к маме Манька.

– Почти, – вздохнула мама.

Выплакав все слезы, тетя Эля сдернула с плеча два махровых полотенца и накинула их на плечи жениха и невесты.

– А это зачем? – удивились мы.

– Не знаю, – мама была сама крайне удивлена, – спросите у папы, может, он знает?

Дело в том, что мама выросла не в Армении и практически не была знакома с местными традициями. А тетя Эля переехала в наш город совсем недавно из какого-то затерянного в горах села и проводила свадьбу по своим деревенским обычаям.

Мы во все глаза наблюдали за церемонией. Невеста с женихом поправили на плечах полотенца, взяли за руки и пошли к дому. Возле подъезда им под ноги подложили по тарелке, и они разбили их

на счастье (вот где особенно пригодились большие каблуки жениха), а потом под дружные крики толпы «горь-ко!» поцеловались. Мы вытянули шеи, чтобы в мельчайших подробностях наблюдать поцелуй.

– Фу, – поморщилась Каринка, – прямо в рот целуются. Отвратительно! Никогда не буду так целоваться.

– И мы не будем. Буэ!

Мы захлопнули кухонное окно и побежали узнавать, откуда такая традиция взялась – накидывать на плечи полотенца. Папа как раз докрашивал последние перила. Весь каменный пол балкона был щедро усеян каплями краски.

– Ты почему газет не постелил? – испугалась я.

– А надо было? – всполошился отец и кинулся оттирать руками краску с пола.

– Пап, ну ты совсем как маленький, растворителем потом почистишь, – хмыкнула Каринка. Мы с уважением обернулись к сестре – надо же, всего три месяца ходит в художественную школу, а так много уже знает! Каринка под нашими взглядами надулась, как важный индюк, и даже немного покраснела.

– Дядьюр, мы к вам с вопросом, – очнулась Манька. – А почему тетя Эля накинула на плечи сыну и невестке полотенца?

– Когда?

– Вот прямо сейчас, во дворе. Встретила их и накинула.

Папа отложил кисточку и в задумчивости уставился на нас.

– Я могу только предположить, – неуверенно сказал он. – Эта традиция может восходить к древности. Правил в первом веке нашей эры в Армении один царь. Он болел страшным заболеванием – проказой, и никто не мог его вылечить. И дошли до него слухи о некоем человеке по имени Иисус, который чудесным образом лечил все заболевания.

– Это тот Иисус, которого Ба называет вероотступником? – встряла Манька.

– Да, – засмеялся папа, – тот самый. Итак, царь отправил к Иисусу послов с просьбой приехать и вылечить его. Иисус приехать не мог, он умыл лицо, просушил полотенцем и, о чудо, влага превратилась в краску и отпечаталась на полотенце ликом Христа. Гонцы привезли это полотенце больному царю. А тот вымылся, протерся им и исцелился.

– Совсем? – опешили мы.

– Совсем. И в благодарность принял крещение. И стал первым правителем-христианином Армении. Мне думается, что эти накинутые на плечи полотенца – символ того полотенца, которое исцелило царя Абгара.

– Кого? – подскочили мы.

– Абгара. Так царя звали.

– Пап, у нас фамилия Абгарян, может, мы потомки того царя?

– Я не думаю, – рассмеялся отец, – но если вам приятно считать себя принцессами – то пожалуйста. Мне не жалко.

– Ура! – запрыгали мы с Каринкой. – Вот оно что! Оказывается – мы принцессы!!!! Ура-ура!

Маня обиженно засопела. Было видно, что ей не очень приятно наблюдать нашу радость.

– Подумаешь, – фыркнула она, – принцессы. Я, может, тоже принцесса, но не кричу об этом на каждом углу.

– А как твоего предка звали? – полюбопытствовали мы.

– А вот так и звали!

– А как это вот так?

– А вот так! – Боевой чубчик развевался над Маней непотопляемым ирокезом. – Царь Шац. Понятно? Выкусили? Да, Дядьюр?

– Гхмптху, – отозвался папа.

– Гхмптху – это да или нет? – обступили мы его.

– Лучше Розу спросить, – нашелся папа. – Роза точно знает, кто из царей был твоим предком, Манюня.

– Пойдем Ба спрашивать, – предложили мы с Каринкой.

– Пойдем!

И мы побежали домой к Мане, узнавать о ее предках. По телефону звонить не стали – такие важные разговоры ведутся только тет-а-тет! Когда пробежали мимо «шестерки» с куклой, не удержались и подергали за ножки, чтобы узнать, как ее прикрепили к капоту. Кажется, ее действительно приклеили, потому что держалась она намертво.

– На обратном пути оторву, – бросила на бегу Каринка.

За углом дома мы столкнулись с Рубиком из сорок восьмой. При виде Каринки он побледнел и попытался пасть замертво, но Каринка только презрительно скривила губы:

– Живи пока! – крикнула. – Скоро вернусь и оборву тебе уши.

Рубик тут же вернул себе обычный цвет лица и даже попытался огрызнуться:

– Сначала догони меня, а потом хвастайся!

– Я все слышала! – притормозила Каринка. Рубика и след простыл.

Через пять минут мы уже влетали в Манин двор. Дядя Миша сидел на скамеечке под тутовым деревом и изучал какой-то странной формы железяку.

– Здравсти, Дядьмиш, – на секунду убавили бег мы, – новое открытие делаете?

– А куда это вы спешите? – удивился дядя Миша.

– Пап, нет времени, мы к Ба. – Маня в одном прыжке преодолела ступеньки лестницы и взлетела на веранду.

– За царем Шацем, – выдохнула я.

– За кем?! – опешил дядя Миша.

Но никто его уже не слышал. Мы скинули ботинки и ворвались в дом.

– Бааааа! – завопили втроем.

– Чего там, – испуганно высунулась из кухни Ба, – что-то случилось?

– Ба! – Манька ткнулась лицом в большой живот бабушки. – Скажи им, что я принцесса и моего предка звали царь Шац.

– Чегооооо? – выпучилась Ба.

– Что я принцесса, – заплакала Манька, – и про царя Шаца им расскажи, а то ишь, важные какие, они принцессы, а я нет!

– Мне кто-нибудь объяснит что здесь происходит? – рассердилась Ба. Мы с Каринкой испугались ее выпученных глаз и кинулись наперебой пересказывать про царя Абгара, который может быть нашим предком (я вас умоляю!), Иисуса (буркнула что-то про «мамэс милх», мы не очень поняли, что), тетю Элю (деревенщина!), а довершили все папиным рассказом про полотенца (так Юрий всю эту кашу заварил и оставил мне ее расхлебывать?!!!).

Нам стало страшно за папу.

– Он сказал, что ему не жалко, и мы можем считать себя принцессами, если хотим, – заступились мы за него.

– Ба, – загудела Манюня, – так я принцесса или как?

– Вы не принцессы, а балбески и дегенератки, понятно? – рявкнула Ба.

– Это само собой, – упорствовала Манечка, – но ты про царя Шаца ответь.

– Нет и не было такого царя! – вздохнула Ба.

– Ыааааааааа, – ткнулась ей в живот Манька, – царь Абгар был, а царя Шаца, значит, не быыыло?

– Царя Шаца не было, зато твой прадед Исаак Шац сочинял такие стихи, что все бакинские красавицы были у его ног. Все до одной! – Ба протерла Манину мордочку подолом своего платья и заглянула ей в глаза. – Он был невероятным умницей и очень талантливым поэтом. Понятно тебе?

И было в голосе и выражении лица Ба такое, что Манька мигом затихла, а потом повернула к нам свое заплаканное личико:

– Выкусили?

– Мария! – прогрохотала Ба и отвесила внучке подзатыльник.

Но Манька даже ухом не повела. Она гордо прошла мимо нас и стала подниматься на второй этаж. Дошла до середины лестницы, свесилась через перила и крикнула вниз:

– Не хочу больше дружить с тобой, Нарка. Понятно тебе? – И побежала наверх.

– Ба-а? – Мой голос предательски оборвался. – Чем я ее обидела?

– Ничем, Нариночка, – обняла меня Ба, – просто Маня перенервничала. Она единственный ребенок в семье, а вас много. И ей очень хочется во всем быть похожей на вас, чтобы не чувствовать себя

одинокой, понимаешь? Идите домой, завтра все будет хорошо. Она отойдет и снова помирится с тобой.

Мы с Каринкой надели ботиночки и поплелись вон. Я плакала, а Каринка шипела на меня:

– Ну чего ты плачешь, как дура, Ба ведь сказала, что завтра помириться.

– Ничего мы не помиримся, Маня больше не будет со мной дружить!

– Хочешь, я буду с тобой дружить?

– Нет! Ты и так со мной дружишь, ты моя сестрааааа! А Манька мне не сестрааа! Она мне вообще никтооооо!!! Просто друуууг! И одинокая девочкаааа!

– Ну ты ваще дура, – рассердилась Каринка и выдрала с корнем какое-то растение из цветочной клумбы.

– Ты уверена, что это сорняк? – спросила я сквозь слезы.

– Конечно, все цветы уже отцвели, остались одни сорняки.

Так мы и шли домой – я обливалась слезами, а Каринка страдала лицом и остервенело размахивала длинным стеблем сорняка.

Во дворе нам повстречался зловерный и шкодливый мальчик Сережа, и, из чистого интереса, сколько ударов может выдержать растение, Каринка исхлестала его сорняком. Пока она гонялась за мальчиком, я рыдала возле белой «шестерки». Заодно сквозь слезы пыталась понять, каким же образом куклу прикрепили к капоту. Оказалось, что ее намертво привязали лентами к дворникам. Тут прибежала Каринка.

– Пять ударов – и сорняк превратился в мочало, – выдохнула она и вцепилась в куклу.

– Девочки, – обеспокоенно высунулась в окно мама, – марш домой!

– Не дала от дворников оторвать! – проворчала Каринка.

Вечер я просидела возле телефона в ожидании звонка от Мани. Но телефон молчал.

– Не хочу я быть принцессой, – приговаривала я, размазывая по щекам слезы, – дался мне этот царь Абгар!

Когда я с горя улеглась спать, мама подоткнула со всех сторон одеяло, села рядом и взяла меня за руку.

– Утро вечера мудренее, – улыбнулась она, – завтра все будет хорошо.

И я, замученная переживаниями, провалилась в глубокий сон.

Ранним воскресным утром в нашем доме раздался телефонный звонок. Я побежала как ошпаренная поднимать трубку, пока звонок не разбудил остальных.

– Але!

– Овощи! – бодрым голосом отрапортовала Манька.

– Чивой? – я мигом проснулась.

– Грю, овощи! Песня.

– Мань, какие овощи, какая песня?

– Нарка, не перебивай меня. Раз мой прадед был поэтом, то я тоже решила стать поэтом. И написала стих про овощи. Потом сочинила к нему музыку. И получилась песня. Вот, послушай. Сейчас, только поставлю трубку на полку так, чтобы ты слышала и пение, и аккомпанемент на скрипке.

– Что-то случилось? – высунулась в дверь спальни мама.

– Это Маня, – зашептала я, – она песню сочинила, называется – «Овощи».

– Вот дегенератки, – тоном Ба возмутилась мама. – Вы хоть видели, который час?

Я хотела ответить, что пока очень рано, но тут Манька запиликала на скрипке и запела тоненьким голосом:

Лук, картошка, огурцы,
Помидорчик красненький
И морковка рыжая,
Перчик зеленый.
Ешьте, ешьте, деточки
Родные мои,
Наши овощи
Будут вас кормить!

– «Родные мои, наши овощи будут вас кормить», – это припев, ну ты поняла, да? Как тебе песня? – спросила Манька.

– Шикиблеск. Мань, это самая красивая песня, которую я слышала.

– Ага. Теперь все бакинские красавицы будут у моих ног! Хочешь, я еще раз тебе ее спою?

– Хочу.

Но исполнить песенку второй раз Манюне не удалось.

– Мариинииииия! – прогрохотала Ба. – Ты видела, который час?

– Потом договорим, – шепнула Манька и отключилась.

Я какое-то время простояла с трубкой у уха, вслушиваясь в гудки. Счастью моему не было предела – Манька все уже забыла и снова дружит со мной! Никогда, никогда мы больше не будем ссориться, никогда! Я тихонечко опустила трубку на рычаги, прокралась в спальню и легла в постель. Часы показывали четверть шестого утра. До рассвета было еще далеко, но на том конце города уже победно перекликались петухи.

Глава 5. Манюня лепит из меня снеговика, или Ба снова сказала «господибожетымой»

Зимы в наших южных широтах редко бывали снежными. Температура колебалась где-то в районе нуля, декабрь выдавался традиционно туманным, да таким молочно-туманным, что отменялись рейсы самолетов в аэропорту нашего района. Аэропорт находился впритык к границе с Азербайджаном и обслуживал три еженедельных рейса Ереван – Айгепар– Ереван. За этот «впритык» он и поплатился в войну – его разбомбили в первую очередь. Но это потом, в 90-е, а сейчас он представлял собой новенький, недавно отстроенный комплекс и радовал глаз чистеньким аэровокзалом и идеально ровной взлетно-посадочной полосой.

Иногда по этой полосе сновали куры диспетчера тети Зины. Тетя Зина жила аккурат через дорогу и в нелетные дни приводила на работу всю свою домашнюю живность. Куры важно ходили по заасфальтированной взлетной полосе, остервенело гадили, а потом ковырялись в собственном помете. Два штатных ястреба аэропорта, Карабас и Барабас, неприязненно следили за курами из своих металлических клеток.

Ястребов выпускали разгонять стаи вредных воробьев, в большом количестве сновавших окрест. Всем известно, какую большую опасность представляют собой птицы для идущих на посадку или взлетающих самолетов. Поэтому сначала Карабас и Барабас разгоняли воробьев, а потом тетя Зина, внимательно прислушивающаяся к позывным ереванского диспетчера, высовывалась по пояс в окно и кричала сторожу:

– Степаааан, зазывай обратно ястребов, самолет скоро будет у нас!

В зале ожидания тут же начиналось броуновское движение – встречающие кидались к окнам и шумно комментировали маневры летчика:

– Ара, Сурен, посмотри, как самолет накренился, видимо, в одном крыле бензин уже закончился, а в другом его еще много, вот и перевешивает!

– Да что ты говоришь, Назар, какой накренился, какой бензин, это просто летчик-джан поворот таким образом берет!

Как только самолет касался посадочной полосы, аэропорт мигом взрывался в бурных аплодисментах.

– Ласточка, а не самолет! – радовались люди и терпеливо ждали, когда Степан подкатит трап.

– Анико, ты мою Лусинэ не видишь? – подслеповато щурилась древняя, сморщенная, как сухофрукт, старуха.

– Вон она, вижу! – визжала Анико. – Нани, она в короткой юбке и на высоких каблуках!!!

– Вуй, чтобы мне ослепнуть и этого позора не видеть! – менялась в лице старуха. – Ереван мою девочку испортил! Совсем короткая юбка?

– Выше колена на целую ладонь!

– Хисус Кристос! – мелко крестила лоб старуха. – Что за времена бессовестные настали? Пусть она только подойдет ко мне, уж я ее оттаскаю за длинные косы, вот увидишь!

– Нани, она к тому же постриглась!

– Ааааа... – Цеплялась за воздух скрюченными пальцами старуха и медленно оседала на пол.

– Ой, подожди, нани, я обозналась, это не Лусинэ, а какая-то другая девушка. Вооооон наша Лусинэ, вижу-вижу наконец ее, и косы у нее длинные, и каблук на туфлях маленький!

– Вот, – резво вскакивала с места старуха, – я же говорю, что это не моя Лусинэ! Анико, тебя отшлепать надо, у меня сердце чуть не треснуло!

– Нани, но юбка-то на ней все равно короткая!

В нелетные дни ястребов подкармливали сырым мясом, но совсем чуть-чуть, чтобы они оставались голодными перед завтрашней охотой. Оскорбленные таким беспардонным обращением, ястребы сидели, нахохлившись, в своих клетках и косились желтым глазом на безмозглых кур, нагло снующих кругом.

– Зиник! – ругался начальник аэропорта Мирон Арменакович. – Ни стыда у тебя, ни совести! Посмотри, во что твои куры превратили это солидное учреждение! Ты бы еще корову свою на взлетную полосу притащила!

– Мирон Арменакович, – становилась в боевую позу Зина, – чем тебе эти несчастные куры помешали? Они что, кушать у тебя просят? Может, зарплату просят или внеочередной оплачиваемый отпуск? Вот зачем ты меня такими замечаниями обижаешь? – тут в голосе Зины появлялся металл. – А будешь буянить, так и корову приведу!

Мирон Арменакович недовольно бурчал, но ничего не мог поделаться. Дочь Зины замужем за его двоюродным братом, разве можно при таком раскладе ссориться с родственниками?! «С другой стороны, – расстраивался Мирон Арменакович, – начальник я или шелудивый пес? Что это за отношение ко мне такое?»

– А если комиссия? – вскипал он.

– А с комиссией я лично буду разбираться! Так и скажи комиссии – идите и разговаривайте с Зиной, ясно? А я найду чем умаслить

комиссию. Две бутылки кизиловой водки – и комиссия будет ноги мне целовать! Ясно? – наскокивала на своего начальника Зина.

В пылу спора у диспетчера из-под тяжелого узла волос вываливался рваный чулок. Из таких старых чулок раньше делали подкладку, чтобы придать прическе пышность. Мирон Арменакович какое-то время со злорадством наблюдал мотающийся по Зининой спине рваный чулок, потом его начинала мучить совесть, и он, косясь куда-то в сторону, конспиративно шептал:

– Зиник, ты, это, поправь кос на голове!

– Где? – пугалась лицом Зина, лезла руками в волосы и, по одной выдергивая шпильки, приводила в порядок прическу. – Посмотри теперь, все ли у меня в порядке с косом?

– Ага, – бурчал Мирон Арменакович.

«Косом» в нашем городе называли тяжелый узел волос. Есть у меня большие подозрения, что кос – это перенятое из русского языка слово «коса». Народ за ненадобностью отсек окончание и присвоил слову новый, доселе не снившийся великому Далю смысл.

Когда городок накрывали традиционные декабрьские туманы, аэропорт вовсе впадал в анабиоз. В ожидании лучших времен он дремал под густой шапкой влажных облаков, тетя Зина выгуливала кур у себя на дворе, а ястребы пережидали нелетную погоду в железных клетках. Сторож Степан приносил им поесть, и, следя за тем, как птицы уничтожают куски свежего мяса, разговаривал светские разговоры.

– Карабас-джан, – говорил он, – медленно спеши, что ты ешь, как оглоед? Я же тебя вчера уже кормил, а ты себя ведешь так, что мне стыдно тебе в глаз смотреть. Ты еще скажи, что я тебя голодом морю! А ты, Барабас, воды мало пьешь. Запивать надо еду, сколько раз можно тебе одно и то же сказать?!

Степан разговаривал с ястребами только по-русски. Из уважения и чтобы показать, что он тоже не хухры-мухры, хоть и сторож. Ястребы, чтобы сделать ему приятное, важно кивали своими крючковатыми носами и прикидывались знатоками русского языка.

Будь на то их воля, белые зимние туманы длились бы целую вечность. Но ближе к Новому году резко холодало, и густой, непроницаемый туман разом оседал высоким слоем снега на город. Вечером еще было пасмурно и сыро, а с утра все улицы оказывались

завалены полуметровыми сугробами! Ураааааа, наступила настоящая зима! Дети тут же хватали санки и на целый день пропадали из дому – спешили жить полноценной, такой редкой для южных широт зимней жизнью.

Хозяйки вытаскивали тяжелые ковры и выбивали их на белом полотне снега. Ковры мигом возвращали себе былую молодость, переливались яркими красками и долго потом пахли свежестью и зимой.

Однажды, декабрьской туманной субботой, мы с Каринкой гостили у Ба. Родители с Гаянэ и Сонечкой уехали в Кировабад – навестить нашу бабулю, а мы предпочли остаться с Манькой. Ба испекла свое знаменитое песочное печенье, и мы весь вечер соревновались: кто дольше продержит во рту растаявший, приятно пощипывающий язык тоненький лепесточек выпечки.

Ба следила за нами с плохо скрываемым раздражением.

– Если вы будете дурачиться, то я больше не дам вам сладкого! – наконец не вытерпела она.

– Ба-а, – я мигом проглотила печенье, – не обижайся на нас, мы просто вкусничаем!

– Я вам дам вкусничать! – нахмурилась Ба. – Так ведь подавиться можно, вдруг печенье не в то горло попадет?

Манюня с Каринкой и ухом не повели, а я побледнела. Из-за специфического строения носоглотки я постоянно давилась едой или питьем, и тогда напуганная моим задыхающимся видом семья кидалась отбивать мне все, что находится выше почек.

– Вся в своего отца, – причитала мама, – и того хлебом не корми – дай только подавиться!

Папа давился даже чаще, чем я. Потому что ел очень быстро. Особенно часто он давился сырой морковкой, которую очень любил и поглощал в каких-то неподъемных для человеческого желудка количествах. Поэтому, как только папа приближался к холодильнику, мама тут же бросала клич:

– Дети, ваш отец снова собрался есть морковь!

Мы тут же слетались со всех концов квартиры и обступали отца.

– Идите отсюда, – ругался папа и быстро-быстро пожирал морковку, – все будет нормально, я не подав... кха-кха-кха... люсь...

кха-кха-кха... уху-кха!

– Папа, откинь голову! – орали мы и колотили его по спине. – Вот тебе вода, отпей глоточек.

– Захрмар... кха-кха-кха, это вы во всем виноваты. кха-кха-кха. не дадут человеку нормально. кха-уху-кха. поесть!

Я отодвинула свою тарелку и встала из-за стола. Манька с Каринкой и не подумали следовать моему примеру. Они с блаженным видом перекатывали во рту сладкую жижу и мычали от удовольствия.

– Ммммм!

– Посмотрите на этих дегенераток! – прогрохотала Ба.

– Бааа, – ткнулась я ей в грудь мордочкой, – ну Ба-боч-ка, они не подавятся!

Ба засмеялась и поцеловала меня:

– Ну до чего ты ласковая, Нариночка, совсем как теленок!

– А я? – мигом проглотила печенье Манька. – Я что, не ласковая? Я тоже как теленок, скажи, Ба.

– Теленок, не волнуйся, – чмокнула внучку Ба и уставилась на Каринку: – Ну что, Чингисхан, так и будешь упрямитесь?

За особую склонность к разрушительной деятельности Ба назвала Каринку Чингисханом. Каринка гордилась своим прозвищем и использовала его как зубодробительный аргумент.

– Знаешь, как меня люди называют? – наскокивала она на очередного шкодливого мальчика: – Чингисхан! Хочешь в глаз?

Мальчика и след простывал.

Вот и сейчас Каринка расплылась в довольной улыбке и проглотила печенье.

– Ба, ты меня так почаще называй.

– Если я стану тебя еще чаще так называть, то ничего, кроме слова «Чингисхан», произносить не буду, – хмыкнула Ба и убрала со стола вазочку с печеньем.

Потом вернулся дядя Миша, и мы побежали смотреть, как он паркует Васю. Или как Вася дает себя парковать.

– Быр-быр кха-кха, – возмущался Вася.

Дядя Миша остервенело шуровал рычагами, крутил баранкой и громко ругался. Вася угрюмо выкидывал коленца – шерудел дворниками и буксовал почем зря. Наконец дядя Миша таки припарковался, вылез из машины и в сердцах хлопнул дверцей.

– Мать твою за ногу, – проорал, – ну что ты за чучело такое? Сдам в металлолом!

– Напугал, – хмыкнул про себя Вася и победно забулькал маслом.

– Нет, ну ты представляешь, – жаловался дядя Миша, щедро поливая вкуснющие пельмени схтор-мацуном ^[16], – поехали в Дилижан, так Вася снова на полдороге заглох! Провалялись несколько часов под его брюхом, кое-как завели и вернулись обратно.

– На симпозиум не попали? – замерла с ножом в руках Ба.

– Нет!

– Миша, ну сколько тебе говорить: надо машину продавать?

– А кто ее купит? – развел руками дядя Миша. – Кому она нужна? Да и я к ней привык, – добавил он после минутного молчания.

Ба обернулась и смерила сына долгим взглядом.

– И-их, весь в своего отца! Ни амбиций, ни боевитости. Где бы ты был, если бы не я? Кочегаром бы работал. Или плотником. Или монтажником, во! – вспомнила она знаменитую на всю страну песню из фильма «Высота».

– Мам, ну не начинай опять, – рассердился дядя Миша, – можно подумать, отец не приложил никаких усилий для моего воспитания.

– Приложил. Усилиями это, конечно, не назвать, но не будем о грустном, – парировала Ба.

Мы с Манькой и Каринкой украдкой заглядывали на кухню. Дядя Миша периодически оборачивался к нашим торчащим из-за дверного косяка выпученным глазам и строил смешные гримасы.

– Хихихи, – с готовностью откликнулись мы.

– Ну что, девочки, будем в подкидного дурака играть?

– Будем, – запрыгали мы.

– На щелбаны?

– Нет, на желания!

– Ладно, на желания так на желания.

А потом мы допоздна играли в подкидного дурака, и я, как самый везучий игрок, выполняла разные желания, как-то: ползала под столом и громко кукарекала, спускалась задом наперед на полусогнутых по лестнице, ведущей на второй этаж, делала мостик и прыгала на одной ноге, а потом, когда попыталась сесть на шпагат, порвала брюки. Ба сначала отругала всех, потом села штопать мои штаны. А я щеголяла

по дому в ее оранжевых панталонах, которые она подвязала у меня на пузе цветастым поясом от своего халата.

* * *

– Дети, просыпайтесь, зима наступила! – разбудила нас с утра Ба.

Мы выскочили из-под одеял и кинулись к окну. Двор завалило кипеннобелыми сугробами. словно кто-то распорол над городом большую пуховую перину и засыпал дома и дороги воздушными белыми перьями.

– Ура! – закричали мы. – Зима наступила! Будем лепить снеговика! Будем играть в снежки!!!

За считанные минуты мы навели порядок в комнате, умылись, а потом притопали на кухню и безропотно съели геркулес и запили его сладким чаем с бутербродом.

Ба нарадоваться на нас не могла.

– Ну надо же, – приговаривала она, – чтобы дети стали как люди, нужно, чтобы просто наступила зима!

Потом мы радостно натянули варежки и шапки и выбежали во двор.

Наступила самая настоящая южная зима – кругом раскинулись высокие и рыхлые сугробы, машины недовольно фырчат и буксуют, скользя летними шинами по размокшей колее, с серого неба косо валят большущие, величиной с бабочку-капустницу, снежинки.

– Ураааа! – заорали мы. – Ураааа!

– Нельзя терять ни минуты, а то к вечеру небось снег уже растает. Прямо сразу начинаем веселиться! – скомандовала Манька.

Два раза повторять ей не пришлось. Мы с Каринкой дружно повалили ее в сугроб и закидали снегом так, что наружу торчала только голова.

– Я самый большой червяк на свете, – довольно запела Манька. Щечки ее зарумянились, глаза блестели, как две звездочки.

Но тут из дома выбежала Ба, вытащила Маню за шиворот и хорошенечко отряхнула.

– Ты же можешь заболеть!

– Ба, у меня же непромокаемый комбинезон, – ныла Манька, – что со мной может случиться?

– Так под снегом же холодно! Простыть можно.

– Ничего не холодно, ты же сама рассказывала, что в джунглях люди закапываются в снег, чтобы от холода спастись.

– Во-первых, не в джунглях, а в тундре, а во-вторых, если я еще раз увижу такое безобразие, то собственноручно закопаю вас в снег, ясно? Всех одним пучком. И грейтесь там до весны!

– Ба, а можно тогда в тебя хотя бы снежком кинуть? – спросила Каринка и, не дожидаясь ответа, запустила в Ба снежком.

Ба отвесила сестре подзатыльник.

– А можно тебе подзатыльник отвесить? – спросила она.

– Га-га-гаааа, – загоготали мы, – Каринке достался подзатыльник!

Ба огрела и нас.

– А это вам, чтобы обидно не было. Я сейчас к соседке тете Вале на часик зайду, а потом вернусь обратно. Буду из окна за вами наблюдать. Вы же знаете, что из Валиных окон наш двор хорошо просматривается?

– Знаем, – хором ответили мы.
– Вот и попробуйте вести себя плохо. Ясно?
– Ясно!
– Или, может, мне вас домой отправить?
– Не надо, – испугались мы.
– Буду через шестьдесят минут! Хоть одна выходка, и вам несдобровать. Понятно?
– Поняаяятно!
Ба смерила каждую из нас долгим недоверчивым взглядом, потом кивнула.
– Я вас предупредила, вы меня слышали!

Как только она вышла за калитку, мы тут же принялись остервенело кидаться друг в дружку снежками.
– Я все вижу! – пророкотала Ба из-за Тетивалиного забора.
– А мы чего, мы ничего!
– Смотрите у меня!
– Давайте лепить снеговика, а то она нам нормально поиграть не даст, – вздохнула Манька.
– А давайте лучше к нам во двор пойдем, – сказала Каринка, – можно вдоволь поваляться в снегу, опять же Маринка из тридцать восьмой жаловалась, что ей Гарик прохода не дает. Надо его проучить.
– Де-ти! – выглянула из Тетивалиного окна Ба. – Я вас вижу!
– Ба, а можно мы к Нарке пойдем? – крикнула Манька.
– Нет, оставайтесь у нас во дворе. Ясно?
– Ясно!

Делать было нечего, пришлось довольствоваться периметром Маниного двора.

Мы принялись лепить снеговика. Снег был пушистый, рыхлый, легко скатывался в комья и приятно поскрипывал под ногами.

Лепить было не так интересно, как закапывать Манюню в снег. Поэтому мы чуть-чуть повозились со снеговиком, а потом развалили его и воровато съели по снежку.

– Чем бы нам еще заняться? – протянула я.
– Я придумала, – вдруг вскочила Каринка, – нужно сделать сюрприз Ба.

– Какой сюрприз? – недоверчиво покосилась я на Каринку. По горькому опыту знала – все сюрпризы, которые приходили сестре в голову, рано или поздно заканчивались поркой.

– Нужно соорудить настоящего снеговика, а не снежного!

– То есть как это настоящего?

– Чтобы двигался. Представляете: Ба заходит во двор, а тут снеговик начинает шевелить руками и разговаривать.

– Ты с ума сошла? Где мы найдем такого снеговика?

– Слепим! – У сестры разгорелись глаза. – Из тебя!

– Де-ти!!! – высунулась в окно Ба. – Что это вы топчетесь на одном месте? Замышляете чего?

– Нет, – испугались мы, – ничего мы не замышляем. Сейчас будем снеговика лепить.

– Возьмите морковку в погребе, а глаза можете из угольков сделать, там, в ведре возле печки, достаточно угля.

– Лааадно!

– И смотрите у меня!

– Роза, ну не разрушат же они дом за полчаса, иди уже, кофе стынет, – раздался голос тети Вали.

– Да они и за десять минут могут дом по кирпичику разобрать, – проворчала Ба и захлопнула окно.

Она еще с минуту гипнотизировала нас взглядом из-за стекол, а потом ушла в дом.

Времени оставалось в обрез.

Мы быстренько слепили несколько больших снежных комьев.

– Теперь надо соорудить из Нарки снеговика, – скомандовала Каринка.

– А как вы себе это представляете? – испугалась я. – Вы меня будете снегом закидывать? Я же простужусь и заболею.

– Так это же недолго! Ба вернется, и ты вылезешь!

– А Ба не испугается?

– Что, Ба снеговиков не видела? – вылупилась Манька.

– Снеговиков видела, а вот живых – вряд ли.

– Вот и будет ей приятный сюрприз. Мы же не поджигаем тебя, а статую лепим! Вот если бы мы тебя подожгли – тогда другое дело. А статуя – это красиво.

– И неопасно! – добавила Каринка.

– Это да, – протянула я.

– Ну так стой и не двигайся, – приказала сестра и стала быстро-быстро заваливать мои ноги снегом.

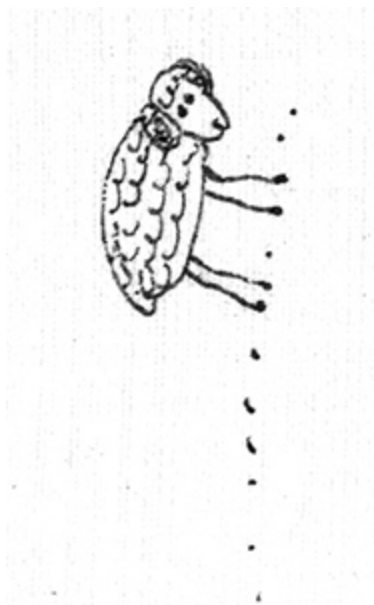
В скором времени стало ясно, что никакого снеговика из меня не получится, ведь, чтобы покрыть меня с ног до головы, снега нужно больше, чем мы успеем собрать.

– Ничего, – нашла выход Манька, – мы ее завалили до попы – и нормально. Я сейчас принесу скатерть с кухонного стола, она беленькая. Накинем ее Нарке на плечи. Будет красиво.

– Какая же ты находчивая! – выдохнули мы с Каринкой.

Манька зарделась.

– Да-да-да, я иногда бываю находчивой. Когда хочу! – И она побежала в дом.

Пока Манька бегала за скатертью, Каринка принесла из погреба морковку.

– Зачем морковь? – испугалась я. – Как ты ее приклеишь к моему носу?

– А ты ее будешь во рту держать.

– Не хочу, – обиделась я, – она грязная!

– Я ее снегом протерла, – успокоила меня Каринка.

– И вообще, – ныла я, – ногам холодно.

– Ну потерпи чуток, скоро Ба вернется. – И сестра забила мне рот грязной морковкой.

Я вонзилась зубами в морковь и встала, как вкопанная. Манька выскочила из дома со скатертью и на миг замерла на месте.

– Красотааа!!! – выдохнула она.

– М-м-м, – пожаловалась я.

Но Маня не стала обращать внимания на мое скорбное мычание, накинула мне на плечи скатерть и пришпилила ее сзади бельевой прищепкой. Расправила края так, чтобы скатерть прикрывала пальто. Потом водрузила мне на голову красную эмалированную кастрюлю.

Они с сестрой придирчиво оглядели меня.

– Не очень, – покачали они головами, – лицо у нее синее, а надо, чтобы белое, как у настоящего снеговика.

– Снегом залепить? – предложила Манька.

– Нет! – выплюнула я морковь. – А как я дышать буду? А лицо синее, потому что мне холодно! И вообще, давайте морковку в самом конце приладим, а то мне челюсти сводит.

– Ладно, – смилостивились девочки.

– Я придумала! – запрыгала Манька. – Нужно Наркино лицо присыпкой обсыпать!

Сказано-сделано. Девочки притащили тальк, густо обсыпали мне лицо, водрузили на голову кастрюлю и всучили в руки метлу, которой Ба подметала двор. Чуть подумали, сбегали к печке и приволокли кочергу.

– Девочки, – высунулась в окно Ба, – а что это вы делаете?

– Снеговика лепим, – заслонили меня спинами девочки.

– А где Нарка?

– В туалет пошла.

– Смотрите у меня, я через пять минут буду!

– Хорошо, – пискнули девочки и, дождавшись, когда Ба закроет окно, быстро стали меня инструктировать.

– Нарка, смотри сюда, стоишь молча, не двигаешься. Как только Ба заходит во двор, ты начинаешь медленно поднимать и опускать метлу с кочергой и петь песню.

– Какую песню? И как мне петь, если морковь во рту?

– Промычи, ничего страшного. Новогоднюю песенку, про «в лесу родилась елочка».

- А как руки поднимать: так или так? – показала я.
- Вот так! И старайся не шевелить головой, а то кастрюля упадет.
- Ладно.

Девочки забили мне рот морковкой и спрятались за тутовым деревом.

Я стояла, засыпанная снегом по пояс, с кастрюлей на голове и с морковкой во рту, и молилась только об одном – чтобы Ба наконец пришла, потому что ног своих я уже практически не чувствовала. Ветер легонько колыхал скатерть на моих плечах, метла с кочергой зловеще трепыхались в растопыренных руках. Сюрприз обещал произвести фурор!

Когда Ба зашла во двор и уставилась на меня, я повела руками вверх и вниз, как показывали мне Манька с Каринкой, и промычала: «М-м-м– м-м-ммм, м-м-м-м-м-м!» Ба замерла на месте, потом побледнела и прислонилась к забору. Мне было не совсем ясно, нравится ей наш сюрприз или нет, поэтому я замолчала.

- Пой, – прошипела сзади Каринка.

Я выплюнула морковку и тоненьким голосом завела:

- В лесу родилась елочка, в лесу она рос-ла!!!!

- Кочерга! – зашипела сзади Манька.

– Зимой и летом стройная, зеленая бы-ла! – повела я кочергой вверх-вниз.

- Господибожетымой, – выдохнула Ба.

Если бы у меня была такая возможность, я бы мигом закопалась в снег и переждала бы там приступ ее немилосердного гнева. Но возможности такой не было, поэтому мне ничего не оставалось, как в ужасе наблюдать приближение урагана по имени Ба.

В последний момент я зажмурилась и втянула голову в плечи, и очень даже вовремя, потому что в следующий миг она вырвала у меня из рук кочергу и заехала ею по кастрюле.

- Дзынннннь, – прогудела кастрюля и отлетела в сугроб.

Ба мигом раскидала снег, схватила меня за шиворот и поволокла в дом.

– Раздевайся быстро, – проорала она мне в густо напудренное лицо. – Ноги озябли?

- Озябли, – заныла я.

– Снимай сапоги и марш к батарее отопления! Обними ее и жди меня, поняла?

– Поняла!

Ба ураганом полетела в ванную, выдрала из стиральной машинки шланг для сливания воды и кинулась во двор.

– Убью, – выдохнула.

Каринка с Манькой допустили досадный стратегический просчет. Нужно было, пока Ба волокла меня в дом, бежать в отделение милиции и проситься под арест. Тогда им удалось бы миновать кару.

А они почему-то решили, что, раз Ба поволокла меня в дом, а им ничего не сказала, значит, все в порядке, и сюрприз ей таки понравился. И, сияя довольными лицами, пошли домой. И столкнулись с Ба прямо на пороге.

Вот.

– Аааааааааааа, – орали потом они в унисон.

– Ыхть, – приговаривала Ба, – сколько можно! Ыхть! Я вам что сказала! Ыхть! А если она заболит? Ыхть!

Далее Ба затащила поскуливающих девочек домой, выпила стакан валерьянки, отодрала меня от батареи отопления и поволокла в ванную. Кипятила меня минут двадцать в воде, потом долго растирала полотенцем.

Но я оказалась неблагодарным созданием, умудрилась к вечеру слечь с высокой температурой, и Каринке с Манькой досталось по второму кругу.

Но обиды на меня они не держали. Наоборот, дежурили рядом, пока я отлеживалась в постели, и читали мне вслух книжки. И вели себя тише воды ниже травы.

– Нужно Нарку поднять, – приговаривали они шепотом, – а то вдруг она умрет? Тогда Ба нас точно со свету сживет!!!

Глава 6. Манюня пишет письмо Деду Морозу, или Как Каринка целый день была примерной девочкой

Мы с Манькой очень уважали Генсека Леонида Ильича Брежнева.
– А Генсек – это имя или фамилия? – спросили мы как-то у Ба.
– Генсек – это заболевание мозга, – хмыкнула она. – Притом неизлечимое.
– Охохо, – пригорюнились мы, – ну надо же, как человеку не повезло!

И если меня насторожил скептический тон Ба, то Маньку он совершенно не тронул. Она свято верила, что, не будь Брежнева и его

друзей из местности с таинственным названием Ципкакапээсэс, нас бы давно уничтожили злобные капиталисты.

В один из предновогодних дней мы с моей подругой, взобравшись в широкое кресло с ногами и уютно накрывшись клетчатым пледом, листали журнал «Крокодил». И долго разглядывали карикатуру, на которой какой-то бессовестный трехголовый капиталист ходил по глобусу и раскидывал кругом ракеты.

– Им-пе-ри-а-лис-ти-чес-ка-я гидра. Во! – прочла по слогам Мань– ка. – Смотри, какая бессовестная гидра! Она мне уже давно покоя не дает. Как вспомню, что такая гидра ходит по земле туда-сюда и разбрасывает гранаты, так спать не могу. Или это не гранаты? – Манюня повела пальцем по остроконечным ракетам, которые гидра сжимала в своих толстых пальцах. – «Катюши», что ль?

– Конечно, «Катюши», – важно кивнула я, – они стреляют здорово. Пиу-пиу-пиу!

– Чего это пиу-пиу-пиу? – раздался из розетки громкий шепот Каринки.

Мы обернулись.

– Говорю – это наши «Катюши»! – повторила я.

Розетка находилась на стене, отделявшей детскую спальню от кабинета, и держалась на честном слове. Я аккуратно вытянула ее и увидела сквозь провода кусочек заплаканного Каринкиного глаза.

– В туалет не хочешь?

– Не хочу. А чего это пиу-пиу-пиу? Вы что, совсем ничего не понимаете? Пиу-пиу может делать любое ружье! А «Катюша» делает бабах! – оживилась сестра. – Покажите мне рисунок, и я скажу, какие там ракеты.

Мы с Манькой хотели показать ей карикатуру, но тут в кабинет вошла мама, и мы отпрянули от розетки.

Сестра была сильно наказана. Час назад мама заперла ее в детской и строго-настрого запретила выходить из комнаты.

– Будешь сидеть там до скончания веков. Ясно?

– А в туалет?

– А в туалет под себя ходи! И не забывай при этом думать о своем безобразном поведении!

– Мам, я уже подумала, я виноватая, как настоящий преступник! – вцепилась в дверную ручку Каринка. – Клянусь, я больше не буду.

– Вот и сиди как преступник взаперти, – отрезала мама и закрыла дверь.

По правде говоря, мы с Манькой понимали маму. Потому что ей было за что сердиться на сестру. Через три дня наступал Новый год, и кругом полным ходом шла генеральная уборка. И если в нашей квартире еще можно было хоть как-то ее пережить, то в Манькином доме это было нереально. Ведь Ба, в угаре ритуальной уборки, могла ненароком прикончить подвернувшегося под руку шкодливого ребятенка.

Все наши дети помнили, что в столь тяжелые для взрослых времена нужно вести себя как можно тише. И даже Каринка об этом помнила. Но что-то в сестре изначально было сконструировано не так. Может селезенка, а может еще какой важный орган. Поэтому помнить она помнила, а вот вести себя как нормальный человек не умела.

А ведь все так хорошо начиналось! Прошлую ночь Мань– ка провела у нас, потому что Ба натерла полы, и дома немилосердно воняло мастикой. Зато в нашей квартире ничем не пахло и было очень весело – целый день мы наряжали елку. Получилось очень красиво – елка переливалась множеством мигающих огоньков, а на макушке у нее сияла большая золотая звезда. Она периодически заваливалась то на один, то на другой бок и норовила упасть. Сначала мама ее

поправляла, потом ей это надоело, и она убрала звезду, а на ее место повязала большой бант.

И мы весь вечер водили вокруг елки хороводы. Сначала исполнили весь репертуар нашего хора, а потом промычали джазовый альбом Стью Гольдберга, который папа часто слушал по вечерам.

Мы закатывали глаза и старательно выводили рулады, а Каринка аккомпанировала нам на расческе. Мама прикрыла рукой лицо и украдкой вытирала слезы. В самые торжественные моменты нашего исполнения она, не выдержав, срывалась в хохот, и нам приходилось прерывать пение, чтобы мама могла отдышаться.

Гаянэ тихо сидела в уголке и бросала страстные взгляды на вазочку с очищенным фундуком. Она бы с удовольствием забрала несколько орешков и засунула их себе в нос, но не могла. Буквально на днях мама тщательно проинспектировала ее ушки и вытащила две арбузные косточки. Зимой! Это как глубоко надо было засунуть косточки в сезон арбузов, чтобы они вылезли только в декабре?

– А если бы они проросли? – пугала мама Гаянэ. – У тебя уши бы раздулись, как два воздушных шара!

– Да я поливала их водичкой, – рыдала Гаянэ, – но они никак не прорасталиии!

– Горе мое! Ты же могла заработать себе отит!

Поэтому сейчас Гаянэ ничего, кроме как разглядывать влюбленными очами фундук, сделать не могла. А не будь рядом бдящей мамы, она бы оперативно запихнула по орешку в уши и в ноздри. Гладишь, к следующей осени мы бы тогда получили от сестры неплохой урожай фундука.

После альбома Гольдберга мы принялись распевать песню Красной Шапочки «А-а, в Африке реки вот такой ширины», но тут из спальни вышел разъяренный папа и сказал, что если мы ему не дадим отоспаться после дежурства, то он собственноручно закинет елку вместе с нами в Африку. А мама глянула на часы и сделала круглые глаза:

– Одиннадцатый час! Всем марш спать!!!

Сначала мы дружно чистили зубы, а потом, лежа в кроватях, рассказывали друг другу, что каждая из нас попросила у Деда Мороза. Письма Деду Морозу лежали стопочкой на подоконнике, потому что мама объяснила, что так ему проще будет их забрать. Мы предусмотрительно оставили форточку открытой, чтобы Дедушке Морозу легко было до них дотянуться.

– Я попросила собачью упряжку, – призналась Каринка.

– Какую упряжку?

– Собачью! Как в фильме «Смок и малыш». Буду на ней разъезжать по городу и громко свистеть в свисток, чтобы собаки тормозили у светофоров.

– А я попросила, чтобы меня больше не заставляли играть на скрипке, – вздохнула Манька. – И еще попросила много игрушек и длинное платье. Ну, и по мелочи.

– А чего по мелочи? – наострили мы ушки.

– Не скажу, а то будете смеяться.

– Ну пожалуйста!

– Нет, – уперлась Манька, – пусть лучше Нарка расскажет, чего она попросила.

– Я попросила мир во всем мире, – надулась от гордости я.

– А себе?

– А себе ничего.

– Ну и дура, – фыркнула сестра.

– Сама ты дура! – обиделась я и полезла в драку. Но с Каринкой драться прямо-таки бесполезно. Каринка оглушила меня одной левой и оставила умирать на кровати.

– Ну зачем ты к ней полезла? – зашептала мне на ухо Манька. – Жить тебе, что ли, надоело?

– Наверно, – вздохнула я.

Утром мы первым делом проверили, забрал Дед Мороз письма или нет. Конвертов на подоконнике не было.

– Ура, будет у меня собачья упряжка! – захлопала в ладоши Карин– ка.

– Какая собачья упряжка? – поперхнулся чаем папа.

– Такая. Большие сани и двенадцать собак. Или восемнадцать. Я буду на ней по городу разъезжать.

– Чтобы получить в подарок упряжку, нужно себя хорошо вести. А как ты себя в этом году вела?

– Отвратительно! – запрыгала Каринка вокруг стола. – Но если Дед Мороз подарит мне упряжку, я навсегда стану хорошей девочкой. Клянусь!

– Ты хотя бы один день попробуй вести себя хорошо, – вздохнула мама.

– А вот увидите! Я сегодня буду вести себя очень хорошо, как Мальвина, – обещала сестра.

– Охохо, – покачал головой папа.

Каринка тем временем намазала хлеб маслом, положила сверху кусочек брынзы, потом щедро полила бутерброд медом и откусила большой кусок.

– Никогда больше не делайте себе такие бутерброды, – выплюнула она хлеб на тарелку, – гадость какая-то получается!

Сразу после завтрака мы собрались погулять во дворе. Мама дала нам денег и попросила купить в магазине пачку поваренной соли. Когда мы, укутанные по самые брови, вышли из подъезда, то первым делом заметили Рубика из сорок восьмой квартиры. Рубик был заклятым врагом моей сестры. Она третировала его пуще остальных мальчиков и сживала со свету что есть мочи. Дело в том, что прошлым летом Рубик внезапно забыл, ЧЬЯ я сестра, и кинул в меня камень. Угодил прямо в переносицу и превратил мой и без того немаленький нос в еще более выдающийся.

– Он об этом горько пожалеет, – поклялась сестра на моем залепленном пластырем профиле. И с тех пор, где бы ни появлялся Рубик, следом из воздуха материализовалась сестра и устраивала ему взбучку. Вот и сейчас, увидев своего заклятого врага, Каринка мигом сделала боевую стойку.

– Девчонки, вы идите в магазин, а мне с ним разобраться надо, – дернула она подбородком в сторону побледневшего Рубика и двинулась вразвалочку к нему.

– Ты же обещала сегодня быть хорошей девочкой, – напомнили мы ей.

– Вот щас разберусь с ним, а дальше буду вести себя как Мальвина, – бросила через плечо Каринка.

– Все, ему не жить, – вздохнула Манька.

Нам очень хотелось понаблюдать за короткой и мучительной Рубиковой смертью, но надо было идти за солью, и мы поплелись в

магазин.

Когда минут через двадцать мы вернулись домой, то застали на пороге нашей квартиры небольшую делегацию. Во главе делегации гневно kloкотала колченогая тетя Сирун из тринадцатой квартиры. «Сирун» в переводе с армянского означает «красивая». Я не знаю, о чем думали родители тети Сирун, когда называли свою дочку таким именем. Потому что на примере тети Сирун можно было наглядно объяснять школьникам, что такое антоним.

Тетя Сирун была безнадежно, бескомпромиссно некрасива. И даже уродлива. Это была невысокая, очень худая женщина с отчаянно косящим правым глазом, огромным носом, плоским большим лицом и практически безгубым ртом. Ко всему прочему у нее были выпученные глаза, огненно-рыжие, вьющиеся мелким бесом волосы и бакенбарды.

За неимением личной жизни, тетя Сирун вела активную общественную. Вот и сейчас она собрала небольшую, готовую к несанкционированному митингу толпу и привела ее к дверям нашей квартиры.

– Надя, – тянула маму за руку тетя Сирун, – ты посмотри, что наделала твоя дочка, пойдем, полюбуемся.

– Которая из них? – пыталась выиграть время мама.

На самом деле она, конечно же, знала, КОТОРАЯ из ее дочерей способна за столь короткий срок навлечь на себя гнев толпы.

– Кто же еще, как не негодница Каринэ? – сверкнула разнокалиберными очами тетя Сирун. – Это же не девочка, а мировой катаклизм!

Делать было нечего, мама накинула пальто на плечи, и мы пошли смотреть, чего такого ужасного натворила Каринка. Оказалось, за те пятнадцать минут, что нас не было, сестра успела покалечить Рубика, а потом где-то раздобыла сломанный веник и, обмакивая его в лужу с подтаявшим снегом, забрызгала грязью свежепобеленные стены соседнего подъезда аж до третьего этажа. Она бы и до пятого дошла, но на ее топот вышла тетя Сирун и спугнула сестру. Каринка убежала, а тетя Сирун пошла вниз, звоня в каждую квартиру и призывая всех соседей пойти и разобраться с дочерью стоматолога из двадцать восьмой квартиры.

– Мы обязательно побелим стены в подъезде, – успокоила мама взволнованных соседей.

– А если она завтра дом взорвет? – не успокаивалась тетя Сирун. – Вы что, обязательно его отстроите?

Но люди на нее зашикали, что, мол, бог и так наказал Надю такой дочкой, и нечего Сирун нагнетать.

– Пусть только вернется, пусть только вернется, – повторяла мама как заклинание, пока мы шли домой.

Дома оказалось, что мама забыла на плите молоко, и, пока мы любовались художествами сестры, оно убежало и испачкало всю плиту.

– Пусть только вернется! – приговаривала мама, оттирая плиту от пригоревшего молока. – Пусть только вернется!

Мы с Манькой испуганно переглядывались. Ясно было, что Каринке сегодня несдобровать.

И ей таки несдобровало.

– Мам, лучше ты меня сразу накажи, чего до вечера ждать? – заявила сестра с порога, как только, проголодавшись, вернулась домой. Мама втащила ее в квартиру и от души оттаскала за уши.

– Зачем? Ну зачем ты это сделала, варвар малолетний? – приговаривала она.

– Я не знаююююю! – орала Каринка. – Знала бы, сама бы тебе рас– сказалааааа!

– Сколько можно, ну сколько можно?

– Мам, я тебе сразу говорю, чтобы ты меня за это отдельно не наказывала. Я еще Рубика побила. Кирпичом. И сейчас у него на голове шишка размером с шапку!

– Что?! – задыхнулась мама. – Размером со что у Рубика шишка?

– С шапку, – подсказали мы с Манькой.

Мама какое-то время хватала ртом воздух, словно задыхалась. Потом она пошарила за спиной и схватила первое, что попало ей под руку. А под руку ей попался пластмассовый венчик для взбивания яиц. Сначала она сломала этот венчик о Каринкину спину, а потом поволокла ее в детскую спальню.

– Вот и сиди теперь в комнате безвылазно!

И теперь Каринка, как заправский узник, сидела в детской. Единственным способом общения с внешним миром была неработающая розетка ^[17]. Которую, кстати, тоже сломала она. Просто поставила эксперимент – что будет, если впрыснуть туда водички из клизмы, а потом засунуть спицу. Что было, что было!!! Страшно рассказывать.

Как только мама вышла из кабинета, мы снова приблизили карикатуру к розетке.

– Отодвиньте ее, а то мне ничего не видно, – командовала Каринка, – направо. Я сказала направо, а не налево, а теперь вверх! Еще чуть-чуть. А, вижу. Да ну, ерунда какая-то, наши ракеты во сто раз мощнее!

– А мы чего говорим? – хмыкнула Манька. – Наши ракеты любого врага взорвут за секунду!

– Это хорошо, что я в свое время сломала розетку, – радовалась Каринка. – Теперь нам можно общаться через нее. А то мне скучно сидеть взаперти.

– Мы можем даже еду передавать, если мама решит тебя голодом морить, – обрадовала ее я, – хлеб там, или сыр. Хочешь покушать?

– Нет, спасибо, пока не хочу, но как только захочу, дам знать.

– А хочешь карандаш и листок бумаги?

– Зачем?

– Ну чтобы книгу писать. Все узники книги пишут, вот и ты напишешь.

– Не надо, передайте мне лучше спицу, я буду слова на стене царапать. Отсчет дней буду вести, стихи писать, – стала перечислять Каринка, – глядишь, так и время быстрее пролетит!

Мы с Манькой побежали выдергивать из маминой вязки спицу, но тут с работы на обеденный перерыв вернулся папа. И принес большой батон докторской колбасы, которую выдали в больнице всем врачам. Как премию. И мама с порога опрометчиво рассказала ему о художествах Каринки. А надо было подождать, пока папа поест и успокоится. А так как мама не дождала, то случилось то, что случилась. Папа на голодный желудок моментально вызверился, рванул в грязных ботинках в спальню и метнул батон колбасы в Каринку.

Вот.

А Каринка не растерялась и отбила колбасу, как заправский футболист, головой. И колбаса треснула пополам, отлетела в сторону и угодила в большие напольные часы. Часы качнулись, свалились на Каринку и, увлекая ее за собой, рухнули на пол.

– Динь-доннн, динь-доннн, – победно пробили они.

Папа подлетел к сестре и выдернул ее из-под часов. Быстренько ощупал кости.

– Папа, мне щекотно, – отбивалась Каринка.

– Ничего не болит?

– Ничего.

И тут всем досталось от мамы: и папе, за то, что он затоптал весь пол и испортил колбасу, и Каринке, за то, что она не умеет как нормальная девочка уворачиваться, а отбивает колбасу головой, и напольным часам, за то, что они чуть не покалечили зловредного ребенка.

Пока мама бушевала, папа быстренько похлебал супа прямо из кастрюли и засобирался обратно на работу.

– А второе?

– Я уже сыт, – буркнул с порога отец.

– Может, хотя бы фруктов поешь? – высунулась в окно мама.

– Гхмптху, – невнятно поблагодарил папа.

– Мам, – вышла из детской Каринка, – вот теперь я тебе точно клянусь – никогда, никогда я не буду себя плохо вести. С этой минуты я буду очень хорошей девочкой!

– Иди отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели, – выдохнула мама, накинула на плечи пальто, взяла половину докторской колбасы и пошла к маме Рубика. Мириться.

А Новый год мы встречали у Ба. Они с мамой приготовили много-много вкусностей, так что праздничный стол ломился от изобилия. Особенно все нахваливали толму с айвой и черносливом, блинчики с мясом и торт «Наполеон».

Мне в подарок от Деда Мороза достался красивый голубенький свитер, Мане – весенние ботиночки, а Каринке – теплый жакет.

– А собачья упряжка? – надулась сестра. – Так нечестно.

– Нечестно – отдай жакет Нарке, – хмыкнула Ба.

– Еще чего! – Каринка надела жакет и застегнулась на все пуговицы. – Мой жакет, никому не отдам!

Спустя несколько лет, когда мы уже немного повзрослели, мама достала письма, которые мы писали Деду Морозу, и под общий хохот перечитала их. Особенно долго, до икоты, мы смеялись над Манюниным письмом. Так долго, что у дяди Миши началась изжога, и он пошел запивать ее раствором соды.

«Уважаемы Дедушка Мароз!!! – писала Манька. – Очень прошу тибя подарить мне длинное платье штобы корманы большие и там много конфет ни забуд положить. А еще скажи Ба штобы она не заставляля меня играть на скрипке по два часа в день. Я нищасный ребенок, так и скажи.

И еще, уважаемы Дедушка Мароз, пусть живет долго и шасливо Лио– нид Илич Брешнев. Потаму что только он может нас защитить от импи– рилистической гидры. И вылечи ему этот ево генсек пожалыста. А то у че– лавека мозг болеет.

Спасибо большое. Мария Шац. Михайловна. 28 декабря 1981 года. Я в этом году вила себя очень-очень хорошо нещитая несколько раз. Дедушка Мароз».

– А в наступившем 1982 году Брежнев умер, – под общий хохот заключила Ба. – Так что, если хотите чьей-то смерти, скажите Манюне, чтобы она написала Деду Морозу письмо и попросила «пусть живет долго и шасливо»!

Глава 7. Манюня записывается в кружок танцев «Солнышко», или Праздничный концерт на сцене ДК

Кружок танцев «Солнышко»
Набор девочек
От шести до двенадцати лет
Занятия два раза в неделю
Спросить Анну Рштуни.

Мы с Маней, затаив дыхание, несколько раз перечитали объявление. Кружок танцев «Солнышко»! Набор девочек! От шести до

двенадцати лет! Спросить Анну Рштуни! Каждая отдельно взятая фраза будоражила наше воображение, но уловить общий смысл почему-то не получилось.

– Это что? – пихнула меня локтем Манька.

– Доска объявлений, не видишь, что ли? – Я решила выиграть время.

Манюня какое-то время сверлила меня своими круглыми вишневыми глазами, потом воинственно шмыгнула носом, поправила съехавшую на лоб красную вязаную шапку и снова уставилась на объявление.

Шапку Мане связала Ба. Вообще-то она собиралась связать ей берет, но немного ошиблась в расчетах. А когда поняла, что напортачила, перевязывать не стала. Украсила «берет» большим красным помпоном, пришила завязки из шелковой тесьмы, нахлобучила внучке на голову и сказала «вуаля»!

– Чего это вуаля? – разобиделась Манька. – Ничего не вуаля. Разве это вуаля?

– То есть? – не поняла Ба.

– Ба! Ты что, не знаешь, что такое вуаля? Это такая штука, прозрачная, как марля, она висит на лице у француженок. Кажется.

Маня не очень помнила, кто ходит с такой штуковиной на лице, француженки или какие другие заграничные вертихвостки, но ясно было одно – у этой скособоченной конструкции, отдаленно напоминающей шляпку перезрелого мухомора, нет никакого сходства с вуалей!

Ба хрюкнула.

– Может, ты перепутала вуаль с вуалей? – спросила она, изо всех сил сдерживая смех.

– Ничего не перепутала, я все отлично знаю. Помнишь фильм «Три орешка для Золушки»? Там Золушка танцевала с такой вуалей на лице. Так что ты меня с толку не сбивай, Ба. Это не вуаля, это точно что-то другое!

Манька поправила шапку, завязала тугим бантиком тесемки под подбородком.

– Ну как?

Ба отвела глаза. Конструкция получилась, мягко говоря, диковинная. С широкой английской резинкой на лбу, она в какой-то

момент стремительно раздавалась во все четыре стороны, а потом постепенно сдувалась на макушке. Выглядело это так, словно под шапкой Маня прячет полусдувшийся баскетбольный мяч. Или большую салатницу.

«Никогда больше не возьмусь вязать берет», – подумала Ба, а вслух произнесла:

– Красота! – и для пущей убедительности зацокала языком.

– Спасибо, Ба. – Манька клюнула бабушку в нос и побежала к телефону: – Нарка, ты даже не представляешь, какую красоту связала мне Ба!

Буквально на следующий день не только Нарке, но и всем остальным жителям нашего славного городка представилась возможность воочию убедиться в неземной красоте Маниной шапки. Всю обратную дорогу из музыкальной школы мы ловили заинтригованные взгляды прохожих. Некоторые особо пытливые взрослые останавливали мою подругу и, пряча улыбки, изучали странную конструкцию на ее голове.

– Девочка, – не вытерпела одна тетечка, – откуда у тебя эта шапка?

– Мне ее бабушка связала, – отрапортовала Манька.

– А кто твоя бабушка? – не унималась любопытная тетечка.

– Роза Иосифовна.

– Которая Шац? – испугалась тетечка.

– Которая Шац, – закивали мы.

– Прекрасная шапка, – мелко затряслась тетечка, – прекрасная! Так и передай бабушке.

Маня зарумянилась. Она сунула мне скрипку и принялась с важным видом поправлять шапку – по новой завязала тесемки под подбородком, взбила помпон.

– Ну как?

– Шикиблеск.

– Хочешь, я попрошу, чтобы Ба и тебе связала такую шапку?

– Хочу.

– А давай прямо сейчас пойдём ко мне и попросим.

– А давай, – обрадовалась я.

И мы пошли выпрашивать у Ба вторую чудо-шапку. По дороге зарулили к дому культуры, так, на всякий случай, ознакомиться с

афишами. И наткнулись на таинственное объявление о кружке танцев «Солнышко». Топтались рядом минут десять. Особенно настораживала фраза «набор девочек».

– У нас дома есть набор кухонных ножей, – задумчиво протянула я.

– И набор швейных принадлежностей, коробочка такая с нитками и иголками, – напомнила мне Маня.

– Ага.

Мы еще несколько раз перечитали объявление.

– Мань, а давай спросим эту Анну Рштуни, а? Она уж точно знает, что такое набор девочек, – предложила я.

– Давай.

Мы оставили нотные папки и Манину скрипку в раздевалке, зашли в первый попавшийся кабинет и спросили у отчаянно стрекочущей на пишущей машинке девушки, где тут можно найти Анну Рштуни. Девушка смерила нас недоверчивым взглядом, особенно долго разглядывала Маня-нину шапку. Потом хмыкнула.

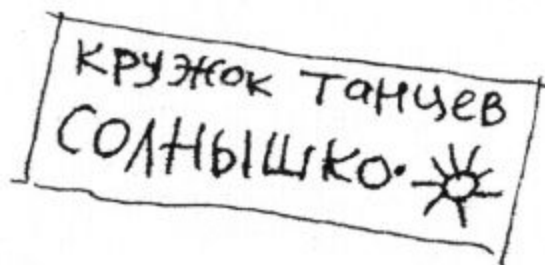
– Вы пришли записываться на танцы?

– Аха, – обрадовались мы. Теперь понятно, что означает выражение «набор девочек»!

– Пойдемте.

Она повела нас на другой этаж.

– Ано, – заглянула в какую-то дверь, – тут по твою душу.

Мы зашли в комнату и разочарованно переглянулись. Таинственная Анна Рштуни оказалась тетей Ано, родственницей моего одноклассника Гранта. Это была невысокая, крепко сбитая длинноносая женщина, кривошея от рождения. Выглядело это так,

словно она, наклонив голову к плечу, постоянно с любопытством что-то разглядывает. Тетя Ано была очень доброй и хорошей женщиной, но, к сожалению, личная жизнь у нее не сложилась. Жители нашего городка жалели ее и за глаза ласково называли Шейкривой.

– Проходите, девочки, – приветливо улыбнулась тетя Ано, – вы хотите научиться танцевать?

– Да, – неуверенно каркнули мы. Желание заниматься танцами сильно поубавилось. Одно дело – загадочная Анна Рштуни и совсем другое – Шейкривой. Чему она могла нас научить? Мы ее часто заставляли в совершенно прозаических ситуациях – вот она ругается в очереди за мясом, вот вышагивает по улице с авоськами, набитыми картошкой, баклажанами и пучками зеленого лука, а вот за ухо тащит домой нашкодившего племянника.

– Родители в курсе, что вы пришли записываться в кружок? – спросила тетя Ано.

– Да, – соврали мы.

– Вот и замечательно. Танцы – это прекрасно. Я научу вас грациозно и величественно двигаться. Будете принцессами. Хотите быть принцессами?

– Ясень пень, – хмыкнула Манька.

Тетя Ано пожевала губами.

– А заодно научу красиво говорить. Заниматься будем дважды в неделю, по два часа. К Первомайскому концерту нужно выучить украинский народный танец.

– Почему украинский? – засопели мы. – У украинцев платья короткие, а нам хочется в длинном платье танцевать! Нам бы русский танец. Чтобы с такой красивой штуковиной на голове. – Мы повели руками над собой, показывая приблизительные очертания кокошника.

Тетя Ано проследила за нашими руками и, казалось, только сейчас заметила Манин головной убор. Она какое-то время с любопытством разглядывала его, потом вцепилась в края и попыталась придать какую-нибудь общепринятую форму. Шапка отчаянно сопротивлялась.

– Бабушка вязала?

– Ага, – прокряхтела Маня.

– Молодец бабушка, – забегала глазами тетя Ано. – Так вот, насчет украинского танца. В нашем районе пятнадцать сел. Плюс райцентр

Берд. Каждый населенный пункт должен представить танец союзной республики. Организовали жеребьевку, нам выпала Украина.

– Подождите, – во мне проснулась внучка партийного работника, – республик-то пятнадцать! А танцев получается шестнадцать.

– По решению организаторов коллектив из села Навур исполнит танец жителей Крайнего Севера, – объяснила тетя Ано и озабоченно нахмурилась: – Хотелось бы знать, откуда они возьмут материал для костюмов.

Мы с Маней украдкой переглянулись. Тетя Ано нам определенно нравилась, и в первую очередь потому, что разговаривала с нами, как со взрослыми. Мы машинально склонили головы набок и, затаив дыхание, слушали ее.

– А в чем *мы* будем выступать? – спросила Маня.

– О, у нас будут очень красивые платья. Светлые, скорее всего белые, с пышной юбкой по колению, с вышитым передничком. А на голову наденете ободки с разноцветными длинными лентами. Платья закажем в ателье, а вышить на фартучках попросим ваших мам. Головные уборы сами смастерим.

Головные уборы с разноцветными длинными лентами! Вышитые фартучки! Это же такая красота! Мы запрыгали от восторга.

Тетя Ано записала наши домашние телефоны в отдельную тетрабочку и наказала приходить два раза в неделю, по средам и пятницам, в шестнадцать ноль-ноль. Мы порадовались, что занятия по танцам никак не пересекаются с занятиями в музыкалке, и, попрощавшись, вышли на улицу.

Надо было идти домой и признаваться родителям и Ба, что мы без их ведома записались на танцы.

– А если ругаться станут? – ныла я, пока мы шли к Мане.

– Конечно, станут. Теперь они должны оплатить занятия, а потом еще на фартучках вышивать.

Мы постояли какое-то время возле Маниной калитки. Набирались смелости.

– Можно вперед нас скрипку выставить. Скрипку Ба точно ломать не станет, – предложила я, – а там, пока она будет на инструмент наткаться, мы у нее извинения попросим. Авось она отгадет.

Маня вздохнула, поправила съехавшую на лоб шапку, нащупала помпон.

– Если до помпона дотянется – оторвет.

– Не станет она портить шапку, которую сама же связала, – успокоила я подругу.

– Еще как станет! Ладно, сама порвет, сама и зашьет, – вздохнула Манька. – Пошли.

И мы пошли сдаваться. Маня выставила вперед скрипку, а я прикрыла подступы к нашим телам папкой с нотными тетрадами.

Ба натирала специальной полиролью большой комод, стоящий в холле. Пахло мастикой и немного – лимоном.

– Явились? – поздоровалась она.

– Ба, а я грациозная? – звонко спросила Маня, фехтуя скрипкой перед бабушкиным носом.

– Как армейский сапог, – хмыкнула Ба.

– А мы на танцы записались, – пискнула я. И прикрылась папкой.

Это был воистину счастливый день. Потому что Ба не только не стала нас ругать, а наоборот, похвалила и усадила есть наваристый борщ. Мы, обрадованные таким поворотом дел, съели безропотно все овощи и даже протерли хлебной корочкой тарелки до блеска.

Определенно, наши будущие мужья обещали быть расписными красавцами! [18]

Ба сидела напротив, читала очередной номер журнала «Здоровье» и периодически вставляла какое-нибудь веское слово в наш бесконечный птичий щебет. На десерт нам выдали по куску бисквита, щедро намазанного желтым слоем взбитой сепарированной сметаны. Мы умяли бисквит, заели его яблоком и какое-то время сидели выпучившись. Переваривали еду.

А потом Маня вспомнила про шапку.

– Ба, ты можешь и Нарке такую шапку связать?

– Какую? – встрепенулась Ба.

– Такую, как у меня, красную с помпоном. Мы сегодня шли по улице, и все оборачивались на меня, а одна тетечка велела тебе передать, что это прелесть, прелесть, – подражая тону тетечки, рассказала Маня.

– А вы случайно не запомнили, как эту тетечку зовут? Ну, хотя бы приблизительно? – У Ба загорелись глаза.

– Неа. А что?

– Неважно. Если еще кто-то спросит тебя о шапке, говори, что ее связала тетя Фая.

– А почему? – удивилась Маня.

– А потому. Чтобы потом не приходили и не просили им тоже связать такие шапки, ясно? Видишь, ты уже для Нарки просишь. А потом еще другие придут. И что мне делать? Всему городу шапки вязать?

– А Нарке свяжешь?

– Пусть Нарка у своей мамы спросит. Если Надя согласится, то и Нарке свяжу.

Мы с Манькой вылезли из-за стола.

– Спасибо, Ба, – чмокнула я в щечку Манину бабушку. – А можно Манька меня до дому проводит?

– Можно, только быстро, а то уроки еще делать.

– Я мигом, одна нога здесь, другая там, – заверила ее Манюня и схватилась за скрипку.

– Ты зачем скрипку берешь? – удивилась Ба.

– Чтобы вперед себя выставить.

У Ба глаза полезли на лоб.

– То есть как это?

– Ну, а если Тетьнадя ругаться будет? Вдруг Каринка уже успела что– то учинить, и у Тетьнади плохое настроение? Она рассердится, захочет побить Нарку, а я ее скрипкой прикрою.

Манька всучила Ба футляр, деловито нахлобучила шапку, взбила помпон и отобрала скрипку обратно.

– Пошли, Нарка.

Ба наконец очнулась и выдрала у внучки несчастный инструмент.

– Я позвоню Наде и предупрежу, что вы записались на танцы. И ругать она вас не станет. Обещаю.

– Ура, – обрадовались мы, – спасибо тебе, Ба, ты мировая бабушка!

Это бесконечное счастье – гулять по городу с подругой. Кругом еще зима и холодно, но снега осталось совсем чуть, только на верхушках холмов да за полуразрушенным сараем старьевщика дяди Славика. За этим сараем остановилось время – там дольше всех лежит снег и в самую жару цветут фиалки. Скоро закончится зима, и настанет сумасшедший март. А следом придет апрель.

Апрель – удивительный месяц. В апреле много радости и печали. В апреле день рождения Ба. В апреле Пасха, мы поедем в гости к бабуле на освященные куличи, обязательно возьмем с собой отварной форели, ведь Христос был рыбаком, и на столе, кроме всего прочего, должна быть рыба. Выезжать придется очень рано, с робкими рассветными лучами, потому что первым делом нужно навестить могилу деда на старом армянском кладбище Кировабада. И я снова окажусь напротив частокола из белых крестов. Вот и я, деда, скажу, вот и я. И зажгу свечу в изголовье. Дед умер четырнадцатого января. Я родилась четырнадцатого января.

В апреле случится день, называемый в народе «убило старухиных козлят». Однажды погожим апрельским утром упрямая старуха не послушалась попа и вывела козлят пастись на луг. А потом грянула колючая метель и погубила всех. Когда в солнечный и безмятежный день налетает ледяная буря, вытаптывает робкое весеннее цветение и, вдоволь наглумившись, трусливо отступает, оставляя за собой руины, люди друг другу говорят – сегодня убило старухиных козлят.

В апреле наступает грустный двадцать четвертый день. В этот день папа ходит мрачнее тучи, а по радио передают симфоническую музыку. Мы тихо шушукаемся по углам и делаем скорбное выражение лица, а вечером обязательно навещаем дедушку. Приходит мсье Карапет, они на пару с дедушкой вспоминают и рассказывают, а мы, затаив дыхание, слушаем и запоминаем, слушаем и запоминаем. Мы уже большие, мы многое знаем.

Потом будет май, а там и до лета рукой подать. В этом году родители обещали отправить нас в пионерский лагерь, и радости нашей нет предела. Откуда нам знать, что с первого же дня мы станем обрывать телефоны с просьбой незамедлительно забрать нас домой, а однажды, отчаявшись, предпримем попытку бегства? Нас поймают в километре от лагеря и отругают на вечерней линейке, перед всеми отрядами, под пустым флагом.

А до поездки в пионерлагерь случится наш гопак на сцене ДК, и на протяжении всего танца зал будет оборачиваться к жене дяди Григора тете Вере и сочувственно качать головой. А украинка тетя Вера будет часто моргать и утирать выступивший над губой пот согнутым пальцем.

Вообще с самого начала все с нашим выступлением пошло не так. Сначала дом культуры не выделил нам помещения для репетиций, и пришлось учиться танцевать в спортивном зале Маниной школы. В первый день занятий тетя Ано выстроила нас по ранжиру и сильно расстроилась, потому что перепад в росте составлял почти полметра, и в таком виде танцевать мы никак не могли. Но других желающих записаться в кружок не находилось, время поджимало, и мы стали репетировать в таком аляповатом составе.

Потом тетя Ано огорошила нас просьбой называть себя Анной Генриховной.

– А я думала, вас зовут Шейкривой, – развела руками восьмилетняя Мариам, и всем стало ужасно стыдно за нее. Но тетя Ано сделала вид, что ничего не слышала, и мы вздохнули с облегчением.

– Наринэ, девочка, – выговаривала по ходу занятий Анна Генриховна, – танец – это не нагибаться как Буратино и не чертить ногой по полу циркулем, надо быть легкой и грациозной, понятно?

– Понятно, – сопела я и с отчаянием утопающего загребала руками воздух.

– Мария, – вздыхала Анна Генриховна, – где у тебя талия? Убери живот! Глубоко вдохни и не выдыхай. А теперь покрути попой!

Манюня надувала щеки и вела круглым пузом вперед и назад.

– Раз-и, два-и, раз-и, два-и, – задавала нам темп Анна Генриховна, хлопала в ладоши, показывала по сто раз одно и то же движение и, расстроенная, качала головой – опозоримся!

С платьями тоже вышла история. Мы купили подходящую ткань и дружным коллективом сходили в ателье, где с нас сняли мерки. Но так как костюмы заказали не только мы, но и остальные коллективы нашего района (не во всех селах были ателье), то платья с фартучками мы получили чуть ли не накануне выступления.

– Ничего страшного, – успокоила отчаявшуюся Анну Генриховну мама девочки Мариам, вызвавшаяся помогать нам с костюмами, – мы нарисуем карандашом на фартучках узоры, а мамы раскрасят их гуашью.

– Это выход! – обрадовалась Анна Генриховна, и, пока мы водили по залу хороводы, отдаленно напоминающие разудалый танец гопак, они на пару с мамой Мариам разрисовали фартучки незатейливым узором.

– Девочки, запоминаем, – выкрикивала Анна Генриховна, – волны нужно раскрасить красным, кружочки – синим, а сверху пустить желтую полосу. Не перепутаете?

– Нет, – хором заверили девочки.

Потом мы допоздна мастерили головные уборы, и они у нас получились страсть какие красивые – красные ободки, украшенные белыми, желтыми и синими лентами.

– Ленты будут отвлекать народ от нашего нестройного танца, – вздыхала Анна Генриховна.

– Опозоримся – и ладно! – утешила ее мама Мариам.

Мы, конечно, не совсем опозорились, но станцевали из рук вон плохо – постоянно сбивались с шага, налетали друг на друга и путались в лентах от головных уборов. Но героями концерта все-таки стали не мы, а совсем другие девочки.

«Порвал» танцпол ансамбль из села Навур, исполнивший таинственную композицию «Северный шаман». Товарищи из Навура проявили недюжинную смекалку загнанных в угол людей, в частности, за неимением меха и другого полезного реквизита по всему селу в спешном порядке собрали все дубленки и повыдергивали перья из курей.

Во время выступления на глазах у обалдевшей публики из реквизированных дубленок соорудили в центре сцены некое подобие юрты. За юртой, притопывая и прихлопывая, изображали горловое пение пять девочек, разодетых в новогодние костюмы лисичек, волков и зайчиков. Для пущей убедительности костюмы зверей там и сям были инкрустированы куриными перьями.

Вокруг юрты, таинственно вращая глазами, кружились три девочки, наряженные в амбарные замки, подковы и другую крупную бижутерию. На ногах у девочек были сикось-накось сшитые «валенки» из грубой мешковины, перевязанные крест-накрест бечевкой. Мешковина, видимо, олицетворяла собой олений мех.

А по краю сцены метался шаман. На голове его красовалась настоящая папаха из овчины, которую неунывающие нагурцы замаскировали куриными перьями под шаманский головной убор. На плечах весьма убедительно развевался плед в шотландскую клетку. Шаман подбегал то к одному, то к другому краю сцены, прикладывая ладонь к глазам и призывно выкрикивал в публику: «Эх-йа!!!»

«Эх-йа», – подхватывало сзади лесное зверье из группы поддержки.

«Эх-йа», – откликались девочки в валенках из мешковины и, вращая глазами, выделявали па, от которых кровь застывала в жилах.

На наше счастье, в зале не оказалось ни одного представителя народов Крайнего Севера. Иначе всесоюзного скандала мы бы не избежали.

Глава 8. Манюня празднует Восьмое марта, или Как сделать женский праздник незабываемым

Каждая женщина мечтает о романтике. Ну, там, о принце на белом коне, об алых лепестках роз, застилающих окрестный антураж, о бесконечных комплиментах, которые сыплются, как из рога изобилия. Уж так оно природой заведено, что женщины – охочие до романтики существа. Их хлебом не корми, дай только романтикой насладиться.

Каждый мужчина мечтает о том, чтобы его оставили в покое. Чтобы не требовали скакать на белом коне, наводнять квартиру лепестками роз и сыпать комплиментами. «Ну какие тебе еще нужны

комплименты, если я весь уже твой?» – разводит руками мужчина и переключает сериал на футбол.

Вот не знаю, каким местом думала природа, когда создавала этих мужчин. Вот прямо вся в тревожных размышлениях!

А еще знаете чивой? Каждая мама, оказывается, женщина. К этому приходишь не сразу, но приходишь. А каждый папа, оказывается, мужчина. Вот такие удивительные открытия тебя ждут на первом десятке богатой событиями твоей жизни.

Так уж получилось, что мама с папой являли собой классический образец женщины и мужчины. Мама круглые сутки мечтала о романтике, а папа... А папа, как истинный представитель сильного пола, в искусстве делать комплименты мог дать фору только саперной лопатке. Или любому другому брутальному инструменту, предназначение которого – колоть и рубить.

Про таких мужчин у нас говорят – он нежен, как топор. С одобрением говорят!

Мама, как истинная горожанка, более того – единственная дочь в семье, выросла в атмосфере бесконечного обожания и комплименты считала чем-то совершенно естественным. Поэтому попыток склонить мужа к изящной словесности не бросала.

– Ты можешь на людях меня Наденькой называть? – взывала к базальтовому сердцу супруга она. – Что это за обращение такое – жена?

У папы делалось такое лицо, словно ему предложили что-то из ряда вон выходящее. Выйти из дома на каблуках, например. Или накрутить волосы на бигуди.

– Ты с ума сошла, женщина? Какая такая Наденька? Как ты себе это представляешь? Я стою среди мужиков – тут, значит, Роберт, тут Лева, тут Миша, тут Давид – и называю тебя Наденькой?

– Почему нет? Давид же называет свою жену Асенькой?

– Вот и выходила бы замуж за Давида, ясно? А я не могу называть тебя Наденькой! Дома, – здесь папа переходил на громкий шепот, – еще куда ни шло! Но на людях?! Не бывать этому!

– Бердский ишак!

– Носовой волос!

«Бах-бабах!» – и каждый, в сердцах хлопнув дверью, закрывался в разных комнатах квартиры.

Вот и весь разговор.

– Тетя Роза, ну что он за человек такой, – жаловалась как-то зимним вечером мама, – ни тебе комплиментов, ни полета фантазии. Говорю я ему – скажи мне что-нибудь хорошее. Он мне в ответ – хорошая моя. Говорю – нежное скажи. Он мне в ответ – нежная моя!

– Хахахааа!!! – покатила Ба. – Надя, ты много требуешь от мужчин! Поберегла бы их единственную извилину!

– Доброе слово и кошке приятно! – не унималась мама.

– Добрая моя! – перешла на ультразвук Ба.

Мама какое-то время хмурилась, но потом махнула рукой и тоже рассмеялась – ну очень сложно держать строгое лицо, когда рядом, всплескивая руками, шумно выдыхая и срываясь в тоненький визг, корчится в приступе смеха Роза Иосифовна.

– Если это для тебя так важно, – отсмеявшись, выдохнула Ба, – то, так и быть, я Юрику дипломатично намекну. Меня-то он точно послушается!

У мамы вытянулось лицо. Уж что-что, а дипломатично намекать Ба умела, это дааа! Она дипломатично намекнет, а потом весь город обсуждает ее громоподобные дипломатичные намеки.

Угрозу свою Ба привела в действие буквально через неделю, когда мы с Каринкой пошли после школы проведать Маньку. Она немного приболела и с понедельника пропускала уроки. По дороге заглянули на базар, хотелось купить каких-нибудь гостинцев нашей хворающей подруге. За пятнадцать бешеных копеек, которые мы наскребли в карманах, можно было разжиться полутора стаканами жареных семечек. Или одним большим пирожком с картошкой. Или пучком ранней петрушки, и тогда остались бы целых пять копеек сдачи.

– Если брать пучок петрушки, то на сдачу можно взять полстаканчика семечек, – деловито шмыгнула носом Каринка.

Я замаялась. Ну где это видано – приходиться к больному с пучком зелени?

– Может, все-таки пирожок взять?

– И полстаканчика семечек! – рубанула воздух рукой сестра.

– Дались тебе эти полстаканчика семечек! Ба потом ругаться будет, что мы снова всякую дрянь покупаем!

И мы, сдержанно переругиваясь, пошли вдоль ряда зеленщиков. Ка-ринка говорила, что наше дело принести семечки, а Ба пусть их выкидывает, если они ей не нравятся, а я ей возражала, что лучше взять что-то толковое, а не семечки, за которые Ба будет ругаться. Что-то толковое обнаружилось в самом конце ряда. Среди больших пучков буйнопахнущего зеленого лука стояла красная эмалированная миска. Из-за невысокого ее бортика робко выглядывали голубовато-белые букетики подснежников.

– Вот, – одними губами выдохнула я.

Каринка какое-то время недоверчиво разглядывала цветы. Потом кивнула:

– Вообще-то можно. И Мане понравится. Только, чур, покупать буду я!

– Да пожалуйста, мне не жалко, – пожала я плечом.

– Щаз торговаться пойду, – шепнула уголком рта сестра, пригладила всклокоченную шапку, одернула куртку, зачем-то встряхнула портфель. Портфель не остался в долгу и издал скрежет внезапно проснувшегося от доисторического сна трактора «Коммунар».

– А чего это у тебя там? – покрылась мурашками я.

– Так, по мелочи. В актовом зале затеяли ремонт, завезли три ящика гвоздей. Вот мы с Изольдой и стырили по чуть-чуть. Там в ящиках много осталось, ты не волнуйся.

– Зачем тебе гвозди?

– Ну мало ли! И вообще не мешай мне, – рассердилась сестра и, подвинув меня рукой, пошла вразвалочку к прилавку. – Здрассьти, почем букет?

– Двадцать копеек, – словоохотливо откликнулась пучеглазая и круглощекая торговка. – Подснежники совсем свежие, стоять будут долго, а пахнут как! – И, выбрав самый пышный букетик, она ткнула им в нос сестры.

Каринка чихнула и поморщилась.

– Луком пахнут!

– Ну да, но ты не волнуйся, девочка, на воздухе запах лука быстро выветрится.

Сестра порылась в карманах куртки, достала три монетки по пять копеек и положила на прилавок:

– Берем за пятнадцать копеек один букет. Больше у нас все равно денег нет, – и, чуть подумав, добавила: – и не будет.

– Это почему не будет? – всплеснула руками торговка.

– Ну, – вздохнула Каринка, – мы экономить не умеем. Это раз.

– Да, – пискнула я, – сегодня из последних сил пятнадцать копеек сэкономили, и это потому, что Маня болеет.

– И потом, у нас семья большая. Четыре девочки, мама и папа. И все кушать хотят. А зарплата сами знаете какая, – продолжила Каринка.

– Какая? – любопытствовала торговка.

– Ну не очень. Маленькая она. И у папы, и у мамы. Вон, папа вообще говорит, что скоро с ума сойдет от нас. Потому что все деньги уходят в унитаз. И больше ни-ку-да!

Торговка хрюкнула, сдернула с головы платок, зарылась в него лицом и задергалась плечами.

– Плачет, что ли? – встрепенулась я.

– А то! – нахмурилась сестра.

Видели бы вы выражение лица Ба, когда мы явились в гости с букетиком подснежников и пучком разнотравья наперевес! Сердобольная торговка собрала из петрушки, укропа и кинзы большой пучок и, не обращая внимания на наше отчаянное сопротивление, вручила нам его со словами: «Пусть папа сегодня меньше переживает».

– Ба, забери себе зелень, а подснежники мы Маньке отнесем, – деловито инструктировала я, доставая с кухонной полки маленькую синюю вазочку.

– Не надо мне вашей зелени, у меня вон в парнике первая зелень пошла, так что отнесите лучше маме. – Ба налила в вазочку воды и вернула ее мне. – Вы идите к Мане, а я вам картошечки пожарю.

Маньке цветы очень понравились. Она периодически зарывалась носом в букет, а потом, откинувшись на подушку, старательно закатывала глаза. Наша подруга уже вполне поправилась и даже выглядела совсем здоровой. Ну, может, чуточку покашливала, но это так, чисто по инерции. Так что нам с Каринкой ничего не оставалось, как сидеть напротив и активно завидовать ей, потому что все дети ходят в школу, а Манюня лежит дома и в ус не дует.

Правда, Манька сказала, что завидовать особо нечему, потому что ей приходится под присмотром Ба два часа играть на скрипке, а потом еще и все уроки делать.

– Зато ты хотя бы высыпаешься, – вздохнули мы.

– Ага, сегодня я вообще в десять проснулась. Представляете, как долго спала?

– Счастливая!

Потом Каринка вспомнила про гвозди, сбегала вниз и вычерпнула из портфеля целую горсть. Пронести добычу наверх не удалось – сестру выдал напускной елейный экстерьер. Ба мигом вычислила ее преступные намерения и прямо-таки обезгвоздила нарушителя спокойствия! Атак мы бы развлекали Маню, аккуратно прибывая ее по кромке пижамы к шкафу, например. Или процарапали бы на кожаной, пупырчатой спинке нотной папки какие-нибудь слова. «Миру-мир», или «Нарка-дур– ка». А чуть пониже – «Сами такие!»

Когда за нами заехал папа, Ба встретила его сурово.

– Поговорить надо, – обрадовала она его. – С глазу на глаз.

Ну а далее весь Манин квартал под раскаты дипломатичных намеков Ба узнал, что наш папа бесчувственный чурбан, и если он не сделает для своей жены это восьмое марта незабываемым, то тогда Ба сделает незабываемой всю его оставшуюся жизнь. И точка.

Восьмое марта – тяжелый для мужчин праздник. Согласитесь, ходить целый день с прилизанной прической, вести себя как

джентльмен, наваривать каши и супы и бесконечно сыпать комплиментами по плечу не каждому представителю сильного пола. А на папу с дядей Мишей в этот день вообще было жалко смотреть. Потому что когда женщин и девочек в хозяйстве какое-то немислимое количество – аж целых семь штук, то это не праздник, а пытка какая-то.

Под суровой внешностью наших мужчин бились рыцарские сердца. После недвусмысленных угроз Ба эти рыцарские сердца подсказали им следующий сценарий проведения праздника: с утра они забирают детей на прогулку, чтобы дамы могли расслабиться и привести себя в порядок, а потом отводят всех в ресторан.

Праздничное утро заполнило просторы нашего городка леденящими душу звуками баталии – бряцающая сковородками и чайниками, сильный пол готовил для своих сонных жертв парадный завтрак. И, пока дамы, ошеломленные таким галантным отношением, давились подгоревшей яичницей и чаем, мужчины подсчитывали потери – десяток ожогов, одна незначительная контузия и сотня пустьяковых порезов. Всего-то!

Первым делом мы завалили маму стихами собственного сочинения. Особенно ее поразили Каринкины «Твои большие волосы и глаза сводят всех с ума!». А папа вручил ей невероятной красоты шелковый платочек и пластинку ее любимого Джо Дассена. Мама тут же поставила пластинку, накинула на плечи платок и ходила по дому, цепляя свое отражение в зеркалах довольным взглядом. Нам с Каринкой достались футболки, а Гаянэ – набор карандашей и раскраски. Часов в одиннадцать, оставив маму с Сонечкой дома (Сонечку она нам не доверила и, как показали дальнейшие события, очень даже правильно сделала), мы заехали за Маней и дядей Мишей.

Маня получила от нас в подарок футболку, а Ба – коробочку с духами. А еще мы им вручили открытки со стихами. Особенный успех снова имело Каринкино творение – «Ба и только Ба, такая у нас судьба!».

– Прямо крик души какой-то! – зацокал восхищенно языком дядя Миша.

Потом он преподнес каждой из нас полосатый шарфик, а Гаянэ получила еще один набор цветных карандашей.

– Куда поедем? – спросили мы, когда «копейка» Генриетта, счастливо бибикнув, стартовала в сторону центральной площади города. (Почему Генриетта, потому что папа уверял, что выражением фар она сильно напоминает пучеглазую лекторшу по анатомии Генриетту Степановну.)

– Куда поедем? – повторили наши папы и глянули друг на друга. И по тому, с каким выражением они друг на друга посмотрели, стало ясно, что прогулку с детьми они придумали, а вот куда именно поехать – нет.

– Можно выехать к развалинам старого замка, хотите? – обернулся к нам папа.

– Хотим!

– А можно поехать к водохранилищу. Посмотрим, сколько после таяния снегов там прибыло воды, хотите? – спросил дядя Миша.

– Хотим! – хором откликнулись мы.

– А можно, – задумчиво продолжал папа, выкруливая к старому каменному мосту, – поехать по дороге, ведущей в Красносельск. Ее недавно заасфальтировали, так что ехать по ней – одно удовольствие. Что думаете?

– А и поехали, – обрадовался дядя Миша, – заодно и молока в горах возьмем. И сепарированной сметаны с домашним маслом.

– Уррраааа! – захлопали мы. – Поедем в горы!

Ехать в горы по новенькой, хоть и отчаянно петляющей по краю ущелий и от этого страшноватой дороге было одним удовольствием. И даже наше с Маней традиционное пение никого не раздражало, наоборот, папа с дядей Мишей охотно нам подпевали, а Гаянэ радостно кивала. Большой белый помпон на теплой шапочке сестры так и вздрагивал в такт нашему пению. Кругом царила невообразимая красота: за покрытыми вековым лесом холмами возвышались заснеженные горы, воздух, холодный и остро пахнущий просыпающейся природой, щекотал ноздри и наполнял душу радостным предвкушением чего-то бесконечно счастливого. Нам очень повезло с погодой, светило солнце, было совершенно безветренно, веяло талым снегом и взбухшей от влаги землей.

Горные поселения пустовали – дачный сезон был еще впереди.

– Да, поторопились мы за сепарированной сметаной, – вздохнул дядя Миша, – люди еще в низинах, рано буренок в горы пригонять.

– Через месяц все будет, – утешил друга папа, – так что в апреле поешь и сметаны, и домашнего желтого масла. А пока просто будем наслаждаться хорошей дорогой.

– Пап, а долго мы будем ехать? – спросила Каринка.

– До Арменасара. Думаю, когда вернемся, наши дамы уже будут при полном параде.

– Ага, Ба собиралась бигуди кипятить, – прогудела довольная Манюня. – Она сегодня будет просто красавица – в праздничном платье с цветочком на груди. И прическа пышная. И сапоги на каблуке.

– Даааа, – протянул дядя Миша, – в кои веки наши женщины будут довольны нами, ведь мы им устроим незабываемый праздник, да, девочки?

Мы набрали в легкие побольше воздуха, чтобы дружно проорать «да», но тут случилось ужасное – «копейка» подскочила на колдобине, вильнула в сторону, съехала в кювет и угодила правыми колесами в какую-то жижу. Жижа громко чавкнула, обернулась в большую, наполненную доверху грязью яму и засосала машину по самые оконные стекла.

– Аааааа! – посыпались мы друг на друга. Казалось, еще чуть-чуть, и машина просто опрокинется набок.

– Без паники, – скомандовал папа и заглушил мотор, – только без паники. Сейчас выберемся из машины и вытащим ее из лужи.

Легко сказать – выберемся. Правые дверцы не открыть, до левых чуть ли не карабкаться надо. Папа открыл свою дверцу, высунулся из машины, как из люка подводной лодки, и присвистнул – левое заднее колесо Генриетты беспомощно болталось в воздухе. Машина не просто попала в глубокую яму, она буквально воткнулась в нее, как раскаленный нож в масло.

– Юрик, ты выпрыгивай, я тебе девочек передам, а потом сам выберусь, – хладнокровно, откуда-то из-под папиной попы подал голос дядя Миша.

– Ыааааа, – заплакала Гаянэ.

– Без паники, – повторил папа, с превеликой осторожностью выпрыгнул из машины и по очереди помог нам выбраться.

Снаружи все выглядело не так страшно, как из салона автомобиля, но все равно в передрыгу мы попали ужасную – Генриетта правым боком угодила в такую непролазную грязь, что выбраться самостоятельно уже не могла. Нужен был какой-нибудь буксир.

Только как найти буксир высоко в горах, километрах в двадцати от ближайшего селения, в безлюдной местности?

– Ыаааааа, мы тут умрем? – безутешно плакала Гаянэ.

– Неа, не умрем, – фальшиво-бодрым голосом успокаивали ее наши папы, – мы пешком дойдем до села Навур и найдем людей, которые нам помогут.

– Пап, а что Ба скажет? – дернула дядю Мишу за рукав Маня. – Она ведь ждет нас вся из себя красивая, в платье с цветочком на груди!

– Да, Ба по головке не погладит. – Дядя Миша по очереди поправил нам шапки, намотал крепко шарфы, взял Гаянэ на руки. – Ну что, искатели приключений, в путь?

– В путь! – пискнули мы.

– Не унывайте, – подбодрил он нас, – я ведь однажды уже проваливался в яму. Как раз на Генриетте. Говорю с высоты своего опыта – ничего страшного не произошло!

Папа захлопнул дверцы машины, запер ее.

– Да, устроили мы нашим девочкам восьмое марта, – вздохнул он. – Это все моя вина!

Мы тут же кинулись дружно убеждать папу, мол, ничего страшного, пройдемся пешком, зато вон красота какая, лес да горы, и воздух чистый.

– Не переживай, обязательно по дороге встретится какая-нибудь машина, так что доедем до селения мы очень быстро. А там найдем трактор, вытащим машину, и часа через два будем дома, – успокаивал его дядя Миша.

Это был, конечно же, наш день. На всем протяжении двадцатикилометро– го пешего марафона нам не попало ни одной машины. Еще бы, кто дурак в праздничный день выезжать в холодные горы? Ну, кроме нас, конечно.

Сначала мы шли по дороге. Папа с дядей Мишей передавали по эстафете друг другу Гаянэ и развлекали нас историями из своего детства. Особенно долго мы смеялись над рассказом дяди Миши о том, как он нарисовал десять рублей, подложил их в кошелек Ба, а себе забрал настоящие деньги.

– Это было до денежной реформы, так что десять рублей по нашим деньгам – это рубль. Но и на рубль можно было много чего купить, вот я и шикавал до вечера, пока не вернулся домой и не получил по заслугам!

– Хахахаааа, – покатывались со смеху мы.

– И ничего не хахаха, – деланно возмутился дядя Миша. – Знали бы вы, как меня мать выпорола!

Потом мы решили идти не вдоль горного серпантина, а по возможности срезать углы. Срезать углы не очень получалось, земля была влажная, мы поскальзывались и въезжали в кусачие кусты чертополоха.

– Пряма не дети, а ходячий гербарий, – сокрушался папа, пытаясь привести нас хоть в какой-то божеский вид.

Потом мы сильно проголодались и поели весь прошлогодний шиповник и пшат ^[19], которые обнаружили на придорожных кустах. Потом мы дружно чесались от шиповника, как заправские блохастые собаки. Потом нам захотелось пить, и дядя Миша ушел в лес – искать нам чистый снег. Ждали мы его долго, целую вечность, и, когда уже решили, что он заблудился и его съели голодные волки, он вернулся, гордо неся на отодранном куске древесной коры холмик чистейшего снега.

– Не мог придумать, как его до вас донести, в руках быстро таял, – объяснил он нам свое долгое отсутствие.

Потом я стерла ноги в кровь, потом у Маньки сводило икры, потом Каринку пробил понос...

В общем, дошли мы до села Навур в восемь часов вечера. Первым делом позвонили домой, чтобы успокоить маму.

– Наденька, – сказал папа в трубку в присутствии всего мужского состава села Навур, – машина застряла в горах, мы сейчас отправим детей на попутке домой, а сами поедem вытаскивать ее. И позвони Розе, мы сами звонить ей уже не успеваем.

– Боятся, – шепнула мне на ухо Манька.

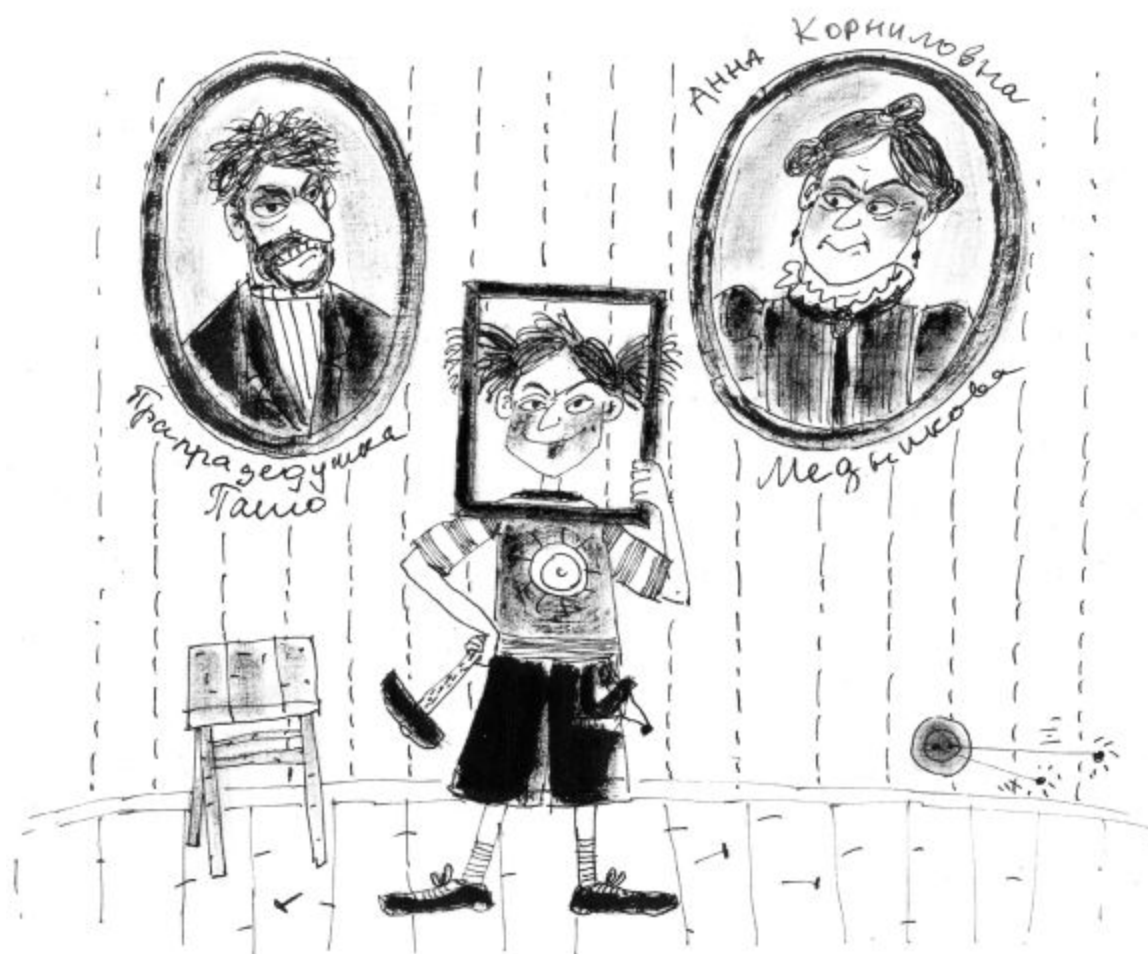
Дома мы оказались только в девять вечера. Мама долго отпаривала нас в кипятке, растирала махровым полотенцем и вычесывала из волос и бровей репейник и чертополох. Потом она накормила нас горячим ужином, дала каждой от греха подальше по таблетке аспирина, уложила в постель, накрыла пуховыми одеялами и долго плакала, сидя на краешке кровати.

– Я думала, вы все погибли, – всхлипывала она.

Ну а что устроила Ба папе и дяде Мише, когда они вернулись под утро на победно выколупанной из замерзшей к вечеру грязи Генриетте, рассказывать не имеет смысла. Потому что каждый в нашем городе, кто имеет уши, слышал все, что Ба им высказала.

Все от первого до последнего ласкового слова.

Глава 9. Манюня узнает все о наших корнях, или Как Каринка с розеткой экспериментировала

Как ведут себя обычно люди, когда сильно болеют? Они стонут, бредят, активно страдают и всячески требуют к себе повышенного внимания. Могут из вредности падать в обморок или для пущего разнообразия проводить досуг в обнимку с фаянсовым другом. Вот как обычно ведут себя люди.

Папу, когда он сильно болел и пугал нас намерением незамедлительно отправиться на тот свет, можно было застать только в

одной позе – головой в холодильнике. Потому что чем сильнее он болел, тем больше ему хотелось есть.

– Юра! – всплескивала руками мама. – Тебе что врач сказал? Отлеживаться и пить овощные бульоны. А ты в отместку килограмм колбасы съел. Пюре подъял! Выпил весь рассол из маринада. А теперь фрикадельки из супа вылавливаешь!

Папа быстренько проглатывал очередную фрикадельку.

– Жена! Нашла кого слушаться. Врачей! Они тебе еще не такое насоветуют, ненормальные люди. – Он боком прокрадывался к выходу из кухни, по пути выхватывая из хлебницы полпростыни лаваша. – Я борюсь с заболеванием своими методами. Ты мне не мешай!

Мама теряла дар речи. Будь отец представителем любой другой профессии, его еще как-то можно было бы понять. Но если ты врач, притом врач высшей категории, всю жизнь ездешь в Москву на курсы повышения квалификации и свободное время проводишь, штудировав медицинскую литературу, очень странно слышать от тебя фразу: «Нашла, кого слушаться, врачей!»

– Да если бы доктор сказал – ешь круглые сутки, – ты бы зашил себе рот суровой ниткой! Можно подумать, я тебя первый день знаю! – У мамы от возмущения краснел лоб.

– Много говоришь, женщина. – Папа наспех проглатывал лаваш и, лежа в постели, принимался выклянчивать еду на всю квартиру: – Наринэ, принеси отцу морковки. Морковка – это же диетично? И яблок принеси. Ты моя старшая дочка, ты мне не откажешь, я знаю.

– Одно яблоко? – всовывала я голову в спальню. Папа, сложив руки на груди, скорбно лежал на подушках и глядел так, словно его два дня голодом морили.

– Три яблока. И морковок принеси три. Или пять. Возьми еще хлеба с сыром.

– Хорошо.

– И помидор положи с огурцами. А лучше сделай мне салат!

Папе не повезло с наследственностью – от предков ему досталось тяжелое заболевание – средиземноморская периодическая лихорадка. Ею страдают народы, издревле населяющие средиземноморский регион. Так как медицина справиться с этим недугом так и не научилась, то папа по сей день борется с ним своими методами. Так сказать, клин клином вышибает.

Через день после приступа он выходил на работу. Никакие увещания, что надо хотя бы еще денек отлежаться в постели, его не останавливали.

– Ну что ты за человек такой! – возмущалась мама.

– Я шикарный человек, жена, и тебе повезло, что встретила со мной, ясно? – Папа, победно хлопнув дверью, выскакивал из квартиры.

– Вчера только скорую вызывали, – причитала мама, выглядывая в кухонное окно. – Юра, я тебя очень прошу, ты хотя бы на дежурство не оставайся!

– Еще чего! – доносилось уже из гаража, где, перебирая колесами, томилась в ожидании любимого хозяина наша многострадальная «копейка» Генриетта.

– Бердский ишак, – горестно комментировала мама.

Генриетта, победно фыркнув, выкатывалась во двор. На ее лобовом стекле красовалась наклейка с красным медицинским крестом.

Папа вылезал из машины, запирал двери гаража и кидал мимолетный грозный взгляд на наше кухонное окно.

– Носовой волос, – как бы говорил этот взгляд.

Однажды случилось так, что папин приступ совпал с финальной игрой чемпионата СССР по футболу. Днем приехала скорая и сняла отцу боли инъекцией анальгина с димедролом. После такой дозы димедрола люди спят сутки напролет. Папа усилием воли проснулся через три часа, невероятно слабый, но довольный, что в очередной раз оставил лихорадку с носом. До футбольного матча оставался целый час, дом на какое-то время был в полном его распоряжении, поэтому отец решил воспользоваться этим на полную катушку.

К тому моменту, когда вернулась с работы нагруженная пакетами мама, из продуктов в холодильнике осталась только сырая свекла.

– Господи, – только и смогла вымолвить мама.

– Обед я не трогал, – поспешил успокоить ее отец. – Я ж не изверг, понимаю, что вы вернетесь голодные. И хлеба оставил батон. Жена, когда кушать будем?

Мама вытащила из пакета тощую синелапую курицу, добытую с боем в очереди, и спрятала в морозильник. Затолкала ногой под стол картошку с морковкой. Прodelывая все эти манипуляции, она смотрела мужу ровно в переносицу и старалась не моргать.

– Юрочка, – молвила мама ласково, по возможности спокойным голосом, – полежи пока. Я сейчас обед разогрею, вон, картошки купила, отварю ее...

– Лучше пожарить, – клацнул зубами папа.

– Хорошо, пожарю. – Мама взяла мужа под руку и, прикрывая спиной полки, вывела его из кухни. «Там еще сахарница, – лихорадочно думала она, – мед и айвовое варенье. Если, конечно, он все это уже не съел».

– Я полежу на диване, – выпятил губу папа, – скоро футбол будут передавать.

– Конечно-конечно. – Мама заботливо накрыла его пледом. – Ты полежи пока, а я пойду обед разогревать.

Она включила телевизор, настроила пассатижами первый канал, поворошила антенну так, чтобы ноги и головы людей на экране сфокусировались в нужных местах. Провела все манипуляции, не отрывая немигающего взгляда от переносицы мужа.

– Так хорошо?

– Да. – Папа сложил на груди руки. Мама припустила к плите. Времени оставалось катастрофически мало – сложенные на груди руки означали, что минут двадцать папа еще продержится. А далее кухню от штурма не спасет уже ничего.

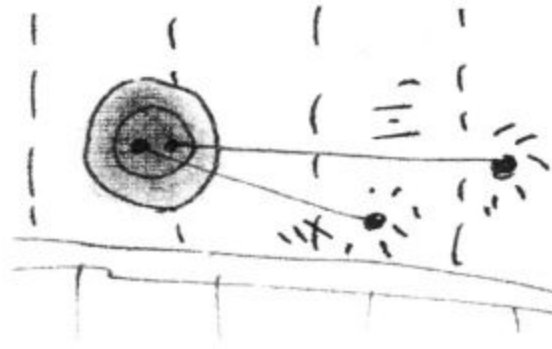
Как говорится, тем временем.

Тем временем мы с Манькой, закончив занятия в музыкалке, отправились в детский садик – забирать Гаянэ и Сонечку. Манька пошла за Гаянэ, а я заглянула в ясли. Прямо в раздевалке, напротив своего шкафчика с красным грибочком на двери, восседала на горшке Сонечка. В руках она держала пустой стакан с разводами кефира на стенках, под носом у нее воинственно вырисовывались белые усы.

– Сестра сегодня решила дожидаться тебя исключительно здесь и исключительно на горшке, – устало вздохнула нянечка тетя Асмик. Она тяжело поднялась со скамейки и отобрала у Сонечки стакан.

– Ну что, малолетний ирод, добилась своего?

– Дя, – радостно кивнула Сонечка.

Тетя Асмик протерла полый халата кефирные усы сестры, подняла ее с горшка, заправила в трусы кофту, а потом натянула колготки аж под самые подмышки. Сонечка мигом спустила колготки и трусы и по новой проделала все манипуляции.

– Отак! – воинственно выпучилась она.

– Сразу видно кровь Пашо, – хмыкнула нянечка.

– А что такое кровь Пашо? – Я вытащила из шкафа курточку сестры.

– Спроси у отца, кто такой Пашо, он тебе расскажет, – вздохнула тетя Асмик, – столько лет работаю в яслях, но с таким упрямым ребенком встречаюсь впервые.

Я взяла Сонечку на руки и, осторожно нащупывая ногой ступеньки, стала спускаться по лестнице. Сестра смотрела мне в лицо влюбленными васильковыми глазами и периодически целовала в щеку.

– Вот и тииии, – радовалась она.

– Как меня зовут?

– Найна.

– Уже лучше.

– Пяхой садик, – нахмурилась Сонечка.

– Ты опять всех доводила? – прокряхтела я.

– Дя.

– Зачем?

– Нинаю.

Манюня с Гаянэ дожидались нас возле ворот.

– Вот и тииии, – снова обрадовалась Сонечка.

– Да, вот и мы. Ты опять всех доводила? – спросили хором Манюня с Гаянэ.

– Дя.

– Зачем?

– Нинаю.

Чуть ли не с первого дня рождения Сонечка демонстрировала поразительную неуступчивость. Бердский ишак – это про нее. Если нам нужно было, чтобы Сонечка отправилась спать, мы говорили – а сейчас Сонечка будет кушать.

– Ня, – хмурилась Сонечка. – Сонуцка хацю баюбайики!

Если надо было, чтобы Сонечка пошла направо, то вся семья как по команде поворачивала налево. Тогда был хоть какой-то шанс добраться до пункта назначения в полном составе.

Вот и сейчас мы хором заверили Сонечку, что идем гулять.

– Ня, – нахмурилась она, – Сонуцка хацю домой!

– Домой так домой, – обрадовались мы, взяли за руки и, притормаживая пешеходное движение по тротуару, направились домой. По центру шеренги топали Сонечка с Гаянэ, по краям гарцевали мы с Манькой.

Дорогу на перекрестке мы всегда переходили особенно осторожно.

– Слева машина, – предупреждала я. Где-то далеко, на горизонте, виднелся автомобиль. Мы терпеливо ждали, пока он проедет. Можно было уже двигаться.

– Справа грузовик! – орала Манька. Мы тут же притормаживали. Грузовика еще не было, но по остервенелому лязгу, доносившемуся до нас, можно было предположить, что скоро он появится. И

действительно, через минуту из-за поворота выкатывался доисторический монстр и, осатанело рассыпаясь на запчасти, проезжал мимо. Итого торчали мы на перекрестке до того момента, пока какой-нибудь сердобольный взрослый не брал нас за шкирку и не переводил на другую сторону.

Сегодня перейти дорогу нам помогла Манина классная руководительница, так удачно оказавшаяся в нашем районе.

– Мария, ты уже сделала математику? – строго спросила она.

– Вот как раз с Наркой сейчас и будем делать, – заверила ее Манька.

– А чего это ты ей соврала? – спросила я, когда учительница попрощалась с нами и пошла дальше.

– А чего она со мной, как с маленькой? – обиженно засопела подруга.

Во дворе дома нас поджидал неприятный сюрприз – возле подъезда в крайне задумчивом выражении лица стояла Каринка. У меня больно закололо в боку. Крайне задумчивое выражение у сестры случалось только тогда, когда она выкидывала что-то из ряда вон выходящее. Мы убавили шаг. Манюня уважительно пригладила боевой чубчик. Я сникла.

– Вот и тииии, – обрадовалась Сонечка.

– Да, это я, – Каринка чмокнула Сонечку в кругленькую щечку, – доводила всех в яслях?

– Дя!

– Молодец!

– Кари-ин, а чего ты натворила? – протянула я.

– Да так, – шмыгнула сестра.

– Художественную школу спалила? – похолодела Манька.

– Да ну вас!

– Окна выбила?

– Нет.

– А чего? – У меня защипало в носу. Смотреть на задумчивую Каринку было тем еще испытанием!

Сестра вздохнула.

– Ну, мы сегодня рисовали кувшин. А я захотела нарисовать самолет. Вот.

– И?

– И нарисовала. А преподаватель поставил мне двойку. А я рассердилась и сказала, что он пиляд.

– Чтоооооо?

– А он побежал вызванивать маму.

Это была катастрофа. Вся наша компания горестно сгрудилась возле подъезда. За употребление плохих слов нас немилосердно наказывали. Еще жива была в памяти история, когда за фразу: «Это не заболевание, а настоящий пиляд», – Ба выпорола Маньку шлангом от стиральной машины. А Манька, между прочим, плохим словом ругала scarlatinu, из-за которой месяц провалялась в постели. Можно сказать – по делу ругала.

А тут Каринка обозвала плохим словом ни в чем не повинного преподавателя. Даже страшно было подумать, чем вся эта история могла обернуться для сестры.

Большая часть матерного лексикона жителей нашего городка являла собой исковерканные заимствования из русского языка. Самым страшным ругательством, которое мы знали, было слово «пиляд». Мы несколько раз слышали его от соседки тети Вали, когда они с Ба еще не помирились и находились в состоянии междоусобной войны.^[20]

– Николай боз!^[21] – грохотала Ба.

– Пиляд! – отбрехивалась тетя Валя со своей стороны забора.

И если выражение «Николаи боз» мы с грехом пополам понимали, то таинственный «пиляд» представлялся нам разрушительным ругательством воистину галактического масштаба.

– Давай ты сегодня у нас заночуешь? – предложила Каринке Маня.

– Ты с ума сошла, Мань? Лучше уж пусть меня мама выпорот, чем Ба, – возмутилась Каринка.

– Ну да, – пригорюнилась Манька, – у Ба не забалуешь.

– Де-ти, – высунулась в окно мама, – чего это вы у подъезда стоите? Быстро поднимайтесь домой.

– Мам, тебе звонили из художки? – глянула вверх Каринка.

– Каринэ, – елеиным голосом пропела мама, – иди домой, дочка.

– Звонили, – пригорюнились мы и повели сестру домой. На расстрел.

К счастью, времени на расстрел у мамы не было. Папа доедал вторую тарелку супа, на плите скворчала картошка, в мойке лежала

немытая посуда. Поэтому мама поддела Каринку за лопатку и поволокла к мужу.

– Займись дочерью, – крикнула она, – а то у меня картошка подгорает.

А по телевизору уже транслировали футбольный матч, поэтому, чтобы не отвлекаться от игры, папа, ничтоже сумняшеся, надел дочке на голову тарелку с остатками супа.

– Иди, подумай над своим поведением, – пророкотал он, не отрываясь от экрана.

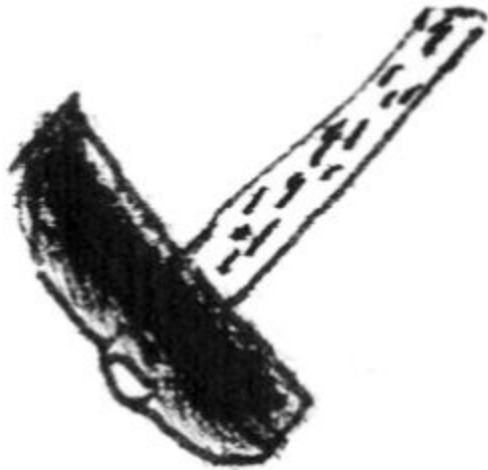
Каринка аккуратно сняла с ушей вермишель, сделала жалостливое лицо и пришла на кухню.

– Вот, – горестно явила она маме голову в объедках.

– Так тебе и надо, – крикнула в сердцах мама и на автопилоте протерла голову дочери мокрой тряпкой, которой протирала стол, – посиди в детской, пока я накрываю на стол. Подумай над своим поведением!

«Повезло», – обрадовалась Каринка и припустила в детскую.

Если бы мы не путались у мамы под ногами, если бы папа не поторапливал ее с готовкой, она ни в коем разе не забыла бы запереть шкодливую дочь в комнате. Но мама была очень занята, поэтому сестра оказалась в полном своем распоряжении. В незапертой детской. Напротив – ванная комната. В ванной – навесной шкафчик. В шкафчике – кругленькая клизма. На стене детской, прямо на уровне Каринкиных глаз – розетка. Под розеткой, на тумбочке – корзина с маминой вязкой, откуда весело торчат две длинные спицы.

Первым делом сестра прокралась в ванную и набрала в клизму воды. Потом выдернула из недовязанного рукава спицу.

– Сначала брызнуть в розетку водой или спицу туда затолкать? – крепко призадумалась она. – Нет, вода. Нет, спица. Нет, вода. Нет, спица, – спорила какое-то время она с собой.

Решила-таки довериться считалочке. Надо было поторапливаться, поэтому сестра ограничилась коротенькой грузинской считалочкой: «Ака– ли-бакали-чаварда-какали». «Какали» досталось клизме. Каринка прыснула в пяточок розетки водичкой и победно вставила спицу.

– Аааааа, – подскочил отец, – свет ушел!

– Гооооол! – донеслось из всех распахнутых окон нашего городка. – Гоооооол!!!!

– Аааааа, – закричал отец, – свет только у нас ушел!

Он нацепил тапки и, как был, весь в пижаме, с кокетливо обмотанным на талии пуховым платком, выскочил из квартиры и принялся ломиться в дверь напротив.

– Арам, – попутно кричал он в дверной глазок, – угловым забили или штрафным?

– Угловым, – распахнул дверь Арам и, ничуть не пугаясь папиного вида, впустил его в квартиру.

– Кто? Кто забил? – бился в истерике отец. – Я не видел, у нас в квартире почему-то свет ушел.

– «Динамо-Киев». Матч закончится – посмотрю, что там у вас произошло.

Дядя Арам работал электриком и по-соседски курировал все наши электроприборы. Папа в благодарность без очереди курировал зубы дяди Арама.

И, пока он досматривал у дяди Арама футбол, заодно подъедая все его припасы на зиму, Каринка потихонечку отходила в углу детской. Мы до сих пор диву даемся, как в тот злосчастный день ее не убило. Сестру больно ударило зарядом электричества по руке и отшвырнуло в сторону. Когда я пришла звать ее на ужин, она уже восстановила все свои условные и безусловные рефлексы и пыталась выдернуть из стены намертво запаявшую розетку спицу.

– Ты чего это натворила? – испугалась я.

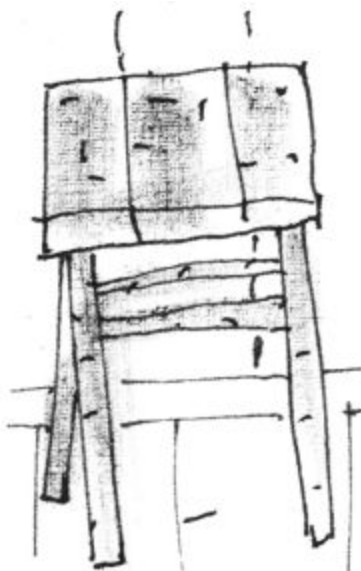
– Да вот, – скромно потупилась Каринка.

И тут у сестры закончилось везение. Потому что пока папа бесновался у соседей, у мамы освободились руки. И Каринке досталось по полной программе и за «пиляд», и за полетевшее электричество, и за испорченную спицу.

Потом мы все дружно поели, и очень даже вовремя, ибо следом вернулся отец и взял штурмом кухню. Подъел все, да так, что можно было сковороду и кастрюли сразу убирать в шкафчик с чистой посудой.

А далее мама сбегала в магазин за вермишелью, а заодно заглянула в подвал и притащила банку с аджикой и банку с печеными овощами. Нужно было готовиться к папиному очередному голодному приступу.

Пока мама жарила вермишель, чтобы приготовить ее на скорую руку, мы, обступив отца со всех сторон, слушали его рассказы о детстве. Папа, когда болеет, очень любит рассказывать о своем детстве.

И тут я вспомнила про кровь Пашо.

– Пап, а почему нас ругают кровью Пашо?

– Это кто вас ругает кровью Пашо? – нахмурился отец.

– Ты лучше расскажи им, кто такой Пашо, – заглянула в комнату мама.

– Можно подумать, твои гены в зубодробительности уступают моим, – разобиделся отец.

– Дети, – вздохнула мама, – Пашо – ваш прапрадедушка. Я не знаю другого такого человека, которого разъяренный батюшка дважды отлучал бы от церкви. За чудовищный характер. Несмотря на то, что ваш прапрадед ни разу не переступил порога храма и не платил церковной десятины, он, завидев на улице священника, начинал в остервенении крутить у него перед носом дули и выкрикивать вслед всякие обидные слова. За что и был дважды предан анафеме. всю жизнь Пашо провел как бы в окопах, воюя с законами мироздания, не

признавал теории гелиоцентрического строения Вселенной и находился в перманентной войне с Богом. Которую, я думаю, он таки выиграл. С большим перевесом, да.

Мы ничего не поняли из маминого рассказа, но на всякий случай дружно поахали.

– А Корнилиха? – встрепенулся папа. – Что же ты тогда о своих генах умолчала?

– Чего это Корнилиха? – разобиделась мама.

– А того! Дети, рассказать вам о маминых мощных славянских корнях?

И папа рассказал нам о маминой бабушке Анне Корниловне Медниковой, которую народ для пущего пиетету величал Корнилихой. Корни– лиха была помещицей, рано потеряла мужа и одна поднимала четверых детей. Была известна своим крутым нравом, никогда не прощала обид и работников, принявших на грудь, собственноручно секла вожжами. «До треску в костях», – вращая зрачками, заключил папа.

– Ну и предки у вас, – испугалась Маня, – вот ведь изверги!

– И кому-то этот набор генов достался в полном комплекте, – горестно вздохнули родители и уставились на Каринку.

У сестры по лицу заметались глаза.

– Нет у меня никаких генов, – возмутилась она.

– Конечно, нет. У тебя не гены, а пургены, – заключил папа и скорбно сложил на груди руки.

Глава 10. Манюня пишет фантастический роман, или Папа – Ян Амос Коменский

Есть у детей одна удивительная особенность, не поддающаяся никакому логическому объяснению. Почему в будние дни, когда нужно просыпаться рано, их не добудишься, зато в выходные они поднимаются ни свет ни заря?

– Ну что за наказание такое, – ругалась мама, – неужели нельзя хотя бы в воскресенье дать мне выспаться?

– Я кушать хочу, – канючила Гаянэ.

Мы с Каринкой виновато сопели на пороге родительской спальни. Нам было очень жалко маму, она действительно недосыпала –

поднималась в шесть утра, а ложилась поздно ночью. Мама вела в старших классах русский язык и литературу и часто приносила домой большие стопки тетрадей с контрольными диктантами и сочинениями. Вечера напролет она занималась нами, а когда мы ложились спать, стирала, гладила или вязала, а потом еще проверяла тетради учеников. Мы помогали ей, как могли. Если мама затевала стирку раньше, чем мы ложились, я вместе с нею полоскала и отжимала белье. Сначала мы прокатывали его между двумя валиками стиральной машины – я крутила ручку, а мама заправляла отстиранное обжигающее белье в валики, а потом полоскали в ванне, доверху наполненной чистой водой. Далее затягивали белье жгутом и, накручивая с обоих концов, отжимали влагу по возможности до последней капли.

Какое-то время и с приготовлением завтраков получалось справляться самим, в конце концов, мы с Каринкой были уже достаточно большими девочками и вполне могли соорудить бутерброды и заварить чай. Но однажды я чуть не спалила полкухни, и мама строго-настрого запретила нам подходить к плите. А раз уж завтракать всухомятку она нам тоже не разрешала, пугая детским гастритом, то ничего не оставалось, как будить ее ни свет ни заря.

Пока полусонная и недовольная мама жарила омлет и заваривала чай, мы с деланно-скорбным выражением на лицах накрывали на стол.

– Мам, мы ооочень долго терпели, – оправдывалась Гаянэ, – вот когда совсем в зивоте заскворчало, тогда пошли тебя будить.

– Может, все-таки заурчало? – Мама поддела лопаточкой румяный омлет и перевернула его на другой бок.

– Сначала заурчало, потом заскворчало, да так сильно, что ноги вот так – вот так делали, – Гаянэ взобралась на угловой диванчик и мелко затрясла ногами. – Прыставляешь, мам, чуть с голоду не умерли, так ноги дрыгались!

Мама прыснула и окончательно проснулась. Чмокнула Гаечку в кругленькую щечку.

– Это даже хорошо, что вы меня разбудили, а то мне снился жуткий кошмар, – вздохнула она.

– Какой?

Но мама не стала рассказывать, что ей снилось. Она разложила по тарелкам омлет и ушла в ванную комнату – «разговаривать с водой». Этому ее научила бабуля. В Архангельской губернии, откуда она родом, считалось, что вода уносит с собой все печали.

– При этом нужно обязательно соблюдать два правила, – объясняла она, – рассказывать свои горести «бегущей» воде и не проговариваться больше никому. Иначе она обидится и не поможет. Это сейчас все просто – открыл кран и пожаловался о своей беде. В наше время такого не было. Проснешься с утра, или к речке побежишь, или встанешь над дождевой бочкой, зачерпнешь ковшиком воды, льешь тонкой струйкой и рассказываешь. А потом прошепчешь: *«Водичка-водичка, унеси мои страхи за далекие берега в темные врата, да закопай в глубоком овраге, да придави тяжелым валуном».*

– И помогало? – Мы, затаив дыхание, слушали бабулю.

– Помогало.

Мы с Каринкой как-то уже просили помощи у воды. Аккурат перед творческим вечером в городском доме культуры. Маня на этом концерте должна была сыграть на скрипке, а на нас с Каринкой

возложили ответственность исполнить в два голоса песню «Мокац невесты».

В ночь перед выступлением мы не сомкнули глаз. Волновались.

– Давай попросим у воды, чтобы она помогла нам, – предложила сестра.

– Давай, – обрадовалась я.

Мы прокрались в ванную, открыли кран.

– Водичка-водичка, – зашептала Каринка, – унеси наши страхи за далекие берега да похорони где бабуля рассказывала, а то мы не помним, чего она там говорила. И сделай так, чтобы мы на концерте выступили лучше всех.

– За Маню еще попроси, – пихнула я ее локтем.

– Да, – спохватилась Каринка, – и чтобы Маня ни разу не сбилась, а то она жаловалась, что плохо выучила пьесу.

Видимо, водичка истолковала наши слова с точностью до наоборот, потому что концерт «удался» на славу – сначала Манюня пиликала на скрипке так, что с потолка кусками сыпалась штукатурка, а потом сестра устроила на сцене форменное светопреставление. Когда ведущий объявил: «Песня "Мокац невесты", Комитас, исполняют сестры Абгарян», – Каринка прыснула.

– Быгага, – покатила она, – сестры Абгарян!

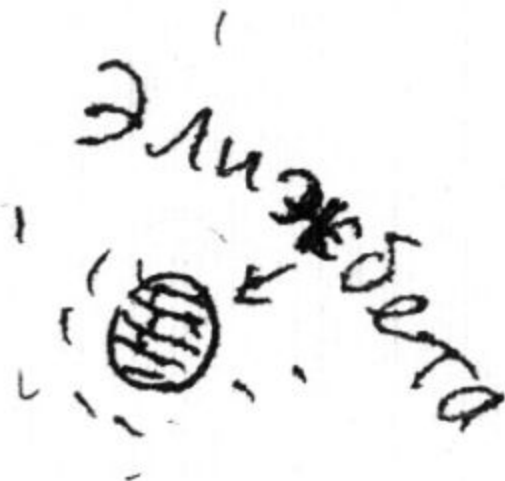
– А что, надо было нас братьями Абгарян объявлять? – прошипела я.

Мы вышли на сцену, аккомпаниатор взял аккорд, Каринка открыла рот и сорвалась в смех. Пока я драла глотку, пытаюсь изобразить двухголосное пение, сестра корчилась от хохота, уткнувшись мне в спину.

Слушатели ликовали, бешено хлопали и требовали исполнения на бис. Я старалась не глядеть в зал – во втором ряду, поджав губы, сидела Ба.

– Никогда больше не выйду петь с тобой, – рыдала потом за кулисами я.

– А нечего объявлять меня сестрами Абгарян, – оправдывалась Каринка.

Ба после концерта назвала нас дегенератками и сказала, что это самый большой публичный позор, пережитый ею за всю жизнь.

Поэтому, когда мама пошла жаловаться воде, мы с сестрой переглянулись и пожали плечами. Каринка быстро соорудила из хлеба, ломтика брынзы и поджаристого омлета бутерброд и украсила его перьями зеленого лука.

– Видала красоту? – повертела она бутербродом у меня перед носом.

– Можно подумать! – фыркнула я.

Гаянэ, нахохлившись, сидела над своей тарелкой. К омлету она не притронулась.

– Ты чего не ешь?

– Я просто рассказываю омлету свои горя, – объяснила она. – Сначала рассказала, как меня в садике Ася за волосы три раза пребольно дернула, а сейчас расскажу, как Каринка громко хрыпела и не давала нам спать. А потом поем.

– Сама ты хрыпишь, понятно? А я храплю! – надвинулась на нее Каринка.

Гаянэ озадаченно уставилась на нее.

– Так я же и говорю – хрыпишь, – засопела она, – умыпалата ты, вот ты кто! Сначала ты хрыпела, а потом Наринка пихалась локтем. И я проснулась. Полезала немножко, мне стало скучно, и я разбудила Наринку. Мы полезали, послушали твой хрып и, когда заболели уши, решили тебя тозе разбудить. Вот.

– До сих пор звон в ушах стоит, – подтвердила я слова Гаянэ. Каринка отложила бутерброд и полезла драться, но тут из спальни вышел папа, и мы побежали обниматься с ним.

– Несите обратно мои деньги, – пробурчал папа вместо приветствия.

– Все? – расстроились мы.

– Все!

Вчера у папиного друга случился день рождения, вследствие чего папа вернулся домой навеселе и вручил каждой из нас по десять рублей. Мы особо не радовались, потому что по опыту знали – деньги, которые папа раздаривает, будучи подшофе, он обязательно забирает утром. Сегодняшнее утро, увы, исключением не стало.

Пока мы, вздыхая, доставали из копилки купюры, мама ругала отца.

– Сколько раз тебе говорить, что нельзя с детьми так поступать – ты им сначала отдаешь деньги, а потом забираешь.

– Жена! – взвыл папа. – Во-первых, я вчера был навеселе.

– И еще – был навеселе! – не преминула вставить шпильку мама.

– Ууууу, носовой волос! Так вот, во-первых, я был навеселе, во-вторых – я же не все деньги забираю, каждой дам по пятьдесят копеек. Пусть гуляют!

– Ура! – запрыгали мы. – Пятьдесят копеек! Это же две трубочки со сливочным кремом и один коржик!

– Видишь? Они совершенно на меня не обижаются. Правда, девочки?

– Правда-правда, – захлопали мы в ладоши.

– А еще я вам обещаю, что через неделю, в следующее воскресенье, мы обязательно поедем на шашлыки.

– Юра! – Мама чуть не задохнулась от возмущения. – Я же тебя просила заранее детям ничего не говорить!

– А через неделю – это сколько? – встрепенулась Гаянэ. – Чичас или вечером?

– Дочка, тебе уже семь лет, а ты не знаешь, что такое через неделю, ай-ай-ай! – покачал головой папа.

– Ахахаааа!!! – театрально рассмеялась мама.

– То есть шесть лет, – забегал глазами папа.

– Вот сколько мне, – Гаянэ выставила пять пальчиков, – столько и еще половина. Только как это называется, я забыла. Мозет, восемь с половиной?

Нам с Каринкой пора было убираться в детской. Надо поторапливаться – сегодня воскресенье, а значит, Ба жарит пирожки!

– А когда мы поедем на сашлыки? – мучила Гаянэ папу, пока мы пылесосили и протирали пыль.

– Через семь дней. Не завтра, не послезавтра, а через семь дней, – терпеливо объяснял папа. – Ясно?

– Аха, – радостно кивала Гаянэ, – пап, а через семь дней – это си-водни или утром?

– Сейчас воскресенье, – папа понемногу выходил из себя, – завтра будет понедельник, потом вторник...

– Угум, – Гаянэ вскарабкалась на колени отца, – а на сашлыки поедем когда? Чичас?

– Мыееее! – взвыл папа.

– Ян Амос Коменский! – прокомментировала мама.

– Пап, – не унималась Гаянэ, – а послезавтра – это кто?

– Иди спроси у своей матери, – папа попытался спихнуть Гаянэ с колен.

– Ну уж нет, – вскипела мама, – сам эту кашу заварил – сам ее и расхлебывай.

– Кировабадци, – огрызнулся отец.

Когда мы с Каринкой забежали на кухню предупредить, что уходим к Мане, то застали там дивную картину – папа в позе заправского библейского патриарха восседал на угловом диванчике. На одном колене у него сидела Гаянэ, на другом – Сонечка. Сонечка держала под мышкой полбатона и, отколупывая по крохотному кусочку, кормила отца.

– Ам! – требовательно хмурилась она каждый раз, когда папа не успевал вовремя открыть рот. Папа гримасничал, но безропотно ел. Гаянэ не прекращала сыпать вопросами.

– Пап, а сиводни – это вторник или ночью?

– Охox, – вздыхал папа.

– А на сашлыки поедем чичас или возмозным днем? – любопытствовала Гаянэ.

– Жена! – Папа устремил на маму исполненный муки взгляд.

– Ничего не знаю, – отрезала мама, – сам, сам!

Манькин боевой чубчик мы заприметили еще на подступах к ее кварталу. Она в нетерпении переминалась возле калитки, а, завидев нас, побежала навстречу.

– Что-то случилось? – крикнули мы и прибавили шагу.

– Как вам звук «унькунькуньк»? – вопросом на вопрос ответила Манька.

– Чивой? – вылупились мы.

Манюня топнула ножкой.

– Ну что я такого непонятного спросила? Грю, как вам звук «уньк– уньк-уньк»?

Мы с сестрой осторожно переглянулись.

– Нормальный звук, – неуверенно протянула я, – шикарно звучит – «уньк-уньк-уньк».

– Вот! А Ба говорит, что я ерунду придумала!

– А зачем тебе это? Ну, этот «уньк»?

– Я пишу фантастический роман, – надулась от гордости Манька, – придумываю звук.

– Оооо, – мы покрылись мурашками. – Много написала?

– Да вон первую главу пишу. Вы посидите пока с Ба, я допишу и приду почитаю вам.

Сидеть с Ба, когда она крутится на кухне, не очень хотелось.

– Может, мы во дворе подождем? Тут, на скамеечке?

– Ба сегодня добрая, – успокоила нас Манька, – она уже с утра успела накричаться, когда папу отправляла в погреб – полки мастерить. Вон, налепила пирожков, и, пока они подходят, смотрит телевизор.

Мы с опаской заглянула в гостиную. Ба сидела в кресле и штопала свои зимние чулки. «Готовит телегу зимой», – подумала я.

– Здравствуй, Ба. – Мы подошли и чмокнули ее в мягкие щеки.

– Вы посмотрите, что за чушь передают, – хмыкнула она.

В телевизоре какой-то бородастый дяденька раскидывался стопками бумаги и плакал на весь экран:

– Я люблю тебя, Элижбета! Элижбета, я тебя люблю! А-ха-ха (безутешные рыдания). Я люблю тебя, Элижбета! Элижбета-а-а-а!!!

Некоторое время мы замороженно наблюдали, как убивается этот сумасшедший дядечка.

– А где она? – не вытерпела Каринка.

– Кто?

– Ну, эта Элижбета.

– А черт ее знает, гульнула, видимо, от него, вот он и корячится, бедолага, аж все глаза себе выплакал.

Мы не очень поняли, в чем все-таки провинилась Элижбета.

– Ба, а что такое «гульнула»?

Ба пожевала губами.

– Развелась с ним.

– А что это за бумаги, которыми он раскидывается?

– Это письма, которые он написал, но не отправил ей.

– Ого, – вылупились мы, – так Элижбета, значит, давно уже с ним развелась? Столько писем-то!

– Я же говорю – имбецил. Нет, чтобы делом заняться.

– Элижбета! – душераздирающе крикнул дядечка. Мы встрепенулись и обернулись к экрану. Дядечка простонал и, закатив глаза, упал на пол. Бородой вверх. И на эту торчащую колом бороду кто-то невидимый за кадром стал швыряться горстями разодранной в клочья бумаги. Ба дождалась, пока на экране появились титры, и прочла фамилию режиссера телеспектакля.

– Вот ведь дегенерат, – хмыкнула она и выключила телевизор. – Ладно, пойдем пирожки жарить.

Мы обрадованно последовали за ней на кухню. Ба вытащила большую чугунную сковороду, щедро налила масла и поставила на огонь. Когда масло разогрелось, она стала по одному опускать туда пирожки. Пирожки мигом схватывались корочкой и отчаянно шипели. Мы с Каринкой сели за стол и преданно стали ждать. Первая партия пирожков почти уже была готова!

– Надо бы Маню позвать, – шепнула уголком рта я.

– На запах придет, – отмахнулась Каринка. Не существовало на свете силы, способной выгнать нас сейчас из-за стола.

Манька, словно услышав наш шепот, сама через секунду влетела на кухню. Боевым чубчиком и какой-то толстой тетрадью вперед.

– Вот! – крикнула она. – На сегодня, я думаю, достаточно. Смотрите, что у меня получилось!

Она плюхнулась рядом, распахнула тетрадь и продемонстрировала нам результаты своих трудов. На первой странице большими печатными буквами было выведено: «РОМАН».

– Ооо, – закатили мы глаза.

Убедившись, что зрители по достоинству оценили ее труды, Манька перевернула страницу. Мы увидели новую, не менее обнадеживающую запись: «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ».

– Ааа, – задохнулись мы.

– То-то, – хмыкнула Манька и торжественно перевернула страницу.

Третья страница не уступала в монументальности предыдущим: «Автор – МАРИЯ ШАЦ. МИХАЙЛОВНА», – скромно гласила она. «МИХАЙЛОВНА» топорщилась во все стороны желтыми лучиками лампочки Ильича.

– Ыыыыы, – контуженно промычали мы.

«ГЛАВА 1», – объявляла следующая страница.

Напряжение на кухне возросло до такой степени, что чиркни кто спичкой – и дом разнесло бы взрывом на микрочастицы.

Манька перевернула страницу.

«– Уньк-уньк-уньк, – сказал инапланитянин и постучался в дверь», – гласила пятая страница Манькиным птичьим почерком.

На этом интригующем месте запись обрывалась.

– Потом допишу, а то запахло пирожками, и мне расхотелось сочинять, – объяснила Манюня. – Ну как?

– Шикиблеск! – Мы, наконец, выдохнули и воровато протерли выступивший на ладонях пот уголком скатерти. Ба, отвернувшись к плите, мелко тряслась спиной.

– Ты смеешься? – разобиделась Манька.

– Ну что ты, – Ба повернула к нам раскрасневшееся лицо, – мне просто от плиты жарко. Идите лучше позовите Мишу, пора пирожки есть. Тетрадь оставь, – велела она Маньке.

– Я папе хотела показать.

– Папа дома посмотрит.

Мы побежали звать дядю Мишу. Пока обувались, слышали, как Ба сначала зашелестела страницами тетради, а потом разразилась гомерическим хохотом.

– Ой не могу, – стонала она, – ой, сил моих больше нет!

– Она думает, это будет смешной роман, – покачала головой Манька, – но очень ошибается.

Это будет грустный роман о том, как инопланетяне захватили нашу планету и погнали людей в рабство.

– Куда?

– Не знаю, я пока не придумала название их планеты.

– Можешь назвать планету Элижбетой, – встрепенулась Каринка.

– Я подумаю, – милостиво согласилась Манька. – А что такое Элиж– бета?

И по дороге на задний двор мы с сестрой наперебой стали рассказывать о бородатом дядечке из телевизора.

– Точно назову планету Элижбетой, – решила Манька и толкнула дверь погреба. – Пап, пойдем пирожки кушать, ой!

– Чего это «ой»? – Мы заглянули следом и встали как вкопанные. – Здравсьти, Дядьмиш!

– Здравствуйте, девочки. – Дядя Миша топтался в гряде каких-то осколков и всем своим видом напоминал сумасшедшего дядечку из телевизора.

– Пап, ну что ты опять натворил? – вздохнула Манька.

– Заставил полку пустыми литровыми банками, а она возьми и рухни. Плохо прибил, значит.

– Литровыми? Вот такими? – показали мы приблизительную высоту банок.

– Да.

Мы похолодели. Литровые банки были самыми дефицитными. Туда закатывали конфитюры, аджику, баклажанную икру, печенные на огне овощи, домашнюю тушенку. Ба доставала эти банки с боем и поэтому тряслась над ними, как над сокровищем. Чуть ли не каждую в лицо знала.

– Я соберу все осколки и выкину. Авось мама не заметит. – Дядя Миша умоляюще посмотрел на нас: – Вы только не говорите ей, ладно?

– Заметит, это же литровые банки, они у нее все наперечет, – обнадежили мы его.

– Мать их за ногу, – пригорюнился дядя Миша.

– Пойдем пирожки есть, а то Ба спустится за нами и увидит, что вы тут натворили, – потянула я его за руку.

– Пойдем.

Пирожков поесть нам не удалось. По кухне, как ошпаренная, металась Ба. Стол был завален свертками с едой. Ба в спешном порядке нарезала хлеб, раскладывала по мискам сыр, соленья и овощи.

– Миша, – выдохнула она, – позвонил Юра, сказал, что едем на тттаттт– лыжи. Я не знаю, почему такая спешка, но он таки умолял поторапливаться. Хорошо, что я успела пирожки дожарить, а то к нашему возвращению тесто бы прокисло. Да! Юра просил взять шампуры и... – Ба выпучилась. – Забыла, что еще просил взять. Наринка, набери домой, узнай, что отцу еще было нужно.

Я побежала вызванивать папу.

– Але? Мам? А что еще папе нужно было, кроме шампуров?

– Ян Амос Коменскийиий! – позвала мама. – Что еще, кроме шампуров, ты у Миши просил?

– Нарды. Скажи, чтобы нарды взял!

– Папа, а сиводни воскресенье или узе рано? – долетел до меня голос Гаянэ.

– Доконала-таки, – удовлетворенно хмыкнула я и положила трубку. – Дядьми-иш, нарды, папа просил нарды взять!

Глава 11. Манюня наводит марафет, или Диалоги Кафки

Однажды прекрасным июньским утром мы сидели в беседке нашего двора и наводили марафет. Мы – это Маринка из тридцать восьмой, Манюня и мы с Каринкой. То есть мы с Манюней и Маринкой наводили марафет, а сестра мастерила рогатку. Маникюр и прочие девчачьи забавы она не особо жаловала, поэтому периодически косилась на нас и выдавала презрительное «пф!».

Двор пустовал: детей на летние каникулы разобрали бабушки, а Рубик вообще уехал в Кисловодск. «Небось нервы лечить», – подумала я, покосившись на сестру.

Каринка откровенно скучала. Терзать было некого. Она стоически терпела наш щебет «ни о чем» и, чтобы не терять навыки, периодически задирали то меня, то Маньку. Мы великодушно ее прощали, потому что понимали – Каринка в печали.

– Через неделю поедим в лагерь, и ты сразу придешь в себя. Детей там много, будет кого мучить, – утешала ее Манюня.

Сестра основательно готовилась к поездке. Сегодня она мастерила третью по счету рогатку. Две другие уже лежали на дне нашего чемодана, для отвода глаз завернутые в папины старые семейники.

– Этой рогаткой я буду брать на мушку вожатых, – сопела сестра, обматывая рукоятку медицинским пластырем, сворованным в домашней аптечке.

Пока Каринка строила апокалипсические планы насчет своего досуга в лагере, мы, по очереди заглядывая в осколок раздобытого на помойке зеркала, наводили марафет. Сначала густым слоем размазали по лицу Сонечкину присыпку, потом нанесли на веки серебрянку, которую своровали из мешков, наваленных в тамбуре четвертого подъезда. Рабочие добавляли ее в какую-то смесь и закрашивали батареи в подъезде. Батареи намертво схватывались металлическим сиянием и несколько недель отчаянно смердели на все четыре стороны. Сами понимаете, пройти мимо такой красоты мы не могли, поэтому воровато отсыпали несколько горстей в оперативно подставленный Маринкин подол. И теперь интригующе отсвечивали в пространство сероватыми веками и бровями.

Потом Манька жестом фокусника достала из кармана кулечек из фольги.

– Видали? – повертела она у нас перед носом.

– А что это? – затрепетали мы.

– Вот! – Она торжественно развернула кулек. Мы уставились на какой-то небольшой коричневый брусочек.

– Это помада? – Не поверили глазам своим.

– А то! Я бы розовую взяла, но ее совсем мало осталось. Зато коричневая новая, у нее ого-го какая длинная эта... ну, эта штукovina, которая выдвигается, когда крутишь тюбик. Помада, в общем. Я отрезала ножом кусочек и завернула в фольгу. Ба ни за что не заметит.

– Какая ты молодец! – обрадовались мы.

Манька довольно засопела.

– Смотрите, как надо правильно ее наносить. – Она собрала губы в бантик, намазюкала их помадой, потом повела губами туда-сюда и несколько раз сказала «па-па», издавая звук вылетающей из бутылки пробки.

– Ооооо, – затрепетали мы.

– Это я специально за Ба подглядывала. Она сначала накрасит губы, потом глядит на свое отражение в зеркале и говорит – «шарман».

– А что такое «шарман»?

– Не знаю, но что-то хорошее, потому что когда она так говорит, то улыбается.

– Может, она говорит не «шарман», а «шаман»? – предположила Каринка.

– Нет, я слушала очень внимательно, она говорит «шагхгхгхман», – забулькала Манька, отчаянно грассируя на «р».

Мы с Маринкой аккуратно нанесли помаду и сказали «па-па». Мань– ка ревниво следила, чтобы мы все сделали правильно. Потом она завернула остатки помады в фольгу и убрала в карман.

– Я чего думаю: может, этот кусочек обратно приклеить? – протянула в задумчивости она.

– Он на вид такой помятый, – засомневались мы.

– Ничего, я приклею, а потом еще пальцем хорошенечко замазюкаю. – Манька пригладила ладошкой боевой чубчик и встала с лавочки. – Ладно, пойдем цветы воровать.

Чтобы сделать себе маникюр и наклеить длинные ресницы, нужно было сорвать несколько цветков космеи и колокольчика с клумбы, которая находилась в палисаднике нашего пятиэтажного дома. Палисадник неустанно курировала тетя Сирун из тринадцатой квартиры. Она ревностно следила, чтобы дети не вытаптывали растения, а в ночь на первое сентября чуть ли не ночевала во дворе, лишь бы не дать неугомонным школьникам разобрать цветы на букеты учителям.

К нашему счастью, тетя Сирун сегодня не маячила вокруг клумбы. Мы быстренько сорвали несколько цветков и пустились наутек.

Вы знаете, как сделать себе красивые ресницы? Нужно аккуратно развернуть венчик колокольчика, поплевать на голубенькие лепестки и обклеить ими веки. А на маникюр пустить лепестки космеи.

Через десять минут мы превратились в писаных красавиц.

– Ну как? – обернулись мы к Каринке.

Сестра по очереди прицелилась в каждую из новой рогатки.

– Чучундры!

– От чучундры слышим!

Осторожно моргая отяжелевшими от лепестков веками, мы по очереди заглядывали в осколок зеркала. И, удивительное дело, с каждым заходом казались себе все краше и краше!

– Прогуляемся по Ленина, что ли? – предложила Манька.

– Аха!

– Я с вами пойду, только следом. Не хочется дурой выглядеть. Но если кто начнет задирать вас, то я его поколочу, – оживилась Каринка.

И мы пошли на Ленина, укладывая всех штабелями. Впереди, растопырив пальцы, чтобы нечаянно не испортить маникюр, гарцевали писаные красавицы, а сзади, метрах в пяти, со скучающим видом тащилась Каринка и делала такое лицо, словно знать нас не знает.

Прохожие живо реагировали на нашу красоту.

Кто-то, показывая пальцем, откровенно смеялся, кто-то опасливо обходил нас стороной. Одна тетечка велела возвращаться домой и незамедлительно смыть безобразие с лица, другая покачала головой и пригрозила рассказать все нашим родителям.

– Я же говорила, что вы настоящие чучундры, – сопела сзади Каринка.

– Ты обещала защищать нас, а сама только обзываешься, – обижались мы.

– Так не могу же я взрослых колотить! Были бы ровесники, другое дело!

Оскорбленные черствостью и узколобостью окружающего мира, мы уже собирались возвращаться во двор, но тут заметили на том конце улицы оранжевый рейсовый «ПАЗик». Автобусы никогда не проезжали по этой части городка, поэтому мы замерли, разинув от удивления рты.

Между тем «ПАЗик» шумно затормозил прямо возле нашего дома. «Товуз-Берд», – прочитали мы на лобовом стекле. Так это был маршрут из азербайджанского города Товуз!

Пока мы изучали табличку, распахнулись двери, и на тротуар спрыгнули двое мужчин. Они споро вытащили несколько сумок, а потом помогли выйти какой-то женщине в белой кружевной косыночке и светлом летнем пальто. У нас отвисли челюсти. Это была наша бабуля!

– Астарожны, Анастасияиванна, – галантно приседали мужчины.

– Спасибо, голубчики, – поблагодарила Анастасияиванна и обернулась к водителю: – Гарик-жан, так мило было с твоей стороны сделать крюк, чтобы довезти меня до дома!

– Пожалуйста, Анастасияиванна, – приподнял кепку-аэропорт Гарик-жан и, радостно библикнув в клаксон, развернулся, чтобы проехать к автостанции.

– Бабуля, – закричали мы, – бабулечка! Почему ты не предупредила, что едешь? Папа бы за тобой на машине приехал!

– Что с вами, девочки? – испугалась бабуля. – Что с вашими лицами?

– Это мы марафет наводили. Вот мама обрадуется, – прыгали мы, – вот это даааа!!!

– Я решила сделать вам сюрприз. В семь утра выехала из Кировабада, в одиннадцать была пересадка в Товузе. И вот я здесь. Водитель Гарик-жан любезно довез меня до дома, а эти двое мужчин помогли вытащить сумки.

На людях бабуля могла отвечать невпопад. Слух у нее всегда был слабенький – давала о себе знать контузия, полученная на войне, а с возрастом стало так плохо, что пришлось покупать слуховой аппарат. Но на улице она его снимала, стеснялась. Поэтому разговаривать с бабулей нужно было на повышенных тонах, активно жестикулируя лицом. Что мы и делали. В процессе жестикуляции посеяли накладные ресницы, а когда вцепились в сумки – растеряли маникюр. Но сейчас это так мало нас волновало!

Ах, как радовалась мама, когда увидела бабулю, как она обнимала ее и целовала.

– Мамочка, ну что же ты одна поехала, ну как же так? – причитала она. – Мамочка, как хорошо, что ты приехала, господи, счастье какое!

Пока мама бурно радовалась приезду бабули, мы прокрались в ванную и смыли с лица весь марафет. От греха подальше. А потом ходили за бабулей по пятам, куда она – туда и мы. Бабуля надела слуховой аппарат и теперь вполне исчерпывающе отвечала на все вопросы, рассказывала о наших племянницах Ирише и Аленке, показывала фотографии, обнимала нас и целовала и не спускала с рук Гаянэ и Сонечку.

– Зачем ты их на руки взяла, они ведь тяжелые, – беспокоилась мама.

– Мам, я не тязелая, я тут цутоцку попу подняла, видишь как, и стала легче на целый полкило, – объяснила Гаянэ и прижалась щекой к бабулиной щеке. – Уууу, как я тебя люблю, аз сильносильно люблю!

Сонечка тут же ревниво оттолкнула Гаянэ.

– Ня! Тока Сонуцка юбю бабуя!

– Я вас всех сильно-сильно люблю, – заверила нас бабуля и поцеловала каждую в макушку.

Потом вернулся с работы папа, и бабуля тут же начала называть его «мой зять золото», а папа покрывался в ответ мурашками и благодарственно мычал «мьееее». В общем, день удался на все сто!

Следующим утром в ожидании Манюни мы с сестрой гасили в луже карбид и, принюхиваясь к специфическому запаху, дружно говорили: «Фуууу». Маринка не стала к нам спускаться.

– Как только Манька придет, поднимайтесь ко мне, я вам чего расскажу, – крикнула она.

– Чего расскажешь?

– А не скажу!

– Ну хоть намекни.

– Я бы намекнула, но у меня живот болит, – сделала жалобное лицо Маринка и с шумом захлопнула окно.

Мы с сестрой переглянулись. Маринка была неоценимым источником информации. Все важные новости мы узнавали от нее. Благодаря Маринке мы весьма туманно, но в целом представляли, как получают дети (мужчина обнимает женщину и писает на нее), почему у Ритки из тридцать пятой такая злющая мама (у Риткиного папы завелась любовница), почему у тети Зои из восьмой квартиры на бельевых веревках круглый год сушатся кальсоны с начесом (она сильно простыла и теперь греет задницу тумбанами).

Для нас у Маринки всегда была припасена какая-нибудь сногшибательная новость. Недавно, например, она шепотом поведала нам, что видела писюн своего брата Сурика.

– Представляете, девочки, он спал, как всегда, в носках, а трусы свернулись набок, и все хозяйство было на виду, – озираясь по сторонам, рассказывала Маринка. – Это такой ужас, вы не представляете, какой ужас!

– А чего там у него нового? Небось такой же дурацкий комплект, как у статуи Давида, можно подумать! – фыркнули мы.

В минуты тягостных раздумий о несправедливом устройстве мира (преимущественно эти минуты случались, когда нам особенно сильно попадало от мамы), мы открывали альбом творческого наследия эпохи Возрождения и долго разглядывали причиндалы Давида. Утешались.

– Вон, – потирая зудящее ухо, говорила Каринка, – а представляешь, если бы у тебя тоже такая фигулина была? Это же кошмар! С такой фигулиной прямо сразу ложись и помирай!

– Угум, – вздыхала я, – вот ведь несчастные люди эти мальчики!

Но Маринка заверила нас, что статуя Давида – это просто цветочки, и мы какое-то время пребывали в оцепенении, боясь представить, ЧТО у Сурика в трусах, если фигулина Давида – это цветочки.

Манька явилась сильно задумчивая, с виноватым выражением на лице.

– Ты чего? – заволновались мы.

– Да так, – она шмыгнула и повела ногой туда-сюда.

– Ба наказала?

– Угум.

– Когда?

– С утра. Полезла зачем-то в свою косметику и сразу заметила, что я испортила помаду, ну и... – Манька горестно вздохнула.

– И чего?

– Можно подумать, вы не знаете «и чего», – рассердилась Манька, – и того! Оттаскала меня за уши да пребольно по попе ударила. Три раза.

– До сих пор болит? – Мы по очереди потрогали Манькины уши.

– Да не. Она не хотела меня отпускать гулять, но потом смягчилась. И сказала, что к обеду придет проведать вашу бабулю.

– Ну и ладно, главное – отпустила тебя погулять. Пойдем к Маринке, она обещала нам рассказать чего интересного.

– Пойдем! – Манино горе как рукой сняло.

Мы поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверь тридцать восьмой квартиры. Открыл нам ничего не подозревающий Сурик. Сами того не желая, мы, как по команде, устались ему на штаны. Сурик нервно поежился, свел колени и прикрыл рукой ширинку.

– Вы чего? – пробасил он.

– Да так, – осуждающе глянули мы на него и шагнули в коридор. Объяснять что-либо усатому тринадцатилетнему подростку, у которого между ног даже не цветочки Давида, а не пойми что, мы не посчитали нужным.

Сурик засопел и обиженно пошевелил густыми бровями.

– Идите в большую комнату, посидите пока на диване. Маринка в туалете. Срет, – мстительно заорал он в сторону туалета, безошибочно вычислив источник нашего неласкового поведения.

– Сурик, ты еще пожалеешь, что на свет родился, понял? – заклокотала Маринка.

– Ахахаааа, – игогокнул Сурик и, победно хлопнув дверью, укрылся в спальне.

– Марин, ты там долго? – поскреблись мы в туалет.

– Да нет, скоро выхожу.

Мы прошли в большую комнату и уселись на диван. Взяли из хрустальной вазочки по горсти сушеного кизила, стали есть, отчаянно grimасничая – кизил оказался таким зубодробительно кислым, что есть его, сохраняя каменное выражение лица, не представлялось возможным. Про такой кизил в нашем городке говорят: «Засунь в задницу ослу – рванет с места со скоростью сто километров в час». Правда, такое говорят не только о кислом кизиле, но и об остром перце. Как раз на днях Ба купила на базаре килограмм нормального на вид болгарского перца, а он через один оказался невероятно острым. «Засунь ослу в задницу, и он рванет с места со скоростью сто километров в час», – ругалась Ба. Мы слушали ее и нервно представляли, как может рвануть с места несчастный осел, если у него в попе такое острый перец.

Через несколько минут притащилась бледная Маринка и пожаловалась, что с утра не вылезает из туалета.

– Мама пригрозила по телефону, что вернется с работы и сделает мне клизму.

– А что ты ела?

– Да вроде ничего такого. Если только вот этого кизила вчера переела.

Мы испугались и высыпали кизил обратно в вазочку.

– Ну конечно, если столько кислого есть! – постучала по лбу Карин–ка. – Так не только понос может приключиться, но и заворот кишок.

– А что такое заворот кишок?

– Я думаю, это когда кишки заворачиваются бубликом, и живот сильно болит.

– Надо тогда поменьше щавеля и алычи есть, – решили мы.

И тут Маринка вспомнила, чего хотела нам рассказать.

– Вы представляете, девочки, к Инге с первого этажа приехала тетя. Показать врачу по нервам. Мне вчера вечером Инга

рассказывала. Знаете, как она разговаривает?

– Кто, Инга?

– Нет, тетя.

– Как?

– Вот так: «Инга, передай мне хр...»

– Чего хр.? – заволновались мы.

– Хр. – это заснула, понимаете? Храпит. Она, допустим, сидит за столом и говорит: «Инга, передай мне хр.», – а Инга терпеливо ждет, пока тетя проснется и наконец скажет, чего ей надо.

– Да ладно! – выпучились мы.

– Клянусь! – Маринка показала растопыренные руки и высунула язык. – Видите? Я язык не прикусила, и пальцы не скрестила, и ноги у меня стоят ровно, и даже пальцы на ногах вразброс! Ничего не скрестила!

– А Инга?

– И Инга ничего не скрестила, я специально проверяла.

– Чтожеделать, чтожеделать! – заволновались мы. Нестерпимо захотелось хоть краем глаза взглянуть на Ингину тетю.

– Я сегодня поправлюсь, а с утра мы придумаем, как сходить и посмотреть на нее, ладно?

– Ладно.

Мы посидели еще с полчасика, полюбовались содержимым домашнего бара, принюхались ко всем початым бутылкам, потом надушились духами Маринкиной мамы и пошли домой – обедать.

Когда зашли в квартиру, наткнулись на ботинки деда. Его обувь мы бы узнали из тысячи других пар – в любое время года она была густо нагутаалинена и доведена щеткой до зеркального блеска. Рядом с ботинками деда стояли низенькие белые лодочки Ба.

– Вырядилась, – хмыкнула Манька.

Первым делом мы заглянули на кухню, попить воды. Мама сновала между плитой и разделочной доской, нарезала закуску, подогревала обед.

– Здравсти, Тетьнадь, – ткнулась лбом ей в живот Манька.

– Здравствуй, Манюнечка, – погладила Маню по волосам мама.

– А где Ба?

– Они с дедом и бабулей на балконе, дома им душно. Идите, поздоровайтесь, поговорите с ними, пока я на стол накрываю.

Мы уже собрались идти на балкон, но тут на кухню влетела Ба и со словами: «Надя, я так больше не могу», – рухнула на стул и мелко затряслась в хохоте.

Мы сразу поняли, что так развеселило Ба. Дед, несмотря на два высших образования, из рук вон плохо говорил по-русски, а бабулин беглый русский не понимал вообще. Бабуля, в свою очередь, стеснялась сидеть при нем в слуховом аппарате, поэтому вечно отвечала невпопад. К тому же у деда было труднопроизносимое для нашей русской бабули имя – Драстамат Арутюнович. Мы не раз предлагали бабуле называть его просто сватом, но она не соглашалась и с завидным упорством штурмовала имя деда.

Мама называла их разговоры «Кафка отдыхает».

Мы тихонечко прокрались в детскую и, затаившись за шторами, стали подслушивать светскую беседу деда и бабули.

– Как здАров? – любопытствовал дед.

– Погода? Погода, Дарстармарк Арутюнович, в Кировабаде очень жаркая, – зачастила с готовностью бабуля. – Иногда по ночам плюс сорок, вы можете себе такое представить? Приходится заворачиваться в мокрые простыни. Они хоть на какое-то время, но спасают от духоты.

Бабуля сделала скорбное лицо и покачала головой.

– ХАрош! – задвигал бровями дед. Он смутно понимал, что бабуля отвечает не совсем по существу, но направить разговор в нужное русло не мог – не хватало лексикона. – А как син? – поинтересовался дед.

– Дорога? Дорога, Дарстрамак Аратюндович, была совершенно изумительной! Мне повезло с водителем «ПАЗика», такой оказался обходительный мужчина Гарик-жан! Он нарушил маршрут и довез меня до дома, представляете?

Дед заметно оживился. В бабулиной тираде он опознал аж три знакомых слова – «ПАЗик», Гарик и маршрут. «Так, – подумал он, – видимо, сватья ехала на автобусе, и водителем был Гарик. Только который Гарик, усатый или внук рябого Смбата? Как бы уточнить?»

– Да! – сделал неимоверное лингвистическое усилие дед. – Гарик бил с ус? – И повел над губой пальцем, показывая очертания Гариковых усов.

«Вон оно как, – пошла путем логических измышлений бабуля, – показывает возле рта, значит, имеет в виду сына, Юрик ведь стоматолог!»

– Юрик-жан прекрасный зять, Дырбырдыр Арудрюнович, вы воспитали замечательного сына, мой зять – золото! – отрапортовала она.

Дырбырдыру Арудрюновичу ничего не оставалось, как растерянно крякнуть.

– Деда, – не вытерпела сидящая на коленях у бабули Гаянэ, – вы оба шамашедшие, да?

Ба корчилась на нашей кровати, из последних сил сдерживая мучительный приступ смеха.

– Надя, – рыдала она, – это что же такое творится, а? Что за праздник души такой?!

– Ыхыхыыыы, – мама выползла на балкон и по очереди расцеловала деда с бабулей, – счастье-то какое, простите меня, любимые мои, но счастье-то какое, господи!

Глава 12. Манюня подглядывает за Ингиной тетей, или Как мы собирались в пионерлагерь «Колагир»

Мама выделила нам с Каринкой один чемодан на двоих.

Чемодан был новый, большой, вполне себе солидный, с малепусеньким ключиком и кодовым замком в двухзначное число.

Вооот.

Надеюсь, никто не станет спорить, что один чемодан на двоих – это отличный повод для смертоубийства. По крайней мере – для нормальных среднестатистических советских детей.

Сначала мы подрались просто так, от переполняющих нас чувств. Манька, как опытный рефери, какое-то время бегала вокруг, а когда увидела, что дела плохи и Каринка вот-вот вырвет мне кадык, навалилась на нее и оттащила в противоположный угол комнаты. Через минуту мы снова сцепились, потому что никак не могли решить, у кого вещи в чемодане будут лежать справа, а у кого – слева. Потом мы подрались из-за ключика. Потом мы подрались, потому что мирным путем выбрать цифровую комбинацию на кодовом замке у нас не получилось.

А потом на шум прибежала мама, вывернула нам уши, отобрала ключ и установила код 27.

– Ты родилась 14-го, а ты – 13-го, в сумме будет 27. Ясно?

– Но... – запричитали мы.

– Никаких но! – дыхнула огнем мама. – А будете плохо себя вести, в «Колагир» не поедете.

В «Колагир» хотелось всем, поэтому мы старались вести себя по возможности тише воды, ниже травы. Вот и сегодня, как только контуженный светским разговором с бабулей дед вернулся к себе на работу, мы оставили взрослых в гостиной, а сами заперлись в детской. День провели в героической тишине, шушукались об Ингиной тете, по пятьсот раз перепрыгивали Каринкины рогатки и мечтали о том, как здорово мы проведем время в пионерлагере с таинственным названием «Колагир».

Вообще дед легко мог организовать нам путевки в «Артек» или в любой другой хороший пионерлагерь. Он долгое время проработал первым секретарем райкома, ездил на разные съезды республиканского и всесоюзного значения, имел немало влиятельных друзей. Но. Партийцем был идейным, свято верил в победу коммунизма и обладал славой кристально честного человека. Чем сильно затруднял жизнь своей семьи.

Когда бабушка Тата заикнулась о покупке радио, мол, Драстаматджан, свет очей моих, пусть Бог дарует тебе вечную удачу, здоровье и долгие годы процветания, тебе и твоим партийным друзьям! И их семьям!

– Так, – напрягся дед.

– У всех наших друзей есть радио, почему бы и нам не купить? – затрепетала Тата.

– Тата, ты мне не жена, а классовый враг! – стукнул по столу кулаком дед. – Половина жителей нашей республики до сих пор живет без радио и не имеет представления о рекордном урожае хлопка в Узбекской Советской Социалистической Республике. А ты, мешанка такая, просишь у меня радио!

– Драстамат, – пошла обходными путями Тата, – если у второй половины республики уже есть радио, то почему бы и нам не купить?

Подумай сам: Лева учится в шестом классе, Юрик – в четвертом. Зоя пошла в первый класс. Разве это порядок, когда дети первого секретаря райкома ничего не знают о рекордном урожае хлопка в Узбекской Советской Социалистической Республике? Дай бог здоровья и долгих лет процветания тебе, твоим партийным друзьям, их семьям, а также всему узбекскому народу?!

Драстамат от возмущения побагровел и заговорил лозунгами.
– Только после того, как наш сосед Леван! Купит радио!
Только после этого! И мы купим! Ясно? – пророкотал он и, хлопнув дверью, закрылся в кабинете. Медитировать на партбилет.

Зачем глухому как пень Левану, который круглый год спасается от сварливой жены, запираясь в хлеве, радио, Драстамат уточнять не стал. Видимо, из каких-то идейных соображений.

– Мам, – обступили Тату дети, – и чего теперь? Радио не будет?

Тата вздохнула, усадила детей делать уроки, а сама пошла пропалывать огород. Потому что жене первого секретаря райкома, учительнице математики и матери пятерых детей не пристало покупать овощи на базаре. Не дай бог люди подумают, что ее муж разворовывает народную собственность и на эти нетрудовые доходы содержит семью!

Тата споро прополола огород, замесила тесто для хлеба, вычистила от помета курятник, подмела двор, приготовила обед, проверила тетради сыновей и выпорола каждого палкой для взбивания шерсти. А потом, собравшись с духом, пошла к мужу. Мириться.

– Драстамат, – поскреблась она в дверь кабинета, – чаю будешь?

– Налей мне кипятку, – зашуршал страницами «Капитала» Драстамат, – сахару не надо, оставь детям.

С возрастом дед ничуть не изменился, поэтому, когда замученная нашими шкодливыми выходками мама подняла вопрос о лагере, никто не сомневался, что путевки он возьмет только в «Колагир».

«Колагир» был совершенно невзрачным пионерлагерем местечкового масштаба, находился в часе езды от нашего городка, отличался скромными интерьерами и отвратительной кухней.

Впрочем, об этом мы пока не догадывались и, потирая руки, строили планы на предстоящий сказочный отдых.

– Почти целый месяц без взрослых! Делай что хочешь! Разводи костры, уди рыбу, играй в казаков-разбойников, стреляй из рогатки! – перечисляла Каринка.

– Не надо на скрипке по два часа в день пиликать, – закатывала глаза Манька.

– И на пианино играть не надо, – поддакивала я.

– Вот оно счастье, – вздыхали хором мы.

Потом зазвенел телефон, и мы рванули отвечать. После небольшого мордобоя трубку все-таки подняла я.

– Але!

– Сделали, – раздался таинственный шепот.

– Что сделали?

– Клизму.

Я крепко задумалась.

– Чивой это? – Манька с Каринкой, затаив дыхание, следили за выражением моего лица. Выражение лица, видимо, было невнятным, поэтому они полезли мордочками в трубку и заорали: – А кто это и чего надо?

– Грю, клизму сделали, – зашипела трубка.

– Чего говорит?

– Говорит – клизму сделали. А, это Маринка! – осенило меня. – Марин, это ты?

– Я!

– А чего шипишь?

– Я не шипю... шиплю, я шепотом говорю, чтобы Сурик не слышал. А то он дразнится, – объяснила Маринка.

– И как ты себя чувствуешь?

– Не знаю. Там посмотрим. Я чего звоню. Вы не ходили к Инге?

– Неа, ну мы же обещали, что не пойдём без тебя.

– Спасибо, – обрадовалась Маринка, – ну все, тогда до завтра.

– До завтра. – Я положила трубку.

Девочки смотрели на меня во все глаза.

– Ну?

– Говорит – клизму сделали. Завтра пойдём подглядывать за Ингиной тетей.

– Надо было предупредить, чтобы она не ела сушеного кизила, – проворчала Каринка.

– Ну, она же не дура!

– Не дура. Но предупредить надо было.

Я хотела набрать Маринке, но тут из гостиной вышла Ба и сказала, что уже восьмой час, и им с Манюней пора домой. Мы с сестрой сначала проводили их до двери, потом долго махали вслед с балкона, а Манька ежеминутно оборачивалась и посылала нам воздушные поцелуи. Потом она споткнулась, чуть не упала, заработала мощный подзатыльник от Ба и понуро поплелась дальше. Но если вы думаете, что на этом Манька успокоилась, то очень ошибаетесь. Оборачиваться она больше не стала, но завела руку за спину и периодически «трепыхала» нам ладошкой.

Бабуля с умилением наблюдала за нами.

– Вот ведь какая у вас дружба хорошая, – улыбнулась она.

– Какая дружба?

– Дружба с Манечкой.

– Бабуль, дружба у нас с Маринкой из тридцать восьмой. И с Риткой из тридцать пятой. А с Маней у нас это... – Мы крепко задумались, что же у нас с Маней.

– Родство душ? – подсказала бабуля.

– Да! – обрадовались мы. – У нас с Маней вотэтовот, и еще она нам как сестра!

– Ну и славно. – Бабуля мелко перекрестила сначала нас, а потом Ба с Маней. – Пусть все у вас будет хорошо!

Мы захихикали.

– Если бы Ба видела, что ты ее в спину перекрестила, она бы задала тебе жару!

Потом мы какое-то время пугали бабулю рассказами о том, что если летучая мышь вцепится тебе в лицо, то оторвать ее вжисть не сможешь.

– Да ладно, – прятала улыбку бабуля.

– А то! И еще в озере Цили, недалеко от которого находится пионерлагерь «Колагир», водятся двухголовые змеи.

– Уж прямо двухголовые, – смеялась бабуля.

– Ага, двухголовые, одна голова с этого конца, а другая с другого. Эти змеи выползают ночью на берег и заглатывают всех людей на

своим пути.

Потом мы вспомнили, что не закрыли чемодан, и побежали в детскую. И тут началось форменное светопреставление, потому что, пока мы прохлаждались на балконе, до чемодана добралась Гаянэ. Она вытащила наши вещи, сложила туда свои игрушки, потыкала пальчиком в кодовый замок и захлопнула крышку.

– Ааааа! – заорали мы. – Ты чего натворила, зачем чемодан закрыла?

– Я то же хочу в пиянельягерь, – топнула ножкой Гаянэ.

Мы попытались открыть чемодан, но куда там! На число 27 замок упорно не реагировал.

– Умапалата! Ты хотя бы приблизительно можешь сказать, какое число набрала перед тем, как захлопнуть чемодан?

– Сорок восемь!

– Ты знаешь, как выглядит это число?

– Знаю. Там вот такая штучка и вот такая, – начертила пальчиком в воздухе загогулины сестра.

Ни на сорок восемь, ни на восемьдесят четыре, ни на другие возможные комбинации с цифрами четыре и восемь кодовый замок не реагировал. Сестру от самосуда спасла бабуля. Она прикрыла ее собой и сказала, что Гаянэ тоже приходится несладко, потому что она заперла свои игрушки и не может теперь играть. Как только Гаянэ услышала об этом, она тут же подняла крик на весь дом.

– Отдайте мне мои игрушки, – выла корабельной сиреной она, – не хочу я в пиянельягерь в нивкакой, только верните мне игрушкииии, мишку верните, и зайчика верните, и куклу верните, и ведерко верните, и кукольный домик вернитееее.

– Какой кукольный домик? Нет у тебя никакого кукольного домика, – опешили мы.

– А мозет, он в чемодане появился узе, откуда вы знаетееее, – заливалась горячими слезами Гаянэ.

Мама принесла тетрадку, вывела в столбик все числа от 01 до 99, и мы стали по очереди набирать их на кодовом замке.

– Гаечка, милая, – ворковала бабуля, – а на что были похожи эти цифры?

– На цывыточек и на булочку, – сквозь слезы рассказывала Гаянэ.

– Убью, – ругалась Каринка и вычеркивала очередное число в тетрадке, – набери теперь семьдесят шесть.

– Семьдесят шесть, – возвещала я.

Чемодан не открывался.

На 83 у меня запотели ладони, на 95 я вспотела насквозь, а когда и на число 99 замок не отреагировал, то хором завывали уже все девочки.

– Да что это за наказание такое, – причитала мама, – ни одного дня без потрясений!

– Ааааа, – гудела Гаянэ, – верните мне мои игрушки и мишку-ведерко-куклу и кукольный домик вернитееееее. И много-много зувачек тозе верните!!!

– Это не ребенок, а стоматолог Шпак какой-то, – разводила руками бабуля.

Мы еще минут десять попрыгали вокруг чемодана, а потом Каринка побежала за инструментами, чтобы разобрать замок.

Но тут, к нашему счастью, вернулся папа, оперативно вник в ситуацию, отобрал у Каринки молоток с отверткой, глянул в тетрадь с перечеркнутыми числами.

– Ноль-ноль набирали?

– Нет, – заплакала мама.

«Мой зять золото» набрал ноль-ноль и под всеобщее ликование открыл чемодан.

– Я же сказала, что набрала сорок восемь! И ваш чумадан мне не ну– зен, и ваш пиянельягерь тозе не нузен, вот! – Гаянэ выгрехала свои

игрушки, втянула голову в плечи и, смешно двигая лопатками, ретировалась в родительскую спальню. Оплакивать свою горькую судьбу в мамину ночнушку.

Спать мы легли только к полуночи. Сначала по новой раскладывали вещи, потом чистили на скорость зубы, а потом подглядывали, как бабуля молится на миниатюру Тороса Рослина «Благовещение». Икон дома не водилось ввиду папиного критического отношения к религии, поэтому бабуля, ничтоже сумняшеся, определила под иконостас альбом средневековой армянской миниатюры. С особенным пиететом она относилась к Рослину.

– Душевные какие, – приговаривала она, подолгу рассматривая каждую его работу.

* * *

Назавтра четыре всадника Апокалипсиса топтались возле Маринкиного подъезда. Долго ломали головы, раздумывая, как повернуть такую архисложнейшую операцию, как подглядывание за чужой тетей. Сначала решили просто напроситься в гости к Инге. Но открыла Ингина мама и сказала, что Инга на два дня уехала с папой в Дилижан.

– Проведать дедушку, – объяснила она.

Идти в гости к Инге, когда ее нет, как-то глупо, поэтому мы несолоно хлебавши отправились горевать в беседку. Сначала Маринка в подробностях рассказывала, как ей делали клизму, и как потом Сурик до поздней ночи обзывал ее «впопетрубкой». Потом, вдоволь нагоровавшись из-за того, что не видать нам Ингиной тети, мы пошли кататься на качелях. Качели были старые и покореженные и при раскачивании издавали такой душераздирающий лязг, словно все привидения мира собрались в нашем дворе – побряцать своими цепями. Мы скорбно качались под кен-тервильский реквием и чувствовали себя самым несчастными девочками на свете.

– Стоп! – вдруг заорала Каринка.

– Чивой? – затормозили мы ногами в землю. Скрип оборвался.

– За токарюм стоит стул. Так?

– Так! – встрепенулись мы.

* * *

Токаром называли небольшое сооружение с электрическими щитами, которое находилось во дворе нашего дома. Иногда к этому сооружению приходили электрики, отключали во всем доме электричество и начинали с важным видом ковыряться в проводах. Через секунду после того как отключали электричество, из окон гроздьями высыпали домохозяйки и нервно поторапливали электриков:

– Когда свет дадите? Холоделники размораживаются!!!

– Женщины, не мешайте работать! – огрызались электрики и продолжали ковыряться в проводах.

– Вы «не мешайте работать» будете своим женам говорить, ясно? – клокотали домохозяйки. – Включите токар, говорят вам – холоделники размораживаются!

Сестра была права, за токаром действительно стоял старый, обшарпанный стул. На него взбирались электрики, когда ковырялись в проводах.

– Вот! – продолжила Каринка. – Инга живет на первом этаже. Если притащить этот стул под окна и взобраться на него, то...

Мы не дали Каринке договорить, соскочили с качелей и рванули к то– кару. Все верно, Инга живет на первом этаже, и если подставить под окна стул да взобраться на него, то вполне можно увидеть, что творится в гостиной и на кухне ее квартиры.

– Какая ты умная, Каринка, – радовались мы на бегу.

– Я умная и находчивая, – сопела Каринка и всячески раздувала щеки от гордости.

У всех в жизни когда-нибудь случается звездный час. У Маньки, например, звездный час настал, когда она нашла Дядимишины права. Все уже отчаялись их искать, а Манька нашла. За дровяной печкой. Дядя Миша на радостях подарил ей десять рублей, и мы целую неделю обедались коржиками и мороженым и напивались лимонадом «Буратино» до полного изнеможения.

У Каринки звездный час настал прямо сейчас, как только она догадалась поставить стул под окна Ингиной квартиры. Правда, никто не собирался за это ей десять рублей отдавать. А жаль. Еще одна беспробудная неделя с коржиками, мороженым и лимонадом была бы нам очень кстати.

А следом, совершенно неожиданно, звездный час настал для меня, потому что я была самой высокой девочкой, и только мне было видно, что творится в Ингиной квартире.

– Ты это, аккуратнее, – инструктировала меня Маринка, – показывайся в окне ненадолго, а то тебя заметят и прогонят.

– Жаль, что у Нарки глаза не на перепонках, – вздыхала Манька.

– На каких перепонках?

– Ну, на этих. Которые веревочками из глаз вылезают.

– Это не перепонки, это щупальца, – постучала по лбу я.

– Щупальца так щупальца, – не стала спорить Манька. – А было бы вообще шикарно – вытянула глаза и все видишь, а сама внизу спряталась. Нарк, там на бельевой веревке какая-то тряпка висит, ты накинь ее на голову, и тогда тебя никто не увидит.

Я осторожно подтянула к себе тряпку. Выглядела она не очень – была вся в каких-то разводах и пахла сыростью.

– Фу, – поморщилась я, – этой тряпкой полы моют!

– Никаких «фу», – отрезала Манька, – потом выкупаешься – и все дела. Давай подсматривай быстренько, а то сейчас кто-нибудь из

взрослых нас заметит и прогонит из-под окон.

Делать было нечего, я зажала нос пальцами, накинула на голову тряпку и, поднявшись на цыпочки, заглянула в окно. Ингину тетю я заметила сразу. Она была очень похожа на Ингину маму – такая же круглощекая, с густыми вьющимися волосами, сидела на угловом диванчике и мерно качала головой.

– Ну чего? – зашипели девочки.

– Да вот, – доложила я, – вижу ее. Головой кивает.

– Кому кивает?

– Никому. На кухне больше никого нет. Сидит и сама себе кивает головой.

– Храпит?

– Может, и храпит, но мне не слышно. Но головой качает постоянно.

– Ооооо, – затрепетали девочки, – вон оно как! А расскажи, что там еще происходит!

Я поправила на голове тряпку, привстала на цыпочки, заглянула в окно и похолодела – Ингина тетя смотрела на меня расширившимися от ужаса глазами и, хватая воздух ртом, тыкала пальцем в окно!

– Ааааа! – заорала я, кубарем скатилась со стула и, придерживая тряпку на голове, пустилась наутек.

– Ааааа! – заорали девочки и побежали следом. В арьергарде, гремя стулом, летела Манька.

– Вы чего орете, нас по крику вычислят! – шикнула Ка–ринка.

Остальной отрезок пути мы проделали в молчании, бежали, отчаянно выпучившись глазами на перепонках. Или на щупальцах, один хрен.

Ворвались в беседку и рухнули на лавочки.

– Она меня заметила, – скулила я, – теперь нажалуется маме, и мне влетиит!

– Ничего не влетит, – выдохнула Маринка, – вряд ли Ингина тетя кого-то под тряпкой разглядела. А чем она тебя так напугала?

– Ничем. Она сама испугалась. Меня заметила и испугалась.

Девочки мелко затряслись в хохоте.

– Теперь Ингина тетя никогда не заснет. Ты ее вылечила от болезни, – задыхалась Каринка.

– Аааа, ооооо, – подвывали мы и хватались за бока, – теперь она никогда не будет храпеть!

Конечно, мы понимали, что поступили очень и очень нехорошо. Но чем отчетливее мы это осознавали, тем громче смеялись.

– А зачем ты стул с собой потащила? – пытали мы сквозь слезы Маньку.

– Ну, я видела, что Нарка рванула с тряпкой на голове, вот и потащила стул, – объясняла Манька.

– Ахахаааа, – рыдали мы, – ахахаааа...

Я оставлю нас корчиться от смеха в беседке и вот чего вам скажу (делает строгое лицо и качает головой): если ты по глупости напугал ни в чем не повинную чужую Ингину тетю, то должен быть готов к тому, что это аукнется тебе какой-нибудь бякой. Легионами кусачих комаров, россыпью мошкары в первом, втором и даже компоте, сумасшедшим горнистом, туалетом типа «деревенский сортир» со шквальным сквозняком из всех щелей в стенах, – вот чем аукнется тебе твое необдуманное поведение.

Напугал ни в чем не повинную тетю – получай незабываемый отдых в пионерлагере с таинственным названием «Колагир».

Ыхыхыыыыы (злобный, продолжительный смех).

Глава 13. Манюня приезжает в пионерлагерь «Колагир», или Сюзанна, товарищ Маргарита и другие

Ба не горела желанием отправлять нас в «Колагир».

– Знаю я эти пионерлагеря, – бурчала она, – кормят из рук вон плохо, антисанитария, вожатые разбалбесы и два слова связать не умеют.

Но замученные нашими выходками родители были очень даже за, чтобы мы съездили в лагерь.

– Пусть и вожатым будет плохо, – злорадствовал дядя Миша.

– Сделаем небольшой косметический ремонт в детской, – радовалась мама.

– Отдохнем! – припечатывал папа.

Если у родителей и были какие-то сомнения насчет нас, то их безжалостным образом развеяла Каринка. Погожим майским днем, пока папа с дядей Мишей нанизывали на шампуры мясо, а мама с Ба накрывали стол для пикника, сестра решила скрасить томительные минуты ожидания очередным актом вандализма и крест-накрест раскроила водительское сиденье папиной «копейки». Консервным ножом. «Хотелось узнать – пружины там или опилки», – орала она, пока мама выкручивала ей уши.

– Лагерь так лагерь, – сдала бастионы Ба, опасливо косясь на папино дергающееся веко.

– Вот и славно, – обрадовался дядя Миша, – а пока Маня будет в лагере, ты можешь съездить в Новороссийск, к Фae. Она давно зазывает тебя в гости, но ты никак не выберешься.

И наступили лихорадочные времена. Мы пребывали в радостном ожидании отдыха, мама придумывала, в какой цвет перекрасить стены в детской (нужно, чтобы успокаивающий и одновременно немаркий), а Ба, приговаривая: «Не поеду же я без подарков к Фae, которая Жмайлик», – шантажировала геенной огненной несчастного товароведа городского универмага.

Папа скорбно высчитывал, во сколько ему обойдутся новая обивка для сиденья и ремонт детской.

– Вылечу в трубу, – долетали до нас его горестные стенания.

– Обязательно выкрутимся, – не сдавалась мама.

А с Дядимишиного лица не сходила улыбка счастья. Все, конечно, отлично понимали, чему он радуется, но скромно об этом молчали. Кроме Ба, разумеется.

– Приведешь хоть одну свою козу в мой дом – и тебе несдобровать, ясно? – грохотала она.

– Мам, ну с чего ты это взяла?

– Я сказала, а ты меня слышал. Если нога хоть одной твой чучундры ступит на порог моего дома, я устрою тебе такой скандал, что мало не покажется. И предупреждаю сразу – Валя будет приглядывать за тобой. И за домом!

Соседку Валю в свое время коварно бросил муж, сбежав от нее аж в далекий Казахстан. Он нашел себе там тихую и покладистую русскую женщину и возвращаться домой отказался напрочь. Имея

такую трагическую историю в анамнезе, тетя Валя отрицательно относилась ко всяким блудливым мужчинам и не доверяла разведенным и холостякам. Дядю Мишу она нежно любила, но между дружбой с Ба и хорошим отношением к ее сыну благоразумно выбирала первое.

– Мы еще посмотрим, чья возьмет, – ворчал себе под нос дядя Миша.

– Ты что-то сказал, Мойше? – сдвигала очки на кончик носа Ба.

– Говорю – как скажешь!

– То-то!

Так как сиденье «копейки» было основательно раскурочено, отвезти нас в пионерлагерь должен был дядя Миша. Но в день «Х» на релейный завод нагрянула высокая комиссия из Еревана и порушила все наши планы. Целый день гости из столицы бесцельно шатались по заводу, мешая людям работать, а вечером потребовали хлеба и зрелищ. И дяде Мише ничего не оставалось, как забить Васю тутовкой и отвезти комиссию на рыбалку. А потом еще проводить реанимационные мероприятия, приводя в чувство выросших на «Пшеничной» неискушенных ереванских гостей.

Вот так мы потеряли один день драгоценного отдыха, а папе пришлось, отпросившись с работы, самому отвезти нас в пионерлагерь.

Утром он выкатил Генриетту из гаража, залез в салон и несколько раз со всей силы надавил на раскуроченное сиденье кулаками, провоцируя его на несанкционированный выброс пружины. Затем поднялся домой и какое-то время принаравливался то к круглой разделочной доске, то к подносу из нержавеющей стали. Но мама сказала, что на жестком он далеко не уедет, и вручила сборник задач по челюстно-лицевой хирургии, сорок две страницы нетто. «Вот как ты уважаешь мою работу», – пробурчал папа, но спорить не стал. Прикрыл сборником сиденье и лишь тогда доверил Генриетте свою, хм, филейную часть.

Настал торжественный момент расставания. Мы терпеливо выслушали бабулину коротенькую молитву «На дорогу», поцеловали Гаянэ и Сонечку, вытерли соплю о подол маминой юбки и скорбно загрузились в машину.

– Я знала, что расставаться со взрослыми очень грустно. Но чтобы и с сестрами? – шмыгала носом я.

– Оказывается, мы их любим, – хмурилась в ответ Каринка.

Потом мы заехали за Маней. Ба, конечно, не ударила в грязь лицом и собрала внучку как в кругосветное путешествие. Чего она ей только не положила – и простеганное полупальто (от внезапных летних морозов), и вязаные носки (а вдруг по вечерам там холодно), и резиновые сапожки («от наводнения?» – любопытствовал папа, предварительно отодвинувшись на безопасное расстояние). Ну, и по мелочи – легкую шапку, куртку, несколько пар теплых колготок, вязаный жилет, две наглухо застегивающиеся кофты и три водолазки.

– Роза, ты думаешь, что за те три недели, которые они проведут в лагере, случится трескучий мороз и небольшой локальный потоп? – любопытствовал папа, забывая багажник вещами Мани. – А это что такое? – наострил он уши, когда из одной сумки раздался характерный стеклянный перезвон.

– Ничего такого, – забегала глазами Ба, – там банка с баклажанной икрой. Дети ее очень любят.

– Одна банка не может сама по себе греметь! – Папа заглянул в сумку и присвистнул. – Роза, в погребе хоть что-нибудь осталось?

– Юрик, – запыхала Ба, – ты меня лучше не доводи, ясно? Я и так вся на нервах. А будешь упорствовать – поеду с вами!

– Тогда не поеду я! Только этого не хватало, чтобы ты выступила там в обычной своей манере и переполошила весь лагерь! Мы уедем, а детям всю смену расхлебывать испортившееся настроение вожатых!

Ба хмыкнула, но промолчала. Крыть ей было нечем. Прошлой осенью я загремела в республиканскую детскую больницу с тяжелым отитом. Так как Сонечка болела и без мамы сильно капризничала, поехать со мной и папой в Ереван вызвалась Ба. Она стоически вытерпела шестичасовую поездку в один конец и всю дорогу массировала мне ноющее ухо. В приемной больницы ей не понравилось, как долго оформляют документы, и Ба устроила такой грандиозный скандал, что у меня от испуга прошла боль в ухе. Потом, круша все преграды на своем пути, она поднялась наверх, проинспектировала мою палату, призвала к ноге сестру– хозяйку и потребовала заменить матрас на новый. Далее она заглянула на кухню, провела пальцем по вымытым тарелкам и порвала в клочья посудомойку. Ушла, пригрозив главврачу судом и Магаданской областью, «если хоть один волос упадет с головы моей девочки!». И отцу пришлось в спешном порядке коньяком и конфетами заглаживать вину перед всполошенным медперсоналом. «Теща, что с нее взять», – скорбно шептал он. «Ааааа», – понимающе кивал в ответ медперсонал.

Вот почему папа был против, чтобы Ба поехала сегодня в «Колагир». Впрочем, если бы она вознамерилась туда ехать, то никто ее бы не остановил. Просто впереди была поездка в Новороссийск, время поджимало, и она лихорадочно собиралась в путь-дорогу – складывала вещи, набивала холодильник продуктами, подготавливала дом к осадному положению – уверенности, что ни одна Дядимишина чучундра не ступит на порог, у нее не было.

Мы обступили Ба и ткнулись лбами ей в живот. Она смахнула слезу, расцеловала меня с Каринкой, а потом крепко прижала к себе внучку. Манька мигом посинела.

– Баааа! – захрипела она.

– Ведите себя хорошо, ясно? – прогрохотала Ба.

– Ясно, – пискнула мы и нырнули в машину.

– Юрик, я тебе детей доверила!

– Не волнуйся, Роза, все сделаю в лучшем виде.

Папа еще раз потыкал в сиденье кулаками, осторожно сел, победно библикнул и тронулся в путь. Пока Манин дом не скрылся за поворотом, мы оборачивались, чтобы посмотреть, ушла Ба или нет. Она стояла возле калитки, обмахивалась подолом фартука и глядела

нам вслед. По щекам текли крупные слезы, вьющиеся волосы стояли надо лбом непокорным нимбом.

– Я и не знала, что Ба умеет плакать, – покачала головой Каринка.

– Еще как умеет, очень даже умеет. Просто скромничает, – вздохнула Манька.

– И часто она плачет?

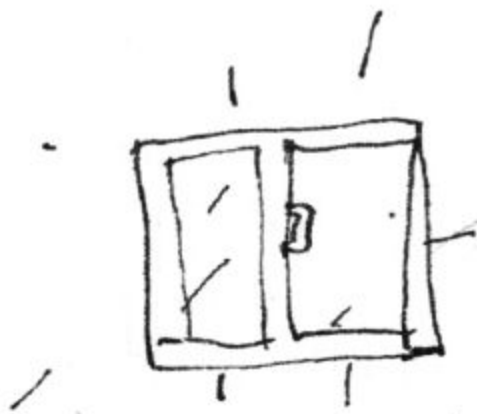
– Никогда!

Как только выехали за город, мы с Манюней, по своему обыкновению, затаили репертуар нашего хора – пение очень помогало от укачивания. Папа с Каринкой стоически терпели наш нестройный концерт. Под «Оровел» Комитаса мы проехали село Чинари, под «Дубинушку» – Чинчин, под «Сулико» взяли крутой серпантин, с макушки которого открывался потрясающий вид на районное водохранилище, а село Арцва–берд протаранили под «Бухенвальдский набат».

– Люди мира на минуту встаньте, – взывала в открытое окно я.

– Тубдум-тубдум-тубдум, – изображала барабанную дробь Манька.

– Вы хоть орите потише, – ругалась на нас Каринка и глядела в другое окно с таким лицом, будто знать нас не знает.

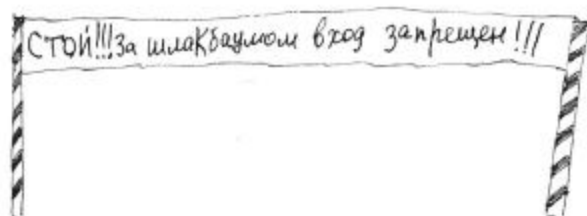
Но мы не обращали на нее внимания и драли глотки до посинения. Редкие прохожие вполношенно оборачивались в сторону

фырчащей «копейки». Контуженный нашим пением, папа сегодня был явно в ударе и не пропустил ни одной кочки или колдобины.

– Иааа, – жалобно верещала Генриетта, попадая колесом в очередную яму.

– Гхматху, – отзывался папа, выворачивая руль.

Когда мы проезжали озеро Цили, то убавили мощность пения, а Каринка целилась из большой рогатки в кусты, в надежде убить хоть одну двухголовую змею. Но ни одной змеи мы так и не увидели – наверное, они попрятались по норам и переваривали проглоченных за ночь людей.

Лагерь находился у подножия высокого поросшего густым ельником холма. С севера его огибала быстроногая горная речка, с юга – непроходимый лес, а с запада – небольшой яблоневый сад, за которым ухаживали дети. На этом все достоинства лагеря заканчивались. Первым, что цепляло глаз на подступах к «Колагиру», было дивное сооружение под условным названием «шлагбаум со сторожевой будкой». Будка представляла собой эдакий минималистический сарай, почему-то без крыши и одной стены. Отсутствующая стена, видимо, олицетворяла собой вход в помещение. Шлагбаумом служил корявый сухой пень, торчащий посреди проезжей части.

«Стой!!! За шлагбаумом вход запрещен!!!» – грозно щерилась надпись со стены будки.

– Вот мы и на месте, – фальшиво-бодрым голосом возвестил папа и вылез из машины.

– Мы на месте, ура! – Мы радостно высыпали следом.

К нам тут же подбежала целая толпа ребятишек.

– Новые девочки! А почему вы приехали сегодня, а не вчера? – сыпали они вопросами. – А как вас зовут? Сейчас мы позовем

медсестру. – И дети побежали в сторону небольшого желтого домика. Деревянный щит, прибитый над входом в домик, гласил: «САНЧАСТЬ!!!»

– Надо же, какая у них страсть к восклицательным знакам, – подивился папа.

– Товарищ Алина, товарищ Алина, там девочки приехали, целых три штуки! – меж тем ломались в закрытую дверь домика дети.

Потерпев фиаско, они прибежали обратно:

– Ее нету, она, наверное, в туалет пошла, давайте мы вам вожатую позовем, пока товарищ Алина какает.

– Хмхм, нельзя так о взрослых говорить, – проснулся в папе Ян Амос Коменский.

– А что, взрослые не какают? – дружно поинтересовались дети.

– Ну почему же, какают, конечно.

– А почему тогда нельзя об этом говорить?

Тут, к папиной радости, прибежала всполошенная молоденькая девушка, представилась товарищ Маргаритой, спросила наши имена, сверилась со списком в тетрадке, а потом сказала, что она наша вожатая, и мы будем жить в домике третьего отряда.

– Пойдем, я покажу девочкам комнату, а потом медсестра быстренько проведет медосмотр и проверит им волосы.

– Зачем?

– Чтобы вошек не было. С вошками в лагерь не берем.

– Бреете на проходе? – пошутил папа.

– Что-то типа того, – засмеялась товарищ Маргарита.

Она повела нас к небольшому одноэтажному домику.

– Таких домов на территории лагеря ровно десять. В каждом домике – по две комнаты, большая рассчитана на десять детей, а маленькая комнатка для вожатой. Лагерь строился таким образом, чтобы во время войны с империалистическими странами быстро превратить его в военную часть, – с гордостью рассказывала товарищ Маргарита. – Домики легко можно переоборудовать в казармы, справа, там, где мы проводим утренние и вечерние линейки, тренировочный плац, а местоположение лагеря такое, что артиллерийским огнем его не накрыть.

– Бомбоубежище имеется? – иронически улыбнулся папа.

Товарищ Маргарита посуровела лицом:

– Кстати, начальник лагеря Гарегин Сергеевич – подполковник в отставке!

Как только Манька услышала про войну с империалистическими странами, она тут же втянула пузо, собрала губы в куриную жопку и строго глянула на меня – слышишь?

Я мелко затряслась в ответ. Судьба нашей родины, со всех сторон окруженной враждебными империалистическими странами, не давала нам покоя. Каждая из нас была готова хоть завтра на войну – защищать единственную державу в мире, которая ратует за свободу, братство и равноправие с угнетенными неграми Южной Луизианы.

Меж тем товарищ Маргарита, задетая папиным ироническим тоном, не на шутку разошлась.

– Вы не смотрите, что домики кажутся хлипкими. Они выдерживают ударную волну любой силы. – И она для наглядности несколько раз постучала кулаком по стене возле входа. Со стены тут же отвалился большой кусок штукатурки и шмякнулся ей под ноги.

– Показывайте лучше комнату девочек, – вздохнул папа.

В комнате девочек немилосердно пахло краской. Дощатые полы радовали глаз кумачовыми негустыми мазками поверх прошлогоднего зеленого, в широкие щели между досками кое-где пробивалась трава. Вдоль стен стояли железные кровати с панцирной сеткой, на «незанятых» свернутыми рулонами лежали матрасы и топорщащиеся перьями кусачие подушки. Остальные кровати были застелены зелеными пледами. В углу комнаты стояла одинокая ветхая тумбочка.

– Ура, тумбочка! – обрадовалась Манька и дернула за дверцу. Дверца со скрипом отошла от петель и осталась у нее в руках.

– Нужно осторожнее, – назидательно выговорила товарищ Маргарита и прислонила дверцу обратно к тумбочке, – это одна тумбочка на всех, хранить здесь будете мыло, зубные щетки и пасту.

Я расстелила матрас и села на кровать. Сетка, убийственно скрипнув, повисла гамаком. Я надавила сильнее и нащупала попой пол.

– Кровати старые, да, – потупилась вожатая, – зато полы свежеокрашенные.

– Это мы уже заметили, – снова вздохнул папа.

Дальнейшая беглая экскурсия по лагерю ввергла отца в ужас. Чтобы помыть руки, нужно было отстоять большую очередь к трем

рукомойникам, прибитым к стене столовой. Туалет девочек представлял собой насквозь продуваемое деревянное сооружение с пятью отверстиями в полу. За тонкой стенкой с многочисленными щелями находился туалет мальчиков. Над дырами в полу, отчаянно жужжа, летали зеленые толстые мухи и пчелы. По углам, выедавая глаза, смердели кучки хлорки.

– А где моются дети? – взвыл папа.

– Там, – махнула рукой в сторону леса товарищ Маргарита.

– Где – там? – удивился папа.

– Баня находится в лесу. Каких-то минут двадцать ходьбы от лагеря. Топят раз в неделю, углем. Дети моются и устраивают небольшую постирушку.

Папа несколько секунд сверлил переносицу товарищ Маргариты немигающим взглядом.

– Из каких таких стратегических соображений баню построили в глухом лесу? Чтобы шпионы не вычислили, где моются советские солдаты?

– Это не баня, это котельная, – теперь уже вздохнула товарищ Маргарита и зачастила шепотом: – Сдается мне, про баню они совсем забыли, а потом спохватились и сделали пристройку. Вы не волнуйтесь, тут речка рядом, дети ежедневно будут купаться.

Потом папа велел нам дожидаться в комнате и пошел здороваться с начальником лагеря Гарегином Сергеевичем. Мы за это время перезнакомились со всеми девочками из нашей комнаты. Особенно нас впечатлила девочка Сюзанна из города Кировакан. Она рассказала, что, как только отучится в школе, их семья переедет в Лосанжлес.

– А что такое Лосанжлес?

- Это город в Америке. Там мой дядя живет.
- Наша Каринка тоже поедет в Америку, – похвасталась я.
- Только мотоцикл куплю и все, – засопела сестра.

Сюзанна подняла свой матрас и продемонстрировала нам какие-то зеленые штучки.

- Это что? – вылупились мы.
- Это бананы. Папа достал. Неужели ни разу не ели?
- Неа.
- Они созреют, и я вас угощу.
- А мы тебя баклажанной икрой угостим, – растрогалась Маня.
- И бутербродами с колбасой, нам мама с собой положила, –

сказала я.

Потом пришла медсестра товарищ Алина и повела нас на медосмотр.

Вошек, к счастью, она у нас не обнаружила, зато измерила рост и взвесила каждую на больших весах. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как она длинным алым ногтем передвигает туда-сюда маленькие гири и записывает наши данные в отдельную тетрадку.

– Росту в девочке метр шестьдесят пять, а весит всего тридцать восемь кило. Непорядок, будем откармливать, – доложились она папе.

– Не надо, – пискнула я.

– Надо!

– А как тут кормят? – поинтересовался папа.

– Хорошо кормят, – зачастила товарищ Алина, – вчера на ужин была манная каша на воде. Но с маслом. И чай с бутербродом. Хлеба много, не волнуйтесь, дети растащили его по комнатам и доели ночью.

У папы сделалось такое лицо, словно он оставляет нас в плену врага. Он взял медсестру под локоток, подвел к своей «копейке», потыкал пальцем в крест на лобовом стекле. Следом зачем-то продемонстрировал ей аптечку и бегло рассказал, для чего предназначен каждый препарат.

– Я врач, понимаете? – глядел он проникновенно в глаза товарищ Алине. Папа, видимо, решил, что ситуацию спасет цеховая солидарность, и сделал акцент на общей с медсестрой профессии.

– Понимаю, – кивала медсестра.

– А это мои дочери. – Он широким жестом показал на нас.

– Все?

– Ведите себя хорошо.

– Аха.

– Если что – звоните.

Мы хотели в четвертый раз сказать «аха», но тут раздался душераздирающий, немилосердно скрежещущий звук. Он пронзил нас в самую душу и пригвоздил к земле.

Так мог трубить только рог судьбы, поднимая на последний бой все живое против неживого. Так могла звучать огромная, величиной с наш город грампластинка, если пальцем надавить на мембрану.

– Это что такое? – подпрыгнули мы.

– Это наш горнист. Зазывает отряды на обед, – объяснила Сюзанна.

– А чего так громко?

– Он в рупор дудит. Побежали!

– Куда?

– На плац. Нужно построиться в отряды, чтобы, маршируя, идти в столовую.

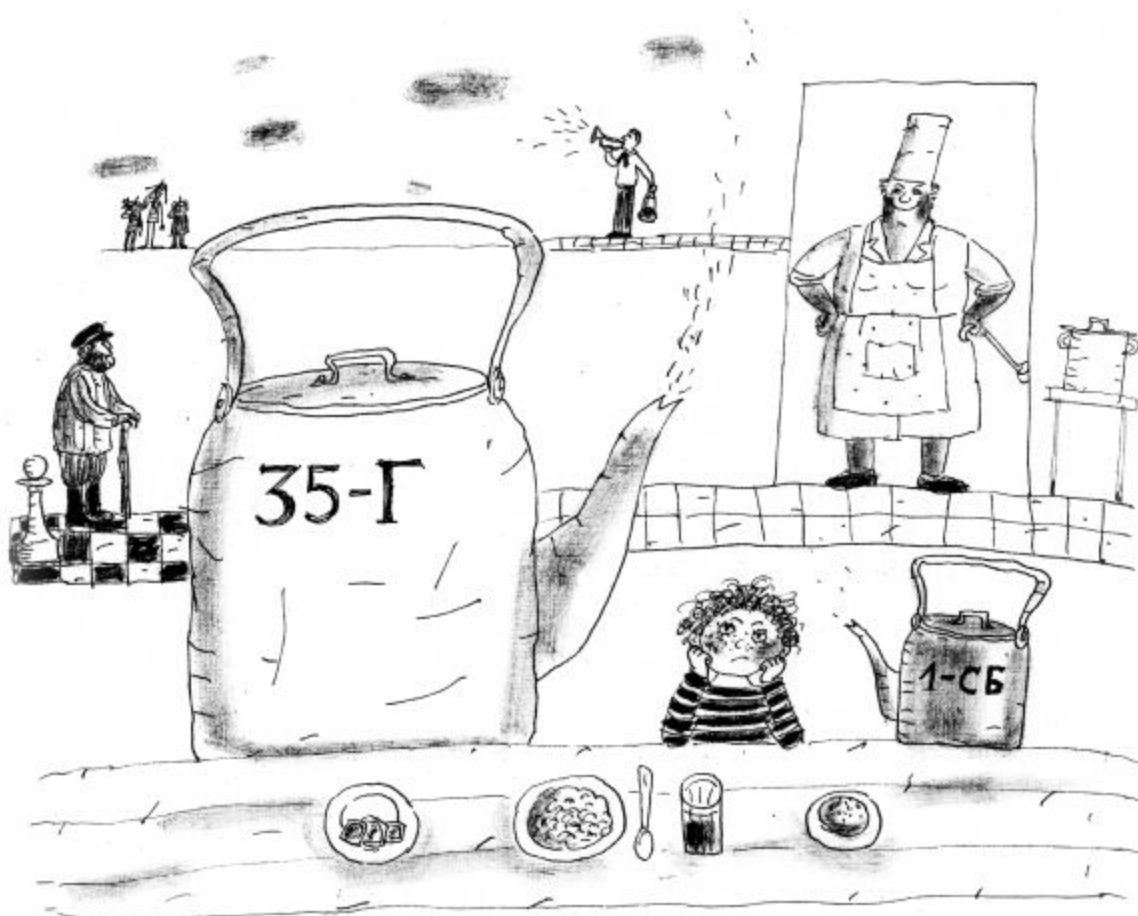
Мы обернулись к папе.

«Жигуленок», прощально бибикнув, попятился от нас прочь.

– Иииииии, – завизжали мы и, взявшись за руки, побежали к плацу.

Взрослая жизнь в пионерлагере началась.

Глава 14. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или О бедном водителе замолвите слово

На первое чаще всего давали невнятный суп с вермишелью, иногда – с вкраплениями пупырчатой куриной кожи. На второе – рис пополам с мусором или вусмерть разваренные макароны. Если к гарниру полагалось мясо, то приходилось его проглатывать, не разжевывая, – чтобы такое разжевать, нужно было как минимум иметь железобетонные челюсти.

Столовая представляла собой большое душное помещение – невысокие окна были наглухо задраены, а несколько малюсеньких

открытых форточек служили не для того, чтобы проветривать, а чтобы впускать сонмы вездесущих невероятно наглых мух. Там и сям, возбуждая аппетит, висели гирлянды клейкой ленты с густым налетом насекомых. По столам бегали шустрые муравьи и другие мелкие жучки.

У повара тети Лины были большие пушистые щеки и нос картошкой. Как только все рассаживались за столы, она выныривала из кухни, громогласно здоровалась, подставляла ухо нестройному детскому: «Здрассссыти, Тетьлин», – и отступала назад, в свое царство пылающих костров и кипящих котлов.

– Знаешь, на кого она похожа? – зашептала мне на ухо Манька, когда впервые увидела тетю Лину.

– На кого?

– На печку из мультика «Вовка в тридевятом царстве». Помнишь, какое у нее было лицо, когда она выплюнула подгоревшие пирожки?

И мы тихо захихикали, склонив головы так, чтобы вожатые не видели, что мы отвлекаемся от еды.

На полдник нам давали стакан кефира с твердокаменным печеньем или пряником. По выходным к кефиру полагались сдобные булочки, и вот эти булочки любили все ребята – тетя Лина пекла их по собственному рецепту, добавляла в тесто корицы и какой-то еще пахучей приправы. Булочки получались пышные, румяные, большие и сладкие-сладкие. Мы, словно заправские хомяки, забивали выпечкой обе щеки и мычали, закатывая глаза, – вкуснота!!!

Ужин и завтрак протекали по одному и тому же сценарию: стакан чая или сероватого жиденького какао, какая-нибудь каша на воде, с ритуальными катышками, и кусочек маслица с капелюшечкой джема. Ну, или кусочек сыра.

Чай или какао разливались из двух больших алюминиевых чайников с многочисленными вмятинами на когда-то круглых боках. На одном чайнике красовалась надпись красной краской «35-Г», на другом – «1-СБ». Что означали эти таинственные буквы и цифры – одному богу известно. Однажды, во время дежурства нашего отряда, мы с Манькой заглянули в Тетилинину святая святых – кухню и спросили, гремя пустыми чайниками:

– А что тут написано, тетя Лина?

Тетя Лина выкатилась из-за огромных кастрюль, подняла юбку, намотала на широкую коричневую резинку сползающий чулок, зафиксировала его чуть выше толстого колена, поправила подол когда-то белого, а теперь серого в темную крапинку халата.

– А хрен его знает, это надо у тех идиотов спрашивать, которые инвентаризацию проводят, – рыгнула она, вытряхнула из коробка спичку и стала самозабвенно ковыряться в зубах.

Мы, потрясенные таким количеством вербального и визуального шока, выползли задом из кухни и какое-то время тарацились в пространство, качая, словно китайские болванчики, головой.

– Вон оно как, – сокрушалась Манька.

– Не говори! – поддакивала я.

Так как кормили в лагере из рук вон плохо, оголодавшие дети выносили из столовой весь хлеб и воровато доедали его под покровом ночи. Привезенные из дома баклажанную икру и бутерброды с колбасой мы разделили поровну между девочками нашей комнаты и съели в один присест. На следующий день подъели крошки, вылизали до блеска банки и выжидательно уставились на Сюзанну. Сюзанна вздохнула и вытащила из-под матраса зеленые бананы.

– Они сейчас невкусные!

– Ничего!

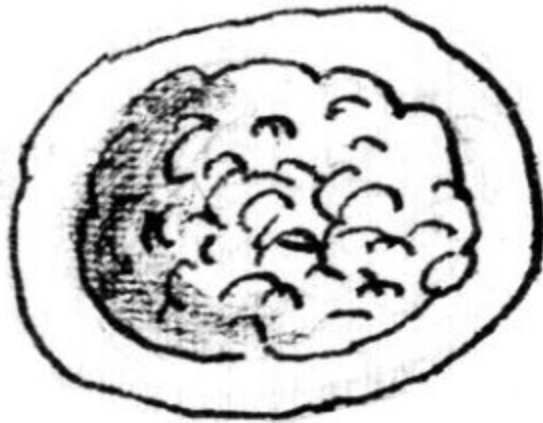
– Ну смотрите.

Когда мы проглотили вязющую, несладкую мякоть, девочка по имени Седа предложила отложить на черный день кожуру.

– Она созреет, и мы ее съедим!

Но Каринка царским жестом собрала кожуру в бумажный кулек и вынесла на помойку.

– Только этого не хватало – питаться обедками. Лучше позвоним родителям и попросим привезти нам еды.

И мы пошли в штабную – звонить домой. К сожалению, телефон безучастно молчал или выдавал непонятное шипение. Пока мы размышляли, стоит ли разбирать его на винтики, чтобы устранить источник непонятного шума, прибежал вожатый второго отряда товарищ Торгом, отобрал у нас телефон и отругал за то, что мы без спросу зашли в комнату.

– Это штабная, понимаете? – гневно жестикулировал он бровями. – Здесь на стене висит портрет Ленина, а в шкафу хранится стяг нашего лагеря!

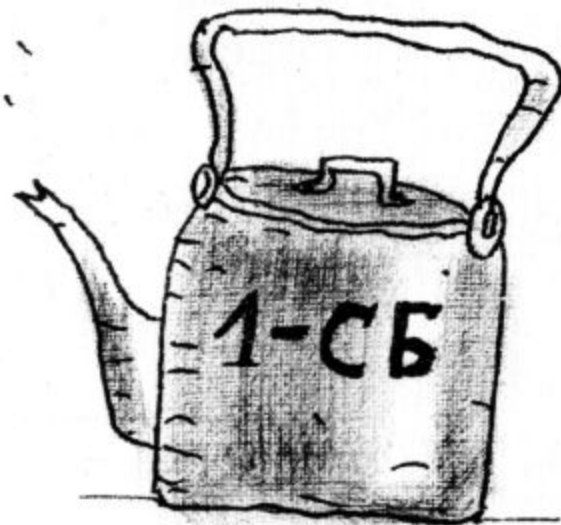
– Мы позвонить хотели!

– Звонить можно только по пятницам. В строго отведенные под это часы, ясно?

В ответ на наш резонный вопрос: «А почему только по пятницам?» – товарищ Торгом выпроводил нас из комнаты и со словами: «Вы не на курорте, чтобы диктовать свои условия», – запер дверь. Затем он покрутил перед нашим носом ключом, убрал его в нагрудный карман рубашки, похлопал по нему ладонью и победно удалился. Мы покосились на распахнутые настежь окна штабной, презрительно фыркнули и ушли восвояси.

Восвояси упирались в деревянный забор лагеря. В надежде найти хоть какие-нибудь лазейки мы обшарили его по всей длине. Согласитесь, когда кругом непролазный лес, двухголовые змеи, опять же речка и много еще какой согревающей сердце радости, очень

сложно усидеть в замкнутом пространстве, даже если это пространство – пионерский лагерь.

Забор порадовал большим количеством гнилых досок. Каринка отодрала одну такую доску, мы пролезли в отверстие и оказались в яблоневом саду. Воровато сорвали несколько кисленьких незрелых плодов и, отчаянно гримасничая, схрумкали за милую душу.

– От голода не умрем, – радовалась Манька, протирая очередное яблочко подолом своего сарафанчика.

– Главное, чтобы дед Сако нас не заметил, – приговаривала с набитым ртом Сюзанна.

Дед Сако работал сторожем нашего лагеря. Это был маленький, насквозь морщинистый, но достаточно бодрый старичок лет под сто, наверное. Ну, или сто пятьдесят. Свободное от работы время он проводил в сторожке – мирно спал на кособокой лавочке или играл в шахматы.

– Коня не заметил? Эх ты, безрогая скотина, – ругал он невидимого противника скрипучим голосом.

– Сам ты безрогая скотина, понял? А мы тебя ферзем возьмем! Ну что, выкусил? Офицера не уберег! – гудел он через минуту, мстительно дымя вонючей козьей ножкой.

Ночи дед Сако проводил в активном дозоре – опираясь на корявую палку, ходил по периметру лагеря и неустанно комментировал каждый свой шаг:

– Тут яма, а там камень. Доска на лавочке прогнила, надо что-то придумать. Скоро дожди пойдут – эвона как кости ломит. Грибоооов будет. Чтоб тебя черт боднул в бок! Опять за этот проклятый сук зацепился!

На какое-то время воцарялась тишина, только и слышно было, как журчит речка, таинственно шумит лес, да о чем-то своем нестройно поют сверчки.

– Чтоб тебе, пню старому, ослепнуть и оглохнуть раз и навсегда, – прерывал ночную благодать негодующий скрип деда Сако, – опять в

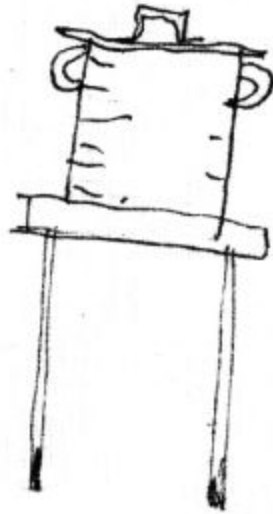
какашки вляпался! Ну что за дети такие, нет чтобы, как культурные люди, в туалет ходить. По кустам серют!

Сходить в туалет, как культурные люди, не получалось. Мало того, что там стояла жуткая вонища, глаза слезились от хлорки и в щели на стене периодически заглядывали какие-нибудь противные мальчики, так еще вокруг твоей голой попы постоянно роились очень любознательные пчелы. Скажите, пожалуйста, вы в состоянии думать о чем-либо другом, кроме пчел, когда они летают вокруг вашей попы? То-то! Поэтому дети предпочитали уединяться «по-большому» в лесу. А кому не удавалось добежать до деревьев – тот окроплял маршрут деда Сако, гмгм, навозом.

В целом дед Сако был мирным и доброжелательным стариком. Неистовствовал он только в двух случаях – когда недосчитывался на низеньких яблоньках плодов («Чтоб у вас кишки завязались узлом, и содержимое желудка ударило в мозг») и когда горнист Славик приступал к своему очередному экзерсису.

– Чуть припадочным не сделал, собакин ты щенок! – негодовал дед Сако, услышав позывные Славика. – Чтоб эта дудка застряла у тебя в горле, и ты всю жизнь таким голосом с тещей разговаривал!!!

О горнисте Славике можно рассказывать долго, и только глаза вра– стопыр, потому что горнист Славик был мальчиком, мягко говоря, со странностями. Играть он категорически не умел, но очень любил и в течение дня разрывал нам мозг бесконечными репетициями. От самосуда его спасало только то, что он приходился начальнику лагеря Гарегину Сергеевичу племянником.

Но народ негодовал. Народу не нравилось просыпаться после бессонной ночи, проведенной в битве с мутантами-комарами, под завывания Славикова горна. Дело в том, что Славик предпочитал дудеть в рупор. В правой руке он держал горн, а в левой – громкоговоритель, и дудел туда свои адские трели. И если младшие отряды ничего, кроме как пугаться такой изуверской побудки, не умели, то старшие пубертатно-прыщавые ребята терпеть такое надругательство над собой не желали и мстили Славикку самыми изощренными способами. Они запускали ему под одеяло лягушек, забивали горн речной глиной и натирали мундштук зелеными еловыми шишками (жуткая горечь) или, пробравшись в комнату ночью, намертво пришивали к матрасу одеяло по периметру спящего Славика.

Но Славик был неунывающим парнишей. Он зловредно просыпался за полчаса до общей побудки, выковыривал из горна глину, распарывал одеяло, завязывал правильным узлом пионерский галстук и в семь ноль-ноль поднимал на уши лагерь брачными гимнами тираннозавров или какими другими этническими напевами доисторических диплодоков. Младшие отряды пугались и нервно писались в ватные клокастые матрасы, старшие, натягивая носки, мстительно придумывали новые многоходовые комбинации для выведения из строя Славика и его адского инструмента.

Из уважения к ребятам постарше Каринка какое-то время терпела Славикову вакханалию, предпочитая уступить аксакалам возможность расправиться с безумным горнистом. Но на седьмой день у сестры сдали нервы, и она сняла Славика метким выстрелом из рогатки, оборвав его опус на самом душещипательном месте. Контуженный Славик выронил горн, а потом три дня ходил с залепленной пластырем здоровенной шишкой на макушке и дудел значительно тише обычного.

За Славикову шишку поплатились старшие отряды. По горячим следам лагерь построили на плацу, и Гарегин Сергеевич, гневно чеканя шаг и сверкая по-военному очами, прочитал короткую лекцию о возмутительном факте членовредительства в рядах советских пионеров.

– Пусть тот, кто это сделал, выйдет на шаг вперед. Это будет поступок настоящего мужчины, – сверлил переносицы мальчиков немигающим взглядом команданте Гарегин Сергеевич. Старому вояке и в голову не могло прийти, что его племянника покалечила девятилетняя девочка!

– Или накажут всех! – взывал к совести проказника начальник лагеря.

Юноши сопели, разводили руками и пожимали плечами. Так как добиться признания не удалось, старшие два отряда приговорили к недельному дежурству в столовой.

– И пусть это вам будет уроком, ясно? – грохотал Гарегин Сергеевич.

– Ясно, – раздавался в ответ пубертатный козлетон.

– Может, надо было признаться? – сокрушалась потом Каринка.

– Ты что, с ума сошла? – выпучились мы с Манькой. – Гарегин Сергеевич обязательно нажаловался бы маме с папой. Вот бы тебе тогда влетело!

Вечером мы вырыли небольшую ямку за забором и спрятали там Каринкины рогатки.

– Понадобятся – вытащишь, – кряхтела Манька, утрамбовывая ладошками землю. – А то если их найдут в вашем чемодане, то сразу поймут, кто покалечил Славика.

Вообще нами никто особо не занимался. Ни тебе развивающих игр и викторин, ни развлечений, ни заезжего киномеханика с истертой пленкой индийского кино. Будни в лагере протекали одинаково. В семь ноль– ноль – подъем, далее – зарядка, завтрак, уборка в комнатах. Купание в речке, обед, тихий час. Полдник, прогулка младших отрядов по лесу под нервные окрики пионервожатых, ужин, сон.

Вот вам приблизительное описание одной нашей прогулки.

Действующие лица:

Поляна в лесу

Взмыленные пионервожатые

Дети

– Все на месте?

– Все!

– Никто не отстал?

– Никто!

– Радуетесь природе и не уходим в лес! Слышали???

– Товарищ Анжела, а Само откусил кусочек гриба!

– Само, выплюнь мухомор, он ядовитый!

– Я голодный!

– Скоро вернемся в лагерь, и ты сможешь поужинать.

– Буэ, на ужин манная каша!

– Нельзя так говорить. Манная каша – очень полезная еда.

– Буэ! – хором.

Прошли две секунды.

– Товарищ Карен, а Гарика укусила пчела!

– Аааааааа! – ор Гарика.

– Гарик, у тебя нет аллергии на пчелиный яд? Гарик, не ори, отвечай мне на вопрос.

– Аааааааа!!!!!!!

– Товарищ Карен, он пухнет на глазах.

– Девочки! – отчаянный крик в сторону пионервожатых. – Если у ребенка отекло лицо, а глаза превратились в щелочки – это как понимать?

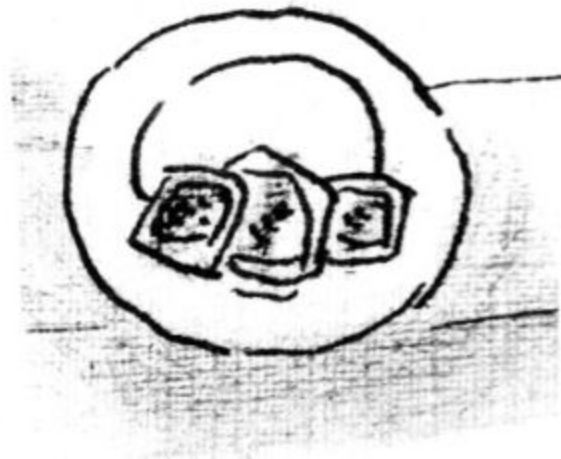
– Срочно в лагерь! Ему надо снимать аллергический шок!

Товарищ Карен взваливает на плечо Гарика и галопом припускает к лагерю.

– АаАаАаАаАа!!! – надрывается Гарик. Вожатые какое-то время нервно прислушиваются, как, по мере удаления, ослабевает Гариков крик.

– Фух, – выдыхают они.

Через две секунды.

– Товарищ Маргарита, а Эдик свои козьявки ест!

И еще какие-то ягоды с этого куста поел. Это что за ягоды? Небось ядовитые?

– Эдик!!!! Выплюнь немедленно! У тебя живот будет болеть!!!!

– А желуди есть можно?

– Не знаю. Наверное, можно. Только они горькие.

– Ничего. Я поем.

Через две секунды.

– Товарищ Анжела, а Седа провалилась ногой в какую-то яму и выбраться не может.

– Ыааааааа! – плач Седы.

– Да что за наказание такое! Что за дети такие! Чтоб я еще раз согласилась на практику в пионерлагере! Так, внимание! Строимся, погуляли – и ладно, возвращаемся обратно.

– Но мы только что пришли!

– Пришли и ушли. Кому сказано строиться?! Ну и так далее.

А вообще-то вожатые у нас были хорошие, только немного бестолковые и напуганные ответственностью, свалившейся на их плечи. Товарищ Маргарита, например, воровала в столовой для нас хлеб и допоздна, лежа на дальней незанятой кровати, слушала детские страшилки. И пугалась больше всех.

– Мне ваша черная рука всю ночь снилась, – жаловалась она на следующее утро, следя за тем, как мы заправляем кровати и протираем пол вонючей тряпкой. – Мария, прислони обратно дверцу к тумбочке! Ну что ты с нею наперевес ходишь?

– Товарищ Маргарита, я воображаю, что я рыцарь, а это мой щит.

– А кто же твоя дама сердца, рыцарь со щитом из тумбочкиной дверцы?

– У меня нет дамы сердца! – сопела Манька. – Я – девочка-рыцарь!

– Положи на место дверцу, девочка-рыцарь, а то накажу тебя мытьем полов вне очереди.

– Уж помечтать нельзя... – вздыхала Манька и прислоняла дверцу обратно к тумбочке.

Глава 15. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Не вынесла душа поэтов

Первая неделя выдалась невероятно тяжелой – нам категорически ничего не нравилось в лагере, ни-че-го! Мы обрывали телефон с просьбами забрать нас незамедлительно домой, клялись и божились, что вести себя теперь будем только как Мальвины.

– Потерпите немножко, – вздыхала мама, – мы затеяли в детской ремонт, и спать вам сейчас просто негде.

– Можно у нас ночевать, у нас места много! – скулила Манька.

– Манюнечка, Ба в Новороссийске, а папа у... в... по командировкам мотается. Некому будет за вами присмотреть, а оставлять вас на ночь одних я не стану!

– За нами может тетя Валя присмотреть!

– У тети Вали маленький внук, а за вами глаз да глаз нужен! Потерпите недельку, пожалуйста!

– Хорошо, – шмыгнула носом Манька. Очень сложно перечить маме, когда она говорит «пожалуйста».

– Ну и ладно, уж неделю-то потерпеть можно! – решили мы и пошли на речку – собирать мелкую гальку, а то Каринке нечем было из рогаток стрелять. Речка находилась буквально в ста метрах от лагеря, но выходить к ней без сопровождения взрослых строго-настроено запрещалось. Она была очень мелкой, но, как любая быстроногая горная река, могла резко вспучиться, изойти селом, выйти из берегов и затопить все окрестности.

Дождей не наблюдалось целую неделю, снег в горах давно уже растаял, но в лагере осторожничали – выводили детей к речке буквально под конвоем и под конвоем же, сосчитав по мокрым макушкам, возвращали обратно. Но плох тот советский ребенок, который мирится с запретами. Вот и мы, удостоверившись, что никого из взрослых поблизости нет, быстренько отодвинули доску в заборе и выбрались через лаз к речке.

Пока Каринка набивала карманы каменной мелочью, мы с Манькой увлеченно паслись окрест, подъедая растущий в изобилии кислый щавель.

– И мне наберите, – велела Каринка.

– Шама наберешь, – прошамкали мы.

– А это вы видели? – погрозила она кулаком.

– Видели, – вздохнули мы и в темпе нарвали букет щавеля – конфликтовать с Каринкой себе дороже.

Потом мы нашли в кустах укромное местечко и спрятали там гальку – таскать ее по лагерю было чревато. Взрослые, они хоть и наивные люди, но не настолько, чтобы по килограмму отборной речной гальки не заподозрить преступные намерения у таких, на первый взгляд, безвредных девочек, как мы.

А что на первый взгляд мы были безвредными девочками, это я вам гарантирую. Я, например, была высокая, сильно худая и жалко топорщилась во все стороны острыми локтями и коленками. Вполне себе безобидное зрелище, скажите? Манька была маленькой и полненькой, щебетала непрерывно, смешно картавя на «р», и ходила,

деловито выставив вперед себя круглое пузо. А Каринка получалась переходным звеном между нами – не толстенькая, но и не шибко худая, ростом чуть ниже меня, с дивными ямочками на щеках. Нормальные, казалось бы, дети.

Знаете, как нас папа называл? «Трио Беда». А еще он говорил, что ямочки на щеках Каринка завела для отвода глаз, чтобы усыплять бдительность взрослых. И что в нашем персональном антропогенезе что-то пошло не так, и на выходе получилось то, что получилось. И что наше второе имя – «За Что?».

Потому что:

– За что?! – выкрикивала мама, оплакивая выжженные навывлет наши платья и куртки.

– За что?! – кипела Ба, гоняя нас, аки гусей, по двору.

– За что?! – рыдал дядя Миша над очередным загубленным нами электрическим прибором.

– За что? – по любому поводу восклицали взрослые.

А ни за что, скажу я вам! Знали бы за что, сами бы исправились. А так приходилось страдать наравне с родителями, потому что за каждую выходку мы получали по полной программе. Если нас наказывала мама, то, за редкими исключениями в виде сломанного венчика для взбивания яиц или метко кинутого пластмассового ведра, мы отделялись шлепками по попе или вывернутыми наизнанку ушами.

А если мы выводили из себя Ба, то тут главное было добежать до ближайшей канадской границы. Потому что Ба была чемпионкой мира по праведному гневу и в порыве этого гнева могла порубить в тонкую лапшу вполне себе монолитную железобетонную конструкцию. Что уж говорить о нас!

Как это ни удивительно, но в лагере мы старались вести себя примерно. Одно дело родители и совсем другое – Гарегин Сергеевич, подполковник в отставке, гроза душманов и медалей полная грудь. Перед таким героем любое девичье сердце дрогнет. Поэтому, дабы не разочаровывать столь прекрасного мужчину, всю свою разрушительную энергию мы направляли на игры. И если мальчики целый день гоняли в мяч или измывались над всякой ползающей и летающей тварью, ставя эксперименты на выживание в несовместимых с жизнью условиях, то девочки под предводительством Каринки-Чингачгук играли в индейцев. Каринка строго следила, чтобы никто не нарушал правил игры, и сама определяла, кому быть краснокожим воином, а кому – конкистадором.

Меня сестра раз и навсегда определила в жены вождя, а по совместительству – в тюремщики. «Чтоб не позорила тут меня», – объяснила конспиративно. Я не обижалась, потому что сама понимала – толку от меня в подвижных играх мало. Я очень быстро набирала в росте и поэтому страдала нарушениями координации – бегала из рук вон плохо, цепляла все локтями и коленками и щеголяла вся в синяках. Так что, пока индейцы гоняли по лагерю коварных конкистадоров, преданная скво наводила порядок в вигвамах и стерегла пленных.

А еще преданная скво отвечала за бесперебойные поставки обмундирования. Под обмундированием подразумевалась рухлядь растительного происхождения, которой щедро сдабривался экстерьер воинов, а также листья лопуха «длиной от одного уха до другого». По краям такого листа проделывались прорези, и лист напяливался на уши. Получалась эдакая импровизированная маска, которая защищала глотку орущего индейца от большого количества разномастных насекомых, роящихся в воздухе. Иначе любая попытка на скаку проорать боевое улюлюканье заканчивалась тем, что в распахнутый рот на полной скорости залетал какой-нибудь непрошенный жучок или паучок. И воинственный клич обрывался внезапным «кха-кха-кха», похлопыванием по спине и тревожным: «Съела или успела

выплюнуть?» Воины рассказывали, что в целом насекомые на вкус ничего, но иногда попадаются такие экземпляры, что лучше прямо сразу сдохнуть, чем еще раз напороться на такую гадость.

Иногда к нам на поклон приходила мелочь из пятого отряда, семилетние девочки и мальчики. Каринка великодушно посвящала их в краснокожих охотников и отправляла за добычей. Охотники, сделав символический круг по лагерю, возвращались, сгибаясь под тяжестью невидимой ноши.

– Чего приволокли? – ворчала я тоном Ба.

– Медведя (кабана, лося)!

– Положите туда, в угол, будет вам сегодня жаркое!

Когда взмыленные индейцы возвращались после тяжелого боя, я первым делом кормила их «ужином». А потом, подкрепившись, они скрупулезно казнили всех пленных и дезертиров. Казнью, само собой, руководила Чингачгук Абгарян.

Несмотря на богатую событиями жизнь, мы с нетерпением ждали воскресенья – домой хотелось ужасно. Но в очередной переговорный день мама огорошила нас известием, что приехать они не смогут.

– Девочки, папа с дядей Мишей уезжают завтра в Шамхор.

– Зачем?

– У дяди Миши однокурсник умер, понимаете? И им надо ехать на похороны.

На мой вопрос, а нельзя ли умершего однокурсника похоронить не в воскресенье, а, например, в понедельник, мама возмутилась:

– Наринэ, ну что ты такое говоришь?! У людей большое горе, страшное горе!

– У нас тоже горе, – вырвала у меня трубку Манька, – Тетьнадь, у нас тоже страшное горе! Мы домой хотим!

– Девочки, миленькие, – вздохнула мама, – потерпите до следующих выходных. Я вам обещаю, что к родительскому дню мы обязательно к вам выберемся!

Это было уже слишком! Остаток дня мы провели в унылых раздумьях и даже чуточку всплакнули. Ладно, не чуточку, а вполне себе конкретно. И пока мы с Манькой орошали окрестности нашего домика потоками горьких слез, Каринка сидела, нахохлившись, на своей кровати и смотрела в одну точку.

– Небось снова что-то замышляет, – причитала Манька, заглядывая в окно.

– Ага, – кивала я. Задумчивое выражение Каринкиного лица ничего хорошего не предвещало. Если сестра долго молчала, уставившись в одну точку, то это заканчивалось какой-нибудь катастрофой вселенского масштаба. Мы старались в такие минуты не отвлекать ее – в раздумьях она была раздражительной донельзя и легко могла покалечить нас одной левой.

К тому моменту, когда мы выплакали годовой запас слез, у Каринки созрел план.

– Пойдем, поговорить надо, – вышла она из домика.

– Чивой?

– Пойдем сказано. – И сестра непринужденным шагом направилась к забору. Мы с Манькой скорбно последовали за ней.

– Завтра уходим домой, – огорошила нас Каринка, когда наша троица надежно спряталась от чужих глаз в яблоневоm саду.

– То ес ть как уходим? – заволновались мы.

– Вот так и уходим. Сбегаем.

– Да лааадно!

– Вы со мной или как? – рассердилась сестра.

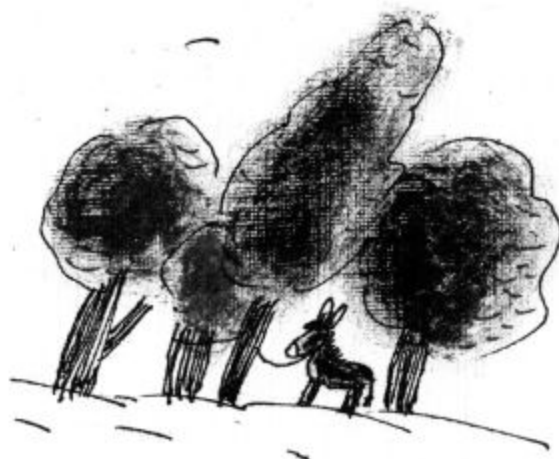
– Конечно, мы с тобой, ты чего спрашиваешь?

И мы принялись совещаться, как нам лучше осуществить столь коварный замысел. Бежать решили прямо сразу после полдника.

Потому что кто дурак пропускать утреннее купание в речке, а в тихий час не уйдешь – твое отсутствие сразу заметят вожатые.

- Вещей с собой не возьмем, – инструктировала нас Каринка.
- Почему?
- Вы что, совсем не соображаете? Чтобы не вызывать подозрений.
- Ааааа!
- Беееее!

Как мы дожидались часа Икс – об этом я лучше умолчу. До сих пор вспоминаю с содроганием. Скажу коротко – не спалось, не елось, не дышалось, не какалось. Зато сразу после полдника мы развели бурную деятельность – выкопали из тайника Каринкины рогатки и набили карманы галькой – идти безоружными мимо озера Цили, где водятся двухголовые змеи, было небезопасно. Потом мы прошлись непринужденной иноходью по лагерю – выводывали обстановку. Обстановка была расслабленной, вожатые что-то тихо обсуждали, рассевшись на лавочке напротив штабной, из сторожки деда Сако раздавались возмущенные стенания:

- Ферзя взял? Ничего-ничего, мы тебя сейчас слоном прижмем!
- Пошли, – скомандовала Каринка. Мы нырнули в кусты и через лаз в заборе выбрались к речке. Путь к свободе был открыт!

Какое-то время мы бежали, не останавливаясь. Потом пришлось сбавить скорость – выдохлись.

– Пока идем по лесу– питаться будем ягодами, – инструктировала нас Каринка, – а дальше пойдут картофельные поля, я их точно запомнила, когда мы ехали сюда. Так что от голода не помрем.

– Подожди, – заволновалась я, – у нас ведь спичек нет. Мы что, картошку сырой будем есть?

– Конечно, сырой! Сырая картошка, хоть и невкусная, зато очень полезная. Все нормальные люди ее сырой едят.

– Придумываешь, штоль? – не вытерпела Манька.

– Есть маленько, – кивнула сестра.

Но мы немного подумали и таки согласились, что раз другого выхода нет, то и сырая картошка вполне себе приемлемая еда.

Потом мы долго шли по краю леса, но вглубь благоразумно не заходили, чтобы не заблудиться. Кругом стояла невозможная красота: пели птички, летали бабочки, светило солнышко, в высоких кронах деревьев шумел ветер.

– Вот ведь как все придумано, – вздыхали мы с Манькой.

Каринка свое восхищение выражала несколько иначе.

– Стоишь? – хлопала она по стволу очередного могучего дерева. – Ну стой, стой, а мы домой идем!

А потом мы совершенно неожиданно набрали на одинокого осла. И это в глухом необитаемом лесу! Сначала, увидев среди деревьев что-то серое, мы очень испугались, потому что подумали, что это волк. Каринка тут же схватилась за рогатку, а мы спрятались за ее спину. Спасло волка от неминуемой смерти только то, что он вовремя подал голос.

– Иааааа! Иааааа!

– Это же осел! – изумились мы.

Это действительно был осел, притом совершенно приличный такой домашний осел. Стоял он при полном параде – на спине красовалось небольшое рукодельное седло, состоящее из диванной подушки и сложенного вчетверо старого паласа, с морды уныло свисала уздечка из пеньковой веревки. Кто-то заботливо привязал животное за поводья к дереву и ушел.

Мы хотели подойти поближе, но Манька остановила нас.

– Я знаю, зачем он тут, – сделала она умное лицо, – он приманкой работает!

– Чем?

– Приманкой. Для диких животных. Придет медведь, захочет его съесть, а тут хлоп – сработает капкан, и фьют!

– Чего фьют?

– Фьют – и кто-то будет щеголять в новой шубе.

– Да ладно! – вылупились мы.

– А то! Так и ловят крупную дичь, медведей там, или тюленей, привязывают в лесу осла, и фьют!

Какое-то время мы сочувственно разглядывали несчастное животное. Осел весьма органично вписывался в свое трагическое амплуа – горестно жевал травку и отгонял коротеньким хвостиком назойливых насекомых.

– Надо развязать его, – дернулась Каринка, но тут из-за деревьев вынырнул какой-то старичок и, поправляя на ходу штаны, подошел к «приманке».

– Долго ждал, Сето-джан? Этот негодный живот совсем меня замучил, крутит и крутит, крутит и крутит, все кишки выкрутил!

Старичок отвязал осла и повел его под уздцы, не прекращая жаловаться на свою горькую судьбу.

– То тишина, то прет и прет, да так, что только и успеваешь по кустам бегать, – скрипел он, – где справедливость?

– Иаааа, – поддакивал осел.

– Ну и ладно, – вздохнула Манька, когда они скрылись из виду, – зато на одного медведя в этом мире сегодня стало больше!

Пока мы вполне успешно продвигались в сторону озера Цили, в лагере творились несусветные дела. Привыкшие после полдника играть в индейцев девочки прочесали весь периметр в поисках Чингачгука и его скво. Сначала они искали нас молча, а потом стали трубить во все горло:

– Наркааааа, Каринкааааа, Манькаааааа!!!!

Их крик всполошил вожатых, и Славиков горн собрал весь лагерь на экстренный съезд. Съезд выявил существенную брешь в рядах третьего отряда.

– Сестры Абгарян и Мария Шац, – со слезами на глазах доложила Гарегину Сергеевичу товарищ Маргарита.

– Они нырнули воон в те кусты, – показал правильное направление кто-то из детей.

– Поймаю – семь шкур спущу, – заходил желваками Гарегин Сергеевич.

Еще через час нас догнали ребята из первого отряда и за шиворот приволокли обратно в лагерь. Если честно, мы особо и не сопротивлялись – натерли ноги до волдырей, сильно устали и хотели пить.

Сначала медсестра товарищ Алина обследовала нас вдоль и поперек, обработала все царапины вишнежкой [22] и мстительно напоила рыбьим жиром. Потом нас долго оплакивала товарищ Маргарита, называла бал– бесками и говорила, что теперь у нее будет много седых волос. Нам было ужасно стыдно, мы обнимали ее и клялись, что никогда больше так поступать не будем.

А на вечерней линейке нас заклевал Гарегин Сергеевич. Мы стояли по стойке смирно и боялись шелохнуться, а он возмущенно ходил кругами и называл наш поступок дезертирством. А потом наказал дежурством на кухне вне очереди.

– Понятно? – грохотал он.

– Понятно, – трепетали мы.

– Вас ведь волки могли съесть! – не унимался Гарегин Сергеевич. – Тут кругом леса непролазные, живности – видимо-невидимо.

– Ну, они были вооружены до зубов, – шагнул вперед товарищ Торгом и, пряча улыбку, вложил в широкую ладонь Гарегина Сергеевича конфискованное Каринкино оружие.

Гарегин Сергеевич внимательно изучил рогатки, взял на мушку пролетающую над нами ворону.

– Откуда они у вас?

– Это мои, я их еще дома смастерила, – засопела Каринка.

– Не ври.

– Я не вру. Могу еще сделать, если хотите.

Гарегин Сергеевич какое-то время сверлил сестру огненным взором, потом крикнул и подобрел лицом.

– Марш в комнату, и чтобы такое больше не повторялось!

– Клянемся никогда больше не сбегать, – отрапортовала Каринка, а мы с Манькой для пущей убедительности пустили слезу.

Вот так бесславно закончился наш побег.

Зато весь следующий день мы провели на кухне, научились на скорость чистить картошку и узнали много чего нового о тете Лине.

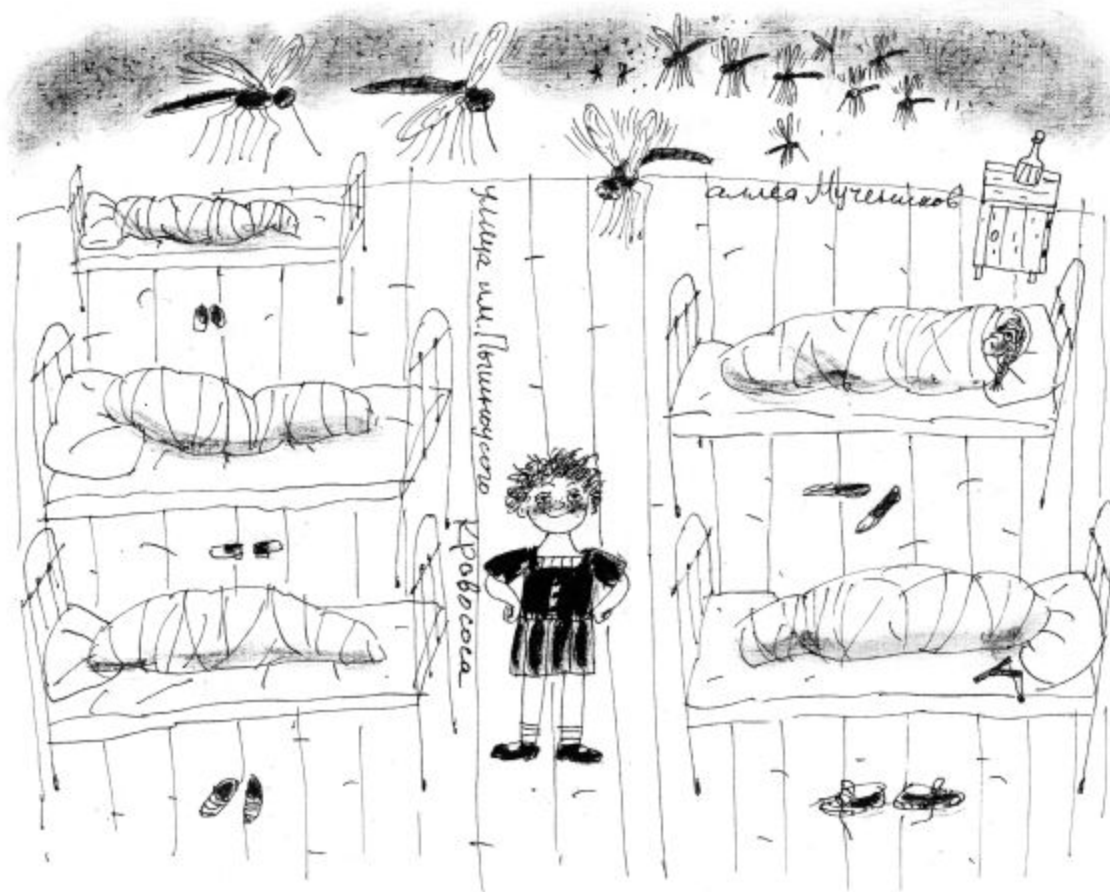
Например, что у нее когда-то был муж, которого можно было соплей перешибить, и толку от него было столько же, сколько от козла молока. Или от паршивой овцы – шерсти клочок. Спросить, где сейчас этот муж, мы побоялись. Мало ли, может, тетя Лина ненароком его убила и закопала в лесу, зачем травмировать человеку психику лишними воспоминаниями?

Потом мы с удивлением узнали, что у тети Лины, оказывается, есть дочь. Это было очень странно, ведь мы и предположить не могли, что такие женщины, как тетя Лина, размножаются.

А потом она показывала нам свои мозоли на ногах, и мы только и делали, что разводили руками и качали головой, а Каринка сказала, что с такими мозолями никакой обуви не надо. Ведь что ни мозоль – то каблук.

Вот такой у нас выдался наказательный день.

Глава 16. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Новые реалии тети Лины

Выспаться за ночь категорически не получалось. Потому что, как только мы укладывались спать, тут же прилетал легион обжорливых комаров и облеплял нас с ног до головы. Любой нормальный ребенок смирился бы с такой участью и лежал бы по стойке смирно, подставляя тощие бока немилосердным кровососам. Но только не советские идейно подкованные дети. Если светлое время суток мы ходили, почесываясь, как блохастые собаки, то ночи проводили в неустанной борьбе – били комаров подушками, одеялами, чемоданами и тумбочкиной дверцей, загоняли в угол, заливали водой из графина, обсыпали зубным порошком и злорадно наблюдали, как они корчатся в

адовых муках. А потом выставляли несчастные трупы на подоконник – в назидание сородичам.

Сородичи не унывали. Они запускали в комнаты специально обученные диверсионные группы, которые высасывали из детей тройную порцию крови. Они уносили трупы замученных в свои города, хоронили их с почестями в Пантеонах и называли площади и скверы именами героев. Скоро в Комарином Царстве нельзя было повернуться, чтобы не наткнуться на Аллею Мучеников или улицу имени Пышноусого Кровососа. Война шла не на жизнь, а на смерть. Что ни ночь – то Грюнвальдское сражение.

Уж не знаю, чем бы закончилось это беспощадное противостояние, но случилась великая радость – истерзанная бессонницей Маня раскинула мозгами и придумала отличный способ борьбы с комарами. Для этого нужно было вытащить из пододеяльника одеяло, нырнуть в конверт, растопырить по углам руки-ноги наподобие морской звезды и, обхватив себя крест-накрест руками, лечь в постель. Ткань хоть и пахла некусно сыростью и хозяйственным мылом, но надежно защищала от озверелых насекомых.

Первый эксперимент ставили на мне. Я, скрупулезно следуя инструкции, затянулась в пододеяльник и рухнула с высоты своего роста в кровать. Но чуточку промахнулась и звезданулась лбом о железное изголовье. Рев, который я подняла, ничем не уступал в децибелах Славикову горну. Испуганная товарищ Маргарита метнулась на кухню, выпросила у тети Лины здоровенный замороженный говяжий мосол и, завернув его в ночнушку, приложила к моему лбу.

– Ыыыыы, – рыдала я.

– Захрмар! – ругалась наша вожатая. – Разве можно с высоты такого роста падать не глядя? А если бы ты сотрясение мозга получила? Или нос себе сломала?

– Нос ей уже ломали, – доложила Каринка. – Тоже выла будь здоров.

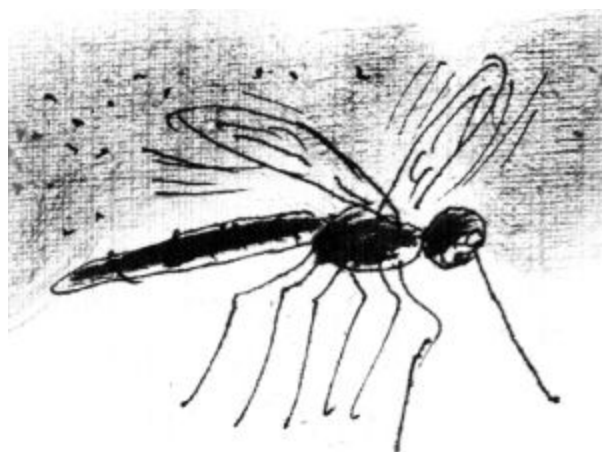
– Кто сломал? – ужаснулась товарищ Маргарита.

– Кто сломал, тот до сих пор расплачивается за это, – мстительно буркнула сестра.

Несмотря на несколько смазанный старт, метод полностью оправдал себя – редко кому из комаров удавалось добраться до нас

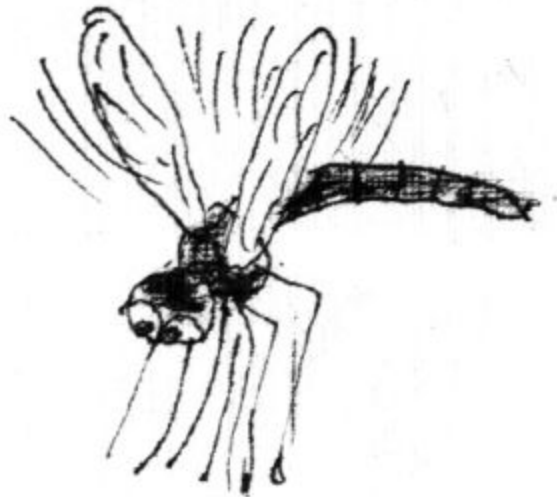
сквозь ткань пододеяльника. Мы разнесли по «Колагиру» радостную весть, и Манечка мигом стала самой популярной девочкой нашего отряда. Она ходила по лагерю гогулем и важно инструктировала каждого встречного-поперечного, как правильно заворачиваться в пододеяльник.

– Главное – не оставлять ни одного шанса комарам, – назидательно приговаривала она, – залез внутрь, растянул хорошенечко пододеяльник, потом крепко-накрепко обнял себя руками и рухнул в кровать. Прямо на живот. Или на бок. Все! Вход для комаров закрыт.

Спать, завернувшись в пододеяльник, было душно и неудобно – иной раз так навертишься в кровати, что спросонок сразу и не сообразишь, как размотать заботливо свитый за ночь кокон.

– Тутутуту-тутуту-тутутуту-тутуту! – в семь ноль-ноль оглушивал сонный лагерь духовой маньяк Славик.

В комнатах тут же начиналось броуновское движение. С кровати сползали мумии пионеров и октябрят и, жалобно стелая и подпрыгивая на месте, пытались нашарить выход из пододеяльников.

– Де-ти, просыпаемся, – вбегала в комнату товарищ Маргарита, на ходу сдирая с головы металлические бигуди – наша вожатая была безвозмездно влюблена в товарища Торгома и дни напролет ходила при полном параде – прическа под Мирей Матье, макияж и сумочка через плечо. По утрам, когда мы прибирались в комнате, она раскладывала на подоконнике косметику и наводила марафет. И мы, затаив дыхание, наблюдали, как она пудрится, немилосердно водя по лицу жесткой губкой, как накладывает указательным пальцем голубые тени, тычет карандашом в кончик языка и обводит глаза стрелочкой (при этом на языке обязательно оставался след от карандаша). Затем, поплевав в коробочку с тушью и повозюкав там щеточкой, товарищ Маргарита щедро подкрашивала ресницы и, растопырив глаза, осторожно разъединяла слипшиеся реснички иголкой.

– Только вы так не делайте! – назидательно чревоуещала она (ходить лицом в столь ответственный момент было опасно). А то можете иголкой угодить себе в глаз.

Далее, под наше дружное стенание, товарищ Маргарита подкрашивала губы зеленой химической помадой. Помада мигом схватывалась малиновым цветом и держалась намертво до вечера.

За эту зеленую помаду мы готовы были душу дьяволу продать.

– Ааа, – протяжно вздыхали мы каждый раз, когда товарищ Маргарита выдвигала из тюбика нежно-салатовый конус помады, – аааа!!!

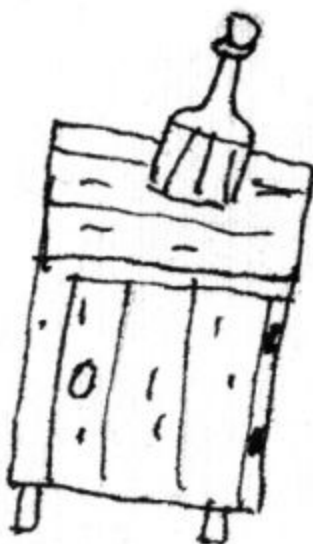
– Вам пока рано краситься, – грозно нахмурилась наша вожатая.

– Да мы знаем. Но вы таааааааа красивая, товарищ Маргарита, прямо тааааааааа красивая! И эта помада тоже тааааааааа красиивая!!!!

Хорошо, что товарищ Маргарита ходила круглые сутки с сумочкой через плечо. Хорошо, что она хранила всю свою косметику в этой сумочке. Иначе добром бы дело не кончилось, я вам отвечаю.

А еще наша вожатая хранила в сумочке портрет очень красивой девушки и периодически демонстрировала его нам.

– Вот на кого хотела бы я быть похожей, – вздыхала она.

Девушка на портрете была невероятно хороша – светлые волосы, высокие тонкие брови, круглые бусы на длинной шее. Мы сначала подумали, что это родственница товарищ Маргариты, но она рассмеялась и объяснила, что это известная певица из шведской группы «АББА».

– Оооооо, – затрепетали мы, а Сюзанна сказала, что в Лосанжлесе живет такая же красивая певица, только она не помнит, как ее зовут.

– И вообще в Лосанжлесе очень много красивых певиц, – надулась от гордости она.

А Маня обиделась и сказала, что в Советском Союзе тоже много красивых певиц.

– Ты Софию Ротару видела? – засопела она и для пущей убедительности, пригладив ладошкой боевой чубчик, тоненько завела «Лебединую верность».

Мы почтительно дослушали до конца песню, хором пустили в финале слезу и согласились, что лосанжлесские певицы Софии Ротару в подметки не годятся.

Сразу после пробудки нас выгоняли на плац. Утреннюю зарядку проводил Гарегин Сергеевич собственной персоной. Девочки, старательно выпрямив под его орлиным взором хребты, выполняли наклоны, разрабатывали плечевые суставы и пытались сесть на шпагат. Мальчикам было не до плечевых суставов – Гарегин Сергеевич их немилосердно муштровал, заставляя отжиматься по десять раз через каждые пять минут и бегать по кругу до полного изнеможения.

– Правой-левой, правой-левой, вдох-выдох, – покрикивал он, – бегаем ритмично, парим в воздухе, а не плетемся тюфьями. Асланянец, прекращаем синеть и хватать ртом воздух, здесь вам не там! Здесь серьезное учреждение!

Асланянец – вожатый пятого отряда товарищ Карен. Несчастные вожатые надрывались наравне со всеми, ибо стремление Гарегина Сергеевича сделать из любого человека боеспособную единицу не

знало границ. Будь на то его воля, он привлек бы к муштре и тетю Лину с дедом Сако. Но тетя Лина в это время хлопотала на кухне, готовя очередную замазку под условным названием «каша», а дед Сако отсыпался в сторожке после неустанный ночного патрулирования.

Сразу после утренней зарядки всех загоняли к рукомойникам – умываться и чистить зубы. Далее дети выстраивались на плацу и под торжественные Славиковы завывания поднимали флаг лагеря. Потом маршировали в столовую – медитировать над тарелками с жидким гречневым проделом или ненавистной манной кашей. После завтрака дружно убирались в комнатах, а несколько дежурных ребят проводили ритуальное кормление обитателей живого уголка. О чем вы подумали, когда слышали о живом уголке? О хомьяках небось или о попугайчиках? На худой конец, о какой-нибудь небольшой черепахе? Если бы!

Живым уголком служила небольшая, метр на метр, бетонная лохань. Уж не знаю, с какой целью возвели под открытым небом это странное сооружение, может быть, для сбора дождевой воды в период тотальной засухи, но сейчас лохань служила аквариумом. Дед Сако удил в речке какую-нибудь мелкую рыбешку и торжественно запускал ее в лохань, а дежурные по живому уголку, вооружившись лопаточками и ведерком, добывали рыбе корм. Под кормом подразумевались дождевые черви.

Но! Каждый уважающий себя ребенок считал своим долгом вынести из столовой щепоть гречки или горсть манки и воровато запустить ее в аквариум. А также закидать рыбу хлебной крошкой. Я уж молчу о сонмах невинно убиенных жучков-паучков, коими аквариум сдабривался в несметных количествах. Поэтому к вечеру несчастные рыбки всплывали на поверхность кверху брюхом, а дежурным ничего не оставалось, как Тетилининым большим дуршлагом выловить почившую в бозе мелочь и скорбно выпустить ее обратно в речку – на прокорм другим рыбам.

А дед Сако, скрипя и негодуя, по новой шел на речку – за следующей порцией ни в чем не повинной рыбы. Впрочем, и этой рыбе не суждено было продержаться долго – к следующему вечеру ситуация повторялась с точностью до мелочей. Ибо гуманность детей не знает границ – любого до смерти залюбят.

После ритуальной уборки наступала счастливая пора «водных процедур». Дети полтора часа резвились в воде, загорали на берегу и ловили огромных, величиной с ладонь, бирюзовых стрекоз, которые в большом количестве роились окрест. Девочки, соорудив себе зубодробительный макияж из цветочных лепестков, ходили парами по берегу, кокетливо прикрывшись от солнца большими листьями лопуха. Если лист попадался на крепком стебле, то его можно было держать над головой зонтиком. Если стебель оказывался слабеньким, то «зонтик» элегантно обтекал голову и плечи очередной кокетки в тряпичном купальнике на простеньких пуговках.

Речка была широкой, но совсем неглубокой, и чистой-чистой – камушки на дне можно было пересчитать. Старшие мальчики загородили пологий участок валунами и соорудили себе некое подобие бассейна, куда ныряли с гиком и ором, обдавая всех брызгами. Девочки постарше визжали и выделывались, а мелочь навроде нас бегала кругами и подставляла брызгам то спину, то пузо.

В первый день водных процедур к пляжу вышла тетя Лина, скинула с себя халат и сразила всех повышенной шерстистостью торса. Мы с Маней тут же спрятались за Каринкину спину – такого мы в жизни не видели, даже в городской бане, куда нас как-то сводила мыться Ба. С середины бедра и до лопаток у тети Лины рос непролазный каштановый лес. Что творилось на животе, можно было

только догадываться – фасад прикрывал могучего сложения купальник.

Премьерный заплыв лагеря был сорван. Дети пялились на Тетилинины кущи и испуганно жались к вожатым, вожатые бегали глазами и делали вид, что ничего страшного не происходит.

А тете Лине все было нипочем – она непринужденно вошла в речку, полежала поперек течения – волосы распушились в воде и красиво ходили туда-сюда водорослями, потом вышла на берег и легла загорать. Шерсть на Тетилинином теле мигом схватилась и закрубилась кольцами.

– Гормоны, будь они неладны, – пояснила она лениво в пространство, – климакс!

При слове «климакс» мы с Манькой и Каринкой переглянулись. Его часто употребляла Ба, когда ругала кого-то.

– Небось у нее климакс, вот и ведет себя неадекватно, – хмыкала она.

Мы и подумать не могли, что климакс, кроме не пойми какого поведения, может еще и к волосатости приводить!

Очень скоро дети свыклись с Тетилиниными новыми реалиями и стали подходить, чтобы погладить ее по шерстистой спине.

– Не болит? – сочувственно качали они головой.

– Очень болит, – хохотала тетя Лина.

– А почему вы хотя бы не бреете...сь? – спросила Каринка.

– Только этого не хватало – жопу себе брить!

– Мыыыееее! – замычали мы. Слов, чтобы выразить нахлынувшие эмоции, в нашем лексиконе не существовало.

– Товарищ Маргарита, а у нас тоже есть эти. как его. гормоны? – кинулись мы пытаться нашу вожатую сразу после водных процедур.

– Конечно, у всех гормоны.

– И у нас???

– И у вас.

– И у нас тоже будет климакс?

– Да.

Лучше бы товарищ Маргарита сказала, что у нас вырастет вторая голова или обе ноги со временем станут левые! Тихий час девочки нашей комнаты провели в волнительном совещании.

– Умрем в двадцать пять, – рубанула воздух ладонью девочка Седа, – дальше жить просто нет смысла. Волосатая старость – это же ужас.

– Ужас-ужас, – повторили эхом остальные девочки.

– Моей маме, например, тридцать пять, и она очень даже ничего, – засопела я.

– Так то мама! А то ты! – вздернула брови Седа и постучала согнутыми пальцами себя по макушке.

Звук получился таким громким, что все вздрогнули.

– У тебя что, голова деревянная? – Маня подошла к Седе и постучала ее по лбу. – Можно?

– Чего спрашиваешь, раз уже постучала? – обиделась Седа.

– А чего это у тебя голова как барабан гудит? – не осталась в долгу Манька.

– Ничего ты не понимаешь. Ты меня по лбу когда постучала, громко гудело?

Маня еще раз постучала по Сединому лбу, а потом, для сравнения, постучала по своему.

– Да вроде нет.

– То-то. Если хочешь, чтобы звук получился громким, надо втянуть нёбо, будто ты говоришь «О», сложить губы трубочкой и только тогда постучать себя по голове. И не по лбу, а по макушке.

И все, махнув рукой на маячивший за порогом климакс, кинулись тренироваться на своих несчастных черепушках, стараясь «перестучать» друг друга. Хорошо, что тихий час вскорости закончился, иначе мы бы себе последние мозги стуком вытрясли.

А однажды у нас в лагере случилась гостья. Как-то Гарегин Сергеевич уехал в город и вернулся на следующее утро не один, а в сопровождении какой-то тетеньки. Тетенька носила непроницаемое выражение лица и воинственно оттопыренную во все стороны попу.

Попа была такой большой, что в рост и в ширину тетенька казалась одинаковой.

– Ребята, знакомьтесь, это ответственный работник райкома Софья Ишхановна. Сегодня вместо водных процедур вы прослушаете ее лекцию о политической ситуации в мире.

– Ну почемуууу вместо водных процедууууур? – расстроились мы. – Можно о политической ситуации в мире рассказать в тихий час!

Но Гарегин Сергеевич объяснил, что Софья Ишхановна очень занятый работник и сразу после лекции должна вернуться на работу, поэтому ждать тихого часа она никак не может. Лагерь понуро поплелся в столовую, а потом построился на плацу, чтобы послушать лекцию таинственной тетеньки из райкома. Актового зала, как вы понимаете, в «Колагире» не было.

Софья Ишхановна вышла на плац в пионерском галстуке и поинтересовалась, нравится ли нам в лагере.

– Нраааавится, – соврали мы.

– Это хорошо, – кивнула она и сразу перешла к сути дела. Грозно хмурясь и называя западные страны клубком змей, прошлась по НАТО и рассказала о подвиге простого вьетнамского народа, не сдавшегося капиталистическому агрессору. Далее она подробно ознакомила нас с решениями последнего съезда ЦК КПСС. Кончик длинного носа Софьи Ишхановны услужливо вздрагивал в такт лекции, юбка почтенно трепетала вокруг необъятных бедер. Каждые пять минут лектор снимала очки и окидывала заскучавшие отряды долгим, немигающим взглядом. Дети тут же вытягивались по стойке смирно и сурово глядели вперед.

– Вопросы есть? – спросила Софья Ишхановна, закончив свой политический ликбез.

– Нет! – в один дружный выдох рывкнули мы.

– Очень жаль, – осуждающе глянула на Гарегина Сергеевича наша гостья. Гарегин Сергеевич дернул подбородком и остервенело заходил желваками, но говорить ничего не стал.

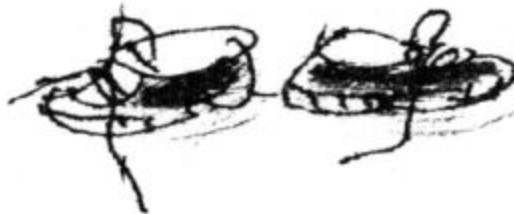
Под апокалипсическое Славиково дудение вожатые вручили Софье Ишхановне благодарственное письмо и рамку меда и выпроводили из лагеря вон.

Мед дед Сако буквально от сердца оторвал – пасека у него была небольшая, а значит, каждая рамка на счету.

– С такой кормой не есть надо, а пахать круглые сутки, – гневно пыхтел он потом в сторожке.

– Саркис, я твой должник навек. Хочешь, буду с тобой в шахматы играть? – предложил растроганный Гарегин Сергеевич.

– Хочу!

И вечерами в сторожке стали разворачиваться жаркие баталии.

– Вот тебе шах и мат, сначала играть научись, а потом ко мне приходи, сынок!

– Саркис! Подожди минуту. Какой шах и мат? А где мой ферзь? Ферзь вот здесь стоял, куда он подевался?

– Я, что ли, должен за твоим ферзем следить? Твой ферзь, ты за него и в ответе!

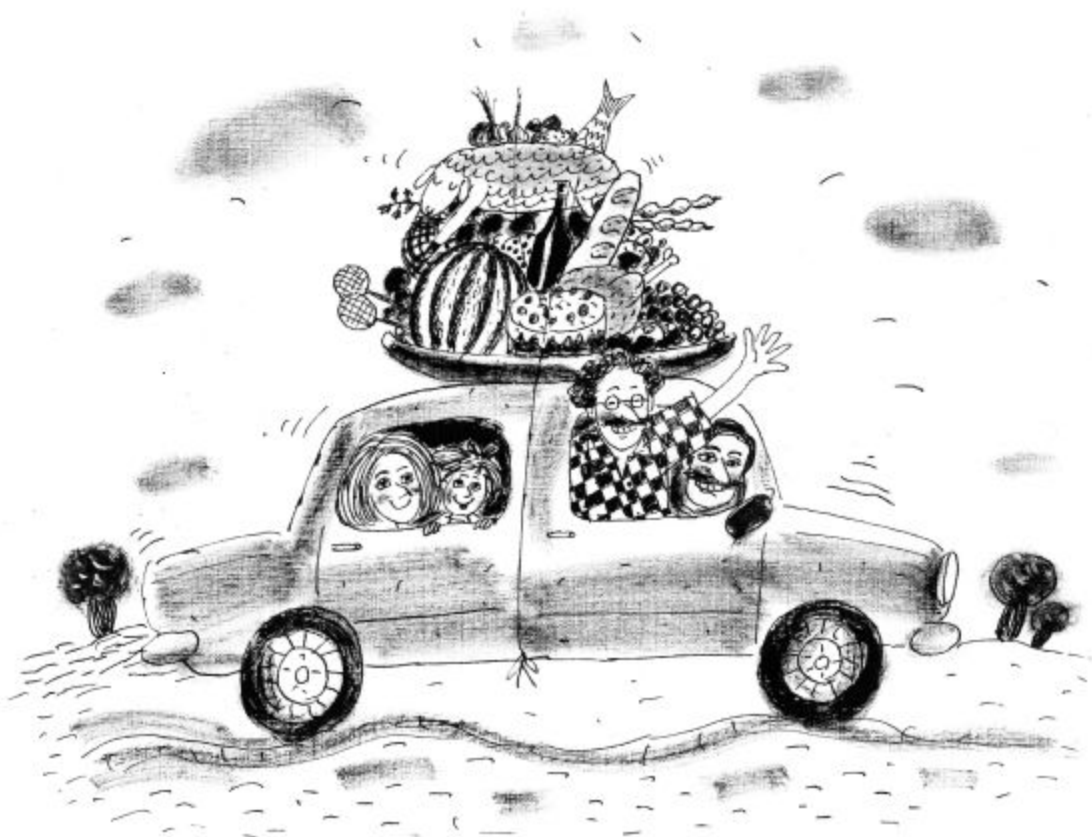
– Саркис, да ты жулик, я смотрю.

– Собакин щенок, какой я тебе жулик? Я же два хода назад твою королеву конем положил! Голова твоя дырявая, всю память растерял среди этих душманов. Давай еще одну партию, авось отыграешься, хе-хе!

– Не надо про душманов, не трави мне душу, дед.

– Не буду, ладно, извини. Е2-Е4, поехали, Гарегин Сергеевич.

Глава 17. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Родительский день – счастья полные штаны

Через неделю случился родительский день.

В преддверии столь знаменательного события субботу объявили санитарным днем. И если первую половину дня дети провели в немилосердной уборке – драили комнаты, протирали окна и меняли выданное по случаю чистое постельное белье, то всю вторую половину небольшими группами ходили в баню – помыться и устроить кой-какую постирушку.

Баня находилась в двадцати минутах ходьбы от лагеря и являла собой весьма странное сооружение – деревянные стены были насквозь

съедены жучками, в единственном окне левым верхним клыком торчал осколок стекла, а под потолком в витиеватом узоре проходили устрашающего вида трубы. Трубы там и сям были обмотаны какой-то драной материей, которая периодически ссыпалась вниз жесткой, пахнущей ржавчиной трухой. И только бетонный пол с парочкой сливов да сикось-накось приваренные к трубам лейки свидетельствовали о том, что это таки баня, а не заброшенный ангар для допотопных тракторов «Коммунар».

Несколько руинный интерьер помещения оживляло раскидистое, вполне себе самодостаточное птичье гнездо, которое красовалось на локте дальней трубы. Мы какое-то время с любопытством разглядывали его, задрав кверху облезлые от летнего солнца носы.

– Никак воронье? – предположила Каринка.

В подтверждение ее слов из гнезда высунулся недовольный темный клюв и грозно уставился на нас.

– Она птенцов высиживает! – ахнули мы и побежали к нашей вожатой, докладываться о птице.

Но товарищ Маргарита уверила нас, что эта ворона – вполне натренированная видом голых людей ворона.

– Мы здесь мыслишь, и не раз. Она сидит себе тихонечко в гнезде и никого не трогает. А птенцов там нет, не волнуйтесь.

– А почему нельзя перенести гнездо на дерево?

– Нельзя. Дед Сако объяснил, что если мы попытаемся это сделать – ворона обидится, улетит и больше не вернется.

– Почему? – расстроились мы.

– Видимо, так у них, у ворон, заведено. Вы лучше не отвлекайтесь, а быстрее заканчивайте свои дела. Очередь-то большая, всем надо успеть сегодня помыться.

Мы разложили наши вещи на длинной лавочке в углу, разделись и, стыдливо прикрываясь ладошками, встали под лейки. Включить или регулировать воду мы не могли – пульт управления находился в котельной. Поэтому мы построились под лейками и дали условный знак товарищ Маргарите. Услышав наш дружный вой, она открутила какой-то вентиль. Трубы под потолком немилосердно вздрогнули, брызнули ржавой трухой, а лейки принялись остервенело отплевываться струями ледяной воды.

– Ааааа, – заорали мы и разбежались по углам.

– Потерпите чуть, сейчас вода пойдет хорошая, – крикнула из котельной вожатая.

Через минуту вода действительно стала теплой.

– Ну как? – заглянула к нам товарищ Маргарита.

– Нормально! – отрапортовали мы.

Мыться было весело и здорово – мы попеременно намыливали друг другу спины и с визгом ныряли под упругую теплую струю воды. Ворона периодически высовывала из гнезда клюв и с любопытством разглядывала нас. Но мы уже не обращали на нее внимания – дел-то было невпроворот! Некоторые девочки сами не справлялись с мытьем, и приходилось им помогать. Особенно долгой возни потребовали волосы девочки Ани – у нее были такие длинные густые кудри, что нам пришлось всем миром сначала намыливать ей голову, а потом смывать пену. Вообще Ани была удивительной красоты девочкой. Она ходила всегда с гордо выпрямленной спинкой, откинув голову под тяжестью волос немного назад. Товарищ Маргарита называла ее походку царственной и говорила, что Ани похожа на Клеопатру.

Мы тоже дружно считали, что Ани похожа на Клеопатру. Кто такая эта таинственная Клеопатра, мы знать не знали, но нам шибко нравилось необычное звучание ее имени. Вот и сейчас, смывая мыльную пену с волос Ани, мы непрестанно командовали:

– Поверни голову направо, Клеопатра. Закрой глаза, Клеопатра!

– Приеду домой – попрошу маму коротко меня постричь, – вздыхала Ани. – Жарко мне от волос. Да и возни много.

Потом мы затеяли стирку в жестяных шайках – сначала намылили одежду и долго терли ее в руках, а далее полоскали в проточной воде. Отмылись, конечно, не все пятна, но в целом одежда снова приобрела свой заводской окрас. Особенно здорово стирать получилось у меня – я натерла себе такие волдыри, что пришлось идти к медсестре на перевязку. Медсестра поохала, обработала мне руки мазью Вишневского (ничего, кроме этой мази, она не признавала, и даже диатез лечила посредством наложения компресса из вишневки) и строго-настрого запретила возиться в земле, пока не заживут раны. А товарищ Маргарита окрестила меня в шутку Мойдодыром, потому что я ладони аж до дыр стерла.

Маленькое отступление. Когда в тысяча девятьсот махровом году в Ереван привезли мультфильм «Мойдодыр», город потом долго вздрагивал, вспоминая расклеенные по всем углам афиши. Дело в том, что переводчики дали маху и название мультфильма перевели дословно – Мой До Дыр – Лва Мичев Цак. Слева на афишах был изображен косорылый умывальник, обвешанный мочалками, справа – надпись убедительным шрифтом:

МОЙ – ЛВА

ДО – МИЧЕВ

ДЫР – ЦАК

Емко и со вкусом, я считаю.

Ну а до санитарной субботы случилась в «Колагире» пятница. Кто запомнит, напоминаю – по пятницам детям разрешалось звонить домой. Так что пятницу Манечка провела в лингвистическом угаре – готовилась к коронной речи по телефону. На протяжении всего дня она не умолкала ни на минуту и даже умудрялась советоваться со мной на утренней линейке, пока мы стояли по стойке смирно в разных концах отряда – я развевалась бестолковой жердью впереди, а маленькая Манька волнующе трепыхалась в арьергарде.

– Нарк, может, шашки попросить? – вещала она сзади. – Или краски? Рисовать будем, а? Ну, нет так нет, чего сразу ругаешься! – считывала она информацию с моего напряженного затылка.

– Или давай попросим, чтобы нам привезли новеллы Эдгара По, – не унималась за тарелкой супа Манька. – Будем вслух зачитывать страшные отрывки, а девочки будут пугаться, гыгыгы.

Тихий час Маня провела в неустанных раздумьях – составляла список еды, которую всенепременно должны привезти родители.

– Шашлык? – теребила она нас.

– Конечно, шашлык, – важно соглашалась Каринка.

– Шаш-лык, – пыхла Манька, записывая в столбик наши требования. – Торт «Мишка»?

– Обязательно!

– Манную кашу?

– Мань, издеваешься, что ли?!

– Гыгыгы!!!

Маму разговор с Маней взбудрил. Можно даже сказать – взбудоражил. Я вообще не уверена, что она смогла уснуть после этого разговора. Вполне возможно, что две оставшиеся ночи она только и делала, что металась из угла в угол да пекла пироги.

– Тетьнадь, – конспиративно заслонившись от очереди спиной, вещала в трубку Маня, – а папа себя как ведет? Нормально? А Ба когда возвращается? В среду? А чего она мне привезет? Не знаете? Жаль. Вы не говорите ей, что папа себя плохо вел, ладно? А то я его знаю, небось натворил делов. Чучундр своих домой приводил? Нет? Странно. А я чего, а я ничего, я очень даже уважительно об отце говорю!

Тут Маня развернула список и набрала побольше воздуха в легкие.

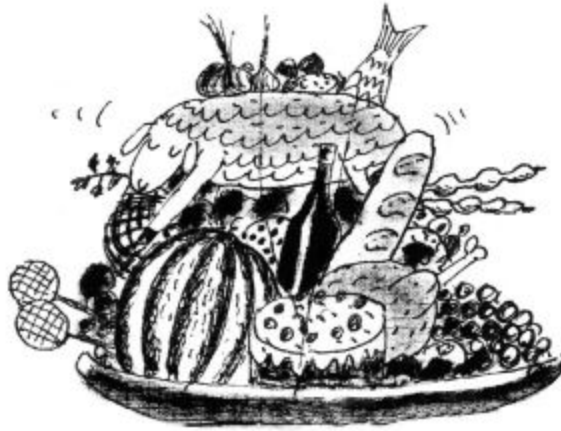
– А вы прямо с самого утра приедете? Ура! А торт «Мишку» испечете? Ура! А «Наполеон»? Не успеете? Ну, ничего. Тетьнадь, а булочки нам привезете? С миндалем, как я люблю? А шашлык делать будем? А конфет привезете? И фруктов нам привезите, ладно? И жареную курицу. А лучше две. (Пробежала глазами по списку, крепко задумалась.) В общем – мы кушать хотим!

– Вас что, совсем не кормят? – перешла на ультразвук мама.

– Да не волнуйтесь вы так, нас кормят!

Чем-то таким. Противным. Но мы это не кушаем. Зато хлеба в лагере много, и мы его воруем. И (невнятным шепотом в нос) йблк тоже много.

Грю-йблк! Ну яблок же, Тетьнадь! Воруем в саду и потихонечку едим. И воды у нас очень даже много. Особенно в речке. А туалетной бумаги совсем нет. Зато лопухов кругом растет видимо-невидимо, они-то нас и спасают. А завтра мы еще мыться пойдем. В баню! А то сколько можно невымытыми ходить! Ну все, до свиданья, Тетьнадь, тут очередь большая.

И Манька торжественно положила трубку.

А вечером мы всей комнатой утешали девочку Седу. Назавтра приезжала Седина мама, и как она отреагирует на историю с комбинацией – мы не знали.

– Она что тебе сегодня сказала?

– Я с братом разговаривала, мама на работе была.

– Спросила бы брата!

– Я что, сумасшедшая брата спрашивать? Он скажет, что мама меня убьет. Противный такой – сил нет, – возмутилась Седа.

Она достала из чемодана комбинацию и скорбно напялила на себя. Мы дружно затрепетали – комбинация была неземной красоты – нежно-бежевая, с кружевом по подолу и вышивкой на груди.

Когда мы увидели ее впервые, чуть не сдохли от зависти.

– Седа, – простонали мы, – а что это за красота такая?!

– Это моя комбинация, – похвасталась Седа.

– Откуда она у тебяаааа?

– Купили ее мне.

– Ооооо, – затряслись мы и обступили Седу со всех сторон. – Кто ее тебе купил?

– Мама. Я в ней сплю. Это моя ночнушка. – Седа надела комбинацию и гордо прошлась по комнате. Комбинация была несколько великовата, можно даже сказать, что Седа утопала в ней – лиф болтался в районе трусов, а подол мотался по полу, но это ничуть не портило ее роскошного вида. Мы ходили следом и, завистливо скривив рты, водили руками по ажурной вышивке на талии.

Но тут в комнату вошла товарищ Маргарита.

– Это что тут происходит? Ну-ка марш по кроватям! –
скомандовала она.

Мы кинулись врассыпную.

– Седа, а что это на тебе надето? – удивленно подняла брови
вожатая.

– Это моя комбинация, – забегала глазами Седа.

Товарищ Маргарита подошла к Седе, внимательно изучила
комбинацию, вывернула ярлык.

– Уууу, Югославия? Надо же. И пахнет духами. «Клима»?

– Ага, – шмыгнула носом Седа.

– Снимай, горе мое, – вздохнула товарищ Маргарита. – Мама
небось обыскалась?

– Не знаю, – засопела Седа.

– Завтра позвоним и предупредим ее, что комбинация у тебя.
Чтобы она не беспокоилась.

Товарищ Маргарита аккуратно сложила комбинацию, убрала ее в
Седин чемодан, пожелала всем спокойной ночи и, выключив свет,
вышла из комнаты.

Какое-то время в комнате стояла гробовая тишина, только и
слышно было, как за окном шумит речка да поют сверчки. Всем было
жалко Седу, ведь она без спросу взяла мамину комбинацию, а за это по
головке не погладят! Каждой хотелось сказать ей что-то утешительное,
но нужных слов придумать не получалось.

– Вот! – вдруг села в постели Маня. – А я, например, когда была
маленькая, ела штукатурку. Отколупывала со стен и ела.

– Да ладно! – с готовностью отозвалась комната.

– Клянусь! И ноги у меня были кривые, и не выпрямились, пока я
всю штукатурку в доме не съела. А еще, – не унималась Манька, – я
воровала у Ба ее золотые украшения и дарила моей воспитательнице.

– Оооо, – только и смогли выдохнуть девочки.

– А я села голой попой на раскаленный металлический табурет.
Он под солнцем раскалился, а я села. И потом меня возили в больницу
на перевязки, – похвасталась я.

– А чего это ты голой попой на табурет села?

– Дура была, – победно доложила я.

– Гыгыгы, – покатались девочки.

– А я изрезала на мелкие кусочки новую скатерть – хотела сшить своей кукле свадебное платье. А скатерть эта была дорогушая – ее должны были подарить маминной начальнице, аж всем коллективом деньги собирали, – вздохнула Сюзанна.

– И чего? – похолодели мы.

– Чего. Влетело, конечно. Папиным ремнем. Попа потом горелаааа...

Воцарилась минутная тишина. Все с ужасом представляли, как у Сюзанны горела попа.

– А я вот видите, – всхлипнула Седа.

– Да ну, можно подумать, – села в кровати Каринка, – а вот я.

И до поздней ночи вся комната, затаив дыхание, слушала рассказы о Каринкиных шалостях.

Периодически у какой-нибудь девочки не выдерживали нервы, и она восклицала:

– Ну ты вообще беда!

– Да, я такая, – с достоинством соглашалась Каринка.

В ту ночь нам удалось успокоить Седу, но сейчас родительский день был буквально на носу, и она горестно вздыхала, представляя, что ее ждет завтра.

– Побьет небось.

– Ну, может, и побьет, – соглашались мы, – но не сильно. Во-первых, ей будет неудобно на глазах у всего лагеря тебя бить, а во-вторых, она по тебе все равно соскучилась. А когда по человеку соскучился – наказывать его не хочется.

– Да? – обрадовалась Седа.

– Конечно!

– И вообще, – подала голос Маня, – не станет же она с твоего папы сдирать ремень, чтобы тебя наказывать. Вдруг брюки упадут, и весь лагерь увидит его трусы. Может, трусы у него несвежие! И вообще дырявые! Спереди и сзади!

А в воскресенье приехали родители.

Нет, не так.

А В ВОСКРЕСЕНЬЕ ПРИЕХАЛИ РОДИТЕЛИ!!!!!!!!!!!!

– Ну наконец-то я тебя увидела живьем! А то все во снах да во снах! – ткнулась с разбегу дяде Мише в живот Манька.

Дядя Миша обнял Маньку крепко-накрепко и закружил в воздухе, да так, что Манька радостно заверещала: «Иииии!!!»

– Это я специально тебе снился, чтобы ты себя хорошо вела!

– А Роза тебе не снилась? – мигом любопытствовал папа, и по тому, как мама с папой расхохотались, а дядя Миша забегал глазами, стало ясно, что вел он себя не очень.

– А у нас теперь в комнате стены красивые, как жар-птица, – рассказывала нам Гаянэ, пока мы водили родных по лагерю и показывали им все достопримечательности. Мама при виде каждой новой достопримечательности ахала и хваталась руками за голову, а дядя Миша кричал и приседал. Впрочем, все остальные родители вели себя точно так же.

– То есть как это стены красивые, как жар-птица? – поинтересовались мы.

– Я изрисовала одну стену узором, вот Гаянэ и решила, что это хвост Жар-птицы, – объяснила мама.

– Да-да, хфост и крылушки! – закивала Гаянэ.

Потом мама с дядей Мишей зашли в туалет, тут же выскочили и какое-то время слова не могли выговорить, а только глядели на папу и разводили руками.

– Если бы не раскуроченное сиденье машины, я не стал бы их здесь оставлять, – оправдывался папа. – Несколько раз порывался забрать девочек обратно домой, но достаточно было взглянуть на сиденье, чтобы мигом протрезветь!

– Какой кошмар, – только и смогла выговорить мама, – теперь меня ничем уже не удивить!

Тут она, конечно же, поспешила с выводами, потому что буквально следом тишину над лагерем взорвал очередной экзерсис неугомонного Славика.

– Мать вашу за ногу, – только и смог выговорить дядя Миша, а Гаянэ сначала испугалась и заплакала, а потом сказала, что в этом пиянельягере живет Чудо-юдо рыба-кит.

Славиков горн зазывал взрослых и детей на плац. Когда все построились, Гарегин Сергеевич поприветствовал гостей пламенной речью, поблагодарил их за хороших деток и сказал, что вокруг лагеря много замечательных уголков, где можно пожарить шашлыки и отдохнуть с детьми.

– А ежели вы хотите остаться в лагере, то милости просим в нашу столовую. У нас сегодня праздничные пироги с грибами и крапивный суп на мясном бульоне с гренками.

Пироги с грибами и крапивный суп случились благодаря тому, что дед Сако с тетей Линой весь вчерашний вечер прочесывали окрестности лагеря в надежде найти хоть что-нибудь, что могло украсить праздничный стол. Вернулись они, перемазанные землей и со множественными вкраплениями мха и лишайника по всему экстерьеру, но с победными двумя ведрами вешенок и лукошком крапивы наперевес.

Чтобы не обижать старания людей невниманием, некоторые родители зашли в столовую, попробовали Тетилининых пирогов и даже льстиво попросили рецепт начинки.

– Да я вас умоляю, – отмахивалась довольная тетя Лиана, – какая там начинка! Грибы, лук и отварные яйца. Главное, чтобы муравьев немного, а то будет кислинкой отдавать! – И, видя вытянувшиеся лица родителей, громко хохотала, вздрагивая большим животом.

День мы провели просто замечательно. Сначала папа с дядей Мишей развели костер и запекли на большом огне овощи – баклажаны, помидоры и болгарский перец. Потом, пока они жарили на углях шашлык, мы помогали маме готовить самый вкусный в мире салат к мясу. Для этого нужно было мелко порубить печенные на огне овощи, добавить к ним головку шинкованного репчатого лука и свежей зелени сколько не жалко, посолить и размешать. Все! Вкуснотень получилась невероятная.

Потом мы ели, ели и остановиться не могли. Сначала мы ели мясо, потом мы ели салат, потом мы снова ели мясо, потом сыра много-много поели и бастурмы поели столько, что пропахли ею с ног до головы. Потом мы ели торт, потом – конфеты, потом выцыганили у мамы по глоточку кофе и таки решили, что кофе – это жуткая дрянь. Потом мы взяли ракетки, чтобы поиграть в бадминтон, но почему-то снова расселись вокруг стола и, хоть кушать уже не могли, но сидели, выпучившись на яства, и сдвинуться с места были не в силах.

– Бедные дети, – вздыхала мама, – вы не волнуйтесь, мы всю еду вам оставим, а на той неделе приедем еще.

– Ага, – кивали мы, но не отходили от стола.

– Хотите, поедem домой? Бог с ним, с этим лагерем? – заплакала мама.

– Не хотим, нам здесь нравится.

– Мам, они уже совсем сиротиночки, вот и хотят остаться тут, – покачала головой Гаянэ.

А поздно вечером лагерь подсчитывал потери. Из девяноста восьми детей тринадцать укатили домой и еще восемь скулили вслед уехавшим родителям, отказываясь возвращаться в комнаты. Зато наш отряд не дрогнул и остался в полном составе. Еды было много, дня на три-четыре. Тетя Лина выделила каждому домику закут в кухонном холодильнике, мы сложили наши припасы в один большой пакет, прикрепили грозную записку: «Третий отряд, девочки. Не трогать!» – и торжественно убрали в холодильник.

Взрослая жизнь в «Колагире» продолжалась.

Глава 18. Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или «Зарница»

– Девочки, просыпаемся! Быстренько одеваемся и выбегаем на плац. У нас беда!

Мы ссыпались с кроватей и стали лихорадочно выпутываться из пододеяльников. Товарищ Маргарита маячила на пороге, вся из себя тревожная, волосы торчком, никакой тебе прически под Мирей Матье, никакой сумочки через плечо.

– А что случилось? – недоумевали мы.

– На разговоры нет времени. Надеваем обязательно брюки и свитера, погода сегодня пасмурная. У кого дождевики – берите с собой

дождевики. И бегом на плац, там все узнаете!

– Почему горн не продудел? – скакала на одной ножке Манька, пытаясь второй попасть в убегающую брючину.

– А и верно, – встрепенулись мы, – где Славик?

Но товарищ Маргарита не стала ничего объяснять. Она строго проследила, чтобы все оделись теплее, выставила нас из домика и заперла дверь на ключ.

Мы припустили к плацу. Впереди бежала Каринка. Сестра страсть как любила всякие приключения и, если где-то случалось что-то из ряда вон выходящее, первой оказывалась на месте происшествия. И первой же потом приносила дурные вести домой.

– Мам, – колотилась она спиной в дверь, – мам, открой! Ты знаешь, что случилось у Софы Симонян?

– Опять принесла вести с Черного моря? – открывала дверь мама. Плохие новости у нас называют вестями с Черного моря, видимо, потому, что черное у людей ассоциируется с трауром и печалью.

– Ага, – соглашалась Каринка, – совсем с Черного моря, чернее некуда! У Софы засорилась канализация! И теперь весь подъезд бегаёт в туалет на автовокзал. Ну, или к соседям, у кого не занято. А все почему? (Глаза врастопыр.)

– Почему?

– А все потому, что брат Софы засунул что-то в унитаз. Только не признается, что. Вот дурак!

– Действительно дурак. – И мама не мигая глядела на Каринку.

– А чего ты смотришь так? – ерзала сестра. – Я в унитаз ничего засовывать не собираюсь. Вон, Манька половник туда засунула. И чем это закончилось?

– Вот и не забывай, чем это закончилось, – говорила мама.

Весть с Черного моря не заставила себя долго ждать. Можно даже сказать – она дала о себе знать сразу, как только мы появились на плацу. Количество детей и вожатых в лагере резко сократилось – отсутствовали первый и второй отряды, и не было товарищ Торгома и товарищ Карена.

– А где остальные ребята? – недоумевали мы.

– Ничего не знаем, сейчас Гарегин Сергеевич нам все объяснит, – разводили руками вожатые.

И тут на плац вышел Гарегин Сергеевич собственной персоной. Мы дружно ахнули – начальник лагеря выглядел прямо-таки зловеще: отсвечивающий синевой гладковыбритый анфас, пятнистая военная форма, брови вразлет, глаза грозно присобраны вокруг переносицы.

– Пионеры! – прогремел Гарегин Сергеевич.

– Эры... эры... эры... – услужливо отозвалось эхо.

– Карр-карр-каррр! – взмыли вверх несколько взолощенных ворон.

Под ногами заплясал ветер, заморосил мелкий дождь.

– Пионеры! – еще раз прогремел Гарегин Сергеевич.

Пионеры подобрали гузки, втянули животы и превратились в слух.

– Ночью, пока все спали, в лагерь пробрался коварный враг. Он взял в плен старшие отряды и некоторых вожатых, которые оказывали героическое сопротивление, защищая ребят!

Здесь Гарегин Сергеевич сделал душегубскую театральную паузу, набрал полные мехи воздуха и исторг из себя исполненный муки вопль:

– И увел их в лес!!!

– Ооооо, – выдохнули мы.

– Их уже казнили? – крикнул кто-то. Все вытянули шеи посмотреть, кому хватило смелости такое выговорить. Смелости хватило звеньевому пятого отряда Гарику. У Гарики от торжественности момента дрожал голос и нос пузырился соплями, отливающими всевозможными оттенками желтого и зеленого.

– Кого казнили? – растерялся Гарегин Сергеевич.

– Наших вожатых!

– Не знаю, может, и казнили.

– Ыааа, – заголосили несколько особенно впечатлительных девочек.

– Нет! – спохватился Гарегин Сергеевич. – Конечно же, они еще не успели никого казнить. Сначала пленных будут допрашивать, чтобы выпытать все наши военные тайны. И только потом казнят. Поэтому нам нужно успеть их освободить как можно скорее.

– А как мы их найдем?

– Вы забыли, что речь идет о настоящих пионерах и советских отчаянных ребятах?! – Гарегин Сергеевич немилосердно чеканил шаг

вдоль наших рядов, скрип его отливающих северным сиянием ботинок вызывал лавины в горах и контузил на лету птиц. – Я уверен, что НАШИ ребята, пока их вели по лесу под дулами автоматов, исхитрились оставить нам какие-нибудь записки, чтобы мы знали, в каком направлении двигаться.

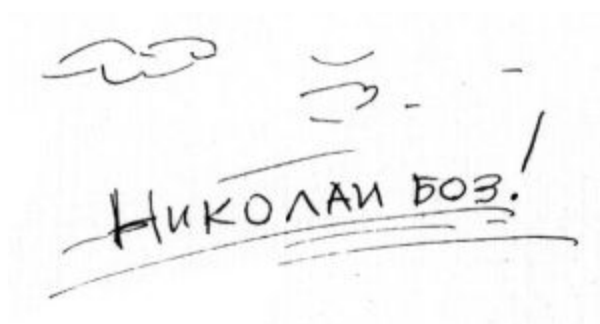
– А где они бумагу в лесу нашли, чтобы записки писать? – насторожились мы.

– Не знаю, – смешался Гарегин Сергеевич, – когда их спасем, заодно и спросим. А теперь у нас ровно пять минут на завтрак. Пионеры! (Эры... эры... эры...) Вся надежда на вас!

Пока ошарашенные чудовищным происшествием пионеры безропотно подъедали гречневую кашу и запивали несладким чаем окаменелости, условно называемые печеньем «Юбилейное», медсестра товарищ Алина собрала в дорогу большую санитарную сумку с красным крестом на боку.

– Нас что, убивать будут? – обрадовалась Каринка.

– Тебя – в первую очередь, – хмыкнул Гарегин Сергеевич и вручил сестре конфискованную рогатку: – Держи, я уверен, сегодня она тебе пригодится.

В восемь ноль-ноль бойцы батальона специального назначения пионерлагеря «Колагир», вооруженные до зубов Каринкиной рогаткой и адским скрипом ботинок Гарегина Сергеевича, двинулись в путь. Заплаканный пятый отряд, по волевому решению военного начальства, остался в лагере.

– Мы тоже хотим спасти пленных, – скулили ребята нам вслед.

– Вы – наш резерв, – моментально пресек упаднические настроения Гарегин Сергеевич. – Если и нас возьмут в плен, то вся

надежда будет на вас. Мы будем томиться в плену и ждать, когда вы всех спасете! Будь готов!

– Всегда готов! – взбодрился пятый отряд и, утерев рукавом сопли, пошел под чутким руководством тети Лины поливать под морозящим дождем яблони.

И, пока резерв дружно таскал из речки воду для поливки деревьев, мы, мимикрируя под ели и прочие ботанические дебри, бесшумно пробирались в самую гущу леса, туда, где, окруженные плотным кольцом немилосердного врага, томились попавшие в беду наши товарищи.

– Обращаем внимание на деревья, кусты, смотрим себе под ноги, – инструктировал нас Гарегин Сергеевич, – ребята могли оставить подсказки где угодно! Вот, например, это что такое? – кинулся он к какому-то полусгнившему пню. Сорок бойцов батальона специального назначения молниеносно кинулись следом и чуть не затоптали неосторожного начальника лагеря в лепешку. Гарегин Сергеевич не растерялся, раскидал ребят, а особо рьяного мальчика Эдика обезвредил путем применения удушающего захвата.

– Есть раненый! – крикнул он.

Вожатые подхватились, мигом смастерили из подручных средств и пледа носилки и, не обращая внимания на вопли Эдика: «Я не раненый, это Гарегин Сергеевич меня придавил коленом», – перебинтовали его с ног до головы и уложили на носилки. Товарищ Алина намазала Эдика йодом, закапала в глаза какой-то жидкости из большого пузырька, а потом несколько минут делала ему искусственное дыхание, попутно объясняя нам, как нужно правильно оказывать первую помощь.

– Помогите! – вырывался Эдик. – У меня ничего не болит, честное пионерское!

– Поздно уже, – пригвоздил его взглядом Гарегин Сергеевич, – ты напоролся на вражескую мину и серьезно ранен. Ясно?

– Ясно, – смирился со своей горькой участью Эдик и всю оставшуюся дорогу до места спецоперации провел на носилках. Мы по очереди таскали его по пням и кочкам, он сначала ругался и стонал, когда мы его случайно роняли на муравейники или задевали им какой-нибудь торчащий сук, потом смирился и только просил сильно не раскачивать носилки.

– А то меня тошнит, – жаловался он.

Манька молча шла рядом, о чем-то усиленно размышляла, шевелила губами и хмурилась, а потом вздохнула и потянула меня за рукав:

– Нарк, знаешь, чего я не пойму?

– Чего?

– А какие у нас военные тайны?

– То есть?

– Ну вот Гарегин Сергеевич сказал, ребят взяли в плен, чтобы выпытать у них военные тайны. А какие у нас военные тайны? Что у нас-то выпытывать?

Я крепко задумалась. Военных тайн у нас действительно не было. Совсем никаких. Можно было, конечно, считать военной тайной то, что мы воровали яблоки в саду. Но это разве военная тайна? Или то, как однажды, после трехдневных дождей, когда мы собирали гальку, доселе мирная речка издала какой-то ужасный рык, резко потемнела, вспучилась огромными волнами и потекла вперед широкой быстрой волной, подминая под себя берега. Мы тогда еле успели отскочить, прижались к забору, убежали в лагерь и несколько дней боялись без взрослых выходить к берегу. Но и это было не то. Я уже хотела согласиться, что пытаться нас не за что, но тут вспомнила о девочке Этери, которая мало того, что научила нас выговаривать без акцента грузинское «макоце тракши» (поцелуй меня в задницу), но и совершенно не боялась щекотки. Мы ее щекотали в пятки и в бока, а она глядела каменным истуканом и даже не улыбалась.

– Мань, – шепнула я, – Этери запросто могла бы стать нашей военной тайной. Она единственная девочка в лагере, да и, наверное, в мире, которая не боится щекотки.

– А и верно, – обрадовалась Манька.

– Э-те-ри, – шепотом позвали мы, – как ты себя чувствуешь?

– Шикарно чувствую, – воинственно шмыгнула носом Этери. – Уж мы зададим этим врагам жару!

– Не боишься щекотки? – Мы по очереди ткнули ее пальцем в бок.

– Ваще не боюсь, – сделала лицо кирпичом Этери.

– Молодец! Макоце тракши!

– Пачес ворс! – мигом отозвалась на армянском Этери. Культурный обмен между представителями разных союзных

республик прямо— таки бил ключом.

Я уже хотела обрадовать Этери известием, что она будет нашей военной тайной, но тут Гарегин Сергеевич предупреждающе поднял руку:

– Стоять!

Мы встали, как вкопанные.

– Не двигаемся! – скомандовал Гарегин Сергеевич и указал на высокое раскидистое дерево. – Видите, какое в этом дубе большое дупло?

Готов поспорить на что угодно, что там для нас какая-то важная информация! Кто полезет доставать ее?

Так как взобраться на дерево вызвались все сорок бойцов, Гарегину Сергеевичу ничего не оставалось, как закрыть глаза и ткнуть в первую попавшуюся макушку пальцем. И обладатель счастливой макушки, мальчик по имени Ашотик, взял штурмом дупло под завистливые взгляды остальных обладателей не столь счастливых макушек.

Интуиция не подвела Гарегина Сергеевича. Ашотик через минуту ссыпался вниз, прижимая к груди большую жестяную банку. В банке лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Мы чуть не извелись от ожидания, пока разворачивали информацию.

А потом дружно покрылись мурашками при виде подсказки, которую нам оставили наши пленные товарищи. По небольшому плакату извивалась долгая дорога, которая одним концом упиралась в дуб, а другим – в макушку холма.

Вдоль дороги пестрели подробные указания – сто шагов прямо, триста шагов на север, обогнуть слева утес, перейти реку по мостику. В макушку холма, красовавшегося на том конце плаката, упиралась стрелка, над которой была надпись печатными буквами: «Если хотите спасти нам жЫзнь, то к 11 ноль-ноль вы должны быть здесь. Опоздание смерти подобно!»

– Балбесы, нет чтобы без грамматических ошибок написать, – нахмурился Гарегин Сергеевич. – Пионеры! – развернул он над головой плакат. – Внимание! В моих руках подробный план. Я пойду первым, буду отсчитывать шаги. Вы идете следом, нога в ногу, шаг в шаг. Кругом много опасностей, враг мог заминировать дорогу! Любая ошибка может привести к трагедии. Всем ясно?

– Да! – прогрохотали мы.

– А теперь напомните мне, «жи-ши» пишется через...?

– «И»!

– Молодцы!

И мы, подстегнутые похвалой Гарегина Сергеевича, битый час петляли гуськом, отсчитывали шаги, по покрытой мхом стороне деревьев безошибочно определяли север, форсировали реку через мост и огибали совершенно безвредный, на первый взгляд, двухметровый утес.

– Осторожно, – инструктировали нас вожатые, – на этом утесе периодически случаются страшные камнепады!

– Ооооо, – трепетали мы и, втянув головы в плечи и затаив дыхание, пробирались по подножию утеса.

До опасной макушки холма было рукой подать. Обстановка накалялась, мы шли все медленнее и медленнее. Не так чтобы сильно боялись, но на всякий случай тряслись, как осенние листья на ветру. Можно даже сказать – зуб на зуб не попадал от страха. Но чтобы боялись – такого не было.

Вдруг Гарегин Сергеевич пригнулся и показал рукой, чтобы все присели.

Мы свалили в крапивные заросли носилки с Эдиком, подползли к нашему предводителю и обступили его со всех сторон.

– Они там! – зашептал Гарегин Сергеевич. – Двадцать вооруженных до зубов автоматчиков!

– Откуда вы это знаете? – заволновались мы.

– По следам вычислил, – не дрогнул команданте.

– Оооо!

– Оружия у нас нет, взять их голыми руками мы не можем, – не унимался Гарегин Сергеевич.

– У меня рогатка! – вызвалась Каринка.

– Да погоди ты со своей рогаткой, тут надо хитростью брать, силой мы их не одолеем. Есть какие-нибудь соображения?

Все с готовностью сделали умные лица.

– Поджечь лес вокруг, – предложила Каринка.

– Тогда наши ребята погибнут вместе с ними!

– Взорвать верхушку холма!

– Деточка! Надо спасать людей, а не взрывать! Да и взрывчатки у нас нет!

– Тогда напугать, – высказала мысль товарищ Маргарита.

– Вот это идея, – обрадовался Гарегин Сергеевич. – Слушайте мою команду! Я пробираться на ту сторону макушки и подаю условный знак.

– Какой знак?

– Ухну совой. Как только вы услышите меня, тут же поднимете большой шум. Начнете громко топтать, орать и скулить. Враг деморализуется и побежит в противоположную от шума сторону. А вы тем временем освободите наших пленных товарищей. Командовать вами будет товарищ Маргарита.

– Есть! – отозвалась наша вожатая.

– Всем все ясно? – выпучился Гарегин Сергеевич.

– А если вас убьют? – заволновались мы.

– Никто меня не убьет, я надежно спрячусь в кустах.

И Гарегин Сергеевич, немилосердно жестикулируя желваками, рухнул в кусты и через секунду пропал из виду.

Минут десять мы напряженно вслушивались в тишину. Комары ели нас поедом, но мы боялись даже пошевелиться, чтобы не пропустить условный знак.

– Ух-ух, – донесся наконец до нас крик совы.

– А-а-а-а-аааа!!! Улюлюлюууууу! Ыыыыыыы! – заорали мы и ринулись брать штурмом макушку холма. Через несколько секунд мы уже были на небольшой поляне. Там нас поджидали пленные ребята.

– Они бежали в ту сторону! Трусы! – хохотали они. – Вот трусы так трусы, бежали так, что пятки сверкали.

– Они вас не пытали? – спрашивали мы.

– Буквально уже хотели приступить к пыткам, но вы вовремя успели. Спасибо вам, вы нас спасли, – обнимали нас старшие ребята, а мы сопели, довольные, и уворачивались от их объятий.

Потом из кустов вынырнул Гарегин Сергеевич и обрадовал нас известием, что враги бежали вниз, в сторону озера Цили, а там их поджидает целый полк наших солдат, которые выдвинулись на подмогу прямо из ближайшего военного городка.

– Вы – настоящие бойцы, – приговаривал Гарегин Сергеевич и каждому пожал руку.

А потом он подозвал к себе Каринку и указал на дерево, которое стояло на краю поляны.

– Посмотри, что там на самой верхней ветке?

– Какой-то сверток.

– В этом свертке – наш стяг. Враг украл его и спрятал на дереве. Можешь сбить его?

И тут настал звездный час Каринки. Она вытащила из кармана большую рогатку и одним метким выстрелом сбила сверток. Ладно, вру. Попала она в сверток с третьей попытки, но согласитесь, это ничуть не умаляет ее подвига.

– Ура! – закричали мы, когда сверток упал в кусты.

Радовались все – и пленные, которые наконец освободились из плена, и мы, что спасли ребят, и вожатые, что «Зарница» наконец-таки закончилась, слава богу, без происшествий. Но больше всех радовался мальчик Эдик. Мы о нем совершенно забыли, и у него было достаточно времени, чтобы размотать бинты и разобрать к чертовой матери носилки. Ибо обратную дорогу вниз по холму он бы точно не пережил.

Вот такая у нас получилась «Зарница». И если вы меня спросите, жалею ли я о том, что побывала в пионерлагере «Колагир», то я вам отвечу, что ничуть. Это был один из самых замечательных июней нашего детства.

Уехали мы из лагеря за три дня до окончания смены. Потому что в среду вернулась Ба.

Вы уже достаточно знаете Ба, чтобы понимать – ее возвращение – железобетонный аргумент.

Весь четверг она инспектировала свои владения и пилила дядю Мишу за то, что он таки водил своих чучундр домой, а тетю Валю за то, что она не приструнила распоясавшегося дядю Мишу.

– Ты же мне обещала, Валя!

– Роза, я не могла ему отказать, – разводила руками тетя Валя.

– Э-эх, взрослая женщина, а туда же. Отказать она ему не могла!

А в пятницу она погнала папу забирать нас домой. И никакие мольбы, что завтра прощальный костер и первая в нашей жизни дискотека, не возымели на нее действия.

– Отдохнули – и хватит, – рявкнула Ба.

Пока мы с Каринкой складывали вещи, Манюня сочиняла записку девочкам из второй смены.

– Чтобы они знали, как тут жить надо, – сопела она, старательно выводя своим птичьим почерком инструкцию по выживанию.

Потом она спрятала листочек под свою подушку.

– Вот удивится та девочка, которой достанется моя кровать!

– Дети, а чему вас научили в лагере? – полюбопытствовала Ба, когда мы, попрощавшись со своими подружками, любимыми вожатыми, тетей Линой, дедом Сако и Гарегинном Сергеевичем, загрузились в машину.

– Строиться в ширинки! – радостно отрапортовала Манька.

P.S.

Манина инструкция по выживанию

Увозжаемые девочки! Тут вообще-таки хорошо. Конечно, вы будете много плакать, проситься домой и кушать маную кашу. Зато булки у тети Лины что надо. Не сомневайтесь. Так что по субботам и воскресеньям будете вкусно полдничать.

Яблок осталось мало. Все съели мы. И землянику всю съели. И такие черные круглые ягоды, кажется ядовитые, но тоже съели и выжили. Зато у вас будет много ежевики. Она была зеленая и крыпкая, и ее съесть мы не смогли. Хоть пытались. Эдик из четвертого отряда ел желуди, но мы их есть не смагли. Они пративные.

Спать надо вот как. Вытаскиваете адияло, залезаете в пададияльник, растопыриваете по углам руки и ноги, обнимаете себя и падаете на кровать на живот. Только падайте акуратно, а то Нарка сибе лоб расшибла когда падала, каланча.

Товарищ Маргарита хорошая важсая, не сомнивайтесь. Она будед для вас воровать из столовой хлеб. Пугайте ее ночью страшилками. Она это любит.

Вот и все, бедные девочки. Мы уежаем, а вы приежаете.

Будь гатов – всигда гатов!!!!

Мария Шац. Михайловна. 4 июля сего 1981 года. Будьте здоровы и счастливы.

Глава 19. Манюня наконец вернулась домой, или Кушайте свежие фрукты и овощи, друзья мои!

Если кто-то спрашивал у нашей Сонечки, чего она хочет в подарок, то Сонечка неизменно отвечала:

– Нога-нога канхет и банучку мйода (много-много конфет и баночку меда).

А еще наша Сонечка басила. Прямо с самого рождения. И очень любила первой отвечать на телефонные звонки, поэтому играла исключительно в шаговой доступности от телефонного аппарата. Периодически, если телефон долго молчал, она поднимала трубку и увещевала:

– Ае! Ае! Поговойите хуть цто-нибудь!

Годам к семи сестра «добасилась» до того, что люди на ее раннеутреннее «але» говорили:

– Здравствуй, Юрик!

– Это не Юрик, это я! – возмущалась Сонечка.

– Драстамат Арутюнович? – пугались люди, думая, что им отвечает наш дед.

Сестра обиженно бросала трубку.

Но это уже потом, спустя «нога-нога лет», а сейчас Сонечке было год и восемь месяцев, и на вопрос Ба: «Что тебе привезти из Новороссийска?» – она важно пробасила:

– Нога-нога канхет и бацьенок мйода.

– А чего это сразу бочонок? – выпучилась Ба. – У всех баночку просила, а у меня бочонок просишь? Вот оно, еврейское счастье! Где справедливость, спрашивается?

Мы захихикали. Ба очень смешно возмущалась – вплотную приблизилась к Сонечкиному личику и грозно шевелила бровями. Впрочем, Сонечка была не робкого десятка – она с вызовом сопела и, собрав глаза в кучку, глядела прямо в переносицу Ба.

– Вчера по телевизору показывали мультик, вот она и запомнила новое слово, – объяснила я, – теперь вместо баночки меда Сонечка просит бочонок.

– Ты не могла подождать, пока я уеду в Новороссийск, и потом запомнить новое слово? – снова повела бровями Ба.

– Хацу бацьенок! – упрямо выпятила нижнюю губу Сонечка.

– Значит, будет тебе бочонок, чудо ты пернатое, – вздохнула Ба, – ну-ка покажи, где у тебя седая прядь волос?

– Вон! – и Сонечка ткнула пальчиком себе в макушку.

Самой большой достопримечательностью нашей семьи была седая прядь сестры. Если к нам приходили гости, то первым делом они принимались ковыряться в Сонечкиных волосах, чтобы удостовериться, что с ее знаменитым седым локоном ничего не случилось.

– Это божий знак, – цокали они языками.

Сонечка носилась со своим локоном как с писаной торбой и по сто раз на дню подбегала к зеркалу, чтобы проверить, на месте ли он или, не дай бог, ушел к какой-нибудь другой Сонечке.

– Иде мой бозизак? – приговаривала она, ковыряясь в своих золотистых локонах. – Воооот мой бозизак!

Второй по популярности достопримечательностью нашей семьи были разрушения, которые наносила квартире Каринка. Причем сестра действовала с такой оголтелой методичностью, что если мама два дня подряд не звонила в ЖЭК, то работники ЖЭКа чуть ли не сами звонили нам, чтобы удостовериться, что квартира пока на месте и мы, в общем– то, живы. А когда у нас случались гости, то они ходили по комнатам, в священном ужасе приглядывались к вывернутым розеткам, вырванным с мясом дверным косякам, покрытой трещинами сантехнике, порушенным карнизам и возвращались домой в твердой уверенности, что их дети – ангелы в плоти.

Понятно, что ремонтировать квартиру, когда под ногами путается склонный к апокалипсическим по мощи разрушениям ребенок, в крайней степени опасно. Поэтому родители решили отремонтировать детскую, кабинет и ванную за те три недели, которые мы проведем в

пионерлагере. Мама, конечно, мечтала привести в порядок всю квартиру, но, когда она об этом заикнулась, папа заявил, что она может отремонтировать хоть весь подъезд, но только после развода с ним.

Вообще, когда разговор касался денег, папа мигом выходил из себя и начинал бегать по квартире, в порыве страсти хватаясь за голову и возводя к потолку руки. Оно и понятно – прокормить на советскую зарплату многодетную семью было крайне проблематично, даже если оба родителя трудились не покладая рук. Поэтому всякие новые непредвиденные расходы сильно напрягали нашего многострадального отца.

Вот и сегодня все пошло по обычному сценарию – услышав о новых тратах, он тут же ринулся колобродить, возмущенно нарезая круги по квартире. А мама ходила следом и вносила рацпредложения. С каждым новым маминым рацпредложением папа все больше и больше входил в раж.

– Жена, денег нет! Де-нег! – вопил он, мельтеша то в кабинете, то в коридоре, а то и вообще неожиданным образом выныривая из детской. – На что мы жить будем? Детей как прокормить?

– Возьмем в долг, – не сдавалась мама.

– У кого мы еще в долг не брали? – Папа порылся в шкафу, достал телефонную книгу и повертел ее перед маминым носом. – Укажи пальцем, у кого мы не взяли денег, и я позвоню ему! Нам еще восемьсот рублей людям возвращать. Восемьсот!

Тут папа издал вопль раненного в пятку Ахилла и побежал дальше, по ходу сумбурно стучась головой о дверные косяки и другие выступающие части квартиры.

– А нечего было ездить на футбольный матч! – выстрелила своим коронным аргументом мама. – Виданное ли это дело, сначала покупать машину, а потом еще и выкупать ее! Только-только из одних долгов вылезли, и вот на тебе, сразу в другие влезли!

Каждый раз, когда мама упоминала о неприятной истории с угоном нашей «копейки», папа мигом выходил из себя. Оно и понятно, какому мужчине приятно осознавать, что он допустил ошибку?

Поэтому и сегодня папа не стал изменять своим привычкам и моментально задымился ушами:

– Вот она! Женская логика! Просто железобетонная логика! Мало у нас долгов, так давай еще наберем! Можно подумать, не нам эти долги возвращать, а кому-то другому!

– Зато квартиру отремонтируем, – вздохнула мама, – и лет пять не надо будет думать о ремонте.

– Да разве это дети? – Папа гневно ткнул пальцем в нашу сторону. – Да разве они дадут ремонту продержаться пять лет? Через месяц квартира опять будет в руинах! С такими детьми только в пещере надо жить! Это же не дети, а азраилы какие-то!!!

Мы скромно потупились. Что ни говори, а папа был прав, мы не дети, а азраилы. Вон, позавчера оторвали дверцу шкафа в детской. Не просто сняли с петель, а оторвали с мясом. А все почему? А все потому, что по очереди висели на этой дверце и раскачивались туда-сюда. Ну и раскачались до того, что она с хрустом оторвалась и повалилась с Каринкой на пол. Что потом было – страшно рассказывать. Прилетела мама и со всех три шкуры спустила.

А на той неделе что мы учинили? Пока мама ходила за продуктами в магазин, мы включили пылесос, сняли насадку и засосали в трубу половину нашего гардероба. Вы спросите, как в небольшой пылесос удалось засосать столько одежды? А я вам объясню как. Мы сначала засасывали несколько одежек, потом разбирали пылесос, доставали изрядно испачканные юбочки и футболки и брались за новую партию чистой одежды. Если пылесосу не хватало мощности засосать тот или иной предмет гардероба, мы помогали ему спицей. Так что к приходу мамы вся наша летняя одежда требовала безотлагательной стирки, а мы были перемазаны грязью с ног до головы. Хорошо, что пылесос не сломался, а то нас бы выгнали из дома. А так все пошло по классической схеме: сначала нам отвесили фирменные подзатыльники, потом отправили мыться, а потом заперли в детской подумать о жизни.

За те двадцать минут, которые нам отвели на подумать о жизни, мы успели подраться двадцать раз, и, когда мама влетела в детскую, чтобы растащить нас по отдельным комнатам, я кругом была в фингалах, а Каринка могла похвастаться большой царапиной поперек спины.

Я уж промолчу о том, как сестра взорвала наш приемник «Электронику». Как-нибудь потом, когда вы достаточно покушаете летних фруктов и овощей и не будете так катастрофически ослаблены авитаминозом, я, так и быть, расскажу эту историю. Но сейчас не буду,

потому что я не бессердечный человек и беспокоюсь о вашем здоровье.

В общем, папа был прав – с такими детьми, как мы, жить можно только в пещере. Тем более, что пещер в нашем горном районе видимо-невидимо. Порушили дети одну пещеру – собирай свои вещи и переезжай в соседнюю.

Спор родителей прервал приход Ба и Манюни.

Папа тут же с радостью убежал к соседу дяде Араму – играть в нарды, а мама принялась жаловаться Ба на свою горькую судьбу. Мол, и живет она в провинциальной дыре, и муж у нее чурбан, и дети малолетние варвары.

– А выйди я замуж не за Юру, а за Вадика, жила бы сейчас в Ереване и была бы женой музыканта!

– Ты про Вадика, который играл на медных тарелках? – сделала боевую стойку Ба.

– Ага, – шмыгнула носом мама.

– Ну да, что ни говори, завидную партию ты упустила. Вадик бы тебе серенады наигрывал на своих тарелках, и дети от него пошли бы чистой воды амебы, потому как контуженные с самого зачатия!

И мама сначала долго смеялась, аж до слез, а потом обняла нас и сказала, что ни за что на свете не вышла бы замуж за другого человека.

Потому что у нее самые хорошие на свете девочки. А еще она сказала, чтобы мы не расстраивались – это просто у нее не выдержали нервы, такое случается с взрослыми людьми. А мы, в свою очередь, заверили маму, что совсем не расстраиваемся, и если у нее такие плохие нервы, то пусть она сходит и купит хорошие, чай в любой аптеке этими нервами завалены прилавки.

– А то тратишься на этот противный гематоген, сколько можно!

Потом мы все дружно пили чай, а Ба составляла список, кому чего надо привезти из Новороссийска.

Список получился внушительным:

Сонечке: бочонок меда и много-много конфет.

Гаянэ:

Гаянэ: Ба, купи мне красивую куклу, которая говорит «мама» и кушает кашу.

Ба: Деточка, где я тебе такую куклу возьму?

Гаянэ: Ладно, – тяжкий вздох, – тогда надувной мячик.

Ба: Вот это другой разговор!

Маня: Ба, и лопаточку ей привези.

Каринке:

Каринка: Мне бы такой нож, где много разных штук, штопор там, ножницы...

Ба: Сразу нет!

Каринка: Тогда медаль!

Немая сцена.

Каринка: Ладно, костюм индейца.

Ба: Привезу краски. И нечего кривить рот! Кто в художественной школе учится? То-то!

Маня: Ба, и карандаши ей не забудь!

Наринэ:

Ба: Ну что, тебе как всегда? Мир во всем мире привезти?

Общий хохот.

Наринэ: Ба, привези мне длинное платье. И туфли на каблуках!

Ба: Так и запишем, сарафан и сандалики.

Маня: И мне, и мне! Чтобы мы в одинаковой обуви ходили. И в одинаковых сарафанах. Только не забудь мои сандалики взять на три размера меньше!

– На три размера меньше – это да, – вздохнула Ба. – Надя, дай мне листочек и карандаш, чтобы ласты этого чудо-ребенка обмерить.

– Баааа, – заныла я, – а чего это ласты! Вы меня постоянно обзываете! То ласты, то шнобель, то каланча! То чудо-ребенок, – подумав, до кучи добавила я.

Ба постелила на полу лист бумаги.

– Правую ногу ставь! Говорю правую, – инструктировала она, – правая нога обычно больше левой.

Я нехотя поставила ногу на бумагу, и Ба принялась обводить мою ступню карандашом.

– Деточка, – прокряхтела она, – если в одиннадцать лет у ребенка тридцать восьмой размер ноги, это как называется? Могу лыжами называть, если ласты не устраивают.

– Баааа!

– Нариночка, деточка, ты не переживай. Вот по молодости у меня нога тоже была тридцать восьмого размера. А теперь какого?

– Какого? – с надеждой спросила я.

– Сорокового!

– Аааааа, – забила я в истерике и убежала в свою комнату – оплакивать свои ласты.

– Надя, я, кажется, не совсем удачный пример привела, да? – долетел до меня голос Ба.

– Ну как сказать, тетя Роза, – заюлила мама, – в общем-то, да, конечно, не совсем удачный. Но в целом поучительный.

В чем поучительность примера Ба, я не очень поняла, но плакать не стала, я ж не глупая оплакивать свои ноги, да и расстроиться мне не дали – тут же прибежали Манька с Каринкой и стали утешать меня, как умели – Манька гладила меня по голове, а Каринка называла душой. А следом пришла Ба и сказала, что с такими ногами, как у меня, можно легко стать чемпионкой мира по плаванию.

– Это же не ноги, а прям лопасти какие-то!

– Да ладно, Ба, – надулась от гордости я.

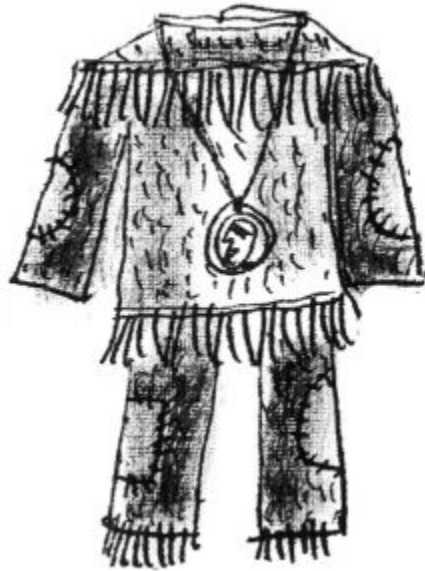
А потом притопала Сонечка.

– Хочес, я тебе дам мой бозизак? – ткнулась она носиком мне в щечку.

Я обняла сестру и крепко-накрепко прижала к груди. Если даже маленькая Сонечка готова ради меня отказаться от своей знаменитой пряди волос, то что такое тридцать восьмой размер ноги в одиннадцать лет? Практически счастье, вот что это такое!

* * *

Когда мы вернулись из пионерлагеря, то были очень удивлены переменами, которые произошли за время нашего отсутствия. Во-первых, напротив нашего дома затеяли большую стройку, и теперь на месте пустыря, где мы привыкли играть в догонялки или наблюдать, как сестра калечит Рубика из сорок восьмой квартиры, красовался большой котлован. Во-вторых, двор, по которому раньше невозможно было пройти, наконец заасфальтировали, и очень даже вовремя, потому что следом по нему туда и обратно проехала строительная техника и счастливо перелопатила весь асфальт. А в-третьих, папа наконец достроил гараж, и мы чуть не скончались от страха, когда он загонял туда нашу «копейку». Дело в том, что в полу гаража красовалось большое прямоугольное отверстие, и нужно было заехать внутрь так, чтобы не угодить в это отверстие колесом. Отверстие вело в подпол, где соорудили большой подвал. В подвале потом хранились наши запасы на зиму – овощи и фрукты, а также банки, куда мама закатывала всевозможные вкусности.

Квартира тоже изменилась до неузнаваемости – детскую покрасили в нежно-васильковый цвет, а на одной стене красовался большой золотисто-лиловый рисунок с тонкой восточной вязью. Кровати были застелены новыми покрывалами бирюзового цвета, на окнах висели прозрачные шторы в мелкий золотистый узор.

– Я решила декорировать вашу комнату под персидскую сказку. Будете царевнами Шираза. Ну как, нравится? – спросила мама.

– Красота-то какая, – ахнули мы, – вот это красота!!!

– Дверцу шкафа приклеили специальным клеем и дополнительно укрепили. – Мама распахнула шкаф и с гордостью показала нам шов на панели, который зафиксировали какими-то металлическими шурупами. – Видите, сколько пришлось приложить усилий, чтобы привести шкаф в божеский вид? Но ничего, зато мастер обещал, что теперь дверца будет держаться намертво.

Мы с Каринкой поцокали языками, провели рукой по шурупам. Потом мама показала нам ванную.

– Ни одной трещинки на раковине, какое счастье, – радовалась она и водила руками по гладким бокам беленького мойдодыра.

Потом мы любовались свежеекрашенными стенами кабинета, новым бежевым торшером и тихо ликовали, что мы снова дома.

– Хорошо-то как, – вздыхала я.

– Неплохо, ага, – великодушно соглашалась Каринка.

А вечером мама подвергла нас пытке мытьем. Она собственноручно намылила нас с ног до головы, целых три раза! Чуть всю кожу не содрала. Потом немилосердно протерла нас крахмальным полотенцем и прочистила уши, да так, что, заглядывая в одно ухо, можно было увидеть, что творится в противоположном.

Далее она накормила нас досыта ужином, и мы, осоловелые от такого количества тщательной гигиены и вкусной еды, завалились спать.

Назавтра к нам в гости заглянули Ба с Маней и принесли подарки из Новороссийска. Мне достался красивый нежно-голубой сарафан в белую ромашку и желтые лаковые босоножки, Каринке – набор масляных красок «Нева» и летний комбинезон с олимпийским мишкой на груди. Гаянэ получила надувной мяч и розовое платьице, а Сонечке Ба вручила пакетик с карамельками, красивую курточку и...

– Тадаммм! – торжественно возвестила она и жестом фокусника вытащила из пакета маленький, величиной в чайный стакан, пузатый деревянный бочонок. На боку бочонка красовалась этикетка с надписью: «Липовый мед».

– Кто у нас просил бочонок меда? – ворковала Ба. – Я весь Новороссийск обошла, чтобы найти тебе то, что ты просила.

Сонечка глянула на бочонок и обиженно засопела:

– А иде бануцка шкушонки и ёсидь?

– Надя! – всколыхнулась Ба. – Что за беспардонное отношение? Я весь Новороссийск обошла...

– Тетя Роза, – вздохнула мама, – это не ребенок, а сущее наказание. Пока вы бегали по Новороссийску в поисках баночки меда, она посмотрела по телевизору другой мультик и запомнила два новых слова – сгущенку и лошадь. И всю плешь нам проела очередными своими фетишами. Знаете, что? Забирайте обратно бочонок с медом, раз Сонечка такая невоспитанная девочка, не надо ей ничего дарить! – И мама скорбно сложила руки на груди и покачала головой.

– А и верно, я лучше сама съем мед! – подыграла маме Ба, повела перед Сонечином носом подарком и демонстративно убрала его в пакет.

– А и вейно, – пожала плечом Сонечка, – я хацу бануцку шкушонки и ёсидь! Ницево бойсе не хацу, ни-це-во!

Ба окинула мятежный метр Сонечкиного роста немигающим взглядом, пожевала губами и устала на маму:

– Надя, у этого ребенка характер похлеще моего. Она еще покажет нам, где раки зимуют!

И, пока мама дипломатично уверяла, что характер у Ба просто золото, а Каринка с Гаянэ переодевались в детской в обновки, я под чутким руководством Мани примеряла босоножки. Босоножки были очень красивые – ярко-желтые, лаково-блестящие, и на манер греческих сандалий застегивались на щиколотках.

– Ба, они мне даже велики. На целый размер!

– Деточка, не хотелось бы такое говорить, при твоих-то реалиях, но я их на вырост взяла. На всякий слу...

Ба не успела договорить, потому что из детской раздался такой грохот, словно уронили целую тонну чего-то железобетонного.

– Господи, – схватилась мама за сердце и ринулась на грохот. Следом полетели мы.

В комнате нас поджидала картина маслом: Гаянэ испуганно выглядывала из-за штор, а красная, как вареный рак, Каринка выползала из-под оторванной дверцы шкафа.

– И ничего она не намертво! – пропыхтела она. – Мам, этот мастер – настоящий жулик! Он вас обманул. Я и повисеть-то толком не успела, просто разочек качнулась, и вот. Все шурупы вылетели, и дверь рухнула прямо на меня. Разве так чинят? – и Каринка рассерженно пнула дверцу ногой.

Опустим занавес, чтобы не травмировать вашу неокрепшую весенним авитаминозом психику ледящими душу сценами.

Ешьте свежие овощи и фрукты, друзья мои. Укрепляйте иммунитет. Мы вернулись!

Глава 20. Манюня перебирает гречку, или Как Ба разочаровалась в своем кумире

При всем своем безразличном отношении к косметике Ба имела неплохой запас на все случаи жизни. Посудите сами: три помады – одна розовая, одна коричневая и одна светленькая со смешным названием беж, далее тональный крем с балериной на тюбике, пудреница с пышной пуховкой, карандаш для подводки глаз, карандаш для подводки бровей и тушь в специальной коробочке с пластиковой беленькой кисточкой. Весь этот арсенал Ба хранила в круглой расшитой золотой нитью косметичке. За эту косметичку мы с Манькой готовы были душу продать. Удавись. Пойти на любые жертвы, в том числе съесть целую кастрюлю тушеных овощей. Отказаться от конфет

навсегда. Ладно, на полгода. Ладно, вру, на неделю, что, согласитесь, тоже немало.

Впрочем, зря я перечисляю подвиги, на которые мы с подружкой готовы были пойти, чтобы заполучить эту чудесную расшитую золотым узором косметичку. Ибо она нам не светила при любом раскладе. Особенно после того, как Манька испортила новую коричневую помаду Ба. Ну об этом я вам уже рассказывала. Ба тогда таааак рассердилась, что сначала маленько покалечила внучку, а потом перепрятала косметичку не пойми где. Мы с Манькой методично обшарили все углы и закоулки в доме, но так ничего и не нашли.

Редко-редко, когда Ба красилась, ну, там, когда гости важные приходили или надо было съездить в Кировабад, навестить родственников и своим цветущим видом насолить жене двоюродного брата тете Зине, так вот, когда Ба красилась, мы вертелись окрест в надежде высмотреть, куда потом она прячет косметичку. Но тщетно. Ба всегда улучала момент и перепрятывала ее с концами. Она вообще была чемпионкой мира по перепрятыванию косметики, что уж там говорить.

Даже питательными кремами Ба пользовалась раз в сто лет. Ладно, не раз в сто лет, но редко. Если только напарится в ванной до изнеможения. Тогда намазюкается «Балетом» с ног до головы, затаяет кудрявые от влаги волосы в смешной хвостик и давай чай гонять. В хорошем расположении духа она могла выпить целый чайник чая. Если же у Ба случалось плохое расположение духа – ну, мы, там, набедокурили, или дядя Миша чего-то учинил, или кто на нее косо посмотрел и ушел с места происшествия живым, – то тогда чаепитие растягивалось до глубокой ночи. Ба наливала одну чашку кипятка за другой и, гневно перекаывая во рту кусочек сахара, жаловалась, например, маме, или в распахнутое кухонное окно – соседке Вале, которая выгуливала у себя во дворе маленького внука Петроса.

Сегодняшний день, как вы понимаете, исключением не стал.

– Валя, это не жизнь, а сплошная мука, – трубила Ба в тщательно занавешенное марлей (мухи!) кухонное окно. – С утра до позднего вечера я как белка в колесе. То приготовь, то уберишь (громкий глоток), то посуду вымой, то пол протри. То за этими (два звонких подзатыльника, «Бааааа, ну что ты опять дерешься!») охламонками

проследи. А если (громкий глоток) к ним еще третья охламонка присоединяется, то это же вообще прям ложись и помирай!

– Не говори, Роза! – волновалась с той стороны забора тетя Валя. Чтобы увидеть в надежно зашторенном кухонном окне силуэт Ба, мелкогабаритной тете Вале приходилось вставать на цыпочки. Вот так, стоя на цыпочках и тряся перед носом осоловелого Петросика звонкой погремучкой, тетя Валя и поддерживала беседу.

– А Миша? – продолжала Ба. – Рожала сына для чего?

– Для чего? – эхом отозвались мы с Манькой.

– Еще один вопрос, и получите по новой, ясно? – грозно вылупилась на нас Ба.

– Ясно, – проблеяли мы.

– Что за бестолковые дети! – обернулась к тете Вале Ба. – Попросила перебрать немного гречки. Два часа перебирают, два часа! Я бы за пять минут справилась!

Мы с Маней горестно вздохнули. Что верно то верно, помощники из нас совсем никудышные. Вон, даже гречку по третьему кругу перебираем. Ну то есть как по третьему – сначала Ба высыпала гречку в пластмассовый маленький поднос, показала, как ее перебирать, а сама пошла гладить. Мы рьяно взялись за дело, но быстро сникли – ковыряние в гречке оказалось не таким увлекательным занятием.

– И так сойдет, – махнула рукой Манюня. – Давай лучше пойдем выкопаем яблоко и посмотрим, пустило оно росток или нет.

Мы пересыпали гречку из подноса в миску и выскользнули из дома.

Позавчера Ба купила на рынке очень вкусные яблочки. Они были насквозь розовенькие, гладкие, блестящие, сочные, с ярко-красными косточками. Надкусил такое яблочко – а оно вплоть до самой до сердцевины в розовых разводах. Манька стащила одно такое чудо-яблочко и воровато закопала его в саду.

– Вырастет из него целое деревце, и будет у нас много своих красивых яблочек, – поделилась она на следующий день своим секретом.

И теперь по двадцать раз на дню мы выкапывали яблоко и разочарованно закапывали обратно. Хоть мы и поливали его без усталости, прорасти оно никак не желало.

– Пропадет ведь, – вздыхала Манька.

– Пропадет, – вторила ей я.

Вот и сегодня, выкопав яблоко и рассмотрев его со всех сторон, мы пришли к горестному выводу – вырастать в яблоню оно никак не желает, ну хоть тресни!

Мы уже собирались закопать его обратно в землю, но тут налетела Ба, схватила нас за шиворот и потащила в дом.

– Это как называется? – сунула она нам под нос миску с гречкой. – Я кого попросила перебрать гречку? Разве так перебирают?

– Баааа, нам было лень, – заныла Манька.

– Мне тоже много чего лень! Стирать и гладить, например, лень! Но я-то все делаю! Ну-ка принимайтесь за дело! И складывайте весь мусор вот на это блюдечко, чтобы я видела результат ваших трудов!

Ба поставила перед нами поднос с гречкой и еще раз показала, как ее нужно перебирать.

– Я сейчас пойду мыться, и чтоб к моему приходу все было готово, ясно? И попробуйте только не справиться! – дыхнула она на нас огнем.

Дождавшись, пока в ванной зашумит вода, мы выползли из-за стола. Нужно было закопать яблоко.

– Одна нога тут, другая – там, – скомандовала Манюня.

«Одна нога тут, другая – там», – не получилось. Сначала мы закопали яблоко, потом полили его, потом решили подыскать ему место получше, а то мало ли, может, там, где мы его посадили, земля нехорошая, поэтому оно и не прорастает. И Манька, как заправский Моисей, сначала долго водила меня по саду, потом выкапывала яблоко и закапывала на новом месте – между грядками кинзы и укропа, а потом еще долго поливала его из шланга, чтобы оно не погибло от засухи. И так увлеклась поливанием, что даже порушила часть грядок тугой струей воды.

– Мария! – пригвоздил нас к земле голос Ба. – Наринэ! Что вы там такое учинили?!

Мы вырвали шланг и обернулись. Ба грозно выглядывала из окна – лицо красное, на голове кривенькой чалмой торчит полотенце.

– Это, Ба, – зачастила Манька, – мы тут решили грядки полить. Петрушку там, укроп.

– Идите домой, деточки, – ласково сказала Ба. – Не пойдем, – пискнула я. – Ты нас побьешь!

– Не пойдете – убью! Выбор за вами.

Мы с Манькой переглянулись, виновато шмыгнули носами и потрусили к дому.

Ба ласково встретила нас подзатыльниками и повела в ванную – мыть руки.

– Вы гречку перебрали? – пророкотала она.

Гречка!

– Ба, мы совсем про нее забыли, но сейчас точно все сделаем, точноточно!

Ба не поверила своим ушам:

– Вы что, до сих пор не перебрали ее?

– Мы забыли, – взвыли мы и заметались по ванной комнате. Правда, какой толк от этих «заметаний», если на пороге высится Ба и мимо просочиться категорически невозможно, а под ванну особо не спрячешься – она со всех сторон заложена кафелем?!

Ба, изрыгая проклятия, схватила нас за уши и поволокла на кухню.

– Аааааа, – орали мы, – отпустиииии!

– Не нравится? – приговаривала Ба. – А вы думаете, мне нравится по сто раз на дню одно и то же повторять?

Когда тебе хорошо повыкручивали уши, дело определенно спорится быстрее. Не прошло и двадцати минут, как мы с Манькой гордо продемонстрировали результат наших трудов – целое блюдечко камушков, зерен и другого мусора, которым щедро была сдобрена гречка.

– Ну как?

– Отлично! – Ба убрала со стола чашку. – Сейчас быстренько промоем ее и отварим, и будет у нас гарнир к котлетам.

– Зря ты нас заставляешь чистить гречку, – потирая зудящее ухо, задумчиво протянула Манька. – Вот подумай сама, зачем в ней много мусора?

– Зачем?

– Нет, ты подумай, – уперлась Манька.

– Я сейчас подумаю тебе! – рассердилась Ба.

– Ладно, так объясню. Нам в школе рассказывали, что, если есть медленно, пища усваивается хорошо. А если спешить и не прожевывать еду, то от этого желудок болит. Вот. Видимо, в гречку специально добавляют камушки, чтобы мы аккуратно жевали. Сидишь себе, как верблюд, тихонечко пережевываешь гречку, чтобы камушки под зубы не попадали. Заодно и желудку польза! А чистую гречку раз-раз – и всю проглотил. Разве это дело?

Ба закрутила кран и уставилась на внучку поверх круглых очков.

– Ну давай тогда ничего не мыть, зачем церемониться? Откопали картошку и сразу съели. Она вся грязная и к тому же сырая. Сидишь себе тихонечко, как верблюд, пережевываешь пищу, и желудку польза, и картошку жарить не надо.

– Нет, – забеспокоились мы, – ну как же так без жареной картошки? Жареная картошка очень даже нужна!

Ба достала эмалированную кастрюлю, засыпала туда гречку, посолила ее, положила кусочек сливочного масла, залила крутым кипятком и поставила томиться на маленький-премаленький огонь.

– Вот и не надо тогда глупости говорить, – хмыкнула она. – Пойдем, поможете мне набрать зелени и принести сыр из погреба.

– Пойдем, – радостно подскочили мы и, выдирая друг у друга миску из-под сыра, ринулись во двор. Сначала зашли в погреб и достали из рассола остро пахнущую головку жирной брынзы, а потом поскакали в огород – набрать свежей зелени. Петрушки там, укропа, базилика, зеленого лука и кресс-салата.

Ну и прямо там, между грядками базилика и кресс-салата, получили по заслугам. Потому что Ба сразу заметила разрушения, которые мы нанесли нежным побегам зелени активными поливальными работами, собрала наши шивороты в руку и отвесила каждой по подзатыльнику. И если бы не раздавшийся телефонный звонок, то мы простыми подзатыльниками не отделались бы, а так она нас легонько контузила и побежала отвечать на вызов.

Пока Ба разговаривала по телефону, мы еще раз откопали и закопали яблоко, набрали пучок разной зелени и, шмыгая носами, поплелись домой. Слушать нравоучения. Но нравоучений мы не дождались, зато застали в холле удивительную картину – прямо напротив комода с латунными семисвечниками, на ковре в тонкий восточный узор, танцевала Ба. Это был какой-то совершенно незнакомый нам, да и, наверное, всему остальному человечеству, танец. Ба выводила какие-то странные па, прихлопывала и притопывала и периодически, возводя руки к потолку, радостно визжала.

– Иииииии, – тонко тянула она и снова пускалась в пляс.

Мы просочились на кухню, оставили в мойке пучок зелени и осторожно выглянули в холл, в надежде, что Ба успокоилась. Но Ба не успокоилась. Теперь она, облокотившись на комод, выдвигала ногами па и заодно разговаривала с портретами своих родственников, которыми была увешана вся стена.

– Видели? – приговаривала Ба. – Не, ну вы видели? Вот так вот!

– А чего это она? – шепнула я Маньке.

Манька растерянно глянула на меня, а потом обратно уставилась на Ба:

– Ба? Ты чего?

Ба обернулась к нам и радостно всплеснула руками.

– Меня пригласили на банкет!

– Ура! – запрыгали мы. – А что такое банкет? И зачем тебя пригласили?

Ба не стала нам отвечать. Она полетела в свою комнату, распахнула дверцы шкафа и принялась перебирать одежду.

– В чем же мне пойти? – бубнила она себе под нос. – В синем платье? Или в голубом костюме? А может, надеть шляпку? М?

Она сдернула с верхней полки круглую, цвета сливочного масла шляпку с блестящей пряжкой на боку и нахлобучила на голову. Потом выдернула из шкафа синее тонкое платье, приложила его к себе, повертелась перед зеркалом.

– И надену светлые лодочки. А на плечи накину белый жакет и буду шик-и-блеск!

Это было что-то из ряда вон выходящее – Ба танцевала, напевала и сказала наше слово «шикиблеск»! Такого раньше за ней никогда не наблюдалось!

– Ба, ну ты нам хоть скажи, куда пойдешь! – обняла ее за талию я. – А то мы с Манькой ничего не понимаем.

– Нариночка! Твой дед достал нам приглашения на завтрашний банкет в честь Погоса Мурадяна! Представляете?

Представляем. Погос Мурадян был единственной любовью Ба. Ну, не единственной, она, например, дядю Мишу любила, опять же Маню, тетю Фаю, которая Жмайлик, и нашу семью любила, но кроме нас, она любила еще и Погоса Мурадяна.

Погос Мурадян был Львом Лещенко армянской эстрады. Его часто показывали по телевизору, он был гвоздем программы любого торжественного концерта.

– А сейчас выступает Погос Мурадян! – объявлял ведущий, и зал взрывался в аплодисментах. Следом на сцену выходил мужчина невероятной красоты, с зачесанными набок густыми кудрявыми волосами, с неизменной хризантемой в петлице и, сверкая темными, «как южная ночь», очами, пел грустные песни о любви. Женщины млели, мужчины смахивали скупую мужскую слезу.

Погос был молод, талантлив и волнующе неженат. Поговаривали, что когда-то у него была любимая женщина, которая погибла в автомобильной катастрофе, и убитый горем Погос поклялся навсегда хранить ей верность. И выступает он с неизменной хризантемой в петлице потому, что это были самые любимые ее цветы.

– Бедненький, – заламывали руки женщины, прокручивая на магнитолах по сто раз на дню его шлягеры о любви.

– Вот она, лебединая верность, – качали головой мужчины и, не чокаясь, пили за прекрасную незнакомку, которой хранил верность заслуженный артист Армянской ССР Погос Мурадян.

Ба любила Погоса какой-то остервенелой любовью. Если по телевизору или радио передавали его выступление, она вся замирала и, прикрыв глаза, в молчании дослушивала песню до конца. И не дай бог кому-нибудь из нас в столь торжественный момент издать хоть

крупиночку писка – неминуемая расплата находила своего героя в любом конце вселенной.

Когда афишные стенды Берда запестрели объявлениями о скором концерте Погоса Мурадяна, в городе начались беспорядки. Люди штурмом взяли кассы ДК и, угрожая самосудом всем, кто пытался пробраться к окошку без очереди, в считанные минуты раскупили все билеты. И только благодаря тому, что работникам райкома полагались какие-то места в зале, дед выбил нам три места в партере.

На завтрашний концерт собрались Ба, дядя Миша и папа. Мама наотрез отказалась идти на Погоса Мурадяна, она его на дух не переносила.

– Какой-то он весь из себя надутый и фальшивый, – говорила она о любимце публики, чем очень обижала Ба.

О том, что после выступления намечается банкет в честь знаменитого певца, знал весьма узкий круг людей. Чтобы сделать приятное Ба, наш неугомонный дедушка достал целых три приглашения. И теперь получалось, что после концерта папа с дядей Мишей и Ба прямиком должны были ехать на этот банкет, чтобы в непринужденной обстановке пообщаться с непревзойденным Погосом!!!

На эпохальное событие Розу Иосифовну собирали всей честной компанией. И даже Сонечка принимала в лихорадочных приготовлениях непосредственное участие – она топала кругами и всячески приседала при виде метаморфоз, которые происходили с Ба.

– Кака кьясивая! – то и дело восклицала она, пока мама то причесывала, то подкрашивала Ба. Потом Ба надушилась маминой «Климой», надела шляпку, накинула на плечи белый жакет и превратилась в настоящую английскую королеву.

– Надя, – полюбовалась своим отражением в зеркале она, – а я вполне себе ничего, скажи?

– Тетя Роза, да вы просто красавица! – заверила мама.

– Ба, ты похожа на домомучительницу, – ревниво прогудела из-за угла Манька.

– Я тебе, паразитка, потом покажу, какая я домомучительница, ясно? – беззлобно огрызнулась Ба и царственно вплыла в гостиную, где наши побритые до зеркального блеска и отутюженные папы коротали время, играя в нарды.

– Роза, ты сегодня выше всех похвал, – развел руками папа, а дядя Миша только и смог, что присвистнуть и произнести: «Ма-мелеее, ну ты даешь!»

– Ыхыхыхыы! – кокетливо затряслась Ба и, подцепив под локоток кавалеров, поволокла их к выходу. Через две секунды наша вылизанная до блеска «копейка» Генриетта стартовала в сторону ДК.

– Вот и славно, – обрадовалась мама, – пока наши родные наслаждаются концертом, давайте устроим им сюрприз!

– Давайте. А какой? – запрыгали мы.

– Испечем торт. А вы мне будете помогать взбивать тесто и мыть посуду, хорошо?

– Хорошо!

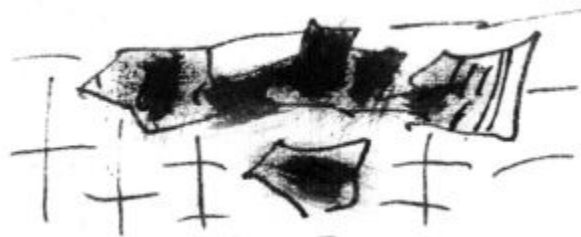
Ради того, чтобы получить кусочек маминого бисквитного торта, мы готовы были пойти на любые жертвы, в том числе и на ненавистное мытье посуды. Поэтому мы так рьяно взялись за дело, что часам к десяти на столе уже красовалось прослоенное воздушным кремом и украшенное свежей малиной, фундуком и пирамидками безе сладкое великолепие.

Пока мама жарила кофе, мы облизали до блеска миску с остатками крема, подъели все крошки от торта и даже успели покалечить друг друга за фольгу с налипшей хрустящей бисквитной корочкой. А потом мама вручила нам ручную кофемолку, и мы по очереди мололи кофе.

– Ничего страшного, если разочек вы поздно ляжете спать, – сказала она нам. – Зато мы все дождемся Ба и узнаем, как прошла ее встреча с любимым певцом.

Ждать пришлось совсем недолго – буквально минут через десять к дому подъехала папина «копейка».

– Почему они так рано? – удивилась мама. – Неужели банкет так быстро закончился?

Мы высыпали в коридор, и очень даже вовремя, потому что в следующий миг со стуком распахнулась входная дверь, и влетела совершенно разъяренная Ба. Следом за ней летели папа с дядей Мишей. И если у папы выражение лица было однозначно свирепое, то дядя Миша выглядел так, словно только что увидел что-то из ряда вон выходящее. Говорящую лопату, например.

– Надя! Ты представляешь? Нет, ну ты представляешь? – Ба сорвала с головы шляпку, напялила ее на семисвечник и лихорадочно переобулась в большие тапки с помпоном.

– Что случилось? – забеспокоилась мама.

– Кто бы мог подумать! Нет, кто бы мог подумать! А чем это так вкусно пахнет?

– Мы вам торт испекли, – зачастили мы, – и кофе намолочили, чтобы сюрприз сделать!

– Какие молодцы, – обрадовалась Ба, – а мы голодные вернулись, вот и поужинаем сейчас вкусно. Миша, принеси бутылку наливки из погреба. Нет, сиди уж, горе луковое, лучше я принесу! – И, снова переобувшись в лодочки, Ба выскочила из дома.

– Да что же произошло, кто-нибудь может объяснить? – рассердилась мама.

– Жена, – забегал глазами папа, – ты была совершенно права. Этот Погос Мурадян – мутный тип. Очень! – И папа удрученно замолчал.

– Надя, – пришел на помощь другу дядя Миша, – когда мы приехали после концерта на банкет, этот Мурадян оперативно нажрался и стал выказывать знаки внимания твоему мужу.

– Что ты такое говоришь, Миша! – задохнулась от возмущения мама. – Какие такие знаки внимания?

– Ну, типа какой вы мужественный, и руки у вас такие сильные, и глаза, мол, зеленые, как я люблю! Пришлось Юрика оттаскивать от него, чтобы он не набил ему морду.

– А чего ему надо было? – обступили мы со всех сторон дядю Мишу с папой.

Взрослые мигом вспомнили о нас и замаялись.

– Он говорит Юре – до чего у тебя руки сильные, сразу видно, что настоящий стоматолог! – стал выкручиваться дядя Миша. – А у меня,

говорит, все зубы болят. Вот Юра и полез ему зубы вырывать. Еле оттащили.

– А чего это еле оттащили? – удивилась Манька. – У человека ведь зубы болели!

– Мария, там столы ломаются от еды, если ему зубы вырвать, чем он есть будет?

– А и верно, – согласились мы. – Без зубов шашлыка не поешь!

Тут из погреба вернулась Ба, водрузила на стол бутылку своей фирменной сливовой наливки и до поздней ночи, под вкусный мамин тортик и рюмочку, негодовала, что же такое в мире творится, Надяджан, с виду мужик, а внутри не пойми что! А дядя Миша покатывался со смеху и, похлопывая папу по плечу, говорил, что теперь Юрику нужен психолог, иначе всю жизнь ему страдать от глубокой душевной травмы, нанесенной Погосом Мурадяном. Папа сначала хмурился, а потом сам стал посмеиваться, мол, нечего завидовать, раз на тебя не обратили внимания, одинокий ты, никому не нужный пилигрим. А дядя Миша говорил, что уж лучше коротать жизнь одиноким пилигримом, чем сильной половинкой Погоса Мурадяна.

– Хорошо, что хоть не слабой, – заключила мама.

Вот так и случилось самое большое разочарование Ба. После этой истории она называла Погоса Мурадяна исключительно Пэ Мурадяном и, заслышав его голос в радио или в телевизоре, гневно выдирала штепсель из розетки.

– Только Пэ Мурадянов нам не хватало, – хмурилась она и, цокая языком, мелко качала головой.

С самоваром вообще вышла трагическая история. Буквально на следующий день папа включил его в розетку, позабыв проверить уровень воды. Обиженный таким беспардонным обращением, самовар не придумал ничего лучше, чем окутаться черным дымом, вздуться боками и мстительно сломаться. Навсегда. Мама словно этого и ждала – она тут же принялась ругать папу, мол, мало того, что ты потратил деньги не пойми на что, так еще и сломал это не пойми что на второй день покупки! А папа тут же начал огрызаться, мол, молчи, женщина, мой самовар, что хочу, то с ним и делаю.

Тем временем самовар медленно остывал, скворча и обсыпаясь металлическим крошевом, и осуждающе глядел на мир потекшим петушиным клювом.

– Я его выкидывать не стану! – топнула ногой мама. – Сам сломал, сам и выкидывай.

– Зачем выкидывать такую красоту? Можно поставить на полку, и она своим видом будет облагораживать кухню!

– Лучше бы ты свой вид облагородил! Купил что-нибудь из одежды, например. Седьмой год в одном пальто ходишь! – кипятилась мама.

– Я что, пижон, чтобы каждый год себе новые пальто покупать?

– Зато пижон самовары на второй день покупки ломать!

– Пойдем я тебя выкину, а то она мне всю плешь проест, – вздохнул папа и взялся за неостывшие бока самовара голыми руками.

И тут же на нашем кухонном полу одной вмятиной стало больше, а соседка тетя Маруся прибежала узнавать, что это с таким ором папа грохнул об пол.

Вот.

А чтобы вы окончательно убедились, что мой папа и заначка – это два в принципе несовместимых природных явления, я вам расскажу историю под кодовым названием «операция домашняя библиотека».

Однажды папе удалось накопить аж двести рублей! Наученный горьким опытом предыдущих неудачных покупок, он твердо решил потратить эти деньги на что-то толковое. А для начала пригласил узкий круг своих друзей количеством пять человек в единственный приличный ресторан нашего городка. Чтобы в интимной, уединенной от жен обстановке отдохнуть от буден.

Вследствие затянувшегося за полночь дружественного застолья папа явился домой подшофе и в традиционном Дядимишином сопровождении. Я вам уже рассказывала, что если дядя Миша позволял себе некие «возлиятельные» вольности, то ночевать он приходил к нам. Чтобы дополнительно не травмировать свою печень скандалом, который неизменно закатывала ему Ба. В такие дни друзья ночевали в гостиной и всю ночь трудились, аки пчелки, проводя обоюдные реанимационные мероприятия.

Вот и сейчас, притащив из холодильника банку рассола, они улеглись валетом на диван.

– Сколько денег осталось? – хлебнув помидорного рассола, передал папе трехлитровую банку дядя Миша.

– Сто тридцать с копеечками, – порывшись в карманах брюк, доложил папа.

– Это как понимать? Мы почти что ополовинили твою заначку?

– Ну и фиг с нею, и на эти деньги можно ого-го как развернуться! Опять же в ресторан два раза сходить!

– Нет, брат, ты не прав! – сделал протестующий жест руками дядя Миша. – Ты тут категорически не прав! Я даже более того скажу, ведешь ты себя как идиот.

– Ну! – одобрил ход мыслей друга папа.

– Мы сейчас эти деньги надежно спрячем, а завтра ходим к фарцовщику Тевосу и возьмем тебе что-нибудь из одежды. Добротный костюм. Или пальто. Или хорошую удочку с прибабасами.

– Удочка – это идея, – оживился папа.

– Прятать деньги буду я. И ни за что тебе не скажу, где спрятал. Договорились? А то мало ли что тебе в голову взбредет!

– Договорились. Только ты это, аккуратнее, у Нади очень чуткий сон.

– Так ведь дверь в спальню закрыта!

– Я тебе дело говорю. У этих баб вместо мозга локатор, он только и делает, что крутится туда-сюда и, фьють-фьють, считывает наши мысли.

– Ыхыхыыы, – затрясся в хохоте дядя Миша. Потом он нацепил тапки, забрал у папы деньги и выскользнул в дверь.

Вернулся он через несколько минут и, невероятно собой довольный, улегся на диван. Тут же встал, вытащил из объятий

похрапывающего друга трехлитровую банку с рассолом, поставил на журнальный столик. Лег. Через минуту обратно встал, погасил свет, лег. Завозился спиной, выбирая наиболее удачный ракурс для сна, со вздохом угнездился.

– Хррррр, – отозвался папа.

– Что бы ты без меня, горе луковое, делал, – ласково подумал дядя Миша и провалился в сон.

Утро застало наших мужчин за весьма странным занятием. Сначала они, под строгий Дядимишин инструктаж, прошлись на цыпочках в кабинет, уткнулись боком в пианино и дружно повернулись к нему лицом. Задрали головы вверх, глянули на полки с книгами. Далее дядя Миша поднял над головой руку и провел ею перед верхней полкой.

– Вот где-то здесь я и спрятал, – шепнул он.

– Ты бы хоть автора запомнил! – укоризненно глянул на него папа.

– Ну где я в темноте автора разгляжу? Протянул руку, вытащил книгу, спрятал деньги и засунул ее обратно на полку.

– Придется по новой искать.

Какое-то время они методично вытаскивали одну книгу за другой, наспех пролистывали, перетряхивали и ставили обратно на полку.

– Ты точно помнишь, что спрятал деньги именно здесь? – периодически переспрашивал папа.

– Точно! Зашел, повернулся направо, ткнулся в пианино. Потянулся вверх, вот так. – Дядя Миша встал на цыпочки и повел в воздухе рукой. – И в этом... ареале нащупал книгу. Положил внутрь деньги, сунул ее обратно на полку и пошел спать.

– В этом ареале! – передразнил его папа. – Какого черта ты пошел деньги прятать?

– Во-первых, ты сам не возражал против этого. А во-вторых.

– Доброе утро! – заглянула в кабинет мама. – А что вы тут ищете?

Папа тут же забегал глазами:

– Это. Мише книга нужна, Салтыкова-Щедрина. Ищем.

– Так ты же ее в руках держишь!

– Да? – удивился папа и тут же спохватился. – Женщина, неужели ты думаешь, что я не вижу, какую книгу в руках держу? Возьми, брат. – И он протянул дяде Мише книгу.

– Миша, а зачем тебе Салтыков-Щедрин? – любопытствовала мама.

– Ну как зачем? Пришла пора Михаила Евграфовича перечитать, – благоговейно закатил глаза дядя Миша.

– Дааааа? Вот ведь как интересно. А зачем ты нашу книгу забираешь, если у вас дома такое же собрание сочинений? Мы как раз с тетей Розой вместе брали.

– Как это?

– А вот так это. Вы лучше сразу признавайтесь, что тут ищете, нечего меня за нос водить! – нахмурилась мама.

– Жена, – вздохнул папа, – Миша вчера ночью вот в этом ареале, – он встал на цыпочки и повел рукой возле полка, – спрятал деньги. Сто тридцать рублей. До утра.

У мамы вытянулось лицо.

– Зачем он спрятал там деньги?

– Ну как же? Чтобы с ними ничего не случилось.

– А что с ними до утра могло случиться? Они куда-то до утра бы улетучились?

– Зная тебя, женщина... – пошел в атаку папа.

– Так это, к тому же, были твои деньги?

– Я их на пальто копил!!!

– Ладно, – вздохнула мама, – идите завтракать, на часах уже полвосьмого, а вам на работу. Мы с детьми поищем деньги.

– Вот в этом ареале, – папа ткнул пальцем в верхние полки.

– Хорошо, в этом так в этом.

К трем часам дня «ареал» поисков увеличился до катастрофических размеров, охватив всю нашу домашнюю библиотеку. Сначала мы помогали маме без особой охоты, но, когда она обещала, что нашедшему деньги полагается премия в виде целого рубля, мы рьяно взялись за дело. Скоро прискакала Манька и с жаром подключилась к поискам. Первым делом под чутким руководством мамы мы прошерстили три полки, которые висели над пианино. Улов оказался совершенно скудным – несколько засушенных цветков, закладка, за которую мы мигом подрались, и листочек бумаги, исписанный мелким почерком.

– Тетьнадь, тут какие-то иностранные буквы, – протянула маме листочек Манька.

– Bonjour, cher amie Nadine! – прочитала мама и несказанно обрадовалась. – Манечка, какое счастье, ты нашла письмо моей однокурсницы Лильки! Сейчас посмотрим, что она мне писала... – Она повертела в руках письмо. – .пять лет назад.

И мама принялась читать и переводить нам письмо. Из письма следовало, что у Лильки новая любовь, что с мужем они развелись и разъехались по разным городам. Здесь мама покачала головой и сказала, что Лилька никогда не умела выбирать мужчин.

– Не везет ей на порядочных, попадаются одни охламоны и дегенераты!

Потом мы узнали, что Лилькин сын Арик на перемене съел все запасы мела в классе, и учительнице пришлось в соседнем кабинете выпрашивать мел, чтобы не бегать в учительскую.

– Ай-ай, – покачала мама головой, – у ребенка не хватало кальция в организме. Вот он и съел весь мел.

Манька нахмурилась и какое-то время усиленно о чем-то думала.

– Тетьнадь, а чего же тогда моему однокласснику Карену не хватает в организме, если он все уроки напролет ест свои козьявки? – наконец спросила она.

– Что, правда? – испугалась мама.

– Ага! А когда у нас контрольные, то вообще не вынимает палец из носа, сидит себе и ковыряется. На контрольной по математике доковырялся до крови.

– Значит, у мальчика невроз, его надо школьному психологу показать.

– Ясно, – вздохнула Манька, – я так и думала, что он дебил, просто не знала, как это слово вежливо называется. Теперь вот знаю – невроз!

Далее из письма Лильки следовало, что новая ее любовь зовется именем Пауль и является гражданином Ливана шоколадного цвета.

Тут мама поперхнулась, еще раз перечитала эти строки, повертела в руках листок и убрала его в карман.

– Странно. Не помню я этого письма. Надо найти старый блокнот и позвонить Лильке. Чует мое сердце, наворотила она делов!

– Тетьнадь, а что такое «гражданина Ливана шоколадного цвета»? – встрепенулась Манька. – Что-то матерное, да?

– Нет, конечно. Видимо, Пауль был мулатом. Шоколадный – это очень– очень смуглый.

– Смуглее Джима?

– Какого Джима?

– Беглого раба Джима из «Приключений Гекльберри Финна»!

Тут мама расхохоталась, чмокнула Маньку в щечку и сказала, что с нею точно не соскучишься. А Манька принялась прыгать вокруг и приговаривать, что она вообще моторчик счастья, потому что ее так папа называет.

– Миша! Деньги! – встрепенулась мама, и мы опять принялись ковыряться в книгах.

К приходу папы мы успели переворошить всю домашнюю библиотеку.

– Ну как? – заглянул он в кабинет.

– Никак, денег мы не нашли.

– Только письмо, – закручинилась Гаянэ, – от разданина соколадного цвета.

– Какой такой разданин? – напрягся папа.

– Который съел весь мел!

– Наша деточка – неоценимый источник достоверной информации, – засмеялась мама и погладила Гаянэ по кудряшкам.

А вечером к нам приехали дядя Миша и Ба и принялись ставить следственный эксперимент.

Сначала дядя Миша ложился на диван, потом вставал, шел в кабинет, упирался в пианино и начинал отчаянно махать руками перед верхней полкой.

– Юрик, я тебе точно говорю, маршрут именно такой! Деньги я спрятал тут!

– Ну спрятал и спрятал. Когда-нибудь обязательно найдутся, чего ты волнуешься, – говорил папа.

Но дядя Миша никак не успокаивался, ходил туда-сюда, что-то бубнил себе под нос, а потом предложил снова напиться, мол, если он напьется, то на автопилоте придет к нужному месту и мигом найдет деньги.

Но тут Ба жестко предупредила, что если дядя Миша еще раз напьется, она навсегда сломает ему автопилот.

– Или иди и «пилоть» где-нибудь в других широтах, подальше от меня, чтобы я ненароком не прибила тебя, – кипятилась она.

Вот.

К счастью, деньги нашлись очень быстро.

На следующий день у нас гостили мамины подруги тетя Джемма, тетя Ася и тетя Лаура. Они какое-то время кофейничали в гостиной, а потом перешли в кабинет, чтобы под мамин аккомпанемент исполнить свои любимые романсы.

Мама села за фортепиано, взяла аккорд и тут же обнаружила, что «до» второй октавы подозрительным образом фальшивит и зависает.

– Что же такое случилось с инструментом? – удивилась она, подняла крышку и обнаружила между струнами злосчастные деньги.

Хорошие новости тоже имеют крылья. Поэтому чрез полчаса дядя Миша опять ставил у нас следственный эксперимент.

– Смотрите сюда, – объяснял он, – вот я ложусь на диван, видите, что я лежу?

– Видим, – хором соглашались мы.

– А теперь я встаю и иду в кабинет. Так. Упираюсь в пианино, достаю с верхней полки книгу, хочу спрятать деньги, но вдруг передумываю. Ставлю книгу на полку, открываю крышку инструмента и прячу деньги между струнами. Гениальный ход! Только почему он у меня вылетел из головы – этого я никак не пойму.

– Может, потому, что ты был... хмхм... несколько подшофе? – предположила мама.

– Не исключено, но вряд ли, – частично пошел на уступки дядя Миша.

– Ну и ладно, главное – деньги нашлись, – примирительно заключила мама. – А теперь я их уберу к себе в сумочку, и уж оттуда они никуда не денутся!

Вы скажете – ну что же тут такого? В конце концов, все очень удачно сложилось – деньги нашлись, а папе купили новое пальто.

Конечно, все так, да не совсем. Пальто папе действительно купили, хорошее, импортное, очень солидное. За сто десять бешеных рублей, и это еще со скидкой в десять рублей, которую великодушно сделал нам фарцовщик Тевос.

Зато сдачу папа не преминул потратить в своей очаровательной манере.

– Жена, смотри, что я купил! – гордо развернул он твердую упаковочную бумагу.

Мы в ужасе отпрянули – из свертка на нас глядела страшная черная голова с торчащими зубами и завитушками вокруг плоского лица.

– Это догонская [23] маска. Повесим ее в гостиной, и она своим видом будет облагораживать нашу квартиру!

– Кхм, – только и смогла выговорить мама.

– Ыыыы, – заплакала Гаянэ, – я эту маску боюсь и никогда на нее смотреть не буду!

– Да и я, если честно, ее побаиваюсь, – признался папа. – В «Сувенирах» выкинули, вот я и взял, пока очередь не набежала.

– Может, заберешь ее к себе на работу? – предложила мама. – А то дети пугаются.

– В этом доме хоть что-нибудь может быть по моему вкусу?! – выверился папа. – Самовар угробили и маску повесить не дают!

– Можно подумать, самовар не ты угробил!

– Сейчас и маску угроблю!

– Ладно-ладно, – примирительно замахала руками мама, – вешай ее куда хочешь, я тебе слова не скажу.

А дальше началась эпопея «папа Поджер вешает маску». И если изуродованную стену мы легко и просто прикрыли Каринкиным смелым натюрмортом «Малина, лопата и кочан капусты», то маске повезло меньше – на следующий день она сорвалась со стены, и соседка тетя Маруся снова прибежала с вытаращенными глазами узнавать, что теперь папа грохнул об пол.

Папа погоревал-погоревал, собрал осколки маски, склеил их дорогу– щим стоматологическим клеем и повесил у себя в кабинете – на устрашение истеричным пациенткам.

А пальто он той же зимой потерял. Поехал в Ереван на очередную конференцию, ходил по разным аудиториям, вспотел, оставил его в каком-то кабинете и забыл, где. Потом обегал весь институт, а пальто так и не нашел. Видимо, кто-то расторопный прибрал его к рукам. И папа вернулся из Еревана в старом рыбацком плаще своего друга Роберта, злой, как сто тысяч ос, и устроил маме скандал на тему: «Вот

если бы не ты, то у меня была бы удочка с прибамбасами. А теперь ни пальто, ни удочки, ни прибамбасов!»

– Зато у тебя есть догонская маска с торчащими зубами, забыл? – связвила мама. – По крайней мере, ты можешь облагораживаться ей!

Так что сейчас и вы знаете, что мой папа и заначка – это два по сути антагонистических явления. Потому что там, где есть заначка, нет папы. И наоборот. Там, где есть папа – россыпью догонские маски да самовары, зато заначек – категорически ни одной!

Глава 22. Манюня, или Проводы «Электроники»

Строительная техника, появившаяся на пустыре через дорогу, не давала покоя никому. Люди гадали, что же такое будет возводиться в непосредственной близости от нашего дома. Так как рабочие хранили по этому поводу гордое молчание, версий в воздухе роилось множество – от недопустимого для сейсмической зоны многоэтажного дома до завода по производству синтетических каучуков. Народ волновался и негодовал. К вечеру второго дня ситуация накалилась до такой степени, что стали раздаваться призывы к действию: одни предлагали незамедлительно идти убивать главного архитектора

городка Мартина Антоняна, другие – под покровом ночи обратно закапывать котлован.

К счастью, на третий день Мартин Антонян явился на стройку собственной персоной и объяснил взбудораженному населению, что на месте пустыря будет возводиться новая двухэтажная аптека. А вокруг аптеки планируется разбить небольшой сквер, где горожане смогут проводить разнообразный культурный досуг. В подтверждение своих слов архитектор разворачивал какие-то рулоны с чертежами, активно ходил ушами и для пущей убедительности клялся мамой. Чем и спас себя от линчевания.

Едва жители нашего дома вздохнули с облегчением, как случилась новая напасть – бульдозер, роющий котлован, зацепил ковшом и вытащил на поверхность кувшин с серебряными монетами.

Что тут началось!!!

День-деньской в новоиспеченном Клондайке рылась вся дворовая мелочь нашего квартала. Дети приходили со своим инструментами – лопаточками, ведерками и ситечками и, в надежде найти хоть какой кусочек сокровища, просеивали каждый сантиметр выкопанной земли. Так продолжалось до тех пор, пока фундамент будущей аптеки не залили цементом. Копаться стало решительно негде, и золотоискатели, несолоно хлебавши, разбрелись по домам. А жаль. Учитывая, с каким остервенением дети ковырялись в земле, не исключено было, что они доковыряются до какой-нибудь архиважной фигулины. Глядишь, эта фигулина взяла бы да изменила традиционное представление о человеческой истории!

А так повезло только бульдозеристу Акопу. На премию, которую выписали ему на работе, он бегом купил себе мотоцикл с люлькой и в одночасье из простого пролетария превратился в завидного жениха с престижным по горным меркам транспортным средством. В Берде тут же нарисовалась волнующая тенденция – подернутые временем девицы на выданье, облачившись во все самое лучшее, в течение всего Акопова рабочего дня ходили по периметру стройки, усиленно делая вид, что на бульдозериста им наплевать с высокой колокольни.

– Слышь, Райка, – говорила одна соперница другой, изящно сплевывая лужгу от семечек в кулак, – а погодка-то жаркая! Смотри, чтобы тебе голову не напекло!

– Ты о своей голове лучше думай, – активно гримасничая, хрустела кислой алычой Райка, – пустой черепушке раз плюнуть перегреться!

Жители нашего дома с большим любопытством наблюдали столпотворение девиц и гадали, кого же из них выберет новоявленный горный мачо Акоп. Но Акоп размениваться не желал. Акоп, напялив на голову строительную каску, гордо рассекал по Берду на своем железном коне и распугивал всю окрестную живность его немилосердным кряхтением.

«Зачем мне местная невеста, если я могу позволить себе любимую из Еревана или, на худой конец, Дилижана! – тщеславно думал он. – Я теперь парень хоть куда, и в люльке моего мотоцикла сочтет за честь прокатиться любая городская красотка в юбке-мини и лаковых сапогах на платформе!»

И, пока Акоп мечтал о городских красотках в юбке-мини и лаковых сапогах на платформе, а местные красотки, начесав себе давно уже неактуальные халы, наматывали круги по периметру стройки, вокруг припаркованного в нашем дворе Акопова мотоцикла разворачивались душещипательные сцены.

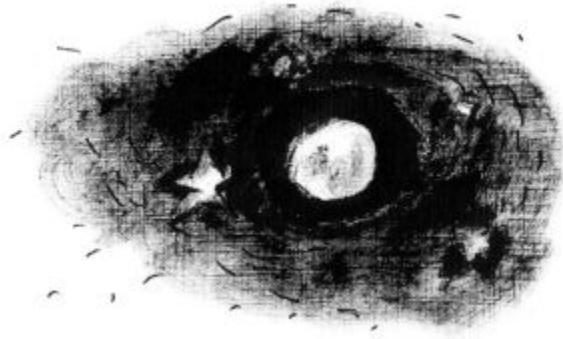
Если кто помнит, моя сестра Каринка всю свою жизнь мечтала о мотоцикле.

– Вырасту – обязательно себе куплю такой же, – заявляла она, провожая влюбленными глазами очередное тарахтящее и отчаянно чадающее чудо техники.

– Ну зачем, ну зачем тебе мотоцикл? – удивлялись мы. – Неужели не о чем тебе больше мечтать?

– Не о чем! Да и некогда. Я вон о мотоцикле мечтаю, – упрямо хмурилась Каринка.

– Этот ребенок еще покажет нам, где раки зимуют, – горестно вздыхали папа с мамой.

Сестра угрюмо отмалчивалась и, не находя поддержки среди близких, всяко отыгрывалась на окружающей действительности, нанося своими варварскими выходками огромный урон родной семье, городу, стране, да и мирозданию в целом.

При виде новенького трехколесного мотоцикла сестра окончательно потеряла покой. Она не спала ночами и маялась днями. Она даже бросила рыть подкоп из нашего подвала в соседний, хотя раньше уверяла, что там полно кувшинов с золотом – вот только доберемся до них и мигом разбогатеем. Мы с Манькой, ее преданные оруженосцы и землекопатели, постоянно взывали к ее совести и увещевали вернуться к подкопу – по нашим расчетам, копать осталось всего ничего, буквально полметра. Но в бетонной стене. За неделю упорной работы мы неплохо продвинулись вперед, проковыряв металлической штуковинкой, угнанной на свой страх и риск со стройки, основательную ямку. С такими темпами, глядишь, к концу лета мы добрались бы до золота!

– А там покупай на это богатство хоть сто тыщ мотоциклов! – говорили мы Каринке.

Но Каринка не слушала нас – день-деньской она ходила вокруг Акопова мотоцикла и любовно гладила его по выступающим частям экстерьера. Открутить какую-либо штуковину и унести домой ей и в голову не приходило, настолько велик был пиетет к трехколесному чуду техники.

Древняя берберская поговорка гласит: когда ослабевает лев, голову поднимают шакалы. Это я к чему? Это я к тому, что, как только Каринка позволила себе немного расслабиться и отвлечься на мотоцикл, тут же активизировался Рубик. И в той части двора, которую не покрывала противоракетная оборона Каринкиной рогатки, он стал кочевряжиться и демонстрировать свою ничтожную сущность, обзывая нехорошими словами девочек, колотя мальчиков и отнимая игрушки у мелкотравчатой детворы. Страшно даже подумать, чем бы закончился такой диссонанс в пищевой цепочке нашего дома, не случись история с бельевым столбом.

А так случилась эта история, и все счастливо вернулось на круги своя.

Наверное, кто-то из вас не знает, что такое бельевой столб, поэтому я быстренько объясню.

Бельевой столб – это длинная, высотой в наш пятиэтажный дом, железная труба, вбитая в землю прямо за гаражами. На уровне каждого этажа к этой трубе приварены крутящиеся ролики. Такие же ролики приварены к крепежам возле кухонных окон квартир. В ролики вдевалась прочная бельевая веревка, на которой хозяйки развешивали стирку. И по тому, как они развешивали стирку, сразу можно было вычислить, кто из них бестолковая хозяйка, а кто толковая.

Потому что если белье подсинено неравномерно и накрахмалено так, что торчит колом и затаскивать его в окно приходится всей семьей, то хозяйка из тебя совсем никудышная. А если белье слегка подсинено, и накрахмалено в меру, и колышется аккуратным рядком, наволочка к наволочке, и пододеяльники надуваются парусами, а полотенца выстроились правильной шеренгой – от самых длинных до самых коротеньких, то такой хозяйке почет и уважение. И прищепки, безусловно, должны быть в одну масть, а не синенькая, следом желтенькая, а потом красненькая. Это же не елочная гирлянда, а

серьезная стирка, можно даже сказать – визитная карточка каждой хозяйки. Поэтому прищепки (по-нашему шпильки) покупались с особенной тщательностью, не выбивались из общей цветовой гаммы и хранились как зеница ока в специальных ящичках под кухонными подоконниками.

Бельевой столб служил верой и правдой нашему дому до той поры, пока на пустыре не затеяли стройку. Видимо, активные строительные работы сделали свое черное дело, «растрясли почву», и однажды утром столб накренился и рухнул со всей своей высоты на крышу гаража тридцать второй квартиры. Не случись на его пути этого гаража, он бы въехал в окно какой-нибудь квартиры и устроил там сокрушительный тарарам. А так он культурно свалился на гараж и основательно подмял его крышу. А стоящий рядом с гаражом Акопов мотоцикл оказался под грудой колотого шифера, который дождем посыпался с покореженной крыши.

Катаклизм случился утром. Аккурат когда мы воевали с яичницей – мама решила, что ее дети вполне уже созрели, чтобы есть культурно, помогая себе ножами. Когда свалился бельевой столб, Каринка, громко возмущаясь: «Зачем нам это надо!» – в пятый раз подбирала с пола упавший нож.

– ДУДУМММММ! – раздался ужасающий грохот.

– Дудумммммм! – это Каринка, резко выпрямившись, ударила головой об стол. – Что это было? – выпучилась она.

Мы кинулись к окну и ойкнули – посреди двора подпиленной мачтой торчал рухнувший столб, кругом были раскиданы оборвавшиеся бельевые веревки вперемешку с бельем, а гараж тридцать второй квартиры выглядел так, словно получил сокрушительный щелбан. Это было настоящее бедствие не только для Акопа и владельца гаража дяди Володи, но и для хозяек. Им пришлось бегать по двору с тазиками наперевес, собирать испачканное белье, перестирывать его еще раз, а потом обзванивать знакомых и родственников и выяснять, у кого можно его высушить.

Как раз в тот день мама затеяла большущую стирку. Хорошо, что она не успела ее развесить, а то пришлось бы и нам бегать по двору и сдирать с веревок пододеяльники и наволочки. А так мама сначала поохала, глядя на катаклизм, развернувшийся под нашими окнами, потом аккуратно распределила белье по пакетам, загрузила Сонечку в

коляску, и мы всей честной компанией потопали к Ба. К тому моменту, когда мы вышли из дому, во дворе уже бушевал митинг из оскорбленных до глубины души домохозяек, готовых прямо сейчас отправить к праотцам нерадивого архитектора Антоняна.

На Акопа было больно смотреть – он бегал вокруг разбитого мотоцикла и выдирали пучками волосы на голове. Чуть поодаль проводили консилиум рабочие со стройки. Одни предлагали подогнать кран, чтобы убрать с крыши гаража трубу, а другие – дожидаться приезда прораба. Каринка сбегала к мотоциклу, вернулась с квадратными глазами и рассказала, что пострадали фары, сиденья и даже люлька.

– Бедный Акоп, – сокрушалась она. – Теперь ему придется продавать мотоцикл, чтобы отремонтировать его.

– Это как?

– Я тоже не очень поняла, но он бегал вокруг мотоцикла и приговаривал – теперь, чтобы его отремонтировать, надо продать. Видимо, с ума сошел от горя.

– Видимо, да, – вздохнула я.

– Потому что он не хранил его в сумочке. А если бы хранил в сумочке, то такое не случилось бы, – неожиданно подала голос Гаянэ.

– Что он должен был хранить в сумочке?

– Мотоциклу свою, вот что!

Мы с Каринкой переглянулись, но ничего не стали говорить – ну что тут скажешь? А довольная своей проницательностью Гаянэ с нежностью погладила сумочку и важно поправила ремешок на плече.

Сумочка была предметом бесконечной гордости нашей сестры – достаточно вместительная, темно-бордовая, с медно-рыжей, воинственно торчащей застёжкой. Однажды Гаянэ съездила с мамой и папой в гости к папиному бывшему однокурснику и вернулась оттуда, взволнованно прижимая к груди эту сумочку.

– Смотрите, что мне подарили! – повертела она перед нашими вытянувшимися физиономиями своим богатством.

Мы обстоятельно исследовали подарок. Внутри он был еще краше – два просторных, обшитых белой хрусткой тканью отделения, кармашек с молнией на боку и вышитый золотыми буквами ярлык.

– Тетя Эля сказала, что устала от этой сумочки, и отдала ее мне, – радовалась сестра. – Теперь я с нею буду куда угодно ходить – и в гости, и в кино, и в... и в ресторан!

– Быгага! Ресторан, – покатались мы с Каринкой. – Ну ты и скажешь. В ресторан! Кто тебя туда пустит!

На самом деле нам было не смешно и даже очень завидно – настоящая взрослая женская сумочка досталась не нам, а маленькой Гаянэ. Разве это справедливо? Мы даже попытались под шумок отнять ее у сестры, но она подняла такой крик, что мигом прибежали взрослые и отругали нас за безобразное поведение.

Обращалась с сумочкой сестра очень бережно – выгуливала только в гости, а в свободное от светских визитов время хранила в запирающемся на ключ секретере. В одном отделении сумочки лежали крошечная расческа, пустая, зато вкусно пахнущая баночка из-под монпансье, железный рубль и помятая фотография. На этой фотографии Гаянэ сосредоточенно терзала в руках соску, держа в зубах погремушку. В другом отделении сумочки хранились исписанная каракулями записная книжка, зеленый карандаш и – внимание! – спичечный коробок. Бьюсь об заклад, что вы ни за что не догадаетесь, что лежало в этом коробке! Готова поспорить на сто тысяч мильон

титильон рублей. На гугол рублей! На восемь гуголей! Ладно, не буду вас томить, расскажу сразу. Все равно не догадаетесь. В коробке из-под спичек Гаянэ хранила таблетку тетрациклина. Розовенькую, кругленькую, всю из себя глянцевую таблетку, которую она выпросила у мамы, предварительно поклявшись, что никогда не станет ее есть.

На вопрос, зачем ей таблетка, сестра всегда давала разные ответы. Сегодня она говорила, что таблетка для «возможных перемен», завтра – «чтобы глаза были пупырчатые», а послезавтра вообще могла сказать, что таблетка для того, чтобы луна была круглая. Точка.

– Этот ребенок передает какую-то зашифрованную информацию из космоса, а мы не можем ее разгадать, – смеялся папа.

– Дадада! – важно кивала Гаянэ, доставала из сумки блокнот и вносила туда очередную запись каракулями.

– А что ты написала? – любопытствовал папа, осторожно заглядывая через плечико дочки в блокнот.

– Погоду, – безмятежно отвечала Гаянэ. – Завтра будет туман, ветер северо-южный. Девяносто восемь градусов. Местами снег.

– Прямо-таки снег? – прятал улыбку папа.

– Ладно, лед, – охотно шла на уступки сестра.

Если Гаянэ предпочитала ходить в гости только с сумочкой через плечо, то Сонечка, отправляясь на прогулку в коляске, требовала обязательного музыкального сопровождения. Обязательное музыкальное сопровождение обеспечивал ей радиоприемник «Электроника». Без радиоприемника наша младшая сестра наотрез отказывалась залезать в коляску. Однажды, только однажды мама настояла на своем, усадила упирающуюся дочку в коляску и пошла выгуливать ее по периметру двора. Прибежала она ровно через пять минут с насквозь зареванной Сонечкой на руках. Потому что ор, который подняла сестра, обнаружив себя: а) на улице, б) в коляске и в) без «Электроники», – разбудил в далеком Китае знаменитое терракотовое войско императора Цинь Шихуанди и вызвал торнадо в американском штате Огайо. Больше на такие эксперименты с Сонечкой мама не решалась.

Поэтому покидали мы двор традиционной веселенькой кавалькадой. Впереди, под звонкое Пугачевское «Арлекино», катилась цвета весенней травы коляска Сонечки. Периодически «Арлекино» прерывался сводками новостей: «шфшшшш... нском аэропорту сделал

аварийную посад... шфшшшш. голодающие африканские стр... шфшшшш. реда– ем концерт по заявкам труж. хшфшшшш. говорит Москва!»

Рядом с мамой, буквально вцепившись в подол ее юбки, шествовала Гаянэ. Сестра важно задирала к уху плечо, на котором болталась сумочка, а для верности прижимала ее к боку локтем и, периодически оборачиваясь, бросала грозные, предостерегающие взгляды на нас. Чтобы мы вдруг не покусились на ее богатство.

А замыкали шествие, делая вид, что не имеем к нему вообще никакого отношения, мы с Каринкой. Горожане при виде нашей процессии совершенно не удивлялись и, перекрикивая немилосердное шипение радиоприемника, пытались заводить с мамой светские беседы:

- Надя-джан, смотрю, вы в гости собрались?
- Шфшшшш. кровопролитной вьетнамской вой.
- В гости!!! К Розе Иосифовне!!!
- Шфшшшш. нужно быть смешным для всех!
- Ооооо, кланяйтесь ей от нас!

Ба была несказанно рада нашему приходу:

– Надя, развешивай белье, а потом поможешь мне с цукатами, а то я замучилась одна возиться!

– Ура, цукаты! – запрыгали мы. Цукаты, которые делала Ба, были невероятной, восхитительной, просто фантастической вкусноты. Съедались они в момент, зато на готовку требовали бесконечной возни и терпения.

Для начинки Ба обжаривала в большой чугунной сковороде фундук, шелушила его, потом перетирала в ступке. Далее она добавляла в орехи сахарного песка, корицы, ванили, совсем чуть гвоздики.

Ставила в большом медном тазу вариться густой сироп. Пока сироп закипал, Ба начиняла ореховой смесью груши. Для цукатов покупались чуточку недозрелые плоды сорта «Дюшес летний». Ба выковыривала острым ножом чашечку и сердечко груши и начиняла ее ореховой смесью. Важно было сохранить у груш хвостики, потому что потом за эти хвостики их опускали на несколько секунд в кипящий сироп и укладывали аккуратными рядами на подносы. Далее груши накрывали марлевой тканью (от мух и других насекомых) и сушили в

тенечке. Через три часа процедура повторялась – груши на несколько секунд окунали в кипящий сироп и выставляли обратно во двор. После десятого-двенадцатого захода плоды покрывались вязкой карамельной пленкой. Пахли они просто умопомрачительно – сладко-пряным и ореховым, и ничего, кроме преступного желания незамедлительно сожрать их, не вызывали.

Скоро утомленная путешествием Сонечка спала в коляске под тутовым деревом. «Шшшш», – шумел ветер в листьях, убаюкивая нашу упрямую младшую сестру, «пха-пха-пха», – хлопали крыльями развешанные на веревках влажные пододеяльники. Гаянэ, путаясь под ногами взрослых, выдавала очередные космические шифровки, а мы с Карин– кой и Манюней по возможности тихо ковырялись в Маниной комнате. Выводить из себя Ба, когда она готовит цукаты, себе дороже. Потому что довести дело до «господибожетымой» любой дурак может. А попробуй жить дальше, когда отгрохотал «господибожетымой»! С Чебурашкиными ушами, например, или с постоянным «Вечерним звоном» в голове после сокрушительного, метко пригвоздившего тебя к земле фирменного подзатыльника!

Поэтому сегодня мы вели себя очень даже благопристойно. Сначала вообще культурно сидели за Маниным письменным столом и разговаривали за жизнь. В частности – рассказывали Мане, как рухнул бельевой столб.

– Ах-ах, – заломила она руки, дослушав наш рассказ, – как обидно, что я этого не видела!!! Прямо весь свалился? Прямо выдрался из земли?

– Я тебе дело говорю! Рухнул с концами, подмял под себя крышу гаража и оборвал все веревки! – убедительно ходила я бровями.

– И мотоцикл Акопа сломал! – покачала головой Каринка. – Теперь, чтобы его отремонтировать, надо будет сначала продать.

Манька слушала нас с совершенно несчастным видом.

– Это все Ба! Я хотела прямо с утра прийти к вам, а она не дала. Нечего, говорит, в такую рань к людям ходить! Какая рань, когда на часах уже восемь?!

– Ну, мы ведь все тебе рассказали, ничего не пропустили, – попыталась утешить ее я.

– Нарка, ты ваще соображаешь, что говоришь? – рассердилась Манька. – Одно дело – вы рассказали, а другое дело – я сама все

своими глазами бы увидела!

– Или ушами! – вставила Каринка.

Мы дружно захихикали. Шутки типа «услышать глазами» или «увидеть ушами» ходили в наших семьях давно. Всему причиной была Ба – если по радио передавали интересную передачу, она первым делом надевала очки. И по телефону тоже разговаривала только в очках. «Мне так лучше слышно», – объясняла она.

Дядя Миша по этому поводу постоянно сыпал шутками.

– Ма, а представь, что ты на звонок отвечаешь не только в очках, но и в ластах? Глядишь, в таком виде ты собеседника не только хорошо слышать, но и видеть будешь. Давай попробуем!

– Я тебе, негодник, попробую так, что мало не покажется, ясно?! – грохотала Ба.

– Вот ты зря ругаешься! – не унимался дядя Миша. – Потому что если ласты, очки да еще половник в руках – то это передатчик межгалактической мощности! Практически наш ответ Чемберлену!

Кто этот таинственный Чемберлен, мы не знали, но, что Ба может ему ответить и без половника и ластов, вообще не сомневались. Один фирменный подзатыльник – и этот ваш Чемберлен тихонечко дозревает в углу!

Десять минут светского разговора утомили нас донельзя. Поэтому мы решили заняться чем-нибудь полезным. Для начала залезли в Манькин шкаф, закрылись изнутри и за считанные минуты устроили там сокрушительный беспорядок. Потом вывалились наружу и для порядка подрались на полу. До смертоубийства дело не дошло, потому что налетела Ба, оттаскала нас за уши и велела вести себя по-человечески.

– Нам скучно! – заскулили мы.

– Скучно – почитайте что-нибудь.

– Баааааа!

– Поиграйте на заднем дворе!

– Жаарко!

– Тогда утопитесь в речке, что вы от меня-то хотите?! – рассердилась Ба.

– Можно на речку?

– Нет!

И тут я допустила роковую ошибку.

– А можно, пока Сонечка спит, мы возьмем «Электронику»?
Послушаем музыку.

Ба крепко задумалась.

– А если блок питания разрядится? Вы же провод не взяли с собой?

– Не взяли. Но мы совсем чуть-чуть послушаем.

– Ладно. Только сначала спросите Надю.

Мама металась по кухне между кипящим сиропом и подносами.

– Не подходите близко, тут горячий сироп на плите! – крикнула она. Мы замерли на пороге. Все кухонные поверхности были заставлены подносами с грушами. Пахло так, что пчелы с соседних пасек сходили с ума за занавешенными марлей окнами. Гаянэ сидела за столом и с важным видом грызла огромную морковку.

– Хотите морковки? – подвинув нас рукой, прошла на кухню Ба.

– Потом, – дипломатично ответили мы. Ба нужно отказывать умеючи, потому что, если ты ей скажешь «нет», она тут же всучит тебе морковь, если скажешь «да», опять же получишь морковь, а если скажешь «потом», то есть маленькая надежда, что она через какое-то время забудет о ней.

– Мам, можно мы возьмем радиоприемник?

– Берите, но ненадолго, блок питания на последнем издыхании.

– Мы послушаем всего десять минуточек. Не больше! – заверили мы и, забрав «Электронику», потопали наверх.

– Я придумала, как надо по-умному поступить! – шепнула нам с заговорщицким видом Каринка.

– Как? – Мы с Манькой наострили ушки.

– В Дядимишиной комнате проводов видимо-невидимо. Так?

– Так.

– Мы сейчас подберем к приемнику какой-нибудь подходящий провод и подключим в розетку. И можем слушать музыку сколько влезет.

– Ура! – обрадовались мы.

Дядимишина комната находилась в самом конце коридора. Мы бесшумно пробрались туда, вытащили из-под стола коробку с проводами и принялись ковыряться в ней.

– Нам надо, чтобы с одного конца был штепсель, а с другого – такая штучка с тремя торчащими круглыми штучками, – доходчиво

объяснила нам Каринка.

Пять минут остервенелого ковыряния в коробке – и у нас четыре подходящих для приемника провода.

– Как хорошо, что у меня папа инженер! – радостно потирала руки Манька. – Любых проводов полная коробка.

– Угум, – кивнула я. – У вас дома проводов много, а у нас – разных зубных фигулин, пинцетов там, или этих, как его?

– Клещей? – услужливо подсказала Манюня.

– Ага, клещей.

– Повезло нам с папами, что уж там, – крикнула Каринка и перетащила «Электронику» на Дядимишину кровать.

Мы с Манькой убрали коробку под стол и, затаив дыхание, принялись следить, как Каринка подключает приемник.

Первый провод втыкаться в «Электронику» категорически не захотел.

– Значит, это не его провод, – авторитетно заявила Каринка и взялась за второй. Второй провод тоже отказался втыкаться в разъем.

– Спокойствие, только спокойствие, – тоном Карлсона успокоила нас сестра и потянулась за третьим проводом. Третий провод воткнулся в приемник очень здорово, словно для этого и был создан.

– Внимание! – протрубила Каринка и жестом фокусника вставила штепсель в розетку.

«Бабах!» – оглушительно грохнула «Электроника» и покрылась сизым облачком зловонного дыма.

Мы с Манькой похолодели. Сестра какое-то время постояла над радиоприемником, потом, не разгибаясь, повернулась к нам и выдохнула колечко сизого дыма:

– Это был не его провод!

– А чей? – глупо спросили мы.

Ответить Каринка не успела. Да и как тут ответишь, когда в шаговой доступности от тебя крутятся две женщины с чутким слухом ночного хищника, умеющие в критической ситуации развивать скорость разъяренного леопарда?! Тут не то что ответить, тут даже следы преступления скрыть не успеешь!

Воооот.

В тот день мы получили по полной программе целых два раза. Сначала нам влетело за «Электронику», а через пять минут – за

покрывало, в котором взорвавшийся радиоприемник прожег вполне себе приличную дыру.

Потом Ба с мамой пошли запивать стресс валерьянкой, а мы сидели нахохлившись за Манькиным столом и обратно вели светские разговоры. Сошлись во мнении, что нам не очень-то и стыдно за содеянное. Мы ж хотели как лучше! Сбереечь хотели блок питания на обратную дорогу. Кто же виноват, что провод в «Электронику» воткнулся, но почему-то взорвался? «Это уже, – вздыхали мы, аккуратно потрескивая зудящими Чебурашкиными ушами, – вопрос не к нам, а к проводам. Видите ли, воткнуть в разъем их можно, а безнаказанно дальше жить нельзя!»

Странные какие-то провода. Категорически неправильные!

Глава 23. Манюня и пурдикулез, или Житие кривого Бэреле

Роза Иосифовна совершенно искренне считала, что все хорошее, что есть в дяде Мише и Мане, они унаследовали исключительно у нее. Будто не было в их жизни ни Дядимишиного папы, ни Маниной мамы.

Все знают, что, если Ба что-то утверждает, лучше сразу капитулировать. Оставь маневр, всяк сюда входящий. На территории Ба главное вовремя соглашаться и всячески поддакивать. Тогда наградой за понимание вам будут «посиделки с альбомом». Знаете, что это такое? Это когда Ба приносит свой альбом и, бережно листая его и поглаживая каждую выцветшую фотокарточку, долго и обстоятельно

рассказывает, в кого из клана Шац пошел своими математическими способностями дядя Миша, а идеальным «скрипичным» слухом – Маня.

Альбом был старый, достаточно тяжелый, в темно-синей бархатной обложке, с широкими картонными страницами в прорезях, куда вставлялись пожелтевшие фотографии. Ба хранила его на верхней полке своего шкафа, обложив со всех сторон мешочками с сушеной лавандой, поэтому пах альбом пряным и немного терпким, а еще – чисто выстиранным и накрахмаленным бельем.

«Посиделки с альбомом» мы очень любили. Они чаще всего случались в какой-нибудь пасмурный или дождливый день, когда носа из дому не высунешь. В такие дни Ба превращалась в добренькую и уютненькую бабушку – куталась в большую мохеровую шаль, натягивала грубой вязки домашние носки, взбиралась с ногами на диван и рассказывала нам всякие истории из своего далекого бакинского детства.

Вот и сегодня все шло по накатанной. Сначала испортилась погода. Нет, сначала позвонил с работы дядя Миша и рассказал, что Ереван одобрил очередную его разработку, и теперь ему полагается большая премия и грамота.

– Грамотой пусть сами подавятся! – не преминула съязвить Ба, но следом расплылась в растроганной улыбке. – Сына, смотрю я на тебя и вижу твоего дядю Яшу! Как это какого Яшу? Моего двоюродного брата Яшу! Такой был смысленый мальчик, жаль, умер в восемь от скарлатины, так и не дожил до кандидатской степени! А ведь какой был чудо-ребенок! В четыре года таблицу умножения задом наперед рассказывал!

Мы с Манькой выразительно переглянулись. Историю о том, как маленький мальчик Яша рассказывал задом наперед таблицу умножения, мы знали наизусть. Мальчик Яша был таким удивительным мальчиком, что, когда ему называли любую цифру, например, семь, он быстренько называл все ее делимые – четырнадцать, двадцать один, двадцать восемь, ну и так далее, и это в неполные четыре года! Этот Яша был подозрительно талантливым мальчиком – играл на скрипке, пел как сокол, тьфу, соловей, читал запоем научную литературу, был вежлив и предупредителен, и вообще! Ба часто ставила его нам в пример, и мы с Маней тайно и преступно радовались, что время таки развело нас с Яшей. Это же сдохнуть можно – жить бок о бок с таким ребенком! Вон, мы порылись в библиотеке моего деда, выудили оттуда книгу под названием «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. О научном коммунизме». По названию сразу видно, что это научная литература, так? Так! И чего? Чуть не скукожились на первой же странице от вселенской тоски!

Но это я отвлеклась. В общем, Ба сначала порадовалась очередным успехам сына, потом позвонила моей маме и в подробностях рассказала последние новости, потом позвонила в больницу и долго ругалась с медсестрой, почему нельзя вызвать нашего папу к телефону, ну и что, что он на операции, на минуточку-то можно отвлечь человека заради хорошей новости!

Потом она заказала разговор с Новороссийском, чтобы похвастаться Фае, которая Жмайлик, оставила нас дежурить у телефона, а сама побежала рассказывать через забор о Дядимишиных успехах соседке тете Вале. Когда зазвонил телефон, я сбегала за Ба, и она дальше уже сама рассказывала сначала оператору нашей телефонной станции, потом новороссийской телефонной станции, а потом уже и Фае, которая Жмайлик, что вот такие дела, Фая, Миша-то весь в нас, в Яшу и в Бэреле, помнишь кривого Бэреле? А Фая рыдала в трубку и говорила, в кого же еще может быть такой талантливый мальчик, если не в нас, Роза!

А далее как по заказу испортилась погода, подул сильный ветер, стал крапать колючий дождик, Ба натянула вязаные носки, накинула на плечи шаль и принесла свой альбом. И под наше дружное поддакивание рассказала все про своих родственников – и про

вундеркинда Яшу, и про тетю Мирру, которая исцарапала свою оппонентку в мясной лавке, и про Манькиного прадеда Исаака Шаца, у ног которого были все бакинские красавицы (спрашивается, как же тогда он ходил, по ним, что ли?).

– Шкодливостью вы, конечно же, в Сару, – показывала Ба нам фотографию маленькой щекастой девочки в пышном меховом берете.

– Кто это мы? – встрепенулась я.

– Все вы, а ваша Каринка – в особенности, – хмыкнула Ба.

– Ба, а чего это ты так говоришь, если они нам не родственники? – тоненько захихикала Манька.

– А и верно, – рассмеялась Ба. – Это я по инерции. Лишний хороший человек никому не помешает. А уж целая семья – тем более.

От нахлынувших эмоций у меня защипало в носу. Очень уж приятно слышать от Ба слова похвалы в адрес моей семьи!

– Слухом ты в нашего Мойшу, – меж тем рассказывала Ба Мане, водя пальцем по фотографии с надписью в левом углу «Ялта, 1913 годъ».

С фотографии на нас глядел худенький невообразимо кучерявый юноша с ввалившимися щеками и висками и воинственно торчащим кадыком. – Хороший был мальчик, жаль, умер от туберкулеза.

– Ба, а у меня нет туберкулеза? – заволновалась Маня. – А то, может, я в этого Мойшу не только слухом пошла, но и туберкулезом?

– У тебя не туберкулез, а педикулез. Си– речь вошки, ясно? И не отвлекай меня от воспоминаний! – отмахнулась Ба.

– Ба, а можно я еще разочек тебя отвлеку? – Манька трогательно сложила ладошки на груди. – Ну пожалуйста, ну самый последний разочек!!!

– Можно.

– А что такое пурдикулез?

– Чтоооо?

– Я прям сейчас придумала страшное заболевание, называется пурдикулез, но не знаю, что это такое. А ты знаешь? – И Манюня выжидательно уставилась на Ба.

– Мария! Я тебе мигом организую пурдикулез, если ты и дальше будешь морочить мне голову, ясно? – вскипела Ба. – Вон, Наринка сидит тихой мышкой и не перебивает меня! Тебе что, сложно две секунды помолчать?

– Наринка молчит, потому что она не придумала такого страшного заболевания! – обиделась Манька. – И вообще две секунды помолчать и я могу. Но как можно молчать, когда в мире такие жуткие дела творятся?

Ба отложила альбом и сложила руки на груди:

– И какие такие жуткие дела в мире творятся?

– А вот какие. Кругом пурдикулез, и, может, мы им давно уже боеем! И даже не знаем, что это за заболевание такое!

– А какие синктомы у этого заболевания? – От испуга я вспомнила слово, которое часто употреблял папа, когда рассказывал о каком-нибудь недуге.

– Сказано: страшные. Ты чего, человеческих слов не понимаешь? – постучала по лбу Манька. – Может, пятки, там, чешутся, или в животе урчит!

У меня мигом зачесались все пятки и грозно заурчало в животе.

– И чего делать? – тоненько мявкнула я. Признаваться, что все признаки коварного пурдикулеза у меня прямо-таки налицо, я побоялась.

– Не ну что за балбески такие беспросветные! – всплеснула руками Ба. – Нет такого заболевания и быть не может, ясно? А от чесотки в пятках или урчания в животе никто еще не умирал!

– Ура! – обрадовалась я.

Манька радоваться даже не собиралась – она сварливо сопела и переводила рассерженный взгляд с меня на Ба. Сразу видно было, что моя подруга сильно обижается за пурдикулез. Ну не может же быть такого, что название есть, а заболевания нет!

Ба несколько секунд рассматривала взъерошенную внучку, потом хмыкнула:

– Прямо олух царя небесного, а не ребенок!

– А почему олух? – удивилась я.

– Потому что глупости говорит!

– И ничего не глупости, – упрямо замычала Манька.

– Подожди, Мань, – перебила я ее, – но почему олух? Она же девочка!

– Кто?

– Ну, Маня-то девочка! Это мальчиков можно называть олухами. А нам-то надо говорить по-другому!

– И как это по-другому? – прищурилась Ба.

– Олушки? – предположила я.

– Дяаяаяяя? – Ба с кряхтеньем наклонилась и сдернула с ног вязаные носки. – Вспотеешь в светских разговорах с вами!

– Может, олушки? – подала голос Манька. – Или олушочки?

Ба положила один носок на другой, скатала в причудливый комочек и убрала в карман фартука. Нащупала резинку в волосах, затянула выбившиеся пряди в хвостик.

– Олушочки – это вы в точку, – хмыкнула она. – Обе-две олушочки! Счастья полные штаны! – И, увидев наши вытянувшиеся лица, тут же предостерегающе подняла руку. – И не надо мне тут демагогию разводить из-за полных штанов, ясно? Это выражение такое, ничего более! Пойду готовить мясо, а то заговорила я тут с вами.

Как только Ба вышла из комнаты, Манька тут же метнулась к письменному столу, выдернула какую-то тетрадку и вывела крупными буквами на пустой странице: «ПУРДИКУЛЕЗ». Потом стала быстренько что-то записывать.

– Ты чего? – заглянула я через ее плечо.

– Пишу, чтобы не забыть. Потом твоего папу спрошу. Уж он-то точно знает, есть такое заболевание или нет.

И, крепко надавливая указательным пальцем на ручку, Манька вывела под «ПУРДИКУЛЕЗ-ом»: «Смертельное забаливание!!! Чешуться пятки и живот урчит». Поразмыслила чуть-чуть, вздохнула и перед «урчит» добавила «б».

– Надо, чтобы бурчал, а не урчал, – объяснила она, – «бурчит» звучит страшнее, так?

– Аха, – выдохнула я. – Вообще– то, Маньк, когда ты говорила про синктомы, ну, там, про пятки чешутся или живот бурчит, у меня все так и было.

– Да? – оживилась Манька. – А ну-ка ложись на мою кровать. Ну как? Пятки чешутся?

Я пошевелила пальцами на ногах и крепко прислушалась к пяткам. Они у меня мигом зачесались.

– Чешутся, – жалобно протянула я.

– Ага, – оживилась Манька, – а живот бурчит?

Я открыла рот, чтобы сказать «нет», но мое «нет» затонуло в воистину катастрофическом урчании, которое издал мой живот!

– Да что за наказание такое! – запричитала я.

– Ничего, Нарк, не бойся, мы тебя мигом вылечим. Ты, главное, скажи: тебя тошнит?

Ну и как вам это нравится? Стоило моей подруге спросить, тошнит меня или нет, как меня мигом затошнило. Я свернулась калачиком, горестно подтянула колени к груди и обхватила их руками:

– Тошнит, ага!

Манька вывела в тетрадке «тошнит» и озабоченно уставилась на меня.

– А голова болит?

– Болит! – заплакала я.

– Все синктомы как от пурдикулеза! – покачала головой Манька. – Пойдем вызывать скорую.

– Какую скорую? – испугалась я. – Никакой скорой мне не надо, я без скорой выздоровею. Обещаю.

– Какая же ты трусишка! – погладила меня по голове Манька. – Ну ладно, раз ты так боишься скорой, давай дождемся, пока твой папа вернется с работы, и спросим у него, чем тебя лечить надо. Думаю, марганцового отвара будет достаточно.

– Это что за отвар?

– Сама не знаю. Что-то на марганцовке, горькое и противное, – обнадежила меня Манька, вывела под симптомами заболевания «лечить пративным атваром марганцовывым», вырвала листок, сложила его и убрала в карман брюк. – Теперь главное – дождаться дяди Юры. Потому что если ты не дождешься и так умрешь – мы тебя вжисть не вылечим!

Ждать взаперти очень скучно, поэтому мы решили спуститься вниз и посмотреть, как обстоят дела с мясом. На обед сегодня предполагалось наше самое любимое-прелюбимое блюдо – говяжьи антрекоты «по-бердски». С гарниром из риса.

– Это хорошо, что вы пришли, поможете мне, – обрадовалась Ба. И пока мы с Маней перебирали рис, Ба хорошенечко отбила молоточком мясо, аж так, что оно из маленьких квадратиков величиной в спичечный коробок превратилось в тонкие большие лепешки. Потом она посолила лепешки и поперчила свежемолотым черным перцем. Далее сбегала в курятник и устроила скандал курам, чтобы они оперативно снесли пару-тройку свеженьких яиц. Вернулась с победой, разбила яйца в миску, тщательно взбила вилкой. Распустила в большой чугунной сковороде столовую ложку топленого масла, кинула туда несколько неочищенных зубчиков чеснока и, обмакивая мясо в яичную смесь, быстро обжарила его с двух сторон. Вытащила из сковороды антрекоты, отварила на том же масле с дольками чеснока круглый Краснодарский рис, отключила конфорку, обратно обложила рис мясом и прикрыла крышкой.

Все!

Теперь, пока мясо и рис пропитывались взаимным ароматом, нужно было быстренько помыть помидоры-огурцы, достать из рассола белую головку брынзы, ополоснуть ее под проточной водой и нарезать на ломтики, нарвать с грядки букет разнотравья, и чтобы обязательно много базилика – дядя Миша очень любит базилик. Зелень с грядки пахла невообразимо аппетитно – так и хотелось зарыться в нее лицом и вдыхать вкусно-пряный запах.

К Дядимишиному приезду стол был полностью сервирован. Поэтому, когда раздалось воинственное кряхтение Васи, мы в полном составе выскочили на веранду и оттуда в нетерпении наблюдали, как герой дня воюет со своим строптивым железным конем, чтобы как-то припарковать его на заднем дворе. Потом мы прыгали вокруг дяди Миши, обнимали его, и целовали, и говорили, что он настоящий умничка-разумничка, а Ба прослезилась и снова стала рассказывать про мальчика Яшу, но теперь уже вспоминала конспективно, потому что рис с мясом остывали.

А когда дядя Миша уехал после перерыва обратно на работу, мы пошли к нам. Ба не терпелось обстоятельно обсудить с мамой сегодняшнюю новость, а мы с Маней горели желанием дождаться моего папу и вылечить-таки пурдикулез. Правда, после обеда все

синктомы прошли, и я Мане честно призналась, что у меня больше не урчит в животе и не чешутся пятки.

Манюня сначала расстроилась, а потом снова воспрянула духом.

– Там посмотрим, – обрадовала она меня. – Пурдикулез – такое заболевание, что после обеда исчезает, а потом возвращается. Но ты не волнуйся, хоть здоровье у тебя и не очень, но пурдикулез мы тебе обязательно вылечим!

Домой мы не пошли, остались во дворе. Нужно было найти Каринку и рассказать ей о страшной напасти, которая постигла меня. Найти сестру в нашем просторном дворе легко и просто – надо просто идти на шум. Так уж сложилось исторически, что в эпицентре любого мало-мальски уважающего себя шума всегда находится моя сестра.

Вот и сейчас, безошибочно вычислив, что крики и ор раздаются из-за дальних гаражей, мы пошли в том направлении. Чем ближе мы подходили к гаражам, тем явственнее становились голоса.

– Аааааа, – орал Рубик, – аааааа!

– Тридцать девять! – считала Каринка. – Сорок!

– Поклянись, и она тебя отпустит, – раздавались взволнованные голоса детворы.

– Аааааа!!! – упрямо на одной ноте орал Рубик. – Дураааа!!!

– Сорок три! Сорок четыре! – звонко чеканила сестра.

– Бьет она его, что ли? – дернула меня за рукав Манька.

Мы побежали. Надо было остановить Каринку, пока она не убила Рубика с концами. Потому что Рубик хоть мальчик и противный, но все равно его жалко. Пусть живет.

Сначала мы наткнулись на заплаканную Маринку из тридцать восьмой.

– Что тут творится? – выдохнула я.

– Поделом ему! – разревелась Маринка еще пуще.

– Вижу, что поделом. А чего натворил-то?

Маринка не успела ответить, детвора расступилась, и мы наконец увидели, что же такое ужасное вытворяет Каринка с Рубиком. В принципе, ничего ужасного она с ним не вытворяла, просто завернула руку за спину и не отпускала. Рубик всячески лягался и пытался вырваться, но Каринка сильнее закручивала ему руку, и тогда Рубик начинал выгибаться и орать: «Ааааааа! Дура!»

– Пятьдесят! – немилосердно отсчитывала Каринка. – Пятьдесят один. Оторву руку!

– Аааааа!!! Все равно клясться не буду! Ооооооо!

Пока продолжались пытки, Маринка быстренько рассказала нам, что же учинил этот зловредный мальчик. Оказалось, что Рубику сегодня «поделом» уже третий раз. Сначала он, не заметив, что Каринка буквально рядом, выглядывает из беседки, обозвал нехорошим словом Ритку из тридцать пятой. Возмездие не заставило себя долго ждать – сестра покалечила Рубика, не отходя от беседки. Потом он из чистой зловредности продырявил гвоздем колесо Маринкиного велосипеда, и его покалечил Маринкин брат Сурик. Но Рубик не испытывал никаких угрызений совести, более того – он убежал к себе домой и стал выкрикивать с балкона, что завтра продырявит и второе колесо. Тогда Маринка пришла с челобитной к Каринке, и сестра постановила пытать Рубика, пока он не поклянется, что продырявливать колесо не будет. И теперь она выкручивает ему руку, а он, паразит такой, не сдается.

Мы уважительно устали на Рубика. Нет, жалеть мы его не жалели. Жалеть такого противного мальчишку себе дороже, все равно он жалости не понимает и завтра обратно выкинет какой-нибудь зловредный номер. Но упертость его вызывала у нас толику уважения.

Надо же, ему руку выкручивают, а он не клянется! Мы бы давно уже сдались.

Видно было, что стойкость Рубика импонирует не только нам. Остальные дети тоже притихли, и даже Маринка перестала плакать и тихо взвизгивала, когда Каринка особенно сильно выкручивала Рубику руку.

– Ну что? – спросила Каринка. – Не будешь клясться?

– Нет! – взвыл Рубик.

– Тогда иди отсюда, – вдруг сказала сестра.

– То есть как это иди? – Рубик удивленно уставился на свою мучительницу.

– А вот так. Иди отсюда, мне надоело тебе руку выкручивать! А будешь нарываться – дам в лоб!

И Рубик, потирая руку, пошел через толпу детворы, и все расступились, чтобы дать ему пройти.

– Молодец, Каринка, – сказала девочка Света из восьмой квартиры, – не отрывать же ему руку, раз он такой debil?

– Ну! – хмыкнула сестра. – А вообще-то он крепкий парень, просто дурак.

И, рассерженная на себя за такое непозволительное проявление эмоций, она в сердцах пнула камень.

– А я заболела смертельной болезнью! – решила утешить сестру я.

– Какой такой смертельной болезнью? – оживилась Каринка.

– Вон, – Манька достала из кармана сложенный вчетверо листочек, – тут все в подробностях написано. Ждем твоего папу, чтобы вылечить ее.

Каринка прочла по слогам описание заболевания, вернула Маньке листок и шмыгнула носом:

– Пойдем домой. Только этого не хватало, чтобы она здесь очурилась!

И, подцепив под руки, они поволокли меня к подъезду. Справа чеканила шаг Каринка, слева семенила Манька, а между ними, практически на последнем издыхании, плелась я. Жизнь моя висела на волоске, живот немилосердно бурчал, пятки чесались.

– Мань, – из последних сил выдохнула я.

– Чего?

– Надо еще один синктом записать!

– Какой?

– В туалет сильно хочется.

– По-большому или по-маленькому? – пропыхтела Манюня.

– По обоим! – пригорюнилась я.

Спешу успокоить сердобольного читателя – автор определенно выжил. Пурдикулез папа вылечил проверенным методом – пригрозил автору уколом. Все «синктомы» как рукой сняло.

А вечером, сразу после работы, к нам заехал дядя Миша, и до поздней ночи мы праздновали его премию. И Ба по новому кругу рассказывала про кривого Бэреле. Который хоть и слыл бабником (выразительный взгляд на притихшего сына), за что и был покалечен мужем одной своей пассии и на всю жизнь остался хромоногим, но очень толковым оказался мужиком и в кондитерской Зильберманов сконструировал такой хитропродуманный агрегат, который взбивал тесто в считанные минуты:

– И дела с того дня у Зильберманов пошли в гору, а Бэреле стал ухаживать за их старшей дочерью, – рассказывала Ба. – Жаль, что они так и не поженились...

– Что, он тоже умер? – похолодели мы.

– Почему умер? – удивилась Ба. – Такое добро, как Бэреле Шац, не тонет. Укатил в Одессу, а оттуда – в Америку. Я не удивлюсь, если там он закрутил любовь с какой-нибудь богатой американкой и зажил, как у бога за пазухой.

И тут Сонечка, которая все это время сидела на коленях у Ба и сосредоточенно жевала кусок докторской колбасы, вдруг разулыбалась, захлопала в ладошки и четко выговорила первое в своей жизни сложное слово.

И слово это было «хитяпйядуманный».

Глава 24. Манюня собирает авелук

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шебутной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов волна бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Словно холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким

голосом оровел... *«Анишии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Анишии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»*

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образованному внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выстояла все набегии кочевников, и, не случись того страшного землетрясения, она до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, который потом вырос вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского – Крепость.

Я сейчас расскажу вам удивительную и даже мистическую историю, которая приключилась с нами в горах. Читать ее, может, будет невесело, а местами даже грустно. Но когда-нибудь об этой истории обязательно нужно было написать. С благодарностью и нежностью к удивительным людям, с которыми нас сводит жизнь.

Все началось с того, что Ба решила запастись авелуком. Кто-то ей сказал, что его отваром можно лечить изжогу.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Ба, – сейчас как раз сезон, в выходные съездим за авелуком.

Авелук – это растение, употребляемое в пищу. Его собирают на высокогорных склонах, тщательно промывают, дают воде стечь и заплетают в длинные косички. При этом заплетаются только мясистые листья, а стебель торчит наружу. Когда косичка длиной в несколько метров заплетена, ножницами аккуратно срезают торчащие стебли. Далее эти длинные травяные косы сушатся на солнце и потом хранятся в ситцевых мешочках. Авелук сначала отваривают в воде, потом тушат с жареным репчатым луком, посыпают тертым грецким орехом и подают с соусом из мацуна и чеснока.

На сбор урожая снарядили меня, Манюню и Каринку. Под руководством Ба, естественно. Так как дядя Миша погнул капот папиной «копейки», с ветерком прокатив на нем быка, вылазки в горы мы производили только на Васе. Потому что крупный рогатый скот в

горах водился в большом количестве, а на Васин высокий капот Манин папа, даже при большом желании, быка не «подсадил» бы.

Но дяде Мише очень не хотелось ехать в горы – он мечтал провести воскресенье на диване перед телевизором, тем более что ожидалась трансляция жизненно важного для «Арарата» футбольного матча. Поэтому он скандалил и сопротивлялся, как мог. Только Ба такие сантименты, как футбольный матч или единственный выходной, не волновали.

– Если ты не отвезешь нас, то я наложу на себя руки, так и знай! – грохотала она. – И будет моя смерть на твоей совести! Ибо терпеть твои ежедневные содовые [24] возлияния я больше не могу!

И, конечно же, дяде Мише пришлось сдаваться, потому что легче уступить, чем терпеть шантаж матери.

– Хорошо, поедem, – буркнул он.

– Попробовал бы не согласиться, – хмыкнула Ба.

Прохладным апрельским утром Вася, отчаянно дребезжа, вкатился в наш двор. Через минуту мы с Каринкой забирались в машину – нужно было поторапливаться, иначе своим кряхтением Вася поднял бы на ноги весь дом. Мама спустилась поздороваться и пожелать удачной дороги.

– А чего это Миша такой хмурый? – спросила она, заглянув в машину.

Дядя Миша сидел за рулем мрачнее тучи. Как говорят у нас в городе – катастрофа капала с его бровей. Вот такое угрюмое у дяди Миши было выражение лица.

– Страдает, – хохотнула Ба, – не дали отдохнуть в законный выходной.

– Надя, – дядя Миша алкал справедливости, – вот скажи мне честно, ты бы стала выгонять своего мужа из дома ни свет ни заря в воскресное утро?

Мама вздохнула и посмотрела на него таким взглядом, каким недавно смотрела на Гаянэ, когда та нечаянно прошила свой палец на швейной машинке. Правда, Гаянэ тогда подняла крик на весь дом, а потом полвечера рыдала в кухонные шторы и грозилась разбить нехорошую швейную машинку молоточком. А дядя Миша страдал молча и желания разобраться с Ба молоточком не выказывал.

– Миша, – вздохнула мама, – изжогу-то твою нужно лечить? И потом, если бы Юра сегодня не дежурил, он бы обязательно поехал с вами.

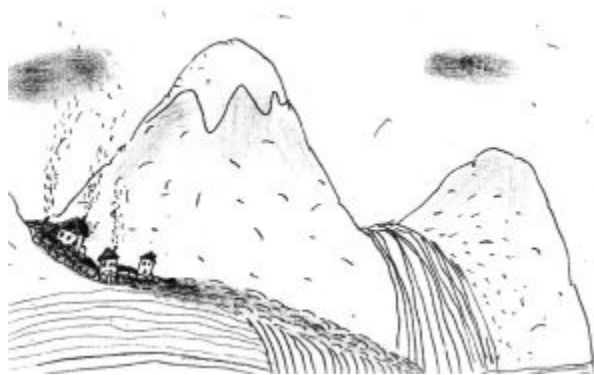
Дядя Миша ничего не ответил, только остервенело задвигал рычагами и нажал на педаль акселератора.

– Кха-кха-бумммм, – зашелся в кашле Вася.

– Ведите себя хорошо, – крикнула мама, – и слушайте Ба.

И в тот же миг Вася, этот немилосердный вестник апокалипсиса, этот металлический пасынок отечественной автопромышленности, рванул с места.

На самом деле Вася был, конечно же, не вестником апокалипсиса, а автомобилем повышенной проходимости «ГАЗ-69». Но достался он дяде Мише в странном виде. Кроме остальных ошеломляющих модификаций, которым подверг его бывший владелец, была видоизменена еще и кабина. За передними сиденьями «ГАЗика», вдоль боков, были прибиты две деревянные плохо отшлифованные лавки. Усидеть на них по ходу движения было очень сложно, потому что, во-первых, уцепиться решительно не за что, а во-вторых, машину трясло так, что периодически пассажиры кузова оказывались пятой точкой на голом полу. Поэтому на протяжении всей дороги мы пихались, переругивались и визжали, а Ба покрикивала на нас. Ну и, кроме всего прочего, мы с Манькой безостановочно пели.

Обычно под неустанное Васино кряхтение мы сначала перепевали репертуар нашего хора, потом переходили к песням из любимых мультиков и сказок, а когда заканчивались и эти песни, мычали папин любимый альбом Стью Гольдберга. А остальные пассажиры всю дорогу с каменными лицами терпели наш концерт.

К счастью, в этот раз дело до альбома Гольдберга не дошло – через час мы уже были в горах. Ба показала нам, как правильно собирать авелук, и мы тут же приступили к его сбору. Зелени кругом оказалось так много, что можно было, не сходя с места, нарвать целую охапку мясистых, густо пахнущих листьев.

Дядя Миша наотрез отказался собирать с нами авелук.

– Я вас привез? Привез! А теперь хочу выспаться.

– Тогда съезди в ближайшее поселение и купи у людей сепарированной сметаны и молока, – попросила Ба.

– Нет, – уперся дядя Миша, – сначала вы соберете зелень, а потом мы заедем в селение, и ты сама купишь чего тебе надо. А то потом будешь ругаться, что я взял кислую сметану или снятое молоко.

В Дядимишиных словах был резон – еще ни разу ему не удавалось угодить Ба покупками. Потому что дядю Мишу с поразительным постоянством надували все торговцы. Если он брал на рынке овощи, то обязательно гнилые, если фрукты – то кислые и невкусные, если мясо – то дряхлое и жилистое.

– Мойше, – гремела на весь дом Ба, – на кой ляд ты взял эти мощи? Их даже мясорубка не возьмет!

– Торговец клялся, что мясо свежее, – защищался дядя Миша.

– Как минимум с какого-то доисторического звероящера! – кипятилась Ба.

Поэтому, когда дядя Миша отказался собирать авелук, Ба даже обрадовалась.

– Пусть поспит. А то наберет сейчас полный мешок сорняков, перебирай потом, – пробурчала она.

Авелук собирать было весело и совсем не сложно. Мы с Манькой аккуратно, чтобы не повредить корни, срезали стебли, Каринка относила их Ба, а та перебирала зелень и складывала в большой мешок.

– Какие вы у меня умные и рукастые, – подгоняла нас Ба, – что бы я без вас делала?

Подстегнутые ее похвалой, за час упорной работы мы набрали целый ворох авелука.

– Этого вполне достаточно. Вы погуляйте немного, я сейчас быстренько еще раз все переберу, а потом перекусим. Только не смейте шуметь, Миша спит.

Мы расстроились – стоять на склоне горы и не драть глотку, чтобы услышать эхо, очень обидно.

– Пойдем тогда руки красить, – махнула в сторону больших валунов Манька.

Вы никогда не видели, как красят в горах руки? Очень жаль. Вы даже не представляете, какое это увлекательное занятие. Нужно выбрать на старом «зацветшем» камне серое пятно засохшего лишайника, плеснуть на него водички, можно и поплевать, ничего страшного. Далее плоским небольшим камушком растереть лишайник в густую кашицу и нанести произвольным рисунком на руки. Потом, когда хна высыхает, ее смывают водой, и на ладонях остается ярко-оранжевый рисунок.

Мы так и сделали – быстро растерли темно-зеленую кашицу и нанесли на ладошки. Теперь нужно было подставить руки ветру, чтобы хна высохла.

Сидеть на огромном, нагретом апрельским солнышком валуне и любоваться окрестностями было невообразимо прекрасно – со всех сторон нас обступали седые на макушках горы, внизу простирались густые вековые леса, небеса исходили таким хрустальным сиянием, что слепили глаза. Остро пахло весенними травами, и особенно – чабрецом.

– Хорошо-то как! – выдохнула я.

– Ммммм, – согласились девочки. Было так прекрасно, что даже разговаривать не хотелось.

– Можно полежать на спине и даже поспать, – предложила Манька.

Мы осторожно легли, прижались затылками к теплому, живому камню и подставили ладони небу.

– А знаете, – протянула я в полудреме, – теперь я понимаю папу. Он всегда говорит, что в нас осталось много языческого. Вот это, наверное, и есть языческое.

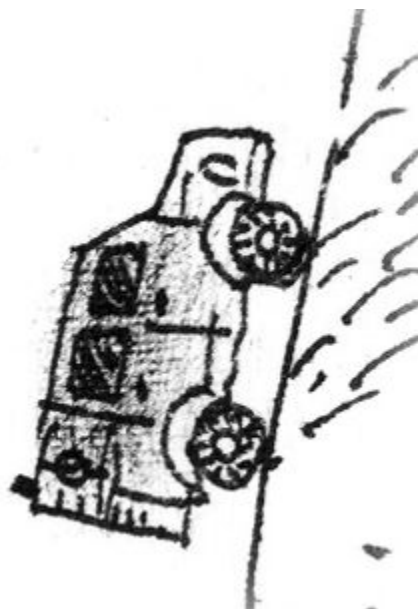
– Дааа, – протянули девочки.

Это было очень необычно – разговаривать на взрослые темы, не задирая друг друга и не обзываясь «ума палатами». Меня так поразило наше единомыслие, что я даже расстроилась. «Стареем, наверное», – подумала с горечью.

Тут Ба позвала нас, и мы, махнув рукой на дремлющее в нас языческое, побежали будить дядю Мишу. И, пока он перетаскивал в машину авелук, а Ба разворачивала еду, мы смыли с рук высохшую хну. Теперь у нас были невообразимой красоты расписные ладошки.

Когда мы вкусно поели, дядя Миша принялся ходить на руках и, напевая утробным голосом «Триумфальный марш» из «Аиды», смешно дрыгать в такт ногами. А на недовольство Ба говорил, что специально так делает, чтобы кровь не прихлынула к желудку, и его снова не клонило ко сну. Мы хихикали и пытались повторять за дядей Мишей, но ничего у нас не выходило.

– Зато я умею делать мостик, – похвасталась я, – только кто-то должен меня за спину подержать.

Каринка вызвалась подстраховать меня, но, когда я выгнулась, она меня не удержала и уронила головой в чертополох. Я подняла такой крик, что эхо разнеслось по всей округе. Ба отвесила Каринке подзатыльник, а потом, убедившись, что я не поранилась, наградила подзатыльником и меня с Манькой.

– На всякий случай, – объяснила.

Потом дяде Мише стало дурно от долгого стояния на руках, и он какое-то время сидел, бледный и несчастный, а мы его обмахивали листьями лопуха. Ба никак не могла успокоиться и попеременно называла его то олухом царя небесного, то тьмой египетской.

– Что ты понимаешь в мужской неотразимости, – слабо возражал дядя Миша.

– Уж побольше твоего понимаю! – бухтела Ба.

Когда дядя Миша отдышался и снова приобрел обычный цвет лица, мы загрузились в Васю и поехали в ближайшее горное селение, чтобы купить сепарированной сметаны и парного молока.

Жилища в горах были крохотные и достаточно ветхие – люди жили там только в теплое летнее время и не очень заботились о комфортном быте. Чаще всего под дома определялись деревянные времянки, но попадались и чудом уцелевшие древние каменные сакли. А иногда вместо ветхого, словно птичьего, домика можно было увидеть остов какого-нибудь допотопного автобуса! И никого не удивлял оранжевый, местами насквозь проржавевший «ПАЗ», окна

которого заботливо занавешены шторами в цветочек, а из лобового стекла торчит немилосердно дымящая труба дровяной печки!

– Вот бы привезти сюда братьев Стругацких, – смеялся папа, – они бы тогда «Пикник на обочине» переписали!

А недалеко от армянских поселений раскидывали большие шатры поселения азербайджанские – лето в соседней республике было немилосердно жарким и засушливым, и нередко люди на это время перебирались в прохладные горы. Шатры сильно напоминали жилища кочевников – это были большие ярангообразные сооружения, остов которых состоял из вбитых в землю высоких жердей. На эти жерди накидывались огромные пледы, которые сверху покрывали целлофановой пленкой, чтобы защитить сооружение от дождя.

Отношения между армянскими и азербайджанскими поселениями были настороженными. Люди не враждовали, но и не дружили. Страшные события начала XX века оставили в памяти незаживающие раны. Когда мы проезжали мимо таких кочевых поселений, Ба поджимала губы и, думая о чем-то своем, скорбно качала головой. Мы в такие минуты втягивали головы в плечи и цепенели, чутко улавливая малейшие изменения в ее настроении.

Когда мы подъезжали к армянскому поселению, то еще издали увидели одинокую фигуру, выделяющуюся темным пятном на фоне построек. Это была древняя, закутанная в теплую шаль старуха.

Подавшись вперед, она следила за нами, и длинные кисти ее шали трепетали, словно о чем-то шептались на ветру.

Было в ее облике что-то такое, что заставляло тебя замедлить шаг и почтительно склонить голову. Казалось – если замолчит ветер, ты услышишь тихий шепот, издаваемый кистями ее шали:

– *Аниии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка...*

– Пойдем, – обратилась к нам старуха.

– Куда? – удивилась Ба.

– Пойдем, дочка, много говоришь.

И мы, притихшие, пошли за ней. Она завела нас в низенькую каменную саклю и указала на деревянную скамью. Мы безропотно сели. Старуха вытащила большую глиняную миску, накрошила туда домашнего хлеба, залила его мацуном, тщательно перемешала, посыпала сахарным песком, выдала каждому по деревянной ложке.

– Ешьте.

И села напротив, пождав сухие губы и сложив на коленях испещренные морщинами руки.

Нам совсем не хотелось есть, но мы боялись обидеть хозяйку дома. Каждый зачерпнул по ложке мацуна и нехотя отправил в рот. Но крошево оказалось удивительно вкусным, и мы быстренько опустошили миску.

– Спасибо.

– Меня зовут Катанга, – сказала старуха.

– Как?

– Катанга. Через дом, – сдержанный кивок в сторону, – сестра моя живет, ее зовут Олынга. Вы за сепарированной сметаной и молоком, я знаю. Вот у нее и возьмете.

– Хорошо.

Мы во все глаза наблюдали за старухой. Для своего возраста она держалась неестественно прямо и казалась такой же древней, как эта потемневшая от печного дыма каменная сакля.

– Пусть молодые выйдут, – через минуту молчания велела она. – Заберите посуду, за домом родник, ополосните там. Ты, сынок, – обратилась она к дяде Мише, – сходи к Олынге и возьми у нее сметаны. И попроси свечку. Так и скажи – Катынга попросила свечку. Это для светленькой девочки. А мы пока поговорим, да? – обернулась она к Ба.

– Поговорим, – согласилась Ба.

Мы выскочили из дома как ошпаренные.

– Папа, а кто она такая? – зашептала Манька. – И зачем она для Нарки свечку попросила?

Дядя Миша молчал.

– Может, колдунья? – У Каринки загорелись глаза.

– Не знаю, – протянул в задумчивости дядя Миша, – есть в ней что– то такое, пугающее.

Мы ополоснули посуду, забрали в машине трехлитровые банки и пошли искать дом Олынга.

– Какие странные у них имена, – удивлялись мы.

– Да, я никогда не слышал таких, – согласился дядя Миша.

У пробегающего мимо мальчика мы спросили, где нужный нам дом. Он махнул рукой вдоль улицы – третья сакля справа, видите, где дым поднимается из трубы.

Олынга оказалась такой же древней, как сестра, старухой. Она забрала у нас банки, наполнила одну желто-масляной сепарированной сметаной, а вторую – густым парным молоком.

– Вот эта кудрявенькая твоя дочь, да? – кивнула на Маню.

– Откуда вы догадались? – изумился дядя Миша. – Она совсем на меня не похожа!

– Кровь не вода, сынок, она шепчет о родстве.

Она достала из ящичка ветхого комода желтую церковную свечку и протянула ее мне.

– Это тебе.

Мы молча переглянулись.

Денег Олынга не взяла:

– Сестре отдадите.

Когда мы подходили к дому Катынги, то с изумлением услышали пение Ба. Мы постояли в нерешительности несколько секунд возле порога, а потом толкнули дверь.

– Ты представляешь, Миша, – обернула к нам светящееся лицо Ба, – я вспомнила колыбельную, которую мне бабушка пела. Слова давно из памяти выветрились. А сейчас всплыли. Надо же!

– Девочка, – обратилась ко мне Катынга, – тебя недавно напугала большая лохматая собака, и ты, убегая, упала и сильно ушибла левый локоть. Когда приедешь домой, попроси, чтобы мама зажгла эту свечу в изголовье твоей кровати. А я за тебя здесь попрошу. И все страхи как рукой снимет, хорошо?

– Хорошо, – шепнула я.

Катынга погладила нас по щечкам шершавыми сухими ладонями.

– Езжайте.

– Деньги за сметану... – кашлянул дядя Миша.

– Езжайте. Ничего не надо.

– Но как же так?

– Много говоришь, сынок, – отрезала Катынга и повернулась к нам спиной.

– О чем вы разговаривали? – спросил дядя Миша у Ба, когда мы сели в машину.

– Ни о чем. Она молчала, а я плакала. А потом вспомнила песню. И запела.

– Как это ни о чем? Разве не ты ей рассказала, что Наринку собака напугала?

– Нет, – Ба вздохнула, – но я бы даже не удивилась, если она нашу девочку по имени бы назвала.

Остальную дорогу мы ехали в молчании. Каждый думал о чем-то своем и не спешил делиться с остальными своими мыслями.

– Я понял, откуда у них такие имена, – вдруг хлопнул себя по лбу дядя Миша. Мы уже подъезжали к Берду, еще несколько виражей – и из-за холма показались бы развалины крепости.

– Откуда?

– Катинга и Ольшга – это Катенька и Оленька! Видимо, когда-то их родители слышали звучные русские имена и, особо не вдаваясь в подробности, огрубив диалектом, назвали дочерей Катингой и Олынгой!

Ба всплеснула руками.

– А ведь верно, Миша, все так и есть! Верно-то как!

Манька спала, положив голову мне на колени, Каринка о чем-то усиленно размышляла, шевеля губами. Когда машина поворачивала и кренилась набок, она придерживала Манюню за ноги, чтобы та не свалилась с деревянной лавки.

– Тебя что, совсем не мутит? – в очередной раз спросила она меня.

– Совсем. Но я сильно устала.

– Вот это делааа, – протянула сестра.

И тут Ба снова запела. Голос ее звучал мягко и немного приглушенно, иногда он вибрировал и беспомощно обрывался. Тогда Ба на секунду замолкала, а потом продолжала с прерванного места пение.

Это была старинная песня на джиди [\[25\]](#).

Ба ее допела, а потом перевела:

Когда наступит день
И тучи уйдут с моего порога,
Я толкну калитку
И выйду в чисто поле.
Ай-яя, скажу я миру,
Ай-яя, ответит мир мне.
Ай-яя, скажу я богу,
Ай-яя, ответит бог мне.

Когда наступит день
И тучи уйдут с моего порога,
Я стану бессмертной...

Книга третья. Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения

Действующие лица

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и несгибаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не сживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроенец. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегают. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляпольт», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную

колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Генриетта. Вообще-то «копейка». Но по душевным качествам – золотой царский червонец как минимум. Вся из себя преданная, слова поперек не скажет. Усилиями обоих пап постоянно попадает в передряги. То в стадо коров въедет, то сальто-мортале в кювете крутит. И все это – без единого упрека. Не машина, а всепрощающий ангел на колесах.

Глава 1. Манюня – магистр наук, или Как банальный прострел может спасти от наказания

– Ба? А как умер Дарвин?

Ба схватилась за сердце. Резко села, нашарила очки. Спросонья нацепила их вверх тормашками и промычала что-то невразумительное

в ответ.

– Чивой? – Манька приложила ладошку к уху и подалась вперед.

– Который час?

– Шесть часов утра, – звонко отрапортовала Манька, вытащила из– под мышки книгу, раскрыла на какой-то странице и требовательно уставилась на бабушку.

Ба с трудом разлепила глаза, глянула на часы.

– Мария, ты с ума сошла? Выходной на дворе, чего так рано проснулась?

Маня обиженно засопела:

– Так бы и сказала, что не знаешь, как умер Дарвин. Чего сразу про выходной говоришь?

Ба вздохнула, надела правильно очки, отобрала у Маньки книгу и уставилась на иллюстрацию. Со страницы на нее глядела толстая бородавчатая жаба.

– Это что такое?

– Это ядовитая жаба. Но я не про нее хотела. Просто здесь про эту историю картинки нет. Там написано, что одна оса ужалила паука. И паука парари... – Манька забулькала на «р», досадливо поморщилась, прочистила горло и по новой пошла на штурм сложного слова: – Парализовало!

– Парализовало?

– Вотэтовот! И лежал он такой, знаешь, совсем мертвый. Под кустиком. Но дышал!

– Ха-ха-ха!

– Ну чего ты смеешься? Ничего смешного тут нет! Наоборот, все страшно ужасно! И когда эта оса захотела утащить паука к себе в гнездо, деток кормить, Дарвин ее и поймал.

– Ложись рядом. – Ба подвинулась в сторону, отогнула край одеяла, похлопала рукой по простыне.

– Не буду я рядом ложиться! Ты снова начнешь меня тискать, а я поговорить хочу!

– Обещаю, тискать тебя я не буду.

– Поклянись!

– Клянусь! – Ба растопырила пальцы. – Видишь, я даже пальцы не скрещиваю.

Манюня с минуту сверлила бабушку испытывающим взглядом, потом кивнула, забралась под одеяло и громким шепотом продолжила:

– И чего я теперь думаю. Может, когда Дарвин привез эту осу к себе в... ну где он там жил, в домой...

– Домой.

– Ну да, в домой.

– Домой привез, а не в домой!!!

– Ба, ну чего ты! Домой привез эту осу! Так вот, жила она какое-то время в клетке, а потом Дарвин нечаянно просунул туда палец, ну поковыряться хотел, а она возьми и ужаль его? И он умер?

– Палализованный умер? – Ба, не выдержав Маниного наполненного трагизмом взгляда, зарылась лицом в подушку и разразилась своим фирменным смехом, периодически всхлипывая и причитая: «Ой, я больше не могу!» Манька раздраженно выдернула из рук бабушки книгу, сползла с кровати, нацепила тапки.

– Вот ты прямо как папа! Ему тоже скажешь чего научного, и он тут же начинает смеяться. И говорить «ой, я не могу», – передразнила она. – Не буду я вам больше ничего говорить! Я лучше Нарке буду рассказывать. Она, может, и сама не знает, от чего Дарвин умер, но хотя бы не смеется в ответ!

– А что же она делает, если не смеется? – взвизгнула между двумя приступами хохота Ба.

– Сидит рядом и молча смотрит. Понятно? Так что вот, пошла я к себе! А ты смейся дальше одна! – Манька шмыгнула носом, натянула высоко на грудь пижамные штаны, развернулась через плечо и, остервенело чеканя шаг, выдвинулась вон из комнаты.

– Ой-ой! Грудь моряка, попа индюка! – крикнула вслед Ба.

– Ни ой ни ой! Ни грудь ни моряка ни попа ни индюка! – не осталась в долгу Манька.

Ба утерла рукавом ночнушки выступившие слезы, полежала какое-то время, приходя в себя. Поднялась, затянула в короткий хвостик вьющиеся волосы. Подошла к окну и распахнула форточку. Комната мигом наполнилась холодным февральским утром – остро запахло талым снегом и влажной, разбухшей землей, промерзший рассвет робко золотил плечо дальнего холма, сварливо перекликались припозднившиеся утренние петухи.

– День будет добрым, – решила Ба.

Она переделалась, привела в порядок постель, накрыла кровать тяжелым простеганным покрывалом. Сложила в стопку книги на тумбочке, поправила ажурную салфетку на трюмо. Окинула довольным взглядом комнату – чистота! Тихо прикрыла за собой дверь и пошла вести переговоры с внучкой.

Манькина комната находилась между комнатами Ба и дяди Миши. Дядимишина спальня расположилась в самом конце коридора. Она замыкалась большой стеклянной лоджией, где дядя Миша хранил всякие свои инженерные штучки. Несколько проводов, металлических деталей и штепселей лежали в картонной коробке под столом. Ба каждую уборку сильно ругалась и вытаскивала коробку на лоджию, но через день – второй та волшебным образом снова оказывалась в комнате. Просто дядя Миша периодически делал какие-то открытия, увлеченно чертил схемы и собирал странные конструкции, на выходе смахивающие на покореженные после небольшого взрыва запчасти бензопилы «Дружба», поэтому коробка-выручалка должна была постоянно находиться под рукой. Мало ли, может, вдохновение обуяет тебя в три часа ночи, не идти же за проводами на морозный балкон! Ведь шаговая доступность запчастей – залог самых больших научных открытий!

Поэтому, чтобы уберечь нервы себе и окружающим, Ба отвела сыну дальнюю комнату. Так можно меньше раздражаться из-за бесконечного промышленного хлама, без которого сын не представляет своей жизни, да и не отвлекать его от разноразличных важных открытий. Дядя Миша самоотверженность Ба очень ценил, дома старался сдерживаться от безумных конструкторских порывов, а работу новоиспеченных устройств проверял на заднем дворе родного релейного завода. Сильно кручинился, что для экспериментов на предприятии не имеется бронированного помещения.

Но иногда его накрывал неконтролируемый творческий экстаз, в такие минуты дядя Миша забывал обо всем на свете и проверял действие своих устройств на дому. Два раза обошлось сущей ерундой – выбитыми пробками, один раз случился небольшой пожар, который наш неутомимый изобретатель потушил собственными новыми шерстяными брюками, а однажды включенная в розетку конструкция издала такой холодящий душу потусторонний вой, что от ужаса скрючило всю живность на многие сотни метров вокруг.

Манина комната была самой большой и светлой. Справа стояла широкая кровать темного дерева, в изголовье кровати – письменный стол. На стене висел большой бежевый ковер в шоколадный и темно-зеленый узор, в углу комнаты расположилось старое кресло. Слева от входной двери высился шкаф, где хранилась не только одежда, но периодически, когда нам хотелось напустить загадочного туману на нашу и без того богатую событиями жизнь, хранились мы. Хранились мы в шкафу с целью разобраться, можно ли распознать в темноте гримасу подруги или показать с лету, без унижительных ощупываний, где у кого нога, а где, наоборот, ухо.

К сожалению, или, может быть, к счастью, в шкафу мы обитали недолго, минут пятнадцать – двадцать, и всё потому, что существовать мирно в тесноте, да не в обиде категорически не умели. Поэтому чаще всего посиделки в темноте заканчивались тем, что мы с шумом вываливались на пол и устраивали сокрушительный мордобой, помогая себе вешалками и другими подручными средствами. На наши крики прилетала Ба, и следующие полчаса, угрюмо сопя и отсвечивая в пространство зудящими вывернутыми ушами, мы приводили в порядок Манин гардероб. Труд не только облагораживает, но и сближает, так что по ходу уборки мы обратно мирились, а к концу были готовы к новым, не менее захватывающим приключениям.

В течение дня Манька редко бывала у себя и даже домашнее задание норовила делала за кухонным столом – там ей было уютнее, да и Ба постоянно крутилась рядом и могла помочь в решении сложной задачи. В комнате моя подруга предпочитала спать и дуться. И если по какой-то причине ей хотелось высказать миру свое «фи», она прикрепляла магнитиками к металлической рамке на двери небольшой плакат с надписью «Вход запрещен» и закрывалась в комнате.

Сегодняшнее утро явно заслуживало очередной Маниной протестной эскапады, поэтому, когда Ба пошла разговаривать с внучкой, она наткнулась на запертую дверь и плакат с грозным предупреждением.

– И чего? – спросила Ба в дверь. – Мне сюда совсем вход запрещен?

– Совсем! – мигом отозвалась Манька в замочную скважину.

– А если я извинюсь?

– Поздно извиняться! Надо было сразу!

– А если я оладьи сделаю?

– Все равно! – не дрогнула Манька.

– Не простые оладьи, а дрожжевые! Пышные-румяные!

За дверью сердито закопошились. Ба победно хмыкнула, встала руки в боки.

– Ладно, я пойду замешивать тесто, а ты пока думай.

– Мам, ну чего вы поспать не даете? – крикнул из своей комнаты дядя Миша.

– Да вот, твоя дочь чудит.

– И ничего я не чужу! – моментально огрызнулась Манька.

– Ну всё, я пошла. Как только надоест дуться – спускайся вниз. Я тебе расскажу, от чего умер Дарвин.

– А ты точно знаешь, от чего он умер?

– Точно знаю!

– Скажи? – Манькин любопытный глаз сканировал пространство через замочную скважину.

Ба наклонилась и поймала вороватый взгляд внучки за секунду до того, как та отпрянула от двери.

– А не скажу. Когда выйдешь – тогда и расскажу.

– Очень надо! – рассердилась Манька.

– Ну как хочешь, – засмеялась Ба и пошла вниз по лестнице.

На кухне она первым делом включила радио. Пока диктор, дребезжа лучом счастья в голосе, рассказывал, как пышно взошли озимые по всем полям нашей необъятной родины, Ба сердито ходила лицом и едко комментировала каждое его слово. Далее, под аккомпанемент трагических новостей о бедственном положении шахтеров боливийского департамента Оруро она распустила в теплом молоке дрожжи, чуть посолила, поставила миску с опарой на теплую батарею – чтобы быстрее расходилось. Пока дрожжи думали, Ба

сбегала на задний двор, насыпала курам зерна, долила в поилку воды. Забрала четыре яйца, пятое трогать не стала – оставила в коробке. Потому что если забрать все яйца, то куры разбредутся по курятнику и будут нестись по углам вразброс.

Прибежала, морозная, домой, разбила в опару три желтка, добавила по столовой ложке сахара и растопленного сливочного масла, а также полчашки сметаны, замесила негустое тесто. Отдельно взбила в пышную пену белки, аккуратно ввела в тесто. Размешала деревянной лопаточкой, накрыла крышкой, завернула в теплое одеяло, поставила доходить. Растопила полпачки сливочного масла и взбила его со стаканом липового меда. Получился вкусный соус для оладий. Заварила в пузатом керамическом чайничке заварки, открыла банку клубничного варенья – дядя Миша не ел меда, из сладкого предпочитал только варенье. Довольная собой, села попить чаю. Прислушалась – наверху было тихо.

«Надо бы сходить посмотреть, что она там творит», – решила Ба, допила чай, ополоснула чашку и, стараясь не скрипеть деревянными ступеньками, поднялась на второй этаж. Первое, что бросилось ей в глаза, был густо исписанный неровными каракулями плакат. Ба поправила на переносице очки и подошла ближе, чтобы лучше разглядеть новые надписи. Манюня, конечно же, не ударила в грязь лицом и расцветила плакат очередными душевынимающего содержания воззваниями:

«ВХОД ЗАПРЕЩЁН ВСЕМ, КТО СМЕЁТЦА!
КОМНАТА!
КАПИТАНА КАРОЛЕВСКОГО ФЛОТА МАРИИ ШАЦ!
МИХАЙЛОВНЫ!
МАГИТСРА НАУК. ЧЛЕНА КАРОЛЕВКОГО
ОБЩЕСТВА 1845!
ГОД РОЖДЕНИЯ: 1970 ГОД 11 НОЯБРЯ!
ГОД СМЕРТИ: НЕ УМЫРЛА, ЖИВАЯ»

Ба прыснула.

– Смеешься? – мигом засварливилась замочная скважина.

– Ну что ты! – закашлялась Ба. – Мне совсем не до смеха.

– Нравится? – оттаяла скважина.

– Очень нравится. А что такое тысяча восемьсот сорок пять?

– Где?

– А вот на плакате. Ты написала «член королевского общества 1845».

– Я не знаю, переписала из книжки, просто добавила свое имя. Теперь я капитан королевского корабля. И вход тебе сюда все равно запрещен.

– А чего же ты, капитан королевского корабля и магистр наук, без ошибок переписать не смогла?

– Где?

– А вот тут и тут, – Ба ткнула пальцем в плакат. – И еще вот здесь. Я лично три ошибки насчитала. Выйди, я тебе покажу.

– Не выйду! Ты ругаться станешь!

– Не стану я ругаться.

– А я говорю, что станешь!

– А я говорю...

Ба не успела закончить фразу, потому что дверь соседней комнаты с шумом распахнулась, и оттуда высунулся всклокоченный дядя Миша.

– Я так понял, в законный выходной мне таки выспаться не дадут?

– Пока не научишься правильно застегивать пижаму, точно не дадут! – парировала Ба. – Надо же было аж на две пуговицы промахнуться!

– Это потому, что я приблизительно застегивался, уже в темноте. А что тут у вас происходит?

Ба кивнула в сторону плаката:

– Да вот, моя внучка сегодня с шести часов утра на ногах. Обрати внимание на ее регалии – любой нобелевский лауреат обзавидуется.

Дядя Миша прищурился, чтобы разобрать Манины каракули.

– Магистр наук! Ну надо же! А почему вход в комнату запрещен?

– Потому что Ба смеется надо мной! – пропыхтела Манька.

– Ничего я не смеюсь! Я даже в полном восторге от твоей научной версии о смерти Дарвина.

За дверью воцарилась недоверчивая тишина.

– А что за научная версия? – шепнул дядя Миша.

– Пусть она сама тебе расскажет, – хихикнула Ба.

– Дочка, – постучался в дверь дядя Миша, – у тебя тут на плакате написано, что вход запрещен всем, кто смеется. Но я-то над тобой не смеюсь? Мне-то ты можешь открыть?

– Не могу, – прогудела Манька. – Ты будешь ругаться!

– Да не буду я ругаться!

– А я говорю, что будешь!

– А я говорю...

Ба какое-то время с благодушной улыбкой прислушивалась к перебранке родных, но вдруг всполошилась и напряглась:

– Одну минуточку! Мария, деточка, а ну-ка признавайся, что ты натворила? Ведь дело не в плакате, так? Ты зачем заперла дверь?

В комнате воцарилась гнетущая тишина, зато в замочной скважине с удвоенной скоростью заметался Манин глаз.

– Я же говорю, что будете ругаться, – заныла она.

Дядя Миша с Ба испуганно переглянулись.

– Не будем! Честное слово, – заверили они хором.

– Поклянитесь! – потребовала Манька. – Моим здоровьем!

– Клянемся твоим здоровьем!

– Я сейчас открою, только вы сразу не заходите, ладно?

– Ладно!

Сначала в двери закопошился ключ, потом послышался топот голых Маниных пяток. Когда дядя Миша с Ба заглянули в комнату, Манька уже летела к своей кровати. Она с разбега ввинтилась головой в подушку и притихла, выставив на всеобщее обозрение обтянутую в теплые пижамные штаны толстенную попу.

– Чисто страус! – хмыкнула Ба и пошла штурмом на Маньку. Интерьер на предмет разрушений даже не просканировала – за годы жизни с Маней научилась безошибочно распознавать, в какой точке пространственно-временного континуума успела нашкодить ее неугомонная внучка. Сейчас интуиция подсказывала ей, что точка эта находится в том месте, где Маня прячет лицо.

– Показывай, что там у тебя, – потребовала Ба.

– Не буду! – прогудела Манька и сильнее зарылась лицом в подушку.

– Не зарывайся в подушку, дышать нечем, задохнешься!

– Ну и пусть!

– Сама напросилась! – Дядя Миша вцепился в пятки дочери и принялся их немилосердно щекотать. Манька взвизгнула, выгнулась дугой и выпустила подушку. Ба молниеносно выдернула подушку и одеяло. Зарываться лицом теперь было категорически не во что! Манька засопела, повздыхала, полежала еще какое-то время попой торчком, потом резко села и убрала ладошки с лица.

– Вот!

– Гхмптху, – громко сглотнули дядя Миша с Ба.

– Это я просто нарисовала, не пугайтесь, – успокаивающе замахала руками Маня.

– Как это не пугаться? – Ба наклонилась к внучке, чтобы внимательнее рассмотреть ей лицо. – Что ты с собой сделала, горе луковое?

Горе луковое виновато топорщилось в ответ густонакрашенными смоляными щеками.

– Я себе бороду нарисовала. Как у Дарвина. Фломастером.

– Чем???

– Фломастером. Черным. Чтобы быть похожей на капитана королевского флота. Ну чего вы так на меня смотрите?

Манька не зря беспокоилась. Папа с бабушкой глядели как два каменных изваяния. И если папа хотя бы иногда вздыхал и

беспомощно моргал, то Ба совсем не двигалась. Она так и стояла, согнувшись пополам, прижимая к груди подушку с одеялом. Потом, спустя сотню лет, она моргнула, повернулась к сыну и, глядя ему куда-то в пупок, сдавленно простонала:

– Спину свело.

– Чего? – испугался дядя Миша.

– Спину, говорю, свело! – пророкотала Ба. – Сделай что-нибудь!

– Маня, принеси из аптечки тигровую мазь, – встрепенулся дядя Миша.

Пока Манюня летела на кухню за мазью, он помогал Ба улечься в кровать.

– Да что же это такое! – охала Ба, тщетно пытаясь растянуть хотя бы в тупой угол свое скрюченное буквой Г тело. – Что за напасть такая?

– Мария, – перевесился через перила лестницы дядя Миша, – нашла?

– Нет, – крикнула Манька, – в аптечке только бутадионовая мазь!

– Тигровую я в прошлый свой приступ извела, – простонала Ба.

– Могу сбежать к тете Вале, – предложила Маня.

– Одна нога там, другая тут, – крикнул дядя Миша.

Маня накинула на пижаму пальто, надела сапоги и выскочила из дому. Пока она бегала к соседям, дядя Миша принес с верхней полки антресолей специальную шаль из козьего меха. Эта шаль была неизменным спутником Ба во всех ее радикулитных делах. Ба пришила к одному концу шали пуговицу, а к другому – петлю, и в нелегкие дни, когда спину скрючивал приступ, обматывалась ею и торжественно застегивала на животе.

Когда дядя Миша примчался с шалью, Ба лежала на боку и мелко всхлипывала.

– Мам, ты чего, плачешь? – испугался дядя Миша.

– Ой-йе! – взвизгнула Ба. – Ой-йе, зиселе. Ты Маню к Вале послал, да?

– Ну да. А что?

– То-то Валя обрадуется ее бороде!

Конечно, не каждой соседке выпадает счастье наблюдать в раннее воскресное утро бородатого магистра наук и члена королевского общества 1845 Марию Шац Михайловну. Особенно если та врывается

с воплем: «Тетя Валя, ой, тетя Мариам, здрассьти, а где у вас тигровая мазь?» – а у вас на руках, в это нелегкое для вашей психики время, спит маленький Петрос. Но по соседству с Ба слабохарактерные люди не выживают, поэтому закаленная тетя Мариам, не моргнув глазом, одной рукой выудила откуда-то из-за спины тюбик мази, а другой оперативно смочила в тутовке ватный шарик и протерла им Манино личико. Не сказать что борода от протирания сошла на нет, скорее подернулась акварельной дымкой, но зато пришпоренная спиртовым духом Манька покрыла обратное расстояние за считанные секунды.

Потом они на пару с дядей Мишей натерли Ба кусачей мазью, обмотали шалью и усадили на кухонный диванчик – руководить. И Ба, как заправский Кутузов, правда, с повязкой не на глазу, а на спине, командовала битвой под названием «Один шлимазл спалил все тесто, а вторая закапала пол сладким соусом». И пока она ворчала, запивая обугленные оладьи сладким чаем, а дядя Миша хватался обожженными пальцами за мочку то одного, то другого уха, Манька, довольная тем, что радикулит Ба спас ее от наказания, каждые пять минут бегала в ванную – смывать бороду хозяйственным мылом. Борода со скрипом поддавалась, но местами держалась просто намертво! Отчаявшись, Манька даже попыталась протереть лицо кусочком пемзы, но тут же бросила эту затею – пемза, может, и отчищала, но вместе с бородой сдирала ещё и кожу.

К десяти часам утра, поднятый Дядимишиным звонком, приехал папа. Конечно, с большим скандалом, но ему таки удалось сделать Ба укол.

– Юрик, ты меня через одежду коли, какая разница! – клокотала Ба.

– Роза, если ты думаешь, что это первый женский зад в моей врачебной практике, то очень ошибаешься! – хладнокровно набирал в шприц лекарство папа.

– Лучше бы мы сына Газаровых позвали, – огрызалась Ба. – Он хоть и ветеринар, но повежливее тебя будет!

– А тебе лишь бы молоденьким мужчинам глазки строить! – не остался в долгу папа.

– Ну ты когда-нибудь уже сделаешь укол, или мне в такой двусмысленной позе Судный день встречать?

– Да я уже всё!

– Как всё? Совсем всё?

– Ну да!

– Юрик-джан, я так и знала, что у тебя не руки, а золото.

Над Маниной бородой папа сначала долго подтрунивал, а потом велел собираться.

– Повезу ее к нам, уж Надя придумает, чем фломастер смыть.

Мама первым делом нанесла на Манино личико густой слой детского крема.

– Чтобы кожа отдохнула, – объяснила.

Манька уже стерла часть своей бороды, поэтому ходила по дому плешивая, но жутко довольная. Мы с Каринкой сначала хотели ее на смех поднять, но потом передумали и сами намазюкались кремом – страдать, так хором. Потом мама протерла Манину бороду огуречным лосьоном и повела умываться в ванную. Два часа остервенелых косметических процедур – и мы получили нашу любимую Маньку обратно – такую, к какой мы привыкли. Чтобы смешная улыбка, пухлые щечки и боевой чубчик. Правда, боевой чубчик от перенесенных Маней очистительных испытаний немного поник, но в целом все равно выглядел непокоренным.

Кто бы сомневался!

Глава 2. Манюня выступает на отчетном концерте, или Оригинальный способ лечения боязни высоты

Один отдельно взятый, может и небольшой, но вполне убедительный прыщик на носу – это целое событие. Знаете почему? Потому что есть что предъявить миру, а особенно – этой противной

Ангелине, у которой неизвестно откуда посреди тела выросла грудь. Грудь реально одна, второй еще нет, Ангелина растет в одну сторону, не иначе, но кого это утешает? Никого это не утешает, а уж меня с Манькой – подавно. Потому что Ангелину мы не очень любим. Прямо-таки недолюбливаем. Да что уж душой кривить, терпеть мы эту Ангелину не можем!

Сегодня показательное выступление учеников музыкальной школы. Актальный зал забит до отказа. Вообще-то у нас не очень большой актальный зал, всего на сорок человек. Но сорок человек – это тоже серьезно, особенно когда они уже расселись по деревянным скрипучим стульям и, в ожидании культурных потрясений, с интересом рассматривают лепнину на потолке и темно-зеленые бархатные кулисы. Кулисы тяжелые, волнистые, когда раздвигаются – громко шелестят, а в темноте отдают серебристыми бликами. Лепнина на потолке вся из себя нарядная, обильная, в мелкий вьющийся завиток.

В первом ряду на самом почетном месте сидит директор Мария Робертовна, строгая тетечка с усами и даже немножко бородой, если принять во внимание щедро торчащие из круглой родинки на подбородке волоски. Мария Робертовна «преподает скрипку». Манька жалуется, что совершенно невозможно играть на скрипке, когда рядом маячат усы и немножко борода Марии Робертовны.

– Как увижу ее родинку, тут же все ноты вылетают из головы! – кручинится Манька и скорбно трясет непокорным чубчиком. Убедительно трясет, со всей силы. Будь чубчик хоть чуть-чуть накладным, он бы давно отлетел в сторону от такого немилосердного обращения. Но чубчик всамделишный, буйнорастущий, поэтому боевито развеивается над Манькиным лбом и отваливаться не собирается.

Ба Маньке не верит. Ба говорит, что Манька просто выдумывает всякие глупости, лишь бы не играть на скрипке. А ведь нормальному, уважающему себя ребенку из правильной еврейской семьи прямая дорога в Спиваковы!

– А кто такие Спиваковы? – пыхтит обиженная Манька. Манька не любит, когда ей кого-то ставят в пример, она тут же ощетинивается чубчиком и воинственно оттопыривается круглым пузом.

– Спиваков, а не Спиваковы! Уж не такое в детстве позорище, как ты! А талантливый скрипач, ясно?

Может, конечно, этот Спиваков и талантливый скрипач, мы его не знаем и спорить с Ба не хотим. Наверное, легко быть талантливым скрипачом, когда в далеком детстве с тобой занималась совсем другая, симпатичная преподавательница! А не Мария Робертовна, от одного вида волосатой родинки которой смычок прирастает к струнам, а природный талант сворачивается в кукиш! Опять же, небось у Спивакова была нормальная человеческая семья, которая подавала ему правильный пример. Я бы посмотрела, в кого бы он вырос, будь у него перед глазами такая девочка, как наша Каринка.

Когда упирающуюся Каринку мама с папой привели в музыкалку, у Марии Робертовны чуть родимчик не приключился от абсолютного слуха моей сестры.

– Только на скрипку! – заверещала она. – И только ко мне!

Мы с Манькой уже учились во втором классе музыкальной школы, я – по классу фортепиано, потому что слухом до скрипки не

дотянула, а Манька по классу скрипки, потому что со слухом у нее все было в порядке. И тут в музыкалку приводят Каринку, которая, не моргнув глазом, угадывает с закрытыми глазами все ноты и на память выводит чуть ли не оперные рулады. В воображении Марии Робертовны рисуется триумфальное будущее – вот наша Каринка выступает с симфоническим оркестром в Москве и под овации восторженной публики, вырывая у ведущего микрофон, объявляет на всю страну: «За мою безупречную технику исполнения спасибо большое моей преподавательнице по скрипке Марии Робертовне Маркарьян!» Слезы, фанфары, цветы, занавес. Всесоюзный почет и уважение.

Мария Робертовна, конечно, не подозревала, какую девочку выбрала себе в ученицы, а мы малодушно не стали ее предупреждать. И даже когда вся неприглядная истина о моей сестре открылась нашей отважной директорисе, та сдаваться не стала и с воплем: «Я все равно сделаю из тебя человека», – взялась за дело. И вся музыкальная школа с замиранием сердца наблюдала, как моя сестра упирается играть на скрипке, а Мария Робертовна, злобно оцетинившись усами, пытается сделать из нее знаменитость государственного масштаба. Навроде Спивакова.

Ну и кончилось все тем, что одним дождливым ноябрьским днем, сразу после очередной битвы за звание человека, Каринка воровато прокралась в первый попавшийся по дороге двор и утопила в туалете системы «деревенский сортир» свой несчастный инструмент. Вернулась вся из себя довольная домой и объявила, что в музыкалку она больше ни ногой, хоть убей. А вот в художественную школу очень даже пойдет.

Сначала у нас в квартире случилось легкое светопреставление на тему «ну сколько можно, я спрашиваю, сколько можно»! Мама отгаскала Каринку за уши, заперла в детской, тут же вытащила ее обратно и стала выпытывать, куда она подевала скрипку. Каринка какое-то время угрюмилась и выразительно сопела, потом призналась, что скрипка совершенно случайно утонула в выгребной яме.

– Как это утонула? – не поверила своим ушам мама.

– А вот так. Взяла и утонула. С концами! – пожала плечами Каринка.

Мама какое-то время хватала ртом воздух, потом махнула рукой и побежала вести с папой переговоры о второй скрипке. Папа сразу предупредил, что на второй инструмент денег у него нет.

И что нервы у него совсем тонкие, того и гляди порвутся, а без нервов он за себя не отвечает. Папа всегда так говорит, когда его склоняют к непредвиденным расходам.

Мама погоревала-погоревала, да и смирилась со своей участью. Потому что очень хорошо знала дочку и понимала, что если уж та уперлась – то это до победного. А что такое в Каринкином случае «до победного» – не надо никому объяснять. Какая-нибудь леденящая душу варварская выходка – вот что это такое. Поэтому родители решили пойти путем наименьшего сопротивления и перевели сестру в художку. Правда, им пришлось долго упрашивать нового директора, чтобы он согласился на такую ученицу. Ибо слава о проделках сестры опережала ее на многие километры. Как артиллерийский обстрел – наступление пехоты, например. Или как противная контрольная с инспекторами от района – долгожданные летние каникулы.

Мы с Манькой шибко завидовали Каринке, но пойти по ее стопам позволить себе не могли. У меня была вообще беспросветная ситуация – пианино утопить в выгребной яме я при всем желании не смогла бы, а загоревшейся было Маньке Ба в два счета объяснила, что с ней сделает, если та попытается последовать Каринкиному примеру. И

дело закончилось тем, что мы с Манькой остались в музыкалке и, проклиная все на свете, по два часа в день калечили мировую классику, а Каринка бодро малевала свои натюрморты и называла нас неудачницами.

Ладно, вернемся к концерту, а то я что-то увлеклась. Итак, актовый зал забит до отказа преподавателями и родителями, в третьем ряду, ближе к выходу, сидит дядя Миша, поправляет на переносице очки и ведет оживленную беседу с мамой девочки Лусинэ. Мама девочка Лусинэ вся из себя румяная, блестит глазами и изысканно смеется в ответ – откидывает голову, прикрывает ладонью рот и давай выводить «кы-кы-кы-кы-кы». Одним словом, кокетничает с дядей Мишей напропалую. Манька сердито сопит в занавес, я стою рядом, в платочке, повязанном аккуратным узлом под подбородком.

Потом начинается концерт. И вот Ангелина стоит посреди сцены, такая вся крахмальная отутюженная, аккуратный, волосок к волоску, пробор, в длинные косы вплетены два больших, совершенно волшебных банта – почти прозрачные, они густо обсыпаны серебристой мушкой, и если прищуриться, то кажется, будто вокруг кос роятся блестящие светлячки. Юбка на Ангелине темная, в складку, сидит не набекрень, с вывернутым подолом или пуговицей на пузе (когда этой пуговице место на боку), а как надо сидит, правильно. И колготки на ней гладенькие, не пузырятся на коленях, как обычно

бывает. И блузка на ней красивая, с рюшечками возле горла, в обтяжку. И из этой обтяжки торчит грудь! Маленькая такая, совсем даже крохотная, но грудь!

А я стою за сценой в платочке. То есть играть мне сейчас этюд Черни вот в таком позорном виде. И даже победно вылезший аккурат к концерту Манин прыщик на носу не утешает. Хотя за подругу я очень радуюсь, ага. Мы сегодня целый день этот прыщик изучали: и так посмотрим, и эдак, и в профиль, и анфас. С какой стороны ни любуйся – получается невероятная красота. Но мне-то от этого не легче! Душа все равно ноет из-за такой несправедливости. Ангелине выступать с грудью, Маньке – с прыщиком, а мне – в косынке. Эх!

Вот вы меня спросите, чего это я так сумбурно рассказываю. Начала с Ангелининой груди, потом про скрипку в выгребной яме вспомнила, про триумфальный Манин прыщик. Намекнула про свою косыночку. Где логика, спросите вы! Логики нет, спорить не буду. Это я так просто разогреваюсь, чтобы наконец поведать вам, как все на самом деле случилось. Так сказать, набираюсь храбрости.

Ладно, не вилять же мне бесконечно хвостом. Начну еще раз, с самого начала.

В общем, так. Наступила весна, и как-то сразу стало тепло. Еще недавно народ кутался в пальто и ходил в сапогах, а сегодня уже все в

куртках и ботинках. Вот и мы с Манькой, расфуфыренные, она в своей желтой курточке и вязаной красной шапке, а я в голубом легком пальто, солнечным практически вторником шли на занятие по сольфеджио. Вообще никого не трогали, просто шли по улице. Манька несла скрипку, потому что после сольфеджио у нее занятие по специальности, а я тащила папку с нашими нотными тетрадками и книгами. Культурно обсуждали Баха. Ну то есть как обсуждали, прямо-таки осуждали!

– Вот эти его фуги! – кривилась как от зубной боли я. – Как можно было такую скучную музыку сочинять? И нас еще заставляют ее играть!

– Да уж! – поддакивала Манька. – Даже не знаю, что может быть скучнее его фуг. Если только прелюдии?

В процессе оживленной беседы мы дошли до моста, ведущего к базару. Мост перекинут через небольшую речку – она разделяет наш городок ровно пополам и, весело журча, мчится в сторону старой крепости, где вливается в большую реку Тавуш. Мы какое-то время постояли на мосту, повздыхали, глядя вниз, в мутные по весне быстрые воды.

– В принципе, – задумчиво протянула я, – в принципе, твою скрипку можно было бы и здесь утопить.

– В принципе да, – согласилась Манька.

Выражение «в принципе» мы выучили совсем недавно, и оно нам очень нравилось. Поэтому мы его часто и увлеченно употребляли.

– Но тогда бы тебе пребольно влетело от Ба.

– Это да, в принципе, все так и есть. А знаешь, чего я думаю? – сосредоточенно засопела Манька. – Знаешь, почему музыки Баха называются фуги?

– Почему?

– Потому что от слова «фу». Понимаешь? Вот когда тебе что-то не нравится, ты говоришь «фу-у-у»! Вот и тут получается – фу-ги!

– В принципе, правильно, – важно повела бровями я. – А что тогда означает «ги»?

– Ги?

– Ну да! Ты же говоришь: «фу-ги». Что означает «ги»?

– Надо подумать! – Помпон Манькиной шапки свесился вниз, она качала головой туда-сюда, помпон качался в такт, и все это выглядело

очень завлекательно. Жаль, у моей шапки нет помпона, а то я бы тоже так забавлялась. Но перевешиваться с моста вниз головой не стала бы. Я высоты боюсь.

– Ги, – повторяла Манька в такт помпону. – Ги-ги. Нарка, мы с тобой дуры.

– Это почему?

– Потому что не «ги», а «га», понятно? Фуга, а не фуги.

– Тогда понятно, – шмыгнула носом я.

– Это чего тебе понятно?

– Про «га» понятно. Кто говорит «га»? Гуси!

– Гуси, ага. Гуси-гуси, га-га-га!

– Ну вот и ясно. Фу-га. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Манька резко вскинулась, помпон, пролетев круглой дугой, угнезвился на своем законном месте. Помпон большой и пушистый, прикреплен к шапке длинной шелковой тесьмой, и, когда Манька бежит по улице, он весело подпрыгивает круглым мячиком.

– В принципе, все верно, Нарка. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Потом мы с Манькой принялись обсуждать завтрашний показательный концерт. Наша музыкалка гордо именуется Бердской музыкальной школой № 1. Зачем кто-то взял и пронумеровал одну-единственную музыкальную школу, не очень понятно. Не иначе на вырост пронумеровали, в надежде, что вскорости в городке появится вторая музыкальная школа.

Но пока это вскорости не случилось, музыкалка в Берде одна, и раз в год, в марте, она организовывает концерты для родителей и других отчаянных людей. Хвастает умением своих учеников терзать инструменты.

Сначала мы оживленно обсудили завтрашний концерт. Можно сказать – по душам поговорили. Потом внезапно вспомнили про сольфеджио и припустили что было мочи – опаздывать на занятие никому не хотелось. Так здорово припустили, что влетели в кабинет аж за пять минут до начала занятия. И встали на пороге как вкопанные. Любой человек встал бы как вкопанный при виде сидящей за первой партой Ангелины.

Ангелина сидела невероятно гордая, в тонкой кофте. Чуть ли не выгнувшись дугой. И из этой выгнутой дуги торчала одинокая грудь.

Мы даже не сразу поверили глазам своим. Потом стряхнули оцепенение и прошлись несколько раз вдоль первого ряда парт, впереди Манька, следом я, смотрели прямо, но отчаянно косились в сторону Ангелины. И чего? Наваждение не исчезало. Видимо, пока в зимние холода мы ходили в теплых кофтах, грудь выростала и аккурат к весеннему теплу выросла. А тут Ангелина надела тонкую кофту, и на тебе!

В классе наблюдалось лихорадочное оживление. Девочки жались по углам и тихо шушукались, периодически оборачиваясь к Ангелине. Мальчики скакали по партам, устраивали потасовки, гикали и всяко выделывались. Приноравливались правильно реагировать на Ангелинины формы. Если можно было бы убивать взглядом, Ангелина давно бы уже была мертва. Или у нее счастливо отвалилась бы новоприобретенная грудь. Но так как взглядом убивать третий класс Бердской музыкальной школы № 1 не умел, то Ангелина так и восседала за первой партой с гордо вытаращенной грудью.

Мы с Манькой чуть не задохнулись от такой несправедливости. Эта Ангелина – прямо как бельмо на глазу! Мало того что она – лучшая ученица в классе, и диктанты по сольфеджио пишет на одни пятерки, мало того что она всегда выглядит очень опрятно, и прическа у нее какая надо прическа, а не как у нас – словно курица лапой в волосах ковырялась, так еще у нее выросла грудь! Слева!

Диктант по сольфеджио – наше больное место. Его мы пишем из рук вон плохо, обязательно запутываемся в пунктирном ритме. А если дело доходит до восьмушки с точкой или, там, шестнадцатых – то это полный провал. Серго Михайлович, когда наигрывает на фортепиано очередной отрывок произведения, оборачивается ко мне и Маньке и чуть ли не глазами своими разношерстными семафорит, намекая, где увеличивается доля такта, где большой мажорный септаккорд, а где вообще малый минорный. Но мы с Манькой все равно расписываем диктант так, что Серго Михайлович потом места себе не находит от чувства огорчения за таких тупых детей!

Занятие по сольфеджио мы с грехом пополам досидели. Закидали друг друга записками волнующего содержания.

«Я бы на ее месте пришла в свитире, – писала мне Манька, – ижь чего надумала, пришла в кофте тонкой!»

«Бистыжая она, эта Ангелина, – строчила я в ответ, – никогда не думала, что она такая бистыжая».

«Нарка, бистыжая пишется с двумя зз, кажется. Вот так – биззтыжая», – последовал укоризненный ответ.

«Значит биззтыжая», – не стала спорить я.

«В принципе биззтыжая и вонючка!»

«И в попе спичка!»

На этом интригующем месте налетел Серго Михайлович и отобрал у нас записку. Хорошо, что разворачивать не стал, просто выкинул в урну. Пригрозил двойкой по поведению, но в журнал ничего заносить не стал. Серго Михайлович вообще нас с Манькой очень любил, уж не знаю почему. Может, даже потому, что мы самые слабенькие по диктанту.

После занятий, кругом в смешанных чувствах, мы побрели домой. Чтобы усугубить себе страдания, пошли зловредно через базар. У Мань–ки в кармане нашлась копейка, на копейку ничего не купишь, если только коробок спичек. А кому нужен коробок спичек, когда кругом продается сладкая воздушная кукуруза, разноцветные карамельные петушки на палочке и всякая другая вкуснотень? Мы даже какое-то время постояли возле продавщицы карамели, жалобными стенаниями мозолили ей уши. Но она оказалась очень стойкой, на наши стенания не купилась, более того – с криками отогнала нас прочь, мол, идите отсюда, всех клиентов своими перекошенными лицами распугали.

– Тетенька, – сказала укоризненно Маня, – вот если бы мы были совсем без денег, то это другое дело. А у нас целая копейка, а вы ругаетесь!

Но тетенька не вняла укоризненному тону Мани и велела идти с нашей копейкой куда подальше, потому что карамельный петушок стоит ровно пятнадцать копеек и ни копейкой меньше!

– Вот когда раздобудете недостающие четырнадцать копеек, тогда и приходите! – сердито выкрикнула в наши удаляющиеся спины продавщица.

И мы пошли к нам домой. С визитом Маниной вежливости к моей семье.

– Посижу немного и пойду, назавтра много чего по математике задали, одних задач целых три штуки! – вздохнула Манька.

И мы пошли к себе – горевать в библиотеку мировой литературы для детей. Но горевать у нас не получилось. Потому что, как только мы вошли в детскую, тут же столкнулись с Каринкой. И не просто с Каринкой, а с Каринкой со шваброй в руках!

– Ты чего это? – подозрительно прищурилась Манька.

– Да так! – Каринка сделала невинное лицо и открыла балконную дверь. – Я на минуточку.

– Чего это на минуточку? – припустили мы за ней.

– Да вот интересно, дотянусь я шваброй до потолка или нет?

– А зачем тебе это?

– Ну что вы ко мне пристали? Может, я проверяю, выросла я за зиму или нет! Осенью не дотягивалась, так?

– Так! – неуверенно мявкнули мы. Никто из нас не помнил, чтобы Каринка измеряла себе рост шваброй.

– А сейчас проверим, выросла или нет.

Сестра встала на цыпочки и попыталась дотянуться шваброй до потолка. Тщетно.

– Дай мне, – попросила я.

– Нет, мне! – вцепилась в швабру Манька.

– Ну куда тебе, ты ведь ростом чуть ниже Каринки, точно не дотянешься!

– Может, у меня руки длиннее, – пропыхтела Манька.

Видимо, руки у Маньки были совсем обычные, поэтому дотянуться до потолка она не смогла. А следом настал час моего триумфа. Потому что в высоком прыжке я все-таки дотягивалась шваброй до потолка, что я с радостью и продемонстрировала.

– Видали?

– Очень надо! – фыркнула Каринка. – А я могу перегнуться через перила и свеситься вниз головой! А ты фиг сможешь, ты высоты боишься!

И они на пару с Манькой стали дразнить меня дылдой.

Спорить с ними я не умела, поэтому решила действовать. А так как высоты я панически боялась, то действовать решила хитро: ринулась в другой конец балкона и с криком: «А слабо сделать так, как я?» – просунула голову в щель между металлическими прутьями перил. Голова с трудом, но протиснулась. Стоять, согнувшись пополам,

было неудобно, я встала на колени, вцепилась руками в перила и победно глянула налево.

– Ну?

Девочки какое-то время издали с любопытством разглядывали меня.

– И что в этом такого интересного? – наконец отозвалась сестра.

– Ну как же, вот я и перевесилась, – фыркнула я и попыталась втянуть голову обратно.

По изменившемуся выражению моего лица девочки поняли – что-то тут не так.

– И чего? – на всякий случай полюбопытствовала Манька.

– Это... – забегала я глазами. – Не могу вытащить голову!

– То есть как это не можешь?

– Застряла! – Я дернулась со всей силы и взвыла – прутья больно упирались в уши.

Девочки рьяно кинулись меня спасать. Сначала они вцепились мне в плечи и попытались силой вытащить обратно.

– Ты только потерпи чуточку, – уговаривала меня Манька.

– А-а-а-а-а, – орала я, – не трогайте меня, бо-о-ольно!

– Надо ей на голову надавливать руками, – внесла предложение Каринка, – Мань, ты тяни ее за плечи, а я буду надавливать.

И, свесившись через перила, сестра вцепилась пальцами мне в глаза.

– На счет «три» я надавливаю, а ты тянешь! – велела она Мане. – Раз! Два! Три-и-и-и!

– И-и-и-и-и, – забила я в истерике, – вы мне уши поцарапали-и-и– и-и!!!

На мой крик прибежала мама. Тут же начала причитать про «ну сколько можно»! С нижнего этажа высунулась соседка тетя Маруся, с верхнего свесилась соседка тетя Бела.

– Надя, попытайся прижать ее уши к голове так, чтобы она пролезла! – инструктировала тетя Маруся.

– Да она не только ушами упирается! – Мама вертела моей головой во все стороны, пытаясь помочь мне освободиться.

– Я знаю, что нужно делать! – Каринка просунула швабру в перила и навалилась всем телом, чтобы раздвинуть прутья. Маня перевесилась через перила, вцепилась в другой конец швабры, с силой потянула на себя.

«Хрясь!» Швабра сломалась пополам и, пребольно зацепив одним краем мое многострадальное ухо, повисла хомутом на шее. Я опять взвыла.

Через несколько минут под нашими окнами собралась толпа зевак. Дети откровенно гоготали, мамы ахали и причитали. Я готова была сквозь землю провалиться. Тщетно пыталась сделать вид, что это вообще не моя голова из балконных перил торчит. А даже если и моя, то она вовсе не застряла, а так просто, высунулась подышать свежим воздухом. Взбодриться, так сказать, высунулась.

Тетя Бела ставила на своих балконных перилах эксперименты – пыталась раздвинуть их скалкой, потом притащила металлическую трубу от пылесоса.

– Надя, а что, если натереть ей голову чем-нибудь? – пропыхтела она сверху.

– Чем? – встрепенулась мама.

– Чем-нибудь скользким. Да хоть мылом!

– Сейчас принесем мыло! – ринулись в ванную Каринка с Маней.

– И в ковшике водички принесите, – крикнула им вслед тетя Бела.

– Вы что, мне голову тут мыть будете? – прокряхтела я.

– Нет, горе луковое. Намылим волосы, авось тогда голова легче проскочит.

К тому моменту, когда девочки приволокли мыло с водой, движение по улице Ленина было полностью парализовано – встали машины, а из продуктового магазина напротив высыпала огромная очередь и, сгрудившись за палисадником нашего дома, с любопытством наблюдала представление. Периодически фонтанировала суждениями.

Кто-то, например, предложил сбегать за пилой.

– Зачем за пилой?

– Отпилим прутья, вон они какие толстые, так просто не раздвинуть.

– Мам, не надо пилы! – зашипела я.

– Не будет никакой пилы, мы тебя так вытащим. Закрой глаза.

Под одобрительный гул толпы мама намочила мои волосы и тщательно намылила. Уши мигом зашипало – видать, мы их здорово поцарапали, пока вырывали меня из балконного плена.

– Больно! – заныла я.

– Потерпи немножко, сейчас уже всё. – Мама взбила на волосах мыльную пену, натерла мылом перила.

– Пусть она смотрит не вниз, а прямо. Авось так легче голова протиснется! – крикнул кто-то из болельщиков.

– Не надо, – заверещала снизу тетя Маруся, – голова небось уже, когда вниз смотришь, а не когда прямо!

К сожалению, маневры ни к чему не приводили – моя несчастная черепушка в любом положении оказывалась шире, чем проем в перилах, и отказывалась пролезать обратно! Я уже откровенно рыдала на всю улицу – ноги-руки от неудобного положения ломило, шея затекла, да и стыдно было ужасно!

– Подсолнечное масло! – выступила с новым предложением толпа. – Надо ей голову подсолнечным маслом полить!

Мама ринулась на кухню за бутылью с маслом, щедро полила мне голову.

– А-а-а-а, – взвыла корабельной сиреной я, дернулась, вывернулась боком и внезапно вылезла в перила по пояс.

– Стой! – Мама схватила меня за шиворот.

– Все правильно! – заверещала толпа. – Голова пролезла – значит, и туловище пролезет. Она же худющая, как жердь.

К счастью, тут прибежал старший сын тети Маруси, они на пару с мамой вцепились в меня что было сил, выволокли через перила и затащили на балкон.

– Ура! – заревела толпа.

– Ыа-а-а-а! – разрыдалась, теперь уже от счастья, я.

Первым делом мама помогла мне вымыться. Я выла и отбивалась – уши страшно зудели. Потом мама щедро обработала царапины йодом, еще и зеленкой обработала – балконные перила местами проржавели, и она боялась, что я подхватю инфекцию.

Ночь я провела исключительно на спине. На боку лежать не получалось, болели уши. Попытка поспать на животе не увенчала успехом – задыхалась в подушку.

С утра уши раздулись и пульсировали так, что я дергала в такт головой. Мама дополнительно обработала царапины мазью Вишневского.

В школу я не пошла, горевала дома. Периодически подходила к зеркалу и кручинилась на свое отражение. Наотрез отказалась выступать на концерте.

Но после школы прискакала Манька, долго демонстрировала мне вылезший на носу прыщик, мы его разглядывали и так и эдак, и перед окном, и в ванной, под большой белой лампой.

– Видишь, – волновалась Манька, – я тоже взрослею. Вон, у меня прыщи пошли. Будет чем сегодня дразнить эту препротивную Ангелину.

– Но я же в таком виде не пойду? – попыталась отбиться я.

– Ты чего? – разобиделась Манька. – Как это не пойдешь? Обязательно пойдешь, повяжем косыночку, и пойдешь.

Отказывать Маньке я не умела. Поэтому молча дала маме повязать мою многострадальную голову шелковым платочком. Мама предварительно обложила уши марлевыми тампонами и прикрепила их пластырем к туго сплетенным в косичку волосам.

– Потом аккуратно оторвем, главное, чтобы мазь не протекла, – объяснила она.

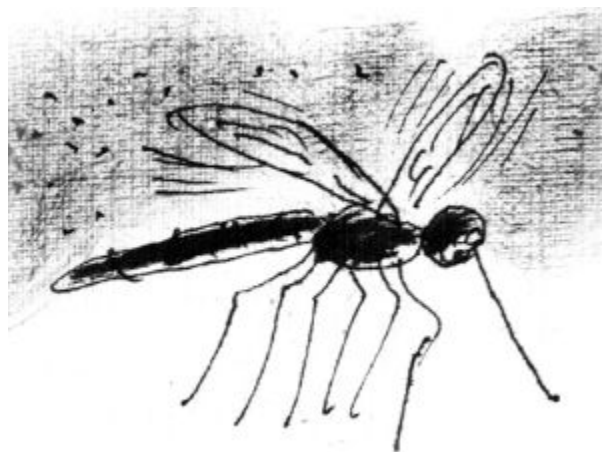
Я щедро оплакала свой попорченный экстерьер. Щедро, но недолго, потому что скоро за нами заехал дядя Миша, и мы с Манькой,

торжественно загрузившись в Васю, поехали на концерт. Дядя Миша всю дорогу посмеивался надо мной и называл Чебургеном.

– Длинная, как крокодил Гена, и ушастая, как Чебурашка, – повторял он и так смешно передразнивал выражение моего лица, что мы с Манькой покатывались от хохота.

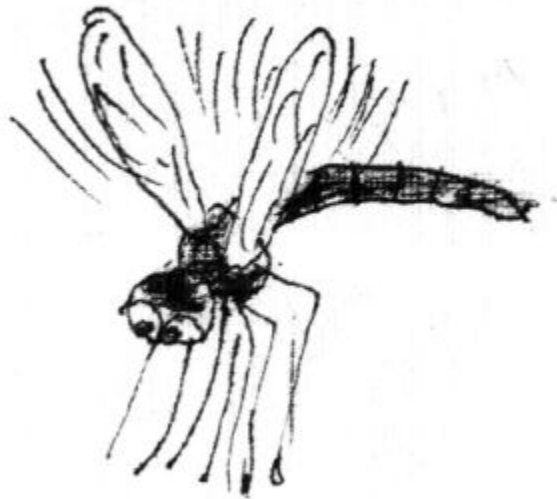
Концерт, вопреки нашим ожиданиям, очень даже удался. Сначала мы подразнили Ангелину Манькиным прыщиком, Ангелина немного сникла и сбавила градус своей выгнутой спины. Но на сцену все равно вышла победительницей.

– Очень надо! – фыркнули мы.

Потом настал черед Манькиного выступления. Она выплыла, торжественная, на сцену, подставила освещению украшенный прыщиком нос и сыграла фрагмент из «Крестьянской кантаты» Баха так, что у Марии Робертовны от гордости за ученицу залоснились усы.

А потом настал черед моего выступления.

Публика, наслышанная о моих вчерашних подвигах, встретила меня овациями. Дядя Миша вообще несколько раз вскакивал с места, хлопал громче всех и кричал «браво»!

Я победно повернулась к кулисам. Сладко улыбнулась вытянувшемуся лицу Ангелины. Села за фортепиано, поправила на голове косынку. Сыграла этюд на одном дыхании. Под одобрительный гул публики повторила на бис.

Ушла, гордо чеканя шаг.

Это было самое триумфальное наше выступление. Боюсь, что ни до, ни после мы с Манькой не играли так хорошо, как в тот день. Думаю, случись у нас по горячим следам диктант по сольфеджио, мы бы написали его на пятерку с плюсом.

Манькин прыщик Ба вечером с боем обработала мазью, и на второй день, к большому нашему сожалению, от него не осталось и следа. Больше прыщиков на Манькином пути не случилось.

Грудь Ангелине мы со скрипом, но простили. Решили, что всему свое время, и прекратили завидовать. Написали ей утешительную записку. Ангелина очень обрадовалась и призналась нам по секрету, что сильно переживала и иногда даже плакала по ночам.

– Почему?

– Боялась, что вы меня дразнить будете.

– Ну ты и дурочка! – всплеснули мы руками.

Но что самое удивительное – после эскапады с балконными перилами страх перед высотой у меня прошел. То есть улетучился насовсем.

Вот такой странный способ лечения боязни высоты.

Ба назвала это явление «феноменом чистой воды». Нам с Манькой так понравилось новое выражение, что мы теперь его часто употребляем. По делу и просто так, для удовольствия. Потому что уж больно красиво звучит!

Глава 3. Манюня, народные ремеслаи прочие хлопотные дела

На дворе весна, самый разгар. На излете суматошный, изливающийся косыми снежными дождями март. В этом году он выдался особенно сумасшедшим – чистое утреннее небо к полудню застилали низкие облака, в воздухе кружились редкие, мелкие снежинки, и от этого как-то сразу становилось по-зимнему холодно и

неуютно. Потом внезапно снова выглядывало солнышко, и затихшие птички заводили свой радостный щебет. А вечерами поднимался сильный ветер, гудел в водосточных трубах, кружил во дворах воровато подхваченными обрывками старых газет да всякой другой ненужной чепухой, громко стучал ставнями окон.

Мама ходила через день бледная, с туго обвязанным лбом, потому что она у нас очень чувствительная ко всяким погодным переменам. Как только дома заканчивались таблетки анальгина, или я, или Каринка мигом подрывались в аптеку, иначе, если дело довести до мигрени – без скорой не обойтись. От мигрени мама делается совсем бледной, лежит пластом на диване, морщится от малейшего шума и тихо стонет. Приходится сразу же набирать 03, прибегает тетя Света, мамина подруга, делает ей укол, закрывает дверь в комнату и велит нам вести себя тихо, чтобы мама могла отоспаться. Насчет «прибегает» я не вру, тетя Света действительно прибегает, потому что от поликлиники до нас быстрым ходом минут пять, а пока разъезжающая по городу или ближайшим селам машина скорой помощи приедет – пройдет целая вечность. Вот тетя Света, услышав в трубке позывные «мигрень», тут же и мчится к нам на всех парах, со шприцем наперевес.

А потом строго-настрога велит не мешать маме отдыхать.

Чтобы мама смогла отоспаться, надо вести себя тише воды ниже травы. Поэтому мы запираемся в кабинете, это самая отдаленная от родительской спальни комната. Гаянэ вытаскивает свои игрушки и шепотом их муштрует, мы с Сонечкой увлеченно лепим пластилиновых уродцев, а Каринка сдерживается из последних сил, чтобы не отмузуть нас. В такие минуты, когда она строит из себя послушную девочку, в моей душе начинает теплиться робкая надежда, что не все еще потеряно, и настанет тот счастливый день, когда сестра вырастет в адыкв... адаква... ну, в общем, в нормального человека. Правда, в следующий миг эти робкие надежды разлетаются в прах, потому что доведенная пятиминутным прилежным поведением до отчаяния сестра сдергивает с подлокотника широкого кресла клетчатый плед и кидается в меня. Я метко лягаюсь в ответ, но пластилиновых уродцев лепить не прекращаю – если остановиться, Сонечка тут же вспомнит о маме и потопает к ней. А если ее

удерживать, она поднимет такой ужасный вой, что у мамы снова приключится мигрень.

Наша Сонечка басит прямо с самого своего рождения. Такое с маленькими девочками чрезвычайно редко, но случается. Когда ее привезли из роддома, мы со всех сторон обступили крохотный сверток и долго умилялись, разглядывая нашу новую маленькую сестру. Она была ужасно хорошенькая, с круглыми васильковыми глазами и длинными темными ресничками. Мама хвасталась, что это редкое явление, когда у светленькой златокудрой и голубоглазой девочки случаются такие густые темные реснички, словно кто-то с рождения подвел их тушью. Вот мы и стояли вокруг Сонечки, ахали на ее неземную красоту, гладили крохотные пальчики. Сестре сначала такое обхождение нравилось, она чмокала губами и даже пыталась улыбаться нам, но потом ей это надоело, и она решила раз и навсегда показать, кто в доме хозяин. И завывала настоящим сигналом тревоги, которым в военное время зазывают людей в бомбоубежища.

– Это что такое? – подскочил папа. – Это как понимать?

– Понимайте как хотите, только дайте мне ее покормить, пока она не выбила своим воем стекла в окнах, – расстегивая на груди кофту, перекричала новорожденную мама.

По этой причине дома все ходят перед Сонечкой на цырлах. А то не всякий в состоянии адвык... адывак... тьфу ты! В общем, не всякий в состоянии нормально реагировать на пронзительный вой сирены, который каким-то удивительным образом извлекает из себя наша маленькая Сонечка. К счастью, она очень улыбчивый и добродушный ребенок и срывается на крик крайне редко. Но в те нечастые минуты, когда Сонечка срывается на крик, всё живое в округе начинает скучиваться в мелкие стаи, чтобы сняться с насиженных мест и переехать в другие, не столь громкие края, а дядя Миша грозитя уйти с работы в неоплачиваемый отпуск и пустить его на конструирование специального глушителя для Сонечкиных голосовых связок.

Поэтому, когда у мамы случается приступ мигрени, задача у нас такая – продержаться по возможности тихо в кабинете до того момента, когда папа освободится от пациентов и увезет нас к Ба, чтобы мы побыли там до вечера, пока мама отсыпается. У Ба, конечно, очень здорово. Там Манька, там дядя Миша, там тутовое дерево, по которому можно лазать вверх и вниз. Правда, в холодное время года особенно по

нему не полазаешь, поэтому мы придумываем себе параллельные утешения. Например, если погода располагает, ходим на задний двор – кормить кур. Впереди вышагивает Манька, вся из себя важная, несет большой эмалированный тазик с кормом. Ба разное замешивает в этот корм, когда пшеницу с ячменем, когда просо с зернами кукурузы, когда вообще травы какой туда накрошит.

За Манькой, завистливо скривив рты, следуем мы с Каринкой – ведь каждой хочется понести этот тазик с кормом. Но Манька никому его не уступает, объясняя это тем, что только она умеет аккуратно ходить по заднему двору, потому что живет тут и вообще все знает.

– А то мы не знаем, – шмыгаем носом мы с Каринкой.

– Не знаете! – водит плечом Манька. – Вот, например, вы знаете, что папа вчера вытащил из погреба бочку? Знаете?

– Нет, – раздается наше нестройное мычание. – А чего это он ее вытащил?

– Ну, скоро дожди и все такое, и вообще огород поливать, вот он ее и поставил на старое место, прямо здесь, за углом, под водосточной трубой. То есть на заднем дворе каждый день что-то меняется, поэтому корм носить должен тот, кто живет в этом доме, ясно? – Манька оборачивается к нам и глядит строго, сведя к переносице бровки домиком.

Мы с Каринкой молчим. Сразу соглашаться с оппонентом последнее дело, надо сначала поупрямиться, изложить, в конце концов, свои аргументы. При желании можно изложить аргументы прямо здесь, не отходя от тазика с кормом, но драка – дело чреватое. Почему чреватое? Потому что если глянуть вверх, то в окне застекленного балкона можно увидеть три пары неотступно следящих за нами глаз. Глаза принадлежат Ба, Сонечке и Гаянэ. Гаянэ маячит внизу, еле выглядывая из-за высокого подоконника, а Сонечка с комфортом устроилась на руках у Ба. И все трое, затаив дыхание, смотрят, как мы гуськом идем к курятнику. Особенно зорко следит за нами Ба. Она вообще не умеет расслабляться, когда наша троица собирается вместе. Так и стоит, встопорщившись, грозно присборив морщинки вокруг рта, и глядит сурово нам вслед. Прямо-таки сверлит. В такой непростой ситуации приходится вести себя осмотрительно. Поэтому мы мирно топчемся за Манькой, а она шествует перед нами, чуть ли не тазиком с кормом победно размахивает.

Так и добираемся до курятника, мы с Каринкой несолоно хлебавши, а Манька вся довольная, хозяйка положения. При виде нас в курятнике начинается светопреставление. Хоть про кур и говорят, что мозгов у них нет и они вообще дуры, но эти куры очень даже мозговитые, и память у них какая надо память. Крепкая. Поэтому при виде нашей боевитой троицы они с шумом взлетают на самые верхние жердочки и сидят тихо-тихо. Не высовываются. А петух так вообще прикидывается чучелом. Объясняется такое поведение очень просто. Однажды Манька по следам просмотренного фильма про королей и прочую знать загорелась желанием стать владелицей веера из страусовых перьев. Так как в обозримых окрестностях страусы не водились, чтобы из их хвостов повыдирать перья, Манька погоревала-погоревала и переключила свое внимание на петуха.

Ба строго предупредила, чтобы никто даже не смел прикасаться к нему хоть пальцем!

– Он периодически теряет перья из хвоста, вот ходи за ним и подбирай, понятно? – велела она внучке.

– Понятно, – кивнула Манька и принялась истово ходить за петухом.

Час ходила, два ходила. Целый вечер ходила! Назавтра было воскресенье, и к ней присоединились мы с Каринкой. Петух нагло нарезал круги по заднему двору, победно кукарекал с высокого забора и плевать хотел на нас оттуда же. Одним словом, линять перьями из хвоста категорически не желал. Каринка – девочка решительная, миндальничать не умеет. Выведенная из себя неуступчивым поведением петуха, она предложила огреть его чем-нибудь тяжелым. Можно крышкой от деревянной кадки, в которой Ба засаливает капусту.

– Главное, чтобы он грохнулся, но не умер, – рубила воздух ребром ладони сестра, – иначе Ба нас со свету сживет! А если ударить его умеючи, то он немножко упадет в обморок. И пока он будет лежать без сознания, мы повыдираем перья из хвоста. Сколько нам перьев надо?

Мы уставились на Маньку – решать ей. Манька повздыхала, возвела глаза к потолку, проделала какие-то расчеты, беззвучно шевеля губами.

– Штук десять перьев будет достаточно, – наконец изрекла она.

– Ну вот! – обрадовалась Каринка. – Штук десять – это всего ничего. Огреем, перья повыдергиваем – и всё!
– И всё? – эхом отозвались мы.

Нам с Манькой Каринкина идея не очень нравилась. То есть в целом она была какая надо идея, результативная, но уверенности, что петух счастливо переживет удар тяжелой кадкиной крышкой, у нас не было.

– А если мы его убьем?

– Да не убьем мы его! – Сестра принялась натягивать куртку. – Пойдем, хотя бы попробуем.

В деревянной кадке Ба засаливала белокочанную капусту – со свеклой, морковью, петрушкой, дольками чеснока, лавровым листом и горошинами черного перца. Такую капусту очень вкусно есть с отварной, жареной или печеной картошкой, а еще добавлять в тарелку с густым, щедро приправленным свежей зеленью супом из красной фасоли. А еще из нее получается очень полезный зимний салат. Ба тонко шинкует хрусткую, аппетитно пахнущую капусту с головкой репчатого лука, поливает подсолнечным маслом, заправляет обязательной свежей зеленью и зернами граната и выставляет на стол. Салат исчезает за считанные минуты – мы поглощаем его со щедро намазанными сливочным маслом ломтями черного хлеба и запиваем домашним компотом из алычи. А Ба, довольная, ходит кругами и налюбоваться на нас не может. Она вообще сильно радуется, когда мы с аппетитом едим. Особенно радуется, когда ем я.

– Может, прекратишь наконец костями греметь! – приговаривает она, подсовывая мне бутерброды и прочую снедь.

Напустив на себя фальшиво-беспечный вид, мы выскользнули за дверь и аккуратно, по стеночке, прокрались в погреб. Кадка стояла на своем законном месте, в дальнем углу. Каринка вцепилась обеими руками в крышку и потянула на себя. Крышка нехотя поддалась, а погреб мигом наполнился ядреным духом капустного рассола.

– Мы сейчас, мы недолго, – зачем-то объяснили мы кадке и потопали на задний двор.

Теперь дело было за малым – запулить крышкой в петуха так, чтобы он не окочурился от такого нежданно свалившегося на голову счастья, а стоворчиво грохнулся в непродолжительный обморок.

Петух, несколько всполошенный нашим пристальным вниманием, но уверенный в своей непотопляемости, ходил среди кур расфуфыренным восточным визирем, переливаясь роскошным, темно-зеленого окраса хвостом. Куры, преданно квохча, семенили окрест и ковырялись в земле. О грядущих переменах в своей жизни опрометчиво не подозревали.

Мы, затаившись за курятником, какое-то время наблюдали за ними.

– Ну чего ты медлишь? – поторопила Манька Каринку. – Кидай уже в него крышкой!

– Подожди, – шикнула Каринка, – надо умеючи кинуть, с подвывертом!

– С каким это подвывертом?

– Ну как камушки в воду кидаешь, по касательной, а они от воды отскакивают. Понимаешь?

– Тебе надо, чтобы крышка не только от петуха отскочила, но и от всех остальных кур? – вспотела Манька.

У Каринки затуманился взор. Она представила, как деревянная, пахнувшая соленьями крышка, метко дубася по несчастным куриным гребешкам, низко летает по заднему двору. Воображение нарисовало ей такую прекрасную картину, что она сразу же решила воплотить ее в жизнь.

– Ага, – воинственно шмыгнула носом сестра, завертелась на месте, как заправский дискобол, и кинула свой снаряд в самую гущу пернатого царства. Какое-то время крышка летела красивой дугой, потом врезалась в неосмотрительно выросшую на ее пути антоновку, отскочила, прокатилась колесом по грядкам укропа, въехала в толпу кур и, прошив ее насквозь, с сокрушительным грохотом, медленно переваливаясь с одного бока на другой, успокоилась аккурат в ногах выскочившей на шум Ба.

Маневр, конечно же, закончился полным провалом – куры с шумом разлетелись кто куда, возмущенно клокотали и нервно закатывали глаза, петух орал с забора так, словно ему единым махом выдрали все перья и вставили обратно противоположным концом, а Ба отреагировала сами знаете как.

– Вы люди или кто? – кричала она, наматывая на кулак наши уши. – Я еще раз спрашиваю, вы люди или кто?

– А-а-а-а, – орали мы, – отпусти-и-и-и, мы больше не буде-е-е-ем!!!

– Еще раз прикоснетесь к петуху, вырву уши с потрохами, ясно?

– Яа-а-асно-о-о-о!

– Ба, а что такое «вырву с потрохами»? – потирая ладошками зудящие уши, спросила Манька.

– Вот вырву, тогда и будете знать. И ходите всю жизнь инвалидами! – дыхнула огнем Ба и пошла отмывать от налипшей земли кадкину крышку.

Ходить всю оставшуюся жизнь инвалидами нам не хотелось, поэтому мы решили больше не третировать петуха.

– Подождем, пока он сам станет линять, – вздохнула Манька.

И мы принялись ждать. А чтобы совсем не зачахнуть в томительном ожидании, стали дипломатично склонять петуха к процессу линьки, как то: заманивали корочкой хлеба и кидались в прыжке из укрытия, норовя сгруппироваться в полете так, чтобы: а) не испачкаться, б) выдернуть большой клоч перьев из хвоста и в) легонько собрать в щепоть его клюв, чтобы он не успел кукарекнуть. Потому что Ба всегда была начеку, и если даже не держала нас в поле зрения, то чутко схватывала малейшие изменения в тембре петуха. Уловив в его крике истеричные фальцетные нотки, она мигом вылетала из дому. Петух сразу кидался ей под ноги и начинал рьяно ябедничать и чуть ли не крылом показывать, кто только что пытался оставить его без роскошного хвоста. Только что имена наши не вы– кукарекивал! И Ба потом гоняла нас по заднему двору, словно гусей, а мы улепетывали изо всех сил. Потому что лучше скончаться в беге, чем дать вырвать себе уши с потрохами. А петух злорадно наблюдал за нами с высокого забора желтыми круглыми глазами, то одним, то другим, и возмущенно выкрикивал ругательства.

Упорство и труд всё перетрут, гласит народная пословица. Спустя неделю, сто двадцать прыжков и триста шестьдесят могучих

поджопников на троих, мы победно выдрали нужное количество перьев и принялись за дело. Сначала вымыли их под проточной водой, потом долго полоскали. Перья пахли куриным пометом и чем-то жженым, мы брезгливо ворочали нос и обзывали петуха вонючкой. Потом разложили перья на подоконнике, чтобы они высохли под солнышком. Пока они высыхали, мы пытали Ба расспросами, как нужно правильно мастерить веер.

– Да я сама толком не знаю, как это сделать! Вот если найти такую штуковину, в которую можно было бы воткнуть перья... – Ба пошла по кухне, открывая все ящички и задумчиво перебирая содержимое. Мы шли следом и совалясь в каждый ящичек, который она выдвигала. – Нужно такую штуковину, чтобы она была легкая и одновременно мягкая. Тогда можно было бы воткнуть в нее полукругом перья и обвязать у основания суровой нитью.

– Как это? – встрепнулись мы.

– Вот смотрите. – Ба вытащила веник и продемонстрировала нам замысловатую вязку у основания черенка, из которой расходились в разные стороны стебли. – Видите, как все придумано? Главное – зафиксировать перья, а дальше дело техники!

При слове «техника» я всполошилась:

– Может, дядю Мишу попросить?

– Чего попросить?

– Ну про технику. Ты же говоришь, что дело техники. А дядя Миша работает инженером. И этой техники у него навалом!

Ба прыснула и спрятала лицо в ладонях. Мы молча переглянулись, нам было не до смеха. Какой там смех, когда дела такие важные творятся – перья уже есть, а веера, совсем наоборот, нет! Отсмеявшись, Ба объяснила нам смысл выражения «дело техники». Мы хоть и не очень поняли, что она имеет в виду, но дружно закивали в ответ. Мы ж не глупые отвлекать Ба лишними расспросами, когда она пытается помочь смастерить веер.

– Может, веник разобрать? – заблестела глазами Каринка.

– Я тебе дам веник разобрать! – Ба открыла холодильник и какое-то время молча изучала содержимое полок, периодически повторяя себе под нос: – Таааак-таааак-так.

Задумчиво уставилась на початую бутылку с вином. Вытащила корковую пробку, повертела ее в руках и восхищенно цокнула языком:

– Что бы вы без меня делали?

– Что бы делали? – дружно затрепетали мы.

– Вот я и спрашиваю – что?

– Умерли бы с горя? – снова подала голос я.

– Деточка, ты сегодня явно в ударе, – погладила меня по голове Ба.

– Ну да, – мигом отозвалась Каринка, – это от того, что я ее часто бью. Поэтому она в ударе. Постоянном.

– Чингисхан, ты снова за своё?

– Ну да!

– Ты у меня донудакаешься! – Ба хмыкнула, ушла в коридор, достала с нижней полки обувного шкафчика коробку с гвоздями и всякими другими строительно-ремонтными штуками.

– Маня, принеси из отцовской комнаты плоскогубцы. А ты, Чингисхан, за перьями сбегай. И смотри у меня, чтобы без разрушений!

Пока Каринка с Манькой бегали на второй этаж, я застелила кухонный стол газетой, чтобы мы ненароком не испачкали скатерть, а Ба включила газовую плиту.

Потом, затаив дыхание, мы наблюдали, как она, подхватив плоскогубцами гвоздь, накаливает его на огне и проделывает дырки в пробке.

– Без взрослых такие фокусы вытворять нельзя, ясно? – не забывала профилактически хмуриться Ба.

– Яа-а-а-а-асно! – нестройно гудели мы в ответ.

– Не слышу!

– ЯСНО!

– То-то!

Сначала мы дали пробке остыть. Далее обмакивали кончики перьев в клей и вставляли их в отверстия. А потом Ба аккуратно перевязала перья у основания суровой ниткой. Веер получился знатный – небольшой, но вполне себе пестрый, кудряво растопыренный во все стороны. Правда, перья держались на честном слове, поэтому мы не стали размахивать веером, а выставили его на Манином письменном столе и чинно-благородно ходили кругами. Любовались.

Любовались мы долго, минут тридцать. А потом нам это надоело, и мы порушили веер за считанные секунды, остервенело обмахиваясь направо и налево. Народное рукотворчество вообще не приспособлено к детскому обращению, чуть что – превращается в руины.

Курятник, конечно же, обиды не простил, поэтому каждый наш поход воспринимает как нашествие варваров. Жметя по жердочкам и прикидывается экспонатами какого-нибудь зоологического музея. Особенно прикидывается петух. Но мы относимся к такому поведению вполне с пониманием. Еще бы, мы бы тоже прикидывались экспонатами, если б на нас из– за угла крышками кидались да перья из хвоста в прыжке выдирали!

То есть совесть в целом у нас есть, вы не сомневайтесь. Но пользуемся мы ей нечасто. Наверное, бережем для более важных дел.

Ба с нами приходится совсем несладко. Пять девочек в одном доме – то еще испытание! Поэтому, если погода позволяет, мы возимся во дворе. Но март – очень капризный месяц, Ба вообще говорит, что у него семь пятниц на неделе. Поэтому чаще всего на улице непогода, и нам приходится проводить свой разрушительный досуг дома. Вот мы и носимся туда– сюда как угорелые. Ба периодически покрикивает на нас, но рассеянно покрикивает, потому что занята в основном Сонечкой. В Сонечке она души не чаёт. А всё почему? А всё потому, что подозревает в ней такие же черты характера, как у себя. Так и говорит: «Этот ребенок нам покажет еще, где раки зимуют». С нескрываемой гордостью говорит!

Наблюдать за ними очень забавно. Сонечка важно восседает на руках Ба, они ходят вместе по дому и ведут разные переговоры.

– Этого? – тычет Сонечка пальцем в желтенький кухонный абажур.

– Абажур, – мигом отзывается Ба. – Хочешь хлебушка?

– Неть.

– Скажи «абажур».

– Неть.

– Хмхм.

– Этого?

– Шторы. Хочешь попить?

– Неть.

– Скажи «шторы». «Што-о-оры».

– Забазюх!

– Чего-о-о-о?

– Забазюх! – Сонечка тычет пальцем в абажур.

– Ага. Хорошо. Только не забазюх, а абажур!

– Неть!

– Ну нет так нет, упрямое ты существо. Хочешь на горшок?

– Неть!

– Тогда еще раз скажи «абажур».

– Фто-о-о-оы!

– Чего-о-о-о-о?

– Фто-ы! – Сонечка показывает пальчиком на шторы и с укоризной смотрит на Ба. – Фтоы!

– Деточка, мы с тобой разговариваем как даун с имбецилом.

– Дя!

– Не, ну тебе надо было именно сейчас со мной согласиться!

Часам к семи возвращаются с работы дядя Миша с папой, и, если на следующий день выходной, мы допоздна играем в лото и подкидного дурака, или же они садятся за шахматы, а мы, обступив их со всех сторон, бурно и многословно переживаем за проигрывающего. Если же завтра надо в школу, то приходится возвращаться домой, и, пока мы с Каринкой делаем уроки, папа укладывает в нашей комнате Сонечку. Сонечка басовито ругается на папу, потому что укладывать он ее толком не умеет, а колыбельную поет так, что хоть стой, хоть падай.

– Пой! – требует она.

– Си-ра-вор ло-рик, – послушно затягивает папа свою любимую песню Комитаса.

– Неть! Ису ядиясь пой!

– Что спеть?

– Ису ядиясь!

– Что-о-о-о?

– Ёюцка!

– Дети, – заглядывает в кабинет папа, – а что такое ёюцка?

– Это ёлочка! Она просит спеть «В лесу родилась ёлочка».

– А, ясно.

Какое-то время из детской доносятся его нестройные рулады про елочку.

– Хацю сёуньки вацьок! – неожиданно вклинивается беспардонным басом в папино душераздирающее исполнение Сонечка.

– Чего?

– Сёуньки вацьок! Ниязися!

– А что такое «сёуньки вацьок»? – снова заглядывает к нам папа.

– Серенький волчок. Придет серенький волчок и укусит за бочок, – подсказываем мы.

Папа стоит какое-то время в проеме двери, глядит несчастными глазами то на меня, то на Каринку. Вид у него растерянный.

– Уже заканчиваю, – делаю успокаивающие пассы руками я. – Скоро приду тебе помогать.

– Вот спасибо, дочка! – светлеет лицом папа.

Когда, разделавшись с уроками, я осторожно заглядываю в детскую, он спит, подложив под щеку локоть. Сонечка лежит рядышком и нежно гладит его по щеке.

– Пьидеть сёуньки вацьок и укусит зя бацьёк! – шепчет она, убаюкивая нашего папочку.

В одиннадцать часов, если не брать в расчет громкий храп Каринки, в доме воцаряется тишина. Сонечка тихо посапывает, уткнувшись носиком мне в плечо. По городу гуляет ветер – холодный, колючий. Гремит ставнями, метет прошлогодний мусор, вертится волчком по дворам.

Я лежу в постели и думаю о том, как это невыносимо грустно, когда болеет мама. Потому что никому, никому ее не заменить. Потому что она у нас самая любимая и единственная, и самая красивая, конечно же.

– Вырасту – обязательно придумаю лекарство от мигрени. Выпил таблетку – и голова мигом прошла, – твердо решаю я. – Главное, сильно поднапрячься и придумать хорошее лекарство. Качественное, и чтобы с адыкв... адакв... адекватным (во, наконец-то выговорила!) названием. Чтобы именовалось оно как-нибудь утешительно, типа «Таблетка от мигрени». А еще лучше – «Счастливая таблетка от мигрени». Или вообще – «Мама, не болей»! Вырасту – и придумаю, – твердо решаю я и, наконец, проваливаюсь в сон.

Глава 4. Манюня, ЧП районного масштаба и другие лихорадочные приготовления к юбилею Ба

Семью Ба постигла нелегкая участь многих граждан канувшей в Лету царской России: одни родственники бежали после революции за границу, другие загремели в сталинские лагеря. Так что остались у Ба

только Фая, которая Жмайлик, да двоюродный брат Мотя, в миру Матвей Наумович. Мотя жил в азербайджанском городе Кировабад, вполне себе неплохо жил – к пятидесяти годам дослужился до заведующего одного из цехов городского молочного завода. С женой дяди Моти, Зиной, Ба находилась в состоянии необъявленной войны. В свое время, когда Ба затеяла строительство дома, она обратилась за помощью к брату. Мотя сначала с готовностью согласился ссудить сестре двести рублей, но потом почему-то отказался. В телефонном разговоре он что-то бубнил про метлахскую плитку, которой срочно надо обклеить потолок ванной, про раковину «тюльпан», про обои «в рубчик» и всякие другие ремонтные дела.

– Зина не дает денег выслать? – перебила его сбивчивые объяснения Ба.

– Не без этого, – вздохнул Мотя и, не дожидаясь ответа, положил трубку. Он был сыт по горло скандалом, учиненным женой, и второй скандал от двоюродной сестры просто бы не потянул. Не тот возраст, не те нервы. Опять же, камни в желчном пузыре, тахикардия и прочие неурядицы.

Обижаться на Мотю, родную кровиночку, Ба не стала – она за своих родственников всегда стояла горой. Деньги в итоге заняла у соседей и дом отстроила какой планировала, с тремя спальнями на втором этаже, с большой уютной кухней и гостиной – на первом. Но обиду на коварную Зину затаила большую.

Иногда Мотя приезжал к сестре в гости. Это был крупный и рыхлый мужчина с растерянным взглядом подслеповатых глаз, с кустистыми бровями и бакенбардами, с голым, тщательно замаскированным длинной прядью волос темечком. Прическу свою Мотя остервенело охранял. На случай внезапного порыва ветра держал наготове растопыренную пятерню – тут же принимался обратно укладывать волосы. Расслаблялся он лишь тогда, когда напивался нашей самогонки. Причем предпочитал самый экстремальный ее вариант – «калоши арах», то есть «водку из калош». Так в нашем районе ласково называли самогонку из сборной солянки – некондиционных для варений, джемов и компотов фруктов – яблок, груш, слив и прочих отходов, которые оставались после сезона бешеной закрутки припасов. Накушавшись калошевки, Мотя терял бдительность, а заодно контроль над прической, и вечерний ветер

терзал маскировочную прядь во всевозможных направлениях, оголяя бликую– щую на закатном солнце сокрушительную лысину.

– Ну зачем ты так себя уродуешь? – ругала Ба своего брата. – Постригись коротко, и дело с концом, на кой ляд тебе эти патлы? Аж от одного уха к другому зачесываешь!

– Не буду! – упрямылся Мотя, тщательно шпаклюя лысину остатками волос.

– Я понимаю, если бы у тебя была некрасивая форма головы. Но это ведь не так! С короткой стрижкой ты будешь смотреться выигрышнее, чем с этими тремя волосинами поперек физиономии!

– А мне так нравится! – упрямо гудел Мотя.

– Вот шлимазл! – раздраженно пожимала плечами Ба.

Зина в гости к золовке малодушно не ездила, мотивируя это тем, что не удастся отпроситься с работы. Но обязательно передавала какой-нибудь презент. Ба, чтобы не обижать брата, гостинец благосклонно принимала, а потом, дождавшись его отъезда, вытаскивала на всеобщее обозрение и переливчато комментировала.

Поводы для комментариев, если честно, находились всегда – Зина была мастером бессмысленных подарков: то уродливую, в жуткие алые розочки пластиковую скатерть передаст, то надувного осетра в натуральную величину, с дурацкой надписью на боку: «Бакинский зоопарк ждет своих посетителей», то вообще букет искусственных цветов бешеного колера.

– Надя, это она мне на могилку, что ли, передала? – вертела в руках кислотно-малиновые розы Ба.

– Вы бы лучше выкинули этот пылесборник, – морщилась мама.

– Нет, я тебя спрашиваю! Я понимаю, что Моте в свое время приспичило жениться на этой идиотке с чайной ложечкой мозгов в копчике. Я даже понимаю, что мужчине вообще не важно, где у женщины находится мозг и находится ли он где-то вообще. Но добивается-то она чего?

– Тетя Роза, вы только не расстраивайтесь.

– Да какое там «расстраивайтесь»! Ты меня, Надя, расстроенной не видела. А вот Зина меня расстроенной увидит. И это будет последнее, что она увидит в своей жизни! Я тебе говорю!

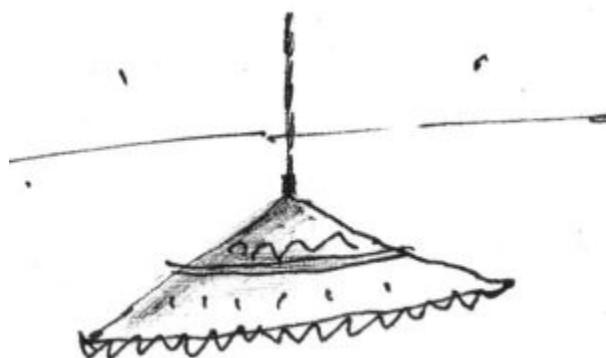
Правда, дальше угроз Ба никогда не шла – берегла нервную систему брата. Зато периодически звонила в Кировабад и сквозь шум и треск междугородней связи вела с Зиной разговоры «за жизнь». Мстила точно, умеючи. Например – новыми открытиями дяди Миши. Или Маниными успехами в школе. К сожалению, дети у Моти с Зиной получились так себе – сын Жорик вырос в идейного балбеса, а дочь Инга вышла замуж за горского еврея, уехала в Дербент и благополучно забыла о родителях. Поэтому Зине ничего не оставалось, как, давясь собственным кураре, поддакивать золовке.

Фаю, двоюродную сестру Ба, все называли «которая Жмайлик». Не потому, что Фай в семействе Шац было штук сто и их как-то надо было друг от друга отличать. Совсем наоборот, Фая была одна, и звали ее на самом деле Факира. По случаю своего необычного имени она неприкрыто горевала, но менять его на другое принципиально не собиралась.

– Единственная память о моем сумасбродном отце! – объясняла она.

Того, что отец Фаи, Самуил Шац, был человеком, мягко говоря, сумасбродным, не отрицала даже Ба. Всю свою юность Самуил мечтал стать жонглером и выступить по всему миру со смертельным номером «летающие факелы». Преданно тренировался на заднем дворе доходного дома, принадлежащего его семье. Набив руку на непростом деле жонглирования яблоками и мячиками, перешел на тренировки «летающими факелами», сиречь горящими сучьями. Не раз становился причиной точечных мелких пожаров. Ходил с обожженными, забинтованными руками. В те счастливые дни, когда удавалось не обжечь руки, бывал нещадно бит отцом.

– Ты когда-нибудь возьмешься за ум или как? – орал отец, охаживая розгами непутового сына.

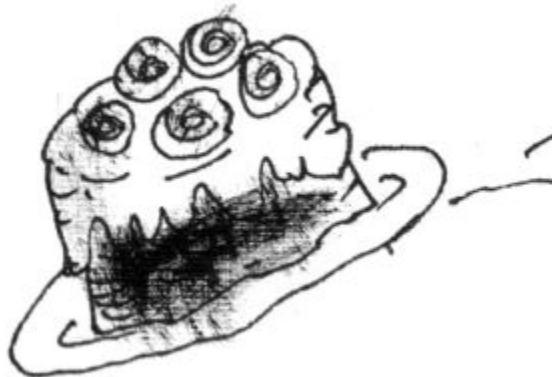
Самуил побои стоически терпел, дневных тренировок не прекращал, а по ночам штудировал труды Елены Блаватской. Мечтал о поездке в далекую и таинственную Индию, медитировал по углам, доводя до нервного тика мать и сестер. В свободное от репетиций время пытался читать мысли и трактовать сны. Так как жильцы при виде хозяйского сына бросались врассыпную, теософические опыты ставил на детворе.

Расстался Самуил со своими мечтами лишь после того, как спалил западный флигель дома. Как отреагировал на пожар отец, история умалчивает. Видимо, достаточно гуманно, раз Самуил выжил, а через пять лет вообще женился на старшей дочери ребе Шломо Саре. Но свою дочь, в память о навсегда нереализованных юношеских мечтах, назвал Факирой. Чтобы как-то смягчить последствия эксцентричной выходки отца, девочку все называли Фаей, а после ее замужества, с подачи Ба – «которой Жмайлик».

Фая была асом писем весьма обрывчатого содержания. Жила она в Новороссийске и очень скучала по своим родственникам. По межгороду не наобщаешься – связь отвратительная, соединения иногда приходится по несколько часов ждать, да и операторы телефонной станции особой вежливостью и расторопностью не отличаются. Поэтому Фая строчила брату и сестре длинные письма.

Ба эти послания чуть ли не сквозь лупу изучала. Мало того что почерк был не ахти, так еще стиль письма отличался своеобразием – Фая игнорировала все знаки препинания, кроме восклицательного, а последовательное изложение мысли считала чем-то совершенно излишним.

«Здравствуй дорогая моя Розочка и вся твоя прекрасная семья Миша и Мария и ваши замечательные друзья и соседи Роза передай большой привет Наде и скажи что кофта села как влитая моя Лина носит ее не снимая!!! Картошка гнилая по двадцать копеек за

килограмм колбасы вареной грамм триста если выстоять очередь и килька иногда в банках тоже попадает а рыбы вообще нет и вопрос как при таком раскладе прокормить семью чтобы не авитаминоз! Ромочке в поликлинике ставят диатез и рахит и какает он плохо раз в три дня а то и четыре говорили внук это счастье но вот проблем со здоровьем вроде немного но переживаю а уж Лина вообще!!! Достать анальгин! А он парень работающий ты не думай хоть и не наш а вообще татарин но и среди татар оказывается попадают тоже хорошие люди главное не пьет и работает денег приносит Ромочка его папой называет а он радуется на руках его носит! Роза колени обязательно обертывай молодой весенней крапивой говорят помогает от артрита и не сильно кусается обложила колени крапивой обмотала тряпочкой и сиди себе перебирай гречку или рис как рукой снимает!»

Вот приблизительно такого содержания письма приходили из Новороссийска с регулярностью раз в неделю, а то и чаще.

– Фая! – кричала потом в трубку Ба. – Может, тебе какие еще лекарства кроме анальгина выслать?

– Какого анальгина? – надрывалась на том конце провода Фая.

– Ну ты тут мне в письме пишешь «достать анальгин», вот я и спрашиваю!

– Это я себе заметку сделала, чтобы не забыть его купить.

– Фая, ты меня в гроб своими письмами вгонишь! Что это за татарин, который тоже человек?

– Это Линка сошлась с парнем, зовут Равиль, хороший, работающий, к Ромочке как к родному относится! Ты обмотала колени крапивой? Я тут разузнавала, можно еще нашатырным спиртом натирать. Эффект молодильных яблочек гарантирован!

– Да уймись ты со своими молодильными яблочками, Фая! У меня не колени, у меня варикоз!

– А у кого тогда колени?

– А откуда мне знать?!

В общем, родственники у Ба были самые что ни на есть колоритные, под стать ей. И если с дядей Мотей мы уже виделись, то тетю Фаю, которая Жмайлик, знали исключительно по фотографиям. Она была очень похожа на Ба – такая же высокая, крупная, с вьющимися волосами и светло-карими глазами. Правда, про масть глаз нам Ба рассказала, потому что по черно-белым снимкам, которые высылала Фая, определить цвет было практически невозможно.

1981 год выдался богатым на юбилеи – в январе мне стукнуло десять, в мае маме должно было исполниться тридцать пять, а аккурат между нами, седьмого апреля, у Ба случилась круглая дата – аж целых шестьдесят лет. Юбилею предшествовало очередное дивное послание от Фаи, которая Жмайлик.

«Роза, – как бы между делом строчила Фая, – купила гипюр цвета слоновой кости два метра и шелка тоже два метра больше ничего нет думаю что бы такое можно было сшить чтобы нам по возрасту на выход или в гости и не выглядеть клоуном! Или может духи какие взять хотя можно у перекупщиков поискать а может посуды тебе сервиз не нужен на будущее Мане в приданое или просто выставить в сервант для красоты! Но! Обещали люстры так и не завезли зачем обещать и коробку конфет брать если обманут я не пойму! Пучок укропа стоит как килограмм картошки а витаминный салат Ромочке приготовить надо рахит почти прошел слава богу ноги стали какие надо не кривые а то раньше мяч бы проскочил и ни за что не зацепился бы! Ты главное просто намекни что тебе надо не хочу ехать с пустыми руками!!!»

– Миша! – прогрохотала Ба вверх – письмо она читала на кухне, а дядя Миша в своей комнате колдовал над очередными проводами.

– Что случилось? – свесился вниз дядя Миша.

– Фая приезжает!!!

– Ну и славно, чего ты кричишь? Я подумал, что-то случилось.

– Мойше! Фая приезжает, а я не готова! Или это не повод покричать?

– Когда она приезжает, завтра?

– Нет, к моему дню рождения.

– Мам, ну до твоего дня рождения еще три недели!

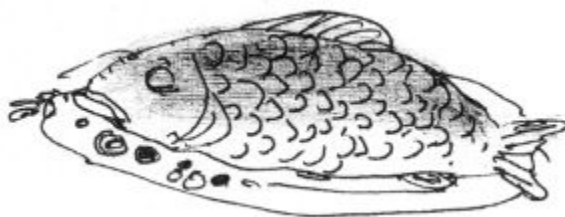
– Да разве три недели – это срок? – заклокотала Ба. – Надо успеть генеральную уборку сделать, да продуктов закупить, да стол накрыть!

– Но мы в ресторан собирались!

– Не пойдем мы в ресторан! Ко мне сестра не затем приезжает, чтобы я ее ресторанной едой кормила. Отмечать будем дома.

Через несколько дней пришла телеграмма от Моти: «Жди юбилею тчк Привезу осетрины тчк Фиников коробку вскл знк».

– Главное, чтобы не надувного осетра привез, – засмеялся дядя Миша.

Ба на шутку сына не обратила внимания, зато очень порадовалась рыбе – она который день ходила со списком и составляла меню, и осетрина к столу пришлась бы очень даже кстати.

– Надя, – периодически звонила она маме, – а что ты скажешь насчет песочного печенья?

– Давайте посчитаем. – Мама прижимала трубку к уху плечом и принималась загибать пальцы. – Бисквитный торт с безе испечем – это раз. Ореховый рулет сделаем – это два. Чараз ^[26] будет? Будет. Это уже три. Конфеты будут. Мотя обещал финики привезти. То есть сладкого достаточно, я думаю, что песочное печенье – это перебор.

– Но они не на один день приезжают, верно? Верно! – напирала Ба. – Песочное печенье хранится долго, испек и с глаз убрал, а потом к кофе подал. И не надо метаться, все уже готово.

– Ну давайте еще и печенье испечем, – с легкостью соглашалась мама.

– Теперь насчет уток, – разворачивала список вверх ногами Ба.

– А что, еще и утки будут?

– Обязательно! Одной рыбой и мясом сыт не будешь!

К первому апреля приготовления к юбилею затянули в свой сокрушительный водоворот не только нашу семью, но и соседку тетю

Валю с дочкой Мариам и внуком Петросом, а также водителей рейсовых автобусов «Ереван – Берд».

– Роза, – звонил внук рябого Смбата Гарик, – я вам посылку из города привез. Пусть Миша вечером заберет.

– Кто передал?

– Сказали – Роберт.

– Какой Роберт? А что передали?

– Не знаю, что передали, но коробка тяжеленная. Пахнет бастурмой.

– Бастурма – это хорошо! – И, напевая себе под нос, Ба набирала наш номер. – Надя, здравствуй, дорогая, а кто такой Роберт из Еревана? У нас таких знакомых нет.

– Это друг Юры, прошлым летом он прооперировал жену директора коньячного завода, так что теперь у него там связи. Вот и обещал коньяк выслать, а заодно и закуски какой.

– Пришла посылка, внук рябого Смбата привез. Говорит – пахнет бастурмой!

– Бастурма – это хорошо, – радовалась мама.

Радоваться действительно было чему – апрель достаточно «постный» месяц, закатанные осенней порой припасы практически закончились, в магазинах традиционно хоть шаром покати, а на базарных прилавках лишь свежая зелень, прошлогодняя картошка с морковкой, орехи с сухофруктами да соленья, которые привозят молокане. Приходилось поднимать на уши всех знакомых, чтобы сообща, теребя связи на продуктовых базах и прочих складах, переплачивая и разоряясь на бесконечных магарычах, наскрести какое-то количество приличной еды для праздничного стола.

Поэтому, когда дядя Миша привез вечером посылку, радости Ба не было предела. Из коробки, со счастливыми ахами и охами, она извлекла две бутылки знаменитого коньяка «Ахтамар», по три килограмма бастурмы и суджуха и два килограмма настоящего «хорац панира».

«Хорац панир» – это «закопанный сыр». Правильный «хорац панир» получается из зрелой овечьей брынзы. Ее перетирают со строго отобраннным букетом сушеных горных трав, плотно забивают массой глиняные горшочки и закапывают в землю. Сыр созревает несколько месяцев и на выходе получается густо пахнущим, невероятно ядреным и очень вкусным. Некоторые хозяйки, дабы сбить умопомрачительный аромат сыра, перемешивали его пополам с домашним творогом или сливочным маслом, а также с обычной малосолевой брынзой. Но Ба с мамой на такие оскорбительные для благородного «хорац панира» эксперименты не шли и подавали его только в натуральном виде, обязательно в глиняных плошках, обложив со всех сторон краснобокой хрусткой редиской.

На излете последней предъюбилейной недели все наконец-то вздохнули с облегчением – набор продуктов для праздничного стола был счастливо укомплектован, дом, выстоявший цунами тотальной генеральной уборки Ба, сиял и переливался хрустальным елочным шаром, наши дневники пестрели только хорошими оценками, куры в курятнике неслись исключительно отборными яйцами, петух кукарекал в строго отведенные под его кукареканье минуты и больше никогда, свежеекрашенная деревянная калитка забора отливала лазурной синевой, а Тети–валин внук сказал свое первое слово – зёзя.

– Вуй, – размахивая во все стороны толстощеким Петросом, прибежала тетя Валя. – Роза! Мне кажется, он твое имя выговорил.

– Как это? – встрепенулась Ба.

– Петросик, сладенький, – засюсюкала тетя Валя, – а ну-ка скажи еще раз «Роза»!

– Зёзя! – дрогнул щеками Петрос.

– Ыхыхы-ы-ы-ы-ы! – зашлась в смехе довольная Ба. – Ты ж мой умничка!

К сожалению, это был не единственный сюрприз, уготованный баловницей судьбой. Второй нагрянул, как оно водится, когда его совсем не ждали, – в ночь с четвертого на пятое апреля случилась авария на газопроводе, и весь наш район остался без отопления. То есть планируемая на пятое число выпечка бисквитных коржей, безе и прочих сладостей стала практически невозможна – плиты у всех были газовые, а об электрических переносных духовках если кто и слышал, то в глаза никогда не видел.

Дурная весть застала нас в самую рань, когда петухи только-только заводили свою самодовольную утреннюю переключку.

– Надя! – подняла телефонным звонком дом на уши Ба. – Все пропало, Надя!

– Что пропало? – Мама спросонья плохо соображала, поэтому тщетно пыталась нашарить пояс на наспех надетом шиворот-навыворот халате.

– У вас на кухне газ есть? – протрубила раненым зубром Ба.

– Газ? Сейчас проверю. – Мама сбегала на кухню, открыла вентиль. Не дождавшись привычного шипения, зажгла спичку и повела ею вокруг конфорки. Конфорка предательски молчала. Прибежала обратно к телефону, на ходу переодевая халат.

– Нет! – трагически выдохнула в трубку.

– И у нас нет. И у соседей нет, я уже обегала всех. И у Раи с Речного квартала тоже нет!

Речной квартал был самой отдаленной от нас частью городка, и добежать до Раинога дома резвым галопом можно было самое меньшее за полчаса. Мама на миг представила утренний спринт Ба, нашарила рукой стул, придвинула к себе и села.

– Тетя Роза, вы туда бегом бежали?

– Куда?

– К Рае.

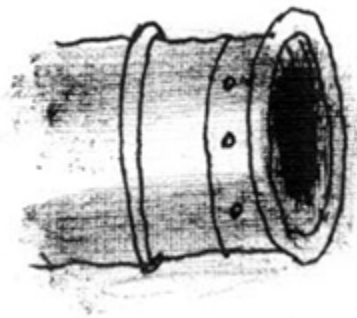
– Зачем бегом бежала? Я просто позвонила ей.
– А! – обрадовалась мама. – Я-то подумала...
– Надя, тут не думать надо, а действовать!
– Тетя Роза, давайте мы просто подождем немного. Наверное, газ отключили ненадолго из каких-нибудь профилактических соображений.

– В два часа ночи уже не было! – возмутилась Ба.
– Тем более. Значит, скоро его снова дадут.
– Надя, сегодня воскресенье!
– Ну и что? Не оставят же целый город без отопления?
– Можно подумать, ты не в курсе, в какой стране живешь! – пробухтела Ба.

– Главное – не паниковать, – как можно спокойнее сказала мама, попрощалась с Ба, положила трубку и тут же начала паниковать. Потому что воскресенье – единственный выходной и, соответственно, день обязательной уборки, стирки и бешеной готовки. Как развернуть такой фронт работ без отопления, мама не очень себе представляла.

Спустя несколько минут Ба отзвонилась еще раз и зловещим полусшепотом сообщила, что газа нет во всем районе.

– Я только что говорила с диспетчером Зиной из села Айгепар.
– Зачем? – громко сглотнула мама.
– Чтобы готовить на ее плите. Она бы мне не отказала. Но у них тоже нет газа!

Потом позвонила Манька и, конспиративно понизив голос, сообщила, что Ба затопила дровяную печку и раздумывает, можно ли на ней испечь песочное печенье.

Когда и к десяти часам утра газа не случилось, мама сама набрала Ба, чтобы провести летучку на тему «как же будем выкручиваться».

– А Ба ушла, – звонко отрапортовала в трубку Манька.

– Куда? – напряглась мама.

– Ушла скандалить в дом к дядечке, не помню, как его зовут, который отвечает за наш район.

– К какому дядечке?

– Ну, к этому, как его... Вспомнила! К первому секретарю райкома.

Мама не успела толком испугаться за судьбу Арменака Николаевича, как в дверь позвонили. Мы побежали открывать. На пороге стояла взмыленная Ба.

– Газа не будет до среды, – выпалила она.

– Как это до среды? Почему?

– Серьезная авария на трубопроводе. Я только что от первого секретаря райкома.

Мама поперхнулась.

– Тетя Роза, вы там случайно не скандалили?

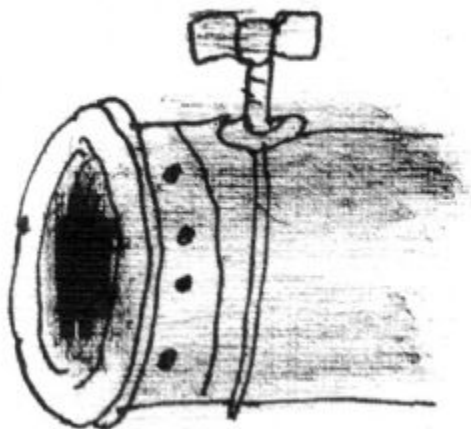
– Что значит «случайно»? Хотела поскандалить, да не смогла! – Ба вытащила из обувного шкафчика тапки, переобулась. – Николаича дома не было, он с раннего утра уехал на место аварии. А жена его – вареный веник, слова поперек сказать не может. Разве с такой поскандалишь? В общем, плюнула я им на порог и прибежала к вам. Надо придумать выход!

Первым делом наши дамы решили бросить вызов судьбе и сварить кофе. Потому что проводить консилиум всухомятку не получалось, мозги отказывались работать. И пока Ба варила кофе над тремя зажженными свечами, отгоняя нас грозными окриками от незабываемого зрелища, а смотреть, поверьте, было на что, ибо когда она слишком низко опускала турку, то свечи гасли, а если поднимала чуть выше, чем нужно, огонь не разогревал воду, так вот, пока Ба воевала со свечами, кофе и нами, мама, в надежде, что вдруг у кого-нибудь найдутся знакомые обладатели электрических плит, обзванивала своих подруг.

Настойчивый опрос не принес желаемых результатов – ближайшая электрическая плита обнаружилась в пятидесяти

километрах от Берда, в городе Иджеван.

– Ну не ездить же туда! – кручинились мама с Ба, запивая горе недозаваренным кофе.

К счастью, вскорости с дежурства вернулся папа.

Он сначала выслушал исположенный доклад о ЧП на газопроводе, а потом осторожно поинтересовался:

– А спросить у Миши, что делать, вы не пробовали?

– Миша не ночевал дома! – вздыбилась Ба. – Мало того что не ночевал, так до сих пор еще и не вернулся! Юрик, ты не знаешь, с кем он сейчас шашни крутит?

– Роза, я тебе ничего не скажу!

– Не, ну мало ли, может, у тебя совесть проснулась!

– Она у меня практически не дремлет. Поэтому Мишу я тебе и не сдаю.

– Оба-два шлимазла!

– Может, и шлимазла, не спорю. Зато эти шлимазлы, в отличие от вас, умеют соображать! – победно хмыкнул папа. – А ведь решение проблемы лежит на поверхности – нужно просто раздобыть газовый баллон.

– Юрик, сынок! – подскочила Ба. – Золото ты мое ненаглядное!

– Спокойно, Роза! Без сантиментов! Нам сначала надо баллон достать. Что уже проблематично, учитывая, что город на три дня

остался без газа.

К счастью, искать пришлось совсем недолго – у папиной медсестры тети Киры на даче стояла газовая плита со съемным баллоном.

– Часов на шесть хватит точно! – напутствовала тетя Кира, пока папа с дядей Мишей загружали баллон в Васю – пришлось папе отрывать своего друга от амурных дел, ибо в нашу «копейку» баллон влезать решительно отказывался. – Поэтому пусть они сначала испекут коржи и ореховый рулет, а под самый конец оставят безе. Газа в баллоне на исходе останется совсем мало, и огонек будет очень маленький. А для безе это самое оно!

Вторую половину воскресенья мы колобродили на нашей квартире. Пока Ба с мамой пребывали в аффективном состоянии безудержной готовки – взбивали бисквитное тесто, месили тесто для рулета, жарили орехи, делали молочную основу для заварного крема, пекли песочное печенье и безе, дядя Миша с папой отвлекали нас викторинами и прочими играми в лото и шашки. Особенно усердствовал дядя Миша – ведь увлеченная готовкой Ба даже не устроила ему традиционной выволочки за то, что он не ночевал дома. Оказывается, и на фирменный скандал от Розы Иосифовны бывает

управа. Единственное, что для этого нужно, – выдающееся ЧП районного масштаба. Всего-то!

Газовый баллон держался молодцом и издох, когда удостоверился, что выпечка полностью готова. Мама с Ба успели даже пожарить омлет по-персидски с луком и мятой и заварить чаю. Так что ужин у нас получился знатный – крепкий чай, бутерброды с поджаристой, ароматной яичницей и песочное печенье с фундуком.

– Завтра поведу девочек в баню, – громко отхлебывая из большой чашки, возвестила Ба.

– В какую баню? – наострили мы ушки.

– В городскую баню.

– Зачем?

– Как зачем? Мыться. Газ только через три дня дадут, не ходить же вам немывтыми?

– Ничего, мы потерпим!

– Я вам дам «потерпим», ясно? Послезавтра мой день рождения, и я желаю видеть вас исключительно чистыми.

– А почему нельзя дома помыться? Вскипятили бы воду на дровяной печке.

– Времени на всех воду кипятить не хватит, нам с Надей завтра на печке горячее готовить. Так что дома помоются только Гаянэ с Сонечкой. Все остальные сходят в баню.

Мы с Каринкой и Манькой недовольно переглянулись. Идти в городскую баню совсем не хотелось.

– Разве это нормально – мыться на виду у голых тетенок? – промычала я.

– Очень даже нормально! И нечего кривить рот! Можно подумать, вы потом не в тетенок вырастаете!

– Не хотим мы быть тетеньками!

– Не хотите тетеньками, значит, будете дяденьками!

– Ба-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

– Нечего ныть. Вернетесь со школы, и сходим в баню, ясно?

– ...

– Ясно?!

– Ды.

– Вот и славно!

Глава 5. Манюня, или Банный день и прочие треволнения

В понедельник почти весь город вышел на работу с немывтыми шеями. Помыться смогли только те редкие бердцы, в домах которых сохранились старые, еще военных времен, дровяные печки для протапливания бань. Экстерьеру такие печки были дивного – длинный трехметровый чугунный цилиндр с торчащей с верхнего краю

монументальной лейкой. В нижней части находилась «растопка», там, весело гудя, горели дрова. Растопка запиралась на неожиданно кокетливый для такой сокрушительной конструкции крючок. Чтобы подкинуть в огонь дров, приходилось поддевать крючок и распахивать жаркую дверцу деревяшкой. В верхнюю часть печки подавалась вода. Она нагревалась быстро, но лилась неравномерно – то кипятком обдаст, то ледяной струей окатит. Обязательным условием было наличие распахнутого настежь окна – чтобы не угореть от обратно задуваемого ветром дыма печи. Особенно бодрили такие банные процедуры зимой – один бок горит жаром, другой продувается на сквозняке, от дыма слезятся глаза и першит в горле, а лейка плюется контрастными струями. Не мытье, а мучение.

Поэтому, когда газопровод, наконец, дотянулся и до нашего высокогорного района, люди первым делом выволокли из домов чугунных монстров и заменили их компактными газовыми колонками. Чугунные монстры какое-то время пылились на задних дворах, а потом были счастливо разобраны на запчасти и пущены на другие насущные хозяйственные нужды. Сосед Ба дядя Гор, например, распилил свою печку пополам – вдоль, залатал дверцу растопки и использовал получившиеся лохани для сбора дождевой воды. Как и чем он пилил эту зубодробительную конструкцию, мы не знали, а спросить стеснялись – дядя Гор был человеком немногословным и на любой прямо поставленный вопрос отвечал уклончивым «хм». А узнать, чем он пилил печку, нам ой как хотелось, ведь это очень полезная информация для любознательных и всегда готовых к подвигу советских детей!

Манька часто совершала дипломатические подходы к молчаливому соседу – пыталась обаять его всеми возможными способами. То вишневой косточкой в окно стрельнет, то подкоп под забор организует, то изолентой ручку входной двери обмотает, то какую еще кокетливую проделку выкинет. Жена дяди Гора, тетя Мелина, в Маньке души не чаяла, поэтому все ее выходки комментировала смехом. А дядя Гор молчал– молчал, а потом выдавал свое фирменное «хм». Ба поползновения внучки не одобряла, боролась с ними накатанными способами – и в угол Маньку поставит, и без сладкого оставит, и высечь грозит. Манюня бабушкиных угроз исправно пугалась, но попыток обаять молчаливого соседа не бросала.

В свободное от работы и Манькиных ухаживаний время дядя Гор ваял. Он был очень рукастым и не лишенным чувства прекрасного человеком, поэтому постоянно совершенствовал свой быт. При этом работал с какой-то космической скоростью. Проснулся с утра – а во дворе дяди Гора красуется новый гаджет – небольшая деревянная беседка. К вечеру она обзаводится гладко отшлифованным столом, а к завтрашнему утру – стульями. Еще через день беседка покрыта ровным слоем специального лака, а от дома к ней тянется узкая, аккуратная тропа из речной гальки.

Проигнорировать такую беседку может только какой-нибудь каменный истукан. Похвастать качествами каменного истукана Манька не могла – Манька была сверхлюбопытным ребенком с воинственно развевающимся чубчиком на голове и с шилом в одном месте. Поэтому при виде беседки она не придумала ничего лучше, чем тотчас явиться с визитом вежливости, вся встревоженная, в пижаме и сандалиях на босу ногу. Да и как можно не нарисоваться с визитом в самую рань, если на соседском дворе творятся такие чудесные дела – дядя Гор, по брови в опилках и прочей деревянной лузге, шлифует бок беседки, а тетя Мелина ходит кругами и восторженно ахает!

На звонкое приветствие Мани дядя Гор коротким жестом показал, чтобы она не подходила близко, а то кругом мусорно, а тетя Мелина побежала в дом – за пирожками с яблочным повидлом. И пока испуганная отсутствием вредной внучки Ба бегала по дому, раненой белугой взывая к ее совести и заглядывая во все укромные места, Манька, по-царски расположившись на заботливо подстеленном пледе, элегантно пожирала Тетимелинины фирменные сладкие пирожки, запивая их второй чашкой густого какао. И неустанно сыпала искрометными вопросами:

– Дядя Гор, а вы потом в этом домике жить будете, да? Это будет ваша конура?

– ...

– А чего это вы шпак... шпаклюете? Это ведь шпаклевать называется, да? Стены шпаклюете, чтобы мухи спотыкались?

– ???

– Ну когда стена гладенькая, небось мухи ходить по ней не могут, спотыкаются и падают вниз. Хорошо, что ночью они не летают. А то

будут падать гурьбой, а вы на полу спите. С открытым ртом. Проснулись – а мух во рту видимо-невидимо. Буэ.

– Хм.

– Вот и я думаю, что на вкус они не очень, – вещала Манька, уплетая за обе щеки пирожки и качая туда-сюда пухленькой ножкой в красной истоптанной сандалиии.

На этом месте ее непринужденную светскую беседу оборвали самым бесцеремонным образом – выбежавшая из дома Ба зацепила краем глаза соседскую беседку, подошла к забору и среди прочих Дядигоровых нововведений обнаружила свою внучку.

– Мария! – протрубила иерихонской трубой она. – У тебя совесть есть?

Дядя Гор, пронзенный в самое исподнее воплем соседки, выронил рубанок, а Манька спешно спряталась за спину тети Мелины.

– Ну чего ты, Роза, – вызвала огонь на себя тетя Мелина, – девочка просто прибежала к нам беседкой любоваться. Это я во всем виновата, задержала ее, вот, завтраком кормлю.

– А предупредить она меня не могла? Я чуть инфаркт не заработала, пока ее искала, аж весь дом облазила!

– В большую дождевую бочку заглядывала? – высунулась из-за спины тети Мелины Манька.

– Я тебе дам большую дождевую бочку!

– Спросить, что ли, нельзя?

– Нельзя! – И, решив, что воспитательная часть на этом закончена, Ба переключилась на беседку и принялась нахваливать ее на все лады.

Единственным человеком, с которым дядя Гор разговаривал не жестами, а словами, была Роза Иосифовна. В ее присутствии он становился таким разговорчивым, что даже расщедрился на сложноподчиненные предложения. Правда, чудеса такие случались крайне редко, где-то раз в квартал, но ведь случались! Поэтому, чтобы выудить у мужа какую-нибудь информацию, тетя Мелина прибегала к Ба:

– Роза, я тебя очень прошу, спроси у него!

– Чего спросить-то надо? – вытирая руки о подол большого розового фартука, готовилась к очередному лингвистическому штурму Ба.

– Спроси, куда это он собрался. А то вытащил чемодан, показал жестами, что надо в дорогу вещи собрать, а куда едет – не говорит.

– Ты только под ногами у меня не путайся!

– Не буду, не буду! Я у тебя на кухне посижу, даже в окно выглядывать не стану.

Через пятнадцать минут Ба возвращалась с победой:

– Уезжает на три дня в Дилижан – проведать сестру.

– Роза-джан, спасибо тебе большое, что бы я без тебя делала! – радовалась тетя Мелина. – Никто, кроме тебя, моего чурбана разговорить не может! Как оно у тебя получается?

– А черт его знает! Я спрашиваю, а он отвечает.

– Чудеса! – всплескивала руками тетя Мелина. – Он даже на свадьбе нашей Арпинэ тост выдавить не смог. Все ждут, что отец сейчас скажет какие-то напутственные слова молодоженам, а он постоял-постоял, крикнул, опрокинул стопочку да Арпинэ в обе щеки расцеловал.

– Золото он у тебя, Мелина. Мало говорит, зато много делает.

– Это да. Но иногда и поговорить хочется, не с роботом же я живу!

К моменту нашего с Маней знакомства двор дяди Гора представлял собой объект страстных мечтаний любого охочего до развлечений ребенка. Слева от входа, завешанная трепетными ветвями плакучей ивы, стояла деревянная уютная беседка. В такой беседке очень вкусно чай со слоеными пирожными гонять или мороженое маленькими кусочками поедать. Откусил кусочек мороженого и смотришь, много осталось или мало. По закону подлости мороженое всегда заканчивается быстрее, чем успеваешь им насладиться. А вот тушеные овощи – наоборот. Наедаешься с первой ложки, а дальше просто заставляешь себя есть. Что особенно обидно, овощей в тарелке от этого не убавляется, а наоборот, словно прибавляется и прибавляется! Но не будем о грустном, вернемся к достоинствам дяди Гора.

Итак, слева от дома стояла беседка. А справа раскинулась нетрадиционная для наших дворов лужайка, там и сям инкрустированная цветочными клумбами, низенькими скамейками и двумя самодельными фонтанчиками. Когда у живущей в Кировакане Арпинэ родились дочери-близняшки, дядя Гор смастерил качели и даже карусель, чтобы приехавшим в гости внукам было где поиграть.

Карусель была предметом зависти детей всего нашего городка. Она представляла собой круглую деревянную платформу с четырьмя лавочками. Перед каждой лавочкой по ходу движения был прибит невысокий шест. Нужно было, вцепившись в шест руками и стоя левой ногой на платформе, правой разгонять ее, отталкиваясь от земли. Когда карусель раскручивалась до достаточной скорости, следовало плюхнуться на лавочки и какое-то время с визгом крутиться, а потом по новой «поддавать газу». Мы с Манькой и Каринкой часто прибегали к дяде Гору – покататься на карусели или посидеть в беседке. Правда, Ба в таких случаях всегда нас сопровождала и строго следила, чтобы мы не испортили чужое имущество. Или чужие нервы.

– У нас, – приговаривала Ба, – из-за ваших проделок нервы уже луженые, а вот за нервы Гора с Мелиной я не поручусь!

– А что такое луженые? – любопытствовали мы.

– Многострадальные, но непотопляемые, ясно?

– Ясно!

Решение Ба сводить нас в городскую баню мы встретили в штыки. Но миндальничать с нами взрослые не собирались – сегодня поздно вечером приезжает дядя Мотя, завтра с утра – тетя Фая, а далее мы всем миром будем отмечать юбилей Ба. Так что дорога каждая минута.

Препирались мы с Ба до последнего, но из чистого упрямства. Потому что смысл качать права, когда ты, образно говоря, одной ногой стоишь на пороге бани, а в руках пестуешь авоську со сменным бельем, шлепками, полотенцем и мылом!

– Как раз помоемся и на обратном пути заберем из садика Гаянэ с Сонечкой. А Надя к нашему возвращению накрутит фарш для толмы и замаринует уток. Что с утками делать – ума не приложу. Хотели запечь, но в дровяной печке-то не запечешь! Придется просто потушить, – бубнила себе под нос Ба. Мы хмуро шли следом. Прохожие с любопытством разглядывали наши постные мины.

– Она взяла натуральную мочалку, – шепнула Манька.

– И нам мама натуральную положила! – вздохнула Каринка.

До чего же мы не любили эти изуверские натуральные мочалки! Вернешься домой практически безгрешный, ну, может, ноги по самые подмышки намочил по лужам бегаючи, или сажей вымазался до бровей, можно подумать! Попытаешься незаметно в квартиру просочиться, а на пороге мама наперевес с натуральной мочалкой стоит. Главное, даже слова в свое оправдание сказать не дает, подцепит за лопатку и волочет в ванную. И устраивает тебе такое шкурораспутительное мытье, что ты потом ходишь словно густо накрахмаленный – тело скрипит и не гнется. А если и гнется, то с таким напрягом, словно с тебя сейчас отвалится большой кусок чего-то важного, какого-нибудь луженого нерва например, и шмякнется на пол.

– Ба, – заныла я. – И чего? Теперь ты перед всем голыми тетеньками будешь голая ходить? И перед нами тоже?

– Перед вами уж точно не стану голая ходить! Мы возьмем билеты в отдельный номер. Я прослежу, чтобы вы быстренько искупались, выпровожу в холл, вы подождете, пока я тоже вымоюсь. Думаю, за час точно управимся. – И, толкнув тяжелую дверь, Ба вплыла в холл бани. Следом просочились мы.

Городская баня представляла собой небольшое одноэтажное здание из розового туфа. Обычно она пустовала, потому что, кому охота ходить куда-то мыться, когда дома своя ванная под боком. Тем

более что русского обычая париться до изнеможения и выбивать из себя отчаянно не желающую отдаваться богу душу дубовым или каким другим березовым веником у нас не водилось. Правда, некоторые впечатленные «Иронией судьбы» граждане загорелись идеей повторить подвиг героев фильма и помыться, так сказать, на брудершафт. Но попытки совместить приятное с полезным терпели сокрушительное поражение, ибо пить без обильной закуски и многокилометровых тостов народ категорически не умел, а растягивать на многие часы процесс мытья без питья не желал.

Поэтому клиенты в бане случались редко, в экстренных, навреде ЧП с газопроводом, случаях. Штат сотрудников бани был небольшим, если не сказать крохотным. Руководила баней тетя Ашхен, уборщицей работала шаш Тамар, а за регулярную топку и техническое состояние помещений отвечал колченогий дед Леван. Деду Левану было так много лет, что, когда он, пыхтя трубкой под пожелтевшими от табака усами, начинал рассказывать о присоединении Восточной Армении к Российской империи, все слушали его как непосредственного очевидца событий.

Полусумасшедшая шаш Тамар («шаш» в переводе с армянского означает «дурак, сумасшедший») была весьма харизматической личностью. В свои глубокие семьдесят она строила из себя тридцатилетнюю красотку – носила броский макияж и прозрачные платья, из-под которых кокетливо выглядывало кружево комбинации. Пахла шаш Тамар розовой водой – густой шлейф сладкого аромата сопровождал ее всюду. Из-под тщательно взбитых кудрей выглядывали длинные морщинистые уши. Когда мы встречались с шаш Тамар на улице, то первым делом пялились не на свисающую с левого плеча всклокоченную лису и даже не на выглядывающую из-под платья комбинацию, а на ее мочки. Мочки у шаш Тамар были страшные – с продольной дырой, разорванные пополам. Люди поговаривали, что в голодные послевоенные годы Тамар ограбили, накинулись на нее сзади, ударили чем-то тяжелым и вырвали из ушей золотые сережки. Правда, никто поручиться за это не мог, а спросить боялся – в ответ шаш Тамар поднимала такой визгливый хай, что хоть стой, хоть падай. Она упрямо проколола свои «вторые» мочки и ходила по городку в

золотых сережках, нагоняя на детей священный ужас своими обезображенными ушами.

Ба ее сильно жалела. Всегда здоровалась и расспрашивала про жизнь. Шаш Тамар отвечала невпопад, но обстоятельно. Ба терпеливо выслушивала сбивчивые рассказы, поддакивала. Если шла с покупками с базара, обязательно вытаскивала из авоськи персики или гроздь винограда и протягивала ей. Тамар с достоинством принимала фрукты, от денег всегда отказывалась. Как-то Ба поколотила несколько подростков, которые шли за шаш Тамар по улице и отпускали в ее адрес скабрзные шутки. Роза Иосифовна догнала их и выдрала каждому уши.

– Вы чего? – обиженно пыхтели подростки, пытаясь вырваться из цепких рук Ба.

– Ничего! – прогрохотала Ба. – Идите отсюда, еще раз поймаю, на одну ногу наступлю, за другую потяну и разорву пополам, ясно? Щщщщценки! Такие шуточки в адрес своих матерей будете отпускать, они-то хамское отношение точно заслужили, раз таких идиотов себе на голову воспитали!

Очередь из хозяек у продуктового напротив проводила убегающих подростков улюлюканьем и умелым свистом, Ба пошла дальше по своим делам, а шаш Тамар даже на шум не обернулась. Ибо ничего из случившегося она просто не слышала.

Третья труженица бани звалась тетя Ашхен. Тетя Ашхен работала начальницей, бухгалтером и кассиршей. Женщиной она была грозной и неуступчивой, глядела исступленно и улыбалась крайне редко, только по государственным праздникам. На Первомай, например, или в очередную годовщину Великой Октябрьской революции. Правда, от улыбки у нее делалось такое изуверское выражение лица, что уж лучше бы она всегда хмурилась. В бане у тети Ашхен имелся собственный «кабинет» – крохотный закут с занавешенными от любопытных глаз окнами. Так как тетя Ашхен была женщиной гренадерского роста и весьма обильного телосложения, она смотрелась в своем закуте так, словно ее туда запихивали изо всех сил и, счастливо запихнув, запечатали намертво дверь, чтобы она, не дай бог, не вывалилась наружу. Поэтому каждый, кто заходил в баню, первым делом натыкался на торчащие между штор в цветочек вытарщенные глаза и поджатые в недовольстве челюсти тети Ашхен.

Маргарита Карапетовна пробормотала что-то невнятное, прикрылась мочалкой и повернулась к нам спиной. Спина у Скелетины была такая, что легко могла сойти за стиральную доску – вся в ребрах, торчащих позвонках и копчике. Груды при всем старании на Скелетине мы не разглядели, если только какие-то чахлые зачатки! Наш созерцательный процесс самым бесцеремонным образом оборвала Ба – она подцепила нас за шкурки и поволокла в дальний конец помещения.

– Чтоб не отвлекались! – рявкнула грозно.

Впрочем, с нового места дислокации открылся такой исчерпывающий вид на голых тетенок, что мы моментально потеряли дар речи и даже не сопротивлялись, когда Ба немилосердно натирала нас натуральными мочалками.

Голых тетенок было штук восемь. Одни намыливались, другие обливались водой, а одна тетенька устроила самую настоящую стирку. На лавочке рядом возвышалась гора перестиранного белья, а его хозяйка тем временем увлеченно полоскала под душем то ли наволочку, то ли кухонное полотенце – в густом паре разглядеть точно, что тетенька полощет под упругой струей воды, было категорически невозможно.

По центру зала хилой конструкцией возвышалась Скелетина. Справа от нее мылась какая-то невероятно рыхлая и густоволосатая женщина.

– Я подумала, что она мужчина, – шепнула мне краем рта Манька, пока Ба сдирала мочалкой с Каринки кожу, – она даже волосатее моего папы!

– И моего! Я тоже испугалась, что она мужчина. Но титьки-то у нее во! – повела я руками перед собой, намекая на огромный размер тетенькиных грудей.

Груды были действительно какого-то катастрофического размера. Скелетина на их фоне выглядела ожившей гиперактивной жердью. Гиперактивности, думаю, ей придали наши пристальные взгляды – пришпоренная таким вниманием, она мылась с прямо-таки космической скоростью.

Впрочем, от нее не отставала Ба. Поэтому через полчаса наша доведенная до стерильной чистоты троица вывалилась в холл.

– Посидите тихо, сейчас я быстренько искупаюсь и выйду к вам, – велела Ба, выпроваживая нас из душевной раздевалки.

Пока мы отходили от бешеного мытья, Манька выдвигала разные версии о причинах волосатости тетеньки.

Сначала она предположила, что эта тетенька – тяжелобольной человек, и болезнь эта называется «мужская волосатость для женщин». Мы с Каринкой фыркнули – было очень сложно представить, что в природе существует такое заболевание. Манька тоже посмеялась с нами, а потом выдвинула новую версию, что эта тетенька когда-то была волосатым дяденькой, а потом у него выросла грудь и он превратился в тетеньку.

– А куда тогда его писюн делся? – полюбопытствовала Каринка.

– Отвалился.

– Вот так прямо взял и отвалился? – похолодели мы.

– Угум. Как хвост ящерицы.

Мы своими глазами видели, как это бывает, – однажды Каринка погналась за ящерицей, нечаянно наступила ей на хвост, и тот миготом отвалился, и, пока мы, остолбенев от изумления, наблюдали корчащийся в конвульсиях обрубок хвоста, ящерицы и след простыл... Так как мы не понаслышке знали, каким образом отваливаются хвосты у ящериц, то живо представили эту душеспатательную картину. И, покамест мы с Каринкой, глаза врасстыр, фантазировали, как писюн этого внезапно превратившегося в тетеньку дяденьки корчится на полу, наша неугомонная подруга придумала еще одну версию волосатости.

– А может. – загоревшись новой идеей, стартовала она, но мысль свою продолжать не смогла, просто замерла с открытым ртом.

– Чего может? – спросили мы, повернулись в ту сторону, куда глядела Манька, и тоже окаменели – поправляя на плече побитую молью лису, к нам приближалась шаш Тамар.

– В девятнадцать ноль-ноль ровно, – заговорщицки подмигнула она густо подведенным глазом. В ушах покачивались золотые, с кровавокрасным рубиновым камнем, сережки.

Мы громко сглотнули, не в силах отвести взгляд от ее обезображенных мочек.

– Говорю – в девятнадцать ноль-ноль! – требовательно повторила шаш Тамар и завертелась в каком-то танцевальном движении – вокруг

тощих ног затрепетал кружевной подол комбинации, большие каблуки старомодных туфель пробили на кафельном полу чечетку.

– Чего в девятнадцать ноль-ноль? – каркнула Каринка. Мы с Манькой, не в силах выдавить из себя ни звука, просто кивнули головой.

– В девятнадцать ноль-ноль ровно! И ни минутой позже! Ясно? – повторила шаш Тамар и, наклонившись к нам, шепотом зачастила: – Спутник никого ждать не будет! Он летает туда-сюда, фотографирует и набирает желающих. А потом фьютъ – и ты уже дышишь не носом, а жабрами! Компрене [\[27\]](#)?

Еще бы не компрене! Знать бы хотя бы, что это таинственное «компрене» означает! Мы дружно вспотели и забегали глазами. А шаш Тамар увлеченно исполняла разные танцевальные па, вихляя тощими бедрами и драной рыжей лисой на плече.

К счастью, скоро освободился отдельный номер, и она, прервав свои пляски, накинула на плечи халат и побежала готовить помещение к новым посетителям.

Пока шаш Тамар отвлеклась на уборку, мы бесшумно просочились в общее отделение – уж лучше сидеть в жаркой раздевалке, чем слушать бредни и пялиться на обезображенные уши городской сумасшедшей. Ба ничего рассказывать не стали, чтобы не нарываться на нравоучения.

Сонечку и Гаянэ мы пришли забирать до полдника, и по этому случаю наша младшая сестра подняла такой вселенский вой, что нам пришлось зарулить на детсадовскую кухню и попросить у повара стакан кефира и печенье. Потом Ба взяла довольную Сонечку на руки, и мы дружной компанией потопали домой. На подступах к улице Ленина услышали какой-то странный шум. Сначала не очень поняли, что происходит, но потом сообразили, что странный шум – это чьи-то выкрики в рупор. Притом рупор, видимо, странным образом перемещался по городку, потому что выкрики слышались то справа, то слева, то вообще с Речного квартала. Разобрать слова не получалось – рупор изливался шипением и прочим нечленораздельным шумом.

– Что еще могло приключиться? – разволновалась Ба.

Мы прибавили шагу. Выскочили на перекресток улицы Ленина очень даже вовремя – в следующий миг мимо нас на бешеной скорости промчалась тархтящая «Победа». Какой-то дядечка, высунувшись по

пояс в окно, выкрикивал в рупор бессвязное. Через три минуты он промчался в обратном направлении, захлебываясь в громкоговоритель. Народ проводил «Победу» недоуменными взглядами, а потом терпеливо принялся ждать, пока она, сделав круг, вернется обратно.

«Победа» не заставила себя долго ждать и, напустив страху в противоположном конце городка, снова вылетела на Ленина. Собравшийся по тротуарам народ начал волноваться. Некоторые нетерпеливые граждане предложили позвать милиционера Рафика, чтобы он выстрелил в колеса машины и тем самым остановил ее хаотичную езду. К счастью, до Рафика дело не дошло. На очередном вираже таинственный дядечка усмирил воинственное шипение рупора, и мы наконец смогли разобрать его всполошенные крики:

– Внимание-внимание! Сегодня, шестого апреля, в девятнадцать часов ноль-ноль минут возобновится подача газа! Большая просьба проследить, чтобы конфорки были выключены. Или пеняйте на себя! Внимание-внимание! Сегодня, шестого апреля... – Тут дядечка чуть не вывалился из окна, потому что «Победа», резко дернувшись, прибавила газу и покатила в сторону автовокзала. – В девятнадцать часов ноль– ноль минут, – долетело до нас из-за поворота.

– Какого черта мы тогда в баню сходили? – развела руками Ба.

– Зато Скелетину голой увидели! – расплылась в довольной улыбке Каринка.

– Чингисхан, ты опять за свое?

– Так вот о чем нам шаш Тамар говорила! – встрепенулась я.

– А что она вам говорила?

И мы стали наперебой рассказывать Ба про девятнадцать ноль-ноль, жабры и спутники. Ба молча нас выслушала и покачала головой.

– Бедная женщина!

– А почему она такая сумасшедшая?

– Уж не от хорошей жизни! – отрезала Ба. – Ладно, поторапливайтесь. Вам еще уроки делать, а нам с Надей готовить.

И, поминутно подгоняя нас окриками, Ба припустила к дому.

До волнительного юбилея оставались какие-то сутки!

Глава 6. Ба справляет юбилей, или Визит Фаи, которая Жмайлик

Утро седьмого апреля ознаменовалось сокрушительной грозой. Вообще гроза в апреле – большая редкость, если не аномалия. И было бы, наверное, странно, если бы такая природная аномалия не приключилась в день рождения Розы Иосифовны.

Дождь стоял густой холодной стеной, на дворе было непролазно темно, и эту непролазную темень разрывали длинные, слепящие молнии. Грохот, которым отзывались небеса, был воистину катастрофическим. Хотелось забиться куда-нибудь в угол, желательно в шкаф и, зарывшись головой в ворох белья, тихонечко переждать погодную свистопляску.

Манька с детства боялась грозы. Завидев на небе темные низкие тучи, она сразу же прибежала домой, под крылышко Ба. Далее начинались лихорадочные приготовления – Манька затыкала уши ватой, запасалась какой-нибудь книжкой, обязательно с картинками, и затаивалась на полу самой, по ее мнению, безопасной комнаты в доме – гостиной.

Если гроза была слабенькая и бурчала так себе, Манька могла даже забыть о ней, увлекшись чтением. Если гроза случалась громкая, Манька переключалась с чтения на рассматривание картинок и подробно в крик рассказывала, что именно художник изобразил на странице семнадцать книги «Оцеола, вождь семинолов».

– Тут изображен индеец, – орала Манька, пытаюсь перекрыть себя, – этот индеец весь в перьях и головном уборе. Копье торчит сбоку. Но он не ранен, нет! – Тут Манька, испуганная очередным всполохом молнии, зарывалась лицом в книжку и вещала оттуда: – Чтобы ранить такого индейца, нужен полк бледнолицых. Хотя, думаю, и полк бледнолицых с ним не справится!

Если же гроза случалась нечеловеческой силы – а такие грозы в нашей высокогорной местности были нередки, Манька забивалась под диван в гостиной и орала оттуда песни. Выкурить ее из укрытия было практически невыполнимой задачей – Манька вцеплялась мертвой хваткой в ножки дивана и, лежа на животе в позе морской звезды, орала в паркетный пол «Бухенвальдский набат», чередуя его с гимном

Советского Союза. Ничего другого в состоянии аффекта Манька орать не умела, а плакать от страха считала ниже своего достоинства.

Ба с дядей Мишей в минуты Манюниного смятения вели себя крайне непедagogично – чуть ли не по полу катались, корчась от смеха.

– Дочка, – рыдал в торчащие из-под дивана кругленькие Манькины пятки дядя Миша, – ты можешь мне объяснить, зачем гимн орешь?!

– Я еще понимаю «Бухенвальдский набат», – всхлипывая, вторила сыну Ба, – этим набатом они уже замучили весь район, исполняя его на всех торжественных мероприятиях. Но гимн?

– Ничего они в песнях не понимают, – рассказывала мне потом Манька. – Нарка, когда ты слышишь гимн нашей страны, что сразу представляешь?

– Красную площадь.

– Вот! А кто по Красной площади марширует?

– Войска.

– Ну! Я прямо вижу, как наши войска маршируют и идут сражаться с грозой. И боюсь меньше!

– А «Бухенвальдский набат» зачем поешь?

– Он громкий. И там про «люди мира, на минуту встаньте».

– Ага, – соглашалась я. Теперь Манькина логика мне была очень даже понятна. Люди мира, на минуту встаньте и набейте морду грозе. Вот чего моя подруга орет из-под дивана!

И надо же было такому приключиться, чтобы седьмое апреля, день шестидесятилетия Ба, ознаменовался грандиозной грозой! Видимо, небеса решили по-своему поздравить Розу Иосифовну с юбилеем и в шесть ноль-ноль утра организовали в ее честь салют. Первый же праздничный раскат поднял на уши весь городок – рык получился таким оглушительным, словно наверху опрокинули огромный воз с алюминиевыми кастрюлями. И кастрюли, перекатываясь с боку на бок, рассыпались от горизонта к горизонту, наводя своим немилосердным грохотом священный ужас на все живое.

Похрапывающий на диване гостиной дядя Мотя подскочил от этого грохота, как ужаленный.

– Что такое? – пробормотал он, нашарил тапки и побрел на ощупь к окну – разбираться с источником шума. Следующий грандиозный раскат загнал его обратно в постель – видать, встречать апокалипсис в

желтых семейниках, густо подсиненной майке и тапках на всклокоченную ногу дядя Мотя был не готов. Он лихорадочно подоткнул со всех сторон одеяло, зарылся головой в подушку и притих.

Вчерашний день дядя Мотя провел в рейсовом автобусе – ехал с двумя пересадками в Берд. Вез сестре три килограмма осетрины, ящик фиников, два длиннющих парниковых огурца и букет завернутых во влажное кухонное полотенце ирисов. Всю дорогу дядя Мотя опрыскивал полотенце водичкой, чтобы цветы не завяли. Довез букет в целости и сохранности, а потом еще помогал сестре готовить рыбу. Часть осетрины они отварили и, полив соусом из белого вина напополам с уксусом, замариновали на холоде, а другую часть запекли в духовке. А потом до поздней ночи, чаевничая вприкуску, вспоминали детство, листали семейный альбом и рассматривали пожелтевшие старые фотографии.

Утренняя гроза оказалась совсем некстати – дядя Мотя очень хотел выспаться после вчерашнего утомительного дня. Но выспаться под такую природную истерику было просто невозможно – мало того что грохотало в небесах, так еще в городке было беспокойно – испуганно кукарекали петухи, кричала другая впечатлительная домашняя птица, орали коты и лаяли собаки. «В-в-в-в»! – выл взлохотанный колючий ветер. «Клац-клац-клац», – стучались в окно тонкими ветвями испуганные яблони.

– Спать! – сделал себе внушение дядя Мотя, засунул голову под подушку и накинул сверху одеяло. Стало значительно тише. – Ну вот и славно, – обрадовавшись относительной тишине, он подтянул к себе ноги, поелозил по дивану боком, высунул из-под подушки нос, глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

– Союз не-ру-ши-мый респуб-лик свобод-ных, – неожиданно взвыло откуда-то из-под земли.

«Гр-р-ра-а-ахххх!» опрокинулся в небесах еще один шкаф с медной посудой.

– Сплоти-ла наве-ки Вели-кая Русь! – перешел в протяжный визг потусторонний вой.

Дядя Мотя сначала решил, что сошел с ума. Но потом быстро очухался и свесился вниз головой с дивана. Кругом было темно, хоть глаз выколи. Из крошечной темноты в лицо ему вырвался горячий призыв:

– Да здравст-вует соз-данный во-лей наро-дов...

– Мария, это ты чудишь? – попытался перекричать Манино остервенелое пение дядя Мотя.

– Единый, могучий Советский Союз! – с готовностью отозвалась Манька.

Прибежавшая Ба застала в гостиной дивную картину: на диване, вверх попой в желтых семейниках, возвышался дядя Мотя. Из-под дивана, в минуты грозовых раскатов срываясь в отчаянный визг, лился торжественный гимн.

– Деточка, ты только не волнуйся, – увещевал Мотя, тщетно пытаясь отцепить надрывающуюся в непостижимом певческом угаре Маньку от диванных ножек.

– Сквозь гро-зы сия-ло нам солн-це свобо-ды, – отбрыкивалась Манька.

– Да что же это такое! – причитал дядя Мотя.

– И Ле-нин вели-кий нам путь оза-рил!

Какое-то время Ба молча наблюдала выступающий из полумрака встопорщенный арьергард брата. Потом не вытерпела:

– Мотя, ну и чемодан ты себе отъел, – перекричала грозу, петухов и Манино пение она.

– Чего? – вынырнул из-под дивана дядя Мотя. – Доброе утро, Роза, с днем рождения тебя!

– Ты решил меня в такой завлекательной позе поздравить? Пушкой, так сказать, вперед?

– Какой пушкой? – не понял Мотя. – Роза, ради бога, что с ребенком?

«Гр-р-р-ра-а-а-а-аххх!» протрубили небеса.

– Люди мира, на минуту встаньте! – выдала из-под дивана хоровое разноголосье Манька.

– Мотя, дорогой, – Ба присела на краешек дивана, вывернула подол ночнушки и от души высморкалась, – оставь девочку в покое, она грозы боится!

– А поет зачем?

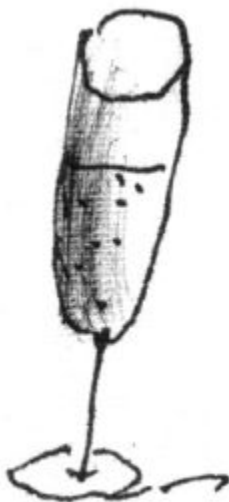
– Не могу знать. Поет – и на том спасибо. Хорошо, что дом не разносит!

Мотя нервно сглотнул:

– Ну хорошо. А почему она ко мне петь прибежала?

– В грозовую погоду Манька предпочитает прятаться под диван в гостиной. Я ж не знала, что в апреле может грянуть такая свистопляска! Знала бы, постелила бы тебе в комнате Миши. А он бы на диване переночевал. Ему к выкрутасам дочери не привыкать.

Гроза бушевала часа два и утихомирилась только ближе к девяти утра. За это время дядя Миша успел уехать на работу, Мотя с Ба – позавтракать и настрогать тазик оливье, а Манька – охрипнуть от громогласного пения.

Когда погода успокоилась, Ба пришла вызволять из-под дивана внучку. Манька выдернула из ушей затычки, вручила бабушке и убежала к себе наверх. Надела новое платье, тщательно причесалась, обильно намочила и пришпилила боевой чубчик и, вся из себя торжественная, ссыпалась вниз по лестнице. Ввинтилась с разбега в живот бабушки.

– Ба, – прогудела оттуда, – я желаю тебе быть счастливой, и всегда радоваться, и чтобы ты была здоровая, и чтобы глаза всегда были румяные! С днем рождения тебя!

– Вот за румяные глаза отдельное спасибо.

– А это тебе подарок. – Манька вытащила из кармана крохотный сверток и вручила бабушке.

Ба развернула подарок. В свертке лежала простенькая стеклянная брошь.

– Ах! – всплеснула руками именинница и тотчас прищипила к груди украшение. Брошь брызнула во все стороны фальшивым блеском желтых бус.

– Нравится?

– А то!

– Там еще другая была, красная, мы с Наркой долго спорили, кто какую возьмет. В общем, победила дружба. Я взяла желтую, как и хотела, а Нарка – красную.

– А Нарка какую брошь хотела взять? – любопытствовал дядя Мотя.

– Тоже желтую.

Взрослые прыснули.

– А как же тогда победила дружба, если Нарка взяла брошь, которую не хотела?

– Да какая разница? Ведь красную брошь она для Ба покупала, только это секрет. Ой!

– Ахаха-а-а-а!

– Не выдавайте меня, пожалуйста! А то Нарка обидится.

– Не будем!

– Обещаете?

– Обещаем.

– Вот спасибо!

К трем часам дня, вся расфуфыренная, явилась на торжество наша семья. Ну, кроме папы, конечно. Папа должен был приехать сразу после работы.

Первым делом, прямо с порога, мы исполнили «К сожаленью, день рожденья только раз в году». Дядя Мотя на нашу песню отреагировал странно – часто моргал и контуженно дергал головой.

Следом настала пора подарков.

– Вот это да-а-а-а! – Ба прищипила рядом с желтой брошью красную. – Теперь я дважды медалистка. Одну медаль буду носить по четным дням, а другую – по нечетным.

Каринка преподнесла юбилярше натюрморт собственной работы, Гаянэ спела песенку. Сонечка упрямо сопела, но таки уступила нашим увещаниям и прочла стихок Агнии Барто: «Это Масёнка пьянуясь, с боку на бок повейнуйась».

Дядя Мотя на «Масёнку» отреагировал весьма предсказуемо – сорвался в тонкий визг. Мы даже удивляться не стали, потому что привыкли к такой странной реакции взрослых – они всегда всхлипывали по углам от Сонечкиного оригинального исполнения «Машеньки».

В конце торжественной церемонии, со словами: «Любимой Розе Иосифовне от всей нашей семьи», – мама вручила имениннице жемчужный комплект – кольцо и сережки. Ба долго ахала и отказывалась принимать дорогой подарок, а потом даже немного поплакала от счастья, потому что давно мечтала о таком комплекте.

А потом мы дружно занимались подготовкой к праздничному вечеру – пока взрослые раскладывали в гостиной большой стол, накрывали его крахмальной скатертью и расставляли приборы, дети сворачивали бумажные салфетки треугольником и протирали до блеска хрустальные бокалы. Вообще вели мы себя на удивление ответственно и совсем не шалили – никому не хотелось портить настроение Ба в ее законный юбилей. И даже Каринка всю старалась – притащила со второго этажа стулья и помогала маме аккуратно раскладывать по тарелкам закуску.

Ба усадила брата молотить кофе, а сама руководила сервировочным процессом. Периодически поглядывала на часы – автобус Фаи прибывал в 17.00. Встретить ее должен был дядя Миша. И, хотя до приезда сестры времени оставалось еще много, Ба все равно волновалась – это был первый визит Фаи в наш городок, и Розе Иосифовне очень хотелось, чтобы встреча прошла на высшем уровне.

К сожалению, высший уровень накрылся медным тазом, потому что автобус Фаи прибыл в Берд не в 17.00, а в 15.50. Причиной тому была радостная весть, постигшая водителя Гарика в Ереване. За несколько минут до выезда на ереванский автовокзал дозвонился его тесть и сообщил, что Гарик стал дважды счастливым отцом – жена на рассвете родила ему мальчика и девочку.

– План на детей выполнил за раз! – пел всю дорогу Гарик, срезая крутые повороты Иджеванского серпантина под таким сумасшедшим углом, что тете Фае ничего не оставалось, как, вцепившись мертвой хваткой в сумку, молиться о том, чтобы автобус в целости и сохранности добрался до пункта назначения.

Бердский автовокзал встретил одетую по-городскому незнакомку с неприкрытым любопытством. Люди тут же кинулись расспрашивать, надолго ли приехала Фая, и что она привезла в своих больших сумках. Одна усатая старушка пощупала подол Фаинового плаща крючковатыми пальцами, поцокала восхищенно языком:

– Небось импортное?

Фая выдернула подол из клешней старухи, подхватила сумки и выползла на улицу – подышать свежим воздухом. Воздух был воистину свежим – пах озоном, бурным весенним цветением и влажной землей. Фая вдохнула полной грудью, еще и еще. Улыбнулась своим мыслям. Окинула взглядом окрестности. Справа от вокзала, утопая по крыши в деревьях, виднелись каменные дома с деревянными застекленными балконами. Слева возвышался длинный пятиэтажный дом странной полукруглой конструкции.

«Кажись, цивилизация», – опрометчиво решила Фая.

Возле входа в автовокзал стояла длинная деревянная скамья. Фая вытащила из сумки дорожный термос, налила в крышечку чая, уселась на скамью. Нашарила в сумке пачку сигарет. Чиркнула спичкой, с удовольствием затянулась. Положила ногу на ногу, отхлебнула чая и приготовилась ждать.

Движение вокруг автовокзала встало. Сначала окаменели люди, потом, со скрипом тормозя у тротуара, выстроились в длинную цепочку автомобили, следом, булькая мазутом и отчаянно тархтя, уткнулся барабаном в фонарный столб насквозь ржавый кормоуборочный комбайн. Из окон полукруглой пятиэтажки гроздьями высыпали зрители, отъехавший от автовокзала желтый, забитый доверху пассажирами и прочим домашним скотом «пазик» резко затормозил и задним ходом вернулся к остановке.

Все, не мигая, уставились на Фаю.

Фая заволновалась. Что-то в окружающей действительности было не так, и это «не так» явно касалось ее. Она немного подумала и убрала ногу с ноги. Откуда ей знать, может, в этих диких краях не принято сидеть в общественных местах нога на ногу?

Публика весьма заинтересованно наблюдала за телодвижениями приезжей. Не мигала, не отмирала.

Фая нервно затянулась.

– Дочка, – наклонилась к ее уху старушка, у которой Фая вырвала подол своего плаща, – ты же не пилят, чтобы папиросы курить? Или я что-то о тебе не знаю, и ты таки пилят?

– Чего пилят? – Фая мигом загасила сигарету и уставилась на старушку.

– Совсем пилят, – пояснила старушка, села рядом и сложила крючковатые руки на коленях.

Как только Фая загасила сигарету, вокзал пришел в движение – люди, оживленно обсуждая незаурядное событие, вернулись к своим побросанным сумкам, «пазик» бибикнул и тронулся в путь, комбайн отцепился от фонарного столба и пополз дальше.

Фая допила чай одним глотком, прикрутила крышку термоса. Убрала его от греха подальше в сумку. Покосилась на старушку, села прямо, сложила на коленях руки. Старушка одобрительно хмыкнула. Откинулась на спинку скамейки, поправила темный платок на голове.

– Ты к кому приехала?

– К сестре.

– К Розе Шац?

– Как вы догадались? – опешила Фая.

– Очень похожи. Я Розу вот такой помню, – старушка показала рукой на проходящую мимо молоденькую девушку. – Худая была, с длинной косой. Григоренц Седа как родную ее приняла, дочкой называла. Роза потом за инженера Серожа замуж вышла, Мишу родила.

Фая расслабилась. Раз старушка так хорошо знает ее сестру, значит, бояться нечего.

– Как можно позвонить Розе, чтобы они приехали за мной?

– Зачем? Миша уже едет сюда.

– Откуда ему знать, что автобус приехал на целый час раньше положенного времени?

– Оттуда, – отрезала старуха и снова вцепилась в подол Фаинового плаща, – матерьял-то какой странный, никогда такого не видела.

– Синтетика.

– Хэх, чего только не придумают.

Через минуту, остервенело кряхтя, к автовокзалу подъехал Вася.

– Вот и он, – кивнула старуха.

– Миша, – выдохнула Фая, когда, счастливо загрузив в «газик» сумки, они наконец тронулись в путь, – а как ты узнал, что я раньше приехала?

– Мне директор автовокзала позвонил. Говорит – тут женщина, очень похожая на Розу, курит на весь город и работу мне срывает! – передразнивая всполошенный голос директора автовокзала, с хохотом рассказал дядя Миша.

– А что, женщины у вас вообще не курят?

– В Ереване курят. Но Берд – не Ереван.

– Это я уже поняла. А что такое «пилят»?

– Фая, я тебя поздравляю! Пять минут как в наших зубодробительных краях, а уже «пилят»!

– Мойше!

– Факира! Ну чего тут непонятного? Пилят – это переиначенное на наш манер матерное слово на букву «бэ».

– Да что ты такое говоришь!

– Ну! Другие годами к этому идут. А ты за несколько минут справились!

– Вот шлимазл!

– Я тоже рад тебя видеть.

Тетя Фая нам очень понравилась – громкая, немного смешная, очень похожая на Ба, она внесла своим появлением в предпраздничную сумятицу настоящий разнобой – все сразу побросали свои дела и открыв рты наблюдали, как она бьется в счастливой истерике, обнимаясь с родными, пытаясь рассказать сразу все новости и жалуясь на бесцеремонный прием нашего городка. Первым делом она троекратно расцеловалась с Ба (Роза, душа моя, я нашла тебе хорошие английские поддерживающие чулки от варикоза, три пары), далее стала обниматься с братом (Мотя, ты этой прической в гроб меня вгонишь, сказано было: коротко постригись!).

– Да разве его переубедишь? – поддакивала Ба.

Потом Фая села на диван, усадила себе на колени Маньку и несколько минут обильно рыдала в ее всклокоченную макушку.

– Деточка, как же ты выросла! – приговаривала она и выпытывала, помнит ли ее Маня.

Манька виновато сопела – последний раз она гостила у тети Фаи шесть лет назад и ничего, кроме шумного моря, больших кораблей и шоколадного мороженого в вафельном стаканчике, не запомнила. А еще она запомнила дочку тети Фаи, Лину. Лина умела смешно косить глазами и носила брюки-клевш могучей амплитуды. Манька как-то увязалась за ней в магазин и запуталась в широченных брючинах. Еле выпуталась.

Потом, вдоволь нарыдавшись в Манины кудри, тетя Фая знакомилась с нами: поцеловала каждую в щечку, долго восхищалась Сонечкиной седой прядью волос, чем навсегда снискала ее расположение. Затем она наконец вспомнила, что у сестры юбилей, поздравила ее с днем рождения и вручила подарок – два отреза красивой ткани (на платье) и кожаную, цвета топленого молока, сумочку.

Гуляли мы до поздней ночи. За столом собрались самые близкие: родные Ба, наша семья, тетя Валя с Мариам и щекастым Петросом и дядя Гор с женой Мелиной. Через какое-то время осоловелые от впечатлений Гаянэ с Сонечкой, трогательно обнявшись, спали на Дядимишиной кровати, Петрос тихо посапывал в своей коляске, а мы с Манькой и Каринкой, пока взрослые отвлекались на воспоминания и анекдоты, поглощали сладкое. Оторвались на полную катушку, закусывая воздушный бисквитный торт конфетами, а песочное печенье – приторно-сладкими финиками и жареными орехами с изюмом.

В общем – праздник удался на славу.

Дядя Мотя уехал в четверг, а тетя Фая гостила у Ба до конца недели. Мы успели очень привязаться к ней – она умела смешным голосом рассказывать сказки и была непревзойденной «водой» в прятки. Куда бы мы ни спрятались, находила нас за считанные минуты. Дядя Миша говорил, что в тете Фае погиб великий сыщик, а тетя Фая ласково называла его шлимазлом и дамским угодником. Правда, когда она впервые так сказала, мы от незнания решили, что она назвала дядю Мишу дамским негодником и пришли к ней за разъяснениями.

Тетя Фая сначала посмеялась, а потом ломала голову, как же нам объяснить смысл выражения «дамский угодник».

– Это мужчина, который ведет себя так, чтобы угодить женщинам.

– А что такое «угодить»?

– Понравиться.

– Бабник, что ли? – пришла на помощь тете Фае Каринка.

– Ха-ха-ха. Ну, в том числе немножко бабник.

– Какое там немножко! – встопорщилась Ба. – Мишу хлебом не корми, дай только за бабами приударить.

– А что же ты хотела, весь в своего деда.

– В какого это деда? – заблестели глазами мы.

– А вот эта история не для ваших ушей, – покачала головой тетя Фая.

– Ну и ладно, – легко согласились мы.

Ба подмигнула нам и приложила палец к губам. Мы понимающе улыбнулись ей в ответ. Не расстраивать же тетю Фаю тем, что про Исаака Ша– ца, у ног которого укладывались штабелями первые бакинские красавицы, мы давно уже всё знаем. Пусть тетя Фая остается в счастливом неведении.

Меньше знаешь – крепче спишь.

Глава 7. Манюня празднует Первомай

Мама говорит, что про Первомай надо или хорошо, или никак. Никак – это, наверное, молча.

Только попробуй о Первомае молча, когда в этом году прошла первая в истории нашего района демонстрация! Раньше демонстрации у нас не проводились, городок счастливо прикидывался глухой провинцией и ограничивался просмотром праздника по телевизору.

Но в середине апреля грянула строгая директива из Еревана, и у нас началась новая, насыщенная политической и прочей коммунистической активностью жизнь.

Уступать столице в размахе проводимого мероприятия руководство района не собиралось, поэтому в организацию демонстрации впряглись все – театральная труппа Дома культуры, музыкальная и художественная школы, а также ансамбль песни и пляски консервного завода «Светлый путь». Весь цвет района, можно сказать. Руководил процессом третий секретарь райкома товарищ Минасян, маленький толстый мужичок с задорно торчащими параллельно плечам ушами и абсолютно лысым, в мелкую рыжую крапушку, черепом. Помимо завлекательной внешности товарищ Минасян обладал еще двумя качествами: абсолютным самодурством и неиссякаемыми залежами воистину болезненной фантазии. По безумным идеям, которыми он неустанно фонтанировал, можно было написать обширный научный труд о природе и тонкостях неадекватного поведения человека в период шизофренического обострения.

«Если уж организовывать первомайскую демонстрацию, то такую, чтобы обзавидовались все!» – решил товарищ Минасян и рьяно взялся за дело.

Первое, что пришло в шептунную голову третьего секретаря – это пустить впереди колонны скульптуру Мухиной «Рабочий и колхозница». Желательно в натуральную величину. Ну или хотя бы в человеческий рост, но тогда уже на высоком постаменте.

– Главное, чтобы серп и молот были настоящие. Орудия труда муляжом быть не должны, это издевательство над простым рабочим народом и потакание подрывной политике империалистов! – выдвинул он ультиматум директору художественной школы Патрику Мовсесовичу.

Возмущению худющего и костлявого Патрика Мовсесовича не было предела:

– Вы понимаете, что требуете невозможного? Во-первых, где я возьму такое количество гипса, а во-вторых – нет у нас ни одного мало–мальски соображающего скульптора!

– Гипс не проблема. В больнице попросим.

– Как это в больнице?

– Переломы они чем фиксируют? Гипсом? Гипсом! Вот и попросим у них мешок-другой.

– Вы что, хотите, чтобы я из медицинского гипса вылепил вам рабочего и крестьянку? – нехорошо прищурился Патрик Мовсесович.

– А что? Нужен какой-то специальный гипс?

– Да черт с ним, с гипсом! – окончательно вышел из себя директор художественной школы. – Скульптора откуда возьмете? Тоже в больнице попросите?

– А ты на что? – не преминул съязвить товарищ Минасян.

– Я художник-абстракционист! – отбрил его Патрик Мовсесович.

– Гхмтху, – подавился нахлынувшими эмоциями третий секретарь райкома. – То есть лепить ты совсем не умеешь, да?

– Да! В смысле нет! Тьфу ты! – окончательно запутался директор художественной школы. – В общем, не умею я лепить.

– Рисуешь абст... абст... как ты назвал?

– Абстракционизм. Я рисую абстрактные картины.

– Это какие?

– Аллегоричные. Метафизические. Отвлеченные.

Крапчатый череп товарища Минасяна возмущенно запылял огнем.

– Фантастические, – выкинул белый флаг Патрик Мовсесович.

– Это когда вместо головы жопа, что ли? – оживился третий секретарь райкома.

– Товарищ Минасян!

– А чего это товарищ Минасян? Можно подумать, это я рисую все шиворот-навыворот! Ладно, фиг с вами, делайте лозунги и транспаранты. Я что-нибудь другое придумаю!

Повезло на скульптуру театральной труппе Дома культуры. Под бдительным оком третьего секретаря режиссер Каспарьян полдня выбирал актеров на роль Рабочего и Колхозницы. Кастинг закончился ближе к ночи. Товарищ Минасян еще какое-то время бесновался в костюмерной, отбирая для актеров подходящие наряды. Пока Рабочий и Колхозница переодевались за ширмой, он скрашивал свое ожидание, как мог. Восторженно цокая языком, щупал гладиаторский костюм Спартака. Нырнул в мантию короля Ричарда, запутался в складках, еле выбрался. Зачем-то перенюхал отчаянно линяющие боа. Исчихался до икоты.

Далее ходил с важным видом вокруг будущей скульптуры, вносил рацпредложения.

– Колхознице сделайте широкую корму, – велел он режиссеру.

– Зачем корму?

– Где это вы видели колхозницу без кормы?

– У Мухиной, – огрызнулся Каспарьян.

– Вот и усовершенствуйте статую Мухиной. И обработайте белой краской!

– Кого обработать краской? Зачем? – испугался режиссер.

– Рабочего и Колхозницу. Чтобы походили на гипсовую статую.

– То есть как это на гипсовую статую? И как вы себе это представляете? Гипсовые статуи будут маршировать во главе колонны?

– Зачем маршировать? – развел руками товарищ Минасян. – Где это видано, чтобы статуи ходили?

«Кто-то из нас определенно сумасшедший. И это явно не я», – решил режиссер Каспарьян. Вслух говорить ничего не стал, побоялся разгневать сановного организатора мероприятия.

– Так как насчет белой краски? – выпятил губу товарищ Минасян.

– Легко загримируем под гипсовые статуи, – кивнул Каспарьян.

– Вот и славно. Насчет двигающейся платформы у меня есть некоторые соображения.

– Двигающейся... чего? – поперхнулся Каспарьян.

– Платформы, – снисходительно повторил товарищ Минасян. – И надо поговорить с директором музыкальной школы. Который час? Ладно, уже поздно, оставлю на завтра.

Директор музыкальной школы была крепко озадачена ночным звонком режиссера Каспарьяна.

– Мария Робертовна, вы это! – инструктировал шепотом Каспарьян. – Он вроде буйный, но не опасный. Просто шибко активный и немного, хм, инфантильный. Главное – не сопротивляйтесь и со всем соглашайтесь. А то дурак у власти – дважды дурак.

Мария Робертовна аккуратно положила трубку. Несколько минут медитировала в портрет Ференца Листа. Так и не добившись нирваны, хлопнула стопочку тутовки и со словами «утро вечера мудренее» завалилась спать.

Мудрое утро нарисовалось на пороге ее кабинета в образе неугомонного товарища Минасяна. Мария Робертовна, напудренная до состояния «шпаклевка под покраску» и окутанная всепобеждающими парами «Красной Москвы», подалась навстречу незваному гостю.

– Значит, так, – повел носом и несколько раз чихнул третий секретарь райкома, – мы чего хотим?

– Чего? – превратилась в слух Мария Робертовна.

– Хотим, чтобы оркестр музыкальной школы маршировал перед колоннами трудящихся и исполнял гимн Советского Союза.

– Это исключено.

– Почему исключено? – запнулся на полном ходу товарищ Минасян.

– Гимн Советского Союза может хор исполнить. Оркестр гимн играть не станет, потому что не умеет.

– Пусть научится!

– Как вы себе это представляете? У нас всего две недели до мероприятия.

– А почему они не умеют исполнять гимн нашей страны?

– Видите ли, товарищ Минасян. Мы скорее по классике специализируемся. – И Мария Робертовна с нескрываемой гордостью указала на портреты композиторов, которыми была увешана стена напротив. Товарищ Минасян, близоруко шурясь, принялся читать фамилии:

– Мо-царт, Бет-хо-вен, Бах, Сме-та-на. В каком смысле Сметана?

– Сметана. Чешский композитор и пианист.

– Ну и фамилия! Или это имя?

– Это фамилия! А зовут его Бедржих.

– Вах, мама-джан! И чего оркестр может сыграть из этого, как его, Бежиха?

– Бедржиха. Ничего.

Третий секретарь райкома открыл рот, потом закрыл. Снова открыл и снова закрыл. Задергался веком. Мария Робертовна примирительно замахала руками:

– На ходу они ничего играть не смогут. Стоя – пожалуйста. Но на ходу не умеют. Сбиваться будут. Это же дети, а не взрослые, опытные музыканты!

– А кто сможет на ходу?

– Похоронный оркестр, – съязвила Мария Робертовна.

Товарищ Минасян побарабанил пальцами по столу. Мария Робертовна поморщилась – судя по нестройной дробе, которую выдавал третий секретарь, музыкальным слухом он был, мягко говоря, не обласкан.

– Значит, так, – вынес вердикт товарищ Минасян, – на демонстрацию возьмем хор. Пусть исполняют какие-нибудь народные песни братских республик. Что вы умеете?

– «Дубинушку» умеем. «Сулико» умеем, а еще умеем литовскую народную песню «Пастушок», правда – на русском, литовских слов не

допросились.

– У кого не допросились?

– У Еревана.

– Вы бы еще у Ташкента литовские слова попросили.

– Хм. А еще умеем «Конармейскую» Суркова и Покрасса.

– Какого окраса?

– Не окраса, а Покрасса. Фамилия такая.

– Ясно. В общем, пойте всё подряд, главное – чтобы во главе колонны, на ходу.

– На ходу? – похолодела Мария Робертовна.

– На ходу, – сверкнул очами товарищ Минасян и, не попрощавшись, выскочил из кабинета.

– Серго Михайлович! Серго Михайлович! – заверещала директор на всю музыкальную школу. – У нас проблема!

О своей шутке про похоронный оркестр расстроенная Мария Робертовна напрочь забыла.

А зря.

* * *

Первомай – замечательный праздник. Во-первых, потому, что выходной. Во-вторых, на Первомай, как и на Пасху, всегда стоит хорошая погода. Мама говорит, что за последние двадцать лет в эти дни ни разу не случилось ненастья.

В этот праздничный день вся семья собирается у телевизора и смотрит демонстрацию. Первомайская демонстрация сильно отличается от парада на День Победы. Ни тебе войск, ни ракет, ни вооруженных до зубов полковников. По Красной площади маршируют колонны людей, рабочих там, или тружеников разных краснознаменных предприятий, на Мавзолее стоят руководители нашей страны.

К руководителям страны у наших взрослых отношение настороженное. Например, Брежнева Ба упорно называет четырехзвездочным бро- вястым дегенератом, чем сильно расстраивает Маньку. Манька искренне считает, что Брежнев – самый замечательный правитель самой прекрасной в мире страны СССР. Ба,

чтобы не огорчать внучку, старается ругать Брежнева шепотом. Но шепот Ба не услышать невозможно. Это как если не услышать гул взлетающего с космодрома Байконур космического корабля. Ради справедливости нужно отметить, что она ругает не только Брежнева. Костерит она всех подряд – и Андропова, и Суслова, и Громыко, и Косыгина.

Мы вполуха слушаем ее недовольное бухтение и любимся демонстрацией. А любоваться есть чем: на трибуне, по правую руку от Брежнева, стоят генералы – в мундирах, с орденами, в перчатках! По площади ходят толпы нарядно одетых людей, диктор периодически объявляет: «Да здравствует миролюбивая ленинская внешняя политика, ура!», «Вперед к победе коммунизма» и «Слава труду», – и все кричат в ответ «Ура» и машут шариками, цветами или портретами вождей пролетариата и мировой революции.

Сейчас-то мы понимаем, что «вожди пролетариата» – это иносказательное выражение. А когда услышали про вождей впервые, прибежали к моему деду с просьбой показать нам их портреты. Дед долго рылся в своей библиотеке, наконец выудил толстенную книгу и развернул ее на нужной странице. Мы были сильно разочарованы. Как можно называть вождем человека в костюме и галстук? Если даже этот человек – Ленин? Или вообще Маркс? Вождь – это копье, боевой раскрас и перья кругом торчат. Куда ни глянь – везде перья. И стрелы с ядом гремучей змеи. А дядечка в костюме – это не вождь. Хоть тресни!

Ладно, вернемся к демонстрации. Так вот. В телевизоре люди маршируют. Речи в микрофон говорят. Иностранные делегации присутствуют. В прошлом году показывали двух негров из Зимбабве. Они очень убежденно говорили про борьбу с империализмом и за мир и победу демократии во всем мире. А еще показывали активиста рабочего движения из Никарагуа. Вот кто был похож на вождя! И лицом, и волосами. Только перьев и стрел не хватало. Мы с Манькой предположили, что он постеснялся выйти на главную площадь нашей страны в перьях. Побоялся, что не так его поймут. А Каринка сказала, что, скорее всего, его перья свистнул какой-нибудь расторопный мальчик. И теперь щеголяет по Москве, весь из себя торжественный, настоящий вождь революции.

Взрослые быстро теряют интерес к телевизионной трансляции и отвлекаются на какие-то свои разговоры. Зато мы наблюдаем за ней во

все глаза. И много чего интересного примечаем. Например – как диктор перечисляет профессии. Рабочие и колхозники, труженики горнодобывающей и металлургической промышленности, слесари депо Москва-Сорти– ровочная и прочие сварщики. И только в самом конце – работники умственного труда. Словно умственный труд – самое непочетное занятие для человека. Когда Манька училась в первом классе, она как-то прискакала домой заинтригованная и ошарашила с порога бабушку вопросом: «Ба, а кем работает папа: колхозником или рабочим?» Узнав, что папа работает всего-навсего главным инженером на секретном оборонном заводе, Манька ударилась в слезы. Тотчас потребовала, чтобы дядя Миша переучился на слесаря и пошел пахать поля трактором. На расспросы с горечью призналась, что Анна Гургеновна целый урок объясняла, что самые почетные профессии в стране – это колхозник и рабочий.

– Чего же тогда она на учительницу выучилась? – спросила Ба.

– Наверное, плохо училась, и ее в колхозники не приняли? – предположила Манька.

Ба дождалась родительского собрания и устроила Анне Гургеновне такую головомойку, что вся округа гремела. На следующий после головомойки день, попеременно моргая от расстройства то одним, то противоположным глазом, Анна Гургеновна прочитала классу лекцию о том, что плохих профессий в природе не существует. Но некоторая недопонятность между Манькой и государственной системой образования все равно осталась. Поэтому, когда мы с ней подружились, она первым делом приперла к стенке нашу маму. Потому что та тоже учительница. Но мама тогда уже была закаленная Каринкиными проделками мама. Поэтому Манькиного натиска не испугалась и доходчиво объяснила, что любые профессии почетны, и уважать надо всех. Всех так всех. Мы согласны были уважать кого угодно – и сталеваров, хотя ни одного сталевара в глаза не видели, и ткачих. А уж перед такой профессией, как «депо Москва-Сортировочная», мы готовы были круглые сутки трепетать. Потому что впервые о ней по телевизору услышали. И тут же решили, что это что-то вроде консервного завода, где сортируют московские фрукты. Эти – в джем, а эти – в варенье. Поэтому и называется «депо Москва-Сортировочная»!

Теперь все было разложено по полочкам, и единственным невыясненным вопросом остался странный порядок, в котором диктор перечислял профессии.

– А почему он первым делом объявляет колхозников и трудящихся? – спросили мы у мамы.

Мама смешалась, но быстро нашлась:

– Просто так принято. Начинают с деревни и заканчивают городскими профессиями. Ведь деревня город кормит!

Такое объяснение вполне удовлетворило нас. Мы выросли в городке, окруженном со всех сторон пшеничными полями и виноградниками. Не будь тяжелого труда колхозников, как бы мы покупали в магазинах хлеб и другие продукты?

Чем ближе праздник, тем сильнее лихорадило район. Люди со страшной силой гадали, где все-таки пройдет демонстрация. Дело в том, что площадью, по которой можно торжественно маршировать туда-сюда колоннами трудящихся, наш город не располагал. Имелся закут между зданиями горкома и райкома, но размерами он еле дотягивал до небольшого ласточкина гнезда и весь был в облупленном асфальте и сокрушительных выбоинах. Да и маршировать по закуту было невозможно, потому что одним боком он упирался в здание милиции, а другим – в кинотеатр. Разумнее было бы просто собрать людей перед зданием райкома, велеть им кричать «ура» и размахивать транспарантами. А первый секретарь Арменак Николаич рассказал бы народу про пользу Первоямай и про то, что дело Ленина будет жить в веках. Все бы радостно с ним согласилось и разошлось по домам – жарить по случаю праздника шашлыки.

Но организатор демонстрации и по совместительству третий секретарь райкома товарищ Минасян разумом не располагал. Товарищ

Минасян в прошлой жизни был фараоном, не иначе, поэтому мыслил только в превосходной степени и грандиозными категориями. Засим первомайскую демонстрацию организовал такую, что жители нашего городка потом долгое время стеснялись выезжать за пределы района – соседи, завидев нас, тут же начинали крутить пальцем у виска и с хохотом расспрашивать, кому это пришло в голову пригласить на светлый праздник весны и труда похоронный оркестр. Кому-кому. Сами знаете кому.

Утро Первомая застало тщательно накрахмаленных и отутюженных жителей нашего района на автовокзале. Почему на автовокзале, потому что товарищ Минасян учредил следующий порядок проведения мероприятия: сначала колонны тружеников, стартуя от автовокзала, бодро маршируют от одного конца улицы Ленина к другому. Добираются до восьмилетней школы и оттуда какое-то время шумят лозунгами в сторону границы. Чтобы Товузский район Азербайджана: а) оценил весь размах демонстрации армянских соседей и б) сделал о себе крайне неутешительные выводы. А то воду из нашего водохранилища забирают тоннами, а спасибо не дожدهшься, как бы ни намекал! Далее, одержав таким образом неоспоримую идеологическую победу над соседями и не прекращая скандировать лозунги, колонны разворачиваются и направляются на городскую площадь, где на импровизированной трибуне их ожидают руководители нашего района (ожидание руководителей скрашивает ансамбль песни и пляски консервного завода). Трудящиеся в установленном порядке заполняют площадь, и тут торжество достигает апогея – Арменак Николаич, утирая скупую мужскую слезу, приветствует народ кивками и громкими речами, а народ, не сдерживая ликования, выкрикивает в ответ: «Ленин, партия, коммунизм!» Задник трибуны оформлен цветами и воздушными шарами, а также портретами министров и других членов ЦК КПСС. Развеваются флаги братских республик, звучит торжественная музыка, хор исполняет гимн. И пусть Ереван и Москва потом захлебнутся от зависти. Ибо лучшая демонстрация по всему Союзу случилась не на их площадях, а в маленьком высокогорном городке Берд!

К приезду товарища Минасяна людей построили в колонны. Колхозники несли перед собой вилы и тяпки, рабочие релейного завода теребили гайки и другие шарнирные механизмы. В авангарде

колонн, отплевываясь запчастями, воинственно тархтел грузовик «ГАЗ-51». Причем стоял он к движению задом, а к людям передом. Попытки развернуть его в правильном направлении не возымели действия – шофер грузовика мотал головой и объяснял, что велено встать мордой в толпу. «ГАЗ-51» по бокам был густо декорирован портретами Брежнева, Гришина, Суслова, Косыгина, Андропова и Демирчяна. В кузове, на небольшом возвышении, заботливо укрытом ковром в армянский национальный узор, топтались тщательно замалеванные в кипенно-белый цвет Рабочий и Колхозница. Рабочий нервно дергал кадыком, Колхозница топорщилась глазами и накладными пышными бедрами. Из-под целомудренно застегнутого на все пуговицы ворота проступала тонкая полоска смуглой кожи.

Сразу за грузовиком выстроились в торжественный ряд наши хористы. Вокруг, развеваясь кружевным праздничным жабо, метался взволнованный хормейстер Серго Михайлович.

Но внимание тружеников полей и прочей братии было приковано не к статуе «Рабочий и колхозница» и даже не к хаотично бегающему окрест хормейстеру. Внимание участников демонстрации и зевак привлек к себе оркестр похоронной конторы. Затянутый в темные костюмы и узкие лаковые штиблеты, оркестр топтался сразу за хором и явно скучал, угрюмо перебирая тарелками, зурной и доолом [28].

– А вас зачем позвали? – крикнул пробегающий мимо Серго Михайлович.

– Играть будем!

– Что будете играть?

– Да фиг его знает. Сбцаем обычный репертуар в мажоре, – откликнулась зурна.

– Совсем с ума сошли, – притормозил Серго Михайлович. – Чайковского будете в мажоре играть? Или, может быть, Верди?

– Ну зачем сразу классика? Народное возьмем, наше, родное.

– Это что, например?

– «Песню взрослого мужчины».

Серго Михайлович пожевал губами, а потом махнул рукой и побежал дальше. «Пятьдесят лет постучались в мою дверь, седые волосы посеребрили мои виски» в мажоре – вполне себе ничего. Главное, чтобы не «Литургия» Комитаса!

В девять ноль-ноль к автовокзалу подъехал оранжевый «москвич» третьего секретаря райкома. Передний и задний бампер машины были оформлены в гвоздики и флажки, усатый водитель дядя Акоп в огромной кепке-аэродроме и широком желтом галстуке, туго повязанном над кадыком, отливал в тон флажкам и гвоздикам помидорной пунцовостью. Затормозив в левый фланг демонстрантов, он какое-то время шарил невидящими глазами по разодетым до неузнаваемости в элегантное землякам. Потом все-таки стряхнул оцепенение, вылез из машины и открыл правую дверцу. Из салона, искрясь блескучей лысиной, вывалился товарищ Минасян. Темно-синий, застегнутый на все возможные пуговицы костюм ерошился лацканами и стрелками вусмерть отутюженных брюк, красный галстук удачно оттенял рыжие веснушки и праздничную взъерошенность взволнованного щекастого лица.

– Товарищи, – проорал в рупор третий секретарь райкома, – я сейчас поднимусь в кузов грузовика и руководить демонстрацией буду оттуда!

Далее он какое-то время прыгал вокруг машины, пытаясь забраться в кузов, пока водитель дядя Акоп не догадался мощным пинком подбросить его наверх.

– Товарищи! – через секунду раздалось откуда-то из-за кабины. Передняя спинка кузова возвышалась над кабиной на целых полметра, и, чтобы видеть демонстрацию «в лицо», маленькому третьему секретарю пришлось высунуться сильно вбок. – Товарищи! Разворачиваем транспаранты!

Колонны по команде развернули транспаранты. Третий секретарь крикнул в рупор и чуть не вывалился за борт – надписи и портреты были оформлены в смелый ядовито-зеленый, канареечно-желтый и прочий неожиданный колер. Особенно радовали глаз охровая лысина Ленина и болотно-зеленые усы Сталина.

– Патрик Мовсесович! – взревел товарищ Минасян.

– Я здесь! – откликнулся из-под небесно-голубого Брежнева директор художественной школы.

– Что это за ххх... цвета?

– Какие на складе выдали краски, такие и цвета! – обиделся Патрик Мовсесович.

– А смешать их в такой пропорции, чтобы получить нормальные, вы не могли?

– Это какие такие нормальные?

– Красный. Синий. Белый.

– Чтобы получить красный-синий-белый, надо выдавать красный-синий-белый. А если смешать то, что нам выдали, получится цвет натуральных, хм, кашек!

Третий секретарь райкома несколько секунд придумывал язвительный ответ. Потом махнул рукой – не ругаться же на весь город в столь светлый и прекрасный праздник!

– Ладно, черт с вами. Товарищи! Медленным шагом идем за грузовиком. Гево! – заколотил рупором по крыше кабины Минасян.

Грузовик от неожиданности зашерудел дворниками.

– Да! – высунулся из кабины несколько контуженный Гево.

– Едешь тихо, задним ходом. Чтобы все видели на двигающемся постаменте статую Мухиной.

– На каком двигающемся постаменте? – удивился Гево.

– На твоём двигающемся задом постаменте на колесах!

– А-а-а-а-а!

– Бэ! Так! Где у нас хор?

– Мы тут! – сбавил свой взволнованный кросс Серго Михайлович.

– По моей отмашке поем песни.

– По какой отмашке?

– Вот так махну рупором. Слева направо, ясно?

– Ясно!

– Статуя!

– Да!

– Подняли орудия труда, встали рядом. Вот так. По ходу движения Рабочий поддерживает Колхозницу. Парень, отцепись от ее бока! Поддерживать надо незаметно. Колхозница, подправь бок. Ну подними с этой стороны немного, а то он тебе зад порушил. Машина поедет очень медленно, так что не волнуйтесь, не свалитесь. Главное – смотрите вперед и не моргайте. Ясно?

– Ясно.

– Оркестр!

– Мы!

– По моей отмашке справа налево, справа налево говорю!

– Поняли!

– По моей отмашке справа налево исполняем... А что вы исполнять будете?

– «Песню взрослого мужчины».

– Совсем рехнулись? Исполняйте классику.

– Сыграем Шопена в мажоре.

– Сыграйте Шопена. Теперь внимание. Между вашими выступлениями я буду выкрикивать в рупор лозунги. Говорю «ура», вы повторяете «ура». Понятно, товарищи?

– Понятно! – заголосила толпа.

– Вперед! – заорал товарищ Минасян, вцепился одной рукой в борт грузовика, а рупором махнул в сторону восьмилетней школы.

– Кха-а-а-а-а-арrrrrrr! – дернулся с места грузовик. – Кха-кха-кха– АаАаАрrrrrrr!

– Да здравствует Первомай! Ура! – провопил в рупор товарищ Минасян.

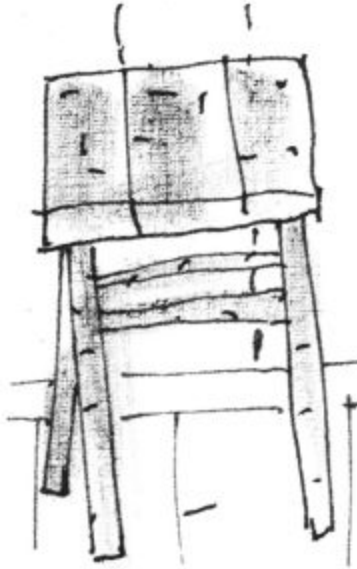
– Ура-а-а-а! – многоголосо отозвалась толпа и рьяно замахала транспарантами. В соседних дворах поднялась несусветная шумиха – закукарекали петухи, заверещали индюки, всполошенно залаяли дворовые собаки.

Демонстрация двинулась в путь. Грузовик кряхтел и переваливался с боку на бок, попадая колесом то в одну, то в другую выбоину. Гево, вытянув в напряжении шею, выглядывал в круглом зеркале бокового видения дорогу. С честью взял небольшой поворот и победно выкатился на главную улицу нашего городка.

– Да здравствует Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, ура! – прокаркал рупор.

– Ура-а-а-а-а!!!

Товарищ Минасян вытянулся через борт грузовика и помахал рукой справа налево.

Оркестр грянул туш, а потом симпровизировал в мажоре «Похоронный марш» Шопена. Зурна выделяла национальные пируэты, тарелки ударились в тамтамный бой. Импровизация сопровождалась воинственным кряхтением грузовика.

– Стоп! – вдруг заорал рупор.

Грузовик резко затормозил, Рабочий и Колхозница съехали с ковра и чуть не вывалились за задний борт.

– Геворг! – заорал товарищ Минасян. – Ты чего творишь?

– Так вы же сами сказали «стоп»! – обиженно высунулся из кабины Гевго.

– Это я оркестру сказал! Если я захочу остановить тебя, то просто поколочу по крыше кабины.

– Ладно!

– Поехали!

Грузовик дернулся и медленным задним ходом поехал дальше по улице Ленина. «Статуя» кое-как взобралась на возвышение, скрестила серп и молот. Косынка Колхозницы съехала на ухо, Рабочий неравномерно потел под густым гримом.

– Да здравствует советский народ – самый гуманный народ в мире. Ура! – выдал взволнованным фальцетом рупор.

– Ура-а-а-а-а-а!

Взмах слева направо, хор грянул «Дубинушку».

Возле Дома культуры путь торжественной процессии перегородил нехилый поток воды – ночью прорвало трубу, а починить было некому, потому что выходной и вообще день трудящихся. Если грузовик взял препятствие с честью, то демонстранты перебираться на ту сторону вплавь были не готовы. Поэтому ринулись к тротуарам, на ходу сворачивая транспаранты. Некоторые транспаранты пали жертвами толчеи – ими задевали ветви густорастущих по краям улицы кленов и прочий сельскохозяйственный инвентарь, которым щерились ряды почетных тружеников колхоза «Победитель».

Товарищ Минасян ругался в рупор и призывал вести себя достойно. Трудящиеся, вспоминая недобрым словом маму товарища Минасяна, штурмом брали тротуары.

В районе девятиэтажки грузовик немилосердно затрясло – на этом отрезке пути велись бесконечные дорожные работы. Колоннам демонстрантов было не видно, что творится на «двигающейся платформе», но, судя по округлившимся глазам наблюдающих демонстрацию из окон девятиэтажки хозяек, там происходило что-то несусветное.

В паузах между лязганьем тарелок похоронного оркестра до людей долетали душевынимающие крики: «Ты, главное, ногой сюда упрись... А руку отведи назад. Осторожно, чуть серпом мне глаз не выколола. Парень, ты опять ей зад порушил, неужели больше не за что тебе держаться?»

– Да здравствует миролюбивая политика Варшавского договора! – на миг вынырнули из-за высокого борта вскосмаченные брови товарища Минасяна.

– Ура-а-а-а! – нестройно отозвались заинтригованные происходящим в грузовике демонстранты.

– Гево, – заколотил рупором в крышу кабины третий секретарь.

Гево от неожиданности резко затормозил. В кузове кто-то громко упал и даже покатился в сторону.

– Слушай, ты ей совсем зад оторвал! – заверещал в рупор товарищ Минасян. Девятиэтажка с ужасом наблюдала, как сконфуженная Колхозница жестом фокусника вытаскивает из-под юбки накладные бедра, а Рабочий, гремя молотком и костями, перекачивается из одного угла кузова в другой.

– Собакин щенок! – взревел в рупор третий секретарь. – Ты тормозить по-человечески умеешь?

– Я стараюсь! Это тяжелый грузовик, а не игрушка. Тормозит как умеет! – обиделся Гево. – А зачем вы меня остановили?

– Забыл уже. Ты своей ездой весь мозг мне растряс. Смотри у меня, скоро светофор, чтобы тормозил как по маслу!

– Так светофор не работает!

– Сегодня работает!

Единственный светофор Берда находился на перекрестке улицы Ленина с дорогой, ведущей к больнице. В обычные дни он не работал, а в праздничные мигал исключительно желтым, призывая редких автовладельцев хотя бы иногда вспоминать о правилах дорожного движения. Горожане по первости пугались светофора, а потом привыкли. Пеклись, как о родном. Однажды, в порыве трудового угара, даже покрасили основание столба специальной белой смесью, которую по весне наносят на стволы деревьев – от вредителей.

По требованию товарища Минасяна светофор на Первомай включили, и он мигал поочередно своими огоньками, напуская на очевидцев священный страх и трепет. Под светофором хохлился

милицейский «Запорожец». Рядом, беспощадно стиснутый околышем милицейской фуражки и воротом сорочки, переминался с ноги на ногу потный от взваленной на него ответственности постовой. По идее товарища Минасяна, постовой должен был салютовать колоннам трудящихся полосатой палочкой, а колонны – маршировать мимо и в праздничном рвении кричать «ура!» и «слава КПСС».

В планы третьего секретаря вмешался светофор. Когда дыбющийся статуей «постамент», двигаясь задом наперед, дополз до нужного перекрестка, светофор мигнул желтым и переключился на зеленый. Водитель Геворг, поймав в зеркале заднего вида разрешающий сигнал, ударил по газам, чтобы скорее проскочить на зеленый свет и не расстраивать свой хрупкий внутренний мир горного орла запрещающим красным сигналом. Статуя на этот раз для разнообразия свалилась не вперед, а назад, аккуратно на товарища Минасяна, контузив его молотком. Следом за припустившимся грузовиком рванул хор, за хором – похоронный оркестр, далее, развеваясь транспарантами, резвым галопом проскакали демонстранты. Постовой так и замер с полосатым жезлом в руке, не в силах постичь, за каким чертом демонстрация молча просвистела мимо.

Товарищ Минасян пришел в себя аккуратно в районе восьмилетней школы. Ругаться было некогда. Приложив к шишке на лбу молоток, он принялся выкрикивать бодрые лозунги в сторону азербайджанской границы. Рупор от падения несколько повредился, поэтому выдавал непонятное шипение. «Ура-а-а-а-а!» – наугад кричали демонстранты. Товуз– ский район Азербайджана на такое светопреставление ответил гробовым молчанием. Видимо, рыдал по углам, сделав прискорбные выводы о себе.

Товарищ Минасян лоснился от счастья лысиной – первая часть мероприятия, хоть и не без приключений, но вполне удалась! Он повел рукой слева направо, Серго Михайлович махнул палочкой, хор набрал побольше воздуха в легкие, чтобы грянуть литовскую народную песню «Пастушок». Но вдруг из подворотни вынырнул взмыленный гонец и крикнул третьему секретарю, что руководители нашего района требуют незамедлительно пригнать людей на площадь, иначе они за себя не отвечают, сколько можно ждать!

Тут началось новое светопреставление, потому что как доехать до восьмилетки товарищ Минасян придумал, а как развернуть

демонстрацию вспять – нет. Кое-как справились и с этой задачей.

– Гево! – заколотился в кабину товарищ Минасян. – Двигаемся в темпе!

– На моем глазу [29], – встрепенулся Гево.

Постовой как раз успел прийти в себя от недавнего потрясения – сдвинул на макушку фуражку, расслабил удавку ворота на толстой шее. Хотел протереть лоб платком, да так и замер – мимо, сверкая пятками, на бешеной скорости задом наперед проехал грузовик. Статуя в разобранном виде жалась по углам кузова, на заднем фоне, выкрикивая в рупор нечленораздельное, маячил товарищ Минасян. За грузовиком бежали славные труженики нашего района вперемешку с хором и похоронным оркестром.

Первомайская демонстрация ворвалась на площадь ровно в тот миг, когда ансамбль песни и пляски консервного завода по третьему кругу запустил свой репертуар: кочари [30], казачок, лезгинка, индийский народный танец с песнопениями и даже чалмой. По непроницаемому выражению лиц руководителей нашего района очень трудно было догадаться, какое впечатление произвели на них расхристанные колонны трудящихся. Арменак Николаич и бровью не повел. Он приветствовал сограждан десятиминутной речью. Потом ансамбль песни и пляски консервного завода снова исполнил танец кочари, наш хор наконец дорвался до литовской народной песни «Пастушок», а похоронный оркестр махнул зурной на классику и грянул «Песню взрослого мужчины».

К двенадцати часам, одаренные грамотами и прочими напутственными словами, колонны тружеников разбрелись по домам.

Нам с Манькой и Каринкой демонстрация чрезвычайно понравилась. А особенно понравилось, что участникам разрешили разобрать по домам воздушные шары и цветы. Не будь с нами расторопной Каринки, наш улов был бы мизерным. А так мы вернулись домой победительницами, у каждой по четыре разноцветных шара, по букету переломанных гвоздик и один помятый, но вполне себе приличный транспарант на троих. С надписью «Миру мир» по центру и двумя голубями по бокам.

Транспарант Каринка сразу же сломала о Рубика из сорок восьмой квартиры. Зато гвоздики мы торжественно вручили маме и Ба. Папа с дядей Мишей от воздушных шаров наотрез отказались, поэтому все

двенадцать шаров достались Сонечке. Гаянэ решила ограничиться щепками от транспаранта.

Вот такая у нас получилась Первомайская демонстрация. В дальнейшем на крупные мероприятия районное руководство не решалось – собирало людей на площади и читало получасовые речи. Скучно и без музыки. Зато с минимальным ущербом для нервных клеток.

А Товузский район Азербайджана, видимо, все-таки сделал из случившегося выводы. Поэтому ответил нашему району демонстрацией в День Победы. Очевидцы рассказывали, что товузцы подогнали к границе всю сельскохозяйственную технику и даже один строительный кран. На крыше единственного приграничного пятиэтажного дома устроили представление «Водружение Знамени Победы над Рейхстагом Егоровым и Кантарией». Чуть не потеряли одного бойца, кажется, «Канта–рию». Тот поскользнулся на шифере, какое-то время катился вниз по крыше и затормозил головой в антенну. Не случись на его пути антенны, затормозил бы в толпу демонстрантов. С пятиэтажной высоты. А так все обошлось, и на том спасибо.

Впрочем – ничего удивительного. Как свидетельствует мировая история, несуразный пример особенно заразителен. Правда, это не мои слова, а мамыны. Я просто за ней повторяю.

Глава 8. Манюня мастерит кормушку

На нашем балконе, прямо под потолком, свили гнездо ласточки. Поэтому спать теперь решительно невозможно – с шести утра и до ночи за окном стоит невообразимый гвалт. Все свободное время мы проводим под этим гнездом – глазеем, как снуют туда-сюда родители-ласточки. Чтобы прокормить птенцов, им нужно добыть очень много букашек и червячков. Пока ласточки мечутся в поисках пропитания,

мы ходим и ходим под гнездом. Следим. Особенно пристально следит Каринка. От ее пристального взгляда маме делается нехорошо.

– Опять сделала протокольное лицо, – сокрушается мама и затаскивает Каринку обратно домой. Каринка не отбивается, спокойно дает втащить себя в квартиру, а потом ходит по комнате из угла в угол. Думает.

В такие минуты крепко нехорошо становится уже всем. Одно дело, когда Каринка просто вылезает на балкон и мечтательно следит за ласточками, и совсем другое, когда она мечется по дому и думает. Каринка обладает удивительной способностью – просто так думать она не умеет. Если уж она берется думать, то до чего-нибудь обязательно додумывается. И тогда наступает «кель мялѣгх»^[31], что в переводе с французского означает «какая беда».

– Кель мялѣгх! – восклицает в сердцах мама после какой-нибудь особенно бесчеловечной Каринкиной выходки.

«Кель мялѣгх» в мамином исполнении – это как «господибожеты-мой» в устах Ба. Негласная инструкция по нашему выживанию настоятельно рекомендует в случае употребления мамой этого выражения кидаться врассыпную и коротать время по подворотням до следующего полнолуния. Или даже солнцестояния, в зависимости от того, что мы выкинули на этот раз. Бессменным рекордсменом по «выкидыванию» чего-нибудь разэтакого всегда остается Каринка. Поэтому за ней особенный глаз нужен. Если бы мама была Громозеккой – большой и многорукой, может, она бы и сумела как-то совладать со своей дочкой. Но мама у нас обычный человек – две руки, две ноги и всего два глаза. А с таким набором слежения за Каринкой не углядеть и в случае экстренного реагирования не обезвредить. Поэтому маме ничего не остается, как находиться в постоянной боеготовности. Особенно когда мы дома. Особенно когда прибежала развевающаяся боевым чубчиком Манька. И особенно когда на балконе свили гнездо ласточки!

Птенчиков предположительно четыре штуки. Это нам папа так сказал. На наши настойчивые просьбы посчитать птенчиков он притащил табуретку, взгромоздился на нее и попытался заглянуть в гнездо. Оно располагалось намного выше папиных глаз, поэтому ему пришлось встать на цыпочки. Видимо, в медицинском институте папу не только зубы вырывать учили, но и правильно группироваться в

случае падения. Поэтому, когда табуретка убежала из-под ног, он сгруппировался не в сторону двора, а в сторону распахнутого настежь окна. Преодолевав какое-то расстояние в неровном полете и счастливо успокоился головой в стопке медицинских книг. Улетев он в обратном направлении – костей бы не собрал. А так выбил плечом оконную раму, смахнул по пути хрустальную вазу и смял в макулатуру книги. Всего-то!

Но на грохот прибежала мама и устроила ему грандиозный скандал. Мама вообще умеет устраивать скандалы из ничего. Чуть что не так сделал – полочку в ванной, например, обрушил, или последнюю связку ключей в канализационном люке утопил, или в ливневый дождь под водопроводной трубой до мокрых трусов скакал – и нате вам, получите и распишитесь – скандал. Прямо не мама, а «подзатыльников начальник и скандалов командир»!

– Ты соображаешь что творишь? – накинулась она на папу. – У тебя четверо детей, а ты разные сальто-мортале крутишь?!

Папа, вопреки законам гор, ушами не задымился. Более того, повел себя неожиданно тихо – виновато сопел и ковырялся в стопке измятых книг. Мы сначала даже растерялись от такой папиной покладистости. А потом принялись с жаром объяснять маме, что это не его была идея – посчитать птенцов, а совсем наоборот. Но наше объяснение раззадорило маму еще больше.

– Какой пример ты детям подаешь? – перешла на ультразвук она. – А если завтра они решат повторить твой подвиг? Что делать будешь? Я тебя спрашиваю, Ян Амос Коменский ^[32]!

– Мам, ну мы же не совсем глупые, чтобы такое вытворять! – встряла Каринка. – Мы без страховки в гнездо не полезем.

– Без какой страховки?

– Ну, веревкой обвяжемся. Или еще чем.

Мама ахнула и свирепо уставилась на папу.

Папа попеременно потирал то лоб, то плечо. Молчал как партизан. Да и что тут скажешь, когда наворотил столько делов?

– Вроде взрослый, серьезный человек! Врач! А туда же! – вздохнула мама.

– Куда это туда же? – мигом откликнулись мы.

– Сами знаете куда! Стойте, где стоите, пока я осколки собираю. Не хватало только, чтобы вы порезались.

Какое-то время, затаив дыхание, мы наблюдали, как она подметает пол. Папа, поджав ноги, сидел боком в кресле и шелестел смятыми страницами. При этом делал такое лицо, будто ищет жизненно важную информацию. Будто весь этот красивый полет был не случайным стечением обстоятельств, а хитро продуманным ходом. Чтобы ввинтиться головой именно в ту часть книжной стопки, где эта жизненно важная информация коварным образом от него скрывалась.

Мама намела два совка хрустальных осколков, демонстративно ходила мимо, скорбно вздыхала.

– Ты эту вазу не очень и любила! – пробубнил папа.

– Ты бы лучше извинился, а не искал оправданий своему дурацкому поступку! – встала руки в боки мама.

– Женщина, можно подумать, я специально это сделал!

– Думаешь, это как-то оправдывает тебя?

– У-у-у, носовой волос [\[33\]](#).

– От носового волоса слышу!

– Тетьнадь, – Манька опасно ступила на паркетный пол, – можно уже тут ходить, да?

– Можно.

– Я чего думаю. Помните, мой папа тоже падал? Ну, когда дверцу кухонного шкафчика чинил. Оторвал шкафчик и всю посуду переколотил.

– Разве такое забудешь? – покачала головой мама.

– Да вообще не забудешь! Так вот. Думаю, Дядьюра заразился у него безалаберностью. И теперь они оба безалаберные.

– Спасибо, деточка, ты умеешь утешить, как никто другой, – отозвался папа.

– Пожалуйста! – зарделась Манька.

– Пойдем, лед ко лбу приложим, – вздохнула мама и повела мужа на кухню – обрабатывать боевые ссадины.

Пока она обмазывала ссадины йодом, папа демонстративно выделывался и строил страдальческие гримасы. Мы подглядывали за ним из-за двери и тихонечко хихикали. Так, чтобы не раздражать своим хихиканьем маму.

– Ну и сколько птенчиков ты насчитал? – язвительно поинтересовалась мама, когда папа пошел любоваться в зеркале сокрушительной лиловой шишкой над левой бровью.

- Предположительно четыре, – буркнул он.
- А предположительно – это как? – полюбопытствовала я.
- Приблизительно.

Вот так мы и узнали, что в ласточкином гнезде предположительно четыре птенца. Ценой одной выбитой оконной рамы, почившей в бозе хрустальной вазы, вмятины на паркете и большой шишки на папином лбу.

– Даже Трою меньшими потерями брали, – развел руками дядя Миша, когда заехал забирать Маньку домой.

– Чья бы корова мычала! – огрызнулся папа.

– Оба хороши! – сверкнула глазом мама. И было в ее взгляде такое, что мужчины мигом стушевались и спорить дальше, чья бы корова мычала, не стали. И так было ясно, что одной коровой тут не обойтись!

На следующий день папа стал героем утренней летучки. Коллеги долго пытали его – хотели узнать, как он умудрился заработать себе такое великолепие на лоб. Папа прикрывал шишку рукой и уводил разговор в сторону больничных проблем. Признаваться, что полез в ласточкино гнездо считать птенчиков, не стал. Поскромничал.

Если кто-то думает, что папино падение остудило наш жгучий интерес к ласточкиному гнезду, то он никогда не был ребенком. Дети вообще странные существа. Процесс познания они могут растянуть на

нескончаемое количество попыток довести до белого каления родителей. Словно ставят эксперименты над их терпением. Ждут, когда оно лопнет, и что за этим будет. Ба вообще говорит, что взрослым надо при жизни ставить памятники с надписью: «Прокормил, воспитал, вырастил и не рехнулся». Мол, каждый родитель – это герой Курской дуги. Выстоял и не сдался.

Вот такое неутешительное у нее о нас мнение.

Спустя два дня после папиного полета случилось неожиданное – Ка-ринка предложила смастерить для ласточек кормушку. Мы с Манькой поперхнулись. Впервые за всю историю своего существования моя сестра выдвинула не разрушительную, а созидательную идею. Мы даже уточнили у Каринки, что она подразумевает под кормушкой. Мало ли, может, в ее представлении кормушка – это пыточное сооружение, где с утра до ночи ошпаривают птиц, поджигают им хвосты и отстригают клювы.

– Ну, это такая штука, – повела в воздухе руками сестра, – в общем, куда можно крошить хлеба и зерен насыпать, и птички будут прилетать поесть. То есть улетать далеко родителям-ласточкам не надо будет, понимаете? Раз – подлетел, раз – забрал зернышко, раз – вернулся к птенцам. Получается... ммм... как оно называется, слово забыла... Экономия сил, во!

– А чего это ты такая добрая? – не вытерпела я.

Вместо ответа Каринка наградила меня оглушительным щелбаном. В голове привычно зазвенели тысячи колокольчиков, в глазах мелко зарыбило. Я взвыла больше от обиды, чем от боли, вцепилась в лицо сестры и попыталась выдрать какой-нибудь ощутимый кусок чего-нибудь важного. Но через секунду согнулась пополам – Каринка пребольно лягнула меня в голень. А потом еще завернула за спину руку.

– Сдаешься? – зашипела она мне в ухо.

– Вонючка! – пропыхтела я.

– Ах, так?

– Девочки, ну вы чего? – стряхнула оцепенение Манька. – Каринка, отпусти ее. Нарка, ты что, совсем с ума сошла?

Отцепляться никто не собирался. Я остервенело отбивалась и взвизгивала каждый раз, когда Каринка особенно сильно закручивала

мне руку, а она, навалившись на меня всем весом, шипела в ухо: «Ну что, сдаешься?»

Манька немножко попрыгала вокруг, потом полезла разнимать. Ну и получилась грандиозная свалка на полу, с криками, ором и убийственными обзывательствами: «ослица – сама ослица, лысая собака – а ты вообще овца, щас как дам тебе промеж глаз – только попробуй». Кончилось все тем, что прибежала мама, расковыряла кучу-малу на составные части и наградила каждую сокрушительным подзатыльником.

– А куда мы кормушку приладим? – подала голос Манька, когда мама, растащив нас по разным углам комнаты, ушла доваривать суп.

Есть у нас одна хорошая черта – после драки мы тут же делаем вид, что ее вообще не было. Во-первых, дуться скучно, а во-вторых, если после каждой драки дуться, то на дружбу совсем не останется времени.

– Можно вообще на пол поставить. Под гнездо, – потирая ногу, прокряхтела я.

– Или на тумбочку, – выдохнула Каринка.

– Не получится, – отрезала Манька, – ласточки не умеют смотреть вниз.

Мы с недоверием уставились на подругу. Не то чтобы совсем не поверили, скорее усомнились в ее словах. Маньку мы знали не первый день и понимали, что придумать любое объяснение она в два счета умеет. Притом так правдоподобно придумает, что сама себе люто поверит. Потом не докажешь, что это не так. Поэтому с Манькиными версиями надо держать ухо востро.

– Откуда ты знаешь, что ласточки не умеют смотреть вниз? – осторожно поинтересовалась я. Спрашивать нужно было так, чтобы Манька не заподозрила, что я ей не верю. Очень не хотелось ее обижать.

– Оттуда! – боевито шмыгнула носом моя подруга. – Ни разу не видела, чтобы ласточки ковырялись в корме, который Ба насыпает курам. Жаворонки ковыряются, вороны ковыряются, воробьи ковыряются. А вот ласточки – никогда. Какой мы отсюда делаем вывод? Что ласточки не умеют смотреть вниз. У них шея устроена как у китов. Не поворачивается.

Каринка хрюкнула. Час от часу не легче.

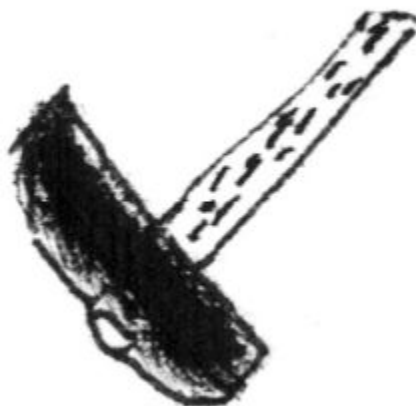
– А что, киты тоже не умеют вниз смотреть? – аккуратно продолжила свои расспросы я.

– Нарка, ну ты вообще ничего про животных не знаешь! Вот, если кит наклонит голову, что с ним случится?

– Что?

– Подумай ЛОГИЧЕСКИ! Каринка, не подсказывай.

По недоумевающему лицу сестры было видно, что она тоже не в курсе, что стряется с китом, если он наклонит голову. Но признаваться в своем незнании Каринка не стала и с любопытством уставилась на меня.

Я крепко задумалась. Представила себе кита. Большого, неповоротливого. Вот он плавает в воде. Фыркает фонтаном. Тоннами заглатывает мелкую рыбешку. Или вообще перегрызает пополам акул. Бороздит моря, таща за собой корабль барона Мюнхгаузена. Выбрасывается на берег и героически там умирает. Совершает всякие другие непостижимые поступки. И что? Это как-то объясняет причину, почему у него не поворачивается голова? Логические измышления завели меня в тупик. Пришлось сдаваться.

– Мань, я честно не знаю, почему киты не умеют глядеть вниз.

– Вот ты дурочка! – пожала плечом Манька. – Таких простых вещей не знаешь! Каринка, ответь ты.

Вместо ответа Каринка погрозила кулаком.

– Хорошо, – часто заморгала Манька. – Так и быть, объясню. Если кит посмотрит вниз, то он задохнется и умрет!

– Да ладно!

– А то! Воздух разом выйдет через жабры, и всё! Каюк-компания!

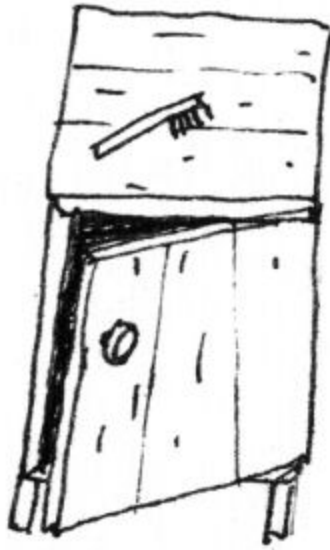
– Чивой?

– Грю – каюк-компания.

– А это что такое?

– Не знаю. В каком-то фильме слышала. Звучит страшно, да? Как смерть. Каюк-компания.

Мы помолчали, переваривая информацию про каюк-компанию и китов. Недавно по телевизору показывали передачу «В мире животных», где ведущий долго рассказывал, как киты выбрасываются на берег и умирают. «Ученые всего мира ломают головы над этим феноменом, но объяснить, почему киты добровольно уходят из жизни, пока не могут», – делая трагические паузы, растолковывал он. Так проникновенно рассказывал, что всех до слез довел. Очень нас впечатлил этот сюжет, мы потом полдня ходили как контуженые. Вообще передачу «В мире животных» мы очень любим. Первым делом из-за мультика, которым она начинается. Сначала звучит красивая мелодия, потом под эту мелодию открываются золотые ворота, взмывают к солнцу журавли или, может, аисты, мы с Манькой из-за них постоянно спорим. Она говорит, что это журавли, а я говорю – что аисты. В общем, взмывают к солнцу журавли с аистами, орел парит над стаей, ой, то есть стадом косуль, а они убегают от него изо всех сил, аж в сплошное белое полотно сливаются. А еще обезьяны, цепляясь за хвосты, прыгают с ветки на ветку. И особенно красиво танцуют страусы – грациозно, в замедленном темпе.

А потом Николай Дроздов начинает что-то рассказывать. Мы Дроздова очень любим, потому что он бесстрашный. И ядовитого паука на руку себе посадит, и питоном обмотается. Вообще ничего не боится.

– Может, поэтому киты и выбрасываются на берег? – неуверенно предположила я.

– Почему?

– Потому, что не умеют вниз смотреть.

Теперь настал черед девочек переглядываться.

– Подплывают к берегу, смотрят вниз, чтобы не зацепиться ногами за дно, задыхаются и выкидываются на берег, – поспешно продолжила я, поясняя свою мысль.

– Это где ты у китов ноги видела? – прищурилась Манька.

– Я просто слово забыла. Как же называются эти штуки, которые торчат у них по бокам и под брюхом?

– Кажется, ласты.

– Значит, ласты.

Каринка шумно выдохнула. Видно было, что научные разговоры ей порядком надоели.

– Ну при чем здесь ласты? Мы же хотели кормушку сделать ласточкам.

– А при том, – напомнила Манька. – Если поставить кормушку на пол, ласточки ее не заметят, потому что вниз смотреть не умеют. Как

киты.

– Ничего, что-нибудь придумаем. Не умирать же птицам с голоду, раз они вниз смотреть не умеют? – пожала плечами Каринка.

Мне жгуче захотелось еще раз спросить, с какой стати она стала такой доброй, но я сдержалась. Второй драки не хотелось, и потом, учитывая то, с каким старанием Каринка мутузила меня с Манькой, ее гуманный порыв носил единичный и крайне ограниченный характер.

Мы еще поспорили насчет кормушки и решили, что в случае с ласточками простая благотворительность не пройдет. Кормушку нужно будет поднять на уровень гнезда, иначе птички ее не заметят.

Сестра ходила кругами и сокрушалась, почему на потолке нет какого-нибудь крюка.

– Зачем тебе крюк?

– Можно было бы продеть в этот крюк веревку и обмотать одним концом меня. Вы бы дернули за другой конец, веревка бы подняла меня вверх, и я бы накрошила целое гнездо крошек. Представляете, как хорошо? И кормушку тогда мастерить не надо. Раз в день насыпал целое гнездо еды, и гуляй себе дальше.

Мы представили себе эту картину. Красота!

– Вот если бы ты была Карлсоном, то и веревки не понадобилось бы, – вздохнула Манька.

– Или если бы у нас был вентилятор, – мечтательно закатила глаза Каринка. – Можно было бы примотать его к моей спине. И я бы полетела!

– Да-а-а-а-а!

– А из чего мы будем кормушку делать? – подала голос доселе молчавшая Гаянэ.

Мы дружно уставились на нее. Потом перевели взгляд на Каринку. Сестра сделала задумчивое лицо – напустила туману в глаза и сдвинула к переносице брови. Лицо задумчивым делаться не собиралось – расплзлось в свое привычное шkodливое выражение и предательски бегало глазами. Глаза у Каринки потрясающей красоты – светло-карие, миндалевидные, с длинными густыми ресницами. И личико у Каринки красивое, и сама она вся из себя раскрасавица. Кто бы мог подумать, что под такой ангельской внешностью скрываются такие варварские замашки?

В подтверждение моих мыслей Каринка задрала кофту и почесала живот. Потом перегнулась через балконные перила и прицельно плюнула вниз. Метила в пробегавшего мимо зловредного мальчика Сережу, но промахнулась. Зловредный мальчик Сережа ничего не заметил и, радостный, побежал дальше. Зато плевков, как и следовало ожидать, пришпорил мыслительный процесс сестры.

– Нужно взять что-то плоское и большое, – выдала она. – Можно какую-нибудь доску. Или поднос.

– Поднос – вообще шикарно, – затрепыхались мы.

– Берем поднос, – лениво продолжила Каринка, – ставим его на что-то высокое, чтобы близко к гнезду. А то, – она покосилась на Маньку, – ласточки не умеют вниз смотреть.

– Угум, – кивнула Манька. – Точно не умеют!

– А на что высокое мы поставим поднос? – снова подала голос Гаянэ.

– Дети, – выглянула на балкон мама, – сейчас я уложу Сонечку, а потом накрою стол к обеду, ладно?

– Ладно!

– Можете пока яблоками перекусить.

– Не хотим мы яблок. И обедать не хотим!

– А кто вас спрашивать станет? И что вы на балконе делаете? Почему нельзя чем-нибудь интересным дома заняться?

– Пойдем домой, – покладисто согласилась Каринка и первой протиснулась мимо мамы в кабинет.

Мама проводила дочку настороженным взглядом. Напускной елейный экстерьер Каринки кого угодно мог напугать.

– С какой радости ты такая сговорчивая? – не вытерпела мама.

– Надоело на птиц тарашиться, – пожалала плечами Каринка. – Мы лучше порисуем пока, а после обеда выйдем погулять. Вон погода какая хорошая!

Мама пропустила нас в комнату, заперла балконную дверь. Задернула занавески. Молча наблюдала, как мы с Манькой ввинчиваемся попами в кресло под торшером. Каринка села за стол, Гаянэ угнездилась на тумбочке. Все чинно сложили руки на коленях и уставились на маму.

Мама поежилась.

– Что-то задумали? – нехорошо прищурилась она.

Но тут, на наше счастье, захныкала Сонечка, и маме пришлось бежать в спальню. Времени у нас было катастрофически мало – Сонечку она укладывала в два счета.

Каринка метнулась на кухню, вернулась, прижимая к груди буханку хлеба и большой поднос из нержавеющей стали.

– Поменьше ничего не нашла? – съязвила я.

– Этот лежал сверху. Вот я и схватила его. Побоялась пластмассовый выдергивать, чтобы не шуметь.

Мы выскользнули на балкон. Раскрошили буханку и утащились на ласточкино гнездо.

– Нарка, ты у нас самая высокая, – протянула Каринка, – если ты встанешь на тумбочку и поднимешь над головой поднос...

– На тумбочку не полезу, – отрезала я. – Свалюсь, как папа.

– Мы тебя за ноги будем держать!

– Нет! – Для верности я села на пол и вцепилась руками в перила.

– Ну ты дура! – рассердилась Каринка, притащила тумбочку и взобралась на нее. – Давайте сюда хлеб.

Мы всучили Каринке поднос и вцепились ей в ноги. Какое-то время сестра балансировала на цыпочках, держа на вытянутых руках кормушку. К сожалению, до гнезда она не дотягивалась на целый метр. Может, поэтому ласточки на непрошеную гостью не обращали

никакого внимания. Скоро Каринке надоело балансировать на краю тумбочки, и она сползла вниз.

– Давай я, – предложила Манька.

– Бесплезно, ты ниже меня, – вздохнула Каринка.

Мне стало стыдно.

– Ну давайте я попробую. Только вы меня крепко держите.

– И у тебя не выйдет, – махнула рукой Каринка, – не дотянешься.

Да и потом, сколько можно поднос на вытянутых руках держать? Быстро устаешь. Тут надо что-то толковое придумать.

– У нас есть швабра, – осенило меня.

– В прошлом месяце одну сломали! – напомнила Манька.

– Мы осторожно. Тем более, эта новая, крепкая и длиннее той будет. Так вот...

– Ну! – Девочки превратились в слух.

– Можно приладить к ней поднос.

– Как приладить?

– Привязать чем-нибудь к низу. Суровой ниткой, например. Основание у швабры большое, поднос не свалится. Приставим тумбочку к стене, на нее швабру кормушкой вверх, и всё. Пусть стоит сколько влезет. Авось ласточки наконец заметят.

– Верно!

Не сговариваясь, мы ринулись в ванную. Выдернули из-за шкафчика швабру. Побежали обратно, по пути захватили катушку с суровой нитью. Стряхнули крошки на тумбочку. Примотали поднос, намертво привязав его крест-накрест к рейке швабры. Всыпали обратно крошки. Все манипуляции проделывались в гробовом молчании. Меня распирала гордость за наши слаженные действия – достаточно было взгляда или просто невнятного мычания одной, чтобы остальные поняли, что от них требуется. Даже Гаянэ не подвела – неотступно следовала за нами бесшумным хвостиком и по мере возможности помогала.

Когда кормушка, наконец, была готова, слаженность дала сбой. Водрузить швабру на тумбочку хотелось каждой. Мы привычно вцепились друг другу в волосы. Правда, быстро отцепились – времени на драку совсем не осталось. Втроем придвинули тумбочку, поставили на нее «кормушку», аккуратно, чтобы не опрокинулся поднос, прислонили к стене.

Затаили дыхание, отошли в сторону. Полюбовались делом рук своих. Счастливо выдохнули. В тот же миг швабра, описав красивую дугу, коварно накренилась к перилам. Не будь она прилаженной к рейке «кормушки», то, наверное, свалилась бы на пол. Но тяжелый поднос перевесил деревянную ручку, и, брызнув во все стороны хлебными крошками, конструкция полетела вниз.

Роняли ли вы когда-нибудь с третьего этажа швабру с намертво примотанным подносом на заслуженную активистку дома 17 по улице Ленина тетю Сирун? Не отягощенную личной жизнью тетю Сирун, беззаветно посвятившую себя служению родной пятиэтажке? Патрулирующую денно и ночью палисадник, чтобы дети не топтали цветы? Визгливо ругающуюся на вечно пьяного дядю Володю с первого этажа? Протоколирующую каждую соринку во дворе и по отпечатку подошвы вычисляющую хозяина обуви? Если бы вы хоть раз роняли на тетю Сирун доморощенную кормушку, то знали бы, что ничем хорошим такое необдуманное поведение закончиться не может.

Когда в миллиметре от выдающегося носа дворовой активистки пролетела чудовищная конструкция и с нечеловеческим грохотом развалилась у ее ног, вопль, который испустила тетя Сирун, услышали на том конце света. Подкошенные этим могучим воплем, мы пали ниц и, перебирая по-рачьи лапками, отползли назад, в сторону спасительной балконной двери. Главное было незаметно пробраться в комнату, затаиться где-нибудь в дальнем углу, не дышать, не моргать, раствориться в деталях интерьера. Умереть.

Умереть нам не дали. Сначала во входную дверь требовательно позвонили, потом заколотили чем-то металлическим. На шум из спальни выбежала мама. Углядела наши бегающие глазки.

– Что вы натворили? – прошептала побледневшими губами.

– Этонемы, – фальшиво тренькнула Манька.

– Сейча-а-а-ас иду, – бодро крикнула мама в сотрясающуюся входную дверь, подлетела к нам и затолкала в ванную. – Сидите тихо, понятно? Пикнете – убью.

Мы нащупали полами краешек ванны, сели. Скорбно нахохлились. Манька нашарила в темноте мою руку и тоненько заскулила. Я тут же заскулила в ответ.

– Ш-ш-ш-ш! – зашикала Каринка.

В прихожей тем временем разворачивался тайфун.

– Надя, – верещала тетя Сирун, – любому человеческому терпению приходит конец!

– А что такое? – делала невинное лицо мама.

– Ты еще спрашиваешь, что такое? Где твоя дочка?

– Которая из них?

– Которая вылитый азраил.

– Я попрошу вас!

– Она меня попросит! Это чей поднос?

– Не наш, – быстро ответила мама.

– Как это не ваш? А швабра чья?

– Не знаю. Шваброй я не пользуюсь.

– В смысле – не пользуешься? А как полы моешь?

– Руками.

– Враскорячку?

– Враскорячку, так чище получается. У меня ребенок маленький, приходится каждый день полы протирать. Вот вы ворвались, натоптали. Шумите. Я ребенка укладываю, а вы ей спать не даете.

– А где Каринэ? – сбавила обороты тетя Сирун.

– У тети Розы. А что?

– Точно у Розы?

– Можете сходить и проверить.

– Ладно, – выдохнула тетя Сирун. – Раз это не твоя дочка учинила, значит, Рубик из сорок восьмой. Схожу к ним.

– Сходите.

Когда мама заглянула в ванную, мы с Манькой, крепко обнявшись, безутешно рыдали. Каринка, грозно шипя и обзываясь дурами, поочередно утирала полотенцем наши зареванные лица.

– Что за съезд плакальщиц? – тоном Ба спросила мама.

– Мам, ты прости нас, пожалуйста, – брызнула я слезами в подол маминого платья. – Мы не хотели ничего плохого. Кормушку смастерили. А она возьми и свались вниз.

– А швабру зачем взяли?

– К кормушке приладили. Чтобы выше стояла.

А то ласточки не заметят!

– Как же она вниз полетела?

– Опрокинулась и полетела. Видно, плохо к стене прислонили.

– Теперь я осталась без швабры и без подноса, – устало отозвалась мама. – Мало того что вы человека чуть не покалечили, так мне еще пришлось врать, чтобы вас, паразиток, выгородить!

– А чего же ты соврала?

– Даже не знаю. Испугалась, что и мне влетит.

Мы дружно захихикали. Но маме было не до смеха. Она погнала нас на кухню, усадила за стол и строго-настрого велела не двигаться. Сбегала в спальню, удостоверилась, что Сонечка спит. Протерла враскорячку пол в прихожей. Позвонила Ба и в двух словах рассказала о произошедшем. Чтобы Ба знала, как себя вести на случай, если к ней зайвится с обыском тетя Сирун. Ба выслушала маму, потребовала к

трубке Маню, долго грохотала. Потом трубка по эстафете перешла ко мне, а далее к Ка-ринке.

Потом мама позвала нас обедать. Мстительно кормила какой-то гадостью, которую гордо называла луковым супом. На наше нытье снисходительно пояснила, что в еде мы ничего не смыслим, что луковый суп – национальная гордость Франции, и дети всего мира были бы просто счастливы, получи они на обед такое восхитительное блюдо.

Пока мама рассказывала про детей всего мира, Гаянэ рыдала в национальную гордость Франции горячими слезами, а мы брезгливо кривили рты.

– Пока не увижу дно тарелок, из-за стола не встанете! – нахмурилась мама, села напротив и приготовилась терпеливо ждать.

Пришлось братья за ложки. Сначала мы гримасничали, а потом как-то даже втянулись и выхлебали суп без остатка. Каринка аж добавки попросила.

– Надо было приклеить ручку швабры к тумбочке. Тогда бы она не свалилась, – пробурчала она, принимаясь за вторую тарелку.

– Вот только попробуйте что-нибудь еще выкинуть! – погрозила нам пальцем мама. – Учтите, в следующий раз врать из-за вас я не буду! И так накажу, что мало не покажется.

Мы, конечно, обещали маме, что самодеятельность свою прекратим. Или хотя бы свернем на время, пока тетя Сирун не придет в себя от потрясения. Но мама нам не поверила.

– Надо будет осенью разрушить это гнездо, – сказала она папе вечером. – Пусть в следующем году ласточки где-нибудь в другом месте живут. Второго такого светопреставления я не вынесу.

А чтобы ласточки дожили до следующего года, мама чуть ли не поселилась на балконе. Читает на балконе, вяжет на балконе, картошку чистит на балконе, Сонечку выгуливает на балконе. Сонечка ходит с важным видом вдоль балконных перил и выкрикивает разные инструкции в палисадник нашего дома – руководит цветением настурций и мелкорослых китайских гвоздик. А еще она здорово ловит залетных букашек. Угощается сама и великодушно делится с мамой. Мама при виде очередного раздавленного насмерть толстого жука поднимает крик и бежит по балкону, как ненормальная.

В общем, что ни говори, жизнь у нашей мамы веселая. Грех жаловаться.

Глава 9. Манюня, коктейль «глиасе», помпоны и прочие девчачьи дела

Чтобы платье длиной до пят и косметики полная сумка – о таком даже мечтать не стоит. Манька вообще считает, что ни одной девочке из нашего городка подобное счастье не светит. Не та карма, не то место жительства.

Другое дело жительницы больших городов. В этих городах имеются огромные магазины «Детский мир», а также «ГУМ» и «ЦУМ». Вот где всего вдоволь. Вот где можно, контузив впечатлительного родителя умело закаченной истерикой, добиться розового длинного платья с тремя ярусами воланов по подолу и прочим кокетливым добром. Не говоря уже о сумочках с бантиком вместо застежки! Чтобы закрыть такую сумочку, нужно переплести две шелковые ленты и аккуратно стянуть их в бантик. Это же не плебейское шнурки на ботинках завязывать! Здесь нужно действовать с трепетом, с придыханием, любовно. Берешь один конец широкой ленты, перевязываешь с другим, свиваешь в замысловатый узелок, тянешь за «ушки», и вуаля – самая красивая застежка на самой красивой в мире сумочке греет тебе душу, а заодно выжигает гримасы зависти на лицах встречных девочек.

Опять же молочные коктейли! Рассказывая о молочных коктейлях, Манька закатывает глаза и цокает языком. Выдерживает театральную паузу и обводит ряд слушателей пытливым взглядом – достаточно ли те заценили накал страстей? Слушатели дефис зрители – это заинтригованные донельзя мы с Маринкой из тридцать восьмой и насупленная Ка–ринка. Почему насупленная – потому что сестра всегда сердится, когда речь заходит о девичьих делах. О кружевах, или переливающейся золотом заколке, или каких других игрушечных сервизах со всевозможными ложками и плошками. Круг Каринкиных интересов весьма специфичен. Единственное, что ее занимает, – это военно-промышленный комплекс нашей страны, набор юного химика, Рубик из сорок восьмой и папина бормашина.

Мы сидим в палисаднике нашего двора. Весна благополучно сменилась летом, настали прекрасные солнечные времена. Беседку, излюбленное место наших доверительных бесед, покрасили в цвет молодой травы, а старую ее жестяную крышу заменили новой черепичной. Вдоль засыпанных галькой дорожек теперь стоят красивые деревянные скамейки с изогнутыми спинками и тяжелыми чугунными подлокотниками. По внешнему краю палисадника соорудили невысокий частый забор, а внутренний край обсадили кустами винограда сорта «Изабелла». Цепляясь тонкими вьющимися усиками за деревянные перекладины, виноград тянется вверх, к балконным решеткам квартир. Со временем он образует красивую

арку, летом будет нависать над прохожими плотными гроздьями кисло-сладких ягод, а осенью облетать багряными пятипалыми листьями.

Палисадник превратился в место паломничества жителей соседних домов. Если по первости они приходили люто нам завидовать, то теперь предпочитают получать эстетическое удовольствие – согнувшись в три погибели и изящно оттопырившись попой, нюхают цветы на большой круглой клумбе, катят по дорожкам неуклюжие в движении коляски с орущими младенцами, чинно-благородно рассевшись на новенькие скамейки, вяжут, вышивают, играют в нарды и шахматы, шуршат газетами и обсуждают политическую ситуацию в мире и аномальную жару в Москве. Дело в том, что до жителей нашего городка дошли тревожные вести – в столице столбик термометра который день держится на уровне 35 градусов, и москвичам от такой жары приходится ой как несладко!

– Надо же, – качают головой бердцы, – всего-то 35, а народ на стенку от жары лезет!

– Северные люди, что же вы хотели? Совсем к зною непривычные! – разводит руками молодой человек в льняных брюках и сандалиях на босу ногу. – Надо бы в метро им забиться, там прохладнее будет!

– Метро – это стратегический объект, а не место для спасения от жары, – возмущается сухонький старичок в вязаной панаме. У панамы смешно загибаются поля, словно кто-то специально закручивал их горячими щипцами то внутрь, то наружу.

– Ну и что? – удивляется молодой человек. – На то метро и стратегический объект, чтобы там от непогоды укрываться!

– Слушай, ты совсем с ума сошел? – распаляется старичок. – Где это видано, чтобы 35 градусов непогодой называли?

При таком наплыве шумных посетителей нам, аборигенам и законным владельцам палисадника, приходится забиваться в крайний от входа угол, подальше от гама и суеты. Маринка притащила из дома небольшой плед, красный в зеленую полоску, мы его постелили под плакучей ивой, можно сказать – занавесились от всего мира ее длинными ветвями, лежим кверху пузом, ловим сквозь узкие серебристые листья солнечные лучи и слушаем Маньку.

Манька рассказывает про город Кировакан. Про большой универмаг, который расположен в самом центре города, и про

вкуснющий клубничный коктейль «глиасе», который можно купить на втором этаже этого универсама, слева от лестницы.

– За двадцать копеек, – уточняет Манька и качает головой. Боевой чубчик скорбно трясется в унисон.

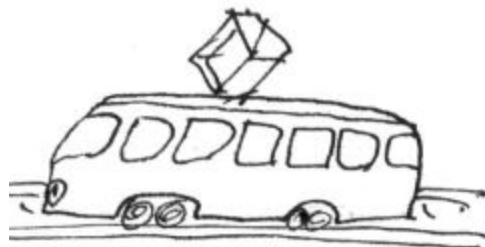
Мы вздыхаем. Один, даже большой стакан густого сладкого коктейля – это чистая насмешка, ведь допивается он прежде, чем успеваешь сообразить, что вообще происходит. Раз – и коктейля словно не бывало, и ты, не веря глазам своим, шумно высасываешь, последние капли. А дальше хоть ложись и помирай, потому что на вторую порцию коктейля мама ни за что не соглашается.

– Зачем деньги на ветер выбрасывать, мы лучше чего-нибудь полезного возьмем, «Гематоген» например, – говорит мама и уводит тебя, отчаянно упирающуюся, в какие-то унылые дали, где торгуют мотками шерсти, рулонами ткани и прочей ерундой.

– Нет чтобы что-то вкусное взять. А то вечно этот противный «Гематоген»! – возмущенно фыркает Манька.

– Буэ! – с готовностью откликаемся мы.

Манька совсем недавно вернулась из Кировакана – гостила у своей мамы тети Гали. Тетя Галя после развода с дядей Мишей какое-то время жила у родителей, а потом вышла замуж и переехала в Кировакан. Теперь у Маньки два сводных брата – Марик и Алик. Марику три года, а Алику вообще девять месяцев. Манька проводит у мамы осенние, зимние и весенние каникулы, а летом гостит у нее аж целый месяц.

Отсутствие Маньки мы переживаем очень болезненно. Особенно летом. Потому что летом почти все дети разъезжаются по бабушкам-

дедушкам и пионерлагерям, а Рубик из сорок восьмой традиционно укатывает к тете в Кисловодск. И наша Каринка остается один на один со своим, хм, темпераментом. Третировать ей становится практически некого, поэтому срывается она чаще всего на мне. Уж если сестра затевает драку, даже вовремя подоспевшая Маринка не может спасти, потому что разнимать она нас не умеет. Во-первых, боится попасть под раздачу, а во-вторых, в детстве у нее случился вывих плеча, и теперь чуть что – оно выскакивает со своего законного места.

Вообще, если подумать, Маринка сильно несчастная девочка. По дому шастает зловредный брат Сурик, изводит ее насмешками, а она даже не может в лицо ему ногтями вцепиться! Максимум, что может себе позволить Маринка, – это пнуть выходящего из квартиры брата в мягкое место, сразу же захлопнуть дверь и накинуть цепочку. У Сурика ключи от квартиры всегда с собой, так что дверь он отпирает буквально за секунду. А далее орет, как ошпаренный, в цепочку, обзывая Маринку разными нехорошими словами. А Маринка скачет за дверью и вызывающе громко смеется. Аж заливается, как какая-нибудь тетечка из оперной партии. Такие тетечки, изображая сумасшедших, явно переигрывают и выдают такие леденящие душу рулады, что хоть стой, хоть падай. Вот Маринка и изгаляется, доводя такими руладами Сурика до белого каления.

Сурик, хоть и зловредный брат, но на сестру никогда руки не поднимает. Он как-то уже пытался ее скрутить, повалив для верности на диван, но Маринкино плечо раз – и выпрыгнуло из сустава. Хорошо, что в соседнем подъезде живет тетя Софа, медсестра из травматологии. Маринка прибежала к ней вся трагическая, с перекошенным от боли лицом. Тетя Софа вправила ей плечо, перемотала эластичным бинтом, а потом пошла орать на Сурика. Сурику в тот день крупно не повезло – тетя Софа с утра затеяла большую ругань с мужем, но тот трусливо слинял из эпицентра скандала к друзьям на рыбалку. И тетя Софа спустила все нереализованные пары на Сурика. Устроила ему такую головомойку, что он крепко запомнил: еще раз тронет сестру – заработает привычные вывихи по всему телу. В гнущихся, а заодно и негнущихся местах. Навсегда.

Только Маринку небитая Суриком жизнь не радует.

– Лучше бы плечо было здоровое, а с братом я уж как-нибудь разобралась бы, – кручинится она, – а то что это за судьба такая – на турнике не повисеть, по деревьям не полазить, сальто не покрутить? Я даже вас с Каринкой толком разнять не могу!

Что правда, то правда. Нас с Каринкой разнимать она не умеет. А поскольку разнимательница из Маринки никакая, сестра каждый божий день по двадцать восемь раз натурально меня убивает. С концами.

Пока она занимается конкретным членовредительством, Маринка только и делает, что прыгает кругом и старается вытянуть меня за подол юбки из-под сестры.

– Маринка, – ору я, – отпусти подол, лучше тяни меня за ногу!

– Не могу за ногу, – пыхтит Маринка, – если ты ногой дернешь, то можешь вывихнуть мне плечо. А подолом ты дернуть не можешь!

– Почему не могу, очень даже могу, – кряхчу я и пытаюсь резко повернуться, чтобы продемонстрировать, как можно дернуть подолом. Маринка выпускает край моей юбки, испуганно отбегает на безопасное расстояние и оттуда, затравленно озираясь и поскуливая, наблюдает за моей трагической кончиной.

– Сейчас тетю Надю позову! – наконец спохватывается она.

Пока Маринка бежит за мамой, а сестра отдирает мой скальп, я отпихиваюсь из последних сил и ностальгирую. Вот если бы здесь была Манька, думаю я, она бы точно что-нибудь придумала. Огрела бы Каринку чем тяжелым, вцепилась бы ей в лопатку и оттащила в сторону, на худой конец полезла бы в драку и самоотверженно отвела часть сестрино, хм, темперамента на себя.

В общем, как ни крути – но без прямого участия Маньки оставаться сестрой Каринки крайне небезопасно для жизни и здоровья. Поэтому, когда Манька гостит у своей мамы, я только и делаю, что выживаю. Очень не хочется на заре жизни протянуть ноги от повышенного внимания родной сестры.

Уж если мы так болезненно переносим отсутствие Маньки, то представьте, как переживает Ба! Правда, вида не подает. Собирая внуку в путь-дорогу, настраивает себя на мажорный лад. Так и говорит – наконец-то ты уедешь, и я смогу немного отдохнуть. А то

сколько можно с тобой воевать? Это же надо было такой строптивой уродиться? И в кого ты такая, ума не приложу.

И цокает языком. Или оглушительно хмыкает.

– Ба, может, она в тебя? – как-то предположила Каринка.

– Я была идеальной девочкой, – отрезала Ба, – очень сознательной и послушной. Никогда не шалила и приносила из школы одни пятерки, ясно?

– Ясно, – отозвались мы. – Значит, Манюня в дядю Мишу.

– Миша был изумительным ребенком, – встопорщилась Ба. – Никогда слова поперек матери не говорил и вел себя просто образцово.

– А что ему мать на это говорила? – прогудела Каринка.

– Какая мать? – запнулась на полуслове Ба.

– Ну, Ба, ты же сказала, что дядя Миша слова поперек матери говорил, вот я и спрашиваю, а что мать поперек его слов говорила?

– НЕ говорил! – Ба уставилась на Каринку своим фирменным взглядом, потом прищурилась и вкрадчиво спросила: – Деточка, как ты думаешь, кто такая мать?

– Не знаю.

– А кто у дяди Миши мама?

– Ну, Ба! – возмутилась сестра. – Конечно же, ты!

– А мать?

– Мачеха? – предположила Каринка.

– Мать-и-мачеха, ага! – фыркнула Ба.

Когда Манька уезжает, мы с сестрой часто ходим в гости к Ба. Ну, чтобы она меньше страдала в разлуке. Ба угощает нас песочным печеньем, поит кисленьким компотом из алычи и бодро рассказывает, сколько всего успела закатать в банки в отсутствие Маньки. Потом расспрашивает, как у нас дела, требует подробного доклада. Хотя сама вчера на пару с мамой, попивая чай вприкуску, отчитывала нас за отвратительное поведение.

Можно подумать, мы что такое страшное натворили! Ну да, своровали на стройке полведра цемента и замесили на пороге десятой квартиры неплохой такой раствор. А чего у них поперек запертой двери лопата стояла? День стояла, два стояла. Мы ходили туда-сюда, щупали ее за погнутые наступы, громко спорили, как правильно называется черенок. Ритка из тридцать пятой говорила, что кочерыжкой, а мы с Маринкой выдвинули версию, что скорее уж

рукоятью. Шум от нашего спора стоял такой, что тетя Сирун из тринадцатой квартиры раз восемь выскакивала на лестничную площадку и орала на нас разными укоризненными словами. Мы разбегались, но через какое-то время возвращались обратно. Лопата словно гипнотизировала нас. Поэтому, когда и на третий день ее с порога никто не убрал, мы решили пустить ее в дело. А то торчит, видом своим нас возбуждает, сколько можно! Притащили со стройки цемент, высыпали на порог, сделали лунку, досыпали песочка, налили воды и замесили практически профессиональный раствор. И оставили застывать. Вот.

*...проживание детей живыми жизнью
изобретениями... Больше марки с
картушками... Улицы, кукольные театры,
университеты, любимые театры + ГИМНАЗИИ!
за двадцать копеек!*

Вернувшиеся к вечеру хозяева квартиры обнаружили у себя на пороге живописную бетонную лепешку с торчащей лопатой в сердцевине. Другие бы порадовались такой красоте, а эти подняли ор и стали громко отколупывать конструкцию, всяко понося идиотов, которые решились на такую шутку. На шум прибежала тетя Сирун и оперативно вспомнила, кто из детей три дня подряд ошивался в подъезде. Заодно строго спросила, какого черта десятая квартира оставляла у себя на пороге лопату.

– У нас замок сломался, а в хозяйственном завоз обещают только к концу недели. Вот мы и перегораживали дверь лопатой для надежности, – пропыхтела десятая квартира.

Тетя Сирун какое-то время глотала ртом воздух, не в силах выдавить из себя адекватный ответ на столь необдуманное поведение соседей, потом махнула рукой и побежала к нашим мамам – скандалить.

По итогам скандала досталось всем – и Маринке из тридцать восьмой, и Ритке из тридцать пятой, ну и нам с Каринкой досталось, куда уж без нас.

И хотя Ба отлично знает эту историю со всеми леденящими душу подробностями, все равно заставляет нас пересказать ее от начала и до конца. И пока мы понуро исповедуемся, как волокли со стройки цемент, заткнув дырявый бок ведра Риткиной спиной, Ба подкладывает

нам печенье, подливает компот и цокает возмущенно языком. И хотя лицо у нее серьезное, в глазах бегают озорные искорки. Мне иногда кажется, что Ба так привыкла к нашим проделкам, что, если на ее пути случается хоть один не отягощенный треволнениями мирный день, она начинает сильно дергаться по этому поводу. Испортили мы взрослых, что уж там говорить. Превратили из образцовых людей в хулиганов. Вон, даже мама вынуждена приврать тете Сирун, чтобы выгородить нас! Главное, так убедительно и гладко приврала, что в душу прокрались нехорошие подозрения насчет ее образцово-показательного поведения в детстве.

В отъездах Маньки, помимо бесконечных минусов, есть один неоспоримый плюс – возвращается она всегда с целой кучей новостей. И всю эту кучу в первый же день приезда ворохом скидывает на наши головы. Мы какое-то время ходим контуженные впечатлениями, а потом, немного успокоившись, обсуждаем новости, уютно расположившись на пледе под плакучей ивой.

По рассказам Маньки получается, что городские дети живут жизнью избранных. К их услугам большие парки с каруселями, цирки, кукольные театры, крупные универмаги и клубничный коктейль «глиасе» за двадцать копеек!

– А сколько там кинотеатров! – закатывает глаза Манька. – Можно целый день бегать по городу и без конца смотреть «Зиту и Гиту»! И никто не посмеет согнать тебя с твоего места, потому что на билете указан ряд и номер кресла, так что ты можешь потыкать ему в лицо билетом и сказать: «Слушай, ты, осел, неужели не видишь, что я сажу в пятом ряду на сиденье восемь?»

– А он чего? – трепещем мы.

– А он ничего. В драку не лезет, – расстроено констатирует Манька. – Еще и извиняется!

– Прямо извиняется? – недоверчиво щурится Каринка.

– Извиняется! Эти городские какие-то уж очень воспитанные люди. Прямо скучно с них!

Манька отщипнула травинку, задумчиво повертела ее в пальцах. Откусила кусочек, задумчиво пожевала.

– А давайте плевать наперегонки травинками? – вдруг предложила она.

– Это как?

– Ложимся рядом, откусываем травинки и плюемся. Кто дальше всех выплюнет, тот настоящий молодец!

Какое-то время мы увлеченно плевались пучками травы, потом переключились на листья плакучей ивы. Листья оказались горькими на вкус, и плеваться ими получалось особенно быстро, потому что долго мусолить во рту такую гадость было просто невозможно.

Чемпионкой по плевкам стала Маринка, она плевалась дальше и при– цельнее всех.

– Ты прямо настоящий Робин Гуд! – похвалили мы ее.

– Ну хоть в чем-то я чемпионка, а то ни подраться, ни по дереву вскарабкаться... – снова закручинилась Маринка.

– У каждого свои таланты, – дипломатично перебила Манька, вывалила язык и несколько раз провела по нему ладонью, пытаюсь стереть остатки ивовых листьев, – у этих листьев вкус шпинатного «Бибимикса». Буэ!

– Чего?

– Шпинатного «Бибимикса». Это еда такая, для маленьких детей. Вроде «Малыша», но коробочка другая, импортная. Внутри порошок, его надо разбавлять тепленькой водой. Получается каша. Бывает с разными вкусами – пшеничная, гречневая, со вкусом яблок. А бывает зеленая, со шпинатом. Чистая отравка!

– Откуда ты знаешь, что чистая отравка?

– Потому что сама попробовала. Мама этой кашей маленького Алика кормит. Бедный, бедный Алик, как можно такое есть? Он и не ест ее вовсе и плюется похлеще Маринки. Все исплюет: и себя, и маму, и складной стульчик, и стену напротив, и пол! А мама только и делает, что мгновенно все подтирает. И не сдается, кормит его и кормит. Водит ложкой перед носом, говорит: «Открывайте ангар, сейчас туда залетит самолет, – и громко гудит: – Ввввв!» Алик, заслышав мамино гудение, тут же открывает рот, а потом, опомнившись, начинает усиленно плеваться шпинатным «Бибимиксом». Вот мне и стало интересно, чего это он так плюется. Попросила у мамы попробовать. – Манька упала лицом в руки, полежала так какое-то время, потом уставилась на нас вытаращенными глазами. – Девочки, это такая гадость, меня чуть не вырвало. Говорю маме – ну зачем ты кормишь этой гадостью Алика, ее же есть невозможно. А мама говорит – тебе невозможно, а ему

возможно. Ага, возможно! Стал бы он отплевываться, если каша была бы ему вкусной!

Мы какое-то время молчим, представляя себе перемазанного «Беби-миксом» Алика и тетю Галю, водящую у него перед носом ложкой.

– Тебе хоть нравится у мамы? – наконец решаюсь спросить у Маньки я.

– Ну конечно нравится, – откликается Манька и начинает загибать пальцы, перечисляя преимущества: – Во-первых, она красивая, во-вторых, она меня очень любит, называет доченькой и ангелочком, в-третьих – у нее смешной муж. Он учит играть меня в шахматы, но постоянно отвлекается. Я могу как угодно переставлять фигуры на доске, он ничего не замечает. Совсем слепой. Однажды вообще переставила фигуры, как в шашках, и он стал дальше в шашки играть, даже не вспомнил, что вроде как начинали с шахмат.

– Он что, дурак?

– Вообще-то нет. Но ведет себя странно. Мама ему говорит – Роберт, я тебе выгладила голубую рубашку и светлые брюки. Вон они, в спальне, на спинке стула висят. И уходит за хлебом. Возвращается, а дядя Роберт так до сих пор и не одет. Сидит на стуле, на спинке которого висит выглаженная одежда, и страдает. Не нашел!

– Значит, точно дурак.

– Говорю же – нет! Наоборот, очень умный. И от этого странный. Похож на Жака Паганеля из «Детей капитана Гранта». Мама удивляется, как он вообще дорогу домой находит. Говорит – с его рассеянностью каждый раз можно в новый дом возвращаться.

– А детей своих он не путает? – волнуемся мы.

– Детей не путает. Но имена путает, может Алика Мариком назвать. А вообще он хороший. И добрый. И братья у меня хорошие. Например, Алик. Его тискать можно, он это очень любит. И потом Марик. Вроде маленький, но такой ловкий! На спор разбил двухлитровую банку абрикосового варенья футбольным мячом. Я говорю – не попадешь. Он говорит – попаду. Я говорю – а вот и нет. А он говорит – а вот и да. Разбежался, вдарил и разбил.

– И чего? – похолодели мы.

– Ну, – отвела глаза в сторону Манька, – иногда мама мне очень Ба напоминает. Как выйдет из себя, как разорется! Хотя ее тоже можно

понять, три дня возилась с вареньем, закатала в банки, поставила на пол – остывать. А тут Марик с мячом. В общем – одни траты.

– А разве нельзя было варенье обратно в банку собрать? – подала голос Маринка.

– Нет. Во-первых, с пола ничего не едят. Особенно когда взрослые это видят.

– А если мороженое уронил? – встряла я.

– Тогда нужно как-нибудь незаметно допинать его за угол и там быстро съесть, пока не отобрали. Не перебивай меня, Нарка, а то я забываю, о чем говорила. Итак, во-первых, нельзя ничего с пола есть. А во-вторых – от разбитой банки осколков много, если они попадут в живот, могут поранить кишки. И тогда всё. Кирдык.

– Чего-о-о-о?

– Кирдык. Ну, то есть всё, умер. Слово смешное, да? Дядя Роберт очень любит его повторять. Кирдык!

Мы сначала посмеялись, а потом принялись повторять новое слово на всякий лад. С каждым разом оно нам почему-то казалось смешнее и смешнее.

– Кир-дык, – выговаривали мы по слогам и срывались в визг.

– Ой, кирды-ы-ы-ы-ык!

– Кирдычок!

– Ахаха-а-а-а!!!

– Кирдыкуля-какуля!

– Гагага-а-а-а!!!

– Девочки, – раздвинув ветки плакучей ивы, нависла над нами тетя Сирун из тринадцатой.

– А мы чего, мы ничего! – зачастили мы.

– Вижу, что ничего, поэтому разговариваю с вами нормальным голосом. Вас мама ищет, звала несколько раз, а вы не слышите.

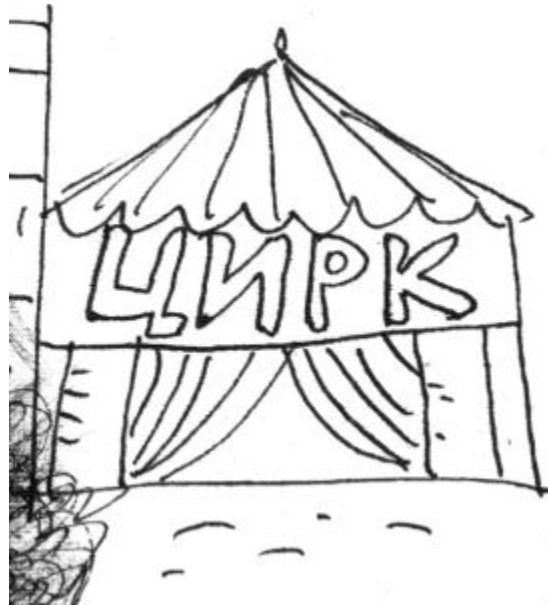
– Это потому, что мы громко смеялись, – объяснили мы и побежали узнавать, зачем понадобились маме.

– Маня, помоги мне плед сложить, а то одна я не справлюсь! – крикнула Маринка.

– Я тебе помогу, – отозвалась тетя Сирун.

Мы помахали Маринке и нырнули в виноградные кусты под нашими окнами. Балкон пустовал, а звать маму, если он пустует, нельзя. Может, она Сонечку укладывает, а мы своим ором ее разбудим. Поэтому мы кинулись наперегонки домой. Впереди летела Каринка, за Каринкой – Манюня, замыкала кросс я. Первой до нашей квартиры добежала сестра и принялась колотиться телом в дверь. В свое время мама запретила нам звонить в звонок, чтобы не будить Сонечку.

– Лучше постучите, и я вам открою.

Теперь, наверное, мама сильно жалела о том, что не разрешила нам звонить. Потому что колотились мы в дверь с таким

остервенением, что казалось – если еще немного поднажать – она слетит с петель.

Мама открыла в ту минуту, когда долбиться в дверь вместе с Каринкой начала Манька. Если бы остался просвет, воткнулась бы и я, но места для меня, к сожалению, не нашлось, поэтому я стояла в сторонке, в нетерпении подпрыгивая на одной ножке.

Щелкнул замок, распахнулась дверь:

– Ну зачем так шуметь? – принялась сердито выговаривать мама.

– Мам, дай попить!

Мама пошла на кухню, причитая, что с такими детьми даже дубовые двери не выдерживают.

– Это ж не дети, – бурчала она, – а чистые варвары.

Мы, скромно потупившись, ждали, когда она вернется. Получив по стакану воды, стали пить, давясь большими глотками.

– Если бы вы ели так, как пьете! – не вытерпела мама.

– Еще чего! – оторвалась от воды Каринка. – Пить вкусно, а есть – совсем наоборот. Особенно тушеные овощи!

– Или твое ужасное блюдо из картофеля с луком и зернышками барбариса и граната! – отозвалась я.

– Что вы понимаете в изысканной еде! – махнула рукой мама.

– Очень даже понимаем, Тетьнадь. А вот вы, взрослые, в правильной еде ничего не понимаете. Потому что когда ваши дети говорят, что жареная картошка – лучшая в мире еда, то готовить надо жареную картошку, а не эти противные тушеные овощи. Правда, девочки? – Манька обратилась за поддержкой к нам.

– Конечно, правда, – отозвались мы.

– Ну-ну, – встала руки в боки мама. – Вот и будете круглый год жарить своим детям картошку, ясно? А я вас буду кормить тушеными овощами. Из вредности!

– Мам, тетя Сирун сказала, что ты звала нас, – увела тему разговора в сторону я.

Мама отобрала у нас стаканы.

– К нам гости заезжали, а я не смогла вас дозваться.

– Какие гости?

– Девочка Наринэ из Москвы. Помните папиного двоюродного брата Юрика?

– Который работает следователем?

– Да.
– И чего?
– А того. У него есть дочка Наринэ. Она приехала погостить.
– К нам?
– К своей бабушке. А к нам будет в гости ходить.
– Что, она совсем москвичка? – подала голос Манька.
– Совсем. Родилась и выросла в Москве. – Тут мама вспомнила, что мы стоим на пороге. – Мы так и будем переминаться здесь с ноги на ногу? Может, все-таки пройдете в квартиру?

Мы втиснулись в прихожую, скинули сандалии, переобулись в тапки. Пошли гуськом мыть руки.

– А сколько ей лет? – крикнули маме.
– Семь.
– А чего ее зовут как нашу Нарку? – не вытерпела Манька.
– Тебе жалко?
– Жалко, ага!
– Мария!
– Шучу, гыгы. Спросить, что ли, нельзя? Буду называть ее московской Наркой, чтобы не путать.

– Можешь ее Настей называть, ее все на русский манер Настей называют.

– Во, здорово, так и будем ее звать, да, девочки?
– Угум.
– А чего она не стала нас дожидаться?
– Они поздороваться заехали. А завтра Настя к нам с официальным визитом придет.

– Небось вся расфуфырится? – высунулась из ванной комнаты Манька.

– Зачем расфуфырится? – удивилась мама.
– Знаю я этих городских. Наденет какое-нибудь пышное платье, надушится духами, накрутит волосы. И гольфы небось с завязками-помпончиками натянет!

– С чем?!
– С помпончиками. Здесь, – Манька задрала ногу и показала рукой от щиколотки до колена, – обычные гольфы, а здесь, – повела она ладошкой вокруг колена, – завязки! С помпончиками!

– И где ты такие гольфы видела?

– В Кировакане. На одной девочке! – закручинилась Манька.
– Так помпоны легко можно смастерить. Я научу вас, и вы сделаете такие завязки, – обещала мама.
– Ура! – запрыгали мы с Манькой. – Помпоны!
– Очень надо, – прогудела Каринка.
– Дочка, я понимаю, что помпоны тебе ни к чему. Но пуленепробиваемые жилеты шить я не умею, – погладила Каринку по волосам мама.

Каринка увернулась от маминой руки. Кроме девчачьих финтифлюшек она еще не признавала телячьих нежностей.

– Ничего, я сама себе смастерю такой жилет. Только материала поднаберу.

– Какого материала? – встрепелась мама.

– Пуленепробиваемого!

Мама всплеснула руками, открыла рот, чтобы что-то сказать, но Манька ее перебила:

– Тетьнадь! К встрече с Настей нам надо уже сейчас готовиться.

– Это почему?

– Ну, мы же не станем ее в чем попало встречать? Она небось вся из себя нарядная придет! Вот и нам надо принарядиться в ответ. Пойдем. – Манька вцепилась в мамину руку и потянула ее в кабинет.

– Куда пойдем? – заупиралась мама.

– Помпоны мастерить! Нам надо четыре помпона сделать! Два помпона мне, а два – Нарке.

– Их вроде должно быть по два на каждой ноге, – встряла я.

– Конечно, два. – Манька обошла маму и уперлась руками ей в спину. – Ну пошли, Тетьнадь!

– Тогда получается, что нужно сделать восемь помпончиков. Каждой по четыре.

– Как это по четыре? Ну да, по четыре! Тетьнадь, восемь помпончиков! – взвыла Манька.

– Вы же не отстанете от меня, так? – вздохнула мама.

– Так! – хором отозвались мы.

– Ну ладно, пойдемте мастерить помпончики.

И мы пошли в кабинет. Придавать своему провинциальному экстерьеру неповторимый городской лоск.

дебатов остановили свой выбор на желтом. Мама вырезала из картона два бублика и велела нам с Манькой хорошо обмотать их нитью. Чтобы равномерно и со всех сторон. Потом под ее неустанным контролем мы прошлись иголкой по внутренней стороне картонного «бублика» и завязали намотанную нить в аккуратный узелок. А внешний край осторожно обрезали маникюрными ножницами. Обхватили у основания новым узелком, подровняли концы. Получился пышный и очень симпатичный помпончик «колокольчиком».

– Вот и замечательно, – удовлетворенно кивнула мама, – дальше вы сами справитесь. А мне готовить надо.

И ушла на кухню.

Если бы не завтрашний визит московской незнакомки, мы бы, конечно, быстро забросили возню с нитками. Один помпон на двоих тоже неплохо, можно носить его по очереди, приколов булавкой к груди, например. Я даже готова была уступить его Маньке в единоличное пользование, но сделать это она мне не дала.

– Нарка, не говори глупостей, – рассердилась Манюня, – нам надо выглядеть завтра принцессами. Чтобы это.

– Чтобы что?

– Ну, чтобы лицо в грязь не уронить.

– Может, лицом в грязь не ударить? – фыркнула Каринка.

– А ты вообще помолчи! – рассердилась Манька. – Ты бы лучше раздумывала над материалом для своего бронежилета!

– А что раздумывать, я уже знаю, из чего надо смастерить бронежилет.

– Из чего?

– Как из чего? Из жилета.

И Каринка побежала в нашу спальню. Какое-то время оттуда раздавались звуки битвы со шкафом – шерудел в замочной скважине ключ, клацали вешалки. Затем хрястнула дверца. Мы с Манькой переглянулись. Не оторвалась – и на том спасибо. Тут прибежала Каринка с загадочными глазами и жилетом под мышкой. Жилет ей связала мама – зеленый, с красным накладным кармашком. К этому жилету прилагались брюки, тоже зеленые, правда, их мама не связала, а сшила. Но брюки давно почили в бозе – Каринка сгубила их одним прекрасным осенним днем, когда на маршруте «дом – художественная школа» остановилась подразнить незнакомого волкодава. Незнакомый

волкодав никого не трогал, сидел в тени своей огромной конуры, скучал в пространство. Имел обманчиво пристегнутый вид. Каринка наметила длину цепи, накинула сверху на всякий пожарный еще метр, встала на безопасном расстоянии и принялась дружелюбно кидаться в волкодава разной мелочью растительного происхождения – сучьями, опилками, всякой другой ерундой. Волкодав, в отличие от нас, плохо знал Каринку, поэтому счел ее измывательства не признаком особого расположения, а наглой попыткой напроситься на нагоняй. Какое-то время он, конечно же, терпел, но потом рванул с места и в два прыжка достиг Каринки.

Сестра в тот день поставила мировой рекорд по спринту, спурту и прочим видам скоростных видов бега с преодолением препятствий на нестандартных расстояниях. Почему нестандартных – потому что стандартным ее прыжок через забор и приземление в густые кусты колючей ежевики при всем желании не назовешь.

Волкодав почему-то остался за забором, а Каринка потом долго выпутывалась из ежевики. Вернулась домой довольная, вся в синтепоновых клочьях и ошметках от куртки и зеленых брюк. Уцелел только жилет, и то благодаря куртке. Ну и колготки благодаря брюкам остались невредимы.

Когда дети нашего двора увидели, в каком виде возвращается Каринка, они построились тевтонской «свиньей» и повели ее домой. Во-первых, чтобы оттенить ее расхристанный вид, а во-вторых, понаблюдать за выражением лица мамы.

К сожалению, я застала только отголоски маминого выражения лица, потому что была на занятии по фортепиано. Когда вернулась через два часа, скандал уже отгремел, сестра раздумывала над своим поведением в спальне, а мама страдала на диване с клочком красной нитки на дергающемся веке.

Достаточно было одного взгляда на мамино веко, чтобы понять, что случилось что-то совсем уж экстраординарное. Дело в том, что это был метод нашей бабули – скатывать из красной нитки шарик и прикладывать к веку. Потому что дергающееся веко – признак сглаза. Так в Архангельской губернии, откуда наша бабулечка родом, издревле боролись с бесом и его происками. Мама всегда смеялась над суевериями и говорила, что это пережитки темного прошлого. А тут взяла и сдалась. Видать, сильно прижало. Так и лежала, с ниткой на

дергающемся веке, тихо стонала и бормотала что-то про грехи, за которые ей достался такой ребенок.

В память о знаменательном прыжке на спинке Каринкиного жилета осталась некрасивая зацепка. Сначала мама хотела перевязать жилет, но потом рассердилась:

– Зачем мне тратить время на перевязывание, если этот ребенок не ценит моего труда? – заявила она, отпоролла от своего старого пиджака карман и пришила там, где красовалась зацепка. Вот так на спинке Каринкиного жилета ни к селу ни к городу образовался карман. Сестра не унывает и хранит в этом кармане разную стратегического назначения мелочь – монеты, гвозди, магнит, несколько затупленных боров папиной бормашины. Ведет готовый к отпору образ жизни.

– Главное, – она расстелила на письменном столе жилет, – темно-зеленый, по цвету совсем как военный.

– Да, по цвету очень даже военный, – согласились мы с Манькой. – А как ты будешь ему пуленепробиваемость придавать?

– Легко. Мне нужны две крышки, такие, от железных кастрюль...

– Может, алюминиевых? – уточнила я.

– Алюминиевых, ага. Я их приделаю впереди, справа и слева.

– Как приделаешь?

– Ну. Можно крест-накрест пришить нитью, вот так и так, как ты думаешь, держаться будет?

– Будет.

– А еще мне нужен наш квадратный поднос из нержавеющей стали, чтобы сзади под спинку приделать. И фольга нужна.

– Фольга зачем? – встрепнулись мы с Манькой. Фольгу трогать ни в коем разе нельзя, она была жутко дефицитная, и доставали ее с большим боем. Мама с Ба наловчились пользоваться ею по нескольку раз – аккуратно, чтобы не помять, мыли под проточной водой, сушили в сушилке и хранили до следующей готовки.

– Мне немного надо, просто вырезать из картона погоны на плечи и обклеить фольгой. Пойду за материалом! – И сестра пришпорила в сторону кухни.

– Ты только у мамы попроси, фольгу без спроса не бери, – окликнула ее я.

– Думаешь, рассердится?

– Ба бы за такое, наверное, побила, – прошепелявила Манька – она перекусывала нитку, поэтому говорила невнятно, – точно бы побила!

– Ладно, спрошу.

Каринка вернулась через пять минут, загруженная кухонным скарбом и тарелкой с бутербродами.

– Мама передала. Сказала, чтобы всё съели. Скоро придет посмотреть, что у нас получилось.

– И фольги тебе дала?

– Угу. Так обрадовалась, что я не сама взяла, а попросила у нее, что отдала мне кусочек новой фольги.

– Непользованой? – встрепнулись мы с Манькой.

– Совсем новой!

Вот так, на удивление мирно переговариваясь, мы и готовились к завтрашнему визиту московской незнакомки. Мама осталась довольна нашими помпонами, только немного подровняла их. Мои помпоны мы пришили к гольфам, а Манькины убрали в пакет. Чтобы вечером Ба довела до ума ее гольфы. А потом мы всем миром любовались Каринкой. Каринка ходила в своем пуленепробиваемом жилете, растопыренная крышками и подносом из нержавеющей стали, бликовала погонами из фольги и имела вполне воинственный вид.

Думаю, моя сестра все-таки не совсем правильная девочка. Я не знаю ни одной другой девятилетней девочки, которая бы дразнила волкодава и ходила в пуленепробиваемом жилете. Или умела выразить

свои горячие чувства только посредством побоев и прочих телесных повреждений. Наверное, наша Каринка – действительно из ряда вон выходящее явление. Не зря же Ба ее называет «Тунгусским метеоритом» и «Апокалипсисом сегодня».

Вот сейчас я об этом думаю, а в носу щиплет. От гордости за нашу семью. Потому что только нам повезло с такой выдающейся девочкой. Потому что второй такой Каринки во всем мире не сыскать. Еще бы. Еще одна такая Каринка – и участь человечества была бы решена не в пользу человечества. Определенно.

* * *

Утро следующего дня мы провели в лихорадочных приготовлениях – наводили марафет. Вскипятили бигуди, накрутили мне волосы. Попросили у мамы косметики, получили категорический отказ. Обиделись, но унывать не стали. Густо надушились туалетным освежителем воздуха «Лесные ягоды» и подвели глаза Каринкиным химическим карандашом. Подвели неумело, зигзагом. Зато хорошо обслюнявили карандаш. Чтобы макияж держался намертво.

Мама по достоинству оценила наш неземной вид – наорала и немедленно поволокла в ванную – умываться. Только неземной вид полностью смываться отказывался.

– Ну не пемзой же оттирать, – сокрушалась мама, намыливая то мое, то Манино лицо.

Потом она какое-то время без зазрения совести смеялась в наши разношерстные глаза.

– Вот и ходите такие красивые, – всхлипывала она.

Но мы с Манькой обиженно заявили, что не желаем иметь неконкурентоспособный вид.

– Тетьнадь, неужели ты не понимаешь! – втолковывала маме Мань– ка. – Хочется, чтоб московская девочка увидела нас красавицами!

– Красавицами так красавицами, – вздохнула мама, принесла свою косметичку и красиво обвела нам глаза сурьмой.

– А губы? – попросили мы.

– Не наклейте, – отрезала мама. – И зарубите себе на носу – еще раз увижу, что вы экспериментируете с химическим карандашом, накажу обеих. А лучше Ба на вас нажалуюсь. Ясно?

– Ясно!

Время до прихода гостей мы убивали как могли. Манька постоянно бегала в ванную комнату – обильно смачивать боевой чубчик. Боевой чубчик, хоть и был крепко зафиксирован многочисленными заколками, вел себя безобразно – немилосердно кудрявился во все стороны и портил «городской вид» хозяйки. Я щеголяла в голубом сарафане, Манька – в красивом синем комбинезоне, у обеих на гольфах весело подпрыгивали желтые помпончики. Каринка франтила в пуленепробиваемом жилете и шортах цвета хаки. Имела фальшиво праздничный, но в целом милитаристский вид. Гаянэ заплела свои густые волосы в коротенькую, смешно торчащую косу и не расставалась с бордовой сумочкой через плечо. И только Сонечке было безразлично наше лихорадочное ожидание. Сонечка в силу своих неполных двух лет ничего в городском лоске не понимала и топала по дому в надетой задом наперед и шиворот-навыворот маечке. Попытки переодеть майку пресекала громким ревом – нашей младшей сестре очень нравился красный ярлык на спинке маечки, и она желала лицезреть его исключительно у себя на груди. И нигде более.

Гости нагрянули ровно в два часа. Когда раздался звонок в дверь, мы кинулись гурьбой в прихожую. Но открывать не стали, выстроились в нарядную шеренгу, с правого фланга Гаянэ, потом

Манька, потом Каринка с рогаткой наперевес. Замыкала праздничный караул я. Это был коварный стратегический ход – раскинуться цветущим букетом и сразить своим неотразимым видом столичную гостью наповал. Мама, вытирая руки кухонным полотенцем, аккуратно обошла нашу торжественную композицию и отворила дверь.

Мы вытянули шеи. На пороге стояла бабушка Заринэ. Из-за ее спины испуганно выглядывала кареглазая и круглощекая девочка.

– Здравствуй, Надя, – поздоровалась бабушка Заринэ. – Вот, пришли знакомиться с твоими девочками. Надеюсь, они подружатся с моей Настей.

Она подвинулась, уступая авансцену московской гостье.

– Здравствуйте, тетя Заринэ, – поздоровалась мама. – Здравствуй, Настенька.

– Здрассьти, – пискнула Настя и робко шагнула в прихожую.

– Вот, придела девочку во все наше, натуральное. А то привезли в каких-то дурацких нарядах, разве можно ребенка синтетикой мучить? – бухтела бабушка Заринэ, выдвигаясь следом за внучкой в прихожую.

Мы молча расступились, пропуская гостей. Московская девочка выглядела так, словно приехала к нам прямо из дремучего Средневековья – грубой вязки жакет, холщовая блузка на простеньких пуговицах, длинная юбка в клетку. На ногах – коричневые носочки. И только нарядные сандалии выдавали ее городское происхождение. Видимо, смастерить трехи ^[34] для внучки бабушка Заринэ не успела.

– Накормила ее на ужин сали, напоила парным молоком. А ее с утра обсыпало! – Бабушка Заринэ погладила шершавой ладонью красные ди-атезные щечки внучки. – Вон что означает городской ребенок. На нормальную еду аллергия высыпает!

Настя смотрела на маму таким жалостливым взглядом, словно просила выкупить ее из рабства. Мама растерялась, зачем-то протерла девочке лицо кухонным полотенцем. Смешалась еще больше.

– Кхм. Настенька, детка. Знакомься. Это мои дочки. Самая высокая – Наринэ. В пуленепробиваемом жилете Каринка. С сумочкой через плечо Гаянэ. Самая маленькая – Сонечка. А это Маня, закадычный друг нашей семьи. Дети, идите поиграйте в детской, пока я на стол накрываю.

– Сали – очень тяжелая еда, – повела мама под локоток бабушку За–ринэ в кухню. – Вот у девочки с непривычки и высыпало. Сейчас поищу в аптечке антиаллергенный препарат. А вам надо кормить ее щадящей пищей.

– Надя! Можно подумать, сали – это кавурма! Это же простое деревенское блюдо – слоеное бездрожжевое тесто на сливочном масле! Я же не стала его на топленом масле, как наши предки, готовить! Замесила тесто, раскатала, смазала маслом, сложила, снова раскатала, снова намазала маслом. И так восемь раз. Испекла на печке, посыпала сахарным песком. Я что-то не так сделала?

– Не знаю, тетя Заринэ, я не умею готовить сали.

– А кавурму умеешь?

– И кавурму не умею.

– Неправильная ты невестка, Надя, сразу видно, что городская девочка. Ничего из исконно нашего готовить не умеешь.

– Так кавурма вроде тюркское блюдо, разве нет?

– Какая разница? Пусть тюркское. Главное, что вкусно. И сытно. А ты не готовишь, ай-ай-ай! Не беда, я научу тебя делать кавурму. Весь секрет в правильном мясе. Нужно брать или говядину, или баранину. Если кто-то предложит тебе сделать кавурму из свинины – смело плюй ему в глаз. Он тебе добра не желает, это я тебе гарантирую!

– Пошли с нами, – шепнула я Насте, – или тебе интересно про рецепт кавурмы послушать?

– Пошли, – кивнула она. – Мне бы этот жакет снять, а то он даже через блузку чешется.

– Жакет чешется? – захихикала Манька.

– Ага, – захихикала в ответ наша гостья.

– А ты умеешь по-армянски говорить? – лязгнула жилетом Каринка.

– Нет.

– Если хочешь, я могу научить тебя бранным словам.

– Хочу, – важно кивнула Настя и потыкала Каринку пальцем в спину. – А зачем тебе такой гремящий жилет?

– Это не гремящий жилет, а пуленепробиваемый. От врагов.

– Хочу себе такой же!

Мы с Манькой настороженно переглянулись. Второго агрессора в наших рядах мы бы просто не пережили. Правда, наши страхи

оказались беспочвенными, потому что Настя оказалась мировой девочкой. В меру шептунья, в меру любознательная. Если в первые часы знакомства она немного стеснялась нас, то к вечеру уже бегала, улюлюкая, по двору, лазала по деревьям и стреляла из Каринкиной рогатки. Потом мы лежали на пледе под ивой, и Настя рассказывала нам про далекую Москву. Про большой и шумный метрополитен, про кукольный театр Образцова, про цирк с клоунами и акробатами, про шоколадное мороженое в хрустальном вафельном стаканчике с кремовой розочкой, про Красную площадь. А мы в свою очередь рассказали ей про наш ДК, про цыган, которые ежемесячно разбивают свой табор на окраине нашего городка, про то, как стреляли в физрука, но, к сожалению, не попали. Про разные другие страсти рассказали, например – про озеро Цили с его двухголовыми змеями, про то, что если летучая мышь вцепится тебе в лицо, то уже не отцепится никогда.

Насте так понравились наши страшилки, что она изъявила желание поселиться у нас дома. Бабушке Заринэ с большим трудом удалось увести ее к себе.

– Тетьнадь, завтра буду ровно в девять! – предупредила Настя, уже стоя в дверях, а потом, чуть подумав, добавила: – Можно, пожалуйста?

– Конечно, можно, – улыбнулась мама.

Московская гостья оказалась на удивление пунктуальной девочкой и в девять ноль-ноль следующего утра позвонила в нашу дверь. Правда, мы давно пребывали в полной боевой готовности, потому что ни свет ни заря примчалась Манька – будить нас к приходу Насти. А то на дворе раннее утро, вон, даже первые петухи кричат, а вы спите без задних ног! Так что к девяти часам мы много чего успели переделать – заправили постели, умылись, почистили зубы, позавтракали. И даже в пылу дискуссии чем еще заняться немного подрались. Принять более масштабные габариты драка не успела – в дверь позвонили.

– Я сказала бабушке, что если она будет заставлять меня надевать эти ужасные одежды, то я переселюсь к вам! – заявила с порога Настя и повертелась, чтобы мы оценили ее нарядное платье.

– Красота какая! – поцокали языком мы. – А она чего?

– Кто она?

– Бабушка.

– А! Она ничего. Согласилась. Куда пойдём сегодня гулять?

Мы крепко задумались. Берд, конечно, не Москва. Поэтому достопримечательностей раз-два – и обчелся. Имеется краеведческий музей, но он уже два месяца как на ремонте. Аттракционов у нас, к сожалению, не наблюдается. На макушке холма, где расположен квартал Соран, раскинулся красивый парк. Только никто там не гуляет. Да и какой интерес в парке, если кругом, куда ни глянь, сплошные леса. Поэтому деревьями бердцев не удивить. Но, может, нашей гостье будет интересно там погулять?

– Неа, – покачала головой Настя, – в Москве мы живём рядом с Ботаническим садом, так что меня тоже деревьями не удивить.

– А давайте сходим на развалины крепости, – предложила Каринка.

– Заодно искупаемся в речке! – подпрыгнула Манька.

– А давайте! – подхватили мы с Настей.

Мама собрала нам припасов для перекуса – бутерброды с сыром и колбасой, помидоры-огурцы, немного фруктов, печенье. Все это она аккуратно сложила в линялый и мятый от частого мытья полиэтиленовый пакет. Новый пакет доверять нам не стала – новые пакеты были наперечёт, да и щеголяли с ними только взрослые, ведь нарядным полиэтиленовым пакетом легко можно облагородить любой унылый советский экстерьер!

Старая крепость пришлась Насте по душе. Я бы даже сказала, что чрезвычайно пришлась по душе, – заметив вдали ее развалины, она сначала встала как вкопанная, потом издала восторженный клич и рванула с места, сверкая на лету пятками. Мы какое-то время, разинув рты, наблюдали, как стремительно удаляется в голубые дали наша московская гостья.

– Чего это она? – промычала Манька.

– Догонять надо. Там разберемся, – скомандовала Каринка и рванула следом.

Мы с Манькой пришпорили, путаясь в пакетах, – я прижимала к груди припасы, а Манька – полотенца, на которых мы планировали поваляться после купания в речке. Потерять из виду Настю мы не боялись – ориентировались на пыль столбом, которая клубилась по маршруту ее движения.

трехэтажное здание из розового туфа. Это релейный завод, там работает дядя Миша. А если повернуть голову налево, то на макушке соседнего холма можно разглядеть двухкорпусное здание из желтого туфа. Это больница, там работает наш папа. А во-о-он там, на перекрестке трех дорог, стоит каменное трехэтажное здание – это Бердская средняя школа номер два, там учимся мы с Каринкой. А еще там работает наша мама. Манина школа называется Бердская средняя школа номер три, ее отсюда не видать, она на макушке третьего холма, который вот за этим, с больницей.

– А почему вы не в одной школе учитесь? – любопытствовала Настя.

– Манина школа – самая новая и самая большая, мы бы с радостью там учились, но мама работает во второй школе, вот и мы учимся там, – терпеливо объяснили мы.

– А что, обязательно учиться в той школе, где работает мама?

– Ну, – замаялась я и покосилась на Каринку, – в нашем случае обязательно. Чтобы мы постоянно были у нее на виду и чего-нибудь не вытворили.

– Ага, теперь я про вас почти все знаю, – удовлетворенно потерла руки Настя. – А сейчас знаете что вы будете делать? Сейчас вы будете со мной «Скалолазку» петь!

– Какую «Скалолазку»?

– Это песня такая. Известная. Не помню, как певца зовут.

– Не знаем мы такой песни.

– Совсем не знаете?

– Совсем.

– Тогда давайте я буду петь по строчке, а вы следом будете повторять то «скалоллллллллллзлазка моя», то «алллллллллльпинисточка моя»! Нам надо животных перекричать. Ну как?

Вообще с первого раза мы мало что понимаем. Нам можно по восемь раз повторять «иди, сделай уроки» или «убери за собой со стола». Вроде слова мы слышим и даже в смысл вникаем. Но на свой счет отнести этот смысл не умеем. Посему периодически напрашиваемся на нагоняй.

Однако есть вещи, которые мы схватываем буквально на лету. Чаще всего это вещи, которые категорически не по душе взрослым. Непонятно, как оно так выходит, но угодить родителям у нас

получается в тысячу раз реже, чем подсуропить им. Поэтому ничего удивительного, что второй раз просить нас перекричать живность Насте не пришлось. Мы с готовностью набрали полные мехи воздуха и завели такой нечеловеческий ор, что содрогнулись все соседние холмы.

– Я спросил тебя: зачем идете в горы вы? – орала Настя.

– Скаллллллоллллллллазка моя! – вторили мы. – Скаллллллоллллл-лллллллазочка!

– А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой...

– Алллллллллллллльпинистка моя! Алллллллллллллльпинисточка!

Живность с холма напротив билась в несусветном раже. Собаки выворачивались наизнанку от бешеного лая, мычали коровы, мемекали козы, хрюкали свиньи. Казалось – еще немного, и холм добровольно выдерется с корнем и ляжет на какой-нибудь дальний, безвозвратный курс. Мы так распалились в попытке перекричать взбесившихся животных, что не сразу обратили внимание на какой-то посторонний, но очень знакомый звук.

– Мария!

– А потом, за эти проклятые трещины...

– Дети! Маня!

– Скаллллллоллллллллазка моя! Скаллллллолллллл-лллллллазочка!

– МАРИЯ!

Мы резко обернулись.

Под крепостной стеной, близоруко щурясь и бликуя на солнце очками, стоял дядя Миша. Несмотря на невыигрышное место дислокации, вид он имел такой, что мы молча потопали вниз. Пока мы с виноватым видом строились перед дядей Мишей в понурую шеренгу, живность с соседнего холма продолжала биться в истерике, и только через минуту-вторую, тяжело отлаиваясь и отхрюкиваясь, начала притихать.

– Что тут происходит? – Дядя Миша навис над нами грозовой тучей.

– Здрассьти, Дядьмиш! – попытались отвлечь его вежливым приветствием мы.

– Ничего себе «здрассьти»! Я вас спрашиваю – что тут происходит? Это надо было такой шум поднять, чтобы я в своем

кабинета его услышал и примчался утихомиривать вас?

– Мы «Скалолазку» поем, – пискнула Настя. – Высоцкого. Во, от страха вспомнила фамилию певца.

– Это называется петь?

– Пап, мы хотели живность перекричать, – вступила Манька.

– Зачем?!

– Чтоб эхо слышать.

Дядя Миша какое-то время глядел на нас вытаращенными от изумления глазами. Потом начал смешно приседать и хлопать себя по бокам. Если бы он это делал с улыбкой, мы бы расхохотались, но он выдавал эти свои телодвижения с таким свирепым лицом, что мы смотрели на него молча.

Через минуту он все-таки перестал приседать, побагровел лицом и устроил нам настоящую головомойку в лучших традициях Ба. Правда, до лексикона Ба ему было далеко, поэтому мы периодически подсказывали ему правильные слова. Дядя Миша подхватывал их и распекал нас дальше. Так что благодаря нашим подсказкам его воспитательная речь обогатилась словами «азраилы», «аспиды», «иблисы» и «дегенератки».

Вдоволь выговорившись, он загрузился припасами и погнал нас вниз – к речке. Постелил на берегу полотенца, разложил на скатерти бутерброды, проследил, чтобы мы всё съели, и, грозно рыкнув на прощание, ушел обратно на релейный завод – медитировать в очередное свое открытие.

– Па, а как ты нас из окна разглядел? – крикнула ему в спину Манька.

– В бинокль, – буркнул дядя Миша.

– У тебя в кабинете есть бинокль?

– Нет. У заводского сторожа взял. Смотрите у меня!

– Смотрим, смотрим!

Остальное утро мы провели просто замечательно. Сначала плавали в речке, мы – в купальниках, а Каринка – при полном боевом обмундировании – в жилете и с двумя рогатками наперевес. Объяснила она это тем, что нужно тренироваться на случай диверсии с вражеской стороны. Потом мы загорали на солнышке и Настя рассказывала про своего папу. Оказалось, что дядя Юрик работает в месте с таинственным названием «Петровка». В этой Петровке работают все следователи Москвы. Расследуют такие опасные дела, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Да ну эту Америку, пойду на Петровку работать, – лязгнула из-под сохнувшего бронежилета Каринка. Картонные погоны пали в воде смертью храбрых, поэтому сестра сейчас сосредоточенно оттирала их ошметки с жилета и раздумывала, из чего бы такого сделать погоны, чтобы они переносили любые погодные условия.

– Хорошо переносит влагу камень, – важно задвигала бровями я.

Каринка вынырнула из-под жилета и постучала себя по лбу:

– Ты вообще соображаешь, что говоришь?

– А железо? – пошла на уступки я.

– Железо – это идея. Ладно, посмотрим, – шмыгнула носом сестра.

Вдоволь позагорав, мы вдруг резко проголодались, взяли штурмом соседний виноградник и, отчаянно гримасничая, сожрали целый куст незрелого, обработанного от вредителей каким-то пахучим химикатом винограда. Настя плакала от такого вселенского счастья и приговаривала, что в Москве ничего подобного в жизни бы с ней не приключилось. Чтобы прямо с куста! Грязными руками! Есть невымытый виноград!

– Вот, тут даже какая-то птичья какашка, – ткнула она пальцем в белую кляксу, – есть или не надо?

– Ты чего? Не надо! – зашикали на нее мы.

– А то мало ли, – вздохнула Настя.

Потом мы пошли на релейный завод – представлять нашу московскую гостью дяде Мише. А то наорать-то он на нее наорал, а по-человечески познакомиться не успел.

Застали мы дядю Мишу с телефонной трубкой у уха – мама просила его сходить на речку и посмотреть, как мы там, а то давно уже пора возвращаться на обед, а нас все нет и нет.

– Надя, они у меня, – успокоил ее дядя Миша, – сейчас мне на перерыв уезжать, так что заберу их с собой. Пусть у нас пообедают.

Потом мы весело ехали на Васе к Маньке домой, и Настя, высоко подпрыгивая на деревянной лавке от немилосердной тряски, ахала, что никогда в жизни не видела такой замечательной машины – чтобы страшная снаружи и гремучая внутри.

Ба встретила нас, запаренная готовкой, и погнала обедать. Обедали мы под неустанный рассказ Насти про Петровку и Москву. Ба благосклонно внимала госте – Настя оказалась правильной девочкой, спрашивала разрешения помыть руки и сесть за стол, благодарила за первое и второе. А под конец махнула рукой на манеры, протерла горбушкой тарелку, собирая остатки жаркого и пюре, чем окончательно снискала расположение Ба. Правда, от добавки отказалась.

– В жару много есть нельзя, – заметила она резонно, – и потом, я сейчас домой вернусь, а там небось бабушка Заринэ меня с обедом ждет. Не могу же я ее отказом обидеть!

– Какая золотая девочка! – всплеснула руками Ба и осуждающе уставилась на нас. Мы молча протерли горбушками свои тарелки.

– То-то! – хмыкнула Ба.

Потом зазвонил телефон, и она побежала отвечать. Какое-то время ахала в трубку.

– Мам, что там случилось? – крикнул дядя Миша.

– Звонила Рая. Сегодня какие-то дети довели до истерики всю живность их квартала.

– Так. – Дядя Миша кинул на нас многозначительный взгляд. Мы покрылись мурашками. Ба, не замечая наших каменных лиц, продолжала рассказывать:

– Помнишь, какой у Раи был красивый петух? Прямо не петух, а настоящий простигосподи. Всех окрестных кур терроризировал. Бабник!

Тут Ба уставилась своим фирменным немигающим взглядом на сына.

– Та-а-а-а-ак! – собрался дядя Миша.

– Умер от разрыва сердца. Орал-надрывался на шум, и вот. Знать бы, кто были эти изверги, которые животных дразнили, и повыдергивать им ноги! Мария, вы же на речке были, неужели ничего не слышали?

– Ничего не слышали, Ба, мы вверх по течению пошли, в сторону дальнего ельника. Чтобы подальше от дороги, – зачастила Манька.

– Кхм, – отозвался дядя Миша.

– Ба, а зачем ты петуха назвала «простигосподи»? – встряла я.

– Это вы уже у Миши спрашивайте, – хмыкнула Ба. – Да, Мойше? Видишь, что случается с неразборчивыми бабниками?

– Мамеле, ты опять за свое? – рассердился дядя Миша. – Хоть бы при гостях не выражалась!

– Да разве я выражаюсь? Я на-ме-ка-ю. Ясно? – Ба посмотрела на нас поверх своих больших очков и весело подмигнула.

Мы подобострастно захихикали в ответ. Выбрались из-за стола, поблагодарили за вкусный обед и потрусили к выходу, малодушно оставляя дядю Мишу на растерзание. Главное было унести сейчас ноги, пока Ба не вычислила, кто на самом деле виноват в гибели петуха тети Раи.

Провожали мы Настю до самого ее дома. Правда, во двор заходить не стали, побоялись, что бабушка Заринэ заставит нас по второму кругу обедать.

– Я к вам вечером загляну, – обещала Настя.

– Хорошо, – кивнули мы и пошли прогулочным шагом домой. По дороге заглянули к папе на работу – просто поздороваться. Застали волнующий момент многоборья – папа бегал по кабинету за какой-то тетенькой, пытаясь усадить ее в кресло, чтобы сделать обезболивающий укол. Муж тетеньки в позе вратаря стоял в дверях кабинета – ловить ее на случай, если она попытается вырваться на свободу и ускакать восвояси.

– Ого, придется и нам, видимо, эту тетеньку ловить, – оживилась Ка-ринка.

Но ловить тетеньку не пришлось. Почему-то при виде нас она успокоилась и дала сделать себе укол. Пока она ждала, когда подействует анестезия, Манька забавляла ее разными рассказами про то, как она любит ходить по врачам.

– Особенно люблю, когда делают рентген. Раз – и можно увидеть, какой у тебя скелет. Обязательно попробуйте, вам понравится! Вы, например, знаете, как выглядит ваш таз? – любопытствовала она.

Тетенька смеялась так вдохновенно, что даже не заметила, как папа удалил ей зуб.

– Фух, – утер он пот со лба, когда пациентка, завернув в салфетку выданный зуб на память, попрощалась и ушла, – дети, просите чего хотите, вы меня сегодня крепко выручили!

– Пап, сделай мне железные погоны, – вспомнила о своем Каринка.

– Какие железные погоны? – поперхнулся папа.

– Ну такие, на плечи. Чтобы в воде не мокли. А то картонные испортились. И фольга пропала, потому что сильно помялась.

Папа побарабанил пальцами по столу.

– Пойдем в кабинет дяди Максима. Он у нас зубной техник, авось чего придумает.

– Из зубов погоны сделает? – обрадовалась Каринка.

Папа рассмеялся.

– Может, и из зубов.

Зубной техник дядя Максим встретил нас с распростертыми объятиями. Пряча улыбку в пышные усы, выслушал просьбу о железных погонах.

– Юрик Драстаматыч, как вы думаете, заслужила ваша дочка булатные погоны?

– Максим Иванович, думаю, заслужила. Да и выбора у нас, кроме как согласиться, нет. Или мы ей погоны, или она нам испортит месяц

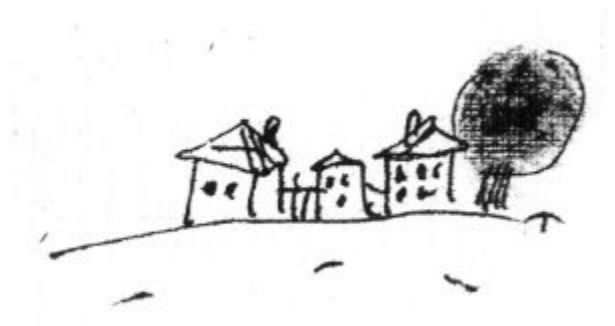
спокойной жизни.

– Это я легко могу, – подтвердила Каринка.

– Ладно, уговорила, – кивнул дядя Максим, – что-нибудь придумаю. Правда, погоны никогда не делал, поэтому не уверен, что они у меня получатся.

– Максим Иванович, вся надежда на вас! – сдвинул белоснежный колпак на затылок папа.

– Юрик Драстаматыч, обещаю, что сделаю все от меня зависящее!

Вечер мы провели в традиционном времяпрепровождении – расположившись под ивовым деревом, слушали рассказ Насти о Москве. Правда, теперь ее рассказ приобрел несколько трагический оттенок.

– Цирк – это, конечно же, хорошо, – вздыхала она, – но и покричать со стены крепости очень даже здорово. Шоколадное эскимо – это очень вкусно. Но и кислый виноград самое оно!

– Переезжай к нам, – предложили мы ей.

– Вряд ли папа с мамой согласятся, – грустила Настя, – и потом, в Москве моя близкая подруга живет, Танька Шаповалова. На кого я ее оставляю? Она же совсем слабенькая, только и делает, что на пианино играет. А если выйдет во двор, обязательно в какую-нибудь историю вляпается. То в яму провалится, то мячом по голове получит, то деньги потеряет!

– Много потеряет? – заволновались мы.

– Однажды вообще рубль потеряла! Железный, юбилейный.

– Сильно ей попало?

– Неа, ей вообще не попало. У нее родители очень мирные, никогда Таньку не ругают.

– А если она пожар устроит на кухне?

Или унитаз половником забьет? – заволновались мы.

– А что? Вы уни-уни-таз половником заби-заби-вали? – стала заикаться Настя.

– Было дело, ага, – важно кивнули мы и принялись наперебой рассказывать Насте историю про унитаз, половник и поездку в Адлер [35].

– Ну вы дай-о-о-о-о-о-оте! – вздыхала периодически Настя. – Ну вы ваще-е-е-е-е-е!

Окрыленные ее восторгами, мы много чего ей понарасказывали. И если бы не наступивший вечер и низко летающие над нами летучие мыши, мы бы вообще не останавливались. Но их лихорадочный полет мигом разогнал нас по домам. Еще бы, кому охота всю оставшуюся жизнь ходить с противной летучей мышью на лице? Никому!

– Буду завтра, в девять ноль-ноль, – снова крикнула нам на прощание Настя.

– Значит, надо будет будильник на шесть поставить, – решила Манька.

– А чего это на шесть?

– Ну, пока проснусь, пока почищу зубы и прибегу к вам, как раз девять и будет!

– Ты сегодня у нас вообще в семь была.

– Да? Тогда поставлю будильник на шесть тридцать. Чтобы прийти к вам не слишком рано, но и не совсем поздно! В семь пятнадцать, например.

Гостила у нас Настя две недели. Уехала вся в слезах, обещала вернуться в следующем году.

– На все лето приеду, – предупредила она бабушку Заринэ.

Бабушка Заринэ была на седьмом небе от счастья. Набрала в дорогу много припасов, поехала с внучкой в Ереван – провожать ее на самолет. Настя должна была лететь в Москву с близким другом и коллегой дяди Юрика дядей Сергеем. Когда дядя Сергей увидел багаж Насти, чуть в обморок не грохнулся – шутка ли, пять двухлитровых банок кавурмы, корзина со свежайшими фруктами, а еще два чемодана домашних сладостей и прочей «правильной» деревенской еды!

– Куда, куда столько? – лепетал дядя Сергей.

– Фундук пусть первым делом съедят, – не обращая на его протесты внимания, инструктировала бабушка Заринэ, – а то он молочный, созреть не успел, поэтому лежать долго не будет.

Дядя Юрик потом отчитывал свою маму по телефону, мол, мам, ты хоть соображаешь что творишь, это же мой непосредственный начальник, следовательно номер один в Москве! А ты из него выючное животное сделала!

– Можно подумать, у этого твоего начальника матери нет. Можно подумать, она себя как-то по-другому ведет! – встала руки в боки бабушка Заринэ. – Ты мне вот что скажи, фундук съели?

– Съели! – рявкнул дядя Юрик.

– Вот и молодцы!

Отъезд Насти мы очень переживали, потому что успели привыкнуть к ней. Своих в доску девочек в этом мире очень мало, поэтому, если уж попадается какой-нибудь один экземпляр, отпускать его от себя не хочется.

Особенно переживала Каринка. Потому что Настя не успела оценить ее обновленный бронежилет. Дядя Максим сдержал свое слово и смастерил Каринке булатные погоны. Они были не шибко гладкие и вообще неправильной формы, но оказались вполне себе блестящие, с дырочками по краям, чтобы легче было пришивать их к жилету.

Дядя Миша остаться равнодушным к такой красоте не смог и сделал на релейном заводе специальные накладки. И мама, наконец, получила обратно свой поднос и кастрюльные крышки.

Каринка теперь ходит вся из себя довольная, бронированная, как настоящий тамплиер. Недавно задумалась над шлемом. Выпросила у Ба глубокий эмалированный тазик, а потом прилипла баннным листом к дяде Мише – убеждает его просверлить в тазике правильные отверстия для глаз и приделать шнурки, чтобы можно было завязывать их под подбородком.

– Тогда шлем будет держаться намертво, и моя голова выдержит удар молотом, – мечтательно выговаривает Каринка.

– Каким молотом? – пугается дядя Миша.

– Большим!

Мы с Манькой в Каринкины переговоры не вмешиваемся. Мы-то понимаем, к чему такие приготовления. Скоро из Кисловодска возвращается Рубик, вот сестра и готовится к незабываемой встрече с ним.

Посему у нас к вам обращение. Пожалуйста, передайте кто-нибудь Рубику, чтобы он не возвращался. А то тут его Каринка ждет. В шлеме из тафика и в бронированном жилете с булатными погонами. С карманом, набитым железными гайками, на спине. Он небось жить хочет, этот Рубик. Вот пусть и сидит безвылазно в Кисловодске. Иначе мы за нашу Каринку не отвечаем. (Подумав.) Да и за себя тоже не отвечаем.

Мы вообще безответственные дети. Оказывается.

Глава 11. Манюня спешит на выручку, или Подарок для тети Киры

Медсестру, которая долгие годы преданно ассистирует папе, зовут тетя Кира. Мама говорит, что тете Кире надо памятник поставить, прямо перед входом в стоматологическое отделение. Потому что тетя Кира – героическая женщина. Не каждой медсестре по плечу работать в творческом тандеме с таким грозоточивым человеком, как наш папа.

Это надо же быть таким хорошим и чутким специалистом, чтобы: а) по форме изогнутой брови определить, какой инструмент нужно передать доктору, б) служить амортизатором между ним и истеричными пациентками, в) головой отвечать за постоянную готовность операционной, д) без отрыва от «производства» одновременно находиться в разных концах отделения. И самое главное – отвечать за душевное спокойствие больных. Потому что хоть наш папа замечательный врач, и руки у него золотые, но чуткости в нем, как в охотничьем тесаке. То есть ноль. И с состраданием относиться к капризным пациентам он не умеет.

– Да что с ними сюсюкать! – взрывается каждый раз папа. – Доводят дело до гнойного пульпита, и давай потом в кресле кочевряжиться! Нет чтобы вовремя к врачу пойти!

– Вот я и говорю, что Кире надо памятник поставить, – не понимает мама. – Она как голубь мира между вами реет.

– Между кем это между нами?

– Между тобой и твоими жертвами, ой, извини, больными.

– Женщина, ты понимаешь что говоришь? – оскорбляется папа. – Какие такие жертвы?

– Да шучу я, шучу! – отмахивается мама с таким выражением лица, что не очень и понятно, шутит она или нет.

Так как веры маминому выражению лица кот наплакал, папа, периодически озираясь на нее, какое-то время профилактически булькает, словно забытый на электроплите закипевший чайник.

– Кировабадци ^[36] – гундит он себе под нос. – Наказал Бог женой!

– А надо было мужем наказать, да? – язвительно вклинивается в его гундеж мама.

– Чего это мужем?

– Да ничего! Так просто, о птичках поговорить!

Тетю Киру любят не только взрослые. Дети тоже в ней души не чают. Но особенно ее любит Манька.

– Ах-ах! – закатывает она глаза каждый раз, когда разговор заходит о папиной медсестре. – Тетя Кира такая добрая, такая ласковая. Всегда конфеткой угостит. А еще она с утра до ночи работает с Дядьурой и видит, как он людям зубы выдирает! И на операциях много чего страшного видит! Это надо же, чтобы человеку так повезло!

– А ты становись стоматологом, и тоже каждый день будешь выдирать людям зубы! – как-то предложили мы ей.

– Не исключено, но вряд ли, – вздохнула Манька, – мне бы лучше мороженым торговать!

– Мороженым каждый дурак захочет торговать. А вот зубы выдирать не каждый дурак пойдет! – пожала плечом я.

Каринка захихикала:

– Ты хочешь сказать, что наш папа дурак?

– Нет! Я хотела сказать...

Манька нетерпеливо махнула рукой:

– Нарка, это понятно, что ты хотела сказать. Но мороженым торговать ведь интереснее, чем зубы вырывать, так?

– Так, – кивнула я.

– Ну вот. Об этом я и говорю!

Тот факт, что мороженым торговать в миллион раз интереснее, чем зубы выдирать, ни в коем разе не умаляет Тетикириного светлого образа в наших глазах. Потому что тетя Кира – самый приветливый, добрый и отзывчивый человек на свете. И чаем угостит, и покажет, как инструменты стерилизуют, и, когда папа этого не видит, покатает нас в стоматологическом кресле. Чтобы поднять или опустить кресло, нужно надавливать на специальную педаль. Сидящий в кресле человек дотянуться до нее никак не может. Поэтому тетя Кира по очереди усаживает в кресло то Маньку, то Каринку и, резво надавливая на педаль, катает их вверх и вниз. Я наблюдаю этот аттракцион издали, потому что нет в мире силы, которая заставила бы меня добровольно сесть в стоматологическое кресло. А если даже такая сила и существует, то ей придется мобилизовать все свои резервы, чтобы до этого кресла меня доволочь. Уж не знаю, откуда во мне столько страха, но любой поход к врачу я превращаю в такое светопреставление, что самой потом совестно. Но это потом, когда тебя уже привели домой, и ты, не в силах больше плакать, тихо икаешь в угол, куда тебя поставили за «примерное» поведение. Честно говоря, я плохо помню, что в кабинете врача творю. Судя по квадратным глазам медперсонала – что-то несусветное. И главное, откуда у меня силы берутся сопротивляться целому отделению, ума не приложу! Но факт остается фактом – ни одному работнику нашей поликлиники еще не удалось

меня по-человечески осмотреть. Только ухо-горло-носу тете Тамаре удалось. И то издали.

А Манька врачей совсем не боится. Тоже ненормальная, скажете? Как такое может быть, чтобы девочка не боялась врачей? Совсем не боялась? Ни капельки? Но вот ведь удивительная история – Манька действительно их не боится! Если бы не рамки приличия (то есть строгий запрет Ба), она каждый день, как на работу, ходила бы на прием в поликлинику. Притом она ведь не с визитом вежливости туда приходит! Она ведь напрашивается на разные процедуры – кровь из пальца сдать, может, какие еще анализы. К папе обязательно зайдет, а то мало ли, вдруг пришла пора несколько зубов запломбировать, а остальные вообще вырвать! Папа Мань– ку за такое трепетное отношение к своему организму очень хвалит и постоянно ставит мне в пример. А я в ответ обиженно соплю. Мне бы очень хотелось быть такой же бесстрашной, как моя подруга. Но у меня не получается.

Что касается нашей Каринки, то врачей она просто не замечает. Наверное, над Каринкой можно какие угодно медицинские эксперименты ставить, она даже ухом не поведет. А всё почему? А всё потому, что в кабинет врача Каринка приходит не за лечением, а за больничным оборудованием и прочими клещами... клешнями... в общем, страшными штуками. Поэтому, если она появляется в поликлинике, все врачи и медсестры баррикадируются в кабинетах и глаз не сводят со своих пинцетов и ланцетов. Ведь все отлично помнят, как однажды тетя Тамара опрометчиво оставила Каринку буквально на секундочку в кабинете, а потом недосчиталась ларингоскопа и каких-то специальных ножниц! Инструменты нашлись через неделю, когда мама меняла наше постельное белье. Обнаружив их под Каринкиным матрасом, она первым делом побежала выпрашивать у папы, что это такое. Папа мигом вычислил ларингоскоп, вспомнил, как тетя Тамара на пятиминутке жаловалась на пропажу инструментов...

– Твоя дочь снова умудрилась отличиться! – задымился он ушами.

– Почему это моя дочь? – встала руки в боки мама.

– А чья?

– Чья-чья! Ничья! То есть наша общая!

Так как «наша общая дочь» наотрез отказалась объяснять, зачем ей понадобились медицинские инструменты, думать над своим поведением ей пришлось дольше обычного – аж до самого обеда,

целых три часа. За эти три часа Каринка разобрала и обратно собрала напольные часы, распоролла край покрывала, посчитала все загогулины на шторах, начертила разные фигурки ребром пятикопеечной монеты на боковой панели шкафа. В довершение дел расковыряла нехилую лунку под батареей отопления, с далеко идущими планами расковыряла – под лаз. Мало ли, может, терпение родителей когда-нибудь закончится, и они запрут ее в спальне навсегда! А лавры узника замка Иф, четырнадцать лет просидевшего в осклизлых тюремных стенах, Каринку почему-то не прельщали. Поэтому она, во-первых, проковыряла лунку под лаз, а во-вторых, решила пойти на переговоры.

За обедом сестра заявила, что много чего передумала и теперь решила начать жизнь с чистого листа.

– Это как? – замерла с вилок у рта мама.

– Пока не знаю как. Но про чистый лист точно решила.

– Ты хоть понимаешь, что означает это выражение?

– Понимаю. Не шалить. Никого не бить. Ничего не ломать... –

Каринка тяжело вздохнула. – Так ведь со скуки умереть можно!

– Но другие дети ведь не умирают!

– Не умирают.

– Почему бы и тебе не попробовать?

– Попробую. Только, если у меня не получится, пеняйте на себя.

– То есть как это пеняйте на себя? – опешила мама.

– А вот так.

На кухне воцарилась такая тишина, что слышно было, как внизу, в квартире тети Маруси, кто-то страстно скребет ложкой дно тарелки.

– Мам, «пеняйте» от слова «пень», да? – решила вывести маму из оцепенения я.

– Что? – очнулась мама. – Какой пень? А! Нет. Это разные слова.

– В общем, все меня слышали, – вздохнула Каринка и выбралась из-за стола, – я буду очень стараться, вот прямо клянусь.

И сумбурно потыкала себя пальцами в грудь. Видимо, перекрестилась. Для острастки.

- В тот день папа вернулся с работы сильно озабоченный.
- Оказывается, у Киры скоро юбилей. Двадцать пять лет работы в нашем отделении. Надо ей подарок купить.
 - Мама усадила мужа за стол, машинально завернула в лаваш брынзу с зеленью и вручила ему: – Ешь!
 - Да я как бы сам могу, – рассмеялся папа.
 - Фух, завертелась я тут с детьми, – заулыбалась мама и села напротив. – Так что же Кире дарить будем?
 - Надо что-то знаковое. Дорогое. Давай чеканку подарим!
 - Ты с ума сошел? Какая чеканка?
 - Большая. Метр на метр. С изображением Арарата.
 - Женщине! Чеканку! Ты бы лучше сразу ее уволил!
 - Ну тогда сама придумай. Тебе лучше знать, что женщине дарить. Была бы Кира мужчиной...
 - Ты бы подарил ей чеканку. Это мы уже слышали! Нет, тут надо что-то хорошее дарить. Дефицитное. Может, из одежды.
 - Вот с Розой и решите, что ей подарить. А я умываю руки, – обрадовался папа.
 - Так-так, – мама уже крутила диск телефона, – тетя Роза, здравствуйте, поговорить надо. У Киры скоро юбилей, двадцать пять лет работы в стоматологическом отделении. Что бы ей такое подарить? Ой, как хорошо, я как раз бисквит испекла! Всё, жду.
 - Тетя Роза обещала на чай заглянуть. Так что не волнуйся, мы что-нибудь придумаем, – вернулась на кухню мама.
 - Женщина, – резко заволновался папа, – придумывайте что-нибудь в пределах пятидесяти рублей. А то знаю я вас. Денег мало, в отделении всего восемь человек, скидываются по пять рублей!
 - Так это получается сорок, а не пятьдесят?
 - Мы с Максимом по десять рублей скидываемся.
 - Мама быстренько посчитала в уме, кивнула.

– Пятьдесят так пятьдесят. Налей себе компоту. Вон, кастрюля на плите стоит. Стой! Не двигайся! Я сама налью. А то снова придется пол на кухне протирать.

– Гхмштху.

– А чего это ты обижаешься? Забыл, как на той неделе суп разогревал? Я потом еле плиту оттерла.

– Хм!

– Вот тебе и хм! – Мама поставила перед папой стакан с яблочногрушевым компотом. – На, пей.

– Нсвй влс!

– М?

– Говорю спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Клятва – дело такое. Незаживное. Коль уж поклялся, обратной дороги тебе нет. Правда, имеется легкое послабление – если человек прикусывает кончик языка или сплетает пальцы, то клятва теряет силу. Ну, это такое заведомое мошенничество, на которое хоть раз в жизни идет каждый уважающий себя советский ребенок. А то мало ли, может, родители приперли тебя к стенке и требуют контрольную по русскому языку на пять написать! А как ты можешь написать ее на пять, если подлежащее с прямым дополнением путаешь? Вот и приходится выкручиваться – язык прикусывать, ноги скрещивать. Ну или пальцы сплестать. В общем – выживать наобум.

К сожалению, никаких душеспасительных манипуляций наша Карин– ка себе не позволила. Поэтому после обеда ходила задумчивая и даже мрачная. Гремела бронежилетом. Горько вздыхала. Пинала встречные дворовые камушки. Камушки, весело отскакивая от ее туфель, с громким стуком вписывались в железные двери гаражей. Каринка на каждый громкий стук вяло шмыгала носом. Страдала.

Мы с Манькой молча плелись следом. Придумывали шепотом утешительные слова и тут же отметали их. Они казались нам мелкими и неубедительными. Не изобрело человечество таких слов, которыми можно веско успокоить нашу решившую встать на путь исправления Каринку.

Мне было искренне жаль сестру. Потому что быть прилежной девочкой не каждому дано. А уж ей – подавно.

Кто знает, чем бы закончилась история с Каринкиным исправлением, не вернись в тот день из Кисловодска Рубик. Может, моя сестра превратилась бы во вторую мать Терезу и ушла в святые угодники навсегда. И родители ходили бы грудь колесом и только и делали, что принимали поздравления за столь чудесное превращение своей термоядерной дочери в нежную маргаритку. Но, видимо, нашей семье были уготованы несколько иные, тернистые маршруты, поэтому провидение выслало нам не белокрылого ангела, а гонца в лице Маринки из тридцать восьмой.

Гонец Маринка выскочила из-за крайнего гаража с таким выражением тела, что сразу стало ясно – случилось нечто несусветное.

– Берегись! – крикнула она и ринулась выписывать зигзаги по двору.

Не успели мы толком удивиться такому странному поведению нашей подруги, как следом за ней из-за гаража вылетела большая автомобильная шина и, подпрыгивая на неровном асфальте, покатила в нашу сторону. Мы отскочили к стене, пропуская ее. Шина благополучно просвистела мимо, проехала еще какое-то расстояние, запнулась о неровную крышку люка, отлетела в сторону и со всего размаха вцепилась в тощую дверь деревянной подсобки. Дверь всхлипнула, но с честью выдержала удар.

– Видали? – заорала Маринка. – Это все он!

– Кто он? – мигом собралась Каринка.

– Рубик! Вернуться не успел, а уже достает! – Маринка притормозила возле нас, громко хрюкнула, повела челюстью и сердито плюнула. Плевок повел себя по-идиотски – вместо того чтобы выстрелить тугой струей, жалко подпрыгнул и повис на подбородке. Маринка задрала подол юбки и виновато протерла слюни.

– Это я забегалась, дышать трудно, вот и не получается нормально плюнуть, – объяснила она свое фиаско. – А еще Рубик! Гоняется за мной и шинами швыряется!

– Ябеда-корябеда! – раздалось за нашими спинами.

Мы обернулись на голос и оцепенели. В пяти метрах от нас, в окружении вредных мальчиков Сережи и Завена, стоял кровный враг нашей Каринки Рубик. За два месяца отсутствия враг очень изменился – резко вытянулся и сильно загорел. А еще похудел и обзавелся костляво-острыми локтями и коленками.

– Чего уставились? – крикнул Рубик и вразвалочку направился к шине.

– Достает меня! Ваще дурак! – забулькала Маринка.

– Слышь, ты, дурак! Ты чего это вернулся? – встала руки в боки Ка-ринка.

– От дур-ры слышу, – беззлобно огрызнулся Рубик.

– Я сама видела, как их «Победа» во двор въезжала! – зачастила Маринка. – Тетя Лаура с дядей Хореном вещи наверх понесли, а этот не стал. Кинулся у меня шину отбирать!

– А откуда у тебя шина? – обернулась сестра к Маринке.

– Нашла! Во дворе девятиэтажки. Хорошая такая шина, хоть и дырявая. Ее выкинуть не успели, а я тут как тут. Сама до нашего двора волокла, через дорогу. Чуть под трактор не попала, но сдаваться не стала. Думала, мы с вами с горочки на ней прокатимся. А тут вернулся этот осел с ушами и отнял! И давай швыряться в меня!

Рубик Маринкину речь выслушал с удивительным хладнокровием. Даже на осла с ушами не отреагировал. Только коленку себе почесал. Громко так почесал, со значением.

– Все лето тренировался, – завел он разговор как бы сам с собой, – теперь умею на лопатки в два счета положить.

Сережа с Завеном гаденько захихикали.

– Жаль, каску не взяли, – шепнула я Маньке.

– Аха, – закручинилась она.

– И без каски справлюсь, – лязгнула бронежилетом Каринка.

Рубика лязг бронежилета сильно насторожил.

– А чего это у тебя в карманах?

– Это не в карманах. Это жилет такой. Военный.

– Рубик, тебе конец. – Манька обошла Каринку справа, обняла ее за плечо и выставила вперед ногу.

– Совсем конец! – Я обняла сестру за другое плечо и, сверяясь с Маней, симметрично выставила ногу.

Маринка какое-то время металась вокруг нас, потом пристроилась с моей стороны, привстала на цыпочки и облокотилась локтем о мое плечо:

– И шина наша!

– А вот фиг вам! – огрызнулся Рубик, поднял шину и прислонил ее к своей ноге.

– А вот фиг вам! – отозвались эхом Сережа с Завеном, обхватили за плечи Рубика и с вызовом уставились на нас.

– Спорим, что я всех вас поколочу? – дернул подбородком Рубик.

– Спорим, что у тебя ничего не получится? – мигом откликнулась Каринка.

– Спорим, что получится?

– Спорим. Только не здесь. А то взрослые вмешаются. Пойдем на стройку.

– Пойдем.

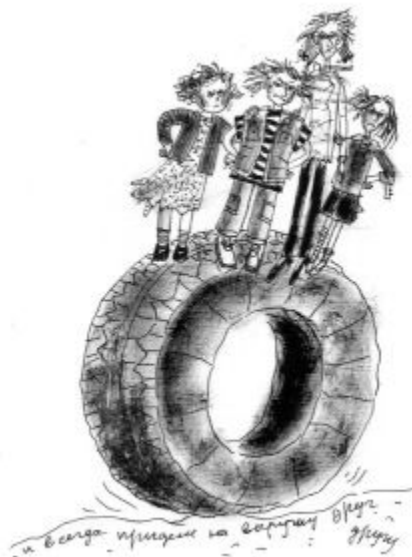
Мы двинулись в сторону недостроенной аптеки. Впереди, катя перед собой шину, шли мальчики, следом, приобняв друг друга за плечи, вышагивали девочки. Было щекотно в лопатках и страшно на душе, но виду мы не подавали.

– Вы, главное, не вмешивайтесь, – инструктировала нас шепотом Каринка. – Я сама с ними справлюсь.

– Одна против троих? – кручинилась я.

– Можно подумать!

Здание аптеки уже практически возвели – первый и второй этажи были полностью доделаны, и даже крышу местами перекрыли. Внутри крепко пахло сыростью и цементом, да и грязи было хоть отбавляй. Но зато здесь можно было вдоволь выяснять отношения – ни один взрослый бы не вмешался.

Сначала мы выбирали место для драки. После недолгих пререканий остановили свой выбор на втором этаже – там было чище, да и света больше, чем на первом.

– Тут я вас и поколочу, – хмыкнул Рубик.

– Это мы еще посмотрим, кто кого поколотит, – не осталась в долгу Каринка.

– Тебя первой и поколочу, спорим?

– А чего спорить, когда и так все с тобой ясно? – закатала рукава Каринка и подалась вперед. Рубик среагировал молниеносно – резко наклонился и толкнул ей под ноги шину.

Мы успели брызнуть в стороны, сестра попыталась перепрыгнуть, но зацепилась ногой за край шины и с высоты своего немалого роста рухнула на бетонный пол.

– У-у-у-у-у-у, – затопала ногами Маринка, – запрещенный прием!

Мы с Манькой кинулись на Рубика. Манька бегала быстрее меня, поэтому добралась до него первой и попыталась вцепиться ему в волосы. Рубик резко увернулся и ударил ее локтем в правый бок. Манька всхлипнула и согнулась пополам. Меня он уложил метким ударом в живот. Я взвыла от боли, но не растерялась и, падая, крепко вцепилась ему в футболку. Удержаться на ногах он не смог и рухнул на меня. Я повторно взвыла, лягнула его пребольно ногой и попыталась отползти в сторону. Правда, тщетно – Завен блокировал мне пути к отступлению.

– Я сейчас тебе... – зарычала Манька, подлетела к Завену и ввинтилась головой ему в спину.

– Отцепись! – заорал Завен.

Тем временем Маринка ввязалась в рукопашную с Сережей – крепко зажмурившись и коротко взвизгивая, дубасила его по рукам.

– Плечо! – выкрикивала она периодически. – Вывихнешь плечо – Сурик тебя убьет.

– Да помню я про плечо, – пыхтел Сережа, с обезьяньей резвостью прыгал вокруг Маринки и с криками «иййййяяя» отвечивал ей звонкие подзатыльники.

Честно говоря, не будь с нами Каринки, мы бы давно уже кинулись врассыпную. Но мысль о том, что наш главный защитник сейчас поднимется и навалит обидчикам так, что мало не покажется, придавала нам сил и отчаянной уверенности в победе.

И Каринка, конечно же, не подкачала. Она прыгнула разъяренной тигрицей в эпицентр драки и за секунду раскидала всех. В том числе нас. Мы отнеслись к ее горячности с пониманием – в пылу драки очень сложно отличить своих от чужих. Поэтому, зализывая раны, молча отползли в сторону. Сережа с Завеном тоже отступили. На спине Завена, аккурат между лопатками, алел большой круг со следами от зубов.

– А, – догадалась я, – вон что Манька с его спиной вытворяла. Откусить пыталась!

Тут раздался душераздирающий вопль Рубика – Каринка повалила его на живот и старалась оторвать ему ногу. Нога, к сожалению, была крепко приварена к туловищу, поэтому не отрывалась. Рубик выкрутился, опрокинул сестру на бок и принялся выворачивать ей руку. Каринка вырвалась, подпрыгнула и с размаху впечаталась бронежилетом Рубику в спину.

– А-а-а-а-а! – взвыли от боли оба.

– Карин, может, хватит? – заскулила я.

– Пусть он сам попросит, – прохрипела Каринка и попыталась оторвать Рубику руку. Но рука тоже была крепко приварена к телу и отрываться не хотела.

– Ладно, – выдохнул Рубик, – подрались, и нормально.

– Может, и нормально, – ослабила хватку Каринка, – но шина остается за нами.

– Очень нам нужна ваша шина! – огрызнулся Рубик.

– Вот и идите отсюда!

– А вы не командуйте!

– Не ваше это дело, хотим – и командуем!

– Пойдем, что ли, – дернул Рубика за рукав Сережа. – А то сейчас снова подеретесь.

Рубик глянул на него снизу вверх, но ничего не ответил. Молча поднялся и похромал вниз. Следом поплелись Сережа с Завеном, на спине Завена все так же алел след от Маниного укуса.

– И скажите спасибо, что мы вас стекловатой не натерли! – злорадно крикнула им вслед Маринка.

Мы дружно захихикали. Историю со стекловатой наши родители до сих пор вспоминают с содроганием. Прошлым летом Рубик опрометчиво затеял с Каринкой драку. Из-за сущего пустяка – не поделили коровью лепешку. Такое с провинциальными детьми иногда случается. Кругом пасутся стада коров, в частном секторе у каждого двора своя буренка, а лепешек все равно на всех не наберешься. Отсюда недопонимание и прочие телесные повреждения. Уступать никто не собирался, так что случилась драка. Притом драка такая, знаете ли, знатная. Про которую в книжках пишут «не на жизнь, а на смерть». И в пылу этой драки Каринка скрутила Рубика и натерла его стекловатой. Тут полагается написать «немая сцена», потому что знатоки стекловаты небось вздрогнули и покрылись мурашками. А если кто-то из вас не является знатоком стекловаты и не имеет представления, какие случаются последствия от контакта с ней, то считайте, что вам крупно повезло.

В общем, надругалась Каринка над Рубиком посредством куска стекловаты, и потом, когда драка утихла, они дружно чесались. И если у Каринки чесались только руки, то у Рубика немилосердно чесалось почти все тело. Руки, ноги, спина. И даже немножко голова. Рубик терпел-терпел, потом не вытерпел и побежал домой мыться. Увлёкся мытьем и крепко натерся мочалкой. А натираться мочалкой ни в коем разе нельзя, потому что ты вгоняешь мелкие иголки стекловаты себе под кожу. А Рубик об этом не знал. И страдал потом от чесотки еще целую неделю.

Каринке тогда крупно влетело. Мама с папой лично ходили к родителям Рубика – извиняться. Правда, тетя Лаура с дядей Хореном сказали, что можно было и не извиняться, потому что буквально за неделю до этого Рубик покалечил дворник нашей «копейки» Генриетты. Просто так покалечил, из чистого интереса «оторвется или нет». И теперь папа ездил по городку с торчащим поперек капота дворником, потому что обратно он не складывался, а оторвать его с концами у папы рука не поднималась, он все надеялся, что в мастерской починят, и на новый дворник тратиться не придется. Так что у наших с Рубиком родителей на почве стекловаты вышла боевая ничья, и на том они радостно разошлись.

Когда мальчики скрылись из виду, мы попытались привести себя в порядок. Но тщетно – волосы всклокочены, пуговицы оторваны, одежда в каких-то жутких пятнах.

– Все равно нам влетит. Пойдем хоть на шине покатаемся, – махнула рукой Манька.

– Пойдем, – обрадовались мы и поволокли шину на пригорок. Правда, покататься так и не удалось, потому что только мы выползли со стройки, как навстречу нам выплыла Ба. Она шла по улице, вся такая благодушная, в красивом темном платье в мелкий горох, в светлых лодочках и с баночкой малинового варенья. Душа Ба пела – впереди приятный разговор за чашечкой крепкозаваренного чая с лимонным бисквитом изготовления моей мамы и ароматным вареньем. Душа Ба цвела и пахла – одно удовольствие придумывать подарок хорошему человеку, а в том, что Кира хороший человек, не сомневалась даже Ба!

И тут наперекор ее благостному расположению духа из недостроенной аптеки вырывается процессия. Состоящая из лопнувшей шины и жалких, насквозь пыльных, имеющих самое непосредственное отношение к ней детей. Конечно, при таком визуальном насилии от любого радостного пения и цветения и следов не останется!

Ба встала как вкопанная. Мы замерли напротив, предусмотрительно выставив перед собой шину. Чтобы, если что, она послужила смягчающим обстоятельством между нами и Ба.

– Вот, – подала голос Манька, – шину на стройке нашли, тащим выкидывать.

Ба пробулькала что-то нечленораздельное в ответ.

– Чивой?

– Девять, десять. Считаю про себя, чтобы сдержаться. Пошли, деточки.

– Куда? – попытались выиграть время мы.

– Домой. Чаю попьем. С вареньем.

– Бить будете, да? – высунулась вперед Маринка.

– Пусть тебя твои родители воспитывают. А с этими разговаривать буду я. Пошли!

Ба выполнила разворот через левое плечо и, чеканя шаг, направилась к нашему подъезду.

Мы отдали шину Маринке.

– Спрячь на стройке, – велела Каринка. – Сейчас нас немножко накажут, а завтра мы покатаемся с пригорка.

– Хорошо.

– Я долго буду вас ждать? – крикнула Ба.

Мы мелко потрусили к дому – впереди гремела жилетом Каринка, следом трепыхалась Манька, замыкала эстафету я. Ба сверлила нас своим колючим немигающим взглядом поверх очков. Пропустила вперед, пошла, бухтя, следом.

Это. Я что хотела в наше оправдание сказать. Хотя оправдания нам, конечно же, нет. Мы сами видим, как тяжело приходится маме, – обстирывать и обглаживать четверых детей не просто сложно, а очень сложно. Плюс папа и его больничные халаты. Это же белые медицинские халаты, из капризного хлопка, который имеет обыкновение намертво срастаться с пятнами и расстается с ними с большой неохотой. У мамы практически каждый день стирка и глажка, и это не считая прочей работы по дому. А тут мы. Сущие вандалы. Что ни день, то новый подвиг. Накажи, проведи педагогическую работу. Никаких нервов не хватит. И главное, все бестолку! Дядя Миша

вообще говорит, что наши головы работают навывлет, потому что в одно ухо влетает, а в другое беспрепятственно вылетает.

Может, всё так. Но я хотела в наше оправдание сказать. Зато мы очень дружные дети и всегда приходим на выручку друг другу. Вот как сегодня, например. Если бы драка была честной, один на один, мы вмешиваться не стали бы. Просто болели бы за Каринку. Но драка была нечестной, и наблюдать со стороны, как сестра дерется с тремя мальчиками, мы не могли. И, хоть знали, что по итогам боя шкуры спустят со всех, все равно вмешались. Потому что есть такое понятие, как взаимовыручка. И если в обычной жизни мы можем задирать друг друга, обзывать и даже драться, то перед лицом опасности всегда сплачиваемся. Не знаю, оправдывает нас это или нет, но за сегодняшнюю рукопашную мне не очень стыдно. Тем более что победа осталась за нами.

Ну а то, что нам влетело от взрослых, ничего страшного. Можно подумать! Ну наорали, ну поджопников отвесили, ну в ванную мыться погнали. Потом еще стирать заставили в воспитательных целях, и мы себе натерли знатные волдыри, пытаюсь смыть пятна с одежды.

– Надя, все равно придется перестирывать, – вздыхала Ба, рассматривая Каринкины шорты, – здесь мазут, а здесь вообще ржавчина, ее ничем не извести.

– Значит, будет с ржавыми пятнами ходить, где я ей новые шорты возьму? Я тебя спрашиваю, где? – обернулась мама к Каринке.

– В универмаге? – предположила Каринка.

– Ага! – мигом отозвалась Ба. – В универмаге продаются огромные байковые тумбаны, будешь в них щеголять?

– Не буду! – насупилась Каринка.

– Надо же! А я-то думала, что с радостью согласишься.

Потом мы подбирали одежду Маньке, а она привередничала – это ей мало, то наоборот велико, а это вообще без воланчиков! Итого она влезла в мое синее платье и недовольно бурчала – платье было ей совсем впрыток и смешно топорщилось складками на животе и боках.

После праведных трудов нас усадили пить чай с бисквитом, и мы, громко отхлебывая из блюдечек, слушали дебаты Ба с мамой на тему того, что можно купить тете Кире в подарок.

Ба предлагала взять что-то полезное по дому и даже рвалась позвонить тете Фае, которая Жмайлик, чтобы та поговорила со своими

знакомыми в «Посуде». А мама предлагала подобрать что-то из одежды, что-нибудь такое, что красиво оттеняло бы цвет Тетикириных глаз.

– А какого цвета у нее глаза? – любопытствовали мы.

Мама крепко задумалась.

– Вроде серые. Или вообще карие. Нет, черные. Кажется.

– А чего гадать? У Юрика уточним, – предложила Ба.

– Ахаха-а-а-а-а, – засмеялась мама, – Юрик в такие мелочи, как цвет глаз, никогда не вникает!

Тут как по заказу с работы вернулся папа, и мы высыпали в прихожую – выспрашивать у него цвет Тетикириных глаз. Папа какое-то время пытался честно вспомнить, а потом махнул рукой и начал юлить:

– Обычный у нее цвет глаз!

Но обтекаемыми ответами нас было не провести.

– Обычный – это какой? – потребовали уточнений мы.

– Как у всех! – отрезал папа. – Дайте мне переобуться, что вы над душой стоите?

– Вы спросите лучше, какого цвета у меня глаза, и отстаньте от него! – крикнула мама.

– А какого цвета у мамы глаза? – оживились мы.

Папа замер с тапками в руках.

– Какого? – спросил у нас заговорщицким шепотом.

– Зеленого, – пошутила Каринка.

– Конечно, зеленого, – возвестил в сторону кухни папа, – тринадцать лет живем вместе, я что, не знаю, какого цвета у моей жены глаза?

Мы покатались со смеху.

– Вот шлимазл, – высунулась в коридор Ба.

– Я же говорила, отстаньте от него, – выглянула следом мама.

– Пап, я пошутила, – прыснула Каринка, – у мамы карие глаза!

– Значит, и у Киры тоже карие – попытался увести разговор в сторону папа.

– Это с какой стати? – любопытствовала Ба.

– Мне так интуиция подсказывает!

– Я прошу прощения, зиселе, но в деревянном чурбане интуиции больше, чем в тебе!

Папа оскорбленно надулся щеками:

– Я мужик, и у меня мозг! Понятно? Это у вас за неимением логического мышления одна интуиция! Женщины! Волос длинный, ум короткий!

– Ой, как страшно, ой, напуга-а-а-ал! – Ба тыльной стороной ладони утерла выступившие над верхней губой капельки пота и подняла трубку телефона. – Ты мне скажи, Кира дома или на дежурстве?

– На дежурстве.

– Диктуй номер. Я сейчас все у нее узнаю. Вы только не шумите.

Мы столпились вокруг Ба, задержали дыхание.

– Алё? Кира, дорогая? Здравствуй, это Роза Иосифовна... Которая Шац, ага. Я что спросить хотела. Ты синие блузки носишь? Чтобы

нарядные и цвет твоих зеленых глаз подчеркивали? Ах, глаза у тебя карие... А я-то думала, что зеленые. Какие блузки? Нет, это я просто так спросила, чтобы разговор поддержать, хе-хе... Я что спросить хотела. Юрик уже уехал? Вот и хорошо. До свиданья.

Ба торжественно положила трубку, уставилась поверх очков на нас:

– По крайней мере, теперь мы знаем – глаза у Киры карие, и синей блузки у нее нет!

– Ну ты, Роза, даешь, – расхохотался папа. – Теперь Кира всю ночь будет думать, что это было.

– Чем, интересно, думать будет? У женщин ведь мозга нет! Одни волосы, – пошла в наступление Ба.

– Вот волосами и будет думать! – не дрогнул папа.

– Зиселе, не заставляй меня уточнять при детях, каким местом думаете вы, ясно?

– Мозгом! – рубанул ладонью по воздуху папа.

– Не смешите мои букли! – хмыкнула Ба.

Покататься с пригорка нам так и не удалось. На следующее утро Маринка пробралась на стройку, но оказалось, что рабочие нашли шину и приспособили ее под какие-то свои нужды. Скандальить с ними Маринка не решилась и ушла несолоно хлебавши. Зато Рубик недели три обходил нас большой дугой. Особенно после того, как Каринка прошла победным маршем по двору в своей новой каске. Каска представляла собой модифицированную и насквозь милитаризированную эмалированную миску в убедительный крапчатый окрас. На темечке каски дядя Миша выбил устрашающий

лозунг: «Смерть душманам». Учитывая ширину дуги, по какой Рубик обходил Каринку, лозунг он крепко принял на свой счет.

А мама с Ба вернулись от фарцовщика Тевоса невероятно довольные – купили тете Кире красивую кожаную сумку насыщенного шоколадного цвета. С застежкой под затемненное серебро и длинным съемным ремешком.

Сумка папе очень понравилась.

– О, коричневого цвета! – обрадовался он. – Удачно будет оттенять цвет ее карих глаз.

Мама с Ба потом долго смеялись, представляя, как тетья Кира ходит по нашему городку с шоколадной сумкой на голове. Чтобы удачно оттеняла цвет ее глаз.

Глава 12. Манюня, или Как дядя Миша романтичные маршруты по болотам прокладывал

– У каждого свои тараканы в голове. Но у этих разве тараканы? У этих настоящие динозавры! – Ба стояла на пороге нашей квартиры с таким видом, словно ее немножко ударило током, – вьющийся волос,

выбившись из пучка, дыбился вокруг головы, ворот платья воинственно торчал вверх, и даже свисающая с локтя сумка, вопреки своему обычно флегматичному поведению, качалась, словно заправский маятник Фуко, туда-сюда. Ба усмиряла движение сумки раздраженным жестом – дергала локтем и прижимала его плотно к боку. Сумка на секунду успокаивалась, а потом снова принималась за свое.

– Динозавры – это еще мягко сказано, тетя Роза! – посторонилась мама, пропуская гостью в дом. – Что Миша натворил?

– Ай, Надя, не спрашивай! Ай, Надя, он меня в гроб вгонит!

Ба скинула туфли, выудила из шкафчика с обувью домашние большие тапки, надела. Сдернула с локтя сумку, запулила ей в шкафчик, громко хлопнула дверцей.

– Сейчас тебе все расскажу, ты только чайник поставь. Руки вымою и все расскажу.

Мама, чутко прислушиваясь к звуку льющейся воды, воровато открыла дверцу обувного шкафчика, выудила оттуда сумку, быстро протерла ее первым попавшимся под руку шарфом и водрузила на комод. А потом припустила на кухню – ставить чайник.

Когда Ба вышла из ванной, на столе красовались большая пузатая сахарница с ее любимым твердым сахаром, черешневое варенье и вазочка с конфетами «Грильяж». Ба плюхнулась на угловой диванчик, выудила из вазочки конфету, развернула ее, потом снова завернула. Положила на краешек стола. Придвинулась вплитык, полюбовалась черешневым вареньем, удовлетворенно хмыкнула – варенье золотилось на просвет, вкусно пахло сладким и корицей, а в каждой прозрачной ягоде можно было разглядеть орешек.

Черешневое варенье мамы – настоящая сказка. Правда, его готовка – долгий и кропотливый труд. Надо обжарить фундук, очистить от шелухи, разобрать на две половинки. Черешню нужно выбирать с умом – она должна быть белой, крупной и слегка недозрелой, иначе развалится при варке. Специального приспособления для выковыривания косточек у мамы не было, поэтому она завела под эти нужды обычную шпильку для волос – поддевала круглым концом косточку и аккуратно удаляла её из ягоды. На место косточки быстренько вставляла жареный фундук. Заливала горячим сиропом, варила в три приема по пять минут с момента

закипания. После каждой варки черешня отстаивалась ночь – думала. В последнюю варку в сироп добавлялась корица и сушеные лимонные корочки – совсем чуть-чуть, буквально несколько долек. Иногда, под настроение, мама могла положить две-три палочки гвоздики, правда, это случалось крайне редко, раз в сто лет. Гвоздику мама не очень жаловала и с большой неохотой пускала в ход. Хотя возни с ягодами требовалось невероятное количество, а времени у мамы было в обрез, она каждый год обязательно выкраивала несколько часов для готовки черешневого варенья.

Ба вытащила из сахарницы щипчики и принялась остервенело колоть сахар. Мама молча заваривала чай – ждала, когда гостья сама разговорится. Ведь подгонять расстроенную Ба себе дороже – она может распалиться до такого состояния, что придется потом отпаивать ее валерьянкой. Чайник шумно закипал на плите – мама сдернула его с огня буквально за секунду до того, как заверещал свисток. Залила крутым кипятком заварку, накрыла чайничек полотенцем. Вытащила темно-синие чашки с золотистой каемкой. Красиво сложила салфетки.

– Шлимазлы! – выдохнула Ба.

– А то! – поддакнула мама.

Наши женщины завели себе удивительную привычку – ругали мужчин «оптом». То есть не имело значения, кто именно отличился на этот раз, дядя Миша или папа. Любой проступок автоматически распространялся на обоих мужчин и обсуждался во множественном числе. Сегодняшний день, конечно же, исключением не стал. Поэтому Ба начала с традиционных «шлимазлов» и только потом перешла к конкретике. Притом сразу пошла с козыря:

– Повел ребенка в гости!

– Та-а-а-а-ак! – напряглась мама.

– Ну! А я что говорю? – Ба вытащила из кармана платок и протерла выступившие над верхней губой мелкие капельки пота. Сложила платок, но убирать в карман не стала. Накрыла им конфету, оставленную на краешке стола. Немножко подумала, украсила конструкцию салфеткой, а сверху припоровила кусочек сахара.

Мама следила за ее манипуляциями с нескрываемым беспокойством. Если Ба взялась выкладывать из подручных средств футуристические фигуры, значит, дело плохо. Значит, она не только рассержена, но и крепко расстроена.

– Тетя Роза, ну чего вы! – Она села рядом и обняла Ба за плечи.

– Надя-джан, я все понимаю. Не можешь по бабам не шляться – черт с тобой. Шляйся за счет своего здоровья. Но ребенка зачем впутывать?

– А к кому он ее повел?

– Вот! – резко выпрямилась Ба. – Вот видишь?

– Чего... вижу?

– Ты просто к своему вопросу прислушайся! «К кому он ее повел»! Это со сколькими бабами надо одновременно встречаться, чтобы люди сидели и гадали, к которой из них ты повел свою дочь?

Мама смешалась. Дядю Мишу она искренне любила и ни в коем разе не хотела подливать масла в его изнуренные пылким материнским диктатом будни.

– Тетя Роза, – поспешила она исправить ситуацию, – вы меня не так поняли. Я имела в виду.

– Надя! – встопорчилась Ба. – Давай мы с тобой на этом берегу договоримся. Пока я в расстройстве, ты Мишу не выгораживаешь. Понятно?

– Понятно, – сдалась мама.

– Лучше чаю налей, небось заварился.

Пока мама разливала чай, Ба присовокупила к футуристической конструкции чайную ложку. Поддела указательным пальцем – она

стала раскачиваться.

Ба подставила ладонь, но ложка падать не собиралась, несколько раз качнулась и замерла на кусочке сахара.

– Тётя Роза, вот как оно у вас получается? – Мама села напротив, придвинула к себе чашку. – Вроде держится на честном слове, а падать не собирается.

– Во мне умер великий архитектор, Надя, вот как оно у меня получается! Мне надо было идти учиться на архитектурный. А я на филологический пошла.

– Зато благодаря филологическому образованию мы можем позволить себе перекидываться фразами на французском. Никто не понимает, зато нам хорошо, – хихикнула мама.

– Это да, – расплылась Ба в улыбке.

Она отпила большой глоток горячего чая, громко булькнула на глотке и уставилась на маму:

– А теперь давай к делу. Кто такая эта Софа?

Мама поперхнулась вареньем.

– Тетя Роза, вы бы еще в лучших традициях следователей НКВД посветили мне в лицо лампой!

– Надя, не юли!

Мама тяжело вздохнула. Сохранить нейтралитет между Ба и дядей Мишей у нее никогда не получалось. Если папа спокойно мог, сославшись на мужскую солидарность, не отвечать на расспросы, то мама под натиском всегда тушевалась. И не только потому, что козырем в виде мужской солидарности она не располагала, но еще и по-женски очень хорошо понимала Ба. Одно дело, когда ты заводишь амурные дела, и совсем другое, когда водишь к своей страсти десятилетнюю Маньку!

– Софа – старшая сестра нашей химички.

– Подожди. Они на Маштоца живут? Амиряны?

– Да.

– Эта черная сорока с длинным носом и кривыми ногами?

– Ну почему сорока, тетя Роза! И ноги у нее вполне себе красивые.

– Надя! Да если ее выпустить из дома после девяти, в сумерках ее не заметишь, до того она смуглая! И ноги у нее кривые, не спорь со мной! Сама видела!

Мама очень хотела спросить, где это она видела ноги Софы, но не решилась. Положила на тарелочку несколько ягод черешни, придвинула к Ба:

– Попробуйте, очень вкусно.

Ба зачерпнула ложкой варенье, пожевала ягоду. Расплылась в довольной улыбке: «Мммм, вкуснятина!»

– Тетя Роза, вы зря так переживаете. Софа – очень хорошая, воспитанная девушка. Я бы на вашем месте ее пожалела.

– Это почему?

– Вы же знаете легкомысленную натуру своего сына. Через месяц он ее разлюбит и бросит. А бедной девочке страдать.

Ба побарабанила пальцами по столу. Допила в молчании чай. Встала, чтобы налить себе еще.

– Умеешь ты меня утешить, дочка.

Мама зарделась, как школьница.

– Ну что вы, тетя Роза.

– Не спорь со мной, я тебе дело говорю.

– А знаете, как она меня называла? Барышня. Вот так и говорит – барышня, проходите, пожалуйста. Чувствуйте себя как дома!

Манька глядела на меня круглыми вишневыми глазами. На левой щеке по ходу разговора то появлялась, то исчезала смешная ямочка. Почему смешная, потому что, мало того что она находилась не как у нормальных людей – по центру щеки, а практически под скулой, так ещё имелась в единственном числе. Второй ямочки почему-то не было, хотя мы с Манькой всячески ее искали и даже пальцем тыкали в то место на правой щеке, где, по идее, эта ямочка должна появляться. Как бы подсказывали щеке, как надо себя правильно вести. Но тщетно – правая щека вести себя аналогично левой не желала, и поэтому Манька щеголяла одной-единственной ямочкой на все свое круглое улыбочливое личико.

– А она чего? – прокряхтела сверху Каринка. Сестра взобралась на тутовое дерево и слушала нас, распластавшись на широкой ветке, как ленивый кот, – свесив вниз руки и ноги и смешно выглядывая то с одной, то с другой стороны. Мы с Манькой тоже хотели вскарабкаться на дерево, но никакой другой подходящей для такого лежания ветки не обнаружили, поэтому остались сидеть на деревянной скамейке. С этой

скамейкой у нас связаны самые прекрасные и самые душедробительные воспоминания – именно здесь Ба обрила нас наголо и нанесла на голову знаменитую маску из синьки, бараньих катышков и желтков [37], мотивируя свой странный поступок тетей Фаей, которая Жмайлик, и тем, что теперь у нас пойдут густые и вьющиеся волосы. Самое смешное, что после этой маски у меня действительно стали виться волосы, и, если после мытья не расчесываться, можно превратиться во вполне себе кудрявую девочку.

А Манька кучерявится в любое время года и в любую погоду, потому что она с рождения кучерявая, вся в дядю Мишу и Ба.

Под этой приснопамятной скамейкой мы остервенело копали клад. К сожалению, ничего не выкопали, зато сделали великое открытие – копать яму можно очень долго, аж до посинения, зато забросать ее землей ничего не стоит, раз-два – и готово. На этой скамейке часто играют в шахматы или в нарды наши папы, а потом с победителем сражается Ба. И тут надо затыкать уши, потому что ор стоит просто нечеловеческий – Ба редко кто может обыграть, и наши махровые до мозга костей мужчины с пеной у рта отстаивают каждый свой ход. Что, впрочем, не мешает им раз за разом проигрывать Ба.

А еще на этой скамейке, вернувшись с дачи, мы обнаружили в тридцатиградусный жаркий день дядю Мишу в облике воина отступающей наполеоновской армии – в красной Маниной шапке, в крест-накрест повязанном на груди пуховом платке и брюках, заправленных в вязаные носки. Так Ба лечила от ангины свою кровиночку.

В общем, скамейка под тутовым деревом – не просто наше любимое место для посиделок. Это символическое и даже судьбоносное место, где не раз решалась участь членов семей Абгарян и Шац. Поэтому для серьезного разговора Манька повела нас именно сюда. И сейчас рассказывает про свою встречу с тетей Софой. Оказывается, дядя Миша, коварным образом не поставив в известность Ба, пока та, ни о чем не подозревая, возилась на кухне, забрал Маньку из школы и по дороге домой заехал к своей зазнобе Софе.

– Вообще-то в гости заходить он не собирался, просто хотел о чем-то переговорить с ней. Но тетя Софа настояла на том, чтобы мы заглянули на минуточку в дом. Я папе сразу сказала, что Ба это может

не понравиться, – рассказывала Манька, – но папа ответил, что мы зайдем буквально на секундочку, чтобы не обижать тетю Софу, а потом сразу уедем домой. И что если я не стану его выдавать, то ничего о нашем визите Ба не узнает.

– А эта тетя Софа красивая? – прогудела я. Отчего-то мне было неприятно и ревниво, что дядя Миша завел шашни с очередной женщиной. Никак заразилась неприязнью к его дамам сердца от Ба.

– Красивая, ага. У нее черные длинные волосы, вот такие, аж до попы. – Манька вскочила со скамейки, повернулась ко мне спиной и повела ладонью по своей пояснице. – А еще у нее большие глаза с длинными ресницами. Вот такенными. – Манька приставила к своим верхним векам большие пальцы и далеко отставила указательные – получилось, что у тети Софы ресницы чуть ли не в десять сантиметров длиной!

– А-а-а-а, – восхищенно выдохнула я. Ревность как рукой сняло – такой красавице дядю Мишу не жалко было отдавать.

– А драться она умеет? – подала сверху голос Каринка.

– Ну зачем ей драться, она же взрослая тетечка! – удивилась Манька.

– Ладно, – махнула рукой Каринка, – рассказывай дальше.

– Ну вот, – продолжила Манька, – и называла она меня барышней. Барышня, здравствуйте, барышня, проходите! Усадила за стол, угощала какао и ореховым рулетом. Вкусно-о-о-о! И папа очень нахваливал выпечку, все выспрашивал, что за приправа в начинке. Тетя Софа ее назвала, но я забыла. Звучит как аккордеон. Но не аккордеон, а другое слово. Вроде гардеон. Или гардемон.

– Артемон? – встрепенулась я.

– Неа. Подожди, Нарка, сейчас вспомню!

И Манька вскочила со скамейки и принялась с задумчивым видом ходить вокруг тутового дерева. Мы с Каринкой терпеливо ждали – мешать нашей подруге, когда она пытается что-то вспомнить, бесполезная затея. Если уж Манька решила что-то вспомнить, то делать это она будет до победного конца.

– Манюня, – высунулась в окно соседка тетя Валя, – а где твоя бабушка?

– У Тетьнади, – притормозила Манька, – пошла жаловаться на меня и на папу.

- А что вы такое выкинули?
- Ничего. Сходили в гости к кому не надо.
- Это к Софе, что ли?
- Ага! – Манька шмыгнула носом. – А вы откуда знаете?
- Она мне с утра рассказала. Ну, все ясно с вами.
- Тетя Валя, подождите, не закрывайте окно. Вы не знаете, как правильно называется приправа гардемон?
- Чего? – Тетя Валя подалась вперед и приложила ладонь к уху. – Повтори, а то я плохо расслышала.
- Гардемон! – заголосили мы.
- Нет такой приправы, это я вам точно говорю. А зачем она вам?
- Да так, вспомнить хочется.
- Может, кардамон?
- Вот! – взвизгнула Манька. – Я же говорила, что вспомню! Кардамон! Спасибо, тетя Валя!
- Да не за что! – засмеялась тетя Валя. – Ну ладно, когда Роза вернется, скажите ей, чтобы ко мне заглянула.
- Хорошо!
- И ведите себя прилично, слышите?
- Слышим!
- Тетя Валя закрыла окно и профилактически погрозила нам пальцем. Мы принялись выводить успокаивающие пассы руками, мол, не волнуйтесь, всё в порядке, всё под контролем.
- А дальше чего? – подала сверху голос Каринка.
- А дальше мы приехали домой. И я забыла, что обещала не выдавать папу, и сболтнула про тетю Софу. И всё.
- Подожди, – крикнула Каринка и в долю секунды ссыпалась вниз, – а теперь дальше рассказывай.
- Ты зачем вниз спустилась? – удивилась я.
- Чтобы ничего не пропустить. Рассказывай, Мань.
- А чего рассказывать? Ба устроила такой скандал папе, что вообще.
- Кричала?
- Кричала и ногами топала. Зачем, мол, шлимазл, ты ребенка с собой взял!
- А он чего?

– А он говорил, что не специально взял, просто на минуту заглянул в гости.

– А она чего?

– Ну, Ба все равно долго ругаться не умеет. Поорала сначала, а потом повела нас ужинать. И тут я снова не сдержалась и сказала про ореховый рулет!

– Мань, ну ты даешь! – похолодела я.

– Да вообще! Никогда предателем не была, а тут два раза папу предала! Правда, Ба второй раз скандалить не стала, только губы поджала. Вот так. – Манька затаила рот в нитку и насупила брови.

Мы с Каринкой переглянулись. За три года тесного общения мы успели достаточно хорошо изучить все гримасы Ба и теперь могли поклясться чем угодно – такое лицо она делает неспроста. Такое лицо у Ба случается буквально на подступах, буквально в миллиметре от «господибоже– тымоя». То есть еще чуть-чуть – и дяде Мише пришла бы каюк-кампания, как любит повторять Манька.

Дядю Мишу мы очень любили. Души, можно сказать, в нем не чаяли. Опекали, как умели. Сильно переживали, когда он скандалил с Ба. Конечно, мы были уже достаточно большими, чтобы понимать, что ругать его есть за что, – он безалаберный и даже иногда безответственный, а еще совсем косорукий. Попросишь его прибить полку в гостиной – и потом приходится восстанавливать всю стену от разрушений. Но зато дядя Миша невероятно добрый и отзывчивый, может возиться с нами часами, играть в разные игры. Но и тут не обходится без эксцессов – однажды он затеял с нами прятки, спрятавшись на чердаке дома и нечаянно заснул. И мы замучились ползать по разным углам и закоулкам, разыскивая его.

А еще дядя Миша очень умный – вон сколько разных открытий сделал. Что ни год, то новое открытие. То какую-нибудь штуковину придумает для улучшения производства релейных модулей, то станки до совершенства доводит. Грамот у него столько, что ими можно обклеить стены комнаты, и даже на потолок останется. Но дядя Миша совсем ими не хвастается – сложил стопкой на полке и никому не показывает. Только знай в проводах своих ковыряется да новые приборы на заднем дворе завода испытывает. Почему на заднем дворе, а чтобы не создавать пожароопасных ситуаций на непосредственном своем рабочем месте.

Ну и, конечно же, самый главный Дядимишин козырь, перед которым не может устоять ни одно женское сердце, – это его бесспорная и очень мужественная красота. Дядя Миша высок и широкоплеч, у него темные вьющиеся волосы и зеленые глаза. И даже очки в тяжелой роговой оправе не портят его красоты. В довершение ко всему он замечательный и очень артистичный рассказчик. И тут они с нашим папой просто счастливо спелись, потому что, когда они принимаются, перебивая друг друга, пересказывать в лицах какую-нибудь историю, слушатели просто за животики хватаются от смеха.

Я почему так подробно расписала Дядимишины достоинства? Чтобы оправдать его бесконечные амурные дела. Мы-то как раз по этому поводу совсем не переживали, и даже Манька, кажется, относилась к этому с пониманием. Но вот Ба любвеобильное поведение сына сильно осуждала и каждый раз нервничала, когда дама сердца слишком близко подбиралась к ее кровиночке. Наши родители на вечное противостояние матери и сына смотрели сочувственно и по мере возможности сглаживали возникающие конфликты. Обязательно держались негласного правила – папа всегда поддерживал и покрывал дядю Мишу, а мама стояла горой за Ба. Может, благодаря их обдуманному поведению каждый оставался при своем – уверенный в поддержке друга дядя Миша не слишком переживал обструкцию матери и продолжал заводить необременительные амурные связи на стороне, а Ба, прогромыхав маме очередные свои претензии к сыну, счастливо спускала пары и возвращалась домой в благостном расположении духа. В общем, если равновесие в природе и существует, то отношения между нашими семьями – самое убедительное тому подтверждение.

Дослушав Манькин рассказ, мы какое-то время молча переваривали информацию.

– То есть эта тетя Софа тебе понравилась, да? – спросила я.

– Ага, понравилась. И волосы у нее длинные, и босоножки красивые, такие, на высоком каблуке, застегиваются на ноге как туфельки балерины. – Манька крест-накрест повела руками вокруг своей лодыжки, показывая, как проходят ремешки босоножек.

– Красота какая! – выдохнула я.

– Ну!

– Подождите! – топнула ногой Каринка. – Мань, а если дядя Миша захочет на этой Софе жениться?

Манюня вздохнула. Поковырялась носком туфли в земле, выудила дождевого червя.

– Во, – хмыкнула, – мне надо копальщиком червей работать.

Поймала наши серьезные взгляды, нахохлилась. Пригладила торчащий ворот, подтянула колготки. Застегнула жакет на все пуговицы.

– Ну и пусть женится. Я лично не против.

– Да? Ну тогда и мы не против, – обрадовалась Каринка.

Видимо, Маньке очень важно было наше одобрение. Она выдохнула и с явным облегчением расстегнула пуговицы жакета.

– Вообще-то я немного против, – зачастила она, – но совсем капелюшечку. Так что потерплю.

– Вот и мы потерпим!

Разговор на взрослую тему нас порядком утомил, поэтому мы решили скрасить день походом на чердак. Чердак Маниного дома – самое замечательное место в мире. Большой, светлый, чисто прибранный, обставленный по углам многочисленными коробками и двумя большими сундуками, он представлялся нам сказочной пещерой, в закоулках которой, если хорошо порыться, можно найти много разных сокровищ. В дальнем углу чердака стояло старое,

покрытое какими-то ржавыми пятнами зеркало. Если сильно наловчиться, то в нем можно было поймать свое отрывчатое отражение. В большой картонной коробке из-под телевизора Ба хранила вышедшие из моды туфли и сапоги – на высокой платформе, лаковые и кожаные, с красивыми пряжками и длинной молнией. В другой коробке, щедро переложенные мешочками с лавандой и нафталином, лежали два пальто – одно с облетевшим лисьим воротом, а второе – с облысевшими локтями и с манжетами из каракуля. Ба хранила их на случай жуткого дефицита, «а то вдруг дело дойдет до перелицовки старья»! Пока Каринка, с комфортом расположившись на подоконнике, стреляла из рогатки в пролетающих мимо ворон, мы с Манькой, напялив пальто и туфли Ба, ковыляли на высоких каблуках по чердаку, периодически выхватывая оценивающим взглядом свои отражения в старом зеркале. Отражения были бесподобны – два самодовольных чучела в монументальных в своем пошиве советских бурках. Еще в коробке лежала пара настоящих театральных перчаток – длинных, покрывающих локоть, из искрящейся синей материи, плотно облегающей руку. Перчатки остались со студенческой поры Ба – в молодости она мечтала стать театральной актрисой и даже играла в доморощенных постановках филологического факультета Ереванского университета. Перчатки мы честно поделили – правую носила Манька, а левую носила я. Натягивали на самые плечи, влезали в пальто и фланировали по чердаку, раздражая Каринку своим расфуфыренным видом.

Каринка наше поведение сильно не одобряла. И пока мы кривлялись перед зеркалом, она забавлялась тем, что сбивала меткими выстрелами ворон. За то, что они своим карканьем нагоняют плохую погоду. Про плохую погоду нам поведала наша прабабушка Тамар. Прабабушка была очень старенькой, аж восьмидесятилетней, и знала много народных примет. Как-то в погожий весенний день, когда яркое апрельское солнце залило окрестности живительным теплом, мы сидели на ступеньках ее дома и, гримасничая и громко причмокивая, ели алычу. Прабабушка сидела рядом и посмеивалась над нами. Тут откуда-то из-под крыши дома закаркала ворона. Через секунду отозвалась вторая, потом третья.

– Ох, чтоб вам пусто было, – рассердилась прабабушка, – едва распогодилось – а вы тут как тут со своим карканьем.

– А что такое? – наострили ушки мы.

– Если вороны, сварливо перебивая друг друга, громко каркают, значит, погода испортится.

– Да ладно!

– А вот увидите.

И действительно, буквально через десять минут небо затянуло низкими тучами, и пошел мелкий, колючий дождь.

С того дня сестра заточила зуб на ворон. И, чтобы пресечь подрывные синоптические поползновения, не покладая рук сбивала их из двух разнокалиберных рогаток. Вороны от Каринкиных выстрелов падали градом, правда, быстро приходили в себя и, громко откаркиваясь, улетали прочь. Небось долго потом возмущались по своим гнездам, куда смотрят «Гринпис» и конвенция по правам птиц! Куда-куда, ясно куда! «Гринпис» тоже хочет жить, поэтому, дабы не переводить огонь на себя, смотрит в противоположном от третируемых ворон направлении.

Пока Каринка наводила за окном хорошую погоду, мы с Манькой, утомленные хождениями перед зеркалом, переключили внимание на большой деревянный сундук. Этот сундук мы очень любили – там Ба хранила Дядимишины детские игрушки и первые школьные тетрадки. Из игрушек нам особенно нравилась деревянная лошадка на истертых колесиках, с облупленными боками и криво постриженной гривой. Кособокая прическа лошадки объяснялась просто – как-то Ба коротко постригла сына, и тот, расстроенный потерей собственных кудрей, решил отомстить матери по-своему – стащил большие ножницы и выстриг красивую проплешину в гриве лошадки.

– Зачем, ну зачем ты ее изуродовал? – отчитывала потом Ба сына.

– Мишина лошадка, что хочу, то и делаю, – упрямо бубнил дядя Миша.

Над школьными тетрадками мы тихо вздыхали – Ба ничуть не преувеличивала, когда говорила, что дядя Миша буквально с первых закорючек писал правильным, аж каллиграфическим почерком. Пятерки, пятерки с плюсами и даже пятерки с красиво утолщенной спинкой и хвостиком – это был высший шик, такие оценки ставились только за выдающиеся способности, так вот, эти пятерки в тетрадках дяди Миши встречались сплошь и рядом. Ни одной четверки, ни одной помарки!

У Маньки с почерком была сплошная беда – писала она так, словно кто-то ее с завидным постоянством толкал под локоть. Ба скандалила с любым учителем, который пытался за почерк снизить внучке оценку. Действительно, с какой стати снижать оценку, если диктант написан без единой ошибки, но прыгающим птичьим почерком? Где, спрашивается, справедливость?

– Ой! – вдруг отпрянула от окна Каринка.

– Чего «ой»? – оторвались от созерцания Дядимишиных тетрадок мы.

– А-а-а-а-а!!! – раздалось снизу.

Мы с Манькой похолодели. Это была Ба.

– Спрячьте меня, – заметалась по чердаку Каринка, подбежала к открытому сундуку и ласточкой сиганула внутрь, – захлопните крышку!

– Чего это ты натворила? – Мы стали лихорадочно закидывать ее тетрадками.

– В Ба попала! Вижу, она идет, дай, думаю, стрельну в сумку. Промахнулась, попала в нее.

– Как это в нее? Куда в нее?

– Не знаю, в голову, наверное. Она дернула ею вот так. – Каринка высунулась из сундука и показала, как Ба дернула головой. – А потом глянула на окно чердака. Я еле успела отскочить.

– Ты с ума сошла в Ба стрелять? – вылупилась я.

– Мария! – раздался снизу голос Ба. – Вы на чердаке?

Мы с Манькой захлопнули сундук и опасно высунулись в дверь. Ба стояла на нижней ступеньке деревянной лестницы и, прижимая к голове кухонное полотенце, глядела на нас поверх своих больших очков.

– Да! – пискнули мы.

– А где Каринэ? – прищурилась Ба.

– Ушла.

– Куда ушла?

– Давно ушла. Ба, а чего это у тебя с головой? – зачастила Манька.

– Ага, – крикнула Ба и принялась медленно подниматься по ступенькам, – значит, ушла, да? Говорите – давно ушла, да?!

– Да! – Мы отступили вглубь чердака, но вовремя вспомнили про сундук. Подбежали к нему и попытались замаскировать – встали

напротив, распушили подола пальто и расклячили локти. Справа, оттопырившись в сторону рукой в синей театральной перчатке, стояла Манька, а слева, соответственно, – я.

– Та-а-а-ак. – Ба зашла на чердак, окинула нас взглядом, хмыкнула. – Вырядились!

– Вырядились, – шмыгнули мы носами. Манька выставила вперед правую ногу в большой лаковой босоножке с переливающейся пряжкой, а левую, в высоком замшевом сапоге на громоздкой платформе, убрала назад, чтобы не дразнить бабушку высоким каблуком. Я затянула голову в ворот облетевшей рыжей лисы и оттуда следила бегаящими глазками за Ба.

Ба убрала с головы полотенце, зашуршала им. Ага, значит, она успела забежать на кухню и вытащить из морозилки пакет с чем-нибудь замороженным.

– А чего это ты полотенце к голове приложила? – фальшиво тренькнула Манька.

– Так просто, голова немного болит. Видно, припекло, – Ба подошла к окну, выглянула во двор, – вроде осень, солнце убывает, но греет почти по-летнему. Да?

– Да, – кивнули мы, но с места не сдвинулись. Наоборот, нашарили полами крышку сундука и плотно уселись – мы не такие наивные, чтобы на речи Ба покупаться! Она ведь у нас будь здоров хитренькая и легко может кого угодно провести.

Ба хмуро проследила наши телодвижения, всплеснула руками:

– Почему не убрали лошадку в сундук?

Я проследила за ее взглядом и помертвела – деревянная лошадка с криво остриженной гривой осталась сиротливо стоять посреди чердака.

– Потом уберем, – просипела я – голос от волнения куда-то пропал.

Сундук под нами взволнованно закопошился.

– Кхм-кхм, – кинулась откашливаться Манька, чтобы заглушить шум.

– Надо обязательно убрать лошадку, зачем ей тут пылиться? – Ба подхватила игрушку под уздцы и покатила ее к нам. Мы с Манькой заездили полами по крышке, но слезать не стали, только теснее прижались друг к другу. Копошение в сундуке, вместо того чтобы затихнуть, усилилось!

– Сами встанете или помочь? – нависла над нами грозовой тучей Ба.

– Ладно! – подала голос из сундука Каринка. – Вставайте.

– Ой, – подбоченилась Ба, – неужели Чингисхан вернулся?

– Она откуда-то снизу говорит, наверное, с первого этажа, – попыталась надышаться перед смертью Манька, но было уже поздно.

Ба сдернула нас за меховые шивороты с сундука и распахнула крышку.

– Опачки, – прогудела колоколом, – вот где наш косорукий моджахед прячется!

– А чего сразу косорукий! – вынырнула из-под тетрадок Каринка.

– То есть ты мне специально в голову метила, да?

– Я в сумку метила, но не рассчитала скорость твоего движения. Пока камушек летел, ты прошла вперед. Ну и вот.

Ба подхватила Каринку за ухо и потянула вверх. Каринка ойкнула и встала на цыпочки. Ба потянула выше. Сестра проворно взобралась на борт сундука. Ба не растерялась и дернула ее за ухо вниз. Пришлось Ка–ринке спрыгнуть вслед за своим ухом.

– А если бы ты мне глаз выбила? Вон, смотри, что натворила. – Ба нагнулась и продемонстрировала здоровенную шишку на голове.

– Я больше не буду, – засопела Каринка.

– Ба, она больше не будет! – заступились мы с Манькой.

– А вы вообще помолчите, с вами отдельный разговор будет. Горю–укрыватели! Это же надо было с такими всполошенными лицами на сундук усесться! Мигом ее выдали!

– А как надо было правильно глядеть?

– Буду я на свою голову объяснять! – Ба наградила нас звучными подзатыльниками, потом велела переодеваться. Мы резво скинули с себя пальто и сапоги-туфли, аккуратно убрали все в коробки, переложили мешочками лаванды и нафталина. Особенно старалась Каринка – и тетрадки собрала, и игрушки разложила, и даже подолом Манькиной юбки крышку сундука протерла.

– Я бы своими брюками протерла, но брючина не натягивается на крышку, – пояснила она. Ба хмыкнула, но отвечать ничего не стала.

– Роза, – крикнула снизу тетя Валя, – ты уже вернулась?

– Вернулась. – Ба высунулась в окно.

– Что с головой? – всполошилась тетя Валя.

– Так, ерунда.

– А полотенце тогда зачем?

– Валя, ничего страшного! Говорю тебе!

– Как скажешь, Роза. Я чего тебя зову. Газарова нас в гости пригласила. На разговор!

– Какой?

– Важный!

– Хоть намекни.

– Меню к свадьбе их сына будем составлять! Только строго между нами говорю, они не хотят раньше времени шумиху поднимать.

– Валя, ты только что протрубила об этом на весь город. И даже соседние села покрыла.

– Ты попросила, я намекнула!

– А шепотом не могла?

– Ты бы с чердака мой шепот услышала?

Ба легла животом на подоконник, подалась вперед. Мы с Манькой взвизгнули и вцепились ей в ноги.

– Валя, я смотрю, мы с тобой не очень сегодня друг друга понимаем! – прогрохотала она.

Тетя Валя вцепилась руками в забор, поднялась на цыпочки, поправила косынку на голове.

– Ты, главное, не свались оттуда, Роза. А то на мероприятии придется на костылях шейк танцевать!

– Ыыхы-ы-ы-ы-ы-ы, – затряслась Ба, – ыхыхы-ы-ы-ы-ы!

– Вот тебе и «ыхыхы-ы-ы-ы», – передразнила ее смех тетя Валя. – В общем, минут через пять зайду за тобой. Собирайся!

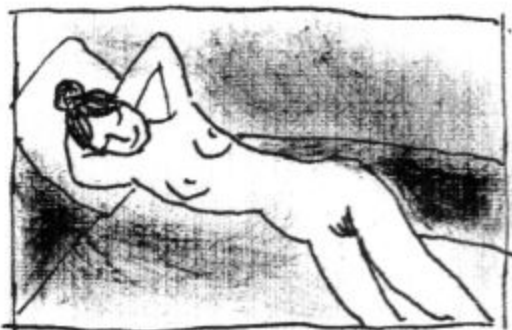
Оставляя нас одних Ба не стала. Спроварила со словами «там у вас во дворе народу много, проследят за вами».

Но до двора и народа мы не добрались. Перед нашим подъездом, прижавшись боком к гаражу тридцать восьмой квартиры, стоял нахохленный, забрызганный по самые брови Вася.

– А чего это он такой грязный? – удивилась Манька. – Вроде папа его вчера мыл.

– Может, он куда-то ездил? – предположили мы с Каринкой.

– Куда это он ездил? И зачем к вам заехал? – заволновалась Манька. – Натворил чего? Пойдем, узнаем.

Обгоняя друг друга, мы поскакали наверх, но до ритуального битья телами в дверь дело не дошло. Да и как могло дойти, если на пороге нашей квартиры лежала пара изгвазданных донельзя, разящих затхлым болотом серными миазмами опорок. Мы резко затормозили, зажали пальцами носы и принялись рассматривать башмаки. Такой грязной обуви мы в жизни не видели. Она, конечно, была не истоптанной и даже, может быть, совсем новой, но количество

налипшей на нее грязищи было таково, что казалось странным, как в такой обуви человек поднялся на третий этаж, а не прирос к земле где-нибудь на подступах к нашему подъезду.

– Это же папины ботинки! – вдруг взвизгнула Манька.

– Да ладно! – не поверили мы. Это было так непохоже на Дядю Мишу, ведь он был из той породы мужчин, которые считали зеркалом души не глаза, а несколько другие части экстерьера, и поэтому щеголял исключительно в доведенной до ослепительного блеска обуви и тщательно отутюженной одежде.

– Да вот же! – Манька ткнула в направлении ботинок пальцем. – Шнурок. Видите, у основания завязан двойным узлом. Это я завязала, а папа развязать не смог!

Вместо ответа мы с Каринкой постучали в дверь. Раз Манька говорит, что это Дядимишины шнурки, то спорить мы не будем. Главное теперь узнать, что такое произошло с дядей Мишей, что он появился к нам в таком виде.

Открыла нам мама.

– Тётьнадь, а что это с папиными ботинками? – спросила Манька.

– Если бы только с ботинками! – Мама посторонилась и пропустила нас в квартиру. – Вся одежда заляпана по самый ворот, такая вонища стоит – глаза слезятся!

– А что случилось?

– Машина провалилась в болото. Пришлось Мише вытаскивать ее оттуда. Еле справился.

– А зачем он в болото поехал?

– Откуда мне знать? Сейчас помоется, и узнаем у него.

Манька вздохнула:

– Хорошо, что он к вам приехал. Если бы Ба застала его в таком виде...

– Оторвала бы ему голову, – заключила Каринка.

Мама нахмурилась, хотела сделать замечание, но махнула рукой. Да и что тут скажешь – все знают вспыльчивость Ба, так что по головке свою кровиночку она бы точно не погладила. Особенно после вчерашнего скандала!

Дядя Миша долго мылся, потом стирал свою одежду, отколупывал грязь с ботинок и чистил их, а потом, плотно пообедав рагу, запивал его чаем с вареньем и, в ответ на настойчивые расспросы, заговаривал нам зубы. Признаться, что на самом деле случилось, не стал. Ясно было одно – он заехал на Васе в какие-то нечеловеческие дебри, долго выковыривался оттуда и, победно выковырившись, приехал к нам – заметать следы.

Мама смотрела на него жалостливым взглядом и называла «Светнаш– горюшко Михайло Шац». Дядя Миша неубедительно хорохорился и сыпал в ответ бородатыми анекдотами. Мы с готовностью хихикали, а мама качала головой.

Скоро вернулся с дежурства папа, и друзья традиционно пошли изливать душу на балкон. Мама периодически носила им кофе и вставляла язвительные комментарии в их сердечный разговор.

– Женщина, не мешай нам разговаривать! – каждый раз вскидывался папа.

– Ой-ой, можно подумать! – пожимала плечами мама. – Очень надо!

Потом, конечно, мы узнали, что случилось в тот злосчастный день. Дядя Миша пригласил Софу в ресторан. Обрадованная Софа оделась во все самое красивое, пышно накрутила волосы, надушилась сладкими духами и выплыла из дома. Дядя Миша, сраженный ее красотой, предложил сначала прокатиться по горам – наработать аппетит.

У Софы уже урчало в животе, но прекословить своему кавалеру она не стала. Окрыленный ее покладистостью кавалер пришпорил своего железного коня, скатился с трассы и заехал в лесную гущу – прокладывать романтичные маршруты. Лесная гуща повела себя по-свински, романтичный Дядимишин настрой не поддержала, обернулась мелким, но зловредным болотом и засосала Васю по самые колеса. Пришлось красиво накрученной и сладко пахнущей Софе, увязая по колена в вонючей жиже, на пару с дядей Мишей выталкивать из болотного плена беспомощный «газик». За время самоотверженных

спасительных работ Софу многократно покусали комары и слепни, она порвала платье, сломала каблук и ногти, потеряла сережку и вдобавок ко всем бедам сорвала себе спину и заработала жесточайший радикулит.

– Такая девушка! – вздыхал дядя Миша. – Ни слова упрека! Ее комары поедом едят, а она молчит. Ей спину скрутило – а она меня утешает, мол, Мишенька, всё в порядке, главное, Васю вытолкнуть. А этот остолоп, – кивок в сторону нахохленного Васи, – весит полторы тонны! Мы ему под колеса и камней накидали – по всему лесу собирали, и широких еловых лап подложили, и кору с деревьев сдирали. Еле вытолкали!

– А чего тебя в лес потянуло? – не вытерпел папа. – Нейдется тебе. Нет чтобы сразу в ресторан ее повезти!

– Захотелось романтики, – вздыхал дядя Миша, – лес, птицы поют!

– Романтики ему захотелось, – передразнил папа. – Знаем мы твой «лес» и «птицы поют»!

В тот погожий осенний день наши папы сидели на балконе до победного, пока Дядимишина одежда окончательно не высохла, а вторая бутылка пятизвездочного армянского не была допита до последней капли. Потом, на ночь глядя, поехали мыть в речке Васю. На увещевания мамы оставить это дело на завтра ответили традиционным: «Женщина, волос длинный, ум короткий». С речки вернулись продрогшие до костей. Лечились сначала чаем, потом тутовкой. Слегли на второй день с высокой температурой – папу скрутил его приступ периодической средиземноморской лихорадки, а дядю Мишу – жесточайшая ангина.

– Надя! – грохотала Ба в трубку. – У каждого свои тараканы в голове. Но у этих разве тараканы? У этих настоящие динозавры!

– Динозавры – это еще мягко сказано, тетя Роза! – с готовностью откликнулась мама. – Мужчины, что с них взять, ни ума, ни волос!

Глава 13. Манюня едет на пикник, или Дед Амбо, бабушка Сара и прочая взрывоопасная родословная

Любите ли вы пикники так, как любим их мы? Эти замечательные выезды на природу, когда кругом раздолье – хочешь, по склону наперегонки вниз несись, хочешь, ладони хной крась, хочешь,

перепрыгивая с одного покатога камня на другой, вверх по течению реки пробирайся, а хочешь, перекрикивай с макушки холма эхо!

Пикники – самое любимое времяпрепровождение наших горожан. Каждый выходной, каждый праздник, каждый юбилей, если, конечно, позволяет погода, люди выезжают за пределы Берда – на благословенный отдых на природе. Вокруг множество мелких чистых родников, возле которых сооружены специальные места для отдыха – крытый каменный мангал, большой навес-беседка с деревянным столом и грубо сколоченными, но вполне себе удобными скамьями. Если встать на цыпочки и пошарить рукой под шиферной крышей навеса, можно найти коробок спичек, несколько газет и пачку соли. Этот стратегический запас необходимого для пикника инвентаря бдительно пополняется самими горожанами, а то мало ли, может, кто-то выехал на природу, а о самом главном – соли, спичках и материале для растопки костра – забыл! Не возвращаться же человеку домой!

Будь на то воля бердцев, они бы все выходные проводили на пикниках. Но времена года диктуют свои правила. Зима, пожалуй, единственная пора, когда окрестности городка отдыхают от наплыва любителей проводить время на свежем воздухе. Безобидные для северянина минус два или, не дай бог, минус пять за окном оборачиваются для южного человека целым испытанием, если не вызовом его стойкости. Видимо, с терморегуляцией у южных людей дела обстоят не очень, потому в холодное время года они предпочитают сидеть по домам и жарить шашлыки исключительно под окном.

Зато с весной все вокруг оживает. С утра до вечера светит солнышко, дожди ласковы и скоропалительны, и лишь грозы сокрушительны и немилосердны. Но упертый бердец так просто не сдается! Вершиной своего личного антропогенеза он считает наработанное годами победное умение эвакуироваться за считанные секунды. Поэтому грозой, молниями и прочими синоптическими всплесками его не напугать.

Да и как можно удержаться от поездки на природу, когда кругом такая красота – непролазные мохнатые леса, зеленые, подернутые на макушках низким облаками холмы, чистейшие речки. В чаще много непуганой живности – косуль, кабанов, волков, лис и даже медведей. Зимой, в холод, они спускаются в низины, жмутся к домам, словно

просят защиты. А в теплое время года возвращаются в свои привычные места обитания.

Когда созревает малина, а на опушках лесов ее полным-полно – она растет большими колючими кустами и алеет на июньском солнце крупной, сладкой ягодой, – из чащи выходят медведи. Будучи настоящими сладкоежками, они то ягоды из-под носа у горожан уведут, то на чьей-то пасеке покуролесят, то дикую грушу объедят. Дикой груши кругом много, она обильно плодоносит мелкими вяжуще-сладкими плодами, вот медведям и счастье.

Осенью, когда леса сплошь застелены буковым орехом и желудями, наступает раздолье для кабанов. Они объедаются ими до такого состояния, что иногда с места сдвинуться не могут. Однажды Ба снарядила дядю Мишу в горы – за сепарированной сметаной и домашним маслом. День был туманным, в горах очень часто случаются густые, молочные туманы, дядя Миша рулил осторожно, чуть ли не на ощупь пробирался, чуть ли не по-пластунски, и посреди горной дороги неожиданно уткнулся Васиным бампером в пяточок кабана. Обошлось без жертв, кабан не пострадал, Вася возмущенно тарахтел, но в целом не выкаблучивался.

– Вы бы видели, какой несчастный вид имел кабан, – рассказывал потом дядя Миша, – отъелся до такого состояния, что сдвинуться с места не мог, глядел осоловелыми глазами и лишь изредка протяжно похрюкивал, аж всхлипывал. Пришлось долго сигналить, чтобы бедолага отполз в придорожные кусты.

А еще в наших горах растут трюфели. Те самые трюфели, чтобы полакомиться которыми эксцентричный француз может и машину свою заложить. Да-да, встречаются среди французов такие незначительные люди.

К трюфелям бердцы относятся настороженно. Как к инопланетному разуму. Это ведь не сладкий топинамбур – выдернул из земли, очистил и съел – это нечто непонятное, вызывающее скорее живой интерес и даже священный трепет, чем желание использовать его по прямому назначению.

В четвертом подъезде нашего дома проживает местная достопримечательность, эстетствующий алкоголик дядя Володя. Первую половину дня, если позволяет погода, небрежно облокотившись о перила балкона и попивая вино, он декламирует

проходим поэтов Серебряного века. Вторую половину дня скрашивает стихами Бодлера. Так что уходим мы в школу под «О закрой свои бледные ноги», а возвращаемся под «О, завитое в пышные букли руно!». Из родных у дяди Володи измученная жена тетя Маргрит – высокая худющая женщина с выражением вечной загнанности на лице – и поджарый хряк Ара Прекрасный.

Тетя Маргрит общается с мужем исключительно со двора и исключительно на повышенных тонах.

– Опять с утра зенки залил, – причитает она, глядя снизу вверх на непутевого мужа, – и чего ты на весь город позоришься, а? Господи, за что мне такое, у всех мужья как мужья, а у меня – горький пьяница!

От претензий жены у дяди Володи затуманиваются глаза и делается страдальческое выражение лица. До прямого ответа он не снисходит, откликается выразительным взглядом и стихами про «лазури гордый царь два белые крыла» и «простертый на земле, освищенный шутами, ты исполинских крыл своих не развернешь» [38]. Иносказательные намеки мужа оскорбляют тетю Маргрит до глубины души – она плотно сжимает губы и, чеканя шаг и беспомощно сутулясь, уходит в сторону улицы Маштоца, в нотариальную контору, где работает секретарем.

– «Ты плачешь? Послушай – далеко на озере Чад изысканный бродит жираф» [39], – декламирует вслед уходящей жене поэтический муж.

Ара Прекрасный живет в гараже – там ему отвели самый теплый и благоустроенный угол. В сезон грибов дядя Володя уходит с ним в горы – охотиться на трюфели. Хряк прекрасно науськан на поиск драгоценных грибов, резво вспахивает землю под дубами, ориентируясь на запах. Дядя Володя нюхом Ары Прекрасного похвастаться не может, поэтому ориентируется на косвенные признаки, например – на традиционно роящихся над местом схрона грибов мошек. Одновременно он зорко следит, чтобы поисковые работы Ары Прекрасного не закончились триумфальным поеданием драгоценных грибов, и отдергивает его за импровизированный веревочный поводок за секунду до того, как хряк, счастливо похрюкивая, попытается воровато их сожрать. Задетый таким неджентльменским поведением хозяина, Ара Прекрасный отзывается

оскорбленным визгом и с удвоенной силой кидается на поиски новых трюфелей.

«Уж в этот раз ты их из-под моего носа не уведешь!» решительно хрюкает он.

Дядя Володя петляет следом и, не изменяя своему изысканному вкусу, декламирует стихи, притом предпочитает на природе Чаренца [40]

– «Поднимите глаза! Я иду, я иду! Из угрюмого чрева веков...» – обращается он к неведомым далям. Неведомые дали впечатленно внимают поэзии.

Субботный вечер накануне пикника проходит в приятном волнении – взрослые готовятся к выезду на природу, а дети корпят над учебниками – нужно успеть доделать уроки, чтобы весь завтрашний день со спокойной душой колобродить на свежем воздухе, ура!

Так уж завелось исторически, что за мясо для шашлыков отвечает папа – дядя Миша покупать его не умеет, а если раз в сто лет и решается на такой неосторожный шаг, то приносит домой такие доисторические мослы, что Ба потом три дня всполохами исходит, отчитывая сына. Поэтому обязанность покупать мясо папа раз и навсегда взвалил на себя. Сначала он придирчиво выбирает у знакомого мясника сочную корейку, когда свиную, а когда баранью, разделывает дома мясо на крупные куски, пересыпает солью и кольцами лука, добавляет немного сушеного горного майорана. В идеале мясо должно мариноваться с вечера, но в целом двухтрех часов может быть вполне достаточно. В отдельной миске, засыпанная солью и специями, лежит мелкорубленая печень и несколько пленок нутряного сала. Шашлык из печени – любимое яство взрослых. Печень плотным рядом нанизывают на шампур, обматывают пленкой сала и быстро жарят на углях – жир схватывается хрустящей корочкой, подергивается дымом костра. «Ммм, как вкусно», – приговаривает папа, поливая скворчащие кусочки шашлыка соусом из барбариса и быстренько заворачивая их в лаваш. Нам вкус печени не очень нравится, мы строим гримасы и отказываемся ее есть. Нам обычное мясо подавай!

– Тем лучше, – хмыкает Ба, – нам больше достанется. Что вы понимаете в правильной еде!

А чего понимать в правильной еде? Правильная еда – это когда тебе не тыкают в нос тарелкой супа или тушеными овощами. Правильная еда – это жареная картошечка, например. Или жареная курочка. Или же правильный, завернутый в лаваш на минуточку-другую «подумать», пересыпанный кольцами злого лука шашлык. Такую вкуснятину можно есть с утра и до вечера каждый день! Берешь кусочек мяса, впиваешься зубами в сочную мякоть и урчишь от удовольствия. А потом еще косточку грызешь, потому что косточка – объедение и вообще приятное времяпрепровождение. Нагрызешь целую тарелку ребрышек от корейки, заешь салатом из запеченных овощей, запьешь шипучим лимонадом «Буратино». Вот это я понимаю «mmm»! А то печень или сыр с плесенью. Фу! Как вообще можно такое есть?

Утро воскресенья – счастливая пора. Просыпаешься спозаранку и припускаешь к окну. В кварталах с частными домами с вызовом перекукарекиваются петухи, по дороге, отчаянно гремя запчастями, прокатывается древний грузовик, на востоке, тяжело вздыхая, поднимается солнце – ему снова выпасться не дали, разбудили ни свет ни заря и погнали на небо – сонно потягиваться и исходить золотыми лучами. Наспех позавтракав и сложив пикничный скарб в машины, мы дружной кавалькадой выдвигаемся за город – впереди едет пучеглазая Генриетта, следом – надутый от такой беспардонной наглости – где ж это видано, чтобы бабы форсили впереди мужчин, – Вася. Пока дядя Миша с папой разводят костер, мама с Ба накрывают на стол – расстилают клеенчатую скатерть, раскладывают миски с брынзой, домашними соленьями, зеленью и овощами, баночки с аджикой и барбарисовым соусом. На этом женские обязанности заканчиваются –

все остальное – шашлык, печенная в золе и щедро приправленная сливочным маслом и мелкорубленным зеленым луком картошка, скворчащие с огня шляпки шампиньонов, печень в нутряном сале и даже салат из запеченных овощей готовят мужчины. Такая у нас традиция – женщина к открытому огню не допускается, потому что считается, что не женское это дело – возиться у огня. Мама с Ба редко когда соглашаются с нашими традициями, но эту всячески поддерживают.

– В кои веки почувствуем себя людьми, – выдыхает Ба, расстилает на деревянной лавочке плед, с комфортом усаживается и отвинчивает крышку большого китайского термоса с синей лилией на боку. В термосе она заваривала стратегический запас крепкого чая с чабрецом. Пока мужчины хлопочут вокруг огня и, периодически покрикивая на нас, гоняют за водой, женщины чаевничают и тихо беседуют о чем-то своем, взрослом. Оставшаяся без внимания Сонечка топает по поляне с батоном под мышкой, отщипывает по кусочку и одаривает всполошенную от такой щедрости живность – жучков, птичек, прочих зверушек.

– Хьёбусик будись? – ведет она басовитые переговоры с ползающей по стволу бука шеренгой бойких муравьев. – Бу-у-у-удись! – и с размаху припечатывает сокрушительным куском хлеба. А потом по муравьиным пенатам ходит легенда о трубном гласе, свалившемся с небес недельном запасе манны небесной и всяких других необъяснимых чудесах!

Гаянэ всегда держится в шаговой доступности от взрослых. Очень правильный, кстати, стратегический ход. Ведь взрослые – невероятно наивные люди, они почему-то считают, что если ребенок рядом, то никаких подвохов от него ждать не стоит, ну не станет же он под твоим носом заниматься подрывной деятельностью! Воспользовавшись такой неосмотрительной доверчивостью взрослых, Гаянэ оттягивается по полной программе – резво ковыряясь в земле, выкапывает и подкидывает в огонь дождевых червей, ведет переговоры с бабочками и божьими коровками, забивает себе нос и уши подручными средствами – орешками, ягодами или каким другим ботаническим изыском. А однажды она нашла под деревом кучку бараньих катышков, затолкала парочку себе в уши и прибежала хвастаться маме с Ба, мол, посмотрите, какие я красивые бусины нашла!

Мама с Ба оказались нечуткими людьми, дизайнерский порыв Гаянэ не оценили, более того, подняли такой крик, по сравнению с которым ор тетечки медсестры из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» кажется просто детским лепетом! Гаянэ быстро смекнула, что сейчас будут насильно реквизируют ее украшения, поэтому с криком: «Мои бусинки, никому не отдам», – кинулась к папе с дядей Мишей. Мужчины оказались не такими трепетными и впечатлительными, как женщины, сначала посмеялись, а потом все-таки скрутили Гаянэ, выковыряли из ушей катышки, промыли водой и до кучи протерли листьями подорожника. Сестра была крайне оскорблена столь бесчувственным отношением взрослых, кое-как вырвалась из их цепких рук, отбежала на безопасное расстояние и не успокаивалась до тех пор, пока не набрела на кусачие заросли ежевики. Ежевика была твердокаменной, потому что незрелой, но невероятно красивой. Сестра нарвала горсть «бусинок», красиво инкрустировала ноздри (раз уши не дают!) и победно вернулась к родителям.

– Ду деберь-до вы видиде, чдо эдо бусинги? – прогундосила она.

– Боже мой, – всплеснула руками мама, – час от часу не легче!

– Надя, надо менять тактику, – просипела конспиративным шепотом Ба, – если мы не станем ругать ее за выходки, то она перестанет запихивать всякую дрянь себе в нос и уши.

Мама вздохнула. Она хорошо знала своих дочек и понимала, что хитростью их не проймешь.

– Давай хоть попробуем, – предложила Ба и обратилась к Гаянэ: – Какая ты красивая, Гаечка, и бусинки такие красивые. Так они тебе идут! – И восхищённо поцокала языком: – Тц-тц-тц!

Сестра запнулась на полушаге. Перевела недоверчивый взгляд от Ба к маме. Мама широко улыбнулась и кивнула:

– Очень красивая, очень!

– Да? – обрадовалась Гаянэ. – Ду догда я бойду еще боищу бусиног. Можед быдъ, даже бубырцадые найду! Для вас!

– Только бубырцадых бусиног нам не хватало, – всплеснула руками Ба.

Маневр, конечно же, не прошел. Теперь взрослым нужно было не только следить за тем, чтобы Гаянэ не переусердствовала в подборе бижутерии, но вежливо и убедительно, чтобы не обидеть ребенка,

отказываться обвешивать себя той растительной и околорастительной мелочью, которую она радостно притаскивала им.

Мы с Манькой и Каринкой на природе совсем распоясываемся. Потому что природа, в отличие от вазы на комодe, не ломается. Ну, по крайней мере, мы так считаем. Пока взрослые заняты готовкой, мы колобродим со страшной силой: то, завернувшись в пледы, скатываемся вниз по склону холма, а потом глаза долго в кучку собираем, потому что просвистеть с бешеной скоростью, перекатываясь с боку на бок, и не заработать себе тошноту и головокружение мало кто сумеет, то в речке купаемся, то грибов ядовитых полные карманы наберем, то еще какими несъедобными, зато жутко красивыми ягодами затаримся. А то, взобравшись на деревья, орем друг другу разные идиотские вещи.

– Нарка-а-а-а-а-а-а-а, – трубит Манька из густой кроны здорового бука, – ты красные панталоны надела или дома забыла?

– Наделаа-а-а-а-а-а! – ору я, болтаясь на хлипкой ветви лещины. – А ты надела свои зеленые панталоны-ы-ы-ы?

– Ага-а-а-а-а-а-а!!!

– А покажи!!!

– Щаз! – сварливо откликается Манька. – Сначала ты свои покажи.

– Я первая сказала!

– А я первая показать попросила!

– Ну вы ваще дуры, ваще-е-е-е-е! – отзывается Каринка со своего дерева. – Нашли о чем шуметь!

– А о чем надо было?

– Чего вы про панталоны врите?

– Нравится нам врать, вот и врем!

– Вруши-вруши... – Каринка на минуту смолкает, придумывая рифму.

– Кислые груши, – подсказываю я.

– Лопоухие уши! – не отстает от меня Манька.

– Ну вот, сами за себя и сказали. Вруши-вруши, уши как груши, – резюмирует Каринка.

– Га-га-га-а-а-а-а-а-а, – срываемся мы в дружный хохот. Очень нам нравится стихотворение про вруш.

Скоро начинает тянуть шашлычным духом, и мы резво ссыпаемся вниз. Через несколько секунд мы уже у стола – толкаясь локтями, занимаем стратегически важные места – подальше от всяких огурцов-помидоров-зелени и поближе к лимонаду. Папа несет большую эмалированную кастрюлю, ставит на краешек стола, торжественно поднимает крышку!!! А внутри, завернутый в тонкий лаваш и переложённый луком, лежит ароматный, сочный, вкуснющий шашлык. Вот где впору говорить «mmm»! Вот где надо, закатывая глаза и игнорируя попытки Ба соблазнить тебя то кусочком огурца, то ломтиком сыра, то зеленью, то еще какой полезной с ее точки зрения едой, пожирать хорошо прожаренное, пахнущее дымным костром мясо и запивать его пузырящимся, сладким лимонадом! И спешно, пока не замечают взрослые, облизывать стекающий с пальцев сок!

Папа с дядей Мишей обязательно выпивают по стопочке тутовки, произносят тост за женщин и детей и, удостоверившись, что никто не обделен шашлыком, приступают к еде.

– Приятного аппетита! – назидательно говорит Ба.

– Шпашибо! – отзываемся с набитыми ртами мы.

– Пожалуйста!

С наступлением осени выезды на природу приобретают немного лихорадочный характер – впереди зима, и народ пытается наотдохнуть на свежем воздухе вволю. Поэтому ничего удивительного, что каждый погожий осенний выходной мы стремимся на природу – скоро с гор потянет холодным колючим ветром, облетят деревья, станет сыро и промозгло, а потом, на излете декабря, крупными хлопьями повалит недолгий, в тяжелые мокрые хлопья, снег.

В этом году конец октября выдался особенно прекрасным – стояла двадцатиградусная теплынь, клены по самую макушку обсыпали город и его окрестности багряным и золотым, с прощальными криками пролетали последние перелетные стаи. Городок расслабился и отдыхал – закончилась напряженная закаточная пора, урожай с полей убран, развеялся дынно-арбузный аромат над большим базаром. Погреба до отказа набиты припасами на зиму – орехами, медом, домашней ветчиной и бастурмой, сухофруктами и вареньями, соленьями, тушенкой собственного приготовления и прочими вкусностями. В пузатых дубовых бочках бродит игристое, молодое, но уже крепкое

вино, в темных запотевших бутылках ждут своего праздничного часа наливки и домашний самогон. Природа словно замешкалась на секунду – передохнуть и понежиться в тепле, чтобы потом, нехотя, с тяжким вздохом, нагнать из-за холмов низкие темные облака и погрузиться в долгое, беспросветное ненастье.

Последнее воскресенье октября семейство Шац традиционно отводит визиту вежливости Ицхаковым – деду Амбо и бабушке Саре, Маниным бабушке и дедушке по материнской линии. Несмотря на неудавшийся брак детей, сваты сохранили между собой достаточно теплые отношения и стараются хотя бы раз в год, но обязательно встречаться. Дед Амбо и бабушка Сара живут в селе Паравакар. Паравакар в переводе с армянского означает «Старухин камень». Под камнем подразумевается высокий утес, у подножия которого раскинулось селение. Легенда гласит, что, когда в эти края пришли войска Арабского халифата, одна старушка обманным путем завела их на этот утес и, не дожидаясь расправы, бросилась в ущелье. С противоположной скалы враги просматривались как на ладони. Затаившиеся в пещерах лучники перестреляли часть непрошенных гостей, остальных добили подоспевшие ополченцы. Это дало маленькую, но передышку в затяжной войне, которую Армения с переменным успехом вела на протяжении многих веков – едва отбились от сасанидской Персии и Рима, пришли арабы, потом будут вероломная Византия, монголы, османы и снова персы – бесконечная,

бесконечная война за выживание, тяжелая, изнурительная, кровопролитная борьба.

Там, где разбилась старушка, построили часовню, вокруг выросло селение, которое, как и утес, в память об отважной спасительнице назвали Паравакар.

У Маньки, куда ни глянь, везде примечательная родня. Дед Амбо – карабахский армянин. Бабушка Сара – шамхорская еврейка. На этой нервной почве на протяжении полувековых супружеских отношений в семье Ицхаковых идет непрекращающаяся полемика. Дети давно выросли и разъехались по разным городам нашей большой родины, народились замечательные внуки, а дед Амбо с бабушкой Сарой до сих пор не могут выяснить, кто до кого счастливо снизошел и «где бы ты был (была), если бы не я!». Восклицание сопровождается говорящим жестом, мол, оно и ясно, где бы ты был (была), в выгребной яме, где же еще!

Перефразируя Толстого, можно сказать, что все семьи одинаковы в своих странностях, но каждая семья сходит с ума по-своему. Можно много чего еще напридумывать на эту животрепещущую тему, но бесспорно одно – Ицхаковы могли дать фору любой плавно скатывающейся в не– адекват семейной паре. И выиграли бы всухую.

Каждый бывалый паравакарец обходил дом Ицхаковых большой дугой. И этому были очень веские причины. Вот представьте себе ситуацию – собрался паравакарец за покупками. Продуктовый находится в центре села. К нему ведут две дороги. Одна, прямая и даже местами заасфальтированная, пролегает мимо дома Ицхаковых. По этой дороге, если ме-е-е-е-едленным черепашьим ходом или вообще по-пластунски, до магазина добираться пять минут. А вторая петляет по окраинам села, уходит в картофельные поля, путается в бурьяне и чертополохе, огибает соседское село Варагаван и, коварно пересекая в двух местах границу с Азербайджаном, форсируя вброд реку, возвращается в село, чтобы наконец-то благополучно уткнуться в сельпо. Любой нормальный человек выбрал бы первую дорогу, так? Так. Но стреляный воробей паравакарец выбирает тернистый обходной путь, потому что проще три часа петлять по невспаханым окрестностям и соседним республикам и явиться к прилавку с инкрустированным растительными залежами фасадом, чем пройти мимо калитки Ицхаковых. А всё почему? А всё потому, что дед Амбо –

больной на голову в плане гостеприимства человек. Если с Амбо опрометчиво поздороваться, он вместо ответа начинает резать барана. Если не здороваться, он через забор сварливо интересуется, чего это ты его игнорируешь, и, пока ты придумываешь себе алиби, начинает резать барана. Попытки с бешеной скоростью просвистеть мимо калитки ни к чему не приводят – Амбо выскакивает в ворота, цепляет марафонца за шиворот металлическим набалдашником своей клюки и тащит в дом, попутно затевая очередное барановредительство.

– Сара, готовь этот твой слоеный кугель с мясом, есть невозможно, но хрен с ним, пусть будет! – рокочет Амбо.

– Да ты первый его съешь и пальцы проглотишь! – откликается Сара и, споро отщипывая от сухого лаваша мелкую труху, приступает к готовке. Бабушка Сара в плане гостеприимства мужу не уступает, ее хлебом не корми, дай только чего-нибудь вкусенького для подневольного гостя приготовить!

– Амбо-джан, – пытается сопротивляться несдержанный на приветствие человек, – я просто мимо проходил, на работу опаздываю.

– Ты меня вроде как обидеть хочешь? – выпрямляется Амбо и сдвигает на затылок головной убор – в любое время года он ходит в большой, выгоревшей от солнца шляпе с засборенными от дождей полями и лишь в самую жару заменяет ее старой отцовской парусиновой буденновкой.

– Ну что ты такое говоришь, никто тебя и не думал обижать!

– Вот и усаживайся за стол, раз обижать не хочешь. – И, подхватив упирающегося гостя под локоток, Амбо волочет его в дом. – Сара, неси картофельные оладьи, пусть человек с дороги перекусит, пока шашлык жарится.

– С какой дороги, я только что из дома вышел! – пытается оказать сопротивление гость. – Яичницу из пяти яиц съел, двумя чашками крепкого сладкого чая запил!

– Ничего не знаю, садись, сейчас все будет.

Самое страшное в деде Амбо не его гипертрофированное гостеприимство и даже не желание закормить гостя до беспамятства. Самое страшное в деде Амбо – это его маниакальное стремление в любом знаменитом человеке найти хоть крупницу армянской крови. Бабушка Сара его так и называет – армянский маньяк. В своем непотопляемом патриотизме дед Амбо дошел до ручки – штудирует

энциклопедии и прочие источники знаний в надежде найти подтверждение своей теории «сначала были армяне и только потом – свет», заметив в ФИО какой-нибудь известности характерное окончание – ян или – янц, надувается, как индюк, да так и ходит по дому, гордо выпятив грудь. Мол, знай наших! Не одобряет Шарля Азнавура и Сильви Вардан за то, что они «офранцузили» свои армянские фамилии, победно вздрагивает, услышав имена Себастьян или Валерьян (!), резко осуждает Эмиля Лотяну за ненужное – у (чем его Лотян не устраивал?). На попытки бабушка Сары втолковать ему, что Эмиль Лотяну – представитель совсем другой, не менее симпатичной национальности, дед Амбо раздраженно водит плечом:

– Что ты понимаешь в армянах, женщина!

Однажды, обманным путем заманив к себе приехавшего на неделю погостить у дочки украинского свата соседей, устроил дебаты на тему «кем являются по национальности люди с фамилией Касьян».

– Та забирай их всех себе! – махнул рукой сват, быстро вычислив, на какую несокрушимую твердолобость он натолкнулся.

24 апреля Паравакар предусмотрительно вымирает. Чтобы не нарываться. Потому что в этот день дед Амбо с раннего утра сильно не в духе, ходит по дому обмотанный патронташем, периодически выскакивает на веранду и сыплет ругательствами в гипотетическую сторону турецкой границы.

– Шелудивые собаки! – потрясая кулаками в воздухе, грохочет дед Амбо. – Не сомневайтесь, возмездие еще настигнет вас, и я тогда плюну в ваши трусливые души вот таким плевком!

И, могуче харкнув за порог, уходит в дом.

Каждый раз, когда приходит пора навеститься к Ицхаковым, у дяди Миши сильно портится настроение.

– Юра, будь человеком, поехали с нами! Я один этого не вынесу! – просит он моего папу.

– Миша, ты знаешь, я тебя всегда поддержу. Но к Амбо не поеду. У меня нервная система расшатана, я еще с той поездки не отошел!

В прошлом году мы тоже поехали к Ицхаковым – знакомиться с Маниной паравакарской родней. По возвращении папа три дня дымился ушами – никак не мог отойти от дебатов с дедом Амбо.

– Я ему говорю – не дури и не срамись, – грохотал он. – Д'Артаньян никакого отношения к нам не имеет! А он говорит – позор

тебе, Юрик, от своих отрекаешься!

– Юра, ну чего ты кипятишься, нервы побереги, – успокаивала его мама.

– Убери валерьянку, женщина, я в порядке!

– Глаза красные!

– Глаза от возмущения красные. Когда мне говорят: «Юрик, ты позор всех армян, ты даже не знаешь, что Д'Артаньян – наша национальная гордость», – как я могу реагировать? Я не только глазами краснею...

– Но и попой. Как макака!

– Женщина!

Визит к Ицхаковым в этом году прошел в традиционно напряженной, но хлебосольной обстановке.

– На столе всего было много, – рассказывала мне шепотом Манька на уроке сольфеджио, прикрывшись от всевидящего ока Серго Михайловича нотной тетрадкой, – и мяса, и курицы, и разных других едов... еды. Бабушка Сара приготовила такое блюдо, название смешное, типа башмак. Но не башмак. Не вспомню, как правильно называется.

– Блюдо на башмак похоже? – волновалась я.

– Нет. На замазку. Из рыбы и всякой другой ерунды. Но вкусно. Правда, я есть не стала, я шашлыка поела. А Ба почти весь этот башмак скушала. Намажет на хлеб масла, ест и нахваливает. Мол – такой башмак только моя мама умела готовить, больше никто. А бабушка Сара сидела вся из себя довольная, аж с красными щеками.

– А чего с красными щеками? Диатез?

– Нарка! Ну ты ваще дурочка! Какой диатез?! От радости она сидела с красными щеками!

– А-а-а-а!

– Ну!

– А дед Амбо чего?

– С папой спорил.

– Опять?!

– Угум.

– Теперь о чем?

– О том же. Например – что мама у Суворова армянка, и оттого он великий полководец.

– А дядя Миша чего?

– Обхватывал руками голову и стонал.

– Бедный.

– Ага. А еще знаешь чего мне дед Амбо сказал? Посадил меня на колени и говорит: ты у меня на четверть армянка. Притом на лучшую свою четверть, поняла? Помни об этом и никогда не забывай.

– А ты чего?

– Я его крепко обняла, расцеловала и говорю: дед Амбо, не волнуйся, я всегда буду об этом помнить. Но Ба ничего про эту лучшую четверть говорить не буду. А то мало ли.

Манька вздохнула, села прямо, приладила ладошками складки на юбке, сложила ладони на коленях, окинула себя критичным взглядом. Покосилась в мою сторону и шепнула уголком рта:

– Осталось вычислить, где эта четверть у меня находится.

– Зачем?

– Ну, чтобы не путать с остальными. Я ж говорю – а то мало ли!

Глава 14. Манюня выходит на променад по крышам, или Крысотерапия бабушки Забел

Из чего делают этот шифер – непонятно. Из картона, наверное, делают. Хотела бы я прожечь выразительным взглядом того, кто придумал делать шифер из картона. Прямо насквозь хотела бы прожечь. Или даже покрутить ему пальцем у виска. Это надо было

додуматься делать шифер из такого хрупкого материала, что даже прыгать по нему без происшествий нельзя!

Главное – я же не специально! Я неуклюжая и, честно говоря, большая трусиха. Если бы не Манька с Каринкой, моя жизнь была бы скучной и однообразной пыткой – утром школа, днем музыкалка, вечером уроки. Ужас! Хорошо, что мне повезло с девочками. С Манькой и Каринкой некогда скучать, с ними, что дома, что на улице, что в пионерлагере, не жизнь, а сплошное испытание на прочность.

Взобраться на крышу предложила Маринка из тридцать восьмой – еще один залог моих шептутных будней. Как всегда, все завертелось с пустяка. Мы просто ходили по двору и обсуждали способы реанимации старой, изжеванной в хлопья жвачки. Наилучшим методом единогласно признали реанимацию с помощью обложки. Берется обычная тетрадь в двенадцать листов, отрывается от обложки кусочек размером в почтовую марку и энергично разжевывается вместе со старой и уже невкусной жвачкой. Бумага придает жвачке эластичность и нежный зеленый (или жёлтый, смотря какая вам попалась обложка) колер. Легенда гласит, что благодаря такому нехитрому способу восьмой «А» Бердской средней школы № 3 целый месяц жевал одну жвачку, передавая ее по эстафете друг другу с интервалом в пятнадцать минут. Вкус возрожденной к жизни жевательной резинки особых изменений не претерпевает, только приобретает дополнительный безнадежный и бездарный оттенок. Но второе дыхание у жвачки открывается. Продержавшись еще какое-то время, она падает смертью храбрых. Безвозвратно. А так как толкового метода повторной реанимации мы еще не придумали, то находимся в постоянном поиске. На днях, например, добавили в почившую в бозе апельсиновую жвачку парафин. Чтобы не вызывать ненужных подозрений у взрослых, мы не стали отпиливать кусочек от свечи, просто соскребли с боков застывшие капельки и осторожно сжевали с останками жвачки. Получилась противная на вкус и по консистенции гадостная гадость. Никогда не добавляйте в старую жвачку парафин, вот вам мой наказ. И пластилин не добавляйте, толку ноль и вкус бензиновый.

В общем, ходили мы по двору и шепотом обсуждали стратегические вопросы. И вдруг Маринку осенило. А когда ее осеняет, она первым делом выкатывает глаза и начинает глотать

воздух, как выброшенная на берег рыба. Мы тут же притормозили и какое-то время с любопытством наблюдали за нашей подругой.

– Ну чего? – поторопила Каринка.

– А давайте... – очнулась Маринка и снова замолчала.

– Чего давайте? – заволновались мы.

– Давайте по крышам гаражей пойдем гулять!

– Зачем? – сварливо отозвалась я. Словно чувствовала, что не надо нам на эти крыши лезть, ничем хорошим это не закончится.

– Чего-то полезное можем найти! – с нажимом ответила Маринка. – Замазку какую, например. Авось в жвачку добавим. Ну что, пошли?

– Конечно, пошли, – откликнулись Каринка с Манькой. Их вообще спрашивать не надо, просто сделай таинственный вид, и они готовы следовать за тобой в любой конец света!

И что я могла сказать? Нет, не пойдем на крыши, давайте лучше в салочки играть? Меня бы на смех подняли! В салочки мы уже давно не играем, года два точно. Как повзрослели, так и не играем. Увлечения теперь у нас другие, с радикальным уклоном. Например, мы научились гасить во рту зажженные спички. Правда, удовольствие это редкое, потому что спички достать – целая проблема. Дома они хранятся как зеница ока, и не потому, что дефицитные, как раз в магазинах спичек навалом – и в продуктовом, и в скобяном, и в военторге, и даже в овощной лавке на Ленина. А потому, что к спичкам нам строго-настрого запрещено прикасаться. Особенно после истории с тумбанами ^[41]. В магазине мы спички купить не можем, потому что Ба не поленилась заглянуть ко всем продавцам с просьбой не давать их вот этим оглоедкам (широкий жест в сторону наших понурых темечек). И теперь мы табуированные в плане горюче-поджигательных материалов клиенты в любой торговой точке Берда. Эти взрослые, они иногда очень солидарные люди, особенно когда объединяются против детей.

Какое-то время материал для опытов поставляла нам Маринка. Благодаря ей мы имели возможность неустанно совершенствоваться в нелегком деле гашения во рту зажженных спичек. Но потом Маринкин брат Сурик учинил такое, что теперь в каждом доме Берда спички – самый строго охраняемый предмет. Лежат они исключительно в недоступных для детей местах, в окружении медвежьих капканов,

заминированных рвов и прочих неприступных приспособлений. А всё почему? А всё потому, что Сурику взбрело в голову впервые в жизни покурить. Такое иногда случается с недалекими на мозг мальчиками тринадцати лет от роду. Некуда такому мальчику девать свою кипучую энергию, вот он и пускает ее на всякие разрушительные мероприятия. Хотя нужно признать – Сурика в этой истории полностью винить нельзя, он стал жертвой обстоятельств. В некотором неоспоримом роде.

В общем, рассказываю, как оно было. Однажды Маринкин папа дядя Давид испачкал мазутом свой кожаный плащ импортного югославского производства. Сначала с дядей Давидом чуть родимчик не приключился, ведь копил он на этот плащ целых два года! А тут такие трагические дела. Хоть ложись и помирай с горя! Но коллеги вовремя нанесли упреждающий удар и подсказали надежный способ избавления от пятна.

– Мазут можно безболезненно свести бензином, – объяснили они Маринкиному папе, чем спасли ему жизнь.

Обрадованный дядя Давид сцедил из бака своего «москвича» пол-литра бензина и приступил к священнодействию. Бензин пятно действительно вывел. Вошедший во вкус дядя Давид пристально изучил плащ на предмет обнаружения новых трудновыводимых пятен, ничего не нашел, зато потом долго ходил по дому, придумывая место, где можно спрятать горючее. Поставил банку с бензином на балкон и прилег отдохнуть. К сожалению, дядя Давид с детства отличался буйной фантазией, поэтому, вместо того чтобы погрузиться в сон, лежал с открытыми глазами и представлял разные ужасы. Например, как сосед сверху выкуривает у себя на балконе сигарету и некультурно выбрасывает бычок во двор. Порыв ветра подхватывает тлеющий окурок и закидывает на балкон тридцать восьмой квартиры, прямо на злосчастную банку с бензином.

«Бум!» – раздается взрыв, бензин вспыхивает, огонь весело трещит, перекидываясь с одного балкона на другой... Загорается подъезд, потом весь дом, пожар перекидывается на соседние здания... Ужас и кошмар!

Дядя Давид подскочил как ужаленный, выбежал на балкон, забрал банку с бензином и принялся снова бегать по дому в поисках убедительного укромного уголка. Заглянул под кровать. Представил,

как жена моет пол, задевает шваброй банку, та опрокидывается, по паркету разливается бензин, тут откуда ни возьмись коротит проводка, искра летит прямо в бензиновую лужу.

«Бум!» – раздается взрыв, лужа загорается, пламя, весело цепляясь за ножки мебели, тянется вверх, перекидывается на соседние квартиры.

– Да что за черт побери?! – рассердился дядя Давид. – Сдался мне этот бензин! Надо его вылить в унитаз. Спущу воду, закрою крышкой. Ни одна искра не доберется!

Довольный своей находчивостью, он вылил бензин в унитаз, спустил воду и с чувством выполненного долга прилег отдохнуть. К сожалению, дядя Давид забыл об одной важной особенности бензина – он намного легче воды, поэтому просто так, одним спуском сливного бачка, в канализацию не уйдет.

Как назло, именно в тот день Сурик решил стать взрослым. Пока отец отдыхал, он стащил у него сигарету и заперся в туалете – пускаться во все тяжкие. Не обращая внимания на подозрительный запах бензина, с комфортом уселся на унитаз, неумело закурил и, ничтоже сумняшеся, кинул спичку в слив.

«Бум!» – гаркнул унитаз.

– А-а-а-а-а! – заорал Сурик.

Дядя Давид выскочил из комнаты ровно в ту минуту, когда Сурик вылетал из туалета. С перекошенным лицом, голый алеющей попой, сигаретой в зубах и квадратными глазами навывкате. Не прекращая дымиться попой, он красивой дугой пролетел через коридор и успокоился на подступах к своей кровати лицом вниз.

Первым делом дядя Давид удостоверился, что жизненно важный мальчиковый орган сына не пострадал. Сурик оказался прытким парнишей и отреагировал на бензиновый взрыв таким высоким прыжком, что только попа немножко обгорела.

– Я с тобой потом разберусь! – выдохнул дядя Давид, выдернул из зубов Сурика сигарету и побежал в туалет – тушить пожар. Унитаз самозабвенно полыхал, плюясь огнем, пластмассовый обод и крышка расплавились и скукожились, ядовитым дымом выедало глаза. Дядя Давид какое-то время бестолково прыгал вокруг, потом махнул рукой.

– Ничего не попишешь, бензин должен выгореть, – решил он, распахнул двери и окна и с протяжными вздохами принялся

наблюдать, как покрывается трещинами унитаза, а черный густой дым, непрерывно валивший из туалета, оседает темными пятнами на свежепобеленных потолках и белоснежных занавесках.

Бензин выгорал долго, казалось – целую вечность. Когда огонь, наконец, потух, из спальни высунулся Сурик.

– Надо было намочить банное полотенце и кинуть в унитаз, – виновато прогундосил он. – Если перекрыть доступ кислорода к огню, он погаснет.

– А раньше ты не мог это сказать? – крикнул дядя Давид.

Сурик громко сглотнул и попятился:

– Не мог. Только что сообразил.

Дядя Давид молча сдернул ремень и принялся воспитывать Сурика. За сигарету поколотил, за то, что задним умом крепок, а заодно и за другие грядущие прегрешения. В общем, на многие годы вперед поколотил. Сурик стойчески вытерпел порку, а потом на пару с отцом принялся наводить порядок в квартире. Ведь скоро из больницы вернется мама, она работает медсестрой и от этого умеет мыслить только стерильными категориями, а любую пылинку воспринимает как личное оскорбление.

Вернувшаяся со смены тетя Тамара застала в квартире плохо замаскированные последствия Армагеддона: обильно замазанный в черные разводы паркетный пол, чудовищная вонь расплавленной пластмассы, задымленные потолки, замоченные в ванне занавески и обломки крышки бачка, который пал жертвой бешеной уборки. Посреди всего этого ландшафтного надругательства замерли соляными столпами два отчаянно чумазых создания. На переднем плане, скрипя металлической вешалкой, качался из стороны в сторону висящий на люстре кожаный плащ.

– Тамара, ты ничего плохого не подумай. Это мы пятно бензином выводили, – виновато развел руками дядя Давид.

Скандал в Маринкиной семье случился грандиозный. Женщины близлежащих кварталов прибегали на шум – поболеть за тетю Тамару, а мужчины благоразумно остались отсиживаться по домам. Во избежание. А то коня на скаку с грехом пополам еще можно остановить. А попробуй на полном скаку остановить взбешенную женщину! То-то!

Из-за Сурикова подвига дети нашего городка надолго остались без спичек. Взрослые охраняют их как военные объекты повышенной секретности. Редко когда нам удается стибрить счастливо оставшийся без внимания коробок. Но если такое случается, мы отрываемся по полной программе – прячемся где-нибудь за гаражами или на стройке и гасим зажженные спички во рту. Чтобы без последствий погасить горящую спичку, нужно помнить о нескольких очень важных вещах. Во-первых, обязательно надо глубоко вдохнуть, чтобы небо ушло высоко вверх. Во-вторых – ни в коем разе нельзя выдыхать. Обхватываешь губами спичку, крепко зажимаешь рот и замираешь. Через секунду спичка гаснет – огню просто не хватает воздуха, чтобы разгореться. И тут ты торжественно извлекаешь погасшую спичку и выдыхаешь дымом. Красота! Во рту остается неприятный привкус серы, зато все окрестные мальчишки в отпаде и относятся к тебе с уважением и почетом. Еще бы, не каждая девочка решится на такой отважный поступок!

Когда Маринка предложила погулять по крышам, у меня внутри что-то жалобно тренькнуло. Прямо так жалобно, что сразу стало ясно – идти на крыши ни в коем разе нельзя. Я даже попыталась остановить девочек, но куда там! Никто меня слушаться не стал. Девочки пришпорили к гаражу восемнадцатой квартиры с такой скоростью, что я еле поспевала за ними. За этим гаражом растет невысокая, но коренастая слива-венгерка. Если умеючи взобраться на нее – не целой гурьбой, а по очереди, то можно, осторожно приподнявшись на цыпочках, вскарабкаться на пологую шиферную крышу. Главное, не делать резких движений и не подпрыгивать – слива хлипкая, хоть и немолодая. Ей не хватает солнца и воздуха – за гаражами сыро и промозгло, вот она и растет, как умеет, вкривь и вкось, и плодоносит на самой верхушке редкими, но очень вкусными темно-синими плодами с белым восковым налетом. Сливу обрываем мы – она ничья, растет в сторонке, глаз не мозолит, вот люди о ней и забыли. К концу осени она полностью облетает, стоит, скособоченная, переливаясь на самой макушке надтреснутыми сладкими плодами. Мне иногда кажется, что ей очень одиноко. Я глажу ее по стволу и шепчу какие-то ласковые слова. Ка-ринка надо мной откровенно смеется, а Манька говорит, что хоть я и со странностями, но она все равно меня не бросит.

– Буду ухаживать за тобой, когда ты совсем с ума сойдешь, Нарка. Так что не волнуйся, хочется тебе разговаривать с деревьями – разговаривай. Я-то всегда рядом! – косится на меня озабоченным взглядом Манька.

Взобраться на гараж не представило большого труда – мы резво вскарабкались по локтю сливы и с превеликой осторожностью переползли на крышу. Гаражи в нашем дворе стоят впритык друг к другу, крыша одного перетекает в крышу другого. Все они покрыты шиферными плитами. По таким плитам нужно ходить очень аккуратно – тут и там угрожающе торчат ржавые шляпки специальных гвоздей, которыми фиксируют шифер, и пораниться о такой гвоздь очень опасно. Занесешь инфекцию и потом месяц прихрамываешь, потому что ступню разнесло.

С Риткой из тридцать пятой случилась именно такая беда. Напоролась она на гвоздь, и привет, называется, приехали. Два раза в день ей обрабатывали ногу йодом, вонючими мазями и накладывали большую бобину повязки. И так целый месяц! Притом поранилась она

в летние каникулы, в самую жару, и пропустила целую вечность оголтелого счастья – ни тебе по двору поскакать, ни в речке искупаться, ни на стройке побеситься. В общем – полная невезуха.

С крыши восемнадцатого гаража открывался красивый обзор на квартиры напротив. На втором этаже никого было не видеть, зато на первом творилось удивительное – семья Овнанян в полном составе ползала на карачках по полу гостиной. Штор на окнах не было, видимо, тетя Бирута сняла их, чтобы постирать. Да так и не постирала, вон, ползает по гостиной вверх попой, заглядывает под диван и кресла, шарит под шкафом с хрустальной горкой. Периодически поднимает голову и, потрясая в воздухе красивыми длинными руками, переругивается с мужем дядей Гариком и свекровью бабушкой Забел. Дядя Гарик и бабушка Забел по-пластунски следуют за тетей Бирутой и шарят руками там же, где только что пошарила она.

Тетя Бирута – единственная в нашем городе литовка. Высокая, светловолосая, с дивными васильковыми глазами, она смотрится на фоне своего коренастого смуглого мужа сказочной принцессой, а уж на фоне старенькой бабушки Забел так вообще королевишной всея Вселенной! За двадцать лет брака тетя Бирута научилась переговаривать на армянском любого аборигена и готовить местные блюда так, что пальчики оближешь.

– Чего это они ищут? – просипела Манька, неотрывно следя за попой тети Бируты.

– Может, богатства какие? – встрепенулась Маринка.

– Под диваном? – усомнилась я.

Тут тетя Бирута резко вскинулась и посмотрела в нашу сторону. Мы посыпались вниз, прижались к крыше, пытаюсь максимально слиться с шифером, – если она нас заметит, то прогонит с гаража, и мы не узнаем, что они ищут. К счастью, тетя Бирута ничего не заметила. Она распахнула окна и вернулась к поискам – встала на четвереньки и, заглядывая под мебель, поползла к выходу из комнаты. Следом, методично шаря по тем углам, куда только что заглядывала тетя Бирута, поползли дядя Гарик и бабушка Забел. Открытым окнам мы очень обрадовались – теперь можно было не только наблюдать за Овнанянами, но и подслушивать их разговор.

– Дышать нечем, – долетел до нас скрипучий голос бабушки Забел.

– Мама, чья бы корова мычала, ваша бы молчала! – мигом откликнулась тетя Бирута.

– Дожили, родная невестка меня коровой ругает!

– А как вас не ругать?

– Замолчите обе! – прогрохотал дядя Гарик.

– А ты вообще заткнись! – мигом откликнулись бабушка Забел с тетей Бирутой.

И троица, смешно оттопырившись попами, гуськом уползла в прихожую.

– Во дают, – выкатила глаза Каринка.

– Точно что-то ищут, – кивнула я.

– Вот только что?

– Подождем, авось еще появятся.

Ждать пришлось недолго. Минуты через две караван из вскинутых поп показался на кухне. В авангарде колыхался тощий зад тети Биру– ты, следом ползла обтянутая синими трениками попа дяди Гарика. Шествие замыкал облаченный в цветастый халат обширный тыл бабушки Забел.

– Ох, – трубила бабушка Забел, – все колени себе стерла. И дышать нечем!

– Мама, ну кто же вас просит ползать за нами? – вскинулась тетя Бирута.

– Ну, может, вы не заметите!

– А вы, значит, заметите, да? Без очков!

– Так я же дальноркая, любую пылинку за километр вижу.

– Ладно, бог с вами. Ползите следом, только подложите себе что-нибудь под колени. Вот, – тетя Бирута сдернула со стула подушку и протянула бабушке Забел, – держите.

– А второй подушки нет?

– Зачем вам вторая? – Попа тети Бируты обернулась к нам, хм, задом, а к бабушке Забел – передом. – Встаньте обоими коленями на подушку и ползите за нами.

– Я что, акробат?

– Тогда не мешайте нам!

– Дожили, родная невестка на меня голос поднимает!

– А как я могу голос на вас не поднимать?

– Замолчите обе! – вызверился дядя Гарик.

– А ты вообще заткнись! – дружно прогремело в ответ.

Попы сделали круг по кухне, заглянули за холодильник, пошуршали в ящичке из-под прищепок и за мусорным ведром и уплыли в том же порядке в прихожую – впереди тетя Бирута, следом дядя Гарик, а в арьергарде, резво перебирая лапками и волоча за собой подушку, – бабушка Забел.

– Пропусти меня вперед! – прогремел жене дядя Гарик.

– Еще чего! А если поранишься или в дохлятину вляпаешься?

– Буэ, – передернулся всем телом дядя Гарик.

– Я без очков, дайте вперед пройду, я все паутины вижу, – прокаркала бабушка Забел.

– Мама! – отозвались хором дядя Гарик с тетей Бирутой.

– Захрмар ^[42] вам, а не мама! Что за дети такие, не дети, а бердские ишаки, – стеная, бабушки Забел скрылась за дверным косяком.

Каринка отползла от края крыши, села. Почесала нос, нахохлилась.

Мы отползли следом, тоже сели. На всякий случай тоже почесали носы и нахохлились.

– Про какую это дохлятину они говорили? – протянула Каринка.

– Видимо, у них дома кто-то сдох, вот и ищут, – громко сглотнула Маринка.

– А кто это сдох? – вставила Манька.

– Ну мало ли кто у них сдох, может, котенок, а может...

Договорить Маринка не успела. В следующий миг раздался такой леденящий душу вопль, что мы вскочили как подстегнутые. Вопль был протяжным, со всхлипами, переходящий в истеричные завывания. Мы мигом вспотели. Ясно было, что от большого счастья человек так орать не станет.

– Быстро вниз, – скомандовала Каринка. – У Овнанынов кого-то убили.

Девочки ринулись к сливовому дереву. Чтобы не отставать от них, я разбежалась и попыталась перепрыгнуть через конек крыши. Прыжок получился неуклюжим, я зацепилась о торчащий край ботинком и ввинтилась с размаху в трещину на плите. Шифер хрястнул, рассыпался на осколки и съехал вниз. В крыше образовалась дыра. Каким-то чудом я спланировала на деревянный шаткий ригель,

удержала равновесие, подскочила и помчалась по скату вниз, к водосточной трубе. Надо было смываться как можно быстрее, чтобы хозяева восемнадцатой квартиры не увидели, кто раскурочил крышу их гаража. Поэтому я на одном дыхании ссыпалась вниз, промчалась петляющим зигзагом к подсобке дворника, нырнула за угол, натянула беспечное выражение лица и вынырнула на люди. Из-за гаражей с широко разинутыми ртами выскочили Каринка, Манька и Маринка.

– Ну ты ваще-е-е-е, – крикнула Манька.

– Чего ваще?

– Потом, сначала разберемся, что в шестнадцатой квартире случилось.

Мы припустили к третьему подъезду. На ступеньках уже колосились взволнованные жильцы нашего дома.

– Кто кричал? Что случилось? – расспрашивали они друг друга.

– Это в квартире Овнанянов кричали, – встряла Маринка.

– Откуда знаете? – обернулись к нам взрослые.

Маринка хотела рассказать про крышу, но вовремя прикусила язык.

– Ну, просто слышно было в открытое окно, – нашлась она. Все повернулись в сторону окон шестнадцатой квартиры. В следующий миг оттуда выглянула всклокоченная бабушка Забел. Один глаз у бабушки Забел непрерывно бегал туда-сюда, платок сполз набок, прикрыв ухо и второй глаз, чем придал ей залихватский пиратский вид.

– Кто у вас кричал? – пошла в наступление вездесущая активистка тетя Сирун.

– Бирута, – закручинилась бабушка Забел. – Угодила рукой в крысоловку.

– Куда? – заволновались люди.

– В крысоловку! Повадилась к нам крыса бегать. Главное, наглая такая, все обоссит, какашек накидает, продукты попортит. Я предложила крысоловку поставить. Но Гарик уперся – нет, говорит, давайте за плитусы толченого стекла с сахаром насыплем, крыса съест и подохнет.

– Легко может от толченого стекла подохнуть, – заволновались слушатели.

– В общем, они с Бирутой насыпали стекла за плитусы, а я попросила у нашей Зины крысоловку и поставила под комод. И, голова дырявая, начисто о ней забыла. Сегодня дома завоняло дохлятиной, мы принялись шарить по квартире в поисках крысы. Ну и... – Бабушка Забел поправила платок, щелкнула искусственной челюстью, пожевала губами.

– Чего и? – забеспокоилась толпа.

– В общем, Бирута полезла рукой под комод, и вот. Главное, я ей говорю – пусти нас вперед, а она говорит – не пуцу, вы поранитесь. Как чувствовала.

Бабушка Забел тяжело вздохнула, почесала щеку, еще раз щелкнула зубами.

– Гарик повел ее к Софе – перевязывать руку. А крысу мы так и не нашли. Видно, где-то под полом сдохла. Теперь придется мастера вызывать, пол вскрывать. Или в этой вони жить. И эта крысоловка, будь она неладна! Зря только у нашей Зины попросила.

– Ну почему зря? – хохотнул дядя Григор. – Вон, невестка попалась.

– Ахаха-а-а-а, – загоготали люди.

– Балбесом был, балбесом и остался, – махнула рукой на дядю Григо– ра бабушка Забел, – иэх, дурень!

– А чего это дурень? – запетушился дядя Григор.

– Мозг с грецкий орех, вот и дурень. Весь в своего отца!

– А чего это в отца? – встал руки в боки дядя Григор.

Мы не стали слушать дальше перепалку взрослых, отошли в сторону.

– Брюки не отмоются, – шепнула мне Маринка.

Я глянула на свои брюки и похолодела – они были в больших ржавых пятнах.

– Это когда я успела так испачкаться?
– Ты хоть помнишь, как с крыши спустилась? – спросила Манька.
– Мань, ну чего ты глупости спрашиваешь? По дереву спустилась.
– Ну да, ну да! – нервно закивали головой девочки.
– Чего это «нудануда»? – нехорошо прищурилась я.
– А того! – подвинула рукой Маньку Каринка. – Ты по водосточной трубе спустилась.
– По какой это водосточной трубе?
– По этой! – Сестра ткнула пальцем в хлипкую, насквозь ржавую водосточную трубу, кривой кишкой мотающуюся на боку гаража.
– По этой? – опешила я.
– Ага.
Я глянула на свои руки. Они были вымазаны ржавчиной.
– Как же так? – не поверила я. – Как я могла по трубе спуститься?
– Да ты вообще себя как сумасшедшая повела. Зачем-то порушила крышу, выскочила из дыры, ринулась не в ту сторону, ссыпалась вниз по трубе и юркнула за подсобку. Мы даже слова вымолвить не успели. Ну ты ваще-е-е-е! – протянула уважительно Манька.
– Что я маме скажу? – взвыла я. – Это же техасы, они дорого стоят! Их за мной еще сестры должны были донашивать!
Горевать было о чем. Брюки у меня были новые, из фальшивой джинсы, которую у нас называют «техас». Достались они мне по счастливому стечению обстоятельств – наша физичка привезла их из Ленинграда своей дочке, а они ей оказались малы. Вот мама и взяла брюки мне. Потому что качественные и почти джинсы. А тут такое горе – ржавчина! Ее ведь ничем не извести!
В общем, вернулась я понурая домой. Мама сначала наорала на меня, потом, оплакивая мои брюки, побежала в Речной квартал – советоваться со швеей тетей Арминэ, как можно их спасти. Тетя Арминэ посоветовала покрасить их в черный цвет и отправила маму к своей знакомой, которая промышляла окраской пряжи. Знакомая обещала за три рубля покрасить брюки в непробиваемый черный цвет. Слово свое она сдержала, цвет действительно получился непробиваемым и убедительно прокрасил ржавчину. Но от этих манипуляций техасы сели в длину, и теперь их носит Каринка. Каждый раз, когда она надевает брюки, у меня начинает дергаться глаз. От обиды. Я тоже хочу ходить в модных техасах! Но мне не дано. И всё

почему? А потому, что надо с умом придумывать шифер. Был бы он не таким хрупким, фиг бы я порушила чужую крышу и съехала вниз по ржавой водосточной трубе!

В общем, хотела бы я прожечь выразительным взглядом того, кто придумал делать шифер из картона. Прямо насквозь хотела бы прожечь. Или даже покрутить ему пальцем у виска. Это надо было додуматься делать шифер из такого материала, что даже прыгать по нему без потерь для собственного гардероба нельзя!

Глава 15. Манюня едет в Кировабад

Солнечным ноябрьским днем мы возвращались домой. Мы – это я, Манька и Каринка. По вторникам занятия в музыкальной и художественной школах совпадали, поэтому возвращались мы домой всегда вместе. День выдался для поздней осени неприлично погожим: светило солнце, небо сгустилось в спелую синеву, и даже птицы пели по-весеннему весело. Идти по улице чинно-благородно в таких

благоприятных природных условиях не представляется возможным. Поэтому мы, напевая «Пока-пока-покачивая перьями на шляпах» и резво игогокая, мчались по Маштоца, стараясь не задевать разомлевших от такой природной благодати неспешных прохожих. Слева от нас, между буйно разросшимися голубыми елями городского сквера мелькал гипсовый памятник Ленину, ласково называемый в народе «Широко шагает Азербайджан». Вождь революции замер на постаменте с далеко занесенной правой ногой, вытянув в направлении движения левую руку. Неподготовленный ценитель искусства вряд ли бы заподозрил в кургузом гипсовом дядечке Владимира Ильича Ленина. Скорее он мог решить, что это памятник скрывающемуся с места преступления мелкому воришке. В пользу этой версии говорили вытаращенные глаза, глубоко надвинутая на лоб кепка, конспиративная сутулость и резвый бег дядечки.

Дабы не вводить неискушенного созерцателя периферийного скульптурного искусства в ненужное заблуждение, на постаменте аршинными буквами выбили инициалы и фамилию вождя. На двух языках – русском и армянском.

Фраза «Широко шагает Азербайджан» принадлежала генсеку Леониду Ильичу Брежневу. После своего визита в солнечную закавказскую республику, умащенный теплым приемом и дорогими подарками, генсек изрек подлинно историческую фразу.

– Широко шагает Азрибажан, – одобрительно прошамкал он и расцеловал своим фирменным тоекратным поцелуем Гейдара Алиева.

– Широко шагает – штаны порвет, – мигом отозвалось армянское радио.

Фраза быстро прижилась в народе и часто употреблялась по поводу и без, с неизменной иронией и многозначительным кивком в сторону азербайджанской границы. Вот и скульптуру вождя революции она не обошла стороной – уж больно резво рвался Ленин в голубые дали, аж перепрыгивал с постамента в коммунистического светлое будущее, презрев сегодняшние будни. Под занесенной ногой памятника прошлой весной нас принимали в пионеры. Мы с Манькой стояли в разных концах бледных от торжественности момента шеренг школьников и периодически, когда от волнения аж совсем дыхание в зобу стопорило, кидали друг на друга осторожные, но многозначительные взгляды. Церемония прошла молниеносно, нам

повязали галстуки, фальшиво протрубили в трубу, погремели в барабаны и велели на «будь готов» кричать «всегда готов». Мы с готовностью драли глотки, а потом, развеваясь во все стороны пахнущими раскаленным утюгом галстуками, разбежались по домам – хватать перед нашими взрослыми тем, что уже выросли. Правда, взрослые отнеслись к этой новости достаточно равнодушно, даже немножко подтрунивали над нами, мол, вчера были без галстуков, зато дети, а сегодня с галстуками, но пионеры. В общем, как-то странно они себя повели. А Ка-ринка традиционно не подкачала – тут же подралась с нами, чтобы не задавались, а то ишь, распустились, на целых два года раньше родились, и поэтому теперь мы пионеры, а она пока всего лишь октябренок!

Мы скакали по улице, драли глотки «перьями на шляпах», а застывший в нелепом прыжке гипсовый Ленин, стараясь не отставать, весело мелькал по ходу нашего движения в пушистых лапах голубых елей.

– Чего забыла вам рассказать! – неожиданно прервала пение Манька, резко притормозила и замерла с откляченной попой и широко расставленными локтями, балансируя на высоком бордюрном камне тротуара.

Я, тоже притормаживая, завертелась волчком, а мчавшаяся следом Каринка, не прерывая пения, пролетела мимо и на словах «мерси боку» красиво вписалась мольбертом в металлическое ограждение забора.

«Буммммм!» отозвался забор.

– Чего забыла? – перекричала грохот Каринка.

– В последнее время Ба себя очень странно ведет!

– То есть как это странно?

– Прямо не знаю, как объяснить. Вроде ведет себя как обычно, и завтрак приготовит, и обед сварит, и погладила вон вчера.

И наорала на меня за то, что контрольную по математике на тройку написала!

– Чего это ты контрольную на тройку написала? Вроде математика всегда у тебя хорошо шла.

– В этот раз плохо пошла. Из пяти уравнений в трех допустила ошибки. Притом очень дурацкие ошибки, от невнимания. Эх!

Манька вздохнула, попинала коленом футляр скрипки. Мы с Каринкой с готовностью подхватили ее движение – я попинала папку с нотными тетрадами, а сестра – мольберт. Мольберт был небольшой, складной и непотопляемый. Раньше Каринка ходила в художку с планшетом. Но эти планшеты долго не жили – сестра очень любила ими драться. Когда она сломала очередной планшет о спину Рубика, мама прибежала со слезами на глазах к дяде Мише, упала ему в ноги и обещала полцарства за пуленепробиваемый мольберт.

Дядя Миша от полцарства великодушно отказался и обещал обязательно что-нибудь придумать. Несколько дней ломал голову, изобретая такую конструкцию, чтобы при желании можно было по ней катком проехать и даже защититься от ударной волны, случайно оказавшись в эпицентре атомного взрыва. Ставил не совместимые с мольбертовой жизнью эксперименты на заднем дворе релейного завода – швырялся им с крыши сборочного цеха и пытался погнуть, навалившись всем телом и надавливая коленом.

Каринка периодически бегала к нему – вносить рацпредложения.

– Дядя Миша, а чтобы можно было с горки съехать?

– И с горки съедешь, – пыхтел дядя Миша, напрыгивая с разбега на разложенный мольберт. Коллектив релейного завода почтительно наблюдал в окна битву главного инженера с очередным изобретением. Отправлял передачи с секретаршей Сюзанной Гамлетовной – дородной златозубой дамой с обширной грудью и высоким начесом пергидро– левых волос. Сюзанна Гамлетовна, дабы не сбивать начальство с изобретательного прицела, лазутчиком просачивалась на испытательный полигон, оставляла поднос с кофе и бутербродами в непосредственной близости от Михаила Сергеевича и, сверкая каблуками и золотыми зубами, уползала прочь.

Дядя Миша так просто сдаваться не умел. Результатом многочисленных экспериментов и смелых конструкторских затей стал легкий, но суперпрочный настольный складной мольберт с изменяемым наклоном верхней рамы и специальными присосками, которыми он намертво фиксировался на любой поверхности. Заполучив такую красоту, Карин– ка тотчас пустила ее в дело. Как раз накануне по телевизору показывали передачу «В мире животных», и сестра была очень впечатлена тем, как тигр в полете ударом лапы перебивает хребет буйволу. «А я чем хуже», – решила Каринка и в красивом тигрином прыжке скопытила Рубика метким ударом в район межлопаты.

Рубик мигом прикинулся тяжелораненым, приполз, медленно перебирая лапками, домой и два дня демонстративно не ходил в школу, мотивируя это тем, что сидеть больно и лежать больно, а уж ходить так больно, что вообще невыносимо! Наша мама передвигалась по двору пунктирными пробежками, чтобы не попадаться на глаза Рубиковой маме, и, кстати, очень зря, ведь тетя Лаура отлично знала своего сына и понимала, что все эти игры в парализованность не что иное, как желание пропустить школу, этот благословенный источник знаний. Рубик вообще в плане пропусков занятий настоящий профи. Однажды, например, он полдня смотрел на сварку, чтобы проснуться с воспаленными глазами и не идти в школу. Потому что два

контрольных диктанта, по русскому и армянскому языкам, кого угодно до сварки доведут! Главное, рабочий постоянно отгонял его, но Рубик упрямо пролезал обратно на стройку и, не мигая, наблюдал за сваркой. Пришлось его назавтра в срочном порядке на прием к главному вести.

Зато четвертные контрольные счастливо пропустил, паразит.

На самом деле такое поведение Рубика осуждать ни в коем разе нельзя. Четвертная контрольная – то еще испытание. Поэтому каждый выживает, как умеет. Кто парализованным прикидывается, а кто, как мой одноклассник Грант, наедается бакмаза – специального народного средства от кашля, которое готовится из жженого сахара и туты. Нормальный ребенок от бакмаза может только слипнуться, потому что сладости он чрезвычайной. Но Грант не нормальный ребенок, а аллергик, причем аллергия у него только на два продукта – на сахар и туту. От сахара и туты Гранта разносит так, что он начинает синеть и задыхаться. Так уж получилось, что оба эти продукта счастливо сошлись в бакмазе. Как только на горизонте маячит очередная контрольная, Грантик наедается тягучего черного сиропа и впадает в аллергическое неистовство. Приходится срочно доставлять его в больницу, где уколом снимают ему шок и оставляют в палате под наблюдением педиатра тети Светы. Выписывают Гранта только на следующий день, когда опасная контрольная уже позади.

Девочкам сложнее отлынивать от контрольных, девочки прилежные и лучше учатся. Опять же не решаются на всякие эксперименты со своим организмом. Хотя Манька с Каринкой не прочь были бы пропустить занятие-другое, но им банально не повезло со здоровьем. Если на меня, например, достаточно чихнуть, и я вся уже в бахроме из соплей, то с Манькой и Каринкой такой номер не проходит. Болеют они редко, ну, может, два-три раза в год, притом очень неудачно – всегда где-то в начале четверти, когда контрольные вообще не проводятся. Аллергией они тоже не страдают. Зубы у них хорошие, не болят. Уши тоже не болят. Можно, конечно, попытаться прикинуться больной, но маму с Ба не проведешь – это бесполезная затея. Вот и приходится исправно посещать школу и иногда, в особенно волнующие моменты, получать тройки по контрольной.

– Ну ничего, – погладила я Маньку по плечу, – все равно в четверти по математике у тебя получится пятерка, у тебя ведь одни пятерки в журнале!

– Это да, семь пятерок одна тройка не перебьет, – шмыгнула носом Манька. – Я особо и не расстраиваюсь, так просто, рассказала, что за тройку Ба отругала.

– Побила? – заволновалась Каринка.

– Неа, не побила. Пальцем потрясла, вот так. – Манька погрозила Каринке пальцем.

– Ну, это не больно! – махнула рукой Каринка.

– Ага. Но ведет-то она себя все равно странно!

– Как это странно?

– Ну вот так. Разговаривает сама с собой, что-то записывает в блокнот, а потом прячет его от меня в таких местах, что я найти не могу. В магазине вчера чуть не подралась, всем по триста грамм сыра продавали, а ей килограмм подавай, и чтобы с середочки, а не с краешка, где твердая корка! Хороший такой сыр, с дырочками.

– Купила?

– Купила, конечно. С вашей мамой вчера по телефону долго говорила. Главное, когда подойду, она начинает гундосить или вообще на французский переходит, чтобы я не понимала!

Мы с Каринкой переглянулись. Так вот с кем мама вчера целый час конспиративным шепотом общалась! Главное – ни разу по имени не назвала, обычно тетя Роза да тетя Роза, а тут одни труднопроизносимые французские или вообще азербайджанские слова говорила!

Нет, так дело не пойдет. Раз взрослые от нас что-то скрывают, то сами, как говорится, напросились. Теперь мы не отстанем, пока они не расскажут, что происходит.

– Пойдем спросим у нашей мамы, – предложили мы Маньке. – Если повезет – она нам честно все расскажет. А если нет – тогда что-нибудь придумаем.

– Побежали! – И Манька, размахивая скрипкой, пришпорила в сторону нашего дома. Следом, гремя мольбертом, рванула Каринка. Кросс традиционно замыкала я.

Мама открыла дверь за секунду до того, как мы стали в нее колотиться, – видимо, увидела нас в окно.

– Здрассьти, Тетьнадь. А чего это вы с Ба надумали? – сразу пошла в наступление Манька.

– Здравствуй, Манечка. А с чего это ты взяла, что мы с Ба что-то надумали? – вопросом на вопрос ответила мама.

– Вчера по телефону разговаривали на французском? Разговаривали, спрашиваю? – напирала Манька, скидывая ботинки.

– Было дело.

– Ба себя странно ведет? Ведет! Записи какие-то делает, вчера в магазине килограмм сыра взяла. С дырочками, швейцарский! И чего?

– И чего?

– А того! Нам с папой по кусочку отрезала, сама вообще есть не стала. Завернула в фольгу и убрала в холодильник. Слово и не нам вовсе она этот сыр брала! Сейчас руки помоем и вернемся, никуда не уходите.

И, подвинув маму, она ринулась в ванную. Мы потрусили следом, на маму старались не смотреть. Чтобы с боевитого настроения не сбиваться.

– Ну как? – шепнула Манька, яро смывая с рук мыльную пену.

– Нормально. Не сердится – уже хорошо, – шепнула я.

– Главное, не сильно на нее напирай, – инструктировала Каринка, – а то она этого не любит.

– А кто это любит? – заступилась за нашу маму Манька. – Я тоже этого не люблю.

– И мы не любим.

– Ладно, пошли.

В прихожей мамы не оказалось. Обнаружили мы ее в гостиной – она сидела в кресле, красиво положив ногу на ногу, – мама вообще умеет красиво сидеть, то ногу на ногу положит, то изящно облокотится – одно удовольствие за ней наблюдать. Мы, воинственно вытянув хребты, чеканным шагом прошли мимо и расположились напротив – уселись на диван. Заметив наши передвижения, Гаянэ с Сонечкой, шумно волоча за собой большой пластиковый мешок с игрушками, потопали из кабинета к нам в гостиную.

– Нет уж, – подскочила мама, – играть вы здесь не будете! Замучилась ваши игрушки по дому собирать.

– Нам скучно! – заныла Гаянэ.

– Сейчас девочки придут играть с вами, и скучно не будет.

– Точно придут?

– Точно. Не успеете до десяти досчитать.

- Один... – спешно начала загибать пальцы Гаянэ.
- Считать надо в кабинете. Вернитесь туда, закройте дверь и начинайте считать.
- Пойдем, – завернула Сонечку Гаянэ.
- Яцем?
- Считать пойдем!
- Дба-цитийе, – закричала Сонечка, разворачивая мешок с игрушками. Мешок грохотал так, словно был специально набит бубенцами и другими гремучими штуками. Манька проводила девочек долгим взглядом, потом уставилась на маму:
 - Тетьнадь, вы нам быстро расскажите, чего с Ба задумали, пока они не вернулись.
 - Один! – заорала Гаянэ из-за закрытой двери кабинета.
 - В пятницу едем в Кировабад, – зачастила мама.
 - Как это. А уроки? – подскочили мы.
 - Два-а-а-а-а! – прогудела колоколом сестра.
 - Отпросим вас с уроков. Поедем на два дня, вернемся в воскресенье.
 - Ура! А в честь чего поедем?
 - Три-и-и-и-и-и-и!!!
 - Просто так. Впереди зима, до весны не выберемся...
 - Четыре!!! – перешла на вой сирены Гаянэ.
 - Шышнацать! – припечатала Сонечка.
 - Вот мы и решили съездить родственников проведать.
 - Пя-а-а-а-а-ать! Уже пять! – взвыла Гаянэ.
 - Только детям ничего не говорите!
 - Не скажем.
 - Ше-е-е-е-е-есть!
 - Всё, идите, пока она своим криком дом на уши не подняла.
 - Се-е-е-е-емь!
 - Восемь! – ворвались мы в кабинет. – Чего орешь?
 - Я не ору. Я считаю! – оскорбилась Гаянэ.
 - А чего так громко считаешь? Мы ж не глухие!
 - Откуда я знаю, мозет, и глухие!
 - Ты еще скажи, что слепые!

Гаянэ хотела возразить нам, но махнула рукой. Спорить с нами невыгодно: во-первых, большие, поколотить можем, а во-вторых, еще играть откажемся!

– Пойдем лучше в рыцарей играть, – миролюбиво предложила она.

– Давай.

– Только чур копыеносцем в этот раз буду я!

– Так мама ведь забрала шапмур!

– А я его обратно взяла. И за креслом спрятала. Вот.

Совместная поездка в Кировабад планировалась родителями еще с лета. Но почему-то никак не складывалась – то не совпадала с дежурствами папы, то к дяде Мише на завод приезжала высокая комиссия, и ему приходилось гробить свои выходные на организацию досуга для непрошенных гостей, то еще какая-нибудь напасть случалась. Поэтому план по совмещению визита к родственникам удалось реализовать только ближе к концу ноября. Ба за две недели выслала Моте телеграмму, чтобы Зина успела смириться с мыслью о визите золовки. К поездке она готовилась тщательно – набросала список предполагаемых подарков, методично обошла все торговые точки нашего городка и путем мелкого шантажа и даже скандалов добыла Моте свитер с высоким воротом цвета топленого молока, а Зине – красивый набор мельхиоровых столовых приборов.

– Хоть и язва, но своя, – бухтела она маме, с гордостью демонстрируя большую темно-синюю коробку с золотистым тиснением на крышке. В коробке, на бархатном поддоне, зафиксированные держателями и крепко прижавшись друг к другу, лежали вилки, ножи и чайные ложки.

– Не слишком ли жирно для такой язвы? – всплеснула руками мама.

– Конечно, жирно. Но ты ж меня знаешь, Надя, я по-другому не могу.

– Может, лучше Мане оставить, на будущее? – не унималась мама. – Где вы еще такую красоту достанете?

– Достану, никуда не денусь. Эту ведь нашла? Вот и Мане найду. И потом, у нее добра и так навалом – четыре пуховых одеяла, два шерстяных, пять комплектов постельного белья – сатинового, с вышивкой, полотенец гора, хрустальные фужеры, обеденный и чайный сервиз, три ковра...

– Да практически хоть сегодня замуж выдавай, – рассмеялась мама.

– Не говори, Надя! Хоть и живем в двадцатом веке, а приданое все равно по старинке собираем.

– Да разве с таким дефицитом можно по-другому?

– Конечно, нельзя, не голышами же детей в чужую семью отдавать.

При слове «отдавать» Ба сделала такое свирепое лицо, что соответствующее учреждение, отвечающее за заключающиеся браки на небесах, мигом подобрало гузку. Еще бы, ведь если вдруг оно чего-то там напорочит в личном счастье Маньки, то ответ держать

придется перед Ба. А ответ перед Ба даже небесным канцеляриям кишка тонка держать!

Слово свое мы с Каринкой сдержали и младшим сестрам проговариваться про поездку в Кировабад не стали. Зато Манька прибежала домой вся в претензиях, с какой это стати Ба так долго скрывала от нее планируемый визит к дяде Моте.

– А чтобы вопросами не выносила мне мозг, ясно? – встала руки в боки Ба.

– Ясно, – мигом согласилась Манька и оставшееся до поездки время активно выносила мозг бабушке разными предложениями, как можно правильно скрасить досуг в Кировабаде.

– Ба, а у них зоопарк есть? Можно в зоопарк сходить, а заодно на аттракционах покататься. Интересно, коктейль «глиасе» в ихнем универмаге продается?

– В ИХ универмаге!

– Чего в их? Продается, да?

– В их универмаге, а не в ихнем.

– Хорошо, в ихнем. То есть в их. Так продается или нет?

– Продается. Только я тебе его не возьму!

– Почему? – взывала Манька с воистину шекспировским трагизмом в голосе.

– Потому что ты мне мозг выносишь!

– Всё, больше не буду. Вот только разочек, один только вопрос задам. Ба, а трамваи у них есть?

– Конечно, есть!

– А если попросить у водителя, то он меня за руль пустит?

– У какого водителя?

– У трамвайводителя!

– Мария!

– Всё-всё, молчу. Вот только последний вопрос. Самый распоследний!

– Твой распоследний вопрос прозвучал три часа назад. Напомнить тебе его?

– Это про крутящиеся лифты?

– Ну!

– А что, спросить нельзя? Может, в Кировабаде есть крутящиеся лифты. Представляешь, сел на первом этаже, он заводится, крутится, словно карусель, и медленно довозит тебя до пятого. Скажи, красота? Я такой лифт во сне видела.

– О боже!

– А чего это «о боже»? Хочешь, что ли, «господибожетымой» сказать? Всё, молчу, совсем молчу.

– ...

Прошло пять секунд.

– Ба! А вот еще чего я хотела у тебя спросить.

– Да что же это за наказание такое! Что за горе луковое, а?

Когда совсем прижимало, Ба отправляла внучку к нам.

– Вот пусть Надя и расплачивается за свою болтливость, – бухтела она, выпроваживая Маньку в дверь, а потом долго глядела в окно своей комнаты, как, весело подпрыгивая большим помпоном красной шапки, та мчится по улице – мимо деревянных заборов, мимо отсвечивающих в небеса солнечными бликами луж, мимо большой ржавой цистерны с надписью «Живая рыба», где перед буквой «Ж» кто-то заботливой рукой нацарапал НЕ.

Когда Манька скрывалась из виду, Ба садилась в кресло, вытаскивала из пакета завернутый в красивую хрусткую бумагу свитер, раскладывала его на коленях, любовно рассматривала и расплывалась в довольной улыбке. Моте он очень будет к лицу!

Глава 16. Прощай, Кировабад, прощай

Выезжать планировалось ранним пятничным утром, на двух машинах. На нашей Генриетте должны были ехать мама, Гаянэ, Сонечка и Ба. Ну и папа, конечно, куда же без папы. А на пилотируемом дядей Мишей Васе – мы с Каринкой и Манькой. И вещи. Вещей, кстати, набралось три большие сумки, две наши и одна – семейства Шац.

– Вроде все самое необходимое взяла, – вздыхала мама, – а скарба получилось как на большой переезд.

– Надя, не переживай. Вон в Васе сколько места. Довезем! – утешала маму Ба. – Главное, ничего не забудь. Соску взяла?

– Соску нужно отобрать, чтобы взять! Разве у этого ребенка можно что-либо отобрать?

«Этот ребенок» – Сонечка. Когда сестре исполнилось полтора года, мама собрала волю в кулак и сказала – всё, пора уже и честь знать, надо ее от соски отучать. К тому времени Сонечка обзавелась пятнадцатью крепкими зубами, умела шепеляво, но вполне себе внятно изъясняться короткими предложениями и вообще выросла в достаточно словоохотливое и упрямое существо. Так уж завелось исторически, что все наши дети очень рано научились говорить. Я, например, свое первое сложное слово – «разноцветный» – выговорила в восемь месяцев. Каринка заговорила чуть позже, месяцев в одиннадцать, но зато сразу простыми словосочетаниями. Если я была очень медленным ребенком и слова выдавала из себя со скоростью в час по чайной ложке, то Каринка строчила как пулемет, притом говорила исключительно тогда, когда перемещалась по квартире. А по квартире она перемещалась только на попе, садилась на пол, спиной к движению, и, резво перебирая ногами, развивала космическую скорость, сыпля по ходу искрометными наблюдениями степного акына.

– Мама пьисол! Тапоцку надель. Цихнуль. Исо йаз цихнуль. Будь здайов, шпашиба!

Гаянэ, в отличие от нас, молчала в тряпочку до года и трех месяцев.

– Ну хоть один нормальный ребенок! – радовалась мама, но не тут– то было. Однажды она оставила дочь спящей и ушла в магазин – за хлебом. Вернулась минут через двадцать. Открыла тихонько дверь, оцепенела– в спальне Гаянэ с претензией выговаривала кому-то, притом разговор периодически прерывался странным скрипом. Мама осторожно заглянула в комнату к дочке.

В кроватке, всклоченным от беспокойного сна затылком к двери, сидела Гаянэ и убаюкивала куклу.

– Спышь? – любопытствовала она. – Говойу, спышь?

Кукла лежала смиренно, с закрытыми глазами, руки вдоль тела. Вроде спала. Гаянэ несколько секунд наблюдала за ней, потом сдергивала с подушки и со скрипом сажала. У куклы моментально открывались глаза.

– Яцем не спышь? – выпытывала Гаянэ. – Яцем? М? Хочес спать?

Не дождавшись ответа, она укладывала куклу на спину. Та мигом закрывала глаза.

– Спышь? – заводила по новой Гаянэ. – Совьсем спышь?

Мама тихо вышла из комнаты. Постояла несколько секунд в задумчивости. Подошла к входной двери и громко хлопнула ею. В спальне моментально воцарилась гробовая тишина. Она зашла к Гаянэ, поцеловала ее в розовую щечку:

– Уже не спишь?

Гаянэ отрицательно замотала головой и потянулась к маме, показывая жестами, что хочет на руки.

– Скажи: «Не сплю».

Дочка сделала такие изумленные глаза, что мама на секунду даже засомневалась в том, что слышала, как она только что разговаривала с куклой.

Гаянэ еще полгода хранила молчание, а потом решила выгулять в свет свой словарный запас.

– Ампицийин, – звонко подняла она родителей в семь часов утра.

– Чего? – испугался папа.

– Ампицийин и пойосканыя. Содый!

– Чего-о-о-о-о?

– Чего-чего, – передразнила мужа мама, – помнишь, о чем вчера по телефону со своим пациентом говорил? Ты ведь ему советовал принимать ампициллин и делать полоскания содовым раствором! Так?

– Ну!

– Ну. Вот она и повторяет за тобой. Правильно я говорю, Гаечка?

– Дя!

Так что официально наша сестра начала говорить в год и три месяца. А сколько она до этого по большому секрету сама с собой разговаривала – никто не знает. Могла с рождения, с нее станется. Она у нас ребенок с такими удивительными способностями, что мама иногда пугается. Например, Гаечка умеет разговаривать с птицами.

Если на крыше гаража напротив вздорно каркает ворона, сестра подходит к окну и начинает выговаривать ей:

- А чего это ты каркаешь? Холодно тебе?
- Кар! – жалуется ворона.
- А перья тебе зачем? Про перья совсем забыла?
- Кар-кар, – кручинится ворона.
- Ничего. Скоро весна придет, тепло будет.
- Кар?
- Точно говорю!

И ворона, щелкнув на прощание клювом, улетает прочь.

Этим летом Гаянэ красиво зацепила трубой пылесоса светильник в гостиной и разбила два плафона. Гонялась за мухой, пыталась засосать ее в трубу. На мамин вопль, зачем она это сделала, Гаянэ исчерпывающе объяснила, что в пылесборнике живет паук, и ему там голодно.

– Да где тут паук! – рассердилась мама и выдернула из пылесоса мешок. Тут же оттуда выпал большой паук с серым крестообразным рисунком на спине и, сердито волоча за собой паутину, потопал под шкаф. Чуть ли не пылесосной крышкой хлопнул, обиженный бесцеремонным обращением мамы.

- Я же говорила! – пожала плечом Гаянэ.
- Это ты его сюда засосала?
- Нет! Он там узе три дня зивет!

Кстати, Гаянэ очень даже четко умеет выговаривать «ж». Но почему-то постоянно съезжает на «з». И вообще под настроение может многие слова переиначивать. Котлету упорно называет «лекаткой», воскресенье – «выскрысеньем», а нашу машину Генриетту – Ригенеттой. Впрочем, учитывая, как ее укачивает в дороге, вполне возможно, что Ригенетта – это мелкая месть Генриетте за предоставленный при езде дискомфорт.

Что касаясь нашей любимой Манечки, то и тут без оригинальностей не обошлось. Ба рассказывала, что заговорила она

поздно, почти в три года. А до этого, сосредоточенно сопя, ходила по дому, выколупывала со стен штукатурку и с удовольствием ее ела.

– Это почему я ела штукатурку? Вы что, не кормили меня? – надувалась от таких возмутительных речей Манька.

– Конечно, кормили! И кашами, и мясом, и рыбой, и разноразличным молочным, и протертыми овощами. Завтрак, обед, полдник, ужин – все как положено. И яичную скорлупу в порошок сотрем и в еду добавим, и отварные вкрутую яичные желтки! И солнечные ванны организуем! А толку?

– Чего это «а толку»?

– Того! Рахит мы тебе быстро вылечили. А вот от штукатурки отучить никак не получалось. Поэтому и говорю, что толку было ноль!

Толку действительно было ноль, ведь бросать есть штукатурку Манька не собиралась. Сначала она отколупала ее со стены рядом с манежем, где ее оставляли поиграть. Потом, когда взрослые догадались перетащить манеж в центр комнаты, чтобы ребенок не мог дотянуться до стены, Манька стала устраивать демарши из визга и ора – требовала незамедлительно предоставить ей новую порцию вкусно пахнущей сыростью и строительным материалом штукатурки. На попытки подсунуть творог или яичный желток отвечала горькими слезами. Маньку возили в Ереван – показывать педиатрическому светилу. Светило провело тщательный медосмотр, пошуршало бумажками с анализами. Развело руками.

– Может, у ребенка просто вкус такой? – неудачно пошутило светило, чем оскорбило Ба до глубины души.

– На себя посмотрите! – дыхнула она огнем и, вырвав из рук опешившего профессора внучку, выскочила из кабинета, демонстративно громко хлопнув дверью.

Профессор снял очки, протер рукавом халата. Нацепил на нос, прищурился. На стене напротив зияла небольшая, аккуратно обглоданная проплешина – пока шел скрупулезный прием, Манька времени даром не теряла.

В какой-то момент сдались все – Ба, дядя Миша, тетя Галя, районный педиатр тетя Света. Отпустили Маньку на вольные хлеба, на все четыре стороны. Наконец-то добившаяся своего Манька топала по дому и спешно отколупывала штукатурку то с одной, то с другой стены. Надо всюду успеть, а то мало ли, может, эти бессердечные

горячим следам поднимала вселенский вой. И вся наша семья металась по дому в поисках пропажи. Кстати, в домашней аптечке лежали еще две такие соски, но Сонечка их гневно отвергала. Наша младшая сестра – заправский однолюб и верность хранила только любимой соске.

Несмотря на веселенькую жизнь, со своими обязанностями родители всегда справляются на все сто. Поэтому к четвергу необходимые вещи были собраны, заправленная под завязку Генриетта была копытом в гараже, нас отпросили из школ и детского садика. Готовность к двухдневному марш-броску в Кировабад была абсолютной!

Ну и как оно обычно водится при таких тщательно распланированных делах, в самый последний момент лихорадочных приготовлений один из важных фигурантов действия выкинул коленце. Проще говоря – сломался. Наверное, не имеет смысла пояснять, кто это был такой коварный. Конечно же, Вася, этот карданновальчатый монстр с замашками махрового домостроевца, неуправляемый и своенравный. Уж не знаю, чем дядя Миша заслужил такое неблагодарное отношение, но аккуратно перед поездкой, в вечер четверга, на пути от релейного завода домой, Вася запнулся посреди дороги и встал как вкопанный. Прямо напротив автовокзала, у остановки, откуда отъезжают в села районные автобусы.

Тут же к раскорячившемуся посреди улицы «газику» высыпал весь автовокзал. Заглядывал под открытый капот, проверял уровень масла и горючего, нырял под машину – в надежде обнаружить какую-нибудь течь. На первый взгляд Вася был полностью здоров. На второй тоже. Багровый от злости дядя Миша ковырялся в проводах и периодически взывал к совести своего железного коня переливчатым от возмущения голосом:

– Ты машина или кто?

Судя по тому, как упорно Вася хранил молчание, машиной он себя не считал.

– Буквально недавно его починил, – гудел откуда-то снизу дядя Миша, – каждый шуруп вот этими руками протер!

«Очень надо!» как бы всем своим видом показывал «газик».

– Бессовестная твоя душонка! – отчаявшись завести машину, выдохнул дядя Миша и со злостью захлопнул капот. – Чтоб глаза мои

тебя не видели!

Вася даже дворником не повел.

– Инженер-джан, давай хоть дотолкаем его до стоянки автовокзала. Не оставлять же его посреди дороги, – предложили люди.

Делать было нечего – пришлось вкатить Васю на территорию автовокзала.

– Ма, у нас два выхода: или мы не едем, или я беру билеты на рейсовый автобус, – отзвонился дядя Миша домой из кабинета директора.

– Тогда возьми на меня и на себя. Дети поедут в «жигулях», а мы с тобой – на автобусе.

– Не надо. У тебя давление. Ты поедешь на машине. Девочки большие, ничего с ними не станется.

– Миша, вам с пересадкой ехать! Семь часов!

– Ну и что?

– Они же всю дорогу поют!

– Ничего, автобус потерпит!

На следующее утро мы заехали за Ба, дядей Мишей и Маней. Папа отвез нас на автовокзал, а потом вернулся домой – забирать маму с Гаянэ и Сонечкой. Стартовали они раньше нас, да и скорость рейсового автобуса сильно уступает машине, поэтому мы ехали на два часа дольше.

Первый отрезок пути – из Берда в азербайджанский город Товуз – проделали в оранжевом «пазике». Дядя Миша предусмотрительно взял нам билеты на переднее сиденье, а сам сел на боковое, то, которое находится справа от водителя. Чтобы постоянно держать нас в поле зрения. Они с водителем завели долгий и обстоятельный разговор про недостатки и достоинства «ПАЗа-3201». Периодически, прерывая разговор на полуслове, дядя Миша кидал на нас профилактические испепеляющие взгляды – напускал страх. Чтобы вели себя по-человечески. Мы с Манькой, тщательно напричесанные и всяко наглаженные, сидели рядышком и, стараясь не сильно шевелить губами и ходить лицом, мычали репертуар нашего хора. Петь в полный голос было стыдно, а не петь мы просто не могли. Иначе пришлось бы через каждые триста метров останавливать автобус. Карин – ка какое-то время со скучающим видом сидела рядом, а потом пересела, благо в

автобусе пассажиров было немного, и сиденье позади нас пустовало. За спиной у меня раздалось странное копошение.

– Ты чего? – не оборачиваясь, промычала я сестре.

– Тут на спинке сиденья много шурупов, – пропыхтела она, – целых семь штук. Отвинчиваю.

– Зачем? – похолодели мы с Манькой.

– А чего там внутри, вы знаете? – огрызнулась Каринка.

– Неа.

– Вот и не мешайте. Только сядьте так, чтобы дядя Миша меня не видел.

Мы с Манькой переглянулись, но виду подавать не стали. Тесно прижались друг к другу и продолжили с прерванного места мычать литовскую народную песню «Пастушок».

– А чем ты гайки отвинчиваешь? – вдруг прервала пение Манька.

– Рукой, – пропыхтела Каринка. – Еле отвинчиваются, заразы. Пальцы себе стерла.

– На. – Манька сдернула с волос заколку и, не оборачиваясь, протянула назад.

Каринка аж заскулила от счастья:

– Она с боков совсем плоская, как настоящая отвертка!

Дядя Миша уставился на нас испытующим взглядом.

– «Много песен слышал я в родной стороне...» – затянули мы «Дубинушку».

– А где Каринка? – не стал покупаться на наш невинный вид дядя Миша.

– Я тут, – вынырнула из-за моей спины сестра.

– Ты зачем пересела?

– У окна охота посидеть.

– Переедем границу, придется тебе пересаживаться на свое место, – глянул в зеркало заднего вида водитель.

– Это почему?

– В Азербайджане в автобус набьется много народу.

– Ла-а-адно, как только переедем границу – пересяду.

Дядя Миша привстал с места, чтобы лучше разглядеть Каринку.

– Ты чем там занята?

– Зато установили противотуманные фары, что при наших погодах – большое счастье, – продолжил разговор водитель, чем очень удачно

отвлёк Дядимишино внимание на себя.

Шебаршение на заднем сиденье усилилось – нужно было успеть разобрать сиденье до того, как мы переедем границу с соседней республикой. От волнения у нас пересохло в горле – мы с Манькой прекратили петь, только с замиранием сердца прислушивались к возне, которую затеяла за нашими спинами Каринка.

«Бю, ью», – скрипели шурупы.

К нашему счастью, дорога к границе была в страшных выбоинах – автобус немилосердно трясло, скрипели сиденья, каждый раз, весело подпрыгивая на ухабах, набирал голосовые обороты водитель – не иначе ему казалось, что, чем громче он орет, тем умнее его мысли. Дядя Миша явно скучал под его крики о карданных и коленчатых валах. Периодически он оборачивался к нам и глядел долгим испытывающим взглядом через толстые стекла очков. Мы с Манькой елеяно улыбались в ответ. Дядя Миша от наших елеяных улыбок вытягивался лицом и покрывался испариной.

В районе села Айгепар шебаршение сзади достигло апогея – стало ясно, что Каринка приступила к спешному откручиванию последнего шурупа – ведь еще немного, буквально десять минут езды, и мы подъедем к первому азербайджанскому селению. И тут фортуна повернулась к нам спиной – автобус притормозил у остановки. С лязгом открылись двери, и в следующий миг в салон полетели два больших баула. Мы с Манькой еле успели увернуться от них.

– Сынок, – раздался скрипучий голос, – помоги бабушке подняться по ступенькам!

Дядя Миша вышел из «ПАЗа» и, почтительно поддерживая под локоть древнюю, согнутую под прямым углом пополам старушку, помог ей взобраться в автобус. Старушка проворно взобралась на сиденье дяди Миши, подцепила набалдашником клюки сумки и подтянула их к себе.

– Мать, ну чего ты сумками в салон кидаешься, чуть детей не зашибла. Мы бы сами их затащили, – пожурил старушку водитель.

– Зачем помогать? – оскорбилась старушка. – Руки у меня сильные, а вот ноги уже не несут. Так что сумки я сама куда угодно занесу.

– Пап, садись рядом с Наркой, а я к Каринке пересяду, – сделала попытку спасти положение Манька. Но тут раздался леденящий душу

лязг – это Каринка, не дождавшись отъезда автобуса, потянула на себя отвинченную спинку нашего сиденья.

– Что там такое? – подскочил водитель.

– Все нормально, я сейчас разберусь, – кинулся коршуном к нам дядя Миша. Первым делом он скрутил Каринку и отобрал у нее импровизированную отвертку. Затем развил бурную деятельность – прижав коленом к сиденью спинку, стал прикручивать обратно гайки.

– Я не пойму, тебя что, вообще нельзя одну оставлять? – пыхтел он.

– Мне скучно ехать! Сидишь и сидишь. Ничего не происходит! – за- бухтела Каринка.

– Ну и хорошо, что не происходит. Тебе что, обязательно надо, чтобы что-то происходило? Где последняя гайка?

– Ага, обязательно надо, чтобы происходило.

– Где, я тебя спрашиваю, последняя гайка?

– В кармане. Я ее на память взяла!

– Дай сюда! На память она взяла! На долгую память, ага. Горе ты горькое, чудо ты в перьях!

По мере того как автобус приближался к городу Товузу, в салон набивалось все больше и больше народу. Старушка здоровалась с каждым вновь прибывшим, спрашивала имя-фамилию, уточняла родословную. Через какое-то время почти все сиденья были заняты. За Каринкой с дядей Мишей сидели две бойко переругивающиеся на азербайджанском тетечки. Мы с Манькой, шепотом подпевая друг другу, внимательно прислушивались к их разговору, пытаясь понять,

чего это они не поделили. Но даже некоторые русские слова, которыми они сыпали по ходу своего жаркого диспута, не прояснили ситуации. В конец автобуса забились большая и шумная семья – мама, папа, и много детишек, штук восемь наверное. Дети расселись по сиденьям и тут же начали стелать. То одного мутит, то второго. Сначала автобус останавливался по каждому требованию, потом водитель рассердился, вытащил из-под сиденья большой пакет и предал его расстроенной мамочке семейства.

– Я же не могу через каждые триста метров останавливаться! Так мы до Товуза три дня ехать будем!

– Спасибо, – растрогалась мамочка и стала бегать с пакетом от одного сиденья к другому.

Шумные боковые базары, желтые узаные трамваи, высокие обшешевенные здания, широкая река, раздельные горы и все талитч: арифметика и арифметика...

Потом в автобус заполз древний старик в большой папаше из овчины – такие головные уборы большая редкость в наших краях, поэтому мы с Манькой постоянно озирались на старика, чтобы удостовериться, что нам не померещилось, и на голове у него действительно папаша. Дед глядел сквозь нас большими водянистыми глазами, беззвучно шевелил губами и периодически гладил себя руками по лицу.

– Молится, – шепнул нам дядя Миша.

– А чего это он так молится? – удивились мы.

– У него религия другая, он мусульманин, вот и молится, как положено мусульманам. Вообще молятся они на коленях, но раз уж он совсем древний и слепой, то ему можно молиться сидя.

– А откуда ты понял, что он слепой? – прошипела уголком рта Манька.

Дядя Миша тихонечко рассмеялся.

– Ну, это сразу понятно. Человек ходит на ощупь, смотрит сквозь тебя. Наверное, еще и глухой как пень.

– Вот ведь молодежь пошла. Наглая и бессовестная, – прервав молитву, подал голос старик.

– А чего это? – встрепенулась старушка.

– То слепым обзовут, то вообще глухим.

У дяди Миши запотели стекла очков.

– Простите, пожалуйста... – принялся неловко извиняться он, но его прервала старушка.

– Это кто такой наглый? – подалась вперед она.

– Да вот, – ткнул длинным узловатым пальцем в сторону дядя Миши рассерженный дед.

– Извините, я не хотел, – еще раз попытался встрять дядя Миша. Но куда там! Старик со старушкой словно того и ждали – всю оставшуюся дорогу до города Товуза они, перекрывая недовольным дребезжанием шум в автобусе, жаловались на молодое поколение, мол, де, сами ничего не умеют, войну не выиграли, родину не отстояли, только и горазды, что неуважительным отношением взрослых обижать. Дядя Миша сначала расстраивался, потом махнул рукой, отвернулся да сидел, весь из себя красный, и с утроенным любопытством разглядывал в окно каждый мимо проплывающий кустик или дерево.

– Это гранат, а это королек, видите? Листья сошли, а плоды дозревают на дереве. Красота!

Мы делали вид, что нам жутко интересно слушать ботанические разъяснения, а Каринка, движимая состраданием, задавала разные наводящие вопросы, на которые дядя Миша с большой охотой, долго и обстоятельно отвечал. Старик со старухой всю дорогу не унимались, поэтому в Товуз мы въехали здорово обогащенные разными новыми знаниями о климатических условиях и прочих аграрных достижениях соседней республики.

В Товузе мы первым делом купили билеты на автобус в Кировабад. До отъезда оставалось полтора часа. Дядя Миша заглянул в столовую автовокзала, ознакомился с меню и повел нас на рынок, чтобы закупить еды, – кормить автовокзальными харчами не решился. У входа на рынок продавали большие лепешки какого-то подгоревшего на вид хлеба.

– О, – обрадовался дядя Миша, – жингялов хац! Вот этим мы и перекусим.

– А что это такое? – наморщили носы мы.

– Настоящая карабахская еда. Хлебные лепешки с разными сортами зелени.

– Очень вкусная еда, – зачастила торговавшая лепешками женщина, заговорщицки подмигнула нам и перешла на армянский: – Я сама армянка, родом из Карабаха, так что мой жингялов хац – самый правильный! Вот, попробуйте. – И протянула нам лепешку.

– О-о-о-о, – восхищенно зацокал дядя Миша, жуя хлеб, – давно не ел такого вкусного жингялов хаца! Давайте возьмем каждому по две лепешки и еще мацуна – запивать.

– Этот жингялов хац, который на пробу, я вам за так отдаю, – обрадовалась торговка и принялась складывать в стопку лепешки. – А хороший мацун я сейчас вам подскажу, у кого брать. Вон, видите ту женщину в синей куртке с капюшоном? Она торгует мацуном из буйволова молока. Марина, – крикнула она, перекрывая гомон толпы.

– Да! – откликнулась женщина в синей куртке.

– Продай этому мужчине мацун со скидкой. Он мой постоянный покупатель!

– На моем глазу, – шуточно козырнула женщина.

Через пятнадцать минут мы сидели в сквере возле автовокзала и, запивая вкуснющие лепешки освежающим мацуном из двухлитровой банки, вели разные разговоры, стараясь тактично не упоминать досадное недоразумение, случившееся с дядей Мишей в автобусе. Правда, как бы ни старались, все равно съезжали на эту тему.

– Пап, – трещала Манька, – а ехать сколько до Кировабада?

– Четыре часа.

– А представь, если эти старик со старухой тоже поедут в Кировабад? А если они снова начнут тебя ругать? Все четыре часа!

– Хм.

– Можно вытворить что-нибудь такое, чтобы они про твоего папу забыли, – отхлебнула из банки Каринка.

– Уймись, Чапаев. – Дядя Миша вытащил из кармана платок и протер длинные мацунные усы Каринки. – Ничего творить не надо, уж как–нибудь сам разберусь.

К счастью, старик со старухой остались в Товузе. Зато в салоне оказалось большое количество голодных пассажиров, которые, как только тронулся автобус, развернули свои припасы и начали увлеченно есть. Дух отварных яиц, колбасы, зеленого лука, пирожков с картошкой и солений витал над нами все четыре часа дороги. Мы с Манькой пели с удвоенным старанием – от запаха отварных яиц нас

мутило так, как никогда прежде. Каринка всю дорогу счастливо проспала, благодаря чему мы вовремя прибыли на автовокзал города Кировабада. А то через час-другой вынужденного бездействия она выкинула бы очередной душегубский фортель, и нас бы высадили где-нибудь на полпути, посреди пустынных степей обдуваемого со всех сторон немилосердными осенними ветрами Азербайджана.

Время, которое мы провели в Кировабаде, к нашему огромному сожалению, промелькнуло одним мгновением. Не успел оглянуться – как уже наступило воскресенье – день отъезда. Но кое-что мы все-таки успели. Ба наконец-то после долгого перерыва побывала в гостях у Моти и вдоволь пообщалась с его женой тетей Зиной. Тетя Зина кормила гостей обильными, но бестолковыми блюдами, а на прощание вручила им ярко-малиновое, в оранжевый и голубой узор, покрывало. Ба развернула подарок и поцокала языком для проформы, но потом долго недоумевала, откуда берутся люди с такой страстью господней вместо нормального человеческого вкуса.

Мы заехали в гости к нашему дяде Мише – маминому старшему брату. У дяди Миши две дочери – Ирина и Алена, и замечательная жена тетя Света. Они сначала накормили нас сытным обедом, а потом повели гулять по городу. Первым делом мы заехали на кладбище к деду, потом зашли в большую армянскую церковь – поставили свечи за упокой душ наших ушедших родственников. В церкви было темно и нарядно, пахло сладким и дымным, мы зажмуривались и ловили отблеск желтых свечных огоньков уголками глаз. Эти отблески переливались на кончиках ресниц разноцветными гирляндами, от этого на душе становилось легко и радостно, как в новогодний вечер. Но у взрослых были печальные и сосредоточенные лица, каким-то другим чутьем мы понимали, что мешать им ни в коем разе нельзя, и поэтому, взявшись за руки, ходили по церкви, изучая иконы.

Потом мы долго бродили по городу. Катались на желтом пузатом трамвае, он лязгал и пронзительно гудел, подъезжая к очередной остановке. К нам подошла полная тетечка в темном платке, проверила талоны, называла маму «ай хала», а Сонечку – «гёзал гыз». Мы смотрели на нее во все глаза – на левой руке у тетечки была настоящая татуировка – голова кобры со вздутым капюшоном.

– Вырасту – сделаю себе такую же, – решила Каринка.

– Только через мой труп! – отрезала мама.

– Она раньше была пиратом. Когда их корабль утонул, ее спасли и доставили на берег моряки датского королевского флота. Вот она и пошла в благодарность работать кондуктором, – с серьезным лицом рассказывал нам дядя Миша.

Мы слушали, затаив дыхание, а взрослые прятали улыбки и перемигивались друг с другом.

Потом мы гуляли по центру города, ели сахарную вату, с испугом озирались на уродливых нищих, которые просили милостыню на тротуарах улиц.

– Вы, главное, не смотрите на них долго, – учила нас Аленка, – а то они очень злые. Могут камнем кинуть или палкой запугать.

Не глядеть на этих нищих во все глаза не представлялось возможным. Это были страшные калеки – с деформированными конечностями, ужасными горбами, в жутких отрепьях. Некоторые из них не только просили милостыню, но и торговали импортными товарами – сигаретами «Мальборо», жвачками и красивыми конфетами в золотистой упаковке.

– До чего же они страшные! – вздыхали мы.

– Это они днем страшные. Вечером вернутся домой, отцепят горбы, распрямят ноги и превратятся в обычных людей, – махнул рукой дядя Миша.

– А чего они себя днем уродуют? – не вытерпела я.

– Работа у них такая. Им медаль за уродство дают. Чем уродливее человек, тем больше медалей.

– Миша! – сделала бровки домиком мама. – Ну чего ты детям головы всякой ерундой забиваешь?

– А чего они мне безоговорочно верят? – встал руки в боки дядя Миша.

– Дядя Миша, ты что, врешь нам? – расстроилась Гаянэ.

– Не вру, а придумываю. Это разные вещи, понятно?

– Ага, – неуверенно кивнули мы.

– Понятно или еще раз объяснить?

– Если можно, объясни еще раз, дядя Миша.

– Например, я говорю, что небо зеленое. Как вы думаете, я вру или придумываю?

– Врешь, – тренькнули мы с Аленкой.

– Придумываешь, – отозвались остальные девочки.

– А вот и не угадали! Фантазирую я, ясно?

– Я-а-а-а-а-асно!

– А если я говорю, что небо красное, что это означает?

– Что ты врешь?

– Здравсѣти! Это означает, что мы живем на Марсе. Марсиане мы, понятно? Инопланетяне. Глаза врастопыр, тело пупырчатое, на каждой руке по три пальца и еще восемь под мышками торчат!

– Чего восемь торчат?

– Пальцев торчат! Из-под каждой подмышки. А всё почему?

– Почему? – проблеяли мы.

– Потому что небо красное!

– Света, как ты с этим балаболом живешь? – периодически восклицала мама.

– Весело живу, – смеялась тетя Света.

А вечером мы чаевничали у бабули. Бабуля угощала нас творожной запеканкой и ореховым рулетом – рассыпчатым, коричневым, тающим во рту. Папа съел по три куска рулета и запеканки, лег на диван и начал жаловаться на тяжесть в желудке.

– Вот, отравила родного зятя выпечкой, – подтрунивал над бабулей ее сын.

– Ну что ты такое говоришь, Миша, – ахала бабуля. – Мой зять – золото, разве можно его отравить?

– Чайная ложка крысиного яда – и «легким движением руки» золото превращается в чугун!

– Миша, – держался за бок папа, – не смей меня, Миша!

– А чего Миша? Я уже сорок лет как Миша! Хоть бы кто мне за это медаль вручил! Или хотя бы грамоту!

– Ой-ай, – хватались за животики мама с тетей Светой.

Оба дня мы засыпали очень поздно – в три часа ночи. Никак наговориться не могли. В субботу нас выпустили во двор – поиграть. Азербайджанского мы совсем не понимали, поэтому Иринка с Аленкой работали переводчицами. Играли мы недолго, до того момента, как Каринка подралась с мальчиком Сеидом. Мальчик Сеид полез к ней с рукопашной, за что и поплатился – убежал домой весь в слезах, с большой шишкой на голове, жаловаться родителям. А мы благоразумно поднялись в квартиру бабули. Пусть взрослые сами между собой разбираются, мы свое дело уже сделали. Правда, родители Сеида приходиться разбираться с нами не стали. Видимо, Сеид каждый день прибегал домой с новой шишкой, вот они и не придали значения еще одной ландшафтной неровности на голове сына.

А в воскресенье, попрощавшись с родственниками, тем же макаром мы вернулись домой – я с Каринкой, Манькой и дядей Мишей на автобусе, а папа с мамой, Ба, Гаянэ и Сонечкой – на нашем «жигуленке». Пока автобус не тронулся с места, Манька спешно рассказывала последние новости:

– К дяде Моте в гости пришла одна тетечка, такая, знаете, старая уже, вся в морщинах. Звали ее Фатима. Она знаете чего нагадала Ба на кофейной гуще?

– Чего нагадала?

– Что скоро она получит весточку откуда-то издалека. Которую долго ждет. И что эта весточка перевернет нашу жизнь.

– А Ба чего?

– А Ба посмеялась. Она же не верит во все эти гадания.

Потом автобус тронулся с места, и мы какое-то время наблюдали в окно уплывающий город. Было такое впечатление, словно это не мы едем, а дома и улицы уходят куда-то в даль, растворяясь в туманной дымке. Шумные восточные базары, желтые пузатые трамваи, высокие, облетевшие чинары, широкая река, разделяющая город на две части – армянскую и азербайджанскую.

Манька какое-то время наблюдала за уплывающим городом, а потом тихим голосом завела:

– Прощай, Кировабад, прощай.

– Прощай, Кировабад, прощай, – подхватила я.

– Почему прощай? – удивился дядя Миша. – Нужно петь «до свидания, Кировабад», а не «прощай». Чтобы вернуться сюда еще раз.

Я замолчала, приноравливаясь к «до свиданью», а Манька даже ухом не повела. Она глядела в окно, на скрывающийся из виду большой город, и тихо пела:

– Прощай, Кировабад. Прощай.

Глава 17. Манюня празднует Новый год, или Счастье Человечка Домового

Зима в том году выдалась удивительной. За окном весь декабрь кружил крупными хлопьями снег, стелился пушистой пеленой на балконные перила, ерошился огромными ватными ворохами на макушках густых голубых елей. По вечерам искрился золотом в световом обрамлении тонконогих и пучеглазых уличных фонарей;

поддетый порывом ветра, срывался с крыш и падал рыхлыми комьями на протопанные в высоком снегу узкие пешеходные дорожки, по-старчески недовольно кряхтя: «Пхххх, пхххх!»

Стороннему наблюдателю могло почудиться, что Берд впал в спячку – нескончаемо падающий снег заглушил голоса и размыл очертания домов в непроницаемую молочную стену. Казалось, кто-то укутал городок пуховым одеялом и убрал на верхнюю полку бельевого шкафа – подальше от шума и суеты.

На самом деле Берд жил своей обычной жизнью, по крайней мере, очень старался не выбиваться из привычной колеи. Удавалось это с большим трудом – сообщение с внешним миром было прервано, спал аэропорт, и даже автовокзал не работал – через заваленный снегом горный серпантин не мог пробиться ни один автобус. Пустовал колхозный рынок – перевал к Красносельску был засыпан по макушку сошедшими лавинами, а дорога в Азербайджан утопала в снежных заносах.

Но городок не унывал – он готовился к очередным новогодним праздникам. Новый год нужно встречать в кристальной чистоте, поэтому в домах проводилась генеральная уборка – перестирывались шторы, перемывались окна, выметалась из дальних углов паутина, а ковры обязательным образом выбивались на снегу. Счастью детворы не было предела – можно на санках с горок кататься, можно до одури в снежки играть, а можно, обманув внимание взрослых, воровато есть снег, зачерпывая его вспушенной и сосульчатой варежкой. Каждый раз почему-то надеешься, что он обернется сахарной ватой или ванильным мороженым, а снег на вкус остается неизменно холодным, немного колючим и пахнет горным ручьем. Если очень повезет с занятостью взрослых, можно построить невысокую, но вполне вместительную снежную хижину – налепил комьев, сложил в три стены, накрыл стыренным со стройки куском брезента, еще один кусок брезента приспособил под дверь... Жаль, в нашем городе живут исключительно зловредные мальчишки, при виде очередной снежной постройки они превращаются в настоящих варваров и разваливают ее в считанные секунды.

Зима – счастливое время года. Счастливое и беззаботное. Мы не очень понимаем, почему взрослые не очень ее жалуют. Кивают на холод, на количество одежды, в которую непременно приходится кутаться, на короткие дни и длинные ночи. Ну и что? Можно подумать! Зато зимой встречаешь Новый год, наряжаешь елку, накрываешь праздничный стол! Дома пахнет хвоей и мандаринами, в гостиной переливаются огоньки гирлянд, по телевизору показывают разные мультики и сказки. На столах стоит угощение – орехи, изюм, сухофрукты, конфеты, свежие фрукты. А на кухне хлопочут мама с Ба – готовят обязательное для новогоднего стола блюдо – толму в виноградных и капустных листьях, притом в толму из капустных листьев добавляют дольки айвы и чернослива – они удачно оттеняют вкус мяса и придают ему изысканный аромат. Запекается большой, фаршированный дольками чеснока, натертый крупной солью, специями и сепарированной сметаной окорок. Готовятся салаты на грецких орехах, обильно украшенные веточками свежей зелени и посыпанные зернышками граната – баклажанный, из красной фасоли, свекольный. Загодя закупается традиционная для наших столов обильная мясная закуска – домашняя ветчина и колбаса, бастурма, суджух. Обязательный сыр – грузинский сулугуни, армянский чанах, настоящая пахучая брынза, ехегнадзорский хорац панир. Пекутся ореховые рулеты и печенья, слоеный торт «Наполеон», эклеры с заварным кремом. Вкуснота!!!

Мы с Манькой рисуем новогодние открытки – папам, Ба, маме, сестрам. Каринка строчит стихи, которые потом вкладывает в открытки. Взрослые невероятно довольны нашими поделками – восхищенно цокают языком и цитируют неожиданные Каринкины рифмы.

«Новаго щастья, Новаго года, жылаем, чтобы всигда вас радовала пагода!» – строчит Каринка дяде Мише.

«Двашды два четыре, пятью семь – трицать пять. Если ты не вериш мне, можеш пощитать апять!» – внушает она Гаянэ.

«Старшая сестра, высокая и худая. Играиш на фортепьяно.

Стакато играиш и форте, но чаще всево – пиано!»

«Манька, ты нам верный друк. И мировая девчёнка.

Как хорошо, что ты девчёнка, а не какая-нибудь мальчёнка!»

«Мама, ты наша мама.

Красивая и илигантная.

Любишь папу и нас, а еще любишь кантрабас!»

«Наш папа – настоящи врач и золотые руки. Любит лазить по диревьям и вырывать зубы».

«Ба, тибя зовут Розой низря. Ты пахожа на ароматную розу–большая и кучирявая!»

Каринкины стихи пользуются оглушительным успехом. Весь год взрослые цитируют их и склоняют на разные лады. Особенно усердствует Ба.

– Мойше, ты чего сегодня такой хмурый? Не радуется погода? – допытывается она у сына.

– Юрик, успел полазить по деревьям или несолоно хлебавши вернулся домой?

– Красивая и илигантная ты наша, как там твой контрабас? – вещает она в трубку маме.

Слова свои Ба сопровождает приступами гомерического хохота. Слушать с постной миной, как она цитирует Каринку, категорически невозможно. Поэтому все следом за Ба срываются в истерический смех. В общем, сестра задает своими новогодними виршами настроение на целый год вперед.

Недавно в нашей семье случилось «прибавление». С очередных курсов повышения квалификации папа вернулся с большим подарком – раздобыл в ГУМе огромного, ростом с Сонечку, Деда Мороза. Шуба Деда Мороза отликает серебром, борода длинная, белая, пушистая и мягкая. В правой руке он держит ледяной посох, а в левой – мешок с подарками. Конечно, мы уже большие и понимаем, что мешок с подарками бутафорский, но отказать себе в удовольствии поковыряться в нем не смогли. В мешке оказалась банальная вата. Мы вытащили ее и затолкали туда орешков – теперь мешок рельефный, словно доверху набит заправдашними подарками. Снегурочка у нас не новая, со времен маминого студенчества, но очень красивая – в высоком блескучем кокошнике и голубой накидке с настоящей меховой оторочкой на груди. На руках у нее крохотные варежки, вышитые снежинками.

Елку мы стараемся наряжать, когда Сонечка спит. Иначе она растаскивает по дому игрушки и, как заправская сорока, прячет в укромных уголках. А вот к нарядно переливающейся елке сестра относится с большим пиететом – ничего не выдирает, только, задержав дыхание, ходит кругами, на выдохе надувает щеки и восхищенно приседает:

– Ух ти-и-и, ух ти-и-и-и-и!

Когда Сонечка застала под елкой нового Деда Мороза, она сначала не поверила глазам своим. Заспанная и розовощекая, вся в бежевой пижаме с мишками, она замерла на секунду, потом, мелко приседая и чуть ли не бия челобитные, поползла к елке.

– Вот кто к нам пьисёл! – приговаривала она подобострастно. – Вот кто пьисёл. Пьивет!

– А кто пришел? – полюбопытствовали мы.

– Не видишь, што ли? – обернулась к нам Сонечка. – Пьисёл целовецек домовой! С мышком!

Человечек Домовой не подозревал, что его ждет. Когда в московском ГУМе его вручили высокому мужчине с характерным блеском победителя в глазах (еще бы, отстоять километровую очередь и уйти с покупкой – не это ли есть победа?), он сразу признал в нем хозяина. Представил тихую патриархальную семью, куда его приведут. В этой семье дети ходят по стеночке, жена хозяина, обмотав лицо от робости и прочей стеснительности платком, с утра до вечера готовит

на кухне и выглядывает оттуда только с высочайшего позволения супруга.

«Еду в рай», – решил Человечек Домовой.

Семья на первый взгляд оказалась странной. По дому бегали склонные к разрушительной в особо крупных размерах деятельности девочки, жена хозяина щеголяла в коротком платье, выставив на всеобщее обозрение пусть и прекрасные, но голые колени, не говоря уже о прочих женских уловках в виде накрашенных километровых ресниц и пышных, обвязанных голубой шелковой лентой волос! Девочки первым делом распотрошили мешок с подарками, затолкали туда какой-то тяжеленной чепухи. Тут прискакала еще одна девочка, круглоглазая, с развевающейся надо лбом прядью непослушных волос, притащила ножницы и предложила подровнять ему бороду, а то тут она клокастая, а там вообще кучерявая! И если бы не хозяйка дома, которая налетела в последний миг, выдрала его их цепких рук девочек и убрала на антресоли – до лучших времен, то не факт, что он бы вообще дожил до новогодних праздников!

Потом его выставили под наряженной елкой, рядом стояла красавица Снегурочка, которую он сразу же полюбил всеми фибрами своей дедовской души, вроде жизнь засияла новыми манящими красками, и тут на тебе, в комнату вбегают пухлое розовощекое создание, лучится васильковыми глазами, падает ниц и называет его Человечек Домовой!

Человечек Домовой даже не подозревал, какие тяжелые для него наступили времена. Сонечка влюбилась в него раз и навсегда и отказывалась расставаться хоть на секунду – волокла за собой по квартире, драла бороду игрушечной расческой, пыталась накормить кашей и ежеминутно сажала на горшок. Человечек Домовой садиться на горшок отказывался, отплевывался кашей и крепко подозревал, что попал не в рай, а в какое-то другое, очень даже возможно, что противоположное от рая место.

Запретить Сонечке терзать Человечка Домового мы не могли – она тут же срывалась в свой фирменный плач.

– Ладно, играй с ним, только не ломай, хорошо? – увещевала мама.

– Хайясо! – мигом унимала рев Сончека и принималась терзать своего нового любимца с удвоенной силой.

Вечером она улеглась спать с Человечком Домовым. Всех выгнала из спальни, крепко закрыла дверь, пела ему нежным басом про сёренькаго войцка. Когда мама через полчаса заглянула в спальню, Сонечка спала, обняв за шею Человечка Домового. Мама тихо перенесла дочку в ее кроватку, водрузила Деда Мороза под елку и пошла звонить Ба:

– Тетя Роза, она сегодня без соски уснула! Даже не вспомнила о ней!

– Видимо, ребенку для полного счастья домового под боком не хватало, – заухала довольная Ба.

Новогодний стол мы накрывали всей семьей. Пока папа с дядей Мишей бились со столешницей, чтобы разложить праздничный стол, мы с Каринкой и Манькой тащили стулья.

Взяли в комодке большую белую скатерть, мама ее сама вышила – шелковые белые гроздья винограда на белом сатиновом полотне. Казалось бы, белое на белом не разглядишь, ан нет! Увитые тонкой лозой гроздья выделяются белыми облачками, такое впечатление, словно они немножко, на миллиметр, поднялись над скатертью и парят в воздухе. Мама сейчас тайком вышивает еще одну такую скатерть, для Ба, – готовит подарок к ее дню рождения. Вышивает она под большим секретом, знаю об этом только я и ценой невероятных усилий не проговариваюсь Каринке с Манькой. Потому что, если проговорюсь –

секрет перестанет быть секретом, и мы быстренько проболтаемся Ба. Вот и приходится мне изо всех сил молчать.

Разложив стол, папа с дядей Мишей усаживаются за шахматы. Дальше балом правят Ба и мама, а мы выступаем в роли подмастерьев – красиво раскладываем тарелки и салфетки, протираем льняным полотенцем до блеска вилки с ножами и фужеры, вилки раскладываем справа от приборов, ножи слева.

– Поменяйте вилки и ножи местами, – подсказывают нам наши папы. Они, хоть и увлечены шахматами, но краем глаза следят за нами. Тем временем над Бердом витает большое, вкусно пахнущее облако толмы – в каждой семье сегодня варят это сытное и обязательное для новогоднего стола блюдо. Мама тоненькими лепестками нарезает мясную закуску, Ба заправляет «Столичный» салат сепарированной сметаной, выкладывает в вазочку, украшает дольками крутосваренных яиц и зернышками граната. Она твердо уверена, что зернышки граната – непременно условие для того, чтобы любой салат имел изысканный вид. Мама с ней полностью согласна.

За окном ветер играет большими хлопьями снега, по телевизору показывают «Иронию судьбы, или С легким паром», фильм, который мы очень любим. Стол полностью сервирован, мы, празднично одетые и тщательно напричесанные, сидим на диване – ждем, когда всех пригласят к столу. Сегодня свершилось чудо – с большим боем, но Каринка надела платье. Платье красивое, с юбкой в шотландскую клетку и темным верхом с высоким воротом. Если глядеть на сестру немного прищурившись, можно решить, что в этом платье ходит настоящая принцесса – высокая и изящная. Но если фокус зрения вернуть на место, то сразу понимаешь, что на самом деле в этом платье страдает наша Каринка, сильно страдает, но виду не подает – обещала маме с папой хотя бы в новогоднюю ночь вести себя как Мальвина. Вот и ходит со скучающим лицом и поминутно одергивает подол платья.

Ба накрутила волосы в высокую прическу, надела свое парадное синее платье в мелкий горох, напудрилась, надушилась капелькой духов и превратилась в настоящую королеву. Мама сделала модную прическу под Мирей Матье, подвела глаза, открыла плечи. Какая она все-таки у нас красавица!

Сонечка давно уже спит в своей кроватке. Мы аккуратно извлекли из ее объятий Деда Мороза и поставили под елку.

– Одиннадцать тридцать! – возвещает Ба. – Пора за стол!

Человечку Домовому плохо видно, что творится за столом, – мешает большой золотистый шар, низко свисающий с еловой ветки. Он опирается на ледяной посох, вытягивает шею...

За большим праздничным столом сидит большая семья. Мужчина в очках воюет с пробкой, женщина в красивом белом жакете перегнулась через стол и вцепилась в бутылку обеими руками.

– Чтобы не опрокинул на скатерть, – пыхтит она.

– Мамеле, может, ты сама откроешь?

– Нет уж, бутылки открывать – мужское дело. Наше дело – подстраховать!

Высокая светленькая девочка, смешно жестикулируя, шепчет что-то пухленькой кареглазой девочке. Другая девочка, с шепучим выражением лица, перегнувшись через колени кареглазой девочки, слушает внимательно и поддакивает.

– Ой, про блинчики с мясом забыли, – вскакивает из-за стола жена хозяина. Она сегодня чудо как хороша – узкое платье, красивая укладка, туфли на каблуках.

– Надя, я тебе помогу, – кидается следом взрослая женщина в белом жакете, – пожарить-то успеем? А то времени осталось всего ничего, двадцать минут!

– Успеем!

– Давай я, – тянется к бутылке с вином хозяин.

– Да я уже всю пробку искрошил, – жалуется мужчина в очках.

– Сцедим, – смеется хозяин.

Воспользовавшись занятостью взрослых, пятилетняя девочка, тихо сидящая рядом с девочкой в клетчатом платье, тянется к тарелке, вылавливает несколько оливок и прячет себе в карман. Интересно зачем?

Под бой курантов врываются в гостиную женщины, неся перед собой две большие тарелки с румяными блинчиками. Мужчины освобождают на столе место под новую закуску, наполняют фужеры вином, дети поднимают стаканы с шипучим лимонадом.

– С Новым годом, ура! – перебивая друг друга, радуются все.

«Ура! – повторяет про себя Человечек Домовой. – Ура!»

Ему хорошо и светло. Ему нравятся все эти люди, и даже спящая в кровати маленькая девочка, которая сегодня пыталась крепко запеленать его в банное полотенце и утопить в унитазе, тоже нравится. Спасибо жене хозяина, спасла в последний момент.

Человечек Домовой наблюдает за праздником и греет ладони о радость окружающих. Наверное, это и есть счастье, когда рядом люди, которых ты любишь всей душой. Которые с тобой – навсегда, невзирая на время и расстояния.

Несомненно, это и есть счастье.

Послесловие от автора

Меня часто спрашивают о героях повествования – что с ними стало, в кого они выросли.

Выросли все девочки, как ни странно, во вполне адекватных людей. Согласитесь, очень трудно представить такое по следам нашего ядерного детства.

Мы с Манькой выучились на филологов. Маня потом переучилась еще и в компьютерного программиста и уехала далеко за границу. Там ей живется очень даже счастливо и радостно. Я в долгу не осталась и переучилась в бухгалтера, трудилась на этой ниве несчастным и не вполне удачливым специалистом, пока с горя не начала писать. Вот так иногда из филологов-бухгалтеров вырастают литераторы. Тернистыми неисповедимыми путями сами знаете кого.

Каринка получила два высших образования, проработала какое-то время в важном военном министерстве, а потом ушла в батик с головой. Они с Гаянэ расписывают удивительной красоты шелковые платки – их очень любят туристы, приезжающие в Армению. Приглядитесь к платочку, купленному в Ереване. Вполне возможно, что в его уголке вы обнаружите фамилию Абгарян.

Сонечка выросла в художника-нонконформиста. Это художники, которых хлебом не корми, дай только повыступать против обычного порядка вещей. Очень подходящая ее характеру профессия.

Один мой замечательный друг как-то сказал: «Детство заканчивается в тот миг, когда жизнь перестает казаться бесконечной».

Давайте считать жизнь бесконечной. Тогда наше детство – беззаботное, радостное, прекрасное – будет с нами всегда.

И спасибо нашим родным и близким за то, что оно у нас, такое счастливое, было.

Спасибо.

notes

Примечания

1

Традиционная армянская песня пахаря.

2

Кисломолочный продукт.

3

Хлеб.

4

Дословный перевод армянской фразы, которая по-русски означает «конечно, не вопрос».

5

Съешьте мою задницу (уж извините, но из песни слов не выкинешь).

6

От «захре мар» – змеиный яд (*фарси*).

Ду-ек (или ду-як) – 2:1 (фарси, все цифровые комбинации на игровых костях называют на языке фарси).

Варкетили, Авлабар – районы Тбилиси.

9

Армянское блюдо из цыпленка и тушеных овощей.

Как мы помним из первой книги, так папа называл маму, когда у него заканчивались аргументы. Мама родом из Кировабада, а девушки из этого города славились своей капризностью и неуживчивым нравом.

Тутовка – тутовая водка. Мацун – кисломолочный продукт.

Подстрочный перевод армянской фразы, означающей «никогда больше на те же грабли не наступлю».

Кизилровка – семидесятиградусная водка из ягод кизила. Неискушенного дегустатора убивает одним своим запахом.

Кинто – в Грузии торговец или мужчина без определенного занятия, весельчак, балагур и плут.

Это колоритное ругательство происходит от «захре мар», что в переводе с фарси означает «змеиный яд».

16

Соус из чеснока и мацуна.

Подробнее об этой розетке я расскажу чуть позже, в девятой главе.

Справка для тех, кто не читал первую книгу о приключениях Манюни: Ба каким-то образом умудрилась так задурить девочкам головы, что те поверили: красивые мужья им достанутся только в том случае, если их тарелка из-под тушеных овощей будет всегда оставаться идеально чистой.

Южное дерево или кустарник с приятным запахом и сладкими съедобными плодами.

Эпическую историю о многолетней ссоре Ба и ее соседки Вали вы найдете в первой книге о приключениях Манюни.

«Николаи боз» в дословном переводе – «шлюха Николая», достаточно распространенное ругательство в северо-восточных районах Армении. Под Николаем подразумевается последний российский император Николай II, соответственно, Николаи боз – это женщина, которая занимается своим незавидным ремеслом с давних пор, чуть ли не со времен Николая II.

Мазь Вишневского.

Догоны – народность, обитающая на юго-востоке Мали, Африка.

Пищевой содой снимают приступы изжоги.

Язык тегеранских евреев.

Чараз – смесь из разных сортов орехов с изюмом.

Понимаете? (Фр.)

Зурна – деревянный духовой музыкальный инструмент, распространенный на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье, Индии и т. д.

Доол – армянский ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

Дословный перевод армянской фразы, которая по-русски означает «конечно, не вопрос».

Армянский народный мужской танец.

Искаж. фр. «quel malheur».

Подробнее о том, почему мама называет папу именем этого выдающегося чешского педагога и гуманиста, вы можете прочитать в книге «Манюня пишет фантастический роман».

В Армении так называют чересчур придирчивых и въедливых людей.

Крестьянская обувь.

Обо всех этих захватывающих дух событиях рассказано в книге «Манюня».

Так папа обычно называл маму в споре, когда ему больше нечем было крыть. Мама родом из Кировабада, а уроженки этого города всегда славились своей капризностью и неуживчивым нравом.

Историю об этом читайте в книге «Манюня».

Шарль Бодлер, «Альбатрос».

Николай Гумилев, «Жираф».

Егише Чаренц – армянский поэт.

Об этом тоже читайте в книге «Манюня».

От «захре мар» – змеиный яд (*фарси*).